И.С.
ТУРГЕНЕВ
12

И.С. Тургенев

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА

1831—1883

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Подготовка текста и примечания

Г. А. БЯЛОГО, Н. В. ИЗМАЙЛОВА
и Б. М. ЭЙХЕНБАУМА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Эпистолярное наследие И. С. Тургенева очень велико: сохранилось около шести тысяч его писем. Тургенев откликался в них на все злободневные вопросы своего времени — общественно-политические, философские, литературные. Письма адресованы самым разным людям, как личным друзьям и родным, так и крупнейшим деятелям литературы, искусства, политическим деятелям России и зарубежных стран. Полное собрание писем Тургенева в настоящее время подготовляет к печати Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Письма 1831—1883 годов, включенные в данный том, представляют большой историко-литературный интерес: в них отражаются общественно-политические, философские и литературно-эстетические взгляды великого русского писателя. Некоторые письма освещают наиболее значительные факты творческой биографии Тургенева и являются своего рода комментарием к его сочинениям; иные содержат критические оценки явлений современной ему литературы. Читатель найдет здесь отзывы (иногда очень точные, иногда весьма субъективные) о творчестве Пушкина, Гоголя, Л. Н. Толстого, Островского, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова и многих других русских и зарубежных писателей, а также художников и композиторов. В публикуемых письмах содержатся живые отклики писателя на важнейшие события политической жизни: революция 1848 года

в Европе, Крымская война, реформы 60-х годов, франко-прусская война и падение Наполеона III, славянское национально-освободительное движение и русско-турецкая война, революционно-народническое движение 70-х годов — таков далеко не полный перечень фактов и событий, которым был свидетелем Тургенев и на которые он так или иначе откликнулся в собранных здесь письмах.

Письма И. С. Тургенева печатаются по автографам, а в случае их отсутствия — по авторитетным печатным публикациям. Письма, написанные в подлинниках на французском, немецком или английском языках, печатаются в переводах. Письма расположены в хронологическом порядке и имеют общую нумерацию.

Авторские даты воспроизводятся над текстом письма в правой его части. Если в тургеневской дате отсутствует какой-нибудь существенный элемент (число, месяц, год и т. п.), то он вносится в угловых редакторских скобках. Редакторские даты также даются в угловых скобках. Обоснования датировок приведены в примечаниях, следующих непосредственно после текста письма.

Сведения об адресатах и лицах, упоминаемых в письмах, приводятся в аннотированном именном указателе.

Публикуемые в настоящем томе письма подготовили к печати и прокомментировали Н. В. Измайлов (письма 1831—1856 годов), Б. М. Эйхенбаум (письма 1857—1869 годов, а также письма к Толстому 1856 года), Г. А. Бялый (письма 1870—1883 годов). Составителям оказали помощь сотрудники тургеневской группы Института русской литературы (Пушкинского дома) А. И. Батюто, Е. И. Кийко, Л. Н. Назарова и Е. А. Гитлиц. Тексты писем, автографы которых находятся в московских архивах, подготовлены к печати В. С. Мишиным.

ПИСЬМА

1831—1883

1

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

31 марта (12 апреля), 1(13), 2(14) апреля 1831 г.
Москва

Милый дядя!

Мой журнал:

Вторник, 31-го марта. Утром приехал к нам г-н Дубле, композиция моя была: L'homme vain * и окончание Мирабо речи; [1] оно еще лучше начала. Читая сию речь, я восхищался до такой степени, что нельзя выразить. После был г-н Платон Николаевич [2]. Из алгебры мы делали задачи очень любопытные. Пообедавши, был г-н Щуровский. Мы говорили после класса, как ты думаешь о чем: о философии!.. еще более... мы углублялись в глубочайшую премудрость и пр. и пр. С некоторых дней так на дворе тепло, что нынче 12½ градусов тепла.

Середа, 1-го апреля. Обманывал, был обманут, смеялся над обманутыми в этот день. Утром, как я готовился, Николенька мне принес свернутую бумажку и сказал: «Вот письмо». Я развернул: ничего не было. Я пошел к г-ну Мейеру и сказал, что к нему пришел слуга г-на Владимирова; он вскочил, никого не было. Но всего лучше обманут был Сережа. Мы согласились с Никанором и написали старинным почерком:

---

* Тщеславный человек *(франц.)*.

«Милостивый государь!

Извещаю Вас о смерти Вашей любезной матушки Васильевной. Как Николаю Николаевичу нет времени, то он приказал мне написать. Ваш и пр. Павел Москалев.

Из Спаской домовой конторы»[3].

Намазали печать и отдали Сереже. Тут-то начались вздохи, слезы и бог знает что; наконец его разуверили. Были нынче из учителей: рисовальный и г-н Дубенский.

1-ое. Стихи:

Или по топким берегам
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут.
Скалы свободы их приют,
Но жизнь в аулах их бредет
На костылях угрюмой лени...[4]

2-ое. География Турции. Да, знаешь ли, как в Турции добывают пенковые вещи. Эта пена находится в земле, бела, мягка, как воск, а по недельному подвержению солнечным лучам твердеет, желтеет, и выходят пенковые трубки.

3-ье. История. О франках.

Четверг 2-го апреля. Нынче был Валентин. Ему хотели отказать, но он был и давал урок. После был г-н Платон Николаевич; он мне поставил прекрасно.

Вот наш урок:

Из линий a и b и угла k составить треугольник и разобрать все случаи, коих для острых углов 3, для тупых 1 и для прямых 1. Кажется, легко, а очень трудно. После обеда были г-н Гардорф и наследник престола немецкого языка г-н Григориус. Ему показались наши переводы очень трудными, сочинение мое ему очень понравилось, задал нам уроки и уехал.

Вот и журналу аминь.

Много, много мне нынче тебе писать, дядя, в письме: первое и главное то, что мы еще до сих пор не получали писем от папаши, не оттого, что он не писал, но что почта до сих пор не приходила по причине скверной дороги. Теперь в Москве с большой части улиц подымается уж пыль, как проезжают. Река сошла, и

пропасть человек сбирается смотреть на Каменном мосту, как огромные льдины почти в половину реки летят, лезят, вдруг бух об аркаду и разрушаются с треском в малые льдины, другая через нее, третья, четвертая... Можно сказать об них:

Глотают друг друга в боренье вод,
(льдины) (ю) (льдины) (ие)
Из моря рождается море другое

Вот и другой стих: из льдин порождаются льдины другие. Этот моего сочинения.

В будущую почту отвечай мне, пожалуйста, особенно хоть только этот раз.

Целую тебя со всего сердца и остаюсь
твой тебя так любящий племянник, как ты меня любишь.

Иван Тургенев.

P. S. Сережа тебе не хочет писать, говоря, что не знает, что писать. Николенька тебе пишет одни имена: «Фелькерцам, Скоба, ящик». Ответь на письмо. Особливо не забудь, я тебя прошу последнего.

[1] Собрание речей Мирабо, считавшихся образцом ораторского искусства, служило учебным пособием.

[2] Погорельский.

[3] *Никанор* — повидимому, слуга братьев Тургеневых; *Васильевна* — няня С. С. Тургенева, жившая в Спасском, где жил и Н. Н. Тургенев; *Павел Москалев* — очевидно, конторщик в Спасском.

[4] Цитата из Послания В. А. Жуковского А. Ф. Воейкову (1814).

2

А. В. НИКИТЕНКО

⟨26 марта (7 апреля)⟩ 1837 г., Петербург⟩

Милостивый государь,
Александр Васильевич,

Препровождая Вам мои первые, слабые опыты на поприще русской поэзии, я прошу Вас не думать, чтоб я имел малейшее желание их печатать, — и если я

прошу у Вас совета, то это единственно для того, чтобы узнать мнение Ваше о моих произведениях, мнение, которое я ценю очень высоко. Я колебался, должен ли я был послать *драму,* писанную мною 16 лет, мое первое произведение [1], — я столько вижу в ней недостатков, и вообще весь план ее мне теперь так не нравится, что если б я не надеялся на Вашу снисходительность — а главное, если б я не думал, что по первому шагу можно по крайней мере предузнать будущее, я никогда не решился бы Вам ее послать. С год тому назад я ее давал П. А. Плетневу — он мне повторил то, что я давно уж думал, — что все преувеличено, неверно, незрело... и если есть что-нибудь порядочное, то разве некоторые частности — очень немногочисленные. Считаю долгом заметить, что (Вы, конечно, это тотчас заметите) размер стихов очень неправилен. Переделывать их теперь не стоило труда — и я было хотел ее предать совершенному забвению — когда ближайшее знакомство с Вами побудило меня показать ее Вам. «Повесть старика» — недоконченная и вряд ли когда оканчаемая поэма — писана в 1835-м году. И наконец: «Наш век», произведение, начатое в нынешнем году в половине февраля, в припадке злобной досады на деспотизм и монополию некоторых людей в нашей словесности. Прошлый год был посвящен переводу — Шекспирова «Отелло» (который я не кончил — только до половины 2-го акта), «Короля Лира» (с большими пропусками) и «Манфреда» [2]. Первые два перевода мною истреблены — мне они казались слишком дурны после переводов Вронченки, Панаева... Притом это было ложное направление — я совершенно не гожусь в переводчики. «Манфред» у меня не списан, оттого я и не посылаю его к Вам. Если то, что я Вам послал, покажется Вам не совершенно дурным, то если Вам будет угодно мне сказать, я Вам доставлю еще три маленькие конченные поэмы: «Штиль на море», «Фантасмагория в летнюю ночь» и «Сон». Сверх того, у меня около 100 мелких стихотворений, но все не переписано — разбросано... «Наш век» — не кончен — я работаю теперь над ним. Впрочем, от Вашего решения будет зависеть,

должен ли я продолжать. Еще одна просьба: не говорите об этом Петру Александровичу [3] — я обещал *ему* перед знакомством с Вами доставить мои произведения — и до сих пор не исполнил обещания. Мнения его, которые я, впрочем, очень уважаю — не сходятся с моими. Притом — я Вам скажу откровенно — при первом знакомстве с Вами я к Вам почувствовал неограниченную доверенность... И еще забыл Вам сказать, что мною в конце прошлого года начата драма, которой первый акт и весь план совершенно кончен; я надеюсь, по приезде моем из деревни — привезти ее уже конченную (в сентябре). Засим прошу у Вас снисходительности за смелость, которую я принял Вас обеспокоить, и прошу Вас верить в те чувства уважения и совершенного почтения, с которыми я остаюсь,

Ваш покорнейший слуга

Иван Тургенев.

26-го марта 1837-го года

[1] «Стено», драматическая поэма, написанная в 1834 году; напечатана только в 1913 (см. т. 10 наст. изд.). Все остальные произведения и переводы Тургенева, названные в этом письме, до нас не дошли; некоторые мелкие стихотворения (из указанных Тургеневым ста) печатались в «Современнике» 1838 и 1844 годов и в «Отечественных записках» 1841—1844 годов (см. т. 10 наст. изд.).

[2] *«Манфред»* — драматическая поэма Байрона.

[3] Плетневу.

3

Н. В. СТАНКЕВИЧУ

Генуя
8-го маия ⟨н. ст.⟩ 1840 г. [1]

К довершению бед моих, любезный Станкевич, не нашел я счеты моих злодеев, и Вы, если можете заплатить — дайте им по их счетам, 7 пиастр⟨ов⟩ одному,

ок⟨оло⟩ 40 ф⟨ранков⟩ другому. Не сердитесь на меня, что я Вас обременяю подобными глупостями — и рад бы иначе. Генуя — хороший город, но все эти дни льет проливной дождь и мешает наслаждаться. Я познакомился на пароходе с англичанином Dalvymple, который сказывал мне, что он сильно страдал грудью и кашлял, — и не по сложению, а от простуды; ездил в Вест-Индию, но не добился толку; в прошлом году в начале декабря поехал в Мальту и там совершенно воскрес; зима там удивительная; и он теперь здоровый и потолстевший едет домой жениться. Предлагаю Вам эти факты, за верность которых я ручаюсь, — на рассмотрение. Мне очень хотелось бы знать — что Вы намерены с собой начать, — напишите мне в Берлин — я Вам отвечу и сообщу о Вердере и пр. Что, батюшка, ей-богу — престранная вещь: так привык слышать каждый день голосок Шушу [2] — что теперь и грустно. Что еще страннее, так это то, что я почти никогда не говорил с ней более 3-х минут сряду — а так было приятно быть в одной комнате с ней; извините — однажды я с ней говорил долее, это было во время возвращения из Сорренто, вечером, ехав вдоль морского берега. Впрочем, ничего, ничего — молчание [3]. Хочется мне... и колется. Ну, уж так и быть — не стану церемониться; чтобы дать Вам понятье о моих ощущениях в отношенье к Шушу, вот Вам какие стишки я подмахнул:

Что тебя я не люблю —
День и ночь себе твержу.
Что не любишь ты меня —
С тихой грустью вижу я.
Что же я ищу с тоской,
Не любим ли кто тобой?
Отчего по целым дням
Предаюсь забытым снам?
Твой ли голос прозвенит —
Сердце вспыхнет и дрожит.
Ты близка ли — я томлюсь
И встречать тебя боюсь —

И боюсь и привлечен...
Неужели я влюблен?..

Addio *. Кланяйтесь Маркову и прочим.

И. Тургенев.

[1] Письмо написано на пути из Рима в Берлин.
[2] *Шушу* — А. Н. Ховрина.
[3] Ср. в повести Гоголя «Записки сумасшедшего».

4

Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Берлин, $\frac{16\text{-го}}{4\text{-го}}$ июля 1840-го года

Нас постигло великое несчастье, Грановский. Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили; кто был нашей гордостью и надеждой... 24-го июня, в Нови, скончался Станкевич. Я бы мог, я бы должен здесь кончить письмо... Что остается мне сказать — к чему Вам теперь мои слова? Не для Вас, более для меня, продолжаю я письмо: я сблизился с ним в Риме; я его видел каждый день и начал оценять его светлый ум, теплое сердце, всю прелесть его души... Тень близкой смерти уже тогда лежала на нем. Мы часто говорили о смерти: он признавал в ней границу мысли и, мне казалось, тайно содрогался. Смерть имеет глубокое значение, если она выступает — как последнее — из сердца полной развившейся жизни: старцу — она примирение; но нам, но ему — веление судьбы. Ему ли умереть? Он так глубоко, так искренно признавал и любил святость жизни; несмотря на свою болезнь, он наслаждался блаженством мыслить, действовать, любить: он готовился посвятить себя труду, необходимому для России... Холодная рука смерти пала на его голову, и целый мир погиб. Вот здесь — die kalte Teufelsfaust die sich —

* Прощайте *(итал.)*.

nicht vergebens tücklisch ballt *. От 11-го июня получил я от него письмо из Флоренции [1].

Вот Вам отрывки: «... Во Флоренции я имею иногда отдых, вообще я поправился, и, кажется, дело идет вперед... Наконец решено, чтобы я провел лето на озере Комо... in-me Diakof, услышав в Неаполе о моей болезни... приехала с сыном, и мы вместе пробудем лето». Он мне тут доверяет свое отношение к покойной сестре Дьяковой [2]. Помните: «Закрылись прекрасные очи» — хорал Клюшникова [3]. И *он* умер, и Станкевич умер! «В Дьяковой я нашел настоящую сестру, попрежнему; ее заботы и участие действуют на поправление сил моих больше всего». Его мучило тягостное отношение к Берте: он поручал мне сходить к ней, узнать и т. д. «У меня в голове много планов — но когда их не было? Собираюсь зимой работать над историей философии. Есть в голове тоже несколько статей. Бог знает *как* это все переварится»... «Напишите о Вердере: скажите ему мое почтение; скажите ему, что его дружба будет мне вечно свята и дорога и что все, что во мне есть порядочного, неразрывно с нею связано... Прощайте, *пока!*»

Вот еще отрывок: «Фроловых я застал еще здесь. Лиз⟨авета⟩ Пав⟨ловна⟩ была ужасно больна; теперь, к счастию, стала поправляться: я думаю, по выздоровлении ее они поедут в Неаполь. Кенни наняли здесь дом на целый год».

Через 14 дней он умирал, ночью, в Нови.

12-го июля получил я следующее письмо от Ефремова:

«Нови, 27-го июня.

Иван Сергеевич! Немного собравшись с духом, спешу уведомить Вас о несчастье, случившемся со всеми нами. В Нови, городке, миль 40 от Генуи, по дороге в Милан, в ночь с 24 на 25-е умер Станкевич. Он ехал в Комо. Не знаю, что писать, голова идет кругом, хаос. Кончивши все дела в Генуе, — я располагаюсь ехать прямо в Берлин, если ничего не остановит. Теперь хлопочу, чтобы приготовить все для перевоза его

* Холодный кулак дьявола недаром сжался со злобой *(нем.)*.

тела в Россию. Прощайте. Надеюсь скоро с Вами увидеться. Прощайте, Ваш А. Ефремов».

Я с нетерпением его ожидаю, узнаю все — и тотчас все Вам напишу. Боже мой! как этот удар поразит Вас, Неверова, Фроловых, Кенни, Бакуниных... всех его знакомых и друзей! Я не мог решиться сказать об этом Вердеру: я написал ему письмо. Как он был глубоко поражен! Я ему сказал при свидании: «In ihm ist auch ein Theil von Ihnen gestorben» *. Он чуть-чуть не зарыдал. Он мне говорил: «Ich fühle es. Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler, meine Jünger sterben, ob ich überlebe sie!» ** Он мне прочел превосходное стихотворение — «Der Tod» ***, написанное им тотчас после получения известия. Если он согласится, я его спишу и пошлю к Вам. Я оглядываюсь, ищу — напрасно. Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто достойный примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой? О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомневаться в будущности, я бы теперь, пережив Станкевича, простился с последней надеждой. Отчего не умереть другому, тысяче другим, мне, напр⟨имер⟩? Когда же придет то время, что более развитый дух будет непременным условием высшего развития тела и сама наша жизнь — условие и плод наслаждений творца, зачем на земле может гибнуть и страдать прекрасное? До сих пор казалось — мысль была святотатством, и наказание неотразимо ожидает все превышающее блаженную посредственность. Или возмущается зависть бога, как прежде зависть греческих богов? Или нам верить, что все прекрасное, святое, любовь и мысль — холодная ирония Иеговы? Что же тогда наша жизнь? Но нет — мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь — дадим друг другу руки, станем теснее: один из наших упал — быть может — лучший. Но возникают, возникнут другие; рука бога

---

* В нем также умерла и от вас частица *(нем.)*.

** Я чувствую это. Я на полпути своей жизни: мои лучшие ученики, мои питомцы умирают, разве я переживу их! *(нем.)*

*** «Смерть» *(нем.)*.

не перестает сеять в души зародыши великих стремлений и, рано ли, поздно — свет победит тьму.

Да, но нам, знавшим его — его потеря невозвратима. Едва ли не Rahel [4] сказала: «Wäre noch nie jünger Mann gestorben, hätte man nie Wehmut gekannt» *. Из сердца творца истекает и горе и радость. Freude und Leid: ** часто их звуки дрожат родным отголоском и сливаются: одно неполно без другого. Теперь череда горю...

Прощайте: будьте Вы здоровы. Напишите мне слово ответа. Мне кажется, я Вас еще более полюбил со смерти Станкевича.

Ваш

И. Тургенев.

[1] См. «⟨Записку о Н. В. Станкевиче⟩» в т. 11 наст. изд.
[2] Л. А. Бакуниной.
[3] Тургенев цитирует стихотворение И. П. Клюшникова «На смерть девушки», написанное после смерти Л. А. Бакуниной.
[4] Рахель Фарнгаген фон Энзе.

5

М. А. БАКУНИНУ и А. П. ЕФРЕМОВУ

JTURGENEVII AD AMICOS BEROLINENSES EPISTOLA QUINTA***

⟨27, 28, 29 августа (8, 9, 10 сентября)⟩ 1840. Мариенбад⟩

8-го сентября 1840-го года

Мне очень досадно, что я с собой не взял Гомера. Как было бы мне отрадно скитаться в сосновом лесу и читать о битвах der lanzenkundingen Männer! **** Душа желает поплавать в эпическом море. Das erste Kunstwerk eines Volks, das Wiederleben im Gesange seiner Vergangenheit *****. И какой народ — какие об-

---

* Если бы никогда не умирал молодой человек, то было бы неведомо страдание *(нем.)*.

** Радость и страдание *(нем.)*.

*** От И. Тургенева берлинским друзьям. Письмо пятое *(лат.)*.

**** Искусных в копиеметании мужей *(нем.)*.

***** Первое произведение искусства народа, его самовоскрешение в песнях прошлого *(нем.)*.

разы! А у меня был же и сиротеет теперь на полке милый Фосс! [1] Совсем из ума тогда вышло.

Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев! Вообрази себе — в начале января скачет человек в кибитке по снегам России. В нем едва началось брожение, — его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно задумчив. С ним едет толстый человек, секретарь посольства, пробивший по-своему себе дорогу, человек рассудка — и желудка, попавший в милость, поверхностно насмешливый, хранящий как последнюю святыню — сентиментальное поклонение Шиллеру, презирающий философию и честолюбивый, — впрочем, добрый, родной. Человек легко примиряющийся с любым разрешением сомнений, но упрямый по слабости, профан в художестве [2]. Они едут, расстаются в Вене. Молодой человек остается десять дней в жирной столице Австрии и приезжает в Италию, в Рим. В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет, начало развития моей души! Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвятил в служение истине своим примером, поэзией своей жизни, своих речей! Я его увидал — и прежде, еще непримиренный, я верил в примирение: он обогатил меня тишиной, уделом полноты — меня, еще недостойного... Я видел в нем цель и следствие великой борьбы и мог, — отложивши ее начало, — без угрызения предаться тихому созерцанию мира художества: природа улыбалась мне. Я всегда живо чувствовал ее прелесть, веяние бога в ней; но она, прекрасная, казалось, упрекала меня, бедного, слепого, исполненного тщетных сомнений; теперь я с радостью протягивал к ней руки и перед алтарем души клялся быть достойным жизни! Перед одним человек безоружен: перед собственным бессилием или если его духовные силы в борьбе... теперь враги мои удалились из моей груди — и я с радостью, признав себя целым человеком, готов был с ними вступить в бой. Станкевич! Тебе я обязан моим возрождением, ты протянул мне руку и указал мне цель... и если, может быть, до конца твоей жизни ты сомневался во мне, пренебрегал меня, быть может, —

что я заслужил моими бывшими мелочными и надутыми порывами, — ты теперь меня всего знаешь и видишь истинность и бескорыстность моих стремлений. Благодарность к нему — одно из чувств моего сердца, доставляющих мне высшую отраду. Я приехал в Берлин, предался науке — первые звезды зажглись на моем небе — и, наконец, я узнал тебя, Бакунин. Нас соединил Станкевич — и смерть не разлучит. Скольким я тебе обязан, я едва ли могу сказать — и не могу сказать: мои чувства ходят еще волнами и не довольно еще утихли, чтоб вылиться в слова. Покой, которым я теперь наслаждаюсь, быть может, мне необходим: из моей кельи гляжу я назад и погружен в тихое созерцание: я вижу человека, идущего сперва с робостью, потом с верой и радостью по скату высокой горы, венчанной вечным светом: с ним идет товарищ, и они спешат вперед, опираясь друг на друга, а с неба светит ему тихая луна, прекрасное — знакомое — и незнакомое явление: ему отрадно и легко, и он верит в достижение цели.

9-го сентября

Я, кажется, в прошедшем письме тратил очень много лишних слов: я мог ограничиться примером рыбы. *Философическое убеждение каждого есть его создание* и если в искусстве нельзя создать ничего без дисциплины, тем более в философии, где средство и цель нераздельны и движутся в духовном мире *, где разум проступает из рассудка, дух — из разума, и живущий в глубине нас бог проникает все наше существо. Как можно оспаривать посредство мысли? И именно чистой мысли, когда мы должны творить в себе высшее проявление мысли — идею бога. Что находим мы у неошеллингианцев? Бога, как глубокую аспирацию души, то есть, собственно говоря, абстракцию, к которой они прикрепляют свои пестрые мечтания. Создать философское убеждение — значит создать величайшее творение искусства, и философы — величайшие мастера и ху-

* Далее до конца абзаца перевод с немецкого.

дожники. Собственно, здесь искусство перестает быть искусством — оно растворяется в философии.

Случалось ли тебе сорвать ветвь камыша (или распуколку розы), сдирать его скатанные оболочки и все находить другие, все белее и мягче, все теснее скатанные, и с радостью доискиваться последнего сокрытого зерна. Я в детстве часто трудился подобным образом и досадовал и задумывался, видя, что последние оболочки так тонки и нежны, что отодрать их невозможно. Вот образ философской системы. Но ты будь терпелив, дай расцвести цветку, и ты будешь любоваться его изящной формой, наслаждаться его запахом и перечтешь все его распустившиеся листики и тычинки.

Michel! нам надо будет заняться древними языками. Нам надо будет работать, усердно работать в течение зимы. Я надеюсь, мы проведем ее прекрасно. Университет, занятия, а вечером будем сходиться у твоей сестры [3], ходить слушать хорошую музыку; составим чтения; Вердер будет к нам приходить. Постой, дай перечесть, сколько месяцев наслаждения, с 1-го октября по 1-е мая — 7 месяцев, 210 дней! Весной я должен ехать в Россию — непременно. Но осенью я снова возвращусь. Ты дай мне письма к своим: как я желаю хоть видеть их. Скажи им обо мне, как о человеке, который тебя любит: больше ничего. Ты не поверишь, как я счастлив, что могу говорить тебе — ты. У меня на заглавном листе моей энциклопедии [4] написано: Станкевич скончался 21-го июня 1840-го г., а ниже: я познакомился с Бакуниным 20 июля 1840 г. Изо всей моей прежней жизни я не хочу вынести других воспоминаний *. У меня всего было 2 друга — и первого звали Michel [5]. Он умер: мы с ним вместе росли, вместе дожили до 18 лет, и он умер. Но ты будешь жить, и я буду жить и, может быть, оба — недаром. Прощай.

10-го сентября

Потребность сатирической драмы после трилогии греков беспощадно обнаруживает человеческое сердце,

---

* Правда, было бы жаль и других; но те имеют смысл исторический. *(Прим. автора.)*

и последним впечатлением афинянина, выходящего из театра, было злобное, желчное веселие, в котором вяли все прекрасные восторги, волновавшие его душу во время представления трилогии, и сам он смеялся над своим священным ужасом. Оставив в стороне несоразмерность сравнения, я чувствую теперь непреодолимую потребность остриться и тешиться, и хотя мне подобные любезности никогда не удаются, я намерен испытать твое терпение и великодушие Ефремова следующей нелепостью:

«НЕЧТО» ИЛИ «ЧЕМОДАН»; ИЛИ: И Т. Д.

Сцена на небе. Ворота рая. Привратник спит.

Входят Бакунин и Тургенев и несут большой, довольно длинный чемодан

Т. Ба! Да мы у ворот рая!

Б. Разумеется, вот и святой Петр.

Т. Какой красный нос у Петра! *(Чемодан шевелится.)* Угомонись! Остряк! Не пронести нам его, Бакунин!

Б. Авось...

Петр просыпается.

П. Что вы за люди? А! Знаю вас! Прошу не болтать лишнее — на что мне ваши имена? Я знаю вас — мы все знаем. Впущу, впущу. *(Глядя через плечо.)* Бог знает что с нашими господами подеялось: впускают сорванцов, безбожников, молокососов... Эх, кабы мне...

Б. Но...

П. Перестань болтать, дружок: приучайся уважать старших. *(Отворяет дверь.)* Ну, входите, что ли? (*Увидя чемодан.*) Это что у вас?

Б. Чемодан.

П. Вижу, что чемодан. Да на что?

Б. Как на что? Тут наши платья...

П. Вздор! У нас вы на казенном иждивении.

Т. Старое белье. (*Чемодан шевелится с негодованием.*)

Б. Книги... В скучный час не худо.

П. В скучный час... То-то ваша братия, молокососы... В скучный час! Отчего ж я не скучаю? И бога-то не вижу, все сижу у дверей да любуюсь на грешные рожи... Вздор! Вы плутуете. Откройте чемодан.

Чемодан от страха сжимается.

Б. (*с большим жаром*). Помилуйте, как можно? Какие мы плуты?! Это чемодан — очень невинный чемодан, извольте посмотреть. (*Катает, гнет чемодан во все направления, свертывает кольцом и т. д.*) Можно ли тут быть человеку?

П. (*щупает чемодан*). В самом деле — мягко! Чрезвычайно мягко! Приятным образом мягко! Хе, хе, хе,— хорошо бы, — очень мягко! (*Садится на чемодан.*) Вы позволяете?

Т. С большим удовольствием.

П. (*с отрадой*). А-а-а... старым костям любо. Друзья мои, будьте благодетелями. Подарите мне ваш чемоданчик: судите сами — сидишь, сидишь у дверей на ступеньке... с вашего позволения, неприятно. Потешьте старика!

Т. (*глядя на Б.*). И не знаю... Как ты...

Б. (*глядя на Т.*). Куда ни шло... а впрочем...

П. Удивительное дело! Отроду покойнее не сиживал — потешьте... (*Петр с визгом вскакивает и, держась одной рукой за некоторую часть тела, отбегает и с испугом оглядывается. Из чемодана торчит красная, всклокоченная голова Ефремыча и щелкает зубами. Бакунин и Тургенев проворно подхватывают чемодан и вбегают в царство небесное.*)

Б. (*Ефремову*). Это что за нелепость?

Е. (*ухмыляясь*). За неимением остроты.

(*Слышен голос Петра:* «Контрабанда! контрабанда!»)

Вот тебе пример, до чего может дойти во мне нелепость.

Вот мой план: я остаюсь здесь до 20-го. На возвратном пути в Дрезден посещаю Саксонскую Швейцарию. 24-го я в Дрездене. 28-го на пароходе в Лейпциге, 30-го езжу в Halle и обратно. 1-го еду в Берлин.

2-го октября я с вами, разумеется, если все будет благополучно. Хотелось бы съездить из Лейпцига в Веймар на два дня... Но я так желаю скорее быть в Берлине. Увижу, увижу...

Сегодня вспомнил мой перевод песенки «Clärchen» в «Эгмонте». Сообщаю. Ты спросишь: Warum? Denn...* Так. Не то чтобы я считал его удачным, а так, просто так, вследствие того, что я тебе без малейшего зазрения совести пишу только то, что мне в голову входит или в голове проходит.

Одной лишь любовью
Блаженна душа.
Радостей,
Горестей,
Дум полнота!
Стремленье,
Томленье
И мук череда:
То неба восторги,
То смерти тоска...
Одной лишь любовью
Блаженна душа...

Я придумал нечто вроде музыки на эти слова и пел их целый день. Как они далеки от оригинала, я чувствую глубоко, да что мне за дело. Das deutsche Lied klingt in mir, wenn ich dieses singe **.

Но мне приятно, что я, русский, выражаюсь тогда по-русски. Вот все.

Прощай, милый Бакунин; прощай, милый Ефремыч.

10-го сентября 1840-го года. Мариенбад

И. Тургенев.

[1] Имеется в виду классический перевод поэм Гомера на немецкий язык, сделанный И. Г. Фоссом («Илиада» — в 1793 г., «Одиссея» — в 1781 г.).

---

* Почему? Потому... *(нем.)*

** Немецкая песнь звучит во мне, когда я пою эти слова *(нем.)*.

[2] Речь идет о П. И. Кривцове; в качестве главы русских художников, практиковавшихся в Италии, он ехал из Петербурга в Рим (через Германию и Австрию) до Вены вместе с Тургеневым.

[3] В. А. Дьяковой.

[4] Гегель, «Энциклопедия философских наук»; книга сохранилась в библиотеке Тургенева (теперь в музее писателя в Орле).

[5] Друг юности Тургенева М. С. Фиглев.

6
Т. А. БАКУНИНОЙ

〈20-ые числа марта ст. ст. 1842. Москва〉

Мне невозможно оставить Москву, Татьяна Александровна, не сказавши Вам задушевного слова[1]. Мы так разошлись и так чужды стали друг другу, что я не знаю, поймете ли Вы причину, заставившую меня взять перо в руки... Вы можете, пожалуй, подумать, что я пишу к Вам из приличья... все, все это и еще худшее я заслужил...

Но я бы не так, хотя на время, хотел расстаться с Вами. Дайте мне Вашу руку и, если можете, позабудьте все тяжелое, все половинчатое прошедшего. Вся душа моя преисполнена глубокой грусти, и мне гадко и страшно оглянуться назад: я все хочу забыть, все, исключая Вашего взгляда, который я теперь так живо, так ясно вижу... Мне кажется, в Вашем взгляде нахожу я и прощение и примирение... Боже мой! Как грустно мне и как чудно — как бы я хотел плакать и прижать Вашу руку к моим губам и сказать Вам все-все, что теперь так тревожно толпится в душе...

Я иногда думал, что я с Вами расстался совсем: но стоило мне только вообразить, что Вас нет, что Вы умерли... какая глубокая тоска мной овладевала — и не одна тоска по Вашей смерти, но и о том, что Вы умерли, не зная меня, не услышав от меня одного искреннего, истинного слова, такого слова, которое и меня бы просветило, дало бы мне возможность понять ту странную связь, глубокую, сросшуюся со всем моим существом — связь между мною и Вами... Не улыбай-

тесь недоверчиво и печально... Я чувствую, что я говорю истину, и мне не к чему лгать.

И чувствую, что я не навсегда расстаюсь с Вами... Я Вас увижу опять... моя добрая, прекрасная сестра. Мы теперь жили, как старики, или, пожалуй, как дети, — жизнь ускользала у нас из рук — и мы глядели за ней, как глядели бы дети, которым нечего еще жалеть, у которых еще много впереди — или как старики, которым уже и не жалко жизни... Только привидения во 2-м акте «Роберта-Дьявола», которые и пляшут и улыбаются, а знают, что стоит им кивнуть головой — и молодое тело слетит с их костей, как изношенное платье... В доме Вашей тетушки так тесно, так холодно, так мрачно... и Вы, бедная, век с ними...

Я стою перед Вами и крепко, крепко жму Вашу руку... Я бы хотел влить в Вас и надежду, и силу, и радость... Послушайте — клянусь Вам богом: я говорю истину — я говорю, что думаю, что знаю: я никогда ни одной женщины не любил более Вас — хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью... я оттого с Вами не мог быть веселым и разговорчивым, как с другими, потому, что я любил Вас больше других: я так — зато — всегда уверен, что Вы, Вы одна меня поймете: для Вас одних я хотел бы быть поэтом, для Вас, с которой моя душа каким-то невыразимо чудным образом связана, так что мне почти Вас не нужно видеть, что я чувствую нужду с Вами говорить — оттого что не могу говорить как бы хотелось, — и несмотря на это, никогда, в часы творчества и блаженства уединенного и глубокого Вы меня не покидаете: Вам я читаю, что выльется из-под пера моего — Вам, моя прекрасная сестра... О, если б мог я хоть раз пойти с Вами весенним утром вдвоем по длинной, длинной липовой аллее — держать Вашу руку в руках моих и чувствовать, как наши души сливаются, и все чужое, все больное исчезает, все коварное тает — и навек. Да, Вы владеете *всею* любовью моей души, и если б я мог сам *себя* высказать — *перед Вами* — мы бы не находились в таком тяжелом положении... и я бы знал, как я Вас люблю.

Посмотрите, как постоянно Вы со мною во всех моих лучших мгновениях: вот Вам песнь Серафины [2] из

«Д.-Жуана» (когда-нибудь Вам расскажу... да Вы сами поймете). Вы, я знаю, не подумаете, что Сер⟨афина⟩ — Вы, а тот, кому она это говорит — я: это было бы слишком смешно и глупо; но мое отношение к Вам *.

Ваш образ, Ваше существо всегда живы во мне, изменяются и растут и принимают новые образы, как Протей. Вы моя Муза: так, например, образ Серафины развился из мысли о Вас, так же как и образ Инесы и, может быть, донны Анны, — что я говорю, может быть — все, что я думаю и изобретаю, чудесным образом связано с Вами.

Прощайте, сестра моя; дайте мне свое благословение на дорогу и рассчитывайте на меня — покамест — как на скалу, хотя еще немую, но в которой замкнуты в самой глубине каменного сердца истинная любовь и растроганность.

Прощайте, я глубоко взволнован и растроган — прощайте, моя лучшая единственная подруга.

До свиданья.

Тургенев.

[1] Письмо относится к моменту разрыва Тургенева с Т. А. Бакуниной. Сохранилось следующее примечание Т. А. Бакуниной к этому письму: «Удивительно, как некоторые люди могут себе воображать все что им угодно, как самое святое становится для них игрою и как они не останавливаются перед тем, чтобы погубить чужую жизнь. Почему они никогда не могут быть правдивы, серьезны и просты с самими собою — и с другими — неужели у них совершенно нет понятия ни об истине, ни о любви, — я говорю о любви в общем смысле, — мне кажется — кто носит ее в сердце — кто проникнут ее духом — тот всегда прост, велик и добросовестен относительно себя, как и относительно других — он не может легкомысленно играть, как дитя, с самым святым — с жизнью другого человека — если он ее и мало уважает — если он даже совсем равнодушен к ней — но он всегда будет щадить ее — и в нем не будет ни лжи, ни притворства — но что это за человек, который не осмеливается быть правдивым» *(перевод с немецкого)*.

[2] *«Песнь Серафины»* — возможно, произведение самого Тургенева, не дошедшее до нас.

---

* Далее, до конца письма, перевод с немецкого.

7

А. А. БАКУНИНУ

Петербург
9-го апреля ⟨ст. ст.⟩ 1842-го г.

Я хоть и не обещал писать к вам, о дети, но пишу, полагая, что вы не рассердитесь. Притом же я вам — сегодня же — но с тяжелой почтой — посылаю письма Гете к Стольберг [1]. Я здесь с 30-го марта. На будущей неделе у меня экзамен из философии. Я готовлюсь и никого не вижу [2]. Впрочем, был у Ржевского (и видел у него Клюшникова), который мне понравился, и даже очень [3]. Совсем стал другим человеком. Брат [4] мне отвел прекрасную комнату с камином и *тремя*, заметьте — тремя вольтеровскими креслами. А сколько подушек — уму непостижимо. Мы живем на уединенной улице — шуму не слышно ни в какое время дня. Брата почти не бывает дома: я пью утром славный чай, с прекрасными кренделями — из больших чудесных английских чашек. У меня есть и лампа на столе. Словом, я блаженствую и с трепетным, тайным, восторженным удовольствием наслаждаюсь уединением — и работаю — много работаю. Например, вчера съел за один присест Декарта, Спинозу и Лейбница; Лейбниц у меня еще бурчит в желудке — а я себе на здоровье скушал Канта — и принялся за Фихте: но этот человек несколько черств, и потому я — для отдыха — пишу к вам письмо.

Я вам тысячу раз повторял, что вы дети — и ничего не испытали; например, вы никогда не изведали всего блаженства уединения; надобно уметь и уединению предаваться; а вы... Ну полно об вас — стану лучше говорить о себе, как о предмете гораздо более занимательном. Итак:

«Я»
сижу в креслах перед камином и читаю Фихте; вот вам ход моих мыслей: ...Wir sollen einen absoluten Grundsatz finden *... хе... хе... надо бы подложить дров

---

* Мы должны найти абсолютный принцип *(нем.)*.

(исполняется...) das *Ich* setzt sich ais Nicht Ich... * хе... хе... Молча сижу под окошком темницы...[5] вслед за этим целый вихорь мыслей... (А каких мыслей — не ваше дело.) Fichte behauptet ** — 25 раз сряду прочту эти два слова и не понимаю — наконец тряхну головой и принимаюсь опять... Зеваю; встаю — подхожу к окну и пою: та-ри-там, тарират, тарира... ра-ра (соната Грунда)... Гляжу минут десять на падающие снежинки... похожу: воображаю себя министром — но пора — сажусь опять за Фихте, сперва 5 минут гляжу, улыбаясь, в огонь — потом: im *Ich* ist das Princip sich zu setzen und das Princip — sich auch nicht zu setzen...***

О блаженство, блаженство, блаженство уединенной, неторопливой работы, позволяющей мечтать и думать глупости и даже писать их.

У меня есть хорошее стихотворение: «На станции»[6] — прочту, когда приеду к вам в Москву.

Впрочем, извините мне все мои глупости. Напишите ко мне, если угодно. Мой адрес: «В Графском переулке, в доме *Касовской*». Поклонитесь от меня Татьяне Александровне[7] и напишите мне, пожалуйста, об ее здоровье.

У меня есть песенка, которая так начинается:

О дети, вы, о дети,
О милые, прощайте!
Хотите — позабудьте, —
Хотите — вспоминайте!
и т. д.

Addio, signori miei, e voi, Alexeo (как по-итальянски Алексей?), o Alessio, o Alexiso, e voi, Alessandre, e tutti quanti ****.

Тургенев.

---

* *Я* полагает себя как Не Я *(нем.)*.

** Фихте утверждает *(нем.)*.

*** В *Я* заключается принцип становления и отрицания становления *(нем.)*.

**** Прощайте, синьоры мои, и вы, Алексей... о Алексей, о Алексей, и вы, Александр[8], и все прочие *(итал.)*.

[1] «Письма Гете к графине Августе Штольберг» (Стольберг) изданы были в 1842 году; второе издание — в 1881 году.

[2] Тургенев сдавал экзамены при Петербургском университете на степень магистра философии.

[3] *Ржевский* В. К. в то время был инспектором Московского дворянского института, где преподавал русскую словесность поэт И. П. Клюшников.

[4] Н. С. Тургенев.

[5] Первая строка стихотворения Лермонтова «Пленный рыцарь» (1840).

[6] Стихотворение это не сохранилось.

[7] Бакуниной.

[8] Братья Бакунины.

8

А. А. БАКУНИНУ

⟨13—14 (25—26) апреля 1842. Петербург⟩

Дети мои вообще!

Сын мой Алексей в особенности!

Объявляю вам, что я выдержал экзамен из философии блестящим образом — то есть наговорил с три короба разных общих мест — и привел профессоров в восторг, хотя я уверен, что все специально ученые (историки, математики и т. д.) не могли внутренно не презирать и философию и меня: да, помилуйте, *я* бы их стал презирать, если б *они* меня не презирали!.. Другой мой экзамен после святой. Теперь доложу вам, что я и сплю и вижу: «Искушение св. Антония» — 3 первые (большие) сцены совсем готовы — и к моему возвращению все, я думаю, будет кончено... [1] Вы познакомитесь с одной девицей — Аннунциатой, которая хотя и любовница Черта — но, ей-ей, прелюбезная девица, и т. д. и т. д. «Рыбаков» я не трогаю — пусть себе лежат, пока дойдет до них очередь [2]. Никого почти не вижу. Клюшков был у меня... Однако он болен и гниет. Бог с ним — делать нечего... Бедная Фита! [3] Теперь прошу вас мне отвечать непременно и скоро:

Куда мне писать к Мишелю, в Дрезден — или в Берлин?

Мой адрес: на углу Шестилавочной и Графского переулка, в доме Касовской, под № 1-м.

Хотите вы уже теперь познакомиться с Аннунциатой? Извольте. Вот вам песенка, которую она поет некоторым молодым людям:

1

Под окном сеньоры бледной,
Больше часу — при луне —
Ходит, бродит витязь бедной
В черном бархатном плаще.

2

То играет на гитаре
Песни полные тоски...
То поет о страстном жаре,
О звездах и о любви...

3

Вдруг — окошко растворилось —
И украдкой из окна
Показалась и склонилась
Милой донны голова.

4

Он умолк... Она с улыбкой
Говорит ему: «Сеньор —
Я боюсь за вас; ошибкой
Вас возьмет ночной дозор.

5

Хоть приподнят длинной шпагой
Край широкого плаща,
Хоть и веет злой отвагой
От усов и от пера...

или: «От высокого пера» — Как лучше?

6

Хоть умны вы и прекрасны,
Хоть в меня вы влюблены, —
Но — нимало не опасны...
Скромный друг чужой жены».

7

И окошко, как живое,
Затворилось — и домой,
Поглупев — едва ль не втрое, —
Потащился витязь мой.

Как вам нравится Аннунциата? Да, впрочем — вы толку не знаете. Покажите Татьяне Александровне — она тотчас скажет — хорошо или худо — я ей верю. Как ее здоровье? Скажите ей, что я очень часто о ней вспоминаю.

Прощайте. Пожалуйста, напишите мне о Мишеле. Да так ли я ставлю ваш адрес?

Ваш
Тургенев.

На обороте:

Его благородию
милостивому государю
Алексею Александровичу
Бакунину.

В Москве.
В Хлебном переулке, близ Поварской — в доме Волковой.

[1] Драма «Искушение св. Антония» не была закончена Тургеневым и впервые напечатана проф. А. Мазоном (André Mazon) в Париже в 1953 году (см. т. 9 наст. изд.).
[2] *«Рыбаки»* — не дошедшее до нас произведение Тургенева.
[3] *Фита* — литературный псевдоним И. П. Клюшникова.

9

А. А. БАКУНИНУ

〈30 апреля (12 мая) 1842. Петербург〉

Здравствуйте, Алексей. Благодарю Вас за письмо. У меня завтра последний экзамен, *изустный* — письменный через несколько дней. Мне некогда Вам написать длинное письмо. Татьяну Александровну благодарю *очень* за память и сам напишу непременно. «Искушение» пишется урывками, по ночам — однако готово более половины [1]. Посмотрим, что Вы скажете. Написал я стихотворение «Зимняя прогулка» — посвящается Вам, Алексей... довольно длинное — я Вам его прочту в Москве: и другое, посвященное Татьяне Александровне... Это так начинается:

Осенний вечер... Небо ясно;
А роща вся обнажена —
Ищу глазами я напрасно:
Нигде забытого листа...
Нет — по песку аллей широких
Все улеглись — и тихо спят,
Как в сердце грустном дней далеких
Безмолвно спит печальный ряд.

И т. д.

Остальное я прочту, может быть, когда увижусь. Да! Вздумалось мне поместить в «О〈течественных〉 з〈аписках〉» — «Встречу» (казака и горца)... [2] но в моей тетради все так перемарано, что я ничего не разберу. Перепишите, отец, да пришлите. Если же Вы заняты экзаменом — так не надобно. Пусть «О〈течественные〉 з〈аписки〉» страдают. Прощайте: я доволен своей жизнью. Скажите Т〈атьяне〉 А〈лександровне〉, что я наперед воображаю, как я буду ездить в Шашкино верхом. Addio.

Александру поклон.

Ваш
Тургенев.

С.-Петербург 30-го апреля 42.

Завтра 1-го мая... Христос воскрес. 5 лет тому назад — помню — я писал:

Разыгрались снова силы,
В сердце пышет легкий жар...
Здравствуй, май, ребенок милый,
Что ты мне приносишь в дар?

До сих пор ничего мне не принес он. Что-то будет в нынешнем году?

На обороте:

Его благородию
Алексею Александровичу
Бакунину.

В Москву.
В Хлебниковом переулке, близ Поварской — в доме Волковой.

[1] «Искушение св. Антония» — см. выше, п. № 8.
[2] *«Зимняя прогулка»* и *«Встреча»* не были напечатаны и остаются неизвестными.

10

А. А. БАКУНИНУ

С.-Петербург
9-го января ⟨ст. ст.⟩ 1845-го г.

Любезный Алексей.
Вчера только получил я Ваше письмо, но уже несколько дней тому назад собирался сам написать к Вам. Ваше письмо меня очень обрадовало. Оно напомнило мне время, над которым, право, не думаю смеяться, хотя и не любуюсь им. Причины, заставившие меня как бы раззнакомиться с Вашим семейством,

были довольно естественны; подумавши сам об них, Вы, я думаю, согласитесь со мною в этом; но я никогда не переставал с любовью вспоминать о вас всех, — по крайней мере об Вас, о Павле [1] и о Татьяне Александровне. Мне иногда было больно думать о том, что вы все — может быть — делаете обо мне ложные заключения, хотя я чувствовал сам, что вы имели на то полное право; но я в последнее время жил уже не фантазией, как прежде, — а более действительным образом, и потому мне было некогда много думать о том, что во всех отношениях стало для меня прошедшим. Месяца через два я оставлю Россию — может быть, надолго; [2] глаза мои очень стали плохи; и одно серьезное лечение может мне принести некоторое облегчение. Мне не хотелось расстаться с теми немногими людьми, которых я здесь любил, не сказавши им по крайней мере прощального слова... Я очень был бы рад, если б мы могли еще раз свидеться; но если нам не суждено увидеться перед моим отъездом, — дайте мне Вашу руку; примите от меня искреннее уверение в моем неподдельном участии; и дай Вам бог пробиться мужественно вперед, не для того, чтобы достигнуть каких-нибудь благ — истины или знания, — но для того, чтобы сохранить до конца энергическое чувство человеческого достоинства, без которого жить очень гадко и неприятно. Напишите мне об Вашем здоровье, о здоровье всех Ваших родных; поклонитесь им от меня... Я надеюсь съездить в Москву в конце февраля — повидаться с моей матерью перед моим отъездом. Может быть, как-нибудь еще увидимся... Во всяком случае, это письмо не будет последним. Итак, пока, до письменного свидания. Посылаю Вам книжку [3], которая, может быть, на минуту заинтересует Вас.

Ваш

Ив. Тургенев.

[1] П. А. Бакунине.

[2] Лето 1845 года Тургенев провел во Франции.

[3] Вероятно, отдельное издание поэмы Тургенева «Разговор», вышедшее в начале января (ст. ст.) 1845 года.

11

В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва
28-го марта ⟨ст. ст.⟩ 1845-го г.

Любезный Белинский,

Некрасов просит меня через брата отдать ему — по обещанию — «Помещика» и требует ответа. Я все это дело предоставляю совершенно на Ваше благоусмотрение, хотя не могу сказать, чтобы мне хотелось напечатать эту вещь отдельно; мне кажется даже, что она совсем не годится для отдельного напечатания. Может быть, с помощью политипажей она разойдется — но мне от этого не будет легче. Делайте как знаете [1].

Я теперь пишу две вещи: 1) статью для «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» по поводу двух статей Киреевского в «Москвитянине»; [2] 2) поэму под названием «Недолгая любовь» [3], о которой я говорил Некрасову. Я ее оканчиваю — и эту я готов напечатать либо отдельно, либо отдавши Вам (если план, о котором Вы мне говорили, состоится) [4].

Извините меня, что я ничего больше не пишу; я в нехорошем расположении духа. Будьте здоровы и напишите мне два слова, если вздумается.

Ваш
Т.

[1] Поэма Тургенева «Помещик» была напечатана Н. А. Некрасовым в «Петербургском сборнике» (СПб. 1846).

[2] Статья Тургенева «по поводу двух статей» И. В. Киреевского в славянофильском журнале «Москвитянин» («Обозрение современного состояния словесности» и «Обозрение современного состояния литературы. Статья вторая») не была написана.

[3] *«Недолгая любовь»* — первоначальное название поэмы «Андрей», напечатанной позднее в «Отечественных записках» (1846, № 1).

[4] Белинский предполагал издавать альманах «Левиафан». План этот не осуществился.

12

В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Берлин
3-го мая ⟨н. ст.⟩ 1847 г.

Спешу ответить Вам на Ваше последнее письмо, любезный Белинский [1]. О прошедшем говорить нечего — надобно думать о будущем. Я Вас буду ожидать в Штеттине непременно. В этом Вам не позволяется сомневаться [2]. Только Вы, пожалуйста, напишите мне еще письмо *за неделю* до Вашего отъезда, то есть до дня, назначенного компанией [3]. Если лед Вас задержит несколько дней лишних — это ничего не значит. Я точно так же охотно проживу эти дни в Штеттине, как в Берлине; буду есть разных морских рыб, кататься по морю и ждать Вас. И будьте уверены, что Вы здесь выздоровеете совершенно. Вы остановитесь у меня на квартире в Берлине, я Вас свезу к Шенлейну — а потом мы отправимся в Силезию [4]. Итак — до скорого свиданья. №3. Пароходы от Петербурга до Штеттина ходят не 5 дней, как Вы пишете, а всего двое суток.

Я не смею сам писать к Некрасову. Попросите от моего имени у него прощения за неисполнение обещаний. Я находился в таком положении, что, право, не до литературы было. Но теперь надеюсь кончить обещанное [5]. Четвертый № «Совр⟨еменника⟩» я получил от какого-то таинственного незнакомца, который оставил его у меня, не сказавши, кто он, ни где живет. Будьте все здоровы — Вы в особенности. Жму вам всем руки и остаюсь

Ваш
Тургенев.

[1] Тургенев отвечает на письмо Белинского от 12(24) апреля 1847 года (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XII, М. 1956, стр. 353).

[2] Встреча Белинского с Тургеневым в Штеттине, куда Тургенев должен был выехать из Берлина, не состоялась.

[3] Речь идет о компании, содержавшей пароходство между Петербургом и Штеттином. Отъезд Белинского на пароходе

«Владимир» был назначен на 4(16) мая 1847 года. Белинский выехал 5(17) мая (см. указ. изд., стр. 360).

[4] О пребывании вместе с Белинским на водах в силезском городке Зальцбрунне Тургенев рассказал в «Воспоминаниях о Белинском» (см. т. 11 наст. изд.).

[5] *Обещанное* Тургеневым — поэма «Маскарад»; она так и не была написана.

13

В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Куртавнель
17-го сентября ⟨н. ст.⟩ 1847 г.

Вы едете в Россию, любезный Белинский; я не могу лично проститься с Вами — но мне не хочется отпустить Вас, не сказавши Вам прощального слова [1] (кстати, я выслал Вам в письме к Анненкову билет на получение шубы, причем прошу у Вас извинения в том, что давно этого не сделал). Анненков мне ничего не написал об Вашем здоровье; он предпочел наполнить свою записку той аттической солью своего остроумия, которая иногда, к изумленью, как говорит Гоголь, напоминает вкус славянского бузуна. Надеюсь, что д-р Тира Вам помог: [2] прошу Вас написать мне об этом. Мне нечего Вас уверять, что всякое хорошее известие об Вас меня обрадует; я хотя и мальчишка — как Вы говорите — и вообще человек легкомысленный, но любить людей хороших умею и надолго к ним привязываюсь. В теченье этого времени я ничего не сделал путного; написал, однако, еще два больших очерка. Старые я переписал [3] и отправил к Некрасову. Если до Вашего приезда в Петербург их еще не напечатали, сделайте божескую милость, возьмите на себя корректуру. Сам я надеюсь, если какая-нибудь дьявольщина не помешает, явиться в Петербург к Новому году [4]. Пока — я ничего не могу сказать положительного. Что будет, то будет — великое слово фаталистов и людей безмозглых, как я. По прибытии в Петербург поклонитесь, пожалуйста, от меня нижайше всей Вашей семье, всем друзьям — и напишите мне два слова; Вы

меня этим очень обяжете. Да, ради бога, обратите внимание на Вашу кухню — а то опять Вы себе расстроите желудок. А теперь прощайте. Ото всего сердца желаю, чтобы Ваша поездка не оказалась бесполезной и дала бы Вам новые силы. Крепко обнимаю Вас. До свиданья.

Ваш
Тургенев.

[1] Белинский выехал из Парижа на родину 11(23) сентября 1847 года. Тургеневу, однако, не удалось встретиться с Белинским перед его отъездом.

[2] Доктор *Тирá* лечил Белинского во время его пребывания в Париже.

[3] Речь идет о рассказах из цикла «Записки охотника»; *старые* очерки — «Бурмистр» и «Контора».

[4] Тургенев оставался в Париже еще два с половиною года и вернулся в Россию лишь в конце июня 1850 года.

14

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
19 ⟨ноября н. ст.⟩ 1847.

Знаете ли Вы, сударыня, что Ваши прелестные письма дают весьма трудную задачу тем, кто претендует на честь переписываться с Вами? Я нахожусь еще в тем большем затруднении, что, вследствие легкого нездоровья (которое теперь уже совсем прошло), удерживавшего меня все эти дни в комнате, не могу, как намеревался, отправить Вам маленький обзор всего происходящего теперь в Париже. И вот мне, как корнелевской Медее, приходится ограничиваться собственными средствами [1]. Это меня весьма смущает!.. Но все равно! Я рассчитываю на Вашу снисходительность... Ах! но — кроме шуток! — какая ужасная вещь злоупотребление словом! Вот фраза, которая, вследствие постоянного повторения, потеряла всякое значение! а когда ее употребляешь вполне серьезно, то рискуешь, что тебе не поверят. Но, как бы то ни было, как говорит Ваш муж, — я начинаю сначала.

Начну с того, что скажу Вам, что все мы в большом восторге от счастливого начала Ваших странствований и что мы с нетерпением ожидаем известий о Вашем дебюте. Мы отсюда видим, как летят цветы, и слышим возгласы браво! Увы!.. Вы знаете, что должно означать это увы!

Итак, Вы в глубине Германии! Надо думать, что эти добрые «бюргеры» сумеют заслужить свое счастье. Вы теперь в Дрездене... Не вчера ли мы еще были в Куртавнеле? [2] Время всегда быстро проходит, будь оно наполнено или пусто, но приходит оно медленно... как звон колокольчика русской тройки.

Вы, вероятно, пробегали Дидро. Надо прочитать его парадоксы, чтобы позабавиться ими, опровергнуть и позабыть их. Он укрепляет — себе в ущерб — в уме читателя чувство правды и красоты. Ваш ум, столь прямой, столь *простой* и столь серьезный в своей тонкости и своей прелести, не мог особенно наслаждаться капризною, блестящею и дилетантскою болтовней «французского Платона» (никогда не было дано человеку более неудачного прозвища). Тем не менее у него то там, то сям находишь новые и смелые мысли, или, вернее, некоторые зародыши плодотворных мыслей. Его преданность свободе разума, его энциклопедия — вот что увековечит его. Сердце у него превосходное, но, когда он заставляет его говорить, он подсовывает в него ума и портит его. Несомненно фейерверки парадокса никогда не будут стоить ясного солнца истины. А между тем что может быть обыденнее солнца? (Не в Париже, однако.) По чести, да здравствует солнце! Да здравствует все, что хорошо для всех!

Итак, Мендельсон умер [3]. То, что Вы о нем говорили в письме к Вашей матушке, нам всем кажется очень справедливым. Я почти не знаю его; судя по тому, что я из него слышал, я вполне готов уважать его, — очень же любить его... это дело другое. Прекрасные вещи создаются только талантом в соединении с инстинктом; головою вместе с сердцем; смею думать, что у Мендельсона голова преобладает. Я могу ошибаться... но, впрочем, Вы знаете, что я вовсе не держусь упорно своих заблуждений, когда меня ткнут в

них носом, —что ничуть не трудно, принимая во внимание размеры этого органа. Я поддаюсь воспитанию.

Кстати, как идет die deutsche Sprache? * Полагаю, что превосходно. Я уже взял учителя испанского языка: el señor Castelar **. Все это время я много работал; я только что отправил толстый пакет в наш журнал [4]. Это потому, что я держусь правила *держать* свои обещания.

В настоящее время я кончаю читать книгу *Даумера* о тайнах христианства [5]. Этот Даумер какой-то безумец, который во что бы то ни стало хочет доказать, что первоначальное иудейское христианство, на которое смотрят как на секту, не что иное, как поклонение обновленному Молоху; что первобытные христиане приносили в жертву и ели людей и что Иуда только потому предал своего учителя, что не мог побороть отвращение, вызываемое в нем такою пищей. Даумер тратит много эрудиции, чтоб доказать, что этот ужасный обычай существовал в церкви до четырнадцатого столетия! Все это только бредни; но что есть истинного в его мысли, так это кровавая, мрачная, бесчеловечная сторона этой религии, которая должна была бы вся состоять из любви и милосердия.

Вы не можете себе представить тяжелого впечатления, производимого всеми этими преданиями о мучениках, которые он Вам рассказывает одни за другими; всеми этими бичеваниями, процессиями, поклонениями костям, этими аутодафе, ожесточенным презрением к жизни, этим отвращением к женщинам, всеми этими язвами и всею этою кровью!.. Это так тягостно, что я не хочу Вам более об этом говорить...

В моем следующем письме я сообщу Вам известия о Национальной опере, о «Клеопатре» г-жи де Жирарден (которая, к великому моему сожалению, имела успех) [6] и т. д. и т. д. Тем не менее уже и сегодня могу сообщить Вам, что я присутствовал вчера в театре «Варьете» на первом представлении новой пьесы

---

* Немецкий язык *(нем.)*.

** Сеньор Кастеляр *(исп.)*.

Скриба «Дидье, честный человек». Мысль пьесы не новая, но ловко обработана... Фервиль вызывал восхищение правдой, благородством и чувством. Между прочим, говорят, что совершенно тождественная пьеса давалась вчера вечером в театре «Жимназ» под названием «Жером-каменщик». Роль Фервиля в ней исполнял Буффе. Уж не знаю, как это случилось, что эти умники сошлись, но факт тот, что театр «Жимназ» отменил позавчера представление и день и ночь репетировал, желая поспеть в один день с другим театром [7]. Я отправлюсь посмотреть этого Жерома и поделюсь с Вами моими впечатлениями. Буффе, без сомнения, более Мендельсон, чем Фервиль, — но Фервиль, может быть, более Россини, чем он. Впрочем, посмотрим, и если я сказал глупость, то первый громко закричу mea culpa *.

А засим молю бога, да примет он Вас под свою святую и крепкую охрану. Главное, будьте здоровы и не забывайте Ваших друзей, которые Вам очень преданы, что нисколько не удивительно, потому что... к чему, право, годилось бы отсутствие, если б даже нельзя было им пользоваться для того, чтобы говорить людям, что о них думаешь?.. Но я останавливаюсь при мысли, что у Вас сейчас должен неустанно стоять шум в ушах от восхвалений, и ограничиваюсь тем, что говорю Вам... словом, все, что́ Вы хотите...

Надеюсь, что муж Ваш здоров, что он будет охотиться до упаду и затем напишет нам об этом хорошенькую статейку [8]. Жму его руку так же, как и Вашу, и от всего сердца целую маленькую Луизу... Если г-жа Шуман [9] помнит толстого русского господина, виденного ею в Берлине, то скажите ей, что этот толстый господин ей кланяется...

. . . . . .

Однако надо кончать письмо! Я отнесу его к Вашей матушке, чтоб она приписала несколько слов.

Прощайте, будьте здоровы во всех отношениях, вот и все.

Всецело преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

* Моя вина *(лат.)*.

Письмо в публикациях датировано октябрем, но это, как видно из содержания письма (см. прим. 3), явная ошибка или описка Тургенева.

[1] Тургенев имеет в виду реплику Медеи — героини одноименной трагедии П. Корнеля. В ответ на слова своей наперсницы: «В таком великом бедствии что же вам остается?» Медея восклицает: «Я! я сама, и этого довольно!» (V сцена первого акта).

[2] *Куртавнель* — усадьба семьи Виардо в 50 км. от Парижа; П. Виардо гастролировала в это время в Германии.

[3] *Мендельсон* умер в Лейпциге 4 ноября н. ст. 1847 года.

[4] *Наш журнал* — «Современник»; Тургенев имеет в виду рассказы из «Записок охотника», позднее напечатанные в февральской книжке журнала 1848 года (см. прим. 12 к п. № 15).

[5] Речь идет о книге Даумера «Тайны христианской древности», 1847.

[6] Псевдоисторические трагедии г-жи де Жирарден «Клеопатра» и «Юдифь» пользовались на французской сцене шумным, но недолгим успехом.

[7] Пьесы, названные Тургеневым, «Дидье, честный человек» Э. Скриба и «Жером-каменщик» Байара, написанные на очень близкие сюжеты, были поставлены одновременно в двух соперничающих театрах — «Жимназ» и «Варьете» (в заглавных ролях выступили популярные в то время французские актеры Фервиль и Буффе), что вызвало большие толки в печати и в парижской публике.

[8] Луи Виардо выпустил в 1844—1847 годах ряд очерков об охоте в различных странах, в том числе и в России, где он бывал во время гастролей П. Виардо.

[9] Тургенев встречался с Кларой Шуман в Берлине весной того же 1847 года.

15

В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Париж
26/14 ноября 1847 г.

Что ж это Вы не откликнетесь, отец и командир? Четыре недели тому назад пустил я к Вам письмо — и хоть бы строчку в ответ. Нехорошо, ей-богу, нехорошо. И главное, непоощрительно для нашего брата, который готов исправиться, но требует, чтобы его за хорошее намеренье по головке погладили. Впрочем, мы здесь все теперь удовлетворены: №-а «Современника»

достигли, наконец, берегов Сены. Мы их теперь читаем с волчьей жадностью[1]. И, во-первых — скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело;[2] денно и нощно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил. «Вот эдаких бы людей-то сечь бы» и т. д.[3]. «Крупов» тоже восхитителен;[4] письма также[5]. Из статьи о Гумбольдте[6] (которую я, разумеется, не прочту) мне приятно заключить, что друг наш, Н. Г. Фролов, продолжает, по Вашему выражению, держаться на высоте ума. Эдак он, пожалуй, допотеет до учености. Тем более заслуги с его стороны. Ждем теперь 11-го № и Вашей статьи[7]. Да поторопите контору. Словом, «Современник» идет хорошо. Одно: опечатки! Ни в одном трактирном тюфяке, ни в одной женской кровати нет столько блох и клопов, как опечаток в «Современнике». В моих «Отрывках»[8] я их насчитал 22 важных, иногда обидно искажающих смысл. «Сторожился» вм⟨есто⟩ «сторонился», «ложась» вм⟨есто⟩ «ложились» (вследствие чего выходит, что мальчишки бегают ложась) — фразы целиком пропущены и т. д. Сие есть неприятно. Нельзя ли хоть на будущий год взять корректора? Ась? Скажите это гг. издателям. Вы небось захотите от меня теперь парижских новостей? Гм. Вопрос затруднительный!.. Вышла 2-я часть истории Мишле[9], которую умные люди хвалят. Брошюра одного старика, современника революции — «Le Robespierre de M-r de Lamartine», в которой он доказывает, что Ламартин «сочинил» небывалого Робеспьера[10]. Я ее не читал, но прочту. К крайнему моему горю «Клеопатра», трагедия г-жи де Жирарден, удалась, то есть имела успех, потому что удаться — в другом смысле — она не могла. Клеопатра и г-жа де Жирарден, поддерживаемая г-м Теофилем Готье![11] Смех и горе! Бессильные евнухи, пигмеи и синие чулки — и женщина, переварившая двух людей, как Цезарь и Антоний, и подавившаяся только на третьем, Октавии! Вот пока, кажется, все. Музыкальные новости Вас мало интересуют — политических я не знаю, художественные тоже Вас не очень волнуют... Перейдем к обыкновенным материям.

Все мы здесь, по мере возможности, здоровы. Я работаю усердно, ей-богу. На днях я послал еще рассказец Некрасову, а через неделю пошлю два больших. Вот мы как действуем! [12] От Герцена изредка приходят письма [13]. Он тоже работает. Из программы «Современника» вижу я, что хотят печатать моего «Поручика Петушкова» [14]. Так как они мне его не вышлют, то, будьте великодушны, отметьте карандашом места слабые и попросите от меня Некрасова в нескольких словах их исправить — как-то: ясно сказать, что Василиса его любовницей сделалась и пр. и пр. Совестно мне его утруждать — у него, чай, и без того хлопот полон рот — да делать нечего. К альманаху его скрепя сердце кончу «Маскарад» — и закаюсь писать стихи. Затеял я тоже статью под названьем «Славянофильство и реализм» — может быть, хорошо выйдет. Вообще, я не намерен тратить время попустому [15].

Ну, а Вы что, отец? Как Ваше здоровье? Напишите хоть словечко. В ожиданье ответа жму Вам руку крепко-накрепко, кланяюсь всему Вашему семейству и всем друзьям. Холера к вам успела пожаловать? Смотрите, будьте осторожны. Я не франкирую письма в надежде, что и Вы так со мной поступите. Прощайте; будьте здоровы и веселы.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] 9 и 10 номера журнала «Современник» за 1847 г. Говоря «мы», Тургенев подразумевает и жившего в это время в Париже П. В. Анненкова.

[2] «Еду ли ночью по улице темной».

[3] Неточная цитата из «Горя от ума» (действие IV, явл. 4; монолог Репетилова).

[4] Повесть А. И. Герцена «Доктор Крупов», опубликованная под заглавием «Из сочинения доктора Крупова» и с подписью «Искандер» в «Современнике», 1847, № 9.

[5] *Письма* — очевидно, очерки А. И. Герцена «Письма из Avenue Marigny», опубликованные в «Современнике», 1847, № 10 (впоследствии они составили первый цикл «Писем из Франции и Италии»). Возможно, впрочем, что Тургенев говорит и о напечатанном в том же номере журнала продолжении очерков В. П. Боткина «Письма об Испании».

[6] «Александр фон Гумбольдт и его космос» — статья первая, Н. Г. Фролова — напечатана в № 10 «Современника». Резко отрицательный отзыв о статье Фролова дал Белинский в письме к Боткину от 4—8 ноября (ст. ст.) 1847 года (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XII, 1956, стр. 420).

[7] Статья Белинского в 11 номере «Современника» 1847 года — «Ответ Москвитянину», содержащая критику реакционно-славянофильского направления журнала.

[8] *«Отрывки»* — рассказы «Бурмистр» и «Контора» («Современник», 1847, № 10).

[9] «История французской революции», т. 2; весьма сочувственный отзыв Тургенева о книге см. ниже, п. № 16.

[10] Брошюра Ф. Пилле написана по поводу неверного, с точки зрения автора, тенденциозного изображения Робеспьера в сочинении Ламартина «История жирондистов» (1847).

[11] Теофиль Готье напечатал в газете «Пресса» хвалебную рецензию на трагедию Дельфины де Жирарден «Клеопатра».

[12] По всей вероятности, эти рассказы из «Записок охотника» входят в число тех, над которыми Тургенев работал в Париже осенью 1847 года и которые были напечатаны в «Современнике», 1848, № 2: «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь»», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть».

[13] А. И. Герцен с семьей был в это время в Риме.

[14] Повесть Тургенева «Петушков» напечатана в «Современнике», 1848, № 9.

[15] *Альманах,* задуманный Некрасовым как приложение к «Современнику», не был разрешен. Статью *«Славянофильство и реализм»* (так же как и поэму «Маскарад» — см. прим. 5 к п. № 12) Тургенев не написал.

16

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
8 декабря ⟨н. ст.⟩ 1847 г.

Начинаю тем, что благодарю Вас, сударыня, за милое и прелестное письмо, которое Ваша матушка передала мне от Вас. Вы хорошо делаете, что помните о Ваших старых друзьях; они Вам так признательны! *Danke, danke* *.

---

* Благодарю, благодарю *(нем.)*.

Все подробности Вашей жизни в Дрездене, сообщаемые Вами, читаны и перечитаны тысячу раз; дрезденцы несомненно славный народ...

. . . . . .

Прежде всего я должен Вам сказать, что «мамочка» чувствует себя прекрасно и м-ль Антония также; и г-жа Сичес также; папаша Сичес [1] немного кашляет, но это совершенно не удивительно. Из 900 000 жителей Парижа 899 999 больны гриппом, и единственный, у кого гриппа нет, — это Луи-Филипп, потому что этому господину везет во всем. Впрочем, простите! я забыл о себе, у меня также нет гриппа; но дело в том, что и я не могу пожаловаться на свою участь.

El hermano de Vd [2]* чувствует себя также прекрасно; он заказал роскошный переплет на один экземпляр своей методы и предназначает его королеве Христине, чтобы она обучила свою дочь искусству делать фиоритуры и транспонировать [3].

Кстати о музыке, я слышал г-жу Альбони в «Семирамиде» [4]. Она имела *очень большой* успех. Со времен Петербурга ее голос совершенно изменил характер; из грубого, каким он был, он стал *слишком* мягким, мягким; она поет теперь в манере Розы Шери; она хорошо проделывает ловкие пассажи; тембр ее голоса необыкновенно нежен и вкрадчив, но нет в нем энергии, нет остроты. Как актриса, она — ничто; ее спокойное, полное лицо противится всякому драматическому выражению; она лишь время от времени с трудом нахмуривает брови. Лучше всего она произнесла *In si barbara sciagura* **. Парижане от нее в восхищении. Г-жа Гризи [5], понукаемая соревнованием, превзошла сама себя; она в самом деле мне понравилась. Колетти был также не плох, хотя вообще я нахожу, что он поет, как добрый отец семейства.

Вчера я ходил с молодым Ле Руа д'Этиолем [6] в Комическую оперу; давали «Белую даму» [7]. Что за прелестная музыка, изысканная, остроумная и рыцарственная! В ней менее блеска, чем у Обера, но, быть

---

* Брат вашей милости *(исп.)*.

** В столь жестоком бедствии *(итал.)*.

может, даже больше французского духа. Буальдьё бывает иногда бледен, но никогда — вульгарен (что случается уж слишком частенько с папашей «Немой») [8].

Верне доставил мне большое удовольствие в старой пьесе «Отец дебютантки» [9]. Все французские актеры — в высшей степени реалисты, но ни один из них не реалистичен так тонко, так «клупоко» (по выражению одного немца), как Верне. Он удовлетворяет одновременно и чувство и разум зрителя; он доставляет величайшее удовольствие знатоку, он заставляет смеяться и улыбаться. Как жаль, что он стареет! Вот человек, умеющий творить. Есть артисты, которым удается отбросить свою индивидуальность, но сквозь изображаемое ими лицо виден актер, который затушевывает себя и наблюдает за собой, и эта своего рода сдержанность отзывается на зрителе. Вы были еще такой в Петербурге, но уже тогда Ваш талант разрывал свои последние путы. Я вспоминаю сейчас первые представления «Сомнамбулы» [10] — а с тех пор?

. . . . . .

Вы пишете мне, что принялись за чтение «Уриеля Акосты» Гуцкова. Не правда ли, этот призрачный, тяжелый труд человека умного, но лишенного таланта, напичканный политическими, религиозными, философскими намеками и заботами, Вам не понравился? И потом, все эти кричащие театральные эффекты, эти неожиданные развязки, — есть ли что-нибудь отвратительнее, чем зверство, лишенное простодушия?

Тень Шекспира тяготеет над всеми драматическими авторами; они не могут отделаться от реминисценций; несчастные, они слишком много читали и совсем не жили! Только в Германии могло случиться, чтобы уже известный писатель (г. Мундт, муж сестры Мюллера [11]) был вынужден *поместить в газетах объявление* о том, что он желает найти супругу (этот факт буквально точен).

В настоящее время нельзя ничего читать. Глюк говорил об одной опере, что от нее воняет музыкой *(puzza musica)*. Все, что пишут сейчас, воняет литературой, ремеслом, условностью. Чтобы найти еще живой и чи-

стый источник, нужно подняться далеко вверх по течению. Литературный зуд, болтовня эгоизма, который сам себя изучает и собою любуется, — вот язва нашего времени. Мы подобны псам, возвращающимся к своей блевотине.

Так говорит писание — на этот раз с полным простодушием. Нет более ни бога, ни дьявола, а восшествие на престол человека еще далеко.

Среди всех, кто пописывает сейчас в Германии, Фейербах — единственный *человек,* единственный характер и единственный талант [12].

А вот еще хороший, отличный труд, и, благодаря бога, не литературный: второй том «Французской революции» Мишле [13]. Это идет от сердца, тут есть и кровь и внутренний жар, тут человек из народа говорит народу, — это прекрасный ум и благородное сердце. Второй том несравненно выше первого. С книгой же Луи Блана — обратное явление [14].

Боюсь, однако, что письмо мое выйдет слишком длинным, и, несмотря на все удовольствие, какое я испытываю, болтая перед Вами, я не хотел бы злоупотреблять Вашей любезностью. Прибавлю только несколько слов. Я провожу здесь жизнь, которая мне чрезвычайно нравится: целое утро я работаю; в два часа выхожу из дому, провожу полчаса у «мамочки», потом читаю газеты, гуляю, после обеда иду в театр или возвращаюсь к «мамочке», вечером иногда вижусь с друзьями, в особенности с г. Анненковым, прекрасным малым, таким же тонким умственно, как он толст телесно [15], а потом я ложусь спать, вот и все...

Прощайте, сударыня... желаю Вам всего самого прекрасного, что есть на свете. Передайте от меня, пожалуйста, привет Вашему мужу, на днях я буду ему писать; надеюсь, что он чувствует себя отлично. Очень сердечно жму Вашу руку и остаюсь навсегда

преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о членах семьи П. Виардо.

[2] Брат П. Виардо — Мануэль Гарсиа, автор труда по методике пения и постановке голоса.

[3] Иронический намек Тургенева касается испанских политических событий: королева Мария-Христина, вдова Фердинанда VII (ум. 1833), правившая от имени своей дочери Исабеллы (которой в 1847 г. было 17 лет), то заигрывала с либералами, то ориентировалась на реакционные дворянские и церковные круги.

[4] Речь идет об исполнении партии Семирамиды (в одноименной опере Россини) Марией Альбони, выступавшей с П. Виардо в одних и тех же партиях оперного репертуара.

[5] Речь идет о Джулии Гризи, певице.

[6] *Молодой Ле Руа д'Этиоль* — вероятно, сын известного врача-хирурга.

[7] *«Белая дама»* — романтическая опера Буальдьё, имевшая долгий и прочный успех на парижской оперной сцене.

[8] *Папашей «Немой»* Тургенев называет композитора Обера, автора известной оперы «Немая из Портичи» (1828). Опера Обера, рисующая события, связанные с революционным выступлением народа в Неаполе в 1647 году под предводительством Мазаньелло, прославилась тем, что ее постановка в Брюсселе послужила сигналом к народному восстанию против монархии 25 августа 1830 года. В России (где опера была поставлена в 1834 году) она шла под измененным (по соображениям цензуры) названием «Фенелла».

[9] *«Отец дебютантки»* — водевиль в пяти действиях Байара и Теолона (1837); в известной мере послужил образцом для русского водевиля Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (1840).

[10] *«Сомнамбула»* — опера Беллини, в которой П. Виардо выступала в свой первый приезд в Петербург, в 1843—1844 годах.

[11] Мюллер-Штрюбинга Г.

[12] Восторженный отзыв Тургенева о Людвиге Фейербахе характерен для его взглядов конца 40-х годов, когда писатель, отошел от гегельянства. Несколько ранее, в «Письме из Берлина», помеченном «1-го марта (н. ст.) 1847» («Современник», 1847, кн. 3, смесь), Тургенев, говоря о том, как забыты в Берлине Шеллинг и его последователи, Вердер, Бруно Бауэр и другие гегельянцы, замечает: «Впрочем, понятно, почему их забыли; Фейербах не забыт, напротив!» (И. С. Тургенев, Соч., т. XII, 1933, стр. 317). Позднее, даже и не разделяя всех положений Фейербаха, Тургенев сохранял к нему глубокое уважение.

[13] Второй том семитомного труда Ж. Мишле «История французской революции» (1847—1853) вышел в ноябре 1847 года.

[14] I и II томы «Истории французской революции» Луи Блана вышли почти одновременно с книгами Мишле.

[15] П. В. Анненков приехал в Париж вместе с Белинским 17 (29) июля 1847 года и оставался там до лета 1848 года.

17

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
14 декабря ⟨н. ст.⟩ 1847 г.

Браво, сударыня, браво, *evviva!* * Я не могу начать моего письма иначе. Еще одна большая победа! Вы совершили в Дрездене и Гамбурге то, что сейм только что совершил против Зондербунда: разбив оба крыла, Вы готовы нанести полное поражение центру (Берлину) [1]. А затем Вы, подобно Цезарю, отправитесь на завоевание Великобритании. (Черт возьми! что за эпический тон!) Вы доставили нам также много удовольствия, рассказав о Вашем путешествии из Берлина в Гамбург. Вообще, что особенно прелестно в письмах, которые Вы пишете Вашей матушке, так это те подробности, которые Вы нам даете... подробности, да ведь это колорит, освещение картины. Не посылайте нам простых рисунков или серепьких набросков — каждое Ваше письмо перечитывается по десяти раз — и всегда два раза подряд вслух (должность чтеца исполняю я). А затем, проглотивши письмо целиком, мы начинаем его пощипывать то там то сям; аппетит приходит за едой, и мы начинаем сызнова. Не могу скрыть от Вас, что в испанском Вы делаете орфографические ошибки, но это только прибавляет прелести...

Кстати, есть еще одна вещь в Ваших письмах, доставляющая нам большое удовольствие: по ним мы видим, что Вы здоровы (плюю три раза). Мы также — хотя бы только из соревнования — все, сколько нас есть, чувствуем себя превосходно... Что значит соревнование!

К сожалению, я вынужден заявить Вам, сударыня, что на сей раз не могу сообщить решительно никакой интересной новости.

Всю эту неделю я почти не выходил из дома; я работал усиленно; никогда еще мысли не приходили ко мне в таком изобилии; они являлись целыми дюжинами. Я чувствовал себя, как бедняк-трактирщик в

---

* Да здравствует! *(итал.)*

маленьком городке, на которого вдруг наваливается целая лавина гостей; он наконец теряет голову и не знает, куда размещать своих постояльцев.

Третьего дня я прочел одну из только что оконченных мною вещей двум русским друзьям; [2] они хохотали до упада... Это произвело на меня весьма странное и очень приятное впечатление... Я никак не подозревал в себе такой способности смешить — и затем не достаточно окончить вещь, надо еще ее переписать (вот му́ка-то!) и отправить. Издатели моего журнала наверно вытаращат глаза, получая один за другим объемистые пакеты! Надеюсь, что они будут этим довольны. Я смиренно молю моего ангела-хранителя (говорят, у каждого есть свой ангел) продолжать мне благоприятствовать, а я со своей стороны буду продолжать усердно работать. Что за прекрасная вещь — труд.

Послушайте, сударыня, если после получения этого письма Вам еще раз придется петь в «Цирюльнике», то вставьте в него арию Бальфа [3] (я готов дать себя повесить, если публика не переломает стульев). Я знаю гамбургцев (Ich kenne meine Pappenheimer) *, им нужно что-нибудь пряное.

Дня два-три у нас здесь стоит чудесная погода. Перед обедом я совершаю большие прогулки по Тюильри. Я смотрю там, как играет толпа детей, прелестных, как амуры, и так кокетливо одетых! Их детски-важная приветливость, их розовые щечки, пощипываемые первыми зимними холодами, спокойный и добродушный вид нянек, чудное красное солнце из-за высоких каштанов, статуи, дремлющие воды, величественный темно-серый цвет Тюильри, все это мне бесконечно нравится, успокоивает и освежает меня после утренней работы. Я мечтаю там — но не смутно, по-немецки, — о том, что́ я делаю, что́ буду делать... Я никогда не пропускаю случая (то есть в те три или четыре раза, что я там был) пойти проведать льва Бари, который находится у самого входа в Тюильри, со стороны реки, — это моя любимая группа [4]. Вечером я отправляюсь к «бабуш-

---

* Я знаю моих ребят *(нем.)*

ке»: на днях пять-шесть часов мы провели там с Мануэлем, выкидывая тысячи всяких глупостей. Это напомнило нам Куртавнель, Маскариля, Жодле и т. д. и т. д. [5]. Не одна Вы вспоминаете об этом, сударыня... Помните тот день, когда мы глядели на ясное небо сквозь золотую листву осин?.. Ах! но я никогда не кончу, если начну говорить обо всем этом.

Боже мой, как прекрасна осень!.. Не тогда, когда грязно и скользко (Ваши «пфля, пфля» совершенно передают правду), а когда небо совсем прозрачно и спокойно. Есть что-то напоминающее Людовика XIV под старость в хорошем осеннем дне... Вы будете смеяться моему сравнению. Ну что же, тем лучше! Даже хохочите, хохочите так, чтобы были видны все Ваши зубки. Вы знаете, что Вам говорил Ваш старый господин из Мекленбурга по пути из Берлина в Гамбург!

Я обещал отнести мое письмо Вашей матушке... Надо ей оставить место. Мне следовало бы об этом подумать раньше и немного сжать строчки. Вы имеете право назвать меня болтливым.

На днях буду писать Вашему мужу. Второй том Мишле чудо совершенства [6]. Луи Блан делает себя посмешищем своею ссорой с Эженом Пелльтаном.

Дружески кланяюсь великому охотнику [7]. Да хранит бог вас всех! Желаю Вам всевозможного счастия; крепко жму Вашу руку, поздравляю Вас и остаюсь

преданный Вам друг
Ив. Тургенез.

P. S. Не застав Вашу матушку дома, я запечатываю письмо из опасения, чтоб оно не опоздало. Я пишу это в лавке бакалейщика и запечатаю письмо его сургучом и его гербовою печатью.

[1] Тургенев шутливо сравнивает успехи П. Виардо в ее оперных выступлениях в Дрездене и в Гамбурге, а также ее будущий успех в центре Германии — Берлине, с политическими событиями в Швейцарии: *Зондербунд* — реакционный клерикально-политический союз семи католических кантонов — выступил против союзного правительства и сейма, проводивших либеральные и антиклерикальные реформы; возникшая гражданская война закончилась в ноябре 1847 года быстрым и полным поражением Зондербунда.

[2] *Двое русских друзей* — П. В. Анненков и, возможно, Н. А. Мельгунов; новая вещь, прочитанная им, — комедия «Где тонко, там и рвется». В то же время Тургенев работал над отделкой рассказов из «Записок охотника», написанных летом и осенью 1847 года и напечатанных затем в «Современнике», 1848, № 2 («Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть»). Эти рассказы, по мере их окончания, посылались Некрасову. В этот же период Тургенев задумал и частью начал несколько критических статей, которые, однако, не были завершены.

[3] П. Виардо исполняла в «Севильском цирюльнике» Россини партию Розины. Тургенев советует ей ввести в эту партию популярную колоратурную арию из оперы М. В. Бальфа «Звезда Севильи», обычно включавшуюся в оперу и другими певицами.

[4] Бронзовая группа А. Бари «Лев со змеей» была поставлена в 1836 году в саду Тюильри, при дворце французских королей, построенном в XVI веке.

[5] *«Бабушка»* («bonne maman») — мать П. Виардо, Хоакина Гарсиа; Маскариль и Жодле — персонажи из комедии Мольера «Смешные жеманницы», плутоватые лакеи, изображающие знатных молодых людей; здесь, вероятно, намек на домашние спектакли в Куртавнеле или на лиц, нам неизвестных, из окружения Виардо.

[6] См. прим. 13 к п. № 16.

[7] *Великий охотник* — Луи Виардо.

18

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
19 декабря (н. ст.) 1847

Сударыня,

. . . . . .

Ваша матушка (которая здравствует так же, как и мы все) рассказывала мне Ваше последнее письмо из Гамбурга. Ах, не доверяйтесь хорошему декабрьскому дню, он очень коварен, «вдоль реки» очень сыро. Надеюсь, что боль Вашего горла прошла очень быстро и что «Гугеноты» имели такой же успех, как и «Цирюльник» [1]. Впрочем, я не думаю, чтобы Вы особенно веселились в Гамбурге. Там только и видишь что купцов, которые постоянно говорят о железных дорогах, акциях, займах и других весьма производительных и весьма глупых вещах. Я убежден, что в глубине души

Вы испытываете тайную досаду на то, что Вы должны забавлять подобных людей, потому что Вы только и делаете, что забавляете их. Они не способны чувствовать чего-либо иного, слушая Вас; всю свою серьезность они приберегают на повышение и понижение [2]. Тем не менее они Вас приветствуют, кричат, рукоплещут Вам. Они исполняют свой долг — и их не благодарят...

То, что Вы мне говорите о впечатлении, произведенном на Вас «Иосифом» Мегюля [3], заставляет меня глубоко сожалеть, что невозможно послушать его здесь; в этом большом чертовском Париже дают только большие чертовские оперы, как «Иерусалим»... [4]

В ту минуту как я пишу Вам эти строки, кучка странствующих музыкантов принимается петь «Умереть за родину» Госсека... [5] Боже, как это прекрасно! У меня слезы выступили на глаза. Да, положительно старые музыканты лучше теперешних. Какая серьезная энергия! какая убежденность! какая величественная простота! Когда в 93 году сотни голосов пели этот гимн, он должен был заставлять биться много сердец.

Вообще с некоторых пор я все более и более отвращаюсь от настоящего времени; правда, что оно представляет мало привлекательного! Я без оглядки бросаюсь в прошедшее. Сейчас я с остервенением читаю Кальдерона (само собой разумеется, на испанском языке); [6] это величайший католический драматический поэт, который когда-либо существовал, подобно тому как Шекспир самый человечный, самый антихристианский поэт. Его «Поклонение кресту» — шедевр. Эта непоколебимая, победоносная вера, без тени какого-либо сомнения или даже размышления, подавляет вас своею мощью и своим величием, невзирая на все, что есть отталкивающего и жестокого в этом учении. Это отрицание всего, что составляет достоинство человека перед божественною волею; равнодушие ко всему, что мы называем добродетелью или пороком, с которым благодать снисходит на своего избранника, является еще новою победой для человеческого разума, потому что существо, столь отважно провозглашающее свое

собственное ничтожество, тем самым возвышается наравне с этим фантастическим божеством, игралищем которого он признает себя. А это божество — это еще создание его рук. Тем не менее я предпочитаю Прометея, предпочитаю сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой я ни на есть атом, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати.

Извините все эти фио-ратуры *.

Несмотря, однако, ни на что, Кальдерон — гений в высшей степени необычайный, и в особенности мощный. Мы, слабые потомки могучих предков, мы достигаем, в лучшем случае, умения быть изящными в нашей слабости... Я думаю о «Капризе» Мюссе (который продолжает производить здесь фурор) [7]. Но я думаю также и о том, что я попрежнему не имею никаких новостей, чтобы сообщить Вам; а между тем произошли вещи довольно интересные. Мишле открыл свой курс [8], г-жа Альбони пела вчера Ченерентолу (я буду слушать ее сегодня, в воскресенье); [9] очень много говорят об электрической или магнетической девушке, которая во время сна, слушая музыку, делает жесты, ей (музыке) соответствующие, и т. д. и т. д.

Но что делать, я превращаюсь в медведя; я почти не выхожу из своей комнаты, — работаю с невероятным рвением... надеюсь, что это не будет потерянным временем. Тем не менее я намерен немножко встряхнуться и побегать по Парижу, надобно же иметь о нем понятие.

Я получил письмо от моих издателей [10], они пишут мне всяческие похвалы по поводу моей деятельности; вместе с тем они мне прислали последний номер нашего журнала; я нашел в нем чудесный рассказ некоего г. Григоровича... [11]

Завтра буду писать Вашему мужу, которому прошу Вас передать мой дружеский поклон. Я еще не исполнил поручения Луизы — и не без причины, что не мешает мне расцеловать ее в обе щечки. Что же касается Вас,

---

* Игра слов: fioriture — украшение и fio-rature (rature — помарка в письме).

сударыня, Вы знаете мой обычный припев: желаю Вам всего, что только есть хорошего, прекрасного, великого и благородного в мире... впрочем, это значит желать Вам того, чем Вы уже обладаете. Берегите себя хорошенько, будьте счастливы, веселы и довольны, Вы сами и все Ваши.

Вы не пробудете в Гамбурге дольше четырех-пяти дней, не правда ли? Может быть, мое следующее письмо еще Вас там застанет. Que dios bendiga a Vd, leben Sie recht, recht wohl; * boudté zdorovy i pomnité nass.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] «Гугеноты» Мейербера и «Севильский цирюльник» Россини — оперы, в которых выступала П. Виардо во время гастролей в Германии.

[2] То есть для игры на бирже.

[3] *«Иосиф»* — опера Мегюля. Письмо П. Виардо к Тургеневу о впечатлении от этой оперы в печати неизвестно.

[4] *«Иерусалим»* — опера Верди, более известная под ее итальянским названием «Ломбардцы в первом крестовом походе».

[5] *«Умереть за родину»* — патриотическая песня (точнее: припев к «Песне жирондистов») из драмы Ал. Дюма-отца «Кавалер де Мезон-Руж»; стала своего рода гимном парижской мелкой буржуазии накануне и во время революции 1848 года. Тургенев ошибочно приписывает ее Госсеку.

[6] Парижское издание «Избранного театра Кальдерона де ла Барка» (1838) на испанском языке сохранилось в личной библиотеке Тургенева (теперь в музее И. С. Тургенева в Орле).

[7] *«Каприз»* — комедия А. де Мюссе, шедшая с большим успехом в Париже, а также в Петербурге.

[8] Историк Ж. Мишле 16 декабря 1847 года начал свой ежегодный курс публичных лекций по истории Франции, направленных против католической реакции; после третьей лекции курс был прекращен по распоряжению властей, что вызвало большое волнение в прогрессивных общественных кругах.

[9] *«Ченеренто́ла»* («Золушка») — опера Дж. Россини.

[10] Некрасова и Панаева; *наш журнал* — «Современник». Письмо, о котором пишет Тургенев, в печати неизвестно.

[11] Повесть Д. В. Григоровича «Антон Горемыка» напечатана в «Современнике», 1847, № 11.

---

* Да благословит бог Вашу милость *(исп.)*; будьте здоровы, вполне здоровы *(нем.)*.

19
ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
25 декабря ⟨н. ст.⟩ 1847 г.

Мы все, признаюсь Вам, сударыня, уже немного тревожились, не получая от Вас известий (правда, Вы нас избаловали), когда Ваше письмо от 21-го, со всеми его милыми подробностями, преисполнило нас радостью. Я исполнял, по обыкновению, должность чтеца и могу Вас уверить, что никогда мои глаза не чувствуют себя так хорошо, как в то время, когда им приходится дешифрировать Ваши письма, тем более что для знаменитости Вы пишете вполне хорошо. Впрочем, Ваш почерк разнообразен до бесконечности; порою это почерк красивый, тонкий, бисерный — настоящая мышка, бегущая рысцой; то он идет смело, свободно, шагая большими шагами, а часто бывает, что он устремляется с чрезвычайною быстротой, с крайним нетерпением, ну и уж тогда, по чести, буквам приходится устраиваться как знают.

Вы очень хорошо делаете, что описываете нам Ваши костюмы; мы, реалисты, дорожим колоритом. А затем... затем, все, что Вы делаете, сделано хорошо. Ваши успехи в Гамбурге доставляют нам бесконечную радость; браво, браво! Не правда ли, мы очень добры, когда Вас ободряем?

Благодарю Вас от всего сердца за добрый и сердечный совет, который Вы мне даете в Вашем письме к г-же Гарсиа. То, что Вы говорите о «quebradura» *, которая всегда замечается в прерванном произведении, вполне справедливо — «das sind goldene Worte» **. Потому-то, с тех пор как я нахожусь в Париже, я никогда не работал одновременно более чем над одною вещью и многие благополучно довел до пристани, по крайней мере надеюсь на это. Не прошло ни одной

---

* Трещина *(исп.)*.
** Это — золотые слова *(нем.)*.

недели без того, чтоб я не отослал толстого пакета моим издателям.

После моего последнего письма к Вам я прочел еще одну драму Кальдерона, «La vida es sueño» [1]. Это один из самых грандиозных драматических замыслов, какие я знаю. В этой драме царствует какая-то дикая энергия, мрачное и глубокое презрение к жизни, удивительная смелость мысли, рядом с самым непреклонным католическим фанатизмом. Сигизмунд Кальдерона (главное действующее лицо) — это испанский Гамлет со всем различием, какое существует между севером и югом. Гамлет более рассудителен, более тонок, более философ; характер Сигизмунда прост, обнажен и проникает в душу, как шпага; один бездействует вследствие нерешительности, сомнения и размышления; другой же действует — потому что к этому его побуждает его южная кровь, — но, действуя, он вполне сознает, что жизнь не более как сновидение.

Теперь я приступил к чтению испанского Фауста, «El magico prodigioso»; [2] я совсем окальдеронизован. Читая эти прекрасные произведения, чувствуешь, что они выросли естественно на плодоносной и могучей почве; их вкус, их благоухание просты; литературные подонки здесь не дают себя чувствовать. Драма в Испании была последним и прекраснейшим выражением наивного католицизма и того общества, которое он создал по своему образу. Между тем как в то критическое и переходное время, которое мы переживаем, все художественные или литературные произведения, самое большее, представляют лишь индивидуальные мнения и чувства, лишь смутные и противоречивые размышления, лишь эклектизм их авторов, жизнь стала раздробленнее; теперь уже нет крупного общего движения, за исключением, может быть, промышленности, которая, с точки зрения прогрессивного покорения элементов природы человеческому гению, может быть, сделается освободительницей, обновительницей человеческого рода. А потому, на мой взгляд, величайшие современные поэты — американцы, которые готовятся прорыть Панамский перешеек и толкуют об устройстве электрического телеграфа через океан. Как только

социальная революция совершится — да здравствует новая литература!..

Большая часть этих размышлений пришла мне в голову в тот вечер, когда я присутствовал на представлении обозрения за 1847 год «Устричная отмель» [3] в Пале-Рояле. Было забавно, и я смеялся... Но, боже мой! как это было слабо, бледно, робко и мелко рядом с тем, что из того же мог бы сделать — я не говорю, Аристофан, — но хоть кто-нибудь из его школы! Комедию фантастическую, необычайную, насмешливую и трогательную, безжалостную ко всему, что есть слабого и дурного в обществе и в самом человеке, и заканчивающуюся смехом над своею собственною нищетой, подымающуюся до возвышенного, чтоб и над ним посмеяться, снисходящую до глупости, чтоб и ее прославить и бросить в лицо нашей спеси... Дорого бы мы дали, чтобы быть зрителями такой комедии! Но нет, мы обречены Скрибу навеки.

Я не теряю надежды прочитать Вам «Птиц» или «Лягушек» Аристофана, отбросив все, что там уж чересчур цинично [4].

. . . . . .

Итак, Вы в Берлине; Ваши две первые кампании закончены, и Вы теперь находитесь среди уже завоеванного народа.

Вы будете дебютировать через неделю. Я знаю кого-то, кто примется за изучение берлинских газет. Во франкфуртской «Didaskalia» есть восторженная о Вас статья, помеченная Гамбургом.

Кстати, «Illustration» объявляет о Вашем ангажементе в Большую оперу на будущую зиму. Из Петербурга пишут, что итальянский театр там в агонии. В одном из моих писем Вашему мужу я уже говорил о Ченерентоле и о г-же Альбони.

Надеюсь, что Вы будете отлично чувствовать себя все, муж, жена и ребенок, как ангелы, или как мы, потому что мы чувствуем себя отлично, совсем отлично.

Прощайте, сударыня. Рискуя надоесть Вам повторением одного и того же, желаю Вам всего, что есть са-

мого лучшего, самого великого и самого прекрасного на земле; Вы знаете, как искренни мои пожелания... Будьте здоровы, будьте счастливы.

Всецело преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. *Que dios bendiga Vd.*

[1] *«Жизнь есть сон»* — философская драма Кальдерона.

[2] *«Чудесный маг»* — драма Кальдерона. В сюжете драмы есть черты сходства с легендой о Фаусте, но ее основная мысль — обновление и спасение грешника через христианскую веру — отличается и от народной трактовки легенды и в особенности от идеи драматической поэмы Гете.

[3] *«Устричная отмель»* — драматическое обозрение за 1847 год, в трех действиях, Клервиля и Дюмануара.

[4] Серьезное общественное содержание комедий Аристофана «Птицы» (политической утопии, воплощающей идеалы афинских земледельцев) и «Лягушки» (литературной сатиры) противопоставлено Тургеневым безыдейной драматургии современной ему буржуазной Франции, в частности — любимцу буржуазии Скрибу.

20
ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
17/5 января 1848 г.

. . . . . .

Говорил ли я Вам в моем прошлом письме, что я присутствовал на консерваторском концерте? Исполняли там только одного Мендельсона. Симфония на la мне очень понравилась. Это изящно, сильно, возвышенно. Исполнение было *чудовищно* совершенно; невозможно представить себе что-либо изумительнее...

Сегодня, во вторник, Вы, по всей вероятности, будете петь Ромео, а в ту минуту как я пишу (теперь половина одиннадцатого), Вы должны быть в легком, милом волнении. Самым искренним образом желаю Вам успеха. Мне кажется, он будет полным. За-

чем я не могу быть сегодня в Берлине? Ах, зачем! зачем!

Нет! положительно с некоторых пор я не даю Вам никаких известий о Париже. Правда, я сижу притаившись в своей норе. Посмотрим, однако.

На днях я был в Зимнем саду; это в самом деле нечто великолепное [1]. Вообразите себе огромное пространство, наполненное цветами, деревьями, статуями и на чрезвычайной высоте накрытое стеклянным куполом, поддерживаемым массой литых, тонких и стройных чугунных колонн; в глубине — великолепный фонтан. Единственным drawback *, или единственным испытанным мною неудовольствием, был запах от мокрых каменных плит, теплый и слегка тошнотворный. Говорят также, будто дождик проникает сюда слишком легко. Но я представляю себе, что красивый бал в Зимнем саду должен быть ослепительным зрелищем.

Ваш муж наверное говорил Вам о новом романе г-жи Санд, который «Журналь дэ Деба» печатает в своем фельетоне: «Франсуа-найденыш» [2]. Он написан превосходно: просто, правдиво, захватывающе. Может быть, она вставляет в него чрезмерно много крестьянских выражений; это порой придает ее рассказу какую-то натянутость. Искусство не есть дагерротип, и такой большой художник, как г-жа Санд, могла бы обойтись без этих капризов артиста с несколько притупленным вкусом. Но ясно видно, что ей по горло надоели социалисты, коммунисты, Пьер Леру и всякие другие философы, что она измучена и что она с наслаждением погружается в источник молодости искусства простодушного и связанного с землей. Между прочим, в самом начале предисловия есть описание осеннего дня в несколько строк... Это чудесно. Эта женщина обладает даром передавать самые тонкие, самые мимолетные впечатления твердо, ясно и понятно; она умеет *рисовать* даже благоухание, даже мельчайшие звуки... Я плохо выражаюсь, но вы меня понимаете. Описание, о котором я говорю, заставило меня вспомнить об обсаженной тополями дороге, кото-

---

* Недостатком *(англ.)*.

рая вдоль парка ведет в Жарриэль; я снова вижу золотистую листву на светлоголубом небе, пунцовые плоды шиповника на изгородях, стадо овец, пастуха с его собаками и множество еще других вещей!..

Париж в течение нескольких дней был взволнован фанатическою и противореволюционною речью г. де Монталамбера;[3] старое пэрство с неистовством рукоплескало его резким выпадам против Конвента. Еще симптом — и один из важнейших — состояния умов. Мир переживает родовые схватки... Есть много людей, заинтересованных в том, чтобы произошел выкидыш. Посмотрим.

Кстати о родах. Собачка м-ль Женни умерла в родах, бедное маленькое животное! Она, наверное, много страдала. Эта смерть заставила отменить одну пятницу.

Итак, у вас снег и сани; у нас только грязь и дождь. Я отсюда вижу, как к Вам входит милый Герман Мюллер-Штрюбинг с веткой сирени в руках. Пришлите же Вашей матушке маленькое описание Вашей квартиры; это очень поможет воображению Ваших друзей, которое, я Вам это обещаю, часто направляет свой полет в сторону Берлина.

Ну, а г-жа Ланге все еще продолжает Вам нравиться? Напишите нам о ней.

А дамы Каменские?

Я работаю много и довольно плодотворно.

Я уже почти прочел всего «Жиль-Бласа»[4] по-испански, перевожу «Манон Леско»[5] и вступил в переписку с другим учеником моего учителя, переписку анонимную, не имеющую иной цели, кроме нашего усовершенствования в изучении «magnifica lengua castellana *. Но какая удача! В одном из писем я немного позабавился (уж не помню по какому поводу) насчет австрийского правительства, а оказалось, что мой корреспондент весьма патриотичный венский еврей. Впрочем, мой учитель уверяет, что он малый добрый и не принял этого в дурную сторону.

В то же время я работаю над комедией, предназначенной для одного московского актера[6]. Вы видите, я

---

* Великолепный кастильский язык *(исп.)*.

времени не теряю. (NB. Вы видите также, что я утилизирую поля письма.)

А затем дружески вам всем кланяюсь; на этих днях я отвечу на любезное письмо señor don Louis *.

Будьте здоровы.

Преданный Вам
Иван Тургенев.

[1] *Зимний сад* — коммерческое и увеселительное предприятие, выставка цветов и растений, ресторан и т. д., устроенное на акционерных началах.

[2] *«Франсуа-найденыш»* — один из «деревенских» романов Жорж Санд. Обращение писательницы к изображению жизни простого люда Тургенев противопоставлял увлечению теоретическими проблемами философии, социологии и политики, характерному для Ж. Санд в первой половине 40-х годов.

[3] Речь Монталамбера, произнесенная в палате пэров 14 января 1848 года, призывала к борьбе против «радикализма», то есть революции, во имя порядка и «истинной свободы», против идей 1793 года во имя «институтов 1830 года».

[4] *«Жиль-Блас»* — роман французского писателя Лесажа, изданный в 1715—1735 годах.

[5] *«Манон Леско»* — повесть аббата Прево (1731), одно из замечательнейших произведений французской прозы XVIII века.

[6] «Нахлебник»; комедия предназначалась для М. С. Щепкина в центральной роли Кузовкина (см. т. 9 наст. изд.).

21
ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
Суббота, 29 апреля ⟨н. ст.⟩ 1848 г.

Guten Morgen und tausend Dank, teuerste Madame **. Итак, я Вам скажу, что все эти дни погода стояла туманная, угрюмая, плаксивая и нездоровая, холодноватая, чтобы не сказать холодная — very gentlemanlike ***, то есть ужасная! Я подожду более благоприятного

* Сеньора дона Луиса *(исп.)*.
** Доброго утра и тысячу благодарностей, дорогая *(нем.)*.
*** Вполне по-джентльменски *(англ.)*.

солнца для того, чтобы отправиться в Фонтенбло; до сих пор у нас была только genuine english tun, warranted to produce a gentle and confortable heat *. Однако это мне не помешало вчера пойти на выставку [1]. Поверите ли, что на этой чертовски большой выставке мне по-настоящему понравился лишь маленький эскиз Делакруа — «Лев, пожирающий овцу в лесу». Огненно-рыжий, ощетинившийся лев великолепен; он расположился очень удобно, он ест с аппетитом, со сладострастием, с полной безмятежностью; и какая сила в этом грязном и теплом колорите, где темные пятна перемежаются с ярким светом, колорите, столь свойственном Делакруа! Там же выставлены две другие его картины: «Смерть Валентина» (в Фаусте) и «Смерть Христа», две ужасные мазни — если осмелюсь так выразиться! Затем... ничего; печальная выставка для первого шага республики!

Вечером я смотрел балет «Пять чувств». Это невообразимый вздор. Между прочим, там есть сцена магнетизма (Гризи магнетизирует г. Петипа, чтобы внушить ему чувство вкуса), которая представляет собою нечто колоссальное в смысле глупости! Народу было много, и много аплодировали. Гризи действительно очень хорошо танцевала. Но балет скучная вещь — ноги, ноги и опять все ноги... это однообразно.

Перед балетом давали второй акт «Лючии» [2] с Пультье!!. Парто!!. и какою-то девицей Раби, или Риба, или Риби или Раба — словом, совсем безыменное имя. Эта анонимная девица ужасно боялась, но голос ее очень плох; она, по правде сказать, безобразна лицом, что ей не мешает быть старой...

Воскресенье, 30 апреля

Здравствуйте, сударыня. Когда утром покажешь свой нос за окошко... позвольте, да ведь это стих! Ну, так как он явился в единственном числе, то надо из вежливости дать ему товарища...

---

* Настоящая английская бочка, способная производить приятную и комфортабельную теплоту *(англ.)*

«Не видишь ничего, может быть — а быть может, немножко!»

Это чистейший Гюго. Но я хотел сказать что-то другое, — я хотел сказать, что когда (ах! проклятое перо!) утром высовываешь нос в окно и вдыхаешь весенний воздух, — не можешь подавить в себе желания быть счастливым. Жизнь — это красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности, это единственное мгновение, которое нам принадлежит, — и т. д., и т. д., и т. д., это все очень избито, а между тем это верно. (Завтра я куплю себе других перьев: эти отвратительны и портят мне удовольствие писать Вам.) Посмотрим, однако. (Ах слава богу, вот нашлось одно, довольно сносное!) Что я делал вчера, в субботу? Я читал книгу, о которой часто отзывался с большою похвалой, не зная ее, каюсь в этом. «Провинциальные письма» Паскаля [3]. Это прекрасно во всех отношениях. Здравый смысл, красноречие, комическая жилка — все здесь есть. Но тем не менее это произведение раба, раба католицизма, —«херувимы, эти блаженные существа, состоящие из головы и крыльев», «эти прославленные парящие лики, всегда багряные и пламенеющие», иезуита Ле-Муана, — рассмешили меня до слез.

Потом я отправился на выставку скульптур, олицетворяющих республику, или скорее семисот эскизов, представляющих эту фигуру, и возвратился оттуда столь же возмущенный, как и все. Это невообразимая мерзость! Какой конкурс! Где ты, жюри?

Затем я провел вечер у Т..., о котором я Вам уже говорил [4]. Мы там вели разговор более или менее интересный, но очень томительный. Знаете ли Вы такие дома, где невозможно разговаривать, не напрягая ума, где разговор становится рядом задач, которые приходится решать в поте своего разумения, где хозяева дома не подозревают того, что часто самое деликатное внимание с их стороны, это — не обращать внимания на своих гостей; где каждое слово как будто прилипает? Какая пытка! Такой разговор — это езда на перекладных, где вы представляете лошадь.

Затем, ложась спать, я прочел «Путешествие вокруг моей комнаты» графа де Местра, еще одну вещь,

которой я не знал; но это путешествие мне очень мало понравилось; это подражание Стерну, — написанное очень умным человеком, — а я заметил, что самые умные подражания бывают как раз самыми отвратительными, если к ним относиться серьезно. Глупый человек списывает рабски; умный человек, лишенный таланта, подражает претенциозно и с усилием, с самым худшим изо всех усилий, с усилием быть оригинальным. Бьющаяся в плену мысль — печальное зрелище!

Подражатели Стерна в особенности вызывают во мне отвращение, — эгоисты, полные чувствительности, которые нежатся, облизываются, любуются собой, стараясь в то же время казаться простыми и добродушными (Топфер немного в этом роде).

Экспедиция моего друга Гервега потерпела полное фиаско;[5] эти несчастные немецкие рабочие подверглись ужасному избиению. Второй начальник, Борнштедт, был убит; что касается до Гервега, то он, говорят, вернулся в Страсбург со своей женой. Если он приедет сюда, я ему посоветую перечитать «Короля Лира», особенно сцену между королем, Эдгаром и шутом в лесу. Бедняга! Ему следовало или не начинать дела, или дать убить себя, как это сделал другой. . . . . .

. . . . . .

Возвращается ли Ваш муж в Париж? Г. Бастид находится в списке избранных.

Г-жа Сичес писала мне о Вас. Я надеюсь, сударыня, что Вы будете так добры и вскоре мне напишете.

До завтра...

Понедельник, 1 мая, 11 ч. вечера

Я воспользовался наступившей сегодня хорошею погодой, чтобы отправиться в Виль д'Аврэ, деревушку за Сен-Клу. Я думаю, что найму там комнату. Я провел более четырех часов в лесах — печальный, растроганный, внимательный, поглощающий и поглощенный. Странное впечатление производит природа на человека, когда он один... В глубине этого впечатления есть

ощущение горечи, свежей, как благоухание полей, немного меланхолии, ясной, как в пении птиц. Вы понимаете, что я хочу сказать, Вы понимаете меня гораздо лучше, чем я сам себя понимаю. Я без волнения не могу видеть ветку, покрытую молодыми зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывающуюся на голубом небе, — почему? Да, почему? По причине ли контраста между этой маленькой живой веточкой, колеблющейся от малейшего дуновения, которую я могу сломать, которая должна умереть, но которую какая-то щедрая сила оживляет и окрашивает, и этою вечною и пустою беспредельностью, этим небом, которое сине и лучезарно только благодаря земле? (Потому что вне нашей атмосферы холод достигает 70° и света очень мало. Свет усиливается стократно при соприкосновении с землей.) Ах! Я не выношу неба — но жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее мимолетную красоту... все это я обожаю. Я ведь прикован к земле. Я предпочту созерцать торопливые движения утки, которая влажной лапкой чешет себе затылок на краю лужи, или длинные сверкающие капли воды, медленно падающие с морды неподвижной коровы, которая только что напилась в пруду, куда она вошла по колено, — всему тому, что херувимы (эти прославленные парящие лики) могут увидеть в небесах...

Вторник, 2 мая, 9½ ч. утра

Вчера вечером я находился в философско-пантеистическом настроении ума. Поговорим сегодня о другом. Я хочу говорить о Вас, а это доказывает... что сегодня я гораздо умнее.

Вы дебютируете в «Гугенотах»; это очень хорошо. Но не следует допускать, чтобы Вам давали исполнять только драматические роли. Что, если бы Вы спели «Сомнамбулу?»... это лучшая роль м-ль Линд; она в ней дебютирует — ну так что же? Мне кажется, что я могу ручаться за большой успех. Вы пойдете ее слушать послезавтра; Вы мне напишете, не правда ли, о впечатлении, которое она на вас произведет? Во всяком случае, не допускайте, чтобы Вас замыкали в специаль-

ность драматических ролей. Газеты сообщают, что Вы дебютируете 6-го, в субботу, верно ли это? В этот вечер в Париже кто-то будет... не говорю: беспокоиться, но во всяком случае... он будет не в своей обычной тарелке. Какое странное выражение, быть в своей тарелке, будто кушанье! А кто нас ест? боги? а если о ком-нибудь говорят, что он встревожен, что он не в своей обычной тарелке: эта тревога происходит, может быть, от возможности быть пожранным не своим, а другим богом? Я говорю глупости. Люди нас щиплют, как траву, а бог нас пожирает!!!

Третьего дня я ходил смотреть Фредерика Леметра в «Робере Макэре» [6]. Вещь эта плохо сделана и гнусна, но Фредерик — самый сильный актер, какого я только знаю. В этой пьесе он страшен. Робер Макер — это тот же Прометей, но самый чудовищный из всех. Какая дерзость, какая бесстыдная наглость, какой цинический апломб, какой вызов всему и какое презрение всего! Публика держит себя превосходно: спокойно, холодно и с достоинством. Честное слово, последний уличный мальчишка наслаждается, как художник, талантом Фредерика, а роль его находит отвратительной. Но какая подавляющая правда, какое вдохновение!.. Но, видите ли, нравственное чувство и чувство прекрасного — это две шишки, которые не имеют ничего общего между собой. Счастлив тот, кто обладает ими обеими.

Сегодня великолепная погода. Я выйду через час и вернусь только поздним вечером. Мне надо найти себе маленькую комнатку вне Парижа. Поселиться в Виль д'Аврэ мне помешало то, что нужно переправляться через Сену (чтобы попасть туда) по понтонному мосту, и притом пешком, — так как судовщики воспользовались февральской революцией и разрушили железнодорожный мост, — а это берет много времени.

Я постараюсь пробраться на трибуны Национального собрания в день открытия [7]. Если это мне удастся, обещаю Вам прислать самое точное описание. С Вашей стороны, сударыня, когда Вы совсем устроитесь, Вы мне опишете Ваш дом и Вашу гостиную. Сделайте это, будьте любезные, pojalouïsta.

А теперь, сударыня, позвольте мне пожать Вам руку. Тысяча благопожеланий г-же Гарсиа, Вашему супругу, м-ль Антонии и Луизе. Leben Sie wohl.

Ihr ergebener Freund *

Ив. Тургенев.

[1] *Выставка*, о которой пишет Тургенев, — ежегодный весенний «Салон» живописи, рисунков и скульптуры в Париже, — была первой после февральской революции, большой по количеству экспонатов (5180 номеров) и, по общему признанию, очень неинтересной.

[2] *«Лючия»* («Лючия ди Ламмермур») — опера итальянского композитора Доницетти на сюжет романа Вальтера Скотта «Ламмермурская невеста».

[3] *«Провинциальные письма»* Б. Паскаля — блестящий по форме памфлет против иезуитов и церковного мракобесия, написанный, однако, с позиций католицизма.

[4] Речь идет, вероятно, о семействе Тучковых, жившем в Париже в 1848—1849 годах.

[5] Георг Гервег организовал в марте — апреле 1848 года поход вооруженного немецкого рабочего «легиона» из Парижа в Германию для участия в германской революции, несмотря на противодействие этому предприятию Карла Маркса и Герцена. 27 апреля легион был разбит вюртембергскими войсками и почти весь уничтожен. Сам Гервег едва спасся, а его друг и помощник Борнштедт был убит.

[6] *Робер Макер* — герой мелодрамы Антье, Сент-Амана и Полианта «Адретская гостиница», а также пьесы «Робер Макер» (явившейся продолжением «Адретской гостиницы»), написанной самим исполнителем роли Макера, Фредериком Лемétром. Имя Робера Макера — буржуазного дельца, способного ради наживы на любое преступление, — благодаря талантливой игре Фр. Лемétра стало нарицательным.

[7] Национальное учредительное собрание, избранное всеобщим голосованием в конце апреля, открылось 4 мая 1848 года. Подробный анализ и суровую критику деятельности этого реакционного собрания, представлявшего интересы крупных собственников, дал К. Маркс в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», главы II и III (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. VII, 1956, стр. 33—96). Резко отрицательную характеристику собрания оставил Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. V, М. 1955, стр. 134—152).

---

* Будьте здоровы. Ваш преданный друг *(нем.)*.

22

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Точное донесение о том, что я видел в течение дня в понедельник, 15 мая [1] ⟨н. ст. 1848. Париж⟩

Я вышел из дома в полдень. Вид бульваров не представлял ничего необычайного; однако на площади Мадлены уже находилось от двухсот до трехсот рабочих со знаменами.

Стояла удушливая жара. В группах говорили с оживлением. Вскоре я увидал, как какой-то старик лет шестидесяти влез на стул в левом углу площади и стал говорить речь в защиту Польши. Я приблизился; то, что он говорил, было очень резко и очень плоско; тем не менее ему много рукоплескали. Я услыхал, как возле меня говорили, что это аббат Шатель.

Через несколько минут я увидал, как с площади Согласия приближается генерал Куртэ верхом на белом коне (наподобие Лафайета); он направился в сторону бульваров, кланяясь толпе, и вдруг начал говорить возбужденно и с чрезвычайной жестикуляцией; я не мог слышать того, что он говорил. Затем он вернулся тою же дорогой, какой приехал.

Вскоре показалось шествие; оно двигалось по шестнадцати человек в ряд, со знаменами впереди; человек тридцать офицеров национальной гвардии всяких чинов сопровождали петицию. Человек с длинной бородой (который, как я потом узнал, был Юбер [2]) ехал в кабриолете.

Я видел, как процессия медленно развертывалась предо мной (я поместился на ступенях Мадлены) и направлялась к Национальному собранию... Я не переставал следить за нею глазами. Голова колонны на мгновение остановилась у моста Согласия, затем проследовала до решетки. Время от времени раздавался громкий возглас: Vive la Pologne! *—возглас, для слуха несравненно более мрачный, чем: Vive la République!**, ибо звук *о* был вместо звука *и*.

---

* Да здравствует Польша! *(франц.)*

** Да здравствует Республика! *(франц.)*

Вскоре можно было видеть, как люди в блузах поспешно поднялись по ступеням дворца Собрания; вокруг меня говорили, что это делегаты, которые были допущены в здание. Между тем мне вспомнилось, что несколько дней тому назад Собрание постановило не принимать подателей петиций в зале заседаний, как это делалось в Конвенте; и хотя я был вполне осведомлен о слабости и нерешительности наших новых законодателей, я нашел это несколько странным.

Я сошел со своей вышки и отправился вдоль процессии, которая остановилась у самой решетки здания Палаты. Вся площадь Согласия была запружена народом. Я слышал, как вокруг меня говорили, что Собрание в эту минуту принимает делегатов и что вся процессия продефилирует перед ним. На ступенях перистиля стояло человек сто солдат подвижной гвардии [4] с ружьями, но без штыков.

Подавленный жарой, я зашел на минутку в Елисейские поля, затем вернулся домой с намерением захватить с собой Гервега [3]. Не застав его, я вернулся на площадь Согласия; было около трех часов. На площади все еще была огромная толпа народа, но процессия исчезла; виднелся только по ту сторону моста ее хвост и последние знамена. Едва успел я миновать обелиск, как увидал человека без шляпы, в черном фраке, который бежал с выражением отчаяния на лице и кричал встречным: «Друзья мои, друзья мои, Собрание захвачено, идите к нам на помощь; я представитель народа!»

Я направился как только мог скорее к мосту, но увидал, что он загражден отрядом подвижной гвардии. В толпе внезапно распространилось невероятное смятение. Многие уходили; одни утверждали, что Собрание распущено, другие это отрицали; в общем — невообразимая суматоха.

А между тем снаружи Собрание не представляло ничего необычайного; стража его сторожила, как будто ничего не произошло. Одно мгновение мы услыхали, как барабаны забили сбор, затем все смолкло (впоследствии мы узнали, что сам председатель приказал пре-

кратить бой сбора, из осторожности или же из трусости).

Так прошло долгих два часа! Никто не знал ничего положительного, но восстание, казалось, одержало верх.

Мне удалось пробиться сквозь строй гвардейцев у моста, и я взобрался на парапет. Я увидал массу народа, но без знамен, которая бежала вдоль набережной по ту сторону Сены...

— Они направляются в ратушу! — воскликнул кто-то возле меня, — это опять так же, как было 24 февраля.

Я спустился с намерением идти к ратуше... Но в это мгновение мы вдруг услыхали продолжительную барабанную дробь, со стороны Мадлены появился батальон подвижной гвардии, который двинулся в атаку на нас. Но так как за исключением какой-нибудь горсти человек, из которых только один был вооружен пистолетом, никто не оказал им никакого сопротивления, то солдаты остановились перед мостом, а мятежников отвели в полицию.

Тем не менее даже и тогда, казалось, ничего не было решено; скажу больше: поведение подвижной гвардии было довольно нерешительно. В течение по крайней мере часа до ее появления и в течение четверти часа по ее прибытии все верили в успех восстания, только и слышались слова: «Дело кончено!», произносимые то радостно, то печально, смотря по образу мыслей тех, кто их произносил.

Командир баталиона, человек истинно французской наружности, веселой и решительной, обратился к своим солдатам с краткой речью, которую закончил словами: «Французы всегда будут французами. Да здравствует республика!» Это его не компрометировало.

Я забыл Вам сказать, что во время этих двух часов тревоги и ожидания, о которых я Вам говорил, мы видели, как легион национальной гвардии медленно углубился в авеню Елисейских полей и перешел Сену по мосту, находящемуся против Дома Инвалидов. Вот этот-то легион напал на мятежников с тыла и оттеснил их от Собрания.

Между тем батальон подвижной гвардии, подошедший от Мадлены, был встречен взрывами восторга буржуа... Возгласы: «Да здравствует Национальное собрание!» — начались с новою силой. Вдруг распространился слух, что представители снова вернулись в залу заседаний. Все сразу переменилось. Со всех сторон зазвучал сбор; солдаты подвижной гвардии (уж действительно подвижная!) надели свои шапки на штыки (что, говоря в скобках, произвело чрезвычайный эффект) и закричали: «Да здравствует Национальное собрание!» Какой-то подполковник национальной гвардии прибежал запыхавшись, собрал вокруг себя с сотню людей и рассказал нам, что́ произошло:

«Собрание сильнее, чем когда-либо! — воскликнул он... — Мы раздавили негодяев... О господа, я видел ужасы... видел, как оскорбляли, били депутатов!..»

Десять минут спустя все подступы к Собранию были запружены войсками; пушки с грохотом подъезжали крупною рысью; линейные войска, уланы... Порядок, буржуа восторжествовали, на этот раз по праву.

Я оставался еще на площади до шести часов... Тогда я узнал, что и в ратуше победа осталась за правительством... Я пообедал в этот день только в семь часов.

Изо всей массы явлений, поразивших меня, я приведу только три: во-первых, внешний порядок, который не переставал царить вокруг палаты; эти картонные игрушки, именуемые солдатами, охраняли восстание так тщательно, как только это было возможно: дав ему пройти, они сомкнулись за ним. Нужно по правде сказать, что Собрание, со своей стороны, показало себя ниже всего, чего можно было от него ожидать; оно, не протестуя, слушало в течение получаса разглагольствия Бланки! Председатель не надел шляпы! В продолжение двух часов представители не покидали своих скамей и ушли лишь тогда, когда их прогнали. Если б эта неподвижность была неподвижностью римских сенаторов перед галлами, это было бы величественно; но нет, безмолвие было безмолвием страха; они заседали, председатель председательствовал... Никто, за исключением г. Адельсварда, не протестовал... и даже сам Клеман

Тома прервал Бланки лишь для того, чтобы с важностью потребовать слова!

Поразило меня также и то, с каким видом разносчики лимонада и сигар расхаживали по рядам толпы: алчные, довольные и равнодушные, они имели вид рыболовов, которые тащат хорошо наполненный невод!

В-третьих, что очень удивило меня самого, это сознание невозможности дать себе отчет в чувствах народа в подобный момент; честное слово, я не был в состоянии угадать, чего они хотят, чего опасаются, революционеры ли они, или реакционеры, или же просто друзья порядка. Они, казалось, только ожидали окончания бури. А между тем я часто обращался к рабочим в блузах... Они ожидали... они ожидали!.. Что же такое история?.. Провидение, случай, ирония или рок?..

Ив. Тургенев.

[1] 15 мая (н. ст.) была назначена демонстрация парижских рабочих перед Национальным собранием в защиту угнетенной Польши. Демонстрация переросла в выступление рабочего класса против буржуазии и ее послушного орудия — Национального собрания. Мирное выступление французского пролетариата было подавлено вооруженной силой; буржуазия использовала его для расправы с руководителями рабочего движения. По словам К. Маркса, «Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе...», но когда власть буржуазии окрепла после выборов в Национальное собрание, буржуазии «надо было победить их в уличной борьбе, надо было показать им, что они осуждены на поражение, когда сражаются не *в союзе* с буржуазией, а *против* нее... Пролетариат ускорил развязку, когда, ворвавшись 15 мая в Национальное собрание, сделал безуспешную попытку вернуть себе свое прежнее революционное влияние; он достиг лишь того, что его энергичные вожди попали в руки тюремщиков буржуазии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, 1956, стр. 28).

События 15 мая явились предшествием рабочего восстания 23—25 июня («июньских дней»), потопленного в крови буржуазной национальной гвардией.

[2] *Юбер* был одним из главных организаторов демонстрации 15 мая; взойдя на трибуну Национального собрания, он объявил его распущенным.

[3] Поэт Гервег жил в одном доме с Тургеневым. См. очерк Тургенева «Наши послали! (Эпизод из истории июньских дней 1848 года в Париже)», написанный в 1873 году (см. т. 11 наст. изд.).

[4] Подвижная (мобильная) гвардия была образована Временным правительством «из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет»; они «принадлежали большей частью к *люмпен-пролетариату,* который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата», и представляли собою «24 000 юношески-крепких, отчаянных людей» (К. Маркс, Соч., т. VII, 1956, стр. 23). Мобильная гвардия использовалась буржуазией против рабочих 15 мая и особенно в «июньские дни».

23

А. А. КРАЕВСКОМУ

Париж, $\frac{26}{14}$ ноября 1848 г.

Я Вам бог знает как давно не писал, любезный Краевский; но надобно, наконец, честь знать. Я не забыл, что я Ваш должник, и поверьте — я того мнения, что порядочный человек свои долги платить должен [1]. Если Вам мои литературные труды могут еще годиться — напишите мне; у меня есть теперь вещи две готовых; [2] я бы одну из них тотчас к Вам выслал, но я подумал, что лучше сперва справиться: в каких отношениях мы находимся? Я надеюсь — в отличных; но уверен в этом я буду только по получении от Вас письма. Итак: чем прикажете Вам заплатить? Жду Вашего решенья.

А до тех пор остаюсь с искренним уваженьем

преданный Вам

Ив. Тургенев.

Мой адрес: Rue Fronchet, № 1.

[1] После ухода Белинского из «Отечественных записок» и основания «Современника» (то есть с конца 1846 г.) Тургенев поместил в журнале Краевского только комедию «Безденежье» (1846, № 10) и повесть «Бреттер» (1847, № 1); между Тургеневым и Краевским остались денежные счеты.

[2] Комедия «Нахлебник» и, вероятно, повесть «Дневник лишнего человека».

24

М. С. ЩЕПКИНУ

Париж
3-го (15-го) декабря 1848 г.

Вы уже, должно быть, неделю тому назад получили второй акт моей комедии [1], любезный и почтенный Михайла Семеныч, — и, вероятно, уже мне ответили; но я пишу к Вам сегодня на всякий случай — если Вы до сих пор не получили этого второго акта (первый Вам должен был доставить г-н Селиванов) — значит — мое письмо затерялось — и мне надобно будет поскорей его переписать вторично. Но я надеюсь, что оно дошло в целости; во всяком случае — если Вы до сих пор мне еще не ответили, то, пожалуйста, сделайте это теперь. Кроме желания узнать — дошло ли мое письмо — во мне есть другое, весьма понятное: мне хочется узнать, как Вам понравился мой «Нахлебник» и возьмете ли Вы его в свой бенефис. Приятель наш Г., которому я читал мою комедию, сделал два небольших замечания, которые просил меня сообщить Вам (и с которыми я совершенно согласен) [2]. Во-первых, он находит, что Кузовкину не след носить дворянский сюртук — а частный; а во-вторых, он в сцене, где Елецкий выходит от жены, уже все узнавши, и видит, что Тропачев забавляется над Кузовкиным, в словах: «Да-с, Флегонт Александрович, я, признаюсь, удивляюсь, что вам за охота с вашим воспитанием, с вашим образованием заниматься такими, смею сказать, пустыми шутками» предлагает: «смею сказать» заменить фразой — «извините за выражение» — потому что, по его мнению, «смею сказать» не идут в устах петербургского чиновника. Я с ним вполне согласен — притом же это такая мелочь, что я бы устыдился писать Вам о ней, если бы он этого не потребовал. Буду ожидать Вашего ответа — и от всей души желаю Вам всего лучшего на свете.

Будьте здоровы, веселы и счастливы. От души преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] «Нахлебник».

[2] А. И. Герцен. Его замечание о костюме Кузовкина (роль которого должен был играть Щепкин) было выполнено Тургеневым; выражение же «смею сказать» в реплике Елецкого осталось и в печатном тексте комедии.

25

А. А. КРАЕВСКОМУ

Париж, $\frac{14}{2}$ апреля 1849 г.

С неделю тому назад, любезный Краевский, получил я Ваше письмо с известием об окончательном кораблекрушении злополучного «Нахлебника». Мир его праху! Трудно, говорит священное писание, переть против рожна. Хоть за то спасибо, что изъявляете сожаленье [1].

Теперь я Вам вот что должен сказать: вчера мною отправлена в двух толстейших пакетах к Щепкину другая комедия в 3-х актах, под названьем «Холостяк» [2]. В этом произведенье цензуре не только нечего вычеркивать — но, напротив, она должна меня наградить за мою примерную нравственность. Разумеется — я очень буду рад видеть эту комедию в «Отеч⟨ественных⟩ записках», но так как она назначена для бенефиса Щепкина — а оный бенефис не будет ранее генваря будущего года, — то вам придется ждать еще долго. Во всяком случае — однако — Вы можете написать об этом Щепкину и сказать ему, что «Холостяк» назначен Вам. Я, впрочем, уже сам об этом ему писал.

Но это Вы по справедливости можете назвать журавлем в небе — и потребовать синиц в руку. И синицы есть, и одна уже совсем оперилась и через две недели, не позже, к Вам полетит. Этот «Холостяк» у меня много времени отнял — притом же я не ожидал поражения на голову «Нахлебника»... Вот Вам мои синицы:

во-1-х). Род повести под названием «Дневник лишнего человека» (я думаю, что это хорошая вещь. Она уже совершенно кончена. Остается переписать); [3]

во-2-х). «Вечеринка» — комедия в 1-м действии (тоже кончена); [4]

в 3-х). «Студент» — комедия в 5-ти действиях (первое действие кончено. Над этой вещью я намерен трудиться весь этот год) [5].

«Дневник» Вы получите непременно через две недели. За обещанные «Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩» — искренно благодарю и жду на днях № за нынешний год.

Завтра дают «Пророка» Мейербера. Я Вам пошлю отчет для «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» [6].

А засим будьте здоровы. Жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

И. Тургенев.

[1] Комедия «Нахлебник», предназначенная для бенефиса М. С. Щепкина и одновременно для публикации в «Отечественных записках», была запрещена цензурой; в измененной (по цензурным соображениям) редакции под названием «Чужой хлеб» напечатана в «Современнике», 1857, № 3; поставлена впервые на сцене в Петербурге лишь в 1862 году (см. т. 9 наст. изд.).

[2] Комедия «Холостяк» была поставлена в бенефис Щепкина (в Петербурге) 14 октября ст. ст. 1849 года; напечатана в «Отечественных записках», 1849, № 9.

[3] Напечатана в «Отечественных записках», 1850, № 4.

[4] Комедия «Вечеринка», законченная, повидимому, вчерне, до нас не дошла. Сохранился лишь список действующих лиц и начало первого явления (см. т. 9 наст. изд.).

[5] *«Студент»* — первоначальное название комедии «Месяц в деревне».

[6] Опера Мейербера «Пророк» с участием П. Виардо в роли Фидес была в первый раз поставлена в Париже 16 апреля 1849 года. Статья Тургенева «Несколько слов об опере Мейербера «Пророк» окончена им значительно позднее и напечатана в «Отечественных записках», 1850, № 2 (см. т. 11 наст. изд.).

26

ПОЛИНЕ ВИАРДО

⟨29 мая (10 июня) 1849. Париж⟩ [1]
Воскресенье, утром

Рейе только что ушел; а мне он ни за что не хочет позволить выйти раньше завтрашнего дня, и то разрешает только маленькую прогулку в экипаже.

Сегодня ночью умер Бюжо. Я в полной тревоге от чтения газет: это — сплошной крик негодования! Все — и «Presse», и «National», и «Siècle» — все призывают французов к оружию. И они правы. Сколько обнаружилось неумелости, самонадеянности, сколько коварства и цинизма! Завтра или послезавтра ожидают взрыва... [2]

Из верных источников я узнал две новости: Гайнау был *раздавлен* венгерцами под стенами Пресбурга, и дело было гораздо хуже, чем об этом сообщают газеты. Но зато русские разбили Дембинского [3]. К черту всякое национальное чувство! Для человека с сердцем есть только одно отечество — демократия, а если русские победят, ей будет нанесен смертельный удар...

Буду писать Вам завтра. В Куртавнель я не могу приехать раньше среды или четверга. А до тех пор — будьте здоровы и тысячу раз да благословит Вас бог.

Мои дружеские пожелания всем обитателям Вашего владения. Крепко жму Вашу руку. Auf Wiedersehen! *

Ваш *И. Тургенев.*

[1] Дата письма определяется сообщением Тургенева о смерти генерала Бюжо, умершего от холеры в ночь на 10 июня н. ст. 1849 года.

[2] Напряженное политическое положение в Париже было вызвано как внутренними, так и внешними обстоятельствами: недовольство внутренней политикой вызывалось все более определявшимися диктаторскими действиями президента Луи-Наполеона (будущего Наполеона III), раздражавшими мелкую буржуазию и ее «левых» руководителей; во внешней политике — контрреволюционной интервенцией французских войск против Римской республики и в защиту папы, интервенцией Николая I против венгерской национальной революции. «Взрыв», об ожидании которого пишет Тургенев, — демонстрация мелкобуржуазных «левых» партий, состоявшаяся 13 июня. См. работу К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», главы II и III (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. VII, М. 1956, стр. 57—73).

[3] Сообщения газет с театра военных действий в Венгрии были скудны и неопределенны. Слухи, сообщаемые Тургеневым, также очень неточны. Командующий австрийской армией генерал Гайнау действительно потерпел неудачу в конце мая н. ст., но не под Пресбургом (теперь — Братислава), а под Комарном. Неверен и слух о том, что русские войска генерала Паскевича разбили венгерские войска под руководством Дембинского.

---

* До свидания! *(нем.)*

27
ПОЛИНЕ ВИАРДО

Париж
Воскресенье вечером, июнь
‹29—30 мая (10—11 июня)› 1849[1]

Добрый вечер, сударыня. Как Вы поживаете в Куртавнеле? Держу тысячу против одного, что вы не угадаете, чем... Но хорош же я, держа тысячу против одного — ведь Вы уже угадали при виде этого лоскутка нотной бумаги. Да, сударыня, это я сочинил то, что́ Вы видите — музыку и слова, даю Вам слово! Сколько это мне стоило труда, пота лица, умственного терзания, не поддается описанию. Мотив я нашел довольно скоро — Вы понимаете: вдохновение! но затем подобрать его на фортепиано, а потом записать... Я разорвал четыре или пять черновиков: и все-таки даже теперь не уверен в том, что не написал чего-то чудовищно невозможного. В каком это тоне — скажите, пожалуйста? Мне пришлось с величайшим трудом собрать все музыкальные обрывки, какие всплыли в моей памяти, уверяю Вас; у меня от этого голова разболелась: что́ за труд! Как бы то ни было, может быть, это заставит Вас минуты две посмеяться.

Впрочем, я чувствую себя несравненно лучше, чем я пою; завтра я в первый раз выйду[2]. Пожалуйста, аранжируйте к этому времени бас, как для тех нот, которые я писал наудачу. Если бы Ваш брат Мануэль увидел меня за работой, — это заставило бы его вспомнить о стихах, которые он сочинял на куртавнельском мосту, описывая судорожные круги ногой и делая грациозные округленные движения руками. Черт возьми! неужели так трудно сочинять музыку? Мейербер великий человек!!!

Понедельник

Проснувшись, я нашел Ваше письмо и уже вовсе не расположен шутить. Какое несчастье! Как подумаешь — сколько дурных и бесполезных вещей существует на свете — холера, град, короли, солдаты и т. д., и т. д.! Неужели бог — человеконенавистник?

Кстати о холере, она с неистовством продолжает свои опустошения; то ей благоприятствовало тепло, теперь ее развитию способствует холод. Эта молодчина умеет приспособляться ко всякому режиму. Что до меня, то я чувствую, как ее когти меня отпускают, но понемногу; мне было разрешено выйти сегодня, — и вот у меня делается на щеке что-то вроде флюса! Где бы, черт возьми, мог я простудиться, я, который не выхожу из комнаты? Вижу себя принужденным не покидать ее и сегодня.

Бедствие, случившееся в Куртавнеле, напоминает мне тягостную сцену, свидетелем которой я был в России. Целая крестьянская семья выехала в телеге, чтобы заняться уборкой своего поля, расположенного в нескольких верстах от села; и вдруг ужаснейший град дочиста уничтожает все колосья! Прекрасное поле превратилось в грязное болото. Мне случилось проезжать мимо; все они безмолвно сидели вокруг своей телеги; женщины плакали; отец, с обнаженной головой и раскрытой грудью, ничего не говорил. Я подошел к ним, хотел было их утешить, но при первом моем слове мужик медленно повалился ничком и обеими руками натянул свою рубаху из грубого небеленого холста на голову. Это было последним движением умирающего Сократа: последний и безмолвный протест человека против жестокости себе подобных или грубого равнодушия природы. Да, она такова: она равнодушна; душа есть только в нас и, может быть, немного вокруг нас... это слабое сияние, которое древняя ночь вечно стремится поглотить. Но это не мешает негодяйке природе быть восхитительно прекрасной, и соловей может доставлять нам чарующие восторги, в то время как какое-нибудь несчастное полураздавленное насекомое мучительно умирает у него в зобу. Как все это мрачно! — мне кажется, что я говорю чересчур красноречиво, — но это ничего.

Да, что бы такое еще сказать Вам, прежде чем кончить? А, что я чрезвычайно признателен г-же Сичес за участие, которое она проявляет ко мне, и что я не неблагодарный, что я буду очень рад вновь видеть ее в

четверг, если это будет возможно. Потому что выехать раньше этого дня, — и думать нечего. Затем, прошу Вас передать от меня тысячу дружеских приветов всем, и г. Морису Сáнду, между прочим, если он этого пожелает и если он не забыл меня.

Будьте здоровы, веселитесь хорошенько, и да благословит Вас бог.

Кстати, я нашел три сюжета; правда, все они очень плохи, но при настойчивости, может быть, я и найду что-нибудь.

До свиданья, до послезавтра. В ожидании дружески жму Ваши руки.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] Дата устанавливается на основании писем и записок Тургенева к П. Виардо, опубликованных в газете «Русские ведомости», 1911, 2 августа, № 177.

[2] Тургенев в мае ст. ст. 1849 года был тяжело болен дизентерией.

28

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
31 июля ⟨н. ст.⟩ 1849 г.

Виноват я перед тобой, милый Герцен, давно к тебе не писал, хотя часто вспоминал о тебе; но я все это время провел в деревне, в совершенном уединении, — а уединение производит во мне всякий раз невыразимую лень, которую на поэтическом языке называют тишиной, погружением в тишину и т. д. Однако изредка доходили до меня слухи о тебе и твоем семействе — и теперь вот я, приехав на два дня в Париж, не хочу пропустить случая пожать тебе заочно руку и пожелать тебе и всем твоим всякого блага и добра. Где-то мы увидимся? Дела такой приняли оборот, что никакого решительного ответа на этот вопрос дать нельзя [1]. Слышал я об одном твоем намерении [2] — и не хвалю тебя

за то, за что тебя многие хвалить будут: потому что сделать это было для тебя так же естественно, как выпить бутылку шампанского. Ты славный малый — и я тебя очень люблю.

Я опять на четыре недели уезжаю в деревню охотиться, — а что после будет, — это знает один всевышний. Я не думаю, чтобы ты остался в Швейцарии. Поклонись от меня твоей жене, Гервегу и пр. Я слышал, ты на днях сделал путешествие по глетчерам. Напиши что-нибудь об этом. Жму тебе крепко руку и остаюсь навсегда

преданный тебе
И. Тургенев.

[1] Тургенев жил в это время в Куртавнеле, усадьбе Виардо. Герцен, под угрозой ареста французской полицией после народной демонстрации 13 июня н. ст. в Париже, уехал с чужим паспортом в Швейцарию — в Женеву, а затем в Цюрих — и вернулся в Париж только в январе 1850 года.

[2] Речь идет, повидимому, о желании Герцена дать крупную сумму радикальному политическому деятелю Прудону на издание газеты «Голос народа».

29

А. А. КРАЕВСКОМУ

Париж
$\frac{25}{13}$ декабря 1849 г.

Сию минуту получил я Ваше письмо, любезный Краевский, с приложенными 300 р. сер. — и немедленно отвечаю. Эти деньги решительно спасли меня от голодной смерти — и я намерен доказать Вам мою благодарность. Во-первых, посылаю Вам переписанную треть «Дневника», вещи давно оконченной, но по непростительной моей лени и неряшеству до сих пор не переписанной вполне; я Вам посылаю это для того, чтобы доказать Вам, что этот «Дневник» — не миф; над остальным я буду трудиться денно и нощно — и будь я Булгарин, если через две недели Вы не получите оконча-

ния, *вместе с отчетом* о «Пророке» [1]. Что же касается до «Гувернантки» [2] — то эта комедия совершенно отдельная от «Студента» — и на этот счет мне нужно попросить у Вас извиненья. Я позабыл, что обещал Вам «Студента», и обещал его «Современнику»; но Вы через это ничего не потеряете — потому что я Вам даю честное слово — не послать «Совр⟨еменник⟩у» «Студента» ранее, чем Вам — «Гувернантку». «Студент» доведен до 4-го акта, «Гувернантка» до 3-го (обе комедии в пяти). Вторично прошу у Вас извиненья — если по этому поводу возникнут недоразуменья. «Вечеринка» — точно окончена; но я не знаю, переписывать ли мне ее — потому что цензура наверное ее изуродует. Вот точное и верное *«положение дел»*. Порукой в моей деятельности может Вам послужить то обстоятельство, что мой разрыв с маменькой окончательно состоялся — и *мне приходится зарабатывать свой насущный хлеб* [3]. Вследствие этого Вы не будете пенять на меня, если я Вам скажу, что цена моему печатному листу 200 р. асс. Я с «Современника» — беру 50 р. сер., а Вы сами знаете разницу между Вашим листом и листом «Современника». Стало быть — я Вам должен не 610 р. 85 к. сер. — а, вычтя 28 р. $57\frac{1}{2}$ (100 р. — по 25 за лист) — останется 582 р. $27\frac{1}{2}$ к. сер. Сумма порядочная — но Вы увидите, как я ее скоро заработаю. Ваши советы насчет моего возвращенья чрезвычайно дельны — и я очень Вам благодарен за Ваше участие; впрочем, я и без того имел твердое намеренье *вернуться весной*. Пора — как Вы говорите. В начале мая — я у Вас в кабинете.

За Ваше обещание насчет «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» благодарю Вас. Надеюсь, что Вы здоровы и в духе — желаю Вам всех возможных благ. Я бы желал, чтобы «Дневник» Вам понравился: я его писал con amore *.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

* С любовью *(итал.)*.

P. S. Пожалуйста, сохраните мои рукописи к моему приезду. Через две недели окончание «Дневника»!

[1] «Дневник лишнего человека» и статья о постановке оперы Мейербера «Пророк» — произведения, обещанные для «Отечественных записок»; см. о них выше, в п. № 25 (прим. 3 и 6).

[2] Комедия *«Гувернантка»* (или «Компаньонка») до нас не дошла. Сохранился лишь список действующих лиц с пометою — «Начато 23-го марта 1850 в Париже»; пьеса не была, вероятно, написана, но некоторых ее персонажей Тургенев ввел в роман «Два поколения» (1853) (см. т. 9 наст. изд.).

[3] Разрыв Тургенева с матерью, В. П. Тургеневой-Лутовиновой, был вызван (помимо несходства их взглядов и характеров) его долгим пребыванием за границей и в особенности его отношениями с П. Виардо.

30

А. А. КРАЕВСКОМУ

Париж
22-го / 10-го января 1850 г.

Вот Вам, любезный Андрей Александрович, остальная часть «Дневника лишнего человека». Вы получите ее поздней, чем я обещал, но, я надеюсь, все еще вовремя для напечатания в февральской книжке «О〈течественных〉 з〈аписок〉». Кстати, позвольте мне попросить Вас: во-1-х) — позаботиться о том, чтобы не было опечаток, во-2-х) — по напечатании прислать мне sous bande * (как посылаются журналы) 2 экземпляра «Дневника» на мой счет, в-3-х) — я, кажется, в одном месте назвал Лирского-отца Кирилой Афанасьевичем; следует напечатать: Кирило Матвеич, в-4-х) — слова, отмеченные « », не печатать курсивом, а с теми же знаками.

Извините мелочность этих замечаний; я почему-то воображаю, что «Дневник» хорошая вещь, и желал бы видеть ее — выставленною лицом, как говорится.

Я продолжаю работать над моей «Гувернанткой»; но так как я не буду в состоянии окончить ее ранее

* Бандеролью *(франц.)*.

6 недель или 2-х месяцев, то я пока намерен просмотреть «Вечеринку» и, выкинув из нее неудобные места, тотчас перепишу и пошлю к Вам, то есть, если будет возможность сохранить ее, после операции... Увидим. Во всяком случае, Вы можете рассчитывать на лихорадочную деятельность с моей стороны. Голод не тетка, и я имею свирепые намеренья на Ваш карман.

А впрочем, будьте здоровы и благоденствуйте. Крепко жму Вам руку и желаю Вам всех благ. До свиданья в мае.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Если «Вечеринку» можно будет переделать, Вы ее получите в половине февраля, к мартовской книжке. Addio. За мною, стало быть, две вещи: комедия в 5-ти ак⟨тах⟩ и другая в 1-м ак⟨те⟩. Кстати, говорил я Вам об одной небольшой вещице под названьем «Переписка»? Я Вам и ее могу выслать [1].

[1] Рассказ «Переписка» (начатый, как видно из пометы на рукописи Тургенева, еще в 1844 году) был окончен значительно позже настоящего письма — 8 декабря 1854 года, и напечатан в «Отечественных записках», 1856, № 1 (см. т. 6 наст. изд.).

31
А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
22/10 июня 1850-го г.

Я приехал из деревни, любезный Александр, час спустя после твоего отъезда; ты можешь себе представить, как мне было это досадно; я бы так был рад еще раз с тобой повидаться перед возвращеньем в Россию. Да, брат, я возвращаюсь; все вещи мои уложены, и послезавтра я покидаю Париж и через неделю, в будущую субботу, сажусь на пароход в Штеттине [1]. Ты можешь быть уверен, что все твои письма и бумаги будут мною доставлены в целости, — и хотя ты не удостоил меня даже извещением о месте твоего пребывания, — я исполню все свои обещания; буду высылать тебе книги

и журналы на имя девицы Эрн, как мы условились — к Ротшильду; я сегодня же зайду к нему и извещу его об этом. Бог знает когда мне придется тебе писать в другой раз; бог знает что меня ждет в России — mais le vin est tiré, il faut le boire *. В случае какого-нибудь важного обстоятельства ты можешь известить меня помещением в объявлениях — «Journal des Débats», que m-r Louis Morisset de Caen ** [2] и т. д. Я буду читать этот журнал и пойму, что ты захочешь мне сказать. Прощай, милый Герцен; желаю тебе всех возможных благ; я от твоего имени обниму всех твоих друзей. Мы много будем говорить о тебе с ними. Постараюсь также по тому же адресу доставить тебе сведения об Огареве и пр. Будь здоров и действуй по возможности. Крепко жму руку твоей жене и целую твоих детей. Мой поклон Гервегу и его жене. Еще раз обнимаю тебя и остаюсь

твой

И. Тургенев.

[1] А. И. Герцен уезжал из Парижа в Ниццу. Тургенев жил в это время в Куртавнеле, а 12(24) июня выехал из Парижа в Россию.

[2] Выезжая из Парижа в Ниццу, Герцен имел уже твердое намерение отказаться от возвращения в Россию, то есть стать политическим эмигрантом (с которым прямая переписка из России была бы невозможна); этим объясняется конспиративный способ переписки через газету, предлагаемый Тургеневым; план этот, насколько известно, не был осуществлен.

52

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Тургенево [1]
понедельник, 9 сентября ⟨н. ст.⟩ 1850 г.

Здравствуйте, дорогой, добрый, благородный, чудесный друг, здравствуйте, о Вы, которая все то, что есть лучшего в мире! Дайте мне Ваши дорогие ручки,

---

* Но вино откупорено, нужно его пить *(франц.)*.

** «Журналь дэ Деба», что господин Луи Мориссе из Кана *(франц.)*.

чтоб я их расцеловал. Это мне очень поможет и приведет меня в хорошее настроение. Ну вот, так и сделано. Теперь будемте беседовать.

Итак, я должен Вам сказать, что Вы ангел доброты и что письма Ваши сделали меня счастливейшим из людей. Если б Вы знали, что́ значит дружеская рука, которая ищет Вас издалека и так нежно опускается на Вас! Испытываемое от этого чувство благодарности доходит до поклонения. Да благословит Вас бог тысячу раз! Я так нуждаюсь сейчас в душевном сочувствии, я так здесь одинок. И я не сумею Вам выразить, как люблю тех, кого люблю и кто имеет ко мне сердечное расположение.

Четверг

Я был принужден прервать это письмо три дня тому назад и спешу вернуться к Вам, как только могу это сделать. Семейные дела, или, вернее, семейные хлопоты, были тому причиной. Я начинаю думать, что все это приходит к концу; а потому и не буду Вам ничего говорить об этом до тех пор, пока не смогу сообщить Вам результата, хорош ли он будет, или плох.

Я совершил маленькое путешествие за тридцать верст отсюда; я поехал повидать одну мою «прежнюю страсть», которая была именинницей [2]. Прежняя страсть чертовски изменилась и постарела (она вышла замуж и теперь уже мать троих детей). Ее супруг весьма угрюмый и крайне мелочной человек. Я прощаю моей прежней страсти ее мужа, ее детей и даже цвет ее лица с красноватыми прожилками. Но чего я ей не прощаю, так это того, что она сделалась незначительною, сонною и пошлою; особенно же того, что она прицепила себе фальшивый хвост из *черных* волос, между тем как свои волосы у нее русые, почти белокурые, и притом сделала это до такой степени небрежно, что виден был узел, величиной с целый кулак, а концы его, один черный, другой белокурый, грациозно ниспадали направо и налево. Она села за фортепиано, но злосчастный инструмент звучал фальшиво до ужаса, звучал той слащавой фальшивостью, которая из всех самая

худшая, а она этого не замечала и играла страшно устаревшие музыкальные пьесы, и играла их весьма плохо... Увы! трижды увы! Мое прежнее пламя в настоящее время даже не дым: немножко остывшей золы, вот и все. Вот что с нами делается!

Я провел ночь в ее доме. Перед тем как лечь спать, я перечел Ваши письма: я очень Вам признателен за то, что Вы пишете мне такие хорошие письма! Если б Вы знали, как это приятно и сладостно — письмо от Вас! Что за прелестный, тонкий и верный ум, какое большое и благородное сердце раскрывается в каждой строчке! Мне доставляет удовольствие говорить Вам это, так и Вы читайте с удовольствием, потому что то, что я Вам говорю, совершенная правда — можете мне верить.

Что касается маленькой Полины [3], Вы уже знаете, что я решился следовать Вашим приказаниям и думаю лишь о средствах исполнить это быстро и хорошо. Из Москвы и Петербурга я изо дня в день буду писать Вам, что я буду делать для нее. Это долг, который я исполняю, и я счастлив исполнять его, раз Вы им интересуетесь. Si dios quiere *, она будет скоро в Париже.

Вы — мой добрый ангел. Слово *добрый ангел* заставляет меня вспомнить о романсе из «Черного домино» [4], и далее я вижу Вас, как Вы идете по траве в Куртавнеле с гитарой в руках и показываете «прекрасную Инесу» мадемуазель Антонии [5], и моя местная память тотчас же рисует мне небо, тамошние деревья, Ваше платье с коричневым рисунком, Вашу серую шляпу. Мне кажется, что я чувствую на своем лице дыхание легкого осеннего ветерка, шептавшегося в яблонях над нашими головами. Куда делось это прелестное время?.. Лучше поговорить о других вещах.

Весьма вероятно, что я имел бы о г-же Паста то мнение, которое Вы во мне предполагаете, если бы я слышал ее в Петербурге в начале моего музыкального образования, но я не имел этого счастия. Я ее и не видал и не слыхал, но теперь я знаю, что́ должен о ней думать.

---

* Если бог поможет *(исп.)*.

Вы меня спрашиваете, в чем заключается «Красота». Если, вопреки разрушительному действию времени, уничтожающему форму, в которой она выражается, она попрежнему существует... Ведь Красота — единственная бессмертная вещь, и пока продолжает еще существовать хоть малейший остаток ее материального проявления, бессмертие ее сохраняется. Красота разлита всюду, она простирает свое влияние даже над смертью. Но нигде она не сияет с такою силой, как в человеческой индивидуальности; здесь она более всего говорит разуму, а потому что до меня, то я всегда предпочту великую музыкальную силу, которой будет служить несовершенный голос, голосу красивому, но глупому, такому голосу, красота которого только материальна.

С каким нетерпением ожидаю я Вашего отзыва о втором акте «Сафо»! [6] Если Гуно не *великая* музыкальная *сила,* если в нем нет гения, то я отказываюсь от всякого суждения о людях и дарованиях. Я не могу не завидовать Вам; думайте обо мне, когда эта прекрасная музыка растрогает Вашу душу, думайте обо мне, если можете. Музыка Гуно заставляет меня думать, что «Жидовка» [7], особенно музыка, выпавшая на долю Рахили, не то что малозначительна, но находится лишь возле истины и красоты. Вы имели большой успех, и тем не менее я уверен, что эта тяжелая и натянутая декламация должна была оставить у Вас в душе большое утомление и большую пустоту. Можно сколько угодно говорить об учености, национальном колорите и т. д., божественной искры тут нет. Это не бессмертно, как должна быть бессмертна всякая истинная красота. Вот «Долина» бессмертна [8].

Помните ли Вы маленькую, очень своеобразную пятилетнюю девочку, о которой я Вам говорил в одном из моих писем? [9] Я снова ее видел и продолжаю находить этого ребенка весьма странным маленьким существом. Представьте себе самое хорошенькое маленькое личико, какое только можно видеть; черты лица невероятной тонкости, прелестную улыбку и глаза, каких я никогда не видывал, глаза взрослой женщины, то кроткие и ласкающие, то острые и наблюдательные, физиономию, ежеминутно меняющую выражение, и каждое

выражение которой изумительно по правдивости и своеобразности. Она обладает здравым смыслом, удивительной правильностью ощущений и чувств; она много размышляет и никогда не хитрит; поразительно, с какой инстинктивной прямотой ее маленький мозг движется к истине. Она верно судит обо всем, что ее окружает, начиная с моей матери, а со всем тем это ребенок, *настоящий* ребенок. Бывают минуты, когда ее взор принимает мечтательное и грустное выражение, от которого у вас сжимается сердце. Но в общем она очень весела и очень спокойна. Она меня очень любит и порою смотрит на меня такими кроткими и нежными глазами, что я бываю совсем растроган.

Ее зовут Анной; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки. Моя мать взяла ее к себе и обращается с нею как с куклой. Я обещал себе заняться со временем ее воспитанием. У меня будет целая семья на руках! Когда ей говорят что-нибудь, что ее поражает, она делает движения головой и бровями, восторгающие меня. Она как будто подвергает своему детскому обсуждению то, что слышит, и затем дает вам удивительные ответы. Я Вам сейчас расскажу об одной из ее черточек. Это было еще в Москве. Она пробыла около часа в моей комнате; мать моя наказала ее за это, не подумав о том, что я сам увел ее, и в то же время запретила ей говорить мне, за что она наказана. Я вхожу в кабинет моей матери, вижу, что малютка стоит в углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю о причине этого; мать моя рассказывает мне целую историю о непослушании и капризе; я подхожу к ней и говорю ей несколько укоризненных слов. Она отворачивает головку, ни слова не говоря. Я ухожу из дома и возвращаюсь лишь очень поздно. На другой день, рано утром, малютка приходит ко мне в комнату, спокойно садится на мой стул, некоторое время безмолвно смотрит на меня и вдруг обращается ко мне с таким вопросом:

— Вы вчера поверили тому, что вам сказала обо мне маменька?

— Да.

— Ну, вы были неправы, вот за что я была наказана... Я обещала этого вам не говорить *и я бы вам этого не сказала, если б вы не поверили маменьке.*

— Ты плакала, когда была наказана?

Она с гордостью подняла свою головку и, прищурив глазки, проговорила: «О нет!» Потом, после минутного молчания или размышления, что у нее одно и то же, она прибавила:

— Но я плакала, когда вы подошли ко мне в кабинете.

— А! так ты потому отвернула голову?

— Это вы заметили, а того, что я плакала, вы не видели.

— Нет, должен тебе в этом признаться.

Она глубоко вздохнула, поцеловала меня и ушла.

Клянусь Вам, я ни слова не прибавил к тому, что она сказала; но если б Вы видели ее личико во время всего этого объяснения! На нем читалась такая работа мысли, такая борьба чувств. Она — белокурая и очень беленькая; глаза у нее серо-синие, отливающие в черное; зубки у нее настоящие маленькие жемчужинки. Она очень любящее и очень чувствительное существо; наряду с этим у нее мало или почти вовсе нет памяти, так что она едва знает азбуку. Уверяю Вас, это крайне странное маленькое созданьице, и я с интересом ее изучаю. Ей еще нет пяти лет!

Суббота, 2/14 сентября

Сегодня у нас почтовый день, дорогой и добрый друг; следовательно, я отошлю Вам это письмо, хотя оно, невзирая на мое обещание, нисколько не походит на целый *том.* Но как бы то ни было, Вы — сама снисходительность, и я пошлю Вам другое письмо в будущий вторник, тем более что я рассчитываю иметь возможность сообщить Вам некоторые хорошие известия. Здесь очень дурная погода, надеюсь, что у Вас в Куртавнеле погода прекрасная: дождя нет, но небо серое и холодное, ветер idem *, а в промежутках между поры-

* Такой же *(лат.).*

вами ветра слышится кислое чириканье синиц в березах; появление синиц, подобно отлету журавлей и диких гусей, предвещает холод. Кстати о журавлях, мы каждый день видим их стаи, направляющиеся к югу своим правильным и медленным полетом. Помните ли Вы стихи из «Фауста»: [10]

Wenn über Flächen, über Seen,
Der Kranich nach der Heimath strebt *.

Употребление слова streben ** весьма удачно, попробуйте-ка перевести его по-французски!

Я не знаю ничего торжественнее журавлиного крика, который, кажется, падает вам на голову с облаков. Этот крик раскатист, звучен, могуч и очень меланхоличен. Он как будто говорит вам: «Прощайте, жалкие, маленькие пешки-люди, вы, которые не можете передвигаться с места; мы летим на юг, туда, где теперь будет хорошо и тепло. Вы же оставайтесь в снегах и в нищете!.. Терпение!»

Я Вам отправляю это письмо прямо отсюда; до сих пор я Вам отсылал их через контору Языкова. Не знаю, вполне ли аккуратно Вы их получаете. Я сделаю эту пробу. Нарочный ждет под окном. Это конюх моего брата, очень красивый парень и весьма довольный, что исполняет это поручение, которое всегда приносит ему кое-что, — ступай, молодец, неси это письмо! А вы, дорогие мои друзья, будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану и существовать. Да благословит вас всех господь и да пошлет он вам счастье. С благоговением целую Ваши ручки. Будьте счастливы, благословенны и здоровы!

Ваш старый друг
И. Тургенев.

[1] *Тургенево* — небольшое имение в 18 верстах от Спасского, принадлежавшее отцу писателя, С. Н. Тургеневу. Приехав в Россию в июле 1850 года после трехлетнего пребывания за грани-

---

* Когда через равнины, через моря
Журавль стремится на родину *(нем.)*.

** Стремиться *(нем.)*.

цей, писатель поселился в Тургеневе, не желая жить в Спасском из-за плохих отношений с матерью (см. п. № 29, прим. 3).

[2] Речь идет о соседке Тургенева Е. Д. Шеншиной.

[3] *Полина* — дочь И. С. Тургенева и Евдокии (Авдотьи) Ермолаевны Ивановой; в это время ей было 8 лет и она жила в Спасском, у В. П. Тургеневой. Переезд дочери Тургенева в октябре 1850 года в Париж к Полине Виардо был задуман, очевидно, по инициативе последней.

[4] *«Черное домино»* — опера Обера.

[5] Сичес.

[6] *«Сафо»* — опера Ш. Гуно.

[7] *«Жидовка»* — опера Галеви.

[8] *«Долина»* — романс Ш. Гуно на слова Ламартина.

[9] *Девочка,* о которой рассказывает Тургенев, — Анна, «незаконная» дочь его дяди, Н. Н. Тургенева, и крепостной крестьянки. В известной мере явилась прототипом Аси — героини одноименной повести (см. прим. к «Асе» в т. 6 наст. изд.).

[10] Неточная цитата из I части «Фауста» (сцена в поле, перед городскими воротами).

33

П. М. ЩЕПКИНУ

С.-Петербург
Среда, 18-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1850 г.

Любезный Николай Михайлович!

Я узнал от Грановского и Тютчева, что Вы намерены издать альманах [1] — и желаете иметь что-нибудь от меня; спешу послать Вам пятиактную комедию под названием «Две женщины» и очень был бы рад, если б она Вам пригодилась [2]. Ее здешняя цензура не хотела пропустить, хотя оба цензора нашли ее совершенно невинной; может быть, в Москве ей более посчастливится. Сверх того, я Вам еще на днях пошлю небольшую сцену: «Разговор на большой дороге» и рассказ «Два помещика» [3]. Авось что-нибудь пройдет. Я бы почел себя счастливым, если б как-нибудь мог доказать мою искреннюю благодарность и привязанность Михайле Семеновичу [4]. Вы не поверите, как мне было жаль, что его не было в Москве во время моего приезда, а мне никак нельзя было остаться долее. Надеюсь увидеть его около Нового года и лично поблагодарить его за

его расположение ко мне. Желаю ему и Вам всего хорошего на свете и остаюсь навсегда

душевно преданный Вам

Ив. Тургенев.

Мой адрес: на Невском, у Аничкина моста, в доме Лопатина.

[1] *Альманах* «Комета», издан Н. М. Щепкиным в 1851 году.

[2] *«Две женщины»* — новое название комедии «Студент» (впоследствии названной «Месяц в деревне»). Оно было дано Тургеневым после того, как комедия летом 1850 года была запрещена цензурой для «Современника»; под названием «Две женщины» пьеса, однако, вновь подверглась запрещению и в альманахе Щепкина не появилась.

[3] *«Разговор на большой дороге»* был напечатан в альманахе Н. М. Щепкина «Комета» (М. 1851); рассказ *«Два помещика»* появился лишь в отдельном издании «Записок охотника» 1852 года.

[4] Щепкину.

34

ПОЛИНЕ ВИАРДО

С.-Петербург

Четверг 26 октября (7 ноября) 1850 г.

Дорогая моя, хорошая госпожа Виардо, teuerste, liebste, beste Frau *, как Вы поживаете? Дебютировали ли Вы уже? Часто ли думаете обо мне? Нет дня, когда дорогое мне воспоминание о Вас не приходило бы на ум сотни раз; нет ночи, когда бы я не видел Вас во сне. Теперь, в разлуке, я чувствую больше чем когда-либо силу уз, скрепляющих меня с Вами и с Вашей семьей; я счастлив тем, что пользуюсь Вашей симпатией, и грустен оттого, что так далеко от Вас! Прошу небо послать мне терпения и не слишком отдалять того тысячу раз благословляемого заранее момента, когда я Вас снова увижу!

---

* Самая дорогая, любимая, лучшая женщина *(нем.)*.

Работа моя для «Современника» окончена и удалась лучше, чем я ожидал. Это, в добавление к «Запискам охотника», еще рассказ [1], где я в немного прикрашенном виде изобразил состязание двух народных певцов, на котором я присутствовал два месяца назад. Детство всех народов сходно, и мои певцы напомнили мне Гомера. Потом я перестал думать об этом, так как иначе перо выпало бы у меня из рук. Состязание происходило в кабачке, и там было много оригинальных личностей, которые я пытался зарисовать à la Téniers *. Черт побери! какие громкие имена я цитирую при каждом удобном случае! Видите ли, нам, маленьким литераторам ценою в два су, нужны крепкие костыли для того, чтобы двигаться.

Одним словом, мой рассказ понравился — и слава богу!

Суббота, 28-го октября

Сегодня — день моего рождения, и Вы легко поймете, что я не мог пропустить его, не протянув Вам обе руки. Сегодня я вступаю в тридцать второй год... [2] Становлюсь стар! Сегодня ровно семь лет, как я в первый раз встретил Вашего мужа у майора Комарова; помните ли Вы это смешное существо? В будущий вторник исполнится семь лет с тех пор, как я в первый раз был у Вас [3]. И вот мы остались друзьями, и, мне кажется, хорошими друзьями. И мне радостно сказать Вам по истечении семи лет, что я ничего не видел на свете лучше Вас, что встретить Вас на своем пути — было величайшим счастьем моей жизни, что моя преданность и благодарность Вам не имеет границ и умрет только вместе со мною. Да благословит Вас бог тысячу раз! Молю его об этом на коленях и сложив руки. Вы — все, что есть самого лучшего, благородного и симпатичного на этом свете.

Сегодня вечером большое сборище друзей у Тютчева для празднования моего и его дня рождения: мы родились в один и тот же день. Это — превосходный человек, отличный малый, и я люблю его всем сердцем, его же-

---

* В манере Тенирса *(франц.)*.

ну — тоже. Кстати, Вы не забудете справиться, возможно ли устроить то, что я просил Вас сделать для них?

Полина должна находиться в данный момент на пути из Варшавы в Берлин [4]. Надеюсь, что она приедет здоровой. Об ее характере мне мало остается прибавить к тому, что я уже сказал; думаю только, что она более восприимчива, чем я считал раньше; за две недели своего пребывания у Тютчевых она, повидимому, сильно изменилась к лучшему. Пока я не чувствую к ней большой нежности; может быть, это придет позже. Но я твердо решил с этого времени делать для нее все, что будет зависеть от меня.

Надо мне внести поправку в то, что я писал Вам в последнем письме. Вчера утром я был у графа Михаила Виельгорского и видел там графа Матвея; оба они живо интересуются Вами, засыпали меня вопросами о Вас, о Фидес [5], о Ваших намерениях и т. д. Я много говорил о Вас, а также о Гуно, который может теперь считать в России двумя друзьями и поклонниками больше. Граф Михаил просил меня умолять его прислать им что-нибудь (напр. «Sanctus» или «Requiem»); [6] они берутся исполнить присланное при помощи всех огромных средств, которыми они располагают. Скажите об этом два слова Гуно; отчего бы ему не сделать этого? Он может быть уверен, что будет сделано все для достойного выполнения задачи. Мне кажется, что в Англии ничего не было сделано. Вы бы мне рассказали об этом. Петербург не стоит Лондона в музыкальном отношении, но тем не менее здешняя публика заслуживает внимания. Вы это хорошо знаете.

Понедельник, 31 октября (12 ноября)

Только что получил Ваше письмо, дорогая, добрая госпожа Виардо; как грустно мне стало от него. У Вас болят глаза и невралгические боли в ухе снова вернулись, бедняжка Вы моя! Зачем Вы страдаете? Если бы я только мог взять на себя Ваши страдания, с каким удовольствием, с какой радостью я бы это сделал! Хочу надеяться, что это письмо застанет Вас уже оправившейся; но я буду спокоен только тогда, когда Вы сами

сообщите мне об этом. Смотрите же, успокойте меня поскорее! С сегодняшнего утра я не могу думать ни о чем другом, кроме этого ужасного дня в Париже, когда Вы так измучились... Я бы охотно дал себе отрезать руку, если б это могло помочь Вам; право, меня раздражает, что я здоров в то время, как Вы страдаете. Оправляйтесь скорее, милый друг, и сообщите мне об этом немедля. То, что Вы рассказываете в своем письме о приеме, который Вам сделал оркестр, доставило бы мне гораздо больше удовольствия, если бы дурные известия о Вашем нездоровье не испортили его. Они отнимают от меня мужество говорить о другом. Все-таки скажу Вам, что я занят сейчас сочинением комедии в одном действии для талантливой актрисы, Самойловой [7]. Я не видел еще ни одной своей комедии на сцене. Идут все бенефисы, почти без перерыва, и потому нужно всё новые пьесы; но одна из моих комедий объявлена на послезавтра. Я Вам сообщу свое личное впечатление от нее [8]. Другая комедия, в пяти действиях, посланная сюда и запрещенная цензурой, пользуется сейчас довольно большим успехом в салонах [9]. Завтра я начну новое письмо, № 1, и буду просить бога, чтобы число писем не дошло до 50. Но главное, выздоравливайте скорее.

Mein Gott, ich möchte mein ganzes Leben als Teppich unter Ihre lieben Füsse, die ich 1000 mal küsse, breiten *. Тысяча приветствий всем, а что Вас касается, Sie wissen, dass ich Ihnen ganz und auf ewig angehöre **. Целую Гуно. Будьте все счастливы и довольны. Ваш *И. Т.*

[1] «Певцы»; первоначально рассказ назывался «Притынный кабачок»; напечатан в «Современнике», 1850, № 11 (см. прим. в т. 1 наст. изд.).

[2] Тургенев ошибается: он родился в 1818 году и 28 октября 1850 года «вступил» в 33-й год жизни.

[3] Тургенев познакомился с Луи Виардо 28 октября, а с Полиной Виардо — 1 ноября 1843 года, в Петербурге.

[4] См. прим. 3 к п. № 32.

[5] См. прим. 6 к п. № 25.

---

* Боже мой, я бы мог всю мою жизнь разостлать, как ковер, под Вашими милыми ногами, которые целую 1000 раз *(нем.)*.

** Вы знаете, что я принадлежу Вам весь и навсегда *(нем.)*.

[6] «Санктус» и «Реквием» — произведения Ш. Гуно.

[7] Комедия «Провинциалка» предназначалась для петербургской актрисы Н. В. Самойловой в главной роли Дарьи Ивановны; однако выступила в этой роли ее сестра, В. В. Самойлова.

[8] Комедия Тургенева «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» шла в Александринском театре 12 ноября 1850 года. Тургенев, видимо, ошибается, когда пишет о представлении одной из его комедий «послезавтра», то есть 1 ноября.

[9] «Месяц в деревне» (см. прим. в т. 9 наст. изд.).

53

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

С.-Петербург
Воскресенье, 4-го (16-го) марта 1851.

Козлоногому сатиру, одетому студентом и прикидывающемуся добродетельным человеком, — Евгению Феоктистову мой усердный поклон. Не без умиленья читал я Ваше добела раскаленное описание Ирки на концерте Марио: «Господи, господи, — думал я, — есть же такие волканические темпераменты! Господи! — продолжал я, — не дай этой Этне изныть в тоске одиночества; но пошли ей чего она жаждет с такой неслыханной энергией!» Надеюсь, что моя бескорыстная мольба будет услышана.

А конечно — Вы правы — ум на маскараде — последнее дело. Лучшим тому доказательством служит то обстоятельство, что вот я не вернулся к моей маске — даром что она умна как бес и даром что я, по Вашим словам, желаю только баловать свою душу. А что касается до таинственной незнакомки Боткина, то уверяю Вас честью, что она стара и безобразна — в чем Вы можете сами убедиться, сходив в дом Жола в третий этаж.

Понедельник, 12-го/24-го марта

Продолжаю мое письмо сегодня; все это время был занят и не в духе. В № «Современника», отправленного третьего дня в Москву, — есть еще одна моя статейка, о которой также прошу сказать Ваше мнение[1]. В главном характере много *поневоле* недосказанного — хо-

чется мне знать, можно ли понять в чем дело? Что касается до Ваших замечаний насчет «Бежина луга» — то во многом согласен — в ином нет [2]. Например, я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер — это не немецкие мальчики сошлись — а русские. Самое верное замечание сделал мне Дудышкин — сказав, что мальчики у меня говорят, как взрослые люди.

Очень Вам благодарен за сообщенные известия о Станкевиче, Писемском и т. д. Последнего его романа [3] я еще не успел прочесть. Также не прочел еще «2-х сестер» [4] — но скажу Вам по секрету, что они здесь не нравятся.

Прилагаю записку к Драшусову — из которой сделать можете надлежащее употребление.

Приложенное письмо передайте графине [5]. Я надеюсь быть в Москве в мае месяце. У нас здесь опять зима.

Мое письмо — я это чувствую — очень вяло и глупо — что делать! Но Вы, пожалуйста, напишите мне — а я лениться не буду. Дружески жму Вам руку — и желаю Вам Ирку. Больше, кажется, ничего нельзя желать Вам.

Ваш *И. Тургенев.*

Я хотя пишу Драшусову, что не знаю, что 191 талер делают на русские деньги, но в календаре стоит, что талер равняется 91 коп. с $^1/_4$; что выходит — 174 р. $28^3/_4$ коп. серебром [6].

P. S. Узнайте, пожалуйста, от Кетчера, отчего он не ответил мне на мое письмо — и что он намерен делать с «Записками»? Да скажите Кобре-Капелле [7], что я его щекочу под горлом. Змеи вообще это любят.

NB. Случайным образом это письмо не было отправлено вчера — в понедельник — и потому я решаюсь приложить Вам еще записку к Кетчеру — потому что я, не зная хорошенько его адреса, сомневаюсь, в точности ли он получил мои прежние письма. Я посылаю ему маленький список опечаток и пропусков [8].

Вторник, 13-го/25-го марта

NB. Так ли я пишу адрес?

[1] *Статейка* — рассказ из «Записок охотника» «Касьян с Красивой Мечи» («Современник», 1851, март); см. прим. к рассказу в т. 1 наст. изд. Мнение свое о рассказе Феоктистов высказал в письме от 17 марта 1851 года (хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

[2] Рассказ напечатан в февральском номере «Современника» за 1851 год. Тургенев имеет в виду замечания Феоктистова, высказанные в письме от 24 февраля 1851 года: «...надлежало бы, — писал он, — чтобы над всею этою картиною лежал какой-нибудь фантастический характер, потому что в этом маленьком очерке Вы взяли наш народ со всеми таинственными поверьями, суеверьями и т. д.».

[3] *Известия о Станкевиче,* сообщенные в письме Феоктистова от 1(13) марта 1851 года, касаются повести А. В. Станкевича (брата Н. В. Станкевича) «Идеалист»; напечатана в альманахе «Комета». В повести, по словам Феоктистова, автор вывел самого себя и этим «себя исчерпал», так как «у него нет решительно никакого знания действительности».

В этом же письме Феоктистов с похвалой отзывался о новой комедии Писемского «Ипохондрик».

Роман Писемского — «Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицына (Брак по страсти)» («Москвитянин», 1851, № 4—7).

[4] *«Две сестры»* — повесть Евгении Тур (Е. В. Салиас) («Отечественные записки», 1851, т. LXXV).

[5] Е. В. Салиас. Письма к ней Тургенева (за исключением одного) неизвестны.

[6] Драшусов был должен Тургеневу еще со времени студенческой жизни в Берлине.

[7] *Кобра-Капелла* — прозвище В. П. Боткина.

[8] Упоминаемые Тургеневым письмо и записка к Н. Х. Кетчеру не сохранились; в них, очевидно, шла речь об отдельном издании «Записок охотника», которое Тургенев решил предпринять и наблюдение за которым поручал Кетчеру. Список «опечаток и пропусков» относится к журнальным текстам «Записок охотника».

56

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

С.-Петербург
2-го/14-го апреля 1851

Если я не отвечал Вам на Ваше первое письмо, любезный и милый Ф., то, пожалуйста, не приписывайте это даже лени — я бы ее превозмог, — но я был все это время болен (старою моей болезнью) и ужасно хандрил. Я Вам и теперь много не напишу. Скажу Вам только, что с Боткиным мы, вероятно, разъедемся (я

буду в Москве около 15-го) — и с необыкновенным удовольствием увижу графиню[1] и Вас. Все, что Вы мне говорите, умно, мило, справедливо и лестно — даю Вам честное слово, что «Записки охотника» прекращены навсегда — я намерен долго ничего не печатать и посвятить себя по возможности большому произведению[2], которое буду писать con amore и не торопясь — без всяких цензурных arrière pensées * — а там что бог даст! Я очень рад, что статейка моя о Познякове понравилась в Москве (здесь она прошла незамеченной)[3]. Цензура ее сильно изуродовала — а в иных местах опечатки страшные... в одном месте пропущена целая строка и т. д. Роман Писемского хорош[4] — но уж слишком объективен, воля Ваша! Что касается Боткина, то на его счет мое мнение давно составлено, — это в сущности просто дрянь — и не занимательная дрянь. Это, однако, как Вы говорите, между нами[5]. Я дней десять тому назад провел вечер с сестрами графини[6], но не зашел к ним — все по причине хандры. Мне Петербург надоел — и мое тело мне надоело страшно — неуклюже, старо — некрасиво — да еще и болит. Гавно, скажу Вам, гавно.

Комедию — «Шарф» — я не продолжал, да и вряд ли кончу[7]. Сообщите это как-нибудь Щепкину и Шутскому, которым, однако, сильно кланяюсь.

Непозволительно писать — кому бы то ни было — в таком расположении духа, в каком я теперь нахожусь, — но я не хотел откладывать еще далее мой ответ. И потому будьте здоровы и веселы — желаю Вам от души всяких благ — и люблю Вас и графиню настолько, насколько может любить человек, который самого себя едва не ненавидит.

Ваш *И. Т.*

Я до того желаю себе зла, что, право, с удовольствием женился бы сам на отвратительной Бодиске.

Я надеюсь, что до 15-го числа графиня не уедет никуда. Кланяйтесь всем, начиная с Грановского.

---

* Задних мыслей *(франц.)*.

[1] Е. В. Салиас.

[2] Ответ на письмо Феоктистова от 30 марта ст. ст. (неопубликованное), в котором последний сообщал мнение московских литературных друзей и знакомых Тургенева о том, что писателю пора перейти от рассказов «Записок охотника» к большим жанрам — повести и роману.

[3] Рецензия Тургенева на альманах «Поэтические эскизы», изданный Я. М. Позняковым (являвшимся и основным автором) и А. П. Пономаревым (М. 1850), напечатана (без подписи) в «Современнике», 1851, март (см. т. 11 наст. изд.).

[4] «Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицына» (см. выше).

[5] Резкий отзыв Тургенева о Боткине вызван, вероятно, столкновением между ними из-за отношений Боткина к родственнице Тургенева — Е. А. Хрущевой (см. «Боткин и Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 343—348).

[6] *Сестры графини* Салиас — Софья Васильевна Сухово-Кобылина (1825—1865) и Евдокия Васильевна Петрово-Соловово (ум. 1893).

[7] Комедия не сохранилась, известна лишь по названию.

57

ПОЛИНЕ ВИАРДО

С.-Петербург
21〈?〉 февраля 〈ст. ст.〉 1852 г.[1]

. . . . . .

...Я не могу продолжать это письмо так же, как его начал... Великое несчастие поразило нас: Гоголь умер в Москве, — умер, предав все сожжению, — все — второй том «Мертвых душ», множество оконченных или начатых вещей, — одним словом, все. Вам трудно будет оценить, как велика эта столь жестокая, столь полная потеря. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был больше, чем просто писатель: он раскрыл нам нас самих. Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого. Быть может, эти слова покажутся Вам преувеличенными, написанными под влиянием горя. Но Вы не знаете его; Вам известны только самые незначительные из его произведений, и если б даже Вы знали их все[2], то и тогда Вам трудно было бы понять, чем он был для нас. Надо быть русским,

чтобы это чувствовать. Самые проницательные умы из числа иностранцев, как, например, Мериме, увидят в Гоголе только юмориста на английский лад[3]. Его историческое значение совершенно ускользает от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились...

Ив. Тургенев.

[1] Отрывок письма, написанного, вероятно, в самый день получения в Петербурге известия о смерти Гоголя. Так как Тургенев узнал о том, что Гоголь умер, только 24 февраля (7 марта), то дата «21 февраля», стоящая на письме, представляет собою или ошибку публикации, или сознательно обозначает дату смерти Гоголя, а не дату написания.

[2] Полина Виардо могла знать, очевидно, лишь те из произведений Гоголя, которые были переведены и изданы в 1845 году ее мужем, Луи Виардо, при помощи Тургенева (Л. Виардо не знал русского языка и, собственно, лишь редактировал переводы Тургенева). В этот сборник входят: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий». Кроме того, переводы отрывков из «Ревизора» и «Мертвых душ» вошли в статью П. Мериме (см. ниже).

[3] П. Мериме поместил в журнале «Ревю дэ дё Монд» (1851, т. XII, 15 декабря) большую статью «Николай Гоголь. Русские повести. «Мертвые души». «Ревизор», в которой утверждал, что Гоголь — «наблюдатель тонкий до мелочности, искусный в схватывании смешного и смелый в его показе, но склонный доводить смешное до шутовства»; что он дает лишь преувеличенно отрицательные, неправдоподобные или искаженные картины русской жизни, но что тем не менее как романист и драматург он заслуживает большого внимания и, переведенный на распространенные в Европе языки, может «получить известность, равную известности лучших английских юмористов». Эту поверхностную и неверную оценку Гоголя с радостью подхватил Булгарин, развив ее в двух статьях «Северной пчелы» (1851, 12 и 19 декабря, № 277 и 283).

58

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ и В. П. БОТКИНУ

С.-Петербург
Вторник, 26-го февраля ⟨ст. ст.⟩ 1852 г.

Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя, — я уже писал об этом Боткину[1]. Я перечитываю каждую строку с какой-то мучительной

жадностью и ужасом — я чувствую, что в *этой* смерти *этого* человека кроется более, чем кажется с первого взгляда, — и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило, так глубоко, что я не помню подобного впечатления. Притом я был подготовлен другими обстоятельствами, которые вы, вероятно, скоро узнаете, если уже не узнали. Тяжело, Феоктистов, тяжело, мрачно и душно... Мне, право, кажется, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над моей головой, — и я иду на дно, застывая и немея [2]. Но об этом когда-нибудь, при личном свидании... А оно будет довольно скоро, если ничего не случится — около 10-го апреля я в Москве — на Фоминой неделе.

Вы мне пишете о статье, которую я должен написать в «Современник», — не знаю, удастся ли мне? В этом случае нельзя сесть и писать не обдумавши, — надо попасть в тон, а уж думать о необходимости попадать в тон, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и жестоко.

Я рад, что его хоронили в университетской церкви, и действительно нахожу вас счастливыми, что удостоились нести его гроб. Это будет одно из воспоминаний вашей жизни.

Что вам сказать о впечатлении, произведенном его смертью здесь? Все говорят о ней, но как-то вскользь и холодно. Однако есть люди, которых она глубоко огорчила. Другие интересы тут все поглощают и подавляют.

Вы мне говорите о поведении друзей Гоголя... [3] Воображаю себе, сколько дрянных самолюбий станут взбираться на его могилу и примутся кричать петухами и вытягивать свои головки — посмотрите, дескать, на нас, люди честные, как мы отлично горюем и как мы умны и чувствительны, — бог с ними... Когда молния разбивает дуб, кто думает о том, что на его пне вырастут грибы, — нам жаль его силы, его тени...

Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью о смерти Гоголя; [4] под впечатлением их написал я несколько слов о ней для «С.-Петербургских ведомостей», которые посылаю вам при сем письме, в неизвестности, — пропустит ли их и не исказит ли их

цензура. Я не знаю, как они вышли — но я плакал навзрыд, когда писал их [5].

Прощайте, мой добрый Е. М. Скоро напишу Вам опять. Жду от Вас и от Боткина все подробности, которые вы только услышите. Жму Вам дружески руку — Вам и графине — и остаюсь

преданный Вам *Иван Тургенев.*

P. S. Кажется, нечего и говорить, что под статьей о Гоголе не будет выставлено моего имени. Это было бы бесстыдством и почти святотатством.

Вы жалуетесь, что я Вам не пишу; я в пятницу послал Вам письмо.

[1] Тургенев отвечает на письма В. П. Боткина от 21 февраля ст. ст. (написанное в самый день смерти Гоголя — см. «В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 17—21) и Е. М. Феоктистова от 25 февраля (с описанием похорон Гоголя — см. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 743).

[2] Ср. ту же фразу в «Рудине», гл. XI, где Тургенев описывает состояние Натальи после прочтения прощального письма Рудина: «Она сидела не шевелясь; ей казалось, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над ее головой, и она шла ко дну, застывая и немея».

[3] Говоря о «друзьях Гоголя» и их поведении, Тургенев имеет в виду сообщение Феоктистова о том, что «главный друг» Гоголя гр. А. П. Толстой отказался от участия в его похоронах. «Но Аксаковы и Хомяков, — писал далее Феоктистов, — великолепны; когда-нибудь Вы услышите об их похождениях. Много рассказывать!» («Литературное наследство», т. 58, стр. 743).

[4] Стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт» — «Современник», 1852, март.

[5] Некрологическая статья Тургенева, запрещенная цензурою в Петербурге, была напечатана при содействии Феоктистова и Боткина в «Московских ведомостях», 1852, 13 марта, № 32, под заглавием «Письмо из Петербурга» и с подписью «Т...в»; она явилась основанием для ареста и высылки Тургенева (см. т. 10 наст. изд.).

59

И. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург [1]
3(15) марта 1852⟩

...Скажу Вам без преувеличения, с тех пор как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя, — все, что Вы говорите

о ней, сказано мне прямо из души[2]. Эта страшная смерть — историческое событие, понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, — ни одному человеку, самому сильному духу не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер потому, что решился, захотел умереть, и это самоубийство началось с истребления «Мертвых душ»... Что касается до впечатления, произведенного здесь его смертью... да будет Вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для «СПб. ведомостей» о смерти Гоголя (я их послал Феоктистову в Москву). Гр. Мусин-Пушкин не мог довольно надивиться дерзостью людей, жалеющих о Гоголе[3]. Честному человеку не стоит тратить на это своего честного негодования. Сидя в грязи по горло, эти люди принялись есть эту грязь — на здоровье. Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...

[1] Отрывок из письма, извлеченный при перлюстрации и сохранившийся (в копии) в «деле» III Отделения об аресте и ссылке Тургенева.

[2] Тургенев отвечает на письмо И. С. Аксакова от 26 февраля ст. ст. 1852 года, где Аксаков рассказывает о смерти Гоголя и о сожжении им перед смертью второго тома «Мертвых душ».

[3] Профессор и цензор А. В. Никитенко в своем дневнике записал по поводу запрещения статьи Тургенева и последовавшего за этим ареста писателя: «Председатель цензурного комитета (то есть Мусин-Пушкин) объявил, что не будет пропускать статей в похвалу Гоголя, «лакейского писателя» («Дневник» Никитенко, т. I, 1955, стр. 351).

40

ЛУИ и ПОЛИНЕ ВИАРДО

Господину и госпоже Виардо.

С.-Петербург
1-го/13 мая 1852 г.[1]

Мои дорогие друзья.

Это письмо передаст вам одно лицо, которое выезжает отсюда через несколько дней, — или же оно отправит его в Париже, переехав через границу, так что я могу немного поговорить с вами с открытым сердцем и не опасаясь любопытства полиции.

Прежде всего скажу вам, что если я не уехал из Петербурга еще месяц тому назад, то это, конечно, не по своей воле. Я нахожусь под арестом по высочайшему повелению в полицейской части за то, что напечатал в одной московской газете статью в несколько строк о Гоголе. Это только послужило предлогом, — статья сама по себе совершенно незначительна. Но на меня уже давно смотрят косо и потому привязались к первому представившемуся случаю. Я вовсе не жалуюсь на государя: дело было ему представлено таким предательским образом, что он не мог бы поступить иначе. Хотели наложить запрет на все, что говорилось по поводу смерти Гоголя, — и кстати обрадовались случаю наложить вместе с тем эмбарго на всю мою литературную деятельность[2].

Через две недели меня отправят в деревню, где я обязан жить до нового распоряжения[3]. Все это, как вы видите, не особенно весело; тем не менее я должен сказать вам, что со мною обращаются вполне по-человечески; у меня хорошая комната, есть книги, я могу писать; первые дни я мог видаться со знакомыми, но потом это запретили, так как их приходило слишком много. Несчастие не обращает в бегство друзей, — даже в России. Правду сказать, *несчастие* и не особенно велико: 1852 год будет для меня без весны; вот и все. Самое же грустное во всем этом то, что надо окончательно проститься со всякой надеждой выехать за границу. Впрочем, я никогда не обманывал себя на этот счет: оставляя вас, я хорошо знал, что расстаюсь

надолго, если не навсегда. Теперь у меня только одно желание: чтобы мне позволили свободно разъезжать внутри самой России. Надеюсь, что в этом мне не откажут. Наследник очень добр [4]. Я написал ему письмо, от которого ожидаю кое-чего хорошего. Вы знаете, что государь в отъезде.

Наложили также печати на мои бумаги, или, вернее сказать, опечатали двери моей квартиры, а спустя десять дней сняли печати, ничего не осмотрев. Знали, вероятно, что там не было ничего запрещенного.

Нужно признаться, что я порядком скучаю в своей дыре. Я пользуюсь этим вынужденным досугом для изучения польского языка, заниматься которым начал шесть недель тому назад. Мне остается еще четырнадцать дней заключения! И уж считаю я их, поверьте!

Вот, дорогие друзья, не совсем приятные новости, которые я могу сообщить вам. Надеюсь, что вы сообщите мне что-нибудь более приятное. Здоровье мое хорошо, но я смехотворно постарел: я мог бы послать вам прядь седых волос — без всякого преувеличения. Однако я не теряю мужества. В деревне меня ожидает *охота!* Затем я постараюсь привести в порядок мои дела; буду продолжать свои очерки о русском народе, самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете. Я стану работать над своим романом [5], тем с большею свободой мысли, что не предназначаю его к прохождению через когти цензуры. Мой арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в Москве *. Очень жаль, но что же делать?

Я прошу вас почаще писать мне, мои дорогие друзья; ваши письма будут много способствовать поддержанию во мне бодрости в эти дни испытаний: ваши письма и воспоминания о днях, проведенных в Куртавнеле, — вот все мое богатство. Я долго не останавливаюсь на этом из боязни расчувствоваться. Вы хорошо знаете, что мое сердце всегда с вами, и сказать это я могу особенно теперь... Моя жизнь кончена, в ней нет больше очарования; я съел весь свой белый хлеб: будем жевать оставшийся пеклеванный и просить небо, чтобы оно было «очень добро», как говорил Вивье.

Мне не для чего говорить вам, что все это должно

остаться в глубокой тайне; малейшего упоминания, малейшего намека в какой-нибудь газете будет достаточно, чтобы окончательно погубить меня.

Прощайте, мои милые и добрые друзья; будьте счастливы, а я буду радоваться вашему счастью насколько смогу. Будьте здоровы, не забывайте меня, пишите мне чаще и будьте уверены, что я мысленно всегда с вами. Целую вас *всех* и посылаю вам тысячу благословений. Милый Куртавнель, посылаю и тебе также привет! Прощайте, прощайте; пишите мне часто. Еще раз целую вас. Прощайте!

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] Письмо написано во время заключения Тургенева на «съезжей», куда он был посажен под арест на месяц — с 16(28) апреля по 15(27) мая 1852 года.

[2] Запрещение («эмбарго»), наложенное, по словам Тургенева, на всю его литературную деятельность, было вызвано прежде всего недовольством властей «Записками охотника», уже в журнальных публикациях обративших на себя внимание цензоров, а также пьесами «Нахлебник» и «Месяц в деревне» («Две женщины»), запрещенными цензурою.

[3] Ссылка Тургенева в Спасское была без определения срока.

[4] Великий князь Александр Николаевич, впоследствии Александр II. В письме к нему от 27 апреля (9 мая) 1852 года («Первое собрание писем И. С. Тургенева», 1884, стр. 5—6) Тургенев, рассказав обстоятельства напечатания статьи о Гоголе, просил довести дело до сведения Николая I. Никаких последствий это письмо, однако, не имело.

[5] *Роман* — «Два поколения».

[6] Речь идет об отдельном издании «Записок охотника», разрешенном московской цензурой 6(18) марта 1852 года. Опасения Тургенева были не напрасны: книга, вышедшая в августе в свет, вызвала возмущение Николая I; был уволен пропустивший «Записки охотника» цензор В. В. Львов, ухудшилось и положение сосланного писателя.

41

С. Т., И. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

С. Спасское
6/18 июня 1852 г.

Я получил ваше тройное письмо, добрые мои друзья, и не могу вам сказать, как оно меня обрадовало. От души благодарен вам за ваше участие — хотя в моей

судьбе, особенно теперь, в деревне, я ничего не вижу ужасного [1]. Вы совершенно правы в своих предположеньях на мой счет, любезный Сергей Тимофеевич, — посылая мою статью в Москву, я и не думал делать что-нибудь противузаконное; Назимов, которого я видел в Москве, очень удивился, когда узнал, что я даже в глаза не видал г-на Мусина-Пушкина. Ничего — перемелется, мука будет! Я на днях принимаюсь за статью о Вашей многочитанной и многолюбимой мною книжке для Современника» [2]. Радуюсь Вашей деятельности и уверен, что статья Ваша о Державине выйдет славная [3]. Сборник [4] у меня здесь — но я в нем успел прочесть только стихотворения. Песни — удивительны — достойны стать наравне с песнями в собрании Кирши Данилова; [5] стихотворение Хомякова [6] — очень звонко — читается ого rotundo *, как говаривали в старину — но и только; не греет и не язвит. Ваш «Бродяга» [7], любезный И. С., благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы вредит иногда впечатлению. Ваши стихи имеют все качества поэзии, кроме того тонкого, неуловимого — того *запаха*, которым дышит, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья в наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо Вам и за то, что Вы нам дали. Мне говорили, что 1-й № «Сборника» хорошо разошелся; это меня радует. Для 2-го №-а у меня есть небольшая вещь [8], написанная мною под арестом, которой и приятели мои довольны и я, я готов ее Вам послать, но, во-1-х, мне кажется, ее не пропустят; во-2-х, не думаете ли Вы, что мне на время надобно помолчать? Вот и мои «Записки охотника» совсем готовы, и билет на их выпуск выдан; однако мы с Кетчером решились подождать [9]. Впрочем, я на всякий случай велю переписать мою вещь.

Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями; прочел Сахарова [10], Терещенку [11], Снегирева [12] e tutti quanti **. В особенный восторг привел меня Кирша Данилов. Ваську

---

* Округленными устами *(лат.)*.

** И прочих *(итал.)*.

Буслаева считаю я эпосом русским — но к результатам <привело> меня это все далеко не столь отрадным, как Вас, любезный К. С., — во всяком случае, к другим результатам [13]. Но так как я в этом деле еще ученик, то мне и хотелось бы потолковать с людьми знающими, с Вами. Я в Москве много говорил с Забелиным, который мне очень понравился; светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он возил меня по кремлевским древностям. Кстати, я об Вашей комедии слышал много хорошего от людей, которые не очень-то к Вам расположены, с прибавлением: «Мы от Аксакова этого не ждали». *Комедии,* признаться, и я от Вас не ждал [14]. Очень бы хотелось послушать — но когда мы увидимся — это единому богу известно.

Здесь я еще пока ничего не делаю — вдыхаю целой грудью деревенский воздух — читаю Гоголя — и только. А сказать между нами, я рад, что высидел месяц в части; мне удалось там взглянуть на русского человека со стороны, которая была мне мало знакома до тех пор.

Мой адрес: Орловской губернии, в город Мценск, И. С. Т<ургенев>у. Пожалуй, можете прибавить: в село Спасское-Лутовиново тож, но это не нужно. Мы в 9 верстах от Мценска и четыре раза в неделю туда посылаем. Если кому-нибудь из вас случится ехать через Мценск, и вам вздумается ко мне завернуть, скажите только: в Лутовиновку — всякий вас довезет.

Прощайте пока, друзья мои, — желаю вам всего хорошего, — обнимаю вас всех и остаюсь

преданный вам

Ив. Тургенев.

P. S. Надеюсь, что мы теперь будем переписываться.

[1] Тургенев в конце мая 1852 года был выслан в свою орловскую деревню, с. Спасское (см. прим. 5 к п. № 38).

[2] Рецензия И. С. Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», М. 1852, была напечатана в «Современнике», 1853, январь (см. т. 11 наст. изд.).

[3] Статья С. Т. Аксакова — «Знакомство с Державиным». Впервые напечатана в первом издании книги «Семейная хроника и воспоминания» (М. 1856). См. С. Т. Аксаков, Собр. соч., т. 2, М. 1955, стр. 314.

[4] Речь идет о «Московском сборнике», изданном славянофилами (М. 1852, т. I).

[5] Русские народные песни (богатырские, разбойничьи, святочные) из собрания П. В. Киреевского, опубликованные в «Московском сборнике»; Тургенев сравнивает их с былинами и песнями, вошедшими в сборник «Древние российские стихотворения» (М. 1804; 2-е изд. — М. 1818), приписываемый Кирше Данилову.

[6] Стихотворение А. С. Хомякова — «Мы род избранный...»

[7] *«Бродяга»* — очерк в стихах И. С. Аксакова.

[8] Рассказ «Муму», предназначенный для II тома «Московского сборника»; книга была запрещена цензурой, и рассказ появился в «Современнике» в 1854 году.

[9] «Записки охотника» (в 2-х частях, М. 1852) вышли в августе того же года. Н. Х. Кетчер наблюдал за изданием, которое было подарено ему Тургеневым.

[10] И. П. Сахаров, Сказания русского народа, т. I, СПб. 1841; т. II, СПб. 1849.

[11] А. В. Терещенко, Быт русского народа, части 1—7, СПб. 1848.

[12] И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I—IV, СПб. 1837—1839.

[13] Сб. «Древние российские стихотворения» (см. выше, прим. 5); здесь напечатаны былины о новгородском богатыре Василии Буслаеве. Ср. п. № 53 и прим. 3 к нему.

[14] Комедия К. С. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» — сатирическое изображение космополитизма русской аристократии; напечатана позднее, в 1856 году.

42

П. В. АННЕНКОВУ

14-го сентября ⟨ст. ст.⟩ 1852 года
Село Юшково (Орловской губернии, в Карачевском уезде)

Любезный Анненков, пишу к Вам из имения моего дяди [1], куда я приехал с намереньем стрелять бекасов и где я, по своему обыкновению, занемог и в сотый раз подвергся банкам, мушкам и пр. Теперь мне лучше — и я думаю дней через пять быть дома. Пользуюсь свободным временем, чтобы напомнить Вам Ваше обещание заехать ко мне в октябре. Найти меня очень легко. Спросить в Мценске Спасское или, еще лучше, Лутовиново, и всякий Вас довезет. Я от Мценска в 9 верстах. Мне было бы чрезвычайно приятно видеть Вас, послушать чтение вероятно уже конченной Вами биографии Пушкина [2] — а с Вашей стороны было бы очень

добродетельно посетить человека, которому предстоит прожить всю зиму в деревне.

Не знаю, как Вы провели это скверное, дождливое и холодное лето — я про себя скажу, что я зяб все время, страдал желудком, простужался, кашлял, охотился скверно и ничего не делал — да и, кажется, не делаю ничего. Впрочем, постараюсь чем-нибудь заняться — но боюсь несколько судьбы Григоровича, который теперь с неутомимой деятельностью разливает подонки своего таланта на такие сороковые бочки пресной воды, каковы его «Проселочные дороги»[3]. Вы, вероятно, уже слышали о выходе в свет «Записок ох<отника>», берегу назначенный для Вас экземпляр к Вашему приезду. Я рад, что эта книга вышла; мне кажется, что она останется моей *лептой, внесенной в сокровищницу* русской литературы, говоря слогом школьных книг. Я сам перечел «Записки» на днях: многое вышло бледно, отрывчато, многое только что намекнуто, иное неверно, пересолено или недоварено — зато иные звуки точно верны и не фальшивы — и эти-то звуки спасут всю книгу. Но до полноты созданья все это еще далеко, и стоит прочесть какого-нибудь мастера, у которого кисть свободно и быстро ходила в руке, чтобы понять, какой наш брат маленький, маленький человечек. Я эти дни все читал Молиера — одна какая-нибудь... * как например: Пурсоньяк[4] — своей силой, веселостью, свежестью и грацией — просто положила меня ничком. Оно бы ничего — откуда взять Молиеров — да перо потом как-то из рук валится и совестно продолжать свой стрекозиный писк — вот что не совсем приятно — тем более что уж коли ты сделался литератором, так уж и перестань быть готовым на что-нибудь другое. Молиер недаром про нас сказал:

> Gens qui de leurs talents paraissent toujours ivres, —
> Riches, pour tout mérite, en babil importun,
> *Inhabiles à tout,* vides de sens commun ** [5].

---

* В первой публикации одно слово не разобрано. *(Ред.)*

** Люди, которые кажутся всегда упоенными своими талантами, обильные, взамен всякого иного достоинства, пустой болтовней, *ни к чему не способные,* лишенные здравого смысла *(франц.)*.

18 сентября
Спасское

Вчера я приехал сюда более или менее здоровый — а сегодня Тютчевы[6] вернулись из Москвы — все мы повторяем одну просьбу: приезжайте. Комната для Вас будет чистая и теплая, повар у меня порядочный, а встретим мы Вас с раскрытыми объятьями. Пишу Вам, как Вы говорили, в Симбирск. До свиданья, обнимаю Вас и остаюсь

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] Н. Н. Тургенева.
[2] Работа П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» составила первый том издававшегося им собрания сочинений Пушкина, вышедший в начале 1855 года.
[3] Роман Д. В. Григоровича «Проселочные дороги» печатался в «Отечественных записках», 1852, тт. LXXX—LXXXIII.
[4] Комедия-фарс Мольера «Господин де Пурсоньяк», высмеивающая провинциального «мещанина во дворянстве».
[5] Неточная цитата из комедии Мольера «Ученые женщины» (акт IV, сцена III, слова Клитандра); в подлиннике в первом стихе говорится не о «талантах», а «познаниях».
[6] Н. Н. Тютчев и его жена жили постоянно в Спасском: Тютчев управлял имением по просьбе Тургенева.

43
ПОЛИНЕ ВИАРДО

Спасское
13 октября ⟨ст. ст.⟩ 1852 г.

Вообразите себе ураган, снежный смерч, который не падает, но несется, кружится, *затемняет* воздух, хотя сам он и бел, и устилает землю до высоты человеческого роста. Вот какова у нас сейчас погода, дорогая, добрая госпожа Виардо. Вы, европейцы, не можете себе представить, что такое русская *métielle*. К счастью, не очень холодно, а не то сколько было бы жертв! Два года тому назад в одной Тульской губернии погибло 900 человек в такую же *метель*. Но никто не запо-

мнит, чтоб подобная метель случалась в такое время года! Зима точно поторопилась прийти раньше, чем обычно, чтобы утешить нас за скверное лето, только что перенесенное нами. Это похоже на историю человека, который женится на женщине некрасивой и бедной, *но* глупой. И все-таки я не грущу, несмотря ни на отвратительную погоду, ни на предвкушение шестимесячного полного уединения, ожидающего меня; наоборот, я чувствую радостное волнение: ведь передо мною Ваше милое письмо, написанное после Вашего возвращения в Куртавнель из Англии.

Дорогой, добрый друг, умоляю Вас писать мне часто; Ваши письма всегда делали меня счастливым, а теперь они мне особенно необходимы. Я сейчас прикован к деревне на неопределенное время и должен довольствоваться собственными средствами: ни музыки, ни друзей, — да что! Нет даже соседей, чтобы скучать вместе. Тютчевы — превосходные люди, но мы с ними плаваем в слишком разных водах. Что же остается мне? Кажется, я Вам говорил это не раз: работа и воспоминания. Но для того, чтобы работа была легка, а воспоминания менее горьки, мне нужны Ваши письма, с отголосками счастливой, деятельной жизни, с запахом солнца и поэзии, который они ко мне приносят. Да, кстати, вкладывайте всегда в конверт немного травы или цветов... Я чувствую, как жизнь моя уходит капля за каплей, словно вода из полузакрытого крана; я не сожалею о ней, — пусть уходит... что мне с ней делать?.. Никому не дано вернуться на следы прошлого, но я люблю вспоминать о нем, об этом неуловимо прелестном прошлом, в такой вечер, как сегодня, когда, слушая унылое завывание вьюги над снежными сугробами, я представляю себе... Нет, не хочу наводить тоску ни на себя, ни — отраженно на Вас... Все, что со мной происходит, еще очень сносно; под тяжестью факта нужно напречься, чтобы меньше чувствовать ее. Но пишите мне почаще!

О дорогой друг, как работалось мне при воспоминании о наших сьестах под тополями, листья которых, отделяясь от веток, так легко и мягко падали на нас!

О да! Какое синее было тогда небо... Боюсь, что уже никогда больше я не увижу такой красоты. Впечатление, оставшееся у меня от всего этого, так глубоко и живо, что стоит мне только закрыть глаза, как я слышу легкий, ясный шепот этих листьев, уже мертвых, но ослепительно ярких в синеве неба, поглощающей их. Знаете ли, в одном месте моей книги (получили ли Вы ее?) я говорю, так же как Вы, о деревьях, которые как будто *опускаются* в небо? [1] Не впервые уже нам с Вами приходят в голову одни и те же мысли...

Et de tristesse couronnée
La terre entre dans son sommeil...*

Эта фраза из «Осени» Гуно звучит у меня в ушах с самого начала этой страницы... Отчего я не могу думать о нем, как раньше?.. [2] Но все равно — его «Осень» великолепна. Я чувствую, что я весь охвачен умилением; надо постараться оторваться от него — на что оно?

Я только что открыл на мгновение дверь моего балкона. Брр! Какая волна мрачного холода, ледяного ветра и снега... Диана вскочила и отшатнулась в ужасе. Ах, бедняжка! ты не привыкла к такому климату. Бедная ты француженка! Давай сядем рядышком и будем вспоминать о Куртавнеле. До завтра. Но я не покидаю Вас.

Вторник

Сегодня погода странная, но довольно приятная. Воздух наполнен туманом; ветра нет вовсе; все бело — земля и небо. Снег тает с легким шумом: всюду слышны звуки падающих капель. Очень тепло. Я отправляюсь с моими двумя егерями в обход за несколько верст отсюда; надеемся убить немало зайцев.

Я начал согласно Вашему желанию маленький очерк об *игре крестьянина,* который займет не меньше

---

* И, увенчанная печалью,
Земля погружается в сон... *(франц.)*

четырех страниц; я отошлю его Вам в будущий вторник[3]. Я не думал, что он выйдет таким длинным... Только что вошел мой егерь и сказал мне: «Надо ехать, барин. Земля после вчерашней метели *как в чуть теплой бане*». Я велел запречь двое саней: мы прокатимся по первопутку.

Дорогой друг, я обожаю Вашу маленькую Клоди; попросите у нее от моего имени позволения расцеловать ее маленькие лапки.

Скажите Виардо, что я прочел его письмо с большим удовольствием; маленькая сказочка в конце очень забавно сочинена, но такого рода вещи похожи на фокусы пианистов: вся трудность и все достоинство их заключается в *исполнении*. Но рано или поздно увидим. Напишу в следующий вторник несколько слов маленькой Полине. Знаете ли, ведь уже скоро два года, как она в Париже: она приехала туда 5-го ноября 1850-го года.

Прощайте, дорогой, добрый друг; до следующего письма. Целую нежно Ваши ручки и желаю Вам всякого возможного счастья. Тысяча приветствий всем.

Ваш *И. Тургенев.*

P. S. Проведете ли Вы всю зиму в Париже? Повидимому, «Пророка» будут давать этой зимой в Петербурге с участием Крувелли[4]. Я был очень рад прочесть в «Атенее» то, что Чорлей говорит о Вас и о Вашем голосе.

[1] Книга, посланная Тургеневым Виардо, — «Записки охотника» в отдельном издании (М. 1852). Описание, о котором говорится в письме, находится в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» (см. т. 1 наст. изд.).

[2] Тургенев намекает на ссору и разрыв между семьей Виардо и Ш. Гуно, происшедшие весной 1852 года.

[3] Очерк Тургенева об игре крестьянина (или крестьянских играх) неизвестен.

[4] София Крувелли зимой 1852—1853 года в Петербурге не была. «Пророк» был поставлен в Петербурге, под измененным по требованию цензуры названием «Осада Гента», впервые 20 февраля 1853 года с участием П. Виардо в роли Фидес.

44

К. С. АКСАКОВУ

С. Спасское
16-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1852 г.

Благодарю Вас душевно, любезный Константин Сергеевич, за Ваше письмо. Скажу Вам прямо, что я сам во многом разделяю Ваше мнение о моих «Записках» — и говорю это вовсе не из желанья пощеголять своею скромностью, — а потому что чувствую это сам — и уже давно. Зачем же я издал их? спросите Вы... а затем, чтобы отделаться от них, от этой *старой манеры* [1]. Теперь эта обуза сброшена с плеч долой... Но достанет ли у меня сил идти вперед — как Вы говорите — не знаю. Простота, спокойство, ясность линий, добросовестность работы, та добросовестность, которая дается уверенностью, — все это еще пока идеалы, которые только мелькают передо мной. Я оттого, между прочим, не приступаю до сих пор к исполнению моего романа [2], все стихии которого давно бродят во мне, что не чувствую в себе ни той светлости, ни той силы, без которых не скажешь ни одного *прочного* слова. Пример Григоровича хоть кого устрашит — а не в таланте же недостает ему! [3] С другой стороны, жизнь торопит и гонит — и дразнит и манит... Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойным — ни извне, ни изнутри ему не веет покоем...

Соглашаясь совершенно с Вашими замечаниями насчет моих «Записок» — и приняв их *к сведению* для будущих моих работ, — я не могу разделять Вашего мнения насчет «людей-обезьян, которые не годятся в дело для искусства...» Обезьяны добровольные и главное — самодовольные — да... Но я не могу отрицать ни истории, ни *собственного права* жить; претензия отвратительна — но страданью я сочувствую. Трудно объяснить все это в коротком письме... Но я знаю, что здесь именно та точка, на которой мы расходимся с Вами в нашем воззрении на русскую жизнь и на русское искусство — я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите

успокоение и прибежище эпоса... Но повторяю, об этом можно говорить и спорить — но писать трудно.

С стыдом сознаюсь, что не прочел еще Вашей статьи в «Сборнике» [4] — но я все лето решительно не брал в руки ни пера, ни книги. Желаю Вам успеха в новой Вашей работе. Мне приятно слышать, что 2-й № «Сборника» выйдет [5]. Вы не получали моего письма от 7-го июня? Кланяйтесь всем Вашим, бог знает когда придется увидеться — а хотелось бы. Не забудьте написать мне, долго ли Вы еще пробудете в Абрамцеве. Прощайте. Крепко жму Вам руку и остаюсь искренно Вас любящий и уважающий

Ив. Тургенев.

[1] В письме от октября 1852 года («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 481—482), на которое отвечает Тургенев, К. С. Аксаков высказал несколько критических замечаний о «Записках охотника», отметив «...постоянное *усилие,* которое сопровождает всякое описание, всякий разговор, всякое изображение, одним словом, все сочинение... «Записок охотника». Видно, что автор неспокоен, несвободен и хочет все сказать повыразительнее. Потом: есть любимые выражения, часто неуместные...»

[2] Роман «Два поколения», задуманный и писавшийся в Спасском в 1852—1853 годах, не был закончен (сохранился лишь один отрывок, под названием «Собственная господская контора». См. т. 5 наст. изд.).

[3] О «Проселочных дорогах» Григоровича — см. п. № 42.

[4] Статья К. С. Аксакова в «Московском сборнике» (т. I, 1852) — «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)».

[5] Второй том «Московского сборника» был запрещен цензурой.

45

П. В. АННЕНКОВУ

С. Спасское
28-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1852 г

Коли Вы обрадовались моему письму, любезный Анненков, то можете представить, как я обрадовался Вашему. Я его получил вчера и отвечаю словом в день моего рождения, в который мне стукнуло не 28, как Вы

думаете, а целых 34. Ваше письмо так умно и дельно и столько видно в Вас истинного расположения ко мне и к моим работам, что я должен Вас от души благодарить за него. Все, что Вы говорите, — я чувствую так же ясно, как и Вы — это истина неоспоримая — и я подписываюсь под каждое слово. Надобно пойти другой дорогой — надобно найти ее — и раскланяться навсегда с старой манерой [1]. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции — triples extraits * — чтобы влить их потом в маленькие стекляночки, — нюхайте, мол, почтенные читатели, — откупорьте и нюхайте — не правда ли — пахнет русским типом? Довольно — довольно! Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии... Этого я не знаю и не узнаю до тех пор, пока не попробую — но поверьте мне — Вы от меня услышите что-нибудь новое — или ничего не услышите. Для этого я почти рад моему зимнему заключению — я буду иметь время собраться с духом — а главное — в уединении стоит человек от всего далеко — но особенно от литературы — журнальной и всякой; а из меня может выйти что-нибудь только по уничтожении литератора во мне — но мне 34 года — а переродиться в эти годы трудно. Ну — увидим.

Хорошо уединение, спору нет — но для того, чтобы оно принесло какую-нибудь пользу — надобно, однако, чтобы оно хоть изредка оживлялось беседой и столкновением с умным человеком, которого любишь и которому веришь. Вы такой человек — и если Вы действительно чувствуете участие в будущности моего таланта — то Вам непременно надобно приехать ко мне из Москвы на 5 дней. Тютчевы (которые, скажу в скобках, Вас очень помнят и любят) люди прекрасные, но в деле литературном судьи плохие, хотя нелицемерные и откровенные, — из их похвал — так же как из их порицаний — я ничего не могу почерпнуть. А кроме их, никого нет — или есть... (**), которые ни на что

---

* Тройные экстракты *(франц.)*.

** В первой публикации одно слово не разобрано. *(Ред.)*

полезными быть не могут. Оттого-то я жду Вас непременно и умоляю заехать ко мне в ноябре.

Я понимаю, как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать? Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий [2]. Я бы на Вашем месте кончил ее ex abrupto * — поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти П⟨ушкина⟩, и только [3]. Лучше отбить статуе ноги — чем сделать крошечные не по росту. А сколько я мог судить, торс у Вас выйдет отличный. Желал бы я, говорю это откровенно, так же счастливо переменить свою манеру, как Вы свою в этой биографии. Вероятно, под влиянием великого истинно древнего по своей строгой и юной красоте пушкинского духа. Вы написали славную, умную, теплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать ее до конца. Еще причиной больше Вам сюда приехать.

Прощайте, милый П. В. Гости уже начинают наезжать. В другом письме я Вам кое-что порасскажу из здешней жизни. Вы мое 2-е письмо получили? Крепко жму Вашу руку и остаюсь

весь Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] Мнение Анненкова о «Записках охотника», высказанное в письме к Тургеневу от 12 октября 1852 года (неизданном), совпадает до некоторой степени с отзывом К. С. Аксакова (ср. предыдущее письмо). Анненков ждал от Тургенева крупного произведения — романа.

[2] Заканчивая биографию Пушкина его дуэлью и смертью, Анненков вынужден был считаться с цензурой и с тем, что вдова Пушкина, Н. Н. Ланская, и другие участники событий были живы и могли быть недовольны опубликованием подробностей дуэли. Об этом Анненков писал в указанном выше письме к Тургеневу.

[3] *Рассказ Жуковского о смерти П⟨ушкина⟩* — известная в то время статья в форме письма к отцу поэта, С. Л. Пушкину, написанная В. А. Жуковским при участии П. А. Вяземского и других друзей Пушкина. Статья была написана с целью «оградить от нареканий» память поэта и доброе имя его жены, представить его Николаю I верноподданным и раскаявшимся и тем самым обеспечить судьбу его детей. Письмо давало тщательно

* Внезапно *(лат.)*.

отредактированную, далекую от истины, условно-официальную версию болезни и смерти Пушкина, где самый факт дуэли был обойден молчанием (не говоря уже о ее причинах). Эта официальная версия, напечатанная в «Современнике», 1837, т. V, и в посмертном издании Сочинений Пушкина, служила долго единственным источником сведений о гибели поэта.

46

Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
28 октября ⟨ст. ст.⟩ 1852 г.

Милый Некрасов, получил я вчера твое письмо в ответ на мое первое. Пожалуйста — заведем переписку — все не так мне скучно будет. Вообрази, что сегодня здесь такая метель, какой я давно не видывал. Какая ярость в этом вихре — этого описать нельзя — кажется — ему хотелось бы сорвать долой все — в воздухе мутная и безумная кутерьма, завыванье — судорожные порывы... Черт знает что такое! Вот тут и живи в деревне! Сегодня день моего рождения, мне стукнуло 34. Порядочное количество лет — а куда все эти годы ушли — и на что! Опять-таки черт знает. Впрочем, я не чувствую особенной хандры — что-то дальше будет. Спасибо тебе за твое милое описание новгородских охот etc. Жду с нетерпением твоих стихов. Ты уже из 2-го моего письма можешь видеть, какое впечатление произвело на меня «Детство» [1]. Ты прав — этот талант надежный. В одном упоминовении женщины под названием — La belle Flamande *, которая появляется к концу повести, — целая драма. Пиши к нему — и понукай его писать. Скажи ему, если это может его интересовать — что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему. 2-я часть Батманова — из рук вон плоха. Ну этот Писемский! Может он начать гладью, а кончить гадью — а все-таки замечательный талант, хоть я и очень смеялся прозвищу, которое ты ему дал [2].

---

* Прекрасная фламандка *(франц.)*.

Я было начал читать Ульяну Т⟨ерентьев⟩ну, — да что-то мне показалось, что это нашего поля ягода — старая погудочка на новый лад. Однако я теперь прочту всю эту повесть — и скажу тебе мое мнение. Другой его повести я не прочел [3] — «Современник» еще не пришел — хотя «Б⟨иблиотека⟩ для ч⟨тения⟩» и «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩» пришли.

Боже мой! Боже мой! Посмотри, какую исполненную претензий мерзость тиснул Щербина в «Москвитянине»! [4] И это он смел сделать после гетевской Ифигении!.. И поместил еще важные примечания в виде прибавления, из которых читатель узнает, что греки воевали за Елену и что эти греки, которых называют также ахеями (этакая ученость!), употребляли восклицание φεγ, φεγ и φεγ, φεγ! Верно, легче толковать о восклицании ομος, ομος *, чем написать один поэтический стих. Что за поганые вирши! Неужели Новый поэт оставит это без внимания?.. [5] Положим, это гадость — но как ее размазали! Обидно! И наконец надобно покончить с этим господинчиком, который довольно подфунил в нашей литературе. Новый поэт! обращаюсь к тебе — рекомендую тебе его.

Я от Анненкова получил вчера письмо [6] до того умное, что я, ей-богу, давно не читывал ничего подобного. Это преудивительный человек. Говорит, что к ноябрю кончит биографию Пушкина.

Рецензию на А⟨ксаков⟩а [7] переписывают — и через неделю ее вам пошлют. Она, я думаю, будет забавна.

Пишешь ты мне, чтобы я прислал тебе что-нибудь. Я думаю, брат, мне надо эту зиму помолчать — по многим причинам. Но я тебе обещаю одну вещь, которая, я надеюсь, тебе понравится. Что такое — не скажу — увидишь — а получишь ты ее, может быть, через месяц.

Роман Готорна [8] переведен весьма плохо — слог совершенно пропал; это — жаль.

---

* Увы, увы! *(греч.)*

А впрочем, прощай — будь здоров — поклонись от меня А⟨вдотье⟩ Я⟨ковлевне⟩ [9], П⟨анаев⟩у, Лонгинову и всем друзьям. Где Маслов? Все в деревне? Напиши мне об нем.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] *«Детство»* Л. Н. Толстого, опубликованное в «Современнике», 1852, № 9, под заглавием «История моего детства» и с подписью «Л. Н.» — первое произведение Толстого, появившееся в печати. Письмо о нем Тургенева к Некрасову не сохранилось. Некрасов в письме к Тургеневу от 21 октября 1852 года (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, стр. 179) писал о Толстом: «Это талант новый и, кажется, надежный».

[2] «Monsieur Батманов» — повесть А. Ф. Писемского («Москвитянин», 1852, № 17 и 18). В указанном выше письме к Тургеневу Некрасов назвал Писемского «литературным городовым, разрешающим все вопросы жизни и сердца палкой!».

[3] «История Ульяны Терентьевны» — повесть П. А. Кулиша, подписанная «Николай М.» («Современник», 1852, № 8); другая его повесть — «Яков Яковлич» («Современник», 1852, № 10).

[4] Н. Ф. Щербина поместил в «Москвитянине», 1852, № 19, лирическую сцену «Ифигения в Тавриде», написанную на тот же сюжет, что и одноименная трагедия Гете, высоко ценимая Тургеневым.

[5] Под псевдонимом «Новый поэт» печатал свои фельетоны, пародии и критические заметки в «Современнике» И. И. Панаев.

[6] От 12(24) октября 1852 года (подлинник хранится в Пушкинском доме).

[7] На «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова (см. т. 11 наст. изд.).

[8] «Дом о семи шпилях», перевод которого был дан в приложении к «Современнику», 1852, № 9 и 10.

[9] Авдотья Яковлевна — Панаева.

47

И. А. НЕКРАСОВУ и И. И. ПАНАЕВУ

С. Спасское
18-го ноября ⟨ст. ст.⟩ 1852 г.

Вот, мои друзья, — мнение мое об октябрьской книжке «Современника». Во-первых, — я прочел «Якова Яковлича»... В авторе есть талант, но небольшой и ненадежный. Какая-то ложная струя проходит по всей

повести, какая-то болезненная и самодовольная любовь к небывалым положениям, психологическим тонкостям и штучкам, глубоким и оригинальным натурам и т. д. Первая половина «Я⟨кова⟩ Я⟨ковлича⟩» недурна — в ней заметен юмор — хотя и тут автор «козыряет», а мы знаем, что значит это слово... но как только этот Я⟨ков⟩ Я⟨ковлич⟩ становится прекрасным человеком, алмазом в грубой оболочке — все идет к черту. Отношение его к девице и сама девица и рассказчик — все это невозможно, вычурно и приторно натянуто. Уж эти мне смехи, смешанные со слезами! Набили они оскомину читателю. Но все-таки «Я⟨ков⟩ Я⟨ковлич⟩» повесть недюжинная[1] — и если автор молод — выработается. Только от него до Толстого (Л. Н.), как от земли до неба, и Ульяну Терентьевну я читать не стану. Напиши мне, однако, кто он такой. Роман Готорна[2] переведен тяжело, неловко и неверно. Это факт. Зато «Япония и японцы» Корша — просто прелесть — хоть расцеловать его за эту статью[3]. Корш — бесспорно лучший русский review'er * в английском вкусе. Статью Афанасьева[4] я не прочел — может быть, она и очень хороша, но у меня почему-то от ЗОО-морфизма и ЗОО-морфических божеств живот подводит — а это не здорово в нынешнее холерное время. Критика — хороша, немного мрачна. Современные заметки прекрасны, полны, подробны и занимательны; Новый поэт очень мил и много говорит дельного по поводу русского фельетона[5]. Вообще октябрьский № «Совр⟨еменника⟩» хорош — хотя ниже сентябрьского.

Воскресенье, 23 нояб.

Мне приходится отвечать вам на два ваших письма: во-1-х), скажу вам, что рецензия Аксакова[6] потому вам все еще не послана, что я жду сюда Миницкого, который должен непременно на днях приехать, чтобы ее переписать, — вы ее получите *непременно* к 15-му декабрю. Во-2-х), я, может быть, напишу вам для 1-го № несколько замечаний под заглавием: «Русские ро-

* Обозреватель *(англ.)*.

маны, повести и комедии в прошлом году» — сверх того, я для вас готовлю две статьи: о Андрее Шенье и подражателях древним — и о Мерке (человеке, с которого Гете списал своего Мефистофеля) [7], в-3-х), трудно на такое расстояние сообщить что-нибудь для твоей фантазии на новый год, милый Панаев, — но я вполне одобряю план и уверен, что выйдет хорошо и смешно; [8] в-4-х) — скажу тебе, Некрасов, что твои стихи хороши [9] — хотя не встречается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь — притом конец кажется как бы пришитым — уничтожь также следующую небрежность:

И юношеских лет прекрасные *мечты*...

а через два стиха опять:

Желанья и *мечты* и т. д.

Но первые 12 стихов отличны и напоминают пушкинскую фактуру.

Если моя статья о романах не поспеет к январю — то к февралю — наверное, а статья об Аксакове — наверное, поспеет к январю.

Прощайте, друзья, — будьте здоровы — кланяюсь всем.

Ваш *И. Тургенев.*

P. S. Надеюсь, что твое здоровье, Некрасов, поправилось.

[1] «Николая М.», то есть П. А. Кулиша.

[2] «Дом о семи шпилях».

[3] Компилятивная статья Е. Ф. Корша «Япония и японцы» — «Современник», 1852, № 9—12.

[4] А. Н. Афанасьев в критической статье о первом томе «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева («Современник», 1852, № 10) говорит о другой своей работе (о ней и отзывается иронически Тургенев) — «Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк» («Отечественные записки», 1852, № 1).

[5] Тургенев имеет в виду «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русского фельетона» («Современник», 1852, № 10), написанные Панаевым.

[6] Рецензия на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[7] Замыслы этих статей не были осуществлены.

[8] *Фантазия* И. И. Панаева — «Канун нового 1852 года. Кошемар, в стихах и прозе, Нового поэта» — сатирический обзор современной литературы и критики.

[9] Стихотворение Некрасова — «Муза»; при напечатании его через год в «Современнике» (1854, № 1) Некрасов исключил четыре стиха, содержащие отмеченные Тургеневым повторения.

48

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

С. Спасское
27-го декабря ⟨ст. ст.⟩ 1852 г.

Милый Е. М. Прежде всего Вы должны обещать мне не сердиться на меня за небольшую записку, которую я написал Вам несколько дней тому назад, — я почему-то вздумал, что Вам что-то в моем первом письме не понравилось и т. д. Я получил вчера Ваши два письма (Ваше и графинино) и очень Вам благодарен обоим. Графине [1] я пишу особо.

Ваше письмо чрезвычайно мило — и я искренно сожалею, что, будучи теперь по некоторым обстоятельствам в не совсем свободном расположении духа — не могу отвечать на него, как бы хотелось. Авось это удастся в другой раз — теперь же посылаю Вам несколько сухих строк. Начну с того, что поздравлю Вас с найденным Вами выражением: «дешевое и бесполезное коварство Фролова» [2]. За это Вы заслуживаете носить на шее золотую медаль с надписью: «За остроумное». Положению Вашему я сочувствую и мысли Ваши об уединении разделяю вполне — воспользуйтесь им, чтобы уяснить себе свое призвание — или, если это слово Вам кажется слишком пышным, чтобы узнать, по какой дороге Вам надобно пойти. Я должен сказать про себя, что мое пребывание в деревне не только не кажется мне тягостным — но я нахожу его весьма даже полезным — я никогда так много и так легко не работал, как теперь.

Я написал здесь большую повесть, под названием «Постоялый двор» — которая, если не ошибаюсь, мне

удалась [3]. К сожалению, я Вам ее переслать не могу — надобно дождаться оказии — а я думаю, что в этой повести я сделал шаг вперед. Под влиянием ли уединения, от других ли каких причин — только я чувствую, что я стал проще и иду прямее к цели, может быть потому, что во время писания не думаю о печатании. Копию с «Муму» [4] мне до сих пор Кетчер из Москвы не высылает, но Вы ее получите при первой возможности. Я перед Вами никогда не скрытничал, и Шумский напрасно сказал Вам, что я написал первую часть моего романа [5]. Я теперь только что кончил третью главу — но если что-нибудь непредвиденное не встретится, надеюсь кончить первую часть к марту.

Бокар действительно хлыщ первой величины — он бывал в доме моей матери в Москве — и потом в деревне, когда обворовывал казну на тульском шоссе; моим же другом он был столько же, сколько — кого бы назвать — сколько Булгарин.

Хваля Юма, я никогда не имел в виду ничего, кроме его слога, его простого, ясного и объективного изложения. Современным требованиям от историка он далеко не удовлетворяет [6].

Нет — я сегодня не буду писать к графине — для этого у меня слишком много кокетства. Видите ли, как я сух и вял и неинтересен — ну, перед Вами я щеголять не намерен. Скажите ей только, что я сердечно благодарен ей за ее письмо, очень рад слышать, что она здорова, — и от души желаю ей всего хорошего. На днях, если бог даст, она получит от меня письмо, в котором я постараюсь показать себя лицом — как барышнического коня на выводке — а теперь поцелуйте у ней от меня руку. Да скажите ей также, что мне очень было лестно услышать, что ее детям нравятся мои «Записки» [7] — la vérité parle par la bouche des enfants *, хотя мне самому мои «З⟨аписк⟩и» и кажутся теперь как будто написанными чужим человеком. «Муму» еще сбивается на них — в моих новых вещах я пошел по другому пути, к лучшему ли, к худшему ли — это мне скажут друзья [8]. Кстати, я для этого жду сюда Анненкова.

---

* Устами младенцев глаголет истина *(франц.)*.

Долго ли Вы и графиня пробудете в Крыму? Ну прощайте — не считайте этого письма за письмо — это так — une poignée de main *. На днях я напишу Вам непременно — я теперь пока еще «между небом и землей», как жаворонок, — но, вероятно, скоро плюхну на землю. Addio.

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] *Графиня* — Е. В. Салиас.

[2] В неизданном письме к Тургеневу от 5/17 декабря 1852 года, из Крыма, Феоктистов писал: «Дикий хохот Кетчера, дешевое и бесполезное коварство Фролова, цинизм В. П. Б〈откина〉 — какая отрада быть далеко от всех этих прелестей!»

[3] Повесть «Постоялый двор», написанная осенью 1852 года, напечатана в «Современнике», 1855, № 11.

[4] Повесть «Муму», написанная Тургеневым, когда он был под арестом в апреле-мае 1852 года, напечатана была в «Современнике», 1854, № 3; за пропуск ее цензор получил выговор.

[5] «Два поколения».

[6] Письмо, в котором Тургенев хвалил Феоктистову Юма, в печати неизвестно.

[7] Е. В. Салиас писала Тургеневу, что ее дети «с ума сходят от «Записок охотника» («Тургенев и круг «Современника», М. — Л. 1930, стр. 158).

[8] Имеются в виду повесть «Постоялый двор» и роман «Два поколения».

49

И. С. АКСАКОВУ

С. Спасское
28-го декабря 〈ст. ст.〉 1852 г.

Только вчера, любезнейший Иван Сергеич, получил я Ваше письмо от 4-го октября. Прежде чем я буду отвечать Вам на него, мне непременно нужно объяснить Вам, почему это глупое место о г-не Любозвонове осталось в моих «Записках» [1]. Вы, может быть, слышали, что книга эта была издана и напечатана в моем отсутствии. Я едва просмотрел рукопись, прежде чем

* Рукопожатие *(франц.)*.

я послал ее к Кетчеру, — помнил я, что был какой-то где-то намек в «Записках» на славянофильство — нашел несколько слов на этот счет в «Хоре и Калиныче» — и выкинул их [2] — а то место осталось к великой моей досаде. Могу Вас уверить, что я вовсе не думал о Вашем брате, когда его писал, — и Вы можете себе легко представить, что я во всяком случае выкинул бы это место после нашего сближения — если б я вспомнил о нем. Пусть Ваш брат извинит мою рассеянность — и это ему будет тем легче — что подобные холодные шутки падают на того, кто их произносит, — мне гораздо будет труднее забыть мою неосмотрительность — и — повторяю — досада моя очень велика.

Теперь о Вашем письме. Все, что Вы говорите о «З⟨аписках⟩ о⟨хотника⟩», я подписываю обеими руками и писал уже об этом Вашему брату. Я, право, могу уверить Вас, что мне иногда кажется, будто эта книга писана не мною, так уж я далек от нее. Напряженность и натянутость, которые слишком часто в ней попадаются, отчасти могут быть извинены тем обстоятельством, что когда я писал ее — я был за границей [3] и, окруженный не русской стихией и не русской жизнью — невольно проводил карандашом два раза по каждому штриху. В этом отношении я не совсем доволен и «Муму» — отчего мне крайне хочется, чтобы Вы прочли мою последнюю вещь — «Постоялый двор». Я не знаю — ошибаюсь ли я, или нет — здесь нет никого, кто бы мог мне это сказать, — но я полагаю, что в «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» — я иду прямее и проще к цели — не кокетничаю и не умничаю — а стараюсь дельно высказать то, что почитаю делом. Дай бог любому автору понять и выразить жизнь — где ему мудрить над ней или поправлять ее. «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» давно готов и переписан — я жду оказии, чтобы послать его в Москву к Кетчеру, которому напишу, чтоб он непременно и в самом скором времени Вам его передал. Заранее прошу от Вас, от Вашего брата и от С⟨ергея⟩ Т⟨имофеевича⟩ — строгого и подробного отзыва. Мысль «Муму» Вами так верно схвачена [4], что мне очень хочется знать, что Вы скажете о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩».

Уединение, в котором я нахожусь, мне очень полезно. Я работаю много — и кроме «П⟨остоялого⟩ д⟨вора⟩» написал первые три главы большого романа и еще небольшую вещь под названием «Переписка» [5]. Все это я желал бы прочесть людям, во вкус которых я верю, — очень хотелось бы знать, иду ли я по настоящей или по ложной дороге. Я бы много дал — чтобы иметь удовольствие видеть Вас у себя — но боюсь и просить Вас. Поездка-то и не очень дальняя — да человек-то я не на хорошем счету — да и Вы, кажется, немножко подгуляли. А если б можно было — как я был бы рад! Стоит доехать (по шоссе) до Мценска — а оттуда до меня (до Спасского-Лутовинова) всего 10 верст.

Статья моя о книге Вашего отца явится в 1-м № «Совр⟨еменника⟩» — месяца через два я пошлю еще другую [7]. Желал бы я, чтобы первая эта статья Вам понравилась. Там есть несколько мыслей о том, как описывают природу, где я себя не щажу.

К⟨онстантину⟩ С⟨ергеевичу⟩ я на днях пошлю большое письмо о его статье в «М⟨осковском⟩ с⟨борнике⟩» [8]. Странное дело! Мы сходимся с ним в воззрении на наш народ — но выводы у нас различные.

Ваше замечание насчет мужицкой речи совершенно справедливо [9]. В «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» — и следа нет всей этой дагерротипности. Это все надо бросить — или, если без этого не выходит живо, — бросить перо.

Прощайте, любезнейший И. С. Бог знает когда придется увидеться — но во всяком случае прошу Вас верить в искренность моей дружбы.

Кланяйтесь от меня всем Вашим.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

Поздравляю Вас с Новым годом. Когда Вы получите «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» — доставьте Кетчеру «Муму» — меня просили переписать ее.

[1] Имеется в виду эпизод из очерка «Однодворец Овсяников», где герой рассказывает о странностях помещика-славянофила. В образе Любозвонова Тургенев пародировал некоторые черты Константина Аксакова, брата И. С. Аксакова.

[2] В отдельном издании «Записок охотника» Тургенев исключил из рассказа «Хорь и Калиныч» ироническое упоминание о славянофильствующем помещике, владельце «дотла разоренного села», который «ходил, вероятно потехи ради, в мурмолке и рубашку носил с косым воротником».

[3] Рассказы из «Записок охотника» писались преимущественно в 1847—1849 годах, когда Тургенев жил в Германии и Франции.

[4] Замечания И. С. Аксакова о «Муму» см. в письме его к Тургеневу от 4(16) октября 1852 года («Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 475—476).

[5] О рассказе «Переписка» см. прим. 1 к п. № 30.

[6] Рецензия на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

[7] О какой «другой» статье идет речь — неизвестно.

[8] См. прим. 4 к п. № 44.

[9] В том же письме от 4(16) октября И. С. Аксаков писал Тургеневу: «Григорович, желая вывести на сцену русского мужика *вообще,* заставляет его говорить рязанским наречием, — вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную».

30

П. В. АННЕНКОВУ

С. Спасское
10 января ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Спасибо Вам, милый П. В., за Ваше письмо из Москвы о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» [1]. Оно меня обрадовало — и опечалило известием о невозможности видеть Вас у себя в деревне. Что делать! Я понимаю, что Вам невыгодно теперь терять время. Желаю Вам полного и скорого успеха в Вашем издании [2]. Что же касается до меня, — то я вот на что решился: велю переписать написанные мною пять глав романа и доставлю их Вам в Петербург [3] — с тем чтобы *Вы их никому не показывали* — и возвратили мне их с Вашими замечаниями и советами. Я чувствую, что мне они необходимы, а то — я здесь пишу и работаю, словно в чужих краях — никто мне не умеет сказать, хорошо ли, худо ли я делаю — а ведь без отголосков такого рода могут

работать только люди подобные Гоголю. Нашему брату без них плохо.

Скажу Вам несколько слов о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩». В важности математической верности действительности — в подобных произведениях я убежден — и, сколько мне кажется, она соблюдена. Ошибку о «становом» легко поправить [4]. Человек крепостного состояния *не имеет* права приобретать собственность иначе как на имя своего господина (не далее как неделю тому назад я дал доверенность одному моему богатому мужику в Тамбове — купить 150 десятин на его деньги — и на мое имя) — притом вся рассказанная мною история буквально совершилась в 25-и верстах отсюда — и «Наум» жив и процветает до нынешнего дня. В одном я согласен: вероятно — такого рода продажи пронюхиваются прежде — и против них не принимаются меры, потому что мер никаких принять нельзя, но делаются своего рода усилья. Я оттого не упомянул о них, что боялся задержать и понапрасну запутать ход драмы. Все, что вы говорите о самом роде таких драм, — превосходно и совершенно верно, и я очень рад, что мне действительно удалось придать рассказу ту ясность и то свободное теченье, без которых вся вещь производила бы впечатление тяжелое и нехудожественное.

В теперешнем моем — очень некрасивом — положении (оно стало особенно выпукло с некоторых пор — Вы понимаете, я думаю, что я хочу сказать) [5] — одно мое спасение — сильная литературная деятельность — а для того чтобы действовать с охотой, надобно чувствовать, что идешь вперед, и одобрение людей, в которых веришь, чрезвычайно благодетельно. А потому не могу не благодарить Вас вторично за Ваше письмо; любопытно мне будет знать мнение Ваше о моем романе [6]. Прошу Вас написать мне из Петербурга со всею откровенностью, как Вам покажется голос г-жи Виардо. Говорят, он очень поправился, — но я поверю только Вам.

Пишите мне о Некрасове и других приятелях. Я им послал в «Совр⟨еменни⟩к» небольшую статью о книге С. Т. Аксакова [7]. Кроме двух-трех мыслей о природе и

манерах ее описывать, в этой статье для Вас, кажется, не будет ничего занимательного.

Напишите мне также о «Лжедимитрии» Мериме в «Revue des deux Mondes». Что это такое? [8] О загадочном Шенстоне или Ченстоне я с месяц тому назад написал моему хорошему приятелю Чорлею, одному из редакторов «Атенэума». Как только получу ответ, перешлю Вам [9].

Все здешние здоровы и кланяются Вам. Я четвертого дня простудился, кашляю и не выхожу из комнаты. Надеюсь, что это скоро пройдет.

У меня гостил несколько дней Леонтьев, автор той комедии, которую я, помните ли Вы, давал Вам читать в Петербурге. Он привез хорошую вещь, которую я на днях отправляю к Краевскому; другую он готовит для «Совр⟨еменник⟩а» [10]. Талант у него есть, но сам он весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и исковерканный. В сладострастном упоении самим собою, в благоговении перед своим «даром», как он сам выражается, он далеко перещеголял полупокойного Федора Михайловича [11], от которого у Вас так округлялись глаза. Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девчонка.

Погода у нас скверная — вот уже месяц, как мы не видим солнца.

Пишите же мне, пожалуйста, — а уж на мою аккуратность Вы рассчитывать можете. Поклонитесь от меня всем друзьям, будьте здоровы и веселы и не забывайте

Вашего
Ив. Тургенева.

P. S. Еще одно слово: Вы говорите, что если Аким знал, что г-жа К⟨унце⟩ могла продать его двор, то это для него уж не было нечаянностью. В Ярославской губернии нет крестьянина, который бы не владел частичкой земли на имя своего господина (след⟨овательно⟩ ему не принадлежащей), — купцы наши до сих пор пересылают огромные суммы через приказчиков — без расписки — но думаете ли Вы, что лишение земли или капитала для них не нечаянность непредвиденная?

В этом-то и состоит весь русский chic *. О какой-нибудь предварительной сделке — и думать нельзя, и мнекажется, что, если б даже можно было, и тут бы не думали.

[1] Неопубликованное письмо от начала января ст. ст. 1853 года хранится в Пушкинском доме.

[2] Речь идет о «Сочинениях А. С. Пушкина» в издании П. В. Анненкова; первые тома вышли в начале 1855 года.

[3] *Роман* — «Два поколения»; написанные главы посылались Тургеневым на отзыв Анненкову, Боткину, Аксаковым и др.

[4] По указанию Анненкова, Тургенев исключил из печатного текста упоминание о становом, так как во время, описываемое в повести (около 1830 года), становые еще не были введены.

[5] Тургенев намекает на свою ссылку и на недавний приезд П. Виардо в Петербург.

[6] *Роман* — «Два поколения». Отзывы Анненкова о нем содержатся в двух его письмах — от 12 июня и 6 июля 1853 года («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 489—491).

[7] *Статья* — рецензия на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[8] *«Лжедимитрий»* — драматические сцены Проспера Мериме, напечатанные в журнале «Revue des deux Mondes», 1852, т. XVI.

[9] Комментируя в своем издании произведения Пушкина, Анненков не мог объяснить происхождение подзаголовка к «Скупому рыцарю»: «Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The covetous knight» — и тщетно искал в английской литературе сведений о писателе Ченстоне. Он обращался (через Тургенева и П. Виардо) с просьбой помочь ему к английскому критику Чорлею. Ченстон — на самом деле, повидимому, неверно прочитанная Пушкиным фамилия Шенстона, но и у последнего нет ничего похожего на «Скупого рыцаря»

[10] Комедия К. Н. Леонтьева — «Женитьба по любви»; другие произведения Леонтьева, о которых пишет Тургенев, — повести «Немцы» и «Лето на хуторе».

[11] Достоевского, бывшего в то время в Омской тюрьме.

51

П. Х. КЕТЧЕРУ

С. Спасское
11-го января ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Спасибо тебе, милый К. — за присланное письмо А⟨нненков⟩а — и за твои строки. Я уж написал ему в Петербург — и весьма обрадованный его отзывом о

* Шик *(франц.)*.

«П⟨остоялом⟩ д⟨вор⟩е» — стараюсь ему доказать, что кроме обмолвки «станового» — я от «математической» верности не отступил ни на шаг[1]. Действительно: крепостные люди не *имеют* права приобретать собственность иначе как на имя господина — и никаких сделок, ослабляющих права помещика на эту собственность, закон не допускает. Притом все рассказанное мною почти буквально случилось в 25 верстах отсюда — и «Наум» торгует и здравствует доныне. Я очень рад слышать, что и ты доволен моим последним произведением, — желал бы я знать мнение Тимофея Николаевича[2] и Михайлы Семеныча[3]. Если ты мне напишешь об этом слова два, я тебе очень буду благодарен.

Мне очень приятно было узнать, что «З⟨аписки⟩ о⟨хотника⟩» хорошо расходятся. Мой поверенный в Москве глупо распорядился тем, что не купил просто у Базунова нужный мне экземпляр. Я его поднес исправнику, изъявившему желанье иметь эту книгу — а так как он отчасти теперь мой начальник (впрочем, он очень любезный человек) — то я поспешил удовлетворить его желанье[4]. У меня теперь дома не осталось экземпляра — и потому отдай один Лобанову (моему quasi-поверенному)[5], который зайдет за ним.

О Мерке[6] не забудь.

Жму тебе руку и всем друзьям. Будь здоров и не забывай

твоего

И. Т.

[1] См. предыдущее письмо (к П. В. Анненкову) и прим. 4 к нему.

[2] Грановского.

[3] Щепкина.

[4] Во время ссылки в Спасском Тургенев находился под надзором земской полиции.

[5] Ф. И. Лобанов был крепостным Тургенева, поэтому писатель и называет его «quasi» (якобы) поверенным.

[6] Тургенев намеревался писать статью о Мерке, друге Гете, для чего ему нужны были сочинения Мерка (см. п. № 47).

52

С. Т. АКСАКОВУ

С. Спасское
16-го января ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Получил я Ваше письмо от 1-го янв⟨аря⟩, любезный Сергей Тимофеевич, — и благодарю за память обо мне. Согласен с Вами, что прошлый год был действительно тяжелый год — что будет дальше? Нельзя надеяться, чтобы холера не пожаловала к нам, хотя доктора до сих пор утверждали, что она никогда не идет с запада на восток; но в наше время не одни докторские теории опровергаются событиями. Впрочем, она может к нам прибыть также с юга, из Персии. Что будет, то будет — а унывать не к чему. Мы до сих пор не получали здесь ни одной газеты, и потому я еще не знаю, попала ли моя статья о Вашей книге в 1-й № «Современника»; после невероятных, даже теперь невероятных фактов цензурных, сообщенных Вами в Вашем письме ко мне, — я не удивляюсь, если и мою невинную статейку исказят; в таком случае я Вам пошлю ее в оригинале [1]. Я думаю, что Ив⟨ан⟩ Сер⟨геевич⟩ (которому я писал недавно) теперь уже получил от Кетчера мою последнюю вещь; жду Вашего мнения о ней [2]. От Анненкова (автора «Провинциальных писем») [3] я получил отзыв одобрительный. Анненкова не должно судить по его «Письмам» — в нем собственно таланта немного — но он человек чрезвычайно умный, с тонким и верным вкусом; издание Пушкина, которое он готовит, будет классическое; он мне читал отрывки из биографии Пушкина, написанной им, — превосходные по мастерству изложения, ясности и теплоте воззрения. С нетерпением жду Вашей биографии Загоскина в 1-м № «Москвитянина» [4]. Должно надеяться, что цензоры наконец придут несколько в себя. Анненкова я ждал к себе в деревню, но он должен был спешить в Петербург. У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст — и представили какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму [5]. Уморительнее этого ничего невозможно было

вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный, а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и все, что хотите: язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski * [6] и даже стихов из «Дмитрия Донского»! [7] Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат. Передайте, пожалуйста, прилагаемый листок Константину Сергеевичу. Будьте здоровы, веселы и меня не забывайте. Дружески жму Вам и всему Вашему семейству руки и остаюсь

Ив. Тургенев.

[1] Рецензия Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» появилась в первом номере «Современника» на 1853 год. Рецензия действительно подверглась цензурным изъятиям (см. прим. к статье в т. 11 наст. изд.). «Цензурные факты» были сообщены Тургеневу С. Т. Аксаковым в письме от 1 января 1853 года («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 6—7).

[2] Речь идет о повести «Постоялый двор».

[3] *«Провинциальные письма»* П. В. Анненкова печатались в «Современнике» 1849—1851 годов. Тургенев имеет в виду письмо Анненкова от начала января 1853 года.

[4] Написанная С. Т. Аксаковым «Биография М. Н. Загоскина» (умершего 23 июня ст. ст. 1852 г.) помещена в «Москвитянине», 1853, № 1.

[5] *Разбойничья драма* — вероятно, широко известная «Лодка», в которой воплощены воспоминания народа о поволжской вольнице и, в частности, о Степане Разине.

[6] Имеется в виду риторический, декламационный стиль повестей Ал. Бестужева-Марлинского, имевших значительное влияние и распространение в широких читательских кругах в 30-х — начале 40-х годов и вызвавших много подражаний.

[7] *«Дмитрий Донской»* — патриотическая трагедия В. А. Озерова (1807).

53

К. С. АКСАКОВУ

С. Спасское
16-го января ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Любезный К. С. Давно собирался я писать к Вам, но все откладывал до прочтенья статьи Вашей в «Мос-

* В стиле Марлинского *(франц.)*.

ковском сборнике»[1]. Теперь я ее прочел с большим вниманием — и насколько я могу судить в этих вещах, — согласен с Вами насчет «родового быта». Мне всегда казался этот родовой быт — так, как его представляют Соловьев и Кавелин[2] — чем-то искусственным, систематическим, чем-то напоминавшим мне наши давнопрошедшие гимнастические упражнения на поприще философии. Всякая система — в хорошем и дурном смысле этого слова — не русская вещь; все резкое, определенное, разграниченное нам не идет — оттого мы, с одной стороны, не педанты, — хотя зато, с другой стороны...

Я русскую историю знаю, как только может знать ее человек, не изучавший источников; суждение мое о ней вытекает более из сочувствия к тому, что теперь делается в русской жизни; стоит хорошенько присмотреться к современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность соловьевского родового быта. Собранные Вами факты были для меня интересны и новы, взгляд Ваш верен и ясен — но признаюсь Вам откровенно — в выводах Ваших я согласиться не могу: Вы рисуете картину верную — и — окончив ее, восклицаете: как это все прекрасно! Я никак не могу повторить этого восклицания вслед за Вами. Я, кажется, уже сказывал Вам, что, по моему мнению, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от Вас, между тем как самые наши песни громко говорят о ней! Мы обращаемся с Западом, как Васька Буслаев (в Кирше Данилове) с мертвой головой, — побрасываем его ногой — а сами... Вы помните, Васька Буслаев взошел на гору, да и сломил себе на прыжке шею. Прочтите, пожалуйста, ответ ему мертвой головы[3] — у меня Кирша Данилов в издании Сахарова — там нет песни, о которой Вы говорите — а, помнится, я читал ее[4]. Я себе выпишу из Москвы особое издание Кирши Данилова.

Любопытно мне будет знать Ваше мнение о моем последнем произведении[5]. Какой Вы из него выведете вывод? Досадно, что все эти вещи нельзя обсудить на бумаге; в час разговора больше скажешь и больше узнаешь, чем в год переписки. Положение мое теперь

весьма исключительное — я спрашивал через губернатора у министра внутренних дел — могу ли я посетить свои деревни, лежащие не в Орловской губернии, — мне на днях отвечали отказом. Нечего делать, должно сидеть у моря и ждать погоды. Впрочем, я здесь по крайней мере не ленюсь; принялся за свой роман [6] и написал пять глав.

Прощайте, добрый К. С. Когда-то бог приведет увидеться? Жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] «О семейном быте у славян вообще и у русских в особенности» (см. п. № 44 и прим. к нему).

[2] С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин писали о характере общественного строя древней Руси: Соловьев — в первом томе «Истории России с древнейших времен» и в статье «Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие»; Кавелин — в статье «Взгляд на юридический быт древней России». Оба являлись сторонниками теории «родового быта», оспаривавшейся К. С. Аксаковым и другими славянофилами.

[3] О встрече Васьки Буслаева с мертвой головой вспоминает Потугин («Дым», гл. XXV), обращая этот эпизод былины прямо против славянофилов (ср. п. № 41).

[4] Былина, на которую указывал Тургеневу К. С. Аксаков, — «Сорок калик со каликою».

[5] Имеется в виду повесть «Постоялый двор».

[6] «Два поколения».

54

С. Т. АКСАКОВУ

С. Спасское
22-го января ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Вчера получил я первый № «Москвитянина», любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, — и вчера же прочел Вашу биографию Загоскина. Я не читал подобной биографии на русском языке! По глубокому и ясному пониманию характера и таланта того человека, которому она посвящена, по теплоте сочувствия, разлитого в каждой строчке, по внутренней ее соразмерности и спокойному мастерству изложения, биография эта может назваться образцовой. Иные выражения — изуми-

тельны своей меткостью. Особенно поразило меня то место, где Вы говорите, что, читая Загоскина, «чувство народности незаметно поднимается со дна души». Это совершенно верно. Я сожалею только об одном: зачем Вы поместили две выдержки из сочинений З⟨агоскин⟩а? Кроме того, что З⟨агоскин⟩ именно такой писатель, которого по выдержкам судить нельзя — они (особенно куплеты) уже слишком незначительны и могут неверно подействовать на читателя [1]. «Мирошева», которого я не читал, я теперь непременно прочту — что же касается до «Милославского» — то я знал его наизусть; [2] помнится, я находился в пансионе в Москве в 31-м году (мне был 12-й год) — и нам по вечерам надзиратель наш рассказывал содержание «Ю⟨рия⟩ М⟨илославского⟩». Невозможно изобразить Вам то поглощающее и поглощенное внимание, с которым мы все слушали; я однажды вскочил и бросился бить одного мальчика, который заговорил было посреди рассказа. Кирша, земский ярыжка, Омляш — боярин Шалонский — все эти лица были чуть не родными всему нашему поколению — и я до сих пор помню все малейшие подробности романа. Да, такая народность завидна — и дается немногим! В 32-м и 33-м году я часто видывал Загоскина в доме моего отца, с которым он был очень дружен; впечатление, которое он производил на меня, далеко не соответствовало уважению, которое я питал к его роману: впрочем, это было не уважение — а какое-то горячее дружелюбное чувство — как бы к старшему брату (я говорю о Юрии Мил⟨ославско⟩м). Причина, почему я перед самим Загоскиным не благоговел, была двоякая — с одной стороны, он слишком был прост и добр, иногда даже спорил со мной — а мальчишка, каким я был тогда, не может благоговеть перед тем, кто становится с ним рядом — с другой стороны, в З⟨агоскин⟩е была какая-то добродушная хвастливость насчет женщин, которая мне тем более не нравилась, что он обыкновенно в этих случаях заражался французским, весьма неправильным языком. Но, вспоминая всех тех литераторов, с которыми мне потом пришлось сблизиться — и из которых едва ли один стоил Загоскина, — приводя себе на память всю их мелочную раздражи-

тельность, кичливое самолюбие и ломание (я уже не смею упоминать о собственных грехах в этом роде), — я не могу довольно надивиться скромности автора, который действительно некоторое время не имел себе равного в народной любови — да и до конца сохранил ее; Загоскин, с которым я, 13-летний мальчишка, мог обходиться бесцеремонно, — был отличный человек! [3]

Желаю я, чтобы моя статейка о Вашей книге хотя отдаленно могла Вам понравиться так, как Ваша биография мне понравилась.

Доставил ли Кетчер Ив⟨ану⟩ Сергеевичу «Постоялый двор» и прочли ли Вы его — и если прочли — какого Вы о нем мнения? Так как совершенно неизвестно, когда мы с Вами увидимся — а мне хочется подвергать мои произведения Вашему суду, то я постараюсь распорядиться так, чтобы список с 1-й части моего романа достался Вам в руки, — только это между нами. Она будет состоять из 12 глав — я уже написал семь.

Я уверен, что Вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве в первом № «Москвитянина» [4]. Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна. Но стихотворения Щербины мне еще менее по вкусу [5], чем стихи г-жи Павловой или Ростопчиной [6], — это какой-то любострастный писк, который нам хотят выдать за античность! И хотя бы стихи были хороши! Нет — этого рода поэзия не годится никуда.

Прощайте, дорогой С. Т., будьте здоровы и веселы. У нас с 12-го янв⟨аря⟩ стала холодная, солнечная погода — вероятно, и у вас так же. Холерные случаи попадаются здесь довольно часто — но пока ничего слишком худого нет. Егеря мои колотят множество зайцев — я очень зябок и на эту охоту не хожу. Кормятся у меня 12 куропаток — в марте выпущу их на развод. На днях послал охотника в степную деревню с поручением поймать и привезти еще.

Крепко жму Вам и всему Вашему семейству руку и остаюсь

душевно преданный Вам

Ив. Тургенев

P. S. Правда ли, что Катков женится и переезжает в Петербург? [7]

[1] С. Т. Аксаков привел в своей «Биографии М. Н. Загоскина» («Москвитянин», 1853, № 1) две выдержки из сочинений этого писателя: из комедии «Урок холостым, или Наследники» и водевиля «Деревенский философ».

[2] Романы Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II» (1842) и «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829); прославивший автора «Юрий Милославский» — один из первых русских исторических романов, выдержал к 1853 году, по словам С. Т. Аксакова, 8 изданий.

[3] Воспоминания Тургенева о Загоскине вошли в его «Литературные и житейские воспоминания», напечатанные в первом томе собрания сочинений 1869 года (см. т. 10 наст. изд.).

[4] «Повесть о Фроле Скобееве», написанная неизвестным автором в конце XVII века, — памятник раннего русского «плутовского» романа.

[5] Н. Ф. Щербина напечатал в «Москвитянине», 1853, № 1, 15 стихотворений в антологическом роде, с сильно выраженным оттенком эротики.

[6] Тургенев имеет в виду творчество салонных поэтесс К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной.

[7] М. Н. Катков в 1853 году женился на княжне Шаликовой (сестре писательницы Е. Нарской).

55

П. В. АННЕНКОВУ

С. Спасское
29-го января ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Милый Анненков. Хотя я еще не получил от Вас ответа на письмо мое, адресованное в дом Шица в Петербурге — однакоже, предполагая, что Вы уже давно покинули Москву, пишу я Вам опять. Впрочем, я больше вот с какою целью пишу Вам: я сегодня отправляю к Краевскому для «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» необыкновенно замечательную повесть Леонтьева под названьем «Немцы». Вы, пожалуйста, попросите от меня Дудышкина, чтобы он как можно тщательнее подержал корректуру и вообще следил бы отеческим оком за этою вещью. Я надеюсь, что цензура никаких препятствий не сделает — во всяком случае прочтите «Немцев» хотя

в рукописи — и напишите мне свое об них мнение. Меня особенно поражает там одно лицо — Цветков — это тип.

Не могу также не поделиться с Вами восторгом, возбужденным во мне «Повестью о Фроле Скобееве», помещенной в 1-м № «Москвитянина». Вот простота, вот наивность, вот русский дух и жизнь в каждом слове! Эта нелитературная вещь может привести в отчаянье любого литератора! Так, я воображаю, какая-нибудь жительница Мещанской должна глядеть на четырнадцатилетнюю девочку, беспечно купающуюся перед ней в речке.

Хороша тоже биография Загоскина, написанная стариком Аксаковым. Такому именно человеку, как он, и следовало писать биографию Загоскина. С каким нетерпеньем ожидаю я известий о Вашем Пушкине! [1]

Не поленитесь, толстый друг мой, и напишите мне путное письмо о Петербурге и петербургских друзьях. Это будет доброе дело с Вашей стороны. Также не забудьте сказать мне несколько слов об опере [2].

А мы здесь живем помаленьку в глуши. Дни бегут незаметно — и я почти не верю, что уже январь прошел. Работаю я порядком и читаю много. Кстати, в проезде Вашем через Москву, Вы не слыхали отрывков из 2-й части «Мертвых душ»? [3] До меня только доходят слухи о ней. Если Вам это удалось, поделитесь со мной Вашими впечатлениями.

Как только 1-я часть моего романа [4] будет готова — Вы ее получите, — то прошу Вас, чтобы это осталось между нами. В ней будет 12 глав — я написал семь.

Прощайте, не забывайте меня. Поклонитесь всем, кто меня помнит, и будьте здоровы — да не объедайтесь до совершенного онемения в Английском клубе — ведь у вас еще гостит холера. Addio, caro mio *, как говорил Егулов [5].

Ваш *Ив. Тургенев.*

---

* Прощайте, дорогой мой *(итал.)*.

[1] См. пп. к П. В. Анненкову (№ 42, 45) и к С. Т. Аксакову (№ 50, 52, 54).

[2] В Итальянской опере в Петербурге выступала в это время приехавшая на гастроли П. Виардо.

[3] Сохранившиеся отрывки второго тома «Мертвых душ» читались в рукописи в литературных кругах Москвы. Второй том был издан в 1855 году (цензурное разрешение — 26 июля).

[4] «Два поколения».

[5] *Егулов* — возможно, ошибка, — вместо Егунов.

56

И. И. ПАПАЕВУ и Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
6/18 февраля 1853 г.

Любезные друзья мои, П. и Н., получил я ваше письмо, а вслед за ним и 1-й № «Современника», который я уже почти весь прочел. Решительно — лучше всего в нем — статья Нового поэта [1]. Умнее и милее ее ты, П., давно ничего не писал — над ней и нахохочешься и надумаешься вдоволь. (Что скажет Фролов о ней — это другое дело) [2]. Комедию Писемского [3] я принялся читать вслух и одолел только два акта — это очень дюжинная и топором сляпанная вещь. Я так боюсь исторических русских романов, я так мало верю в возможность их теперь, что я никак не в состоянии принудить себя читать «Однорога» [4] — каким-то тяжким ужасом и напряжением скуки веет мне от него, — но так как я не прочел строки из этого романа, то, может быть, я и ошибаюсь. Скажите мне: могу ли я его читать? Стоит ли того? Стихотворения, кроме перевода из Байрона — так себе — кажется, лучше бы их было не печатать [5]. Из моей статьи по обыкновенью вырезали сердцевинку — и теперь она вышла довольно пустою [6]. Орион вместо мифического назван стоическим — но все это вздор. Статей Галахова и Соловьева я еще не прочел, но они кажутся дельными [7]. Вообще этот № делен, но мрачен, как Вы сами выражаетесь [8], и более похож на № «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩», чем на № «Совр⟨еменника⟩». Но статья Нового поэта прочтется с наслажденьем во всех концах России.

Друзья мои, я собирался кое-что написать для вас, но я погрузился по уши в свой роман [9] — и другого ничего не могу делать. Все, что я могу сказать вам в утешенье — это то, что если этот роман когда-нибудь явится — то не иначе как в вашем журнале, но когда он явится — на этот вопрос нет решительно никакого даже вероятного ответа. Утешенье — как видите — плохое — да что делать!

А вот что я могу вам сказать — у меня здесь гостил Леонтьев и оставил мне отличную вещь, которую непременно желал отдать Краевскому, — другую же начатую, еще лучше, обещал кончить для «Современника» [10]. Я ее должен получить в теченье нынешнего месяца — и к апрельской книжке надеюсь доставить ее вам. Повесть Леонтьева, вероятно, явится в мартовской книжке «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩». Рекомендую ее вам.

Ну прощайте, ребята, да не запаздывайте вашими книжками — а то на это сильно здесь жаловались мне. Обнимаю вас и остаюсь

преданный вам
И. Тургенев.

P. S. Всем друзьям усердный поклон.

[1] Юмористический фельетон И. И. Панаева в первом номере «Современника» — «Канун Нового 1853 года. Кошемар в стихах и прозе».

[2] В фельетоне Панаева был упомянут Н. Г. Фролов.

[3] «Раздел».

[4] Исторический роман Николая М. (П. А. Кулиша) — «Алексей Однорог».

[5] В первом номере «Современника» на 1853 год напечатаны стихотворения Н. В. Гербеля, Н. А. Некрасова, А. Н. Майкова, М. Л. Михайлова; перевод стихотворения Байрона «Госпоже Августе Ли» принадлежит А. В. Дружинину.

[6] Речь идет о рецензии Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника».

[7] Статьи А. Д. Галахова «Карамзин» и С. М. Соловьева «Русский город в XVII веке».

[8] Некрасов писал Тургеневу о первом номере «Современника»: «Давно не выпускали мы такой мрачной книги».

[9] «Два поколения».

[10] Повесть К. Н. Леонтьева для «Отечественных записок» — «Немцы»; она была позднее запрещена цензурой. Повесть для «Современника» — «Лето на хуторе». См. пп. № 55, 62.

57

П. В. АННЕНКОВУ

Орел
24-го февраля ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Пишу к Вам из Орла, милый П. В., куда я приехал вчера на праздники — и где провел бессонную и мучительную ночь благодаря трактирному бифштексу, который до сих пор сидит, непереваренный, в моем несчастном желудке. Вчера же поутру получил я Ваше письмо. Получать от Вас письма — для меня праздник. Вы на бумаге так же умны, как в разговоре en tête à tête * с человеком, к которому Вы расположены — et c'est beaucoup dire **. Ваши слова по поводу «посмертного» романа возбудили во мне невыразимое желание услышать наконец эту гениальную вещь... [1] Хотя, с другой стороны, я думаю, что если б я прочел ее в начале зимы, — у меня бы самого перо из рук вывалилось — беда небольшая — конечно — но что бы я делал всю зиму? Никто больше меня не признает той роковой связи между жизнью и литературной деятельностью, о которой Вы говорите, но эту связь не сами мы делаем — вот в чем штука. Поломать себя, сбросить с себя разные дрязги, которые большею частью сам тщательно на себя накладываешь — как масло на хлеб — можно; переменить себя нельзя. Хорошо тому сосредоточиться, который у себя в центре опять находит натуру — и всю натуру — потому что сам — натура; а наш брат только и живет что беготнею то наружу — то внутрь. Иной сосредоточится — и вдруг сделается прост, чист и ясен — как нуль. В каждом столетии остается много, много два-три человека, слова которых получают крепость и прочность жизни народной; эти ведут оптовую торговлю; мы с Вами сидим в мелочных лавочках и удовлетворяем ежедневным и преходящим потребностям. Впрочем, и это имеет свою хорошую и полезную сторону; не будем унывать и по мере сил проложим свой небольшой след.

---

* С глазу на глаз *(франц.)*.
** А этим много сказано *(франц.)*.

Я Вам все это сказал для того, чтобы объяснить Вам причину моей молчаливости: я все это время писал свой роман с большим жаром и кончил 1-ю часть — 12 глав — страниц около 500! Вы как-то раз мне писали: «Отбросимте всякие другие помыслы — «faisons nous du métier *» — и потому я, не обинуясь, говорю Вам, что такое я состряпал. Хорошо ли, дурно ли вышло — бог весть — это, между прочим, Вы мне скажете — моя вещь [2] для Вас переписывается, и я жду Ваших замечаний и советов. Судя обо мне, старайтесь только забыть какие-нибудь «Мертвые души» — и поправляйте меня в силу того, что *я* бы мог сделать, — станьте *мне* в уровень. Впрочем, все, что я сказал выше, нисколько не противуречит тому правилу, что чем серьезнее на себя взглянет художник — тем лучше для него; и если этот взгляд, на себя брошенный, дойдет до такой ясности, что сомкнет наконец ему уста, — *так* умолкнуть — тоже хорошая вещь.

Получил я письмо от Боткина [3], который недоволен моим «Постоялым двором»; он говорит, между прочим, что: «герой так преувеличен, сбивается на мелодраматического героя и вся повесть более походит на эскиз, чем на дельную картину». Я всегда охотнее верю тому, кто меня бранит, — и не знаю, не прав ли Боткин? Впрочем, «Постоялый двор» — вещь уже конченная и прошлая — бог с ней — пусть и она пойдет своей дорогой.

Пришлите мне «Revue des deux Mondes» — клянусь Вам честью, что если не возвращу Вам того номера, обязываюсь подписаться для Вас на весь прошлый год — но я непременно его возвращу [4].

Окончательный ответ «Атенэума» Вы получите [5]. Скажите мне *непременно* свое мнение о леонтьевской повести, когда она попадет Вам в руки [6].

Также напишите мне о «Пророке» [7] — Вы, иронический человек!

Прощайте, милый П. В., возвратясь из Орла, напишу Вам кое-что о здешней жизни. Пожалуйста, не

---

* Будем заниматься своим делом *(франц.)*.

неглижируйте Вашими глазами — да что издание Пушкина?

Обнимаю Вас.

Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. У меня на окне два голубя — font l'amour * и очень много — font — это мне давало «des distractions» ** — отчего и письмо мое должно быть не совсем складно. A propos ***, Вы, вероятно, заметили интереснейший дневник в последнем №-е «Москв⟨итянина⟩» [8]. Не думаете ли Вы, что слог — подправлен? В 1805-м году так *невозможно* было писать. Скажите мне Ваше мнение о новой комедии Островского — Боткин ее чрезвычайно хвалит [9].

[1] Второй том «Мертвых душ» Гоголя. Имя писателя было в это время запретным.

[2] Роман «Два поколения».

[3] От 17 февраля 1853 года из Москвы («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», «Academia», 1930, стр. 33—37).

[4] Парижский журнал «Revue des deux Mondes» интересовал Тургенева в связи с помещенными в нем драматическими сценами П. Мериме «Лжедимитрий» (см. п. 50 и прим. 8 к нему).

[5] Тургенев ожидал ответа от сотрудника английского журнала «Athenaeum» Г. Чорлея, к которому он обратился по просьбе Анненкова за справкой об английском писателе Ченстоне (Шенстоне) (см. прим. 9 к п. № 50).

[6] Повесть К. Н. Леонтьева — «Немцы» (см. предыдущие письма).

[7] Опера Мейербера «Пророк» шла в это время (под названием «Осада Гента») в Итальянской опере в Петербурге с участием П. Виардо.

[8] «Записки современника. Дневник студента с 1805 по 1807 год, часть I» принадлежали С. П. Жихареву: начало их было напечатано в «Москвитянине», 1853, № 3, февраль, кн. 1.

[9] Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» впервые шла в Московском Малом театре 14 января, в Александринском театре в Петербурге 19 февраля 1853 года. Это была первая из пьес Островского, поставленная на сцене. Бот-

---

* Занимаются любовью *(франц.)*.

** Развлечения *(франц.)*.

*** Кстати *(франц.)*.

кин, в указанном выше письме от 17 февраля, сообщал о ней Тургеневу, что это «действительно превосходная комедия». «Я видел ее три раза — и каждый раз не выходил из театра без слезы на глазах...» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», «Academia», 1930», стр. 34).

53

И. Ф. МИНИЦКОМУ

С. Спасское
6 марта ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Милый Миницкий — наконец-то Вы отозвались — а то мы начинали было беспокоиться на Ваш счет. Душевно мне жаль, что Вы не можете вернуться к нам — Ваши доказательства и доводы довольно сильны и справедливы — но замечу Вам, что трудно оставаться в городе, к которому Вы питаете такое неприязненное чувство, как к Одессе. И поэтому я думаю, вот что бы надобно Вам сделать: дожить до весны в Одессе — потом приехать на лето и осень сюда — а к октябрю отправиться хотя бы в Москву, где Вам можно найти либо место, либо такие же занятия, как в Одессе, — за это уж я берусь и надеюсь исполнить это без труда с помощью тамошних знакомых и приятелей. Сверх того, легко может статься, что к тому времени мне будет позволено выехать из деревни [1] — и я тогда большую часть зимы проживу в Москве — а в Петербург съезжу только на несколько дней. Во всяком случае, прошу Вас всегда рассчитывать на меня — и знать, что в моем доме Вы всегда найдете самый радушный прием. Дарья Ивановна [2], вероятно, сообщит Вам все спасские новости, и потому я об них распространяться не стану — скажу Вам только, что мы наконец дождались Сливицких [3] — и они оказываются очень милыми и благородными людьми. Я очень много работал эту зиму, написал один большой рассказ [4] и первую часть моего романа — что такое будет — не знаю. Я бы непременно выслал бы Вам мои «Записки» [5] вместе с Вашими книгами (мы их с первой почтой к Вам отправим) — но у меня самого только один экземпляр — а в Москве все разош-

лись. Впрочем, Вы их уже вторично прочли и, право, больше их уже Вам читать не стоит. Я надеюсь, что уже пошел вперед и еще пойду — и сделаю что-нибудь посолиднее. Очень бы я желал сообщить Вам мои теперешние заботы — да что делать! Вот летом бы можно — как Вы думаете?

Кончаю мое письмо одним советом: а именно — никто не может сказать про себя — есть ли у него талант — и к чему именно — это должно созреть в человеке, как плод на дереве, но всякому, даже лишенному творческого дара — необходимо сосредоточиться и придать себе известное направление, а то непременно рассыплешься весь и не соберешь себя потом. И потому советую Вам — не браться то за те, то за другие книги, а читать, например, одни исторические сочинения. Это Вас укрепит и даст однозвучность Вашему внутреннему существу. Это также лучшее и вернейшее средство против скуки. Человек вообще скучает не столько от внешних обстоятельств — сколько от тайного ропота собственного бездействия или беспорядка в деятельности. Я это Вам говорю по опыту.

Извините меня за этот наставительный тон — вспомните, что я уже сед как крыса — а Вы еще только начинаете жить — притом я уверен, что Вы увидите в моем совете самое искреннее желание Вам добра и пользы. Не хочется, чтобы последующее за нами поколение ломало себе бока именно о те же камни, об которые и мы сокрушали свои.

Впрочем, будьте здоровы и веселы — все здесь Вас помнят и любят — а я остаюсь навсегда

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев несколько раз пытался выхлопотать себе разрешение выехать из Спасского. См. прим. 2 к п. № 63.

[2] Яздовская, вдова, проживавшая в Спасском еще при жизни В. П. Тургеневой.

[3] *Сливицкие* — вероятно, дальние родственники Тургенева, две сестры и брат, офицер.

[4] «Постоялый двор».

[5] Речь идет об отдельном издании «Записок охотника» (М. 1852).

59

П. В. АННЕНКОВУ

С. Спасское
14 марта ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Милый Анненков, Ваше милое и умное письмо [1] об Островском, «Пророке» — и «направлениях» получил я вчера. Все это очень дельно и выражено с большой тонкостью и верностью. Комедию Островского прочел нам на днях М. С. Щепкин, который приехал сюда в понедельник и, к сожаленью, завтра (то есть в субботу) уже уезжает [2]. Каков милый старик? Прочел ее он отлично, и впечатление она произвела большое — но у меня все из головы не выходил «Père de famille» и другие драмы Дидеро [3] с сильной начинкой естественности и морали — я не думаю, чтобы *эта* дорога вела к истинному художеству. У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидеро — но сентиментальность, слава богу, кажется навсегда умерла. Словом — пиеса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный *драматический* талант — но ведь и здесь отразилось то *«направление»,* против которого Вы так справедливо восстаете, — или, говоря точнее, — то стремление к *направлению* [4].

15 марта воскр⟨есенье⟩

Щепкин уехал, пожив у нас дней пять. Я ему читал свой роман [5] — и, сколько я могу судить, с успехом. В романе моем я старался как можно проще и вернее изобразить, что видел и испытал сам — не заботясь о том, какое поучение можно будет извлечь из этого. Писец мой все не едет из Москвы — и потому копия еще не началась — такая досада!

«Дневник студента» в «М⟨осквитянин⟩е» прекрасная вещь, и продолжения его я жду с нетерпеньем. С Вашим воззрением на «М⟨осквитянин⟩» я вполне согласен — это единственный наш живой журнал, при всех своих нелепостях [6].

О «Пророке» Вы судите довольно верно — но с излишней иронией. Я сам знаю, что М-me V⟨iardot⟩

слишком много играет — но у ней это происходит не от эклектически-немецкой рефлекции, а от ее реалистической южной натуры. Так итальянец, прося милостыню, показывает рукою, что он ничего не ел. Для зрителя, впрочем, в результате все равно — но у ней есть истинно трагические движения, — и Вы едва ли к ней вполне справедливы. Нас, стариков, с Вами может интересовать либо оконченный и возмужалый гений — либо молодые, бродящие и неопытные начинанья. Ни того, ни другого в M-me V⟨iardot⟩ нет — и потому Вы остаетесь холодны.

«Revue des 2 Mondes» я Вам возвращу с благодарностью.

Извините за это короткое и несвязное письмо. В другой раз напишу подробнее — впрочем, будьте здоровы и веселы. Что Вы ничего не говорите о Вашем издании? О Ченстоне нет еще окончательного ответа. Кланяйтесь всем друзьям. У нас третьего дня было ночью 7 градусов тепла и жаворонки пели во всю ивановскую — а сегодня 10-градусный мороз.

Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Когда увидите Арапетова, спросите его, получил ли он мое письмо и что по нем сделал? [7]

[1] Неопубликованное письмо П. В. Анненкова от начала марта 1853 года (хранится в Пушкинском доме).

[2] М. С. Щепкин приезжал в гости к Тургеневу из Москвы в Спасское и читал здесь комедию А. Н. Островского «Не в свои сани не садись».

[3] Драмы Д. Дидро — «Отец семейства» (1758) и «Побочный сын» (1757).

[4] Речь идет о тенденциях комедии Островского «Не в свои сани не садись», близких к славянофильству, выразившихся в идеализации патриархального семейного начала.

[5] «Два поколения».

[6] Журнал М. П. Погодина «Москвитянин», занимавший откровенно реакционную позицию, с 1850 года перешел в руки так называемой «молодой редакции» (А. А. Григорьев, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов, А. Н. Островский), значительно оживившей журнал, привлекшей к участию в нем новые художественные силы.

[7] Письмо это неизвестно.

60

С. Т., К. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

С. Спасское
2-го апреля ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Я только вчера вернулся из 10-дневной поездки [1], добрые друзья мои, С. Т., К. С. и И. С., — и нашел здесь Ваши милые письма [2]. Не могу ответить вам теперь, как бы хотелось — у меня опять разыгралась моя гастрическая лихорадка и порядком меня мучит — поездка-то моя очень не во-время была сделана — но хотя несколько слов должен вам сказать сегодня. Я очень счастлив и рад, что вам мой «Постоялый двор» понравился — всякие похвалы более или менее, по человеческой слабости, приятны — но в ваших словах я не похвалы себе вижу, а поощрение, ручательство в том, что я не сбиваюсь с дороги — и это меня радует и подкрепляет. Дай бог, чтобы и вперед я заслужил ваше драгоценное для меня одобрение! Отвечать же на все то, что вы мне пишете по поводу «П⟨остоялого⟩ д⟨вора⟩», я теперь не в силах — когда-нибудь в другое время — насколько это будет возможно в письме — но, отложив в сторону всякое сочинительство — или, говоря правильнее, — всякое сочинительское самолюбие — не могу не повторить, что со всем сказанным К. С. согласиться мне трудно. Это не мешает мне быть душевно благодарным за его участие — и со вниманием взвешивать и обдумывать каждое его слово [3]. Ваша оценка каждого отдельного лица в «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» — милый С. Т., меня просто возгордила — стало быть, подумал я, я не напутал, коли С. Т. так верно понял все, что я хотел сказать. Я для Вас приказал уже переписать «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» и пошлю его Вам. Буду ждать Ваших самомалейших замечаний с нетерпеньем — что касается до провинциальных выражений — то, к несчастью, я сам их незаметно употребляю в разговоре — и покойный критик В. Г. Б. всегда называл меня «орловцем, не умеющим говорить по-русски» [4]. Прошу Вас указывать мне такие выражения.

Ваш «Охотничий сборник» — блистательная и, я надеюсь, выгодная в денежном отношении мысль. Разу-

меется, я ваш сотрудник и мое перо, мое имя к вашим услугам. На днях примусь думать о содержании статей и сообщу вам — на чем остановлюсь [5].

Кончаю мое короткое письмо — лихорадка моя почти исчезла, но осталась какая-то слабость и тупость. Считайте за мною по крайней мере два больших и дельных письма — а теперь позвольте обнять вас всех от души и пожелать вам всего хорошего.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] Во время своей «10-дневной поездки» Тургенев, не имевший права выезда из Спасского, был в Москве, куда он отправился с чужим паспортом для свидания с П. Виардо, бывшей там с 14 марта по 8 апреля на концертных гастролях. Поездка тщательно скрывалась от всех друзей писателя.

[2] Письма к Тургеневу С. Т. Аксакова от 9—17 марта, И. С. Аксакова от 11 марта и К. С. Аксакова от 12 марта 1853 года напечатаны в «Русском обозрении», 1894, № 9, стр. 24—33.

[3] Тургенев считал свою повесть «Постоялый двор» выражением «новой манеры» творчества, то есть переходом к новому, высшему роду реализма; но он не мог согласиться с славянофильскими выводами К. С. Аксакова, видевшего в повести изображение христианских идеалов русского народа.

[4] В. Г. Белинский упрекал Тургенева в злоупотреблении орловскими диалектизмами в «Записках охотника» (см. письмо Белинского к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XII, 1956, стр. 467).

[5] Издание «Охотничьего сборника», задуманного С. Т. Аксаковым, не состоялось: сборник был запрещен цензурой вследствие неблагоприятного отзыва III Отделения о С. Т. Аксакове. Тургенев предполагал поместить в нем две «статьи»: рассказ «Поездка в Полесье» и очерк «О соловьях».

61

И. Ф. МИНИЦКОМУ

С. Спасское
12-го мая ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Я оттого не тотчас отвечал на Ваше письмо, любезный Миницкий, что меня дома не было: я уезжал на охоту верст отсюда за полтораста — и только третьего

дня возвратился. Начну мой ответ с самого для меня неприятного — с необходимости отказать Вам в Вашей просьбе. Вы знаете, что я всегда готов услужить, и Вам больше чем кому-нибудь; но мои дела решительно не позволяют мне даже думать о какой-нибудь лишней издержке. Денег едва достает на прожиток — долгов множество — словом, я, к крайнему моему сожалению, поставлен в совершенную невозможность помогать теперь другим. Я даже обещанных пенсий выплатить не могу — мне это очень тяжело — но делать нечего.

Не знаю, должен ли я радоваться месту, которое Вы получили, — мне как-то очень трудно вообразить себе Вас надзирателем [1] — но если через это место Вы можете достать себе порядочное количество уроков — то с богом! Потерпите годок, другой. Главное — не пренебрегайте Вашим здоровьем. Если мне позволят со временем выезжать из Спасского — то я непременно пущусь на юг и побываю в Одессе. Мне бы хотелось увидеть Вас здоровым, веселым и по мере возможности счастливым. Может быть, я в нынешнюю зиму буду в Одессе.

Очень меня тронул конец Вашего письма. Да, Миницкий, лучшая пора в жизни человека — его молодость — не только потому, что тогда ему и спится и естся лучше и сил в нем больше — но потому, что тогда в нем зажигается и горит то «священное пламя», над которым смеются только те, в чьих сердцах оно либо погасло, либо никогда не вспыхивало. Поддержите в себе эту благородную решимость, которая дышит теперь в Ваших словах, — и знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить — гадко жить; знайте, что это говорит Вам человек, про которого, может быть, думают, что он весь насквозь проникнут иронией и критикой, но без горячей любви и веры — ирония — дрянь — и критика хуже всякой брани. Если разобрать поэзию зла, воплощенную в типе сатаны, то и в ней мы найдем основанием — бесконечную любовь, — вспомните Consuelo [2]. Во всяком случае, наше призвание — не быть чертями, будемте людьми — и постараемся быть ими как можно долее — «С богом, в трудную дорогу»! [3]

Вот что я Вам могу сказать о себе: здоровье мое, которое чуть было не расклеилось совсем весной — теперь поправилось. Работал я много — кончив 1-ю часть моего романа — 12 глав — страниц около 300. Может быть, я Вам прочту все это в Одессе — скорей, чем мы думаем.

Автор прелестной повести «Детство» — некто граф Л. Н. Толстой — живет он в 10 верстах от Тургенева — но теперь он на Кавказе [4].

С будущей тяжелой почтой пошлю Вам экземпляр моих Записок — на память нашего житья вместе. Мои «Записки» мне кажутся теперь произведением весьма незрелым — но я все-таки рад их успеху. Уже три месяца, как все экземпляры разошлись.

Прощайте, добрый Ив. Фед. Все здешние Вам очень и очень кланяются. Вы не поверите, как мне тяжело отказать Вам в Вашей просьбе — при Ваших обстоятельствах... Не станем говорить об этом. Будьте здоровы и верьте в искреннюю преданность

Вашего
Ив. Тургенева.

[1] Миницкий получил место надзирателя в пансионе при Первой одесской гимназии.

[2] «Консуэло» — роман Жорж Санд, в котором образ сатаны задуман как воплощение скорби и любви к людям, — «бог бедных, слабых, угнетенных» (т. 1, гл. LV).

[3] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Похоронная песня Иакинфа Магдановича» («Песни западных славян»).

[4] В имении Толстых «Покровском».

62

К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

С. Спасское
9 июня ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Спешу ответить на Ваше письмо, любезный Константин Николаевич. Я рад, что Вы познакомились лично с Краевским, но позвольте мне, как человеку более опытному в литературных делах, заметить Вам

следующее: во-первых, для Вас самих, для будущности Вашего таланта, не думайте, пожалуйста, что можно шутить с публикою — написать, как Вы говорите, «что-нибудь полное лжи и лести» для денег, а потом показаться в настоящем свете. Знайте: публику не надуешь ни на волос — она умнее каждого из нас; знайте также, что, принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть, Вы должны быть еще благодарны ей, если она поймет и оценит Вашу жертву, если она обратит на Вас внимание; и это понятно, скажу более: это справедливо. Не Вы ей нужны, она нужна Вам. Вы хотите завоевать ее, так напрягайте все Ваши силы. Я этим не хочу сказать, чтобы Вы должны были угождать ей, служить ее вкусам; нет, будьте тем, чем Вас бог создал, давайте все, что в Вас есть, и если Ваш талант оригинален, если Ваша личность интересна, публика признает Вас и возьмет Вас и будет пользоваться Вами, как, например, в другой сфере деятельности она приняла гуттаперчу, потому что она нашла гуттаперчу вещью полезной и сподручной. Не искажайте своих задушевных мыслей и предначертаний в видах цензурных, а старайтесь найти предметы безобидные. «Лето на хуторе», кажется, никого оскорбить не может. Жаль мне очень, что «Немцев» не пропустили [1] — вещь это очень хорошая; должно надеяться, что она не пропадет и со временем будет напечатана. Вторая моя просьба к Вам состоит в следующем: не соглашайтесь ни на какую *фельетонную* работу. Кроме того, что это дело дилетантов, я никак не вижу в Вас, не скажу тех качеств, а тех недостатков, которые необходимы фельетонисту. Вы для этого слишком молоды, свежи и, в счастливом смысле этого слова, неопытны. А Краевский рад какую-нибудь пользу извлечь из Вас. Это очень смышленый антрепренер, но Вам не должно даться ему в руки. Кончите Ваше «Лето», отделайте его с любовью, не спеша, и отдайте его в «От〈ечественные〉 зап〈иски〉». Это будет очень хорошо и полезно, и как начало, очень для Вас выгодно.

Впрочем, желаю Вам здоровья — это главное; все остальное уладится. Я уже, кажется, писал Вам, что нечего сожалеть о том, что поздно начинаешь печатать. Сколько бы я дал, чтобы (не говорю уже о первых моих

плохих стихах) даже в позднейших вещах моих многое осталось неизданным!

А взять деньги, как говорится, с нахрапу — трудно и неудобно. Посмотрите, даже Меньшикову ничего не удалось взять в Константинополе сразу[2]. Время необходимо везде. Посейте только доброе зерно — жатва взойдет в свою пору.

О себе скажу Вам, что мой желудок очень мѣня мучит. У каждого свой крест.

Ну, прощайте, еще раз желаю Вам здоровья и прошу не взыскать за тон советника. Это привилегия седин.

Остаюсь душевно преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] См. пп. № 55 и 56.

[2] А. С. Меншиков был послан в феврале 1853 года Николаем I в Константинополь с чрезвычайной дипломатической миссией, продолжавшейся до 21 мая; однако в результате переговоров Меншикова было лишь ускорено начало войны России с Турцией, а затем с Англией и Францией.

63

С. А. МИЛЛЕР

С. Спасское
12 октября ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Недавно писал я к графу Т⟨олстому⟩[1], любезная Софья Андреевна (не знаю, почему мне хочется писать Вам по-русски), и он, вероятно, показал Вам мое письмо — а теперь пишу прямо к Вам, хотя боюсь, что Вас уже нет в деревне.

Я очень рад тому, что Вы меня не забываете, и одна из самых приятных моих надежд — встретиться когда-нибудь с Вами; я убежден, что мы сойдемся как старые друзья, — и мне очень будет весело узнавать Вас более и более, но судить об Вас — как Вы пишете — это дело конченное и решенное. Я знаю, что Вы так же добры, как умны и милы, — доброта звучит в Вашем голосе и светится в Ваших глазах. Когда-нибудь

расскажу Вам, почему наше знакомство так скоро прекратилось, — если только это займет Вас, а главное — если мы увидимся не слишком поздно. Нынешней зимой меня в Петербурге не будет, а дальше — не знаю, у меня нет духа загадывать за год вперед [2]. Но очень было бы нехорошо, если б мы не скоро встретились — жизнь коротка — приятных людей так мало, и те так разбросаны... В уединении, когда бесцветные дни однообразно и быстро скользят друг за другом, как дождевые капли осенью по стеклам, — все это чувствуешь живее. И здесь есть люди любезные и порядочные — но знаете ли, что бывает? Сперва обрадуешься им, потому что не ожидал встретить даже и таких — а потом... а потом ездишь к ним только для того, чтобы видеть человеческое лицо — и, пожалуй, поскучать вместе.

Все это еще ничего, когда занят исполнением какого-нибудь труда, литературного или другого, — но в последнее время я поневоле должен был, говоря возвышенным слогом, взять сам в руки бразды правления [3], и эти занятия, по непривычке, меня утомляют и не дают думать о другом. Все это перемелется — мука будет — конечно; но пока приходится иногда плохо.

Я теперь подвергаюсь еще одному лишению — жена г-на Тютчева, который жил у меня, очень хорошо играла на фортепианах — в ней было много музыкального чувства, — вместе с своей сестрой она разыгрывала в четыре руки Бетховена, Моцарта, Мендельсона, Глука, Гайдна, — теперь это все прекратилось. Я составлял обыкновенно программы наших маленьких концертов — и могу сказать, что они выходили иногда очень удачны. У меня есть сосед в пятнадцати верстах с музыкальными наклонностями — его сестра даже очень бойко играет на фортепианах [4], — но сухо, холодно и с треском, словно барабанщик. Она не может заменить мне г-жу Тютчеву. А для меня — музыкальные наслаждения выше всех других. Хорошо ли Вы знаете Глука? Помните его арию из «Ифигении»: «O, malheureuse Iphigénie» * — или схождение в ад Орфея? Рекомендую Вам также малоизвестную сцену из «Армиды» — между

---

* О, несчастная Ифигения *(франц.)*.

Армидой и богиней ненависти, к которой она приходит, чтобы искоренить из сердца свою любовь к Ринальду. Это одна из самых удивительных вещей, которые я только слышал [5].

Хотел было я начать с Вами войну за Жан-Поля — но на бумаге это почти невозможно, и я отлагаю это до нашего свидания. Теперь удовольствуюсь тем, что спрошу Вас: знаете ли Вы Гомера? Возьмите «Одиссею», хоть в переводе Фосса, и прочтите или перечтите ее. Эта молодость и свежесть, эта словно вечно смеющимся солнцем озаренная жизнь — вся эта прелесть первого появления поэзии в устах бессмертного и счастливого народа — лучше всего отвратит Вас от той полусентиментальной, полуиронической возни с своей больною личностью, которой, посреди всех новейших писателей, отличается и Жан-Поль [6]. Попробуйте и скажите мне, какие выйдут последствия.

Прощайте, любезная София Андреевна, — хотел бы сказать — до свидания — да что за охота себя обманывать. Будьте здоровы и веселы и позвольте мне с чувством искреннего дружества пожать Вашу руку...

[1] Алексею Константиновичу, поэту, ставшему позднее (с 1856 г.) мужем С. А. Миллер.

[2] Тургенев намекает на свою ссылку в Спасское, куда он был отправлен без определенного срока. Тургенев получил разрешение выехать из Спасского 23 ноября (5 декабря) 1853 года.

[3] Речь идет о разрыве между Тургеневым и управлявшим его имениями Н. Н. Тютчевым, после отъезда которого Тургенев должен был временно сам заниматься хозяйством.

[4] Здесь, возможно, имеются в виду Василий Каратеев и его сестра. По словам Тургенева (в предисловии к собранию романов, 1880), «Каратеев был романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки».

[5] Тургенев называет оперы Глюка: «Ифигению в Авлиде» (1774) и «Орфея и Эвридику» (1762), написанные на сюжеты античной мифологии, а также «Армиду» (1777), сюжет которой почерпнут из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим». Музыку Глюка высоко ценила П. Виардо, позднее (1859) исполнявшая с громадным успехом партию Орфея.

[6] С. А. Миллер заявляла себя сторонницей «романтического индивидуализма» в поэзии, тогда как Тургенев, в это время занятый своим первым романом «Два поколения», стремился к большим эпическим формам, к реалистическому, объективному изображению жизни и психологии своих героев.

64
С. Т. АКСАКОВУ

С. Спасское
14-го ноября ⟨ст. ст.⟩ 1853 г.

Очень было мне приятно получить от Вас, наконец, письмо, любезный Сергей Тимофеевич, и очень неприятно узнать, что причиною Вашего молчания было Ваше нездоровье. Надеюсь, что установившаяся зима поможет Вам, — лишь бы белизна снега не повредила Вашим глазам. Не оставляйте меня без вести о себе.

Мой, как Вы называете его, полный тезка будет принят в Спасском с отверзтыми объятиями. Кроме того, что я надеюсь побеседовать с ним, так как давно уже это мне не удавалось — сам по себе он очень мне мил и симпатичен. Поручение ему досталось интересное [1], и я уверен, что он превосходно его исполнит.

Я, кажется, уже писал Вам, что я намерен переехать на зиму в Орел (я выезжаю отсюда после Николина дня) — что же касается до управления дел моих, то я призвал на помощь дядю, брата моего отца, который при покойнице матушке лет двадцать этим занимался [2]. Видно, наш брат щелкопер действительно ни к какому дельному занятию не способен. Что делать! Всего не соединишь и не обхватишь — и дай бог, чтобы в своем-то, в собственном ремесле не делал промахов на каждом шагу!

За литературу я только что начинаю приниматься — до сих пор всякие другие дрязги сидели в голове сиднем. Первое, что я кончу, — будет непременно статья для Вашего «Сборника» [3]. Я в Орел повезу также свой роман, который я во многом переделаю. Я немного охладел к нему [4] — однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части.

У нас совершенно стала зима. Барометр на 2 градуса выше «ясного», обледенелые деревья блестят на солнце, как стеклянные — и снег все затянул твердой белой корой. А завтра «введенье» — или, как говорят, «веденье, которое ломает леденье». На оттепель не по-

хоже. Притом снег лег не на сырую, а на сухую землю. Но вот увидим — а пока зимний путь чудный.

Доставили мне 3-ю и 5-ю главу «Мертвых душ» (2-й части). 3-я глава, где Петух и Костанжогло — удивительна — но 5-я с небывалым и невозможным откупщиком Муразовым... Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя, покров на обнажившегося нашего литературного отца.

С удовольствием послушаю я статью о Державине [5] и постараюсь узнать от И. С. — в чем именно состоит новая грамматическая система К. С. [6]. Я никогда не занимался языком русским теоретически и плохо знаю его историю — но у меня есть на его счет некоторые мысли — посмотрю, совпадают ли они с воззрением Вашего сына.

Прощайте, добрый С. Т. Пожалуйста, не забывайте меня, а главное — как можно скорее выздоравливайте. Если не можете писать или читать, то играйте в карты — это мне напоминает то тинтере́, которое я узнал у Вас в Москве и где трефы играют такую важную роль. Помните, еще покойный Загоскин играл с нами.

Иных уж нет, — а те далече,
Как Сади некогда сказал [7].

Кстати, давно Вы не читали Восточных стихотворений Пушкина? Перечтите их — я от них безумствую [8]. Еще раз прощайте — жму Вам крепко руку и кланяюсь Вашему семейству.

Ваш
Ив. Тургенев.

Славную мысль Вы возымели насчет 2-го издания «Записок об уженье» [9]. Чем больше от Вас — тем лучше.

[1] Иван Сергеевич Аксаков; он выехал из Москвы, по поручению Географического общества, «описывать важнейшие ярмарки на юге России», как писал Тургеневу С. Т. Аксаков.

[2] В октябре 1853 года Тургенев расстался с Н. Н. Тютчевым, управлявшим в 1852—1853 годах его имениями; вместо Тютчева он пригласил Н. Н. Тургенева; последний управлял Спасским и другими землями своего племянника до 1867 года

и довел имение почти до полного разорения, после чего Тургенев вынужден был отстранить и его от управления.

[3] Очерк «О соловьях»; напечатан (после запрещения «Охотничьего сборника», см. прим. 5 к п. № 60) в приложении к книге С. Т. Аксакова «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М. 1855).

[4] «Охлаждение» Тургенева к роману «Два поколения» было вызвано почти единодушной резко отрицательной критикой друзей. Вскоре Тургенев вообще прекратил работу над этим романом.

[5] Речь идет о рукописи статьи С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» (впервые издана в книге Аксакова «Семейная хроника и воспоминания», М. 1856).

[6] К. С. Аксаков работал в это время над «Философской грамматикой русского языка»; первая часть этого труда, под заглавием «Опыт русской грамматики», вышла в 1860 году.

[7] Цитата из «Евгения Онегина» — глава восьмая, строфа LI.

[8] Тургенев имеет в виду «Подражания Корану» Пушкина.

[9] «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова вышли первым изданием в 1847 году; второе издание было выпущено в 1854 году.

65

С. Т. АКСАКОВУ

С.-Петербург
10-го февраля ⟨ст. ст.⟩ 1854 г.

Давным-давно собирался я писать к Вам, любезный и добрый Сергей Тимофеевич, да все не могу улучить свободного времени — сегодня, однако, решился дать Вам весть о себе. Прежде всего искреннее спасибо Вам за «Травлю перепелок» [1] — которую я не прочел, а проглотил целиком. Это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым Вы одни владеете. Кстати, в 3 № «Современника» будет напечатано письмо мое к Вам, в котором изложится мнение одного здешнего охотника и хорошего моего знакомого, доктора Берса, — о разных темных вопросах, касающихся до прилета и улета дичи [2]. Кажется, его замечания справедливы и во всяком случае могут вызвать ответ с Вашей стороны.

Здоровье мое в последнее время стало опять немного поправляться — моя болезнь состоит в гастрите, или хроническом желудочном расстройстве, часто сопровождаемом лихорадкой и бессонницей. Мне очень жаль,

что и Вы не совсем в своей тарелке — авось весна нас обоих поправит — а Вы ждите меня непременно в первых числах апреля или даже в конце марта.

Я здесь веду жизнь хотя не рассеянную — но как-то растраченную на тысячу мелочей и т. д. Впрочем, я сделал здесь две хорошие вещи: уговорил Тютчева (Ф. И.) издать в свет собранные свои стихотворения [3] и помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация [4]. Сам же я ничего пока не делаю — надеюсь приняться за дело в деревне.

Сегодня вышел здесь манифест о войне с Англией и Францией. Вы, вероятно, скоро его получите, если уже не получили [5].

Вы мне ничего не пишете об Ив. Серг. Думаю, что он здоров и работает. Спасибо Константину Сергеевичу за его поклон. Жму вам всем руки — и говорю: до свидания. Душевно Вас любящий

Ив. Тургенев.

P. S. Издание Пушкина подвигается, хотя очень медленно. Пользуясь отъездом английского посланника [6], я купил очень дешево 2 отличных английских ружья Форсайта.

[1] Тургенев говорит об очерке С. Т. Аксакова «Охота с ястребом за перепелками» («Москвитянин», 1854, т. I, № 2), предназначенном для «Охотничьего сборника», но после его запрещения вошедшем в «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М. 1855).

[2] Обещанное Тургеневым письмо в редакцию «Современника» не было написано.

[3] Около ста стихотворений Ф. И. Тютчева было напечатано в «Современнике», 1854, № 3 и 5; вскоре вышло отдельное издание «Стихотворений Ф. Тютчева», СПб. 1854. Тургенев поместил в четвертом номере «Современника», 1854, статью «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева».

[4] Переводы од Горация, сделанные А. А. Фетом, были подготовлены к изданию при деятельном участии Тургенева и вышли в свет в начале 1856 года.

[5] Манифест Николая I от 9(21) февраля 1854 года о разрыве дипломатических отношений между Россией и союзниками — Францией и Англией — был фактическим объявлением войны с ними.

[6] Отъезд из Петербурга английского посла сэра Гамильтона Сеймура был вызван манифестом Николая I (см. выше).

66

С. Т. АКСАКОВУ

Петергоф
31-го мая ⟨ст. ст.⟩ 1854. Троицын день

Пишу к Вам, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, по миновании обоих майских Михайловых дней (Вы помните?), в которые ничего особенного со мной не случилось. Я поселился здесь в небольшом домике колониста, в двух верстах от Петергофа — и в полуверсте от моря, которое видно из моих окон над верхушками соснового леса. Завел себе лошадь и таратайку — и располагаю здесь прожить до осени. К сожалению, погода у нас до того невыразимо гадкая, что и сказать нельзя. Холод, дождь, ветер воет и ноет — тоска! Куда девались красные дни, которые тешили нас в Абрамцеве! [1] Надо вооружиться терпеньем. Вот буквально пришлось сидеть у моря и ждать погоды. В Кронштадт, который отсюда всего в пяти верстах, я еще не ездил. Англичане, говорят, близко, но носу к нам сюда еще не кажут [2].

Поговорим немного о литературных новостях. Во-первых, скажу Вам, что я познакомился со вдовою Баратынского (совершенно сумасбродная женщина — между нами сказать) — и она мне вручила альбом, куда она вписала все, что осталось от ее мужа, письма и пр. Можно будет составить довольно любопытную статью [3]. От Толстого, автора «Истории моего детства», прислана повесть, продолжение первой, под названием «Отрочество» [4] — говорят, превосходная. В Париже появился перевод моей книги — с длинным предисловием — то-то, я думаю, насказано вздору! [5]

Баратынский не поэт в единственно истинном, в пушкинском смысле, но нельзя не уважать его благородную художническую честность, его постоянное и бескорыстное стремление к высшим целям поэзии и жизни. Константину Сергеевичу он бы понравился, несмотря на свое западничество. Ума, вкуса и проницательности у него было много, может быть слишком много — каждое слово его носит след не только рез-

ца — подпилка, стих его никогда не стремится, даже не льется. Вот Вам неизданное его стихотворение (которое не давайте списывать) [6] — в нем довольно верно выразились все особенности его музы:

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит —

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудию восстонет?

И тихий гроб твой посетит —
И над умолкшей Аонидой,
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! но сложится певцу
Канон намеднишним зоилом —
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.

Отголосок великой, нашей классической эпохи слышится в форме стиха Баратынского.

Некрасов, которого Вы так не любите, написал несколько хороших стихотворений, особенно одно — плач старушки крестьянки об умершем сыне [7].

Адрес мой очень прост: в Петергоф. Я уже распорядился здесь на почте — письма будут мне доставляться. Пожалуйста, напишите мне два слова о себе, о Вашем житье в Абрамцеве, которое я так душевно полюбил. Поклонитесь, прошу Вас, Вашей супруге и всему Вашему семейству. Жму Вам и К. С. руки дружески и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] *Абрамцево* — усадьба С. Т. Аксакова под Москвой; Тургенев гостил в Абрамцеве в мае 1854 года, перед приездом в Петербург.

[2] Английский флот вступил в конце марта 1854 года в Финский залив и крейсировал там, обстреливая берега; лишь в середине июня ст. ст. он появился в виду Кронштадта.

[3] Пятнадцать неизданных стихотворений Е. А. Баратынского были напечатаны, с предисловием Тургенева в «Современнике», 1854, № 10 (см. т. 11 наст. изд.); статьи о Баратынском Тургенев не написал.

[4] Повесть «Отрочество» Л. Н. Толстого была опубликована в «Современнике», 1854, № 10.

[5] Перевод «Записок охотника» появился в Париже под названием «Mémoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes. Traduit du russe par Ernest Charrière. Paris, 1854» («Воспоминания русского барина, или Картина современного положения дворян и крестьян в русской деревне. Перевод с русского Эрнеста Шарриера. Париж, 1854»). Перевод, полный ошибок, искажений и добавлений переводчика, был использован французской печатью для антирусской пропаганды, что встревожило и возмутило Тургенева; он выступил с опровержением, напечатанным в некоторых русских, а затем и французских газетах (см. т. 11 наст. изд.).

[6] Стихотворение Баратынского «Когда твой голос, о поэт...» ошибочно названо Тургеневым неизданным: оно было напечатано в «Современнике», 1843, т. 32.

[7] Стихотворение Некрасова — «В деревне», напечатанное позднее в «Современнике», 1854, № 11.

67

Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
Пятница, 15-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1854 г.

Спасибо, любезный друг, что не забываешь меня. Я очень рад, что ты благополучно доехал. С самого твоего отъезда [1] морозы прекратились, но вальдшнепы так-таки и не появились, перепела улетели, а куропатки не даются в руки. Я ружье повесил на крючок и понемногу принимаюсь за перо. Статейка о Баратынском почти кончена, письма его все переписаны [2].

Было время, что я с ума сходил от народных песен — и у меня есть различные переводы сербских, мадьярских, финских и других песен. Это предприятие Берга очень полезно и хорошо — вот где бьют родники истинной поэзии [3]. Я тебе благодарен за мысль выслать мне эту книгу. «Современник» еще не прибыл; что ты мне ничего не говоришь о том, какое впечатление производит «Отрочество»? Пожалуйста, сообщай военные

известия — письма все днями двумя раньше приходят, чем журналы.

У Каштанки сделалась чума, но благодаря моим спасительным порошкам, ему гораздо лучше. Дианка ощенилась сегодня, я велел закинуть щенят.

Погода стоит чудесная — и барометр все поднимается.

Вот тебе все наши новости — чем богаты, тем и рады. Прощай, будь здоров, кланяйся всем. Анненкову пишу с нынешней же почтой.

Твой *Ив. Тургенев.*

P. S. Если Ваксель приехал и ты его увидишь, кланяйся ему и расскажи о его щенке. Я на днях напишу ему. Да! я забыл тебе сказать, что я получил от Основского письмо, в котором он мне говорит, что послал тебе еще статью [4], и просит, чтобы ты следующие ему, по твоему расчету, деньги выслал на имя Александра Михайловича Купфершмита, в Москве, на Сретенке, в Сумниковском переулке, в собственном доме.

[1] Некрасов провел в Спасском несколько дней (с 22 сентября по 4 октября) в гостях у Тургенева.

[2] См. п. № 66.

[3] Речь идет о сборнике переводов Н. В. Берга «Песни разных народов», СПб. 1854, в который вошли народные песни славянских, а также некоторых западноевропейских и восточных народов; сборник был высоко оценен Некрасовым и вызвал положительный (несмотря на ряд замеченных недостатков) отзыв Чернышевского.

[4] *Статья* Н. А. Основского — очерк «Петров день. Из воспоминаний охотника»; напечатана позднее в «Современнике», 1854, № 12.

68

П. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
29-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1854 г.

Я, брат, похвастался, говоря, что принялся за работу, то есть я было принялся, да вот опять заленился. Постараюсь, однакоже, не оставить 1-го или 2-го №

«Современника» без повести [1]. Я привезу с собою небольшую, но очень недурную повесть Каратеева [2], которого ты у меня видел. Познакомился я с Толстыми [3]. Жена графа Толстого, моего соседа, сестра автора «Отрочества» — премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна. Я узнал много подробностей об ее брате. Он служит теперь в 12-й батарейной батарее [4] и находится, вероятно, в Кишиневе. Видел его портрет. Некрасивое, но умное и замечательное лицо. Кстати, что ж ты мне не скажешь, какое впечатление производит его повесть? Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней. Жаль, что отсюда до них около 25 верст. Она мне очень нравится. Бубулька, как бы ее не сглазить, толстеет, видимо и в характере не меняется. Твои собаки здравствуют. Каштан совершенный лисенок, осторожен и плутоват до невероятности. Чума его совсем прошла.

Я не знаю наверное, когда я отсюда выеду. Что-то не хочется. Однако не позже трех недель. В этой однообразной жизни есть своего рода прелесть.

Как же это «наш добрый» — оплошал? Помнится, он мне показывал формат красивый [5]. Ты мне не написал, женился ли Мухортов?

Кланяйся всем друзьям и Дружинину пожми руку. Я его полюбил с последней нашей поездки к нему. Не слышно ли что о Фете?

Подле Толстого живет Дельвиг, брат поэта. Он обещал достать письма Баратынского к его брату.

Прощай, будь здоров и не ленись подобно мне. .

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] В первом номере «Современника» 1855 года была напечатана комедия Тургенева «Месяц в деревне», подвергшаяся искажениям цензуры.

[2] Автобиографическая повесть В. Каратеева, озаглавленная, по словам Анненкова, «Московское семейство». Очевидно, Тургенев хотел напечатать ее в «Современнике». Позднее, отправляясь в крымскую армию, Каратеев оставил рукопись Тургеневу. Некоторые сюжетные положения повести писатель использовал в романе «Накануне». См. в предисловии Тургенева к собранию романов 1880 года в т. 11 наст. изд.

[3] *Толстые* — гр. Валериан Петрович и его жена Мария Ни-

колаевна, сестра Л. Н. Толстого, бывшего тогда артиллерийским офицером в молдавской армии.

[4] *Батарейными* — в отличие от легких — назывались в артиллерии середины XIX века батареи, вооруженные тяжелыми полевыми пушками.

[5] Речь идет о формате «Сочинений» Пушкина в издании Анненкова, которое в это время печаталось («наш добрый» — прозвище Анненкова).

69

П. В. АННЕНКОВУ

С. Спасское
Понедельник, 1-го нояб⟨ря⟩ ⟨ст. ст.⟩ 1854 г.

Прежде всего, любезный Анненков, поздравляю Вас с окончанием многотрудного Вашего дела, то есть с окончанием начала этого дела. Дай бог в добрый час! Объявление хорошо — одна только фраза: «хотя отчасти достойное ее», то есть публики, мне уж слишком кажется почтительной [1]. Распространю здесь известие об издании (и уже распространял), — впрочем, мне сдается, что подписчики и так найдутся во множестве.

Спасибо за утешение насчет войны, а то я каждую ночь вижу Севастополь во сне. Как бы хорошо было, если б прижали незваных гостей! Несколько рано похвастался лорд Абердин [2].

Я здесь познакомился с семейством Толстого, автора «Отрочества», и много узнал подробностей о нем. Видел его портрет. Сестра его (тоже замужем за графом Толстым) — одно из привлекательнейших существ, какие только мне удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха, кгха — что, по-Вашему, значит смеяться, но не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния... Останавливаюсь, чтоб не завраться — и прошу Вас хранить все это в тайне. Они будут жить в Москве нынешней зимой — и если Вам можно будет оторваться на несколь-

ко дней от издания Пушкина для юбилея Московского университета (в январе месяце) [3] — я Вас познакомлю.

Бог знает почему, — но не могу ничего делать. В голове копошится многое — но лень взяться за перо. А надо бы. И Краевскому нужно обещание сдержать, и Некрасов требует что-нибудь для 1-й или 2-й книжки.

Спасибо за высылку книг. В книгах Б⟨елинского⟩ нашлось многодорогое и отличное издание Histoire Naturelle des oiseaux Бюффона с прекрасными рисунками, сделанными в 1775 году [4].

Я в Петербург приеду, вероятно, около 20-го ноября. А пока будьте здоровы и веселы и не забывайте

Вашего *Ив. Тург⟨енева⟩*.

P. S. Je reviens à mes moutons *. Небось вспомнил некоторые поздние наши прогулки из Миллионной в Морскую нынешней зимой, прогулки, оканчивающиеся обыкновенно всесожранием битка у Дюссó [5]. Вы подумаете: эка влюбчив, старый черт! Что делать! Чувствительным сердцем одарен от природы, Павел Васильевич! Но повторяю усиленную просьбу о содержании всей этой операции в тайне. Странно мне, что я Вас всегда избираю в конфиденты. В «Отрочестве» Толстой описал свою сестру под именем Любочки. Только у ней теперь ноги не «гусем», и талия прекрасная.

Ma basta, ma basta per pieta **, как поет Лаблаш в Фигаро [6].

Да! пожалуйста, напомните Некрасову, чтоб он выслал мне XI-й № «Совр⟨еменник⟩а», если он его еще не выслал.

[1] Речь идет о «Сочинениях» Пушкина, издаваемых П. В. Анненковым. 22 октября 1854 года были подписаны цензурою первый и второй том. О предстоящем выходе издания и о подписке на него было напечатано в газетах объявление, текст которого Анненков прислал Тургеневу.

[2] В начале военных действий в Крыму, особенно после первого бомбардирования Севастополя (5 октября) и сражения при

---

* Возвращаюсь к предмету нашего разговора (буквально: возвращаюсь к моим баранам) *(франц.)*.

** Ну довольно, ну довольно ради милосердия *(итал.)*.

Балаклаве (13 октября ст. ст.), в русском обществе существовала уверенность в близком поражении союзников, рассеянная лишь Инкерманским сражением 24 октября ст. ст.

[3] Столетний юбилей Московского университета праздновался 12(24) января 1855 года.

[4] Библиотека В. Г. Белинского была приобретена Тургеневым у вдовы критика и летом 1854 года перевезена в Спасское. Четырехтомная книга Бюффона «Histoire naturelle des oiseaux» («Естественная история птиц», Париж, 1771—1777) сохранилась (кроме третьего тома) в библиотеке Тургенева, теперь находящейся в Музее И. С. Тургенева, в Орле.

[5] На Миллионной улице в Петербурге жили А. М. Тургенев и его дочь О. А. Тургенева, на которой в начале 1854 года хотел жениться Тургенев; на Морской улице находился ресторан Дюссо.

[6] Тургенев имеет в виду партию Фигаро в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник», которую исполнял Лаблаш.

70

М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

С.-Петербург
4-го декабря ⟨ст. ст.⟩ 1854 г.

Очень меня обрадовало письмо ваше, любезные друзья мои — вы мне позволите так называть вас — оно успокоило меня насчет Вареньки [1] и доказало мне, что вы меня не забываете. Я уже с неделю как здесь, но только вчера переехал на квартеру (вот теперь мой адрес: На Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова). Все это время я часто думал о всех вас — и о днях, проведенных вместе с вами; хотя мы недавно познакомились — но, кажется, сошлись очень близко — и надеюсь, в течение лета подружились окончательно [2]. Сегодня же закажу свою фотографию — и как только она будет готова, пошлю ее к вам — благодарю вас за мысль пожелать ее от меня. Получила ли Варенька книжку из Москвы с рисунками? Пожалуйста, поцелуйте ее от меня и скажите ей, что летом я непременно хочу танцевать с ней польку. Политических известий никаких нет — да пока — и быть не может — кроме заключения Австриею трактата с Англией и Францией — о котором вы уже, вероятно, слыхали [3], — под Севастополем до весны ничего не произойдет — ни та, ни

другая сторона нападать не станет. Государыня была больна — однако ей теперь лучше — вся царская фамилия в Гатчине. Если что-нибудь случится — я вам тотчас сообщу.

«Отрочество» произвело здесь глубокое впечатление — Лев Николаевич стал во мнении всех в ряду наших лучших писателей — и теперь остается ему написать еще такую же вещь, чтобы занять первое место, которое принадлежит ему по праву, — и ждет его. Извещайте меня о нем, пожалуйста.

Я со вчерашнего дня опять попал в литературный свой хомут и должен работать. В 1-й книжке «Отечественных записок» будет одна моя вещь, может быть, и в «Современнике» [4].

Извините краткость и незначительность этого письма — мне только хотелось поскорее вам отозваться — в другой раз напишу больше — дружески жму вам всем руки — кланяюсь Любовь Антоновне и ее брату, Ольге Петровне — а милой моей куме заочно целую руки [5]. Будьте все здоровы и веселы и не забывайте

преданного вам

Ив. Тургенева.

P. S. Вместе с фотографией я пришлю Вам и «Постоялый двор» [6].

[1] *Варенька* — дочь М. Н. и В. П. Толстых.

[2] Здесь, вероятно, описка Тургенева: вместо «подружились» следует «подружимся» — речь идет о будущем лете 1855 года в деревне. Знакомство Тургенева с Толстыми состоялось лишь в конце октября ст. ст. 1854 года.

[3] Речь идет о заключенном в Вене 2 декабря н. ст. договоре между Австрией, Англией и Францией, вводившем Австрию в антирусскую коалицию, с тем чтобы она могла выступить против России в любой момент после 1 января 1855 года.

[4] В первых номерах «Отечественных записок» 1855 года Тургенев ничего не напечатал; лишь в № 4 журнала появился рассказ его «Яков Пасынков»; в первом номере «Современника» была помещена комедия «Месяц в деревне».

[5] *Любовь Антоновна* Дельвиг и ее брат, Александр Антонович Дельвиг, — соседи Толстых по имению. *Кума* Тургенева — М. Н. Толстая.

[6] Повесть «Постоялый двор», написанная в 1852 году, была напечатана лишь в одиннадцатом номере «Современника» за 1855 год. Тургенев посылал ее Толстым в рукописи.

71

К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

С.-Петербург
11 февраля ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Я виноват перед Вами, любезный Константин Николаевич. Вот уже третье большое письмо я получаю от Вас, а до сих пор не ответил. Извинением мне отчасти может служить моя поездка в Москву, продолжавшаяся гораздо долее, чем я ожидал (я уехал отсюда 8 янв⟨аря⟩ и вернулся только три дня тому назад, больной). Сейчас берусь за перо с намерением поговорить с Вами. Прежде всего должен, к сожалению, сказать Вам, что пока Ваша повесть не напечатается, от Краевского денег ждать нечего; дела его журнала — как и всех журналов — идут плохо, и он не далее как третьего дня разошелся с постоянным и деятельным своим сотрудником, Михайловым, за то, что тот у него попросил денег вперед [1]. Впрочем, он намерен печатать Вашу повесть в следующем номере — и цензура об ней еще не имеет понятия. Краевский надеется на благополучный исход. Как только повесть пропустится, деньги Вам будут высланы. Драмы Вашей буду ждать. Кстати, адрес Вы ставите не совсем верно; вот он: на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова. Я ошибся, сообщая мою критику на «Лето на хуторе»; я хотел сказать: «Ночь на пчельнике». Вы уже знаете, что и этот очерк запретили. Для драмы Вашей постараюсь сделать все возможное [2].

Положение Ваше не совсем легко. Что же делать? — потерпите; перемелется, авось мука будет. Главное, старайтесь, чтобы здоровье Ваше не повихнулось. Присланные Вами 2 главы у меня в целости; первая в особенности мне понравилась. Старайтесь (Вы мне позволите быть откровенным с Вами) быть как можно проще и яснее в деле художества; Ваша беда — какая-то запутанность хотя верных, но уже слишком мелких мыслей, какое-то ненужное богатство задних представлений, второстепенных чувств и намеков. Так, напр., я должен сознаться, что я решительно многого не понял в Ваших замечаниях насчет

тех произведений, хотя я чувствовал, что в них много дельного и верного. Вспомните, что как ни тонко и многосложно внутреннее устройство какой-нибудь ткани в человеческом теле, кожи, напр., но ее вид понятен и однороден; как медик, Вы должны сочувствовать этому сравнению; а у Вас иногда теряешься, и сами Вы в самом себе теряетесь. Глядите больше кругом себя и возитесь меньше с самим собою.

Greift nur hinein in's volle Menschenleben!
Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant[3].

Еще раз прошу у Вас извинения за мои советы; но их мне внушает искреннее участие к Вам и желание, чтобы из Вас все то вышло, что может и должно выйти.

О себе ничего особенного не скажу; разные мысли бродят в голове — разные литературные предположения, но пока ничего не делаю, собираюсь издавать Фетова *Горация*[4]. Время такое тяжелое и смутное... Я остаюсь здесь до первых чисел апреля, а к 15 апреля я уже непременно буду в деревне.

Прощайте, любезный К. Н. Авось когда-нибудь придется увидеться, но во всяком случае прошу Вас быть всегда уверенным в моей искренней приязни.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о М. Л. Михайлове, поэте-переводчике и публицисте, авторе очерков и рассказов; А. А. Краевский, редактор-издатель «Отечественных записок», был известен скупостью и прижимистостью по отношению к сотрудникам.

[2] Тургенев поддерживал первые творческие опыты молодого Леонтьева, видя в нем будущего крупного писателя. Впоследствии он разочаровался в его литературном даровании.

[3] Цитата из «Пролога в театре» к первой части «Фауста» Гете, в переводе Н. Холодковского:

Смелей лишь черпайте из жизни всех людей...
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес.
Где ни копните — тут и интерес!

[4] Тургенев принимал близкое участие в издании (и отчасти в редактировании) «Од Квинта Горация Флакка» (в четырех книгах, перевод с латинского А. А. Фета) (ср. п. № 65 и прим. 4 к нему).

72

В. П. БОТКИНУ

С. Спасское
17-го июня ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Милый Боткин,

Душевное спасибо тебе и твоим двум спутникам за забавное и подробное описание вашего путешествия в Дулебино [1]. Я хохотал до упаду — и мысленно переносился к вам и к вашему пребыванию у меня. Теперь у меня все тихо и смирно, как в монастыре; сперва было настала такая жара и засуха, что мы чуть с ума не сошли, сидели в темноте и с трудом дышали; но, к счастью, пошли дожди — и мы с Колбасиным принялись за работу. Желал бы я хоть на этот раз оправдать малейшую часть надежд, тобою на меня возлагаемых; написал сперва подробный план повести, обдумал все лица и т. д. Что-то выйдет? Может быть — чепуха. Посмотрим, что-то скажет эта последняя попытка? [2]

Статью о Пушкине [3] я прочел — с великим наслаждением. Благородно, тепло, дельно и верно. Это лучшая вещь, написанная Дружининым. Но опять-таки в отношении к Гоголю он не прав... То есть — в том, что он говорит, он совершенно прав, — но так как он *всего* сказать не может — то и правда выходит кривдой. Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством — а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица, — но ты знаешь, что я хочу сказать. А все-таки статья славная — и когда ты будешь писать Дружинину, передай ему мое искреннее спасибо. Многое из того, что он говорит, нужно нынешним литераторам мотать себе на ус — и я первый знаю, où le soulier de Gogol blesse *. Ведь это на меня Дружинин сослался — говоря об одном литераторе, который желал бы *противовесия* гоголевскому направлению... все это так; но о Пушкине он говорит с любовью, а Гоголю

---

* Где жмет сапог Гоголя *(франц.)*.

отдает только справедливость, что в сущности никогда не бывает справедливо.

Графиню [4] я видел только раз после твоего отъезда; она велит тебе кланяться. Каратеев [5] не приезжал... Помнишь: «Ах, Василий — о, Василий!»

Пока писать больше нечего.

«Après tant de malheurs, Rhadamiste, est-ce vous?» * [6]

Ты видел у нас старую экономку, Прасковью Ивановну? Она, как только выслушала до конца нашу пиесу [7], говорят, всплеснула руками и воскликнула: «Да это он сам (то есть я) на себя написал, себя вывел!» Каково мнение обо мне моих подчиненных? Но триумф остался за тобой.

Прощай, брат, будь здоров и пиши, когда нечего делать. Я получил от Панаева письмо, в котором он умоляет помочь «Современнику»; просит, чтоб я напомнил тебе о Карлейле — и т. д. Надо будет помочь этому свистуну.

На днях явится к тебе от меня посланец, Ф. Лобанов или другой. Заезжай, пожалуйста, к Арноту — и спроси его, нет ли книг для меня — и если есть, возьми и передай их посланцу.

Я еду отсюда 26-го и буду в отсутствии до 20-го июля, буду бить тетеревов в Жиздринском уезде.

Твой

Ив. Тургенев.

P. S. Пришли мне адрес деревни Дружинина — я не помню, в Гдов или в Лугу — ему пишут? Я тебе вместе с посланцем пришлю экземпляр Alfred de Musset **, который ты забыл здесь.

[1] Боткин вместе с Д. В. Григоровичем и А. В. Дружининым гостили у Тургенева в Спасском с 12 мая по 1 июня ст. ст. и уехали от него в имение Григоровича Дулебино (Каширского уезда Тульской губ.). Письмо их к Тургеневу с юмористическим описанием путешествия не сохранилось.

---

* После стольких несчастий вы ли это, Радамист? *(франц.)*.

** Альфреда де Мюссе *(франц.)*.

[2] *Повестью* Тургенев называет роман «Рудин», начатый в Спасском 5(17) июня 1855 года.

[3] Статья А. В. Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (по поводу вышедшего в начале 1855 года издания под редакцией П. В. Анненкова) напечатана в «Библиотеке для чтения», 1855, № 3 и 4.

[4] *Графиня* — М. Н. Толстая.

[5] О В. Каратееве см. пп. № 63, 68 и 78.

[6] Цитата из трагедии французского писателя-классициста П. Кребильона-старшего (1674—1762) «Радамист и Зенобия» (1711).

[7] *Наша пьеса* — комедия-фарс «Школа гостеприимства», написанная и разыгранная в Спасском Тургеневым и его гостями. Позднее пьеса была переделана Д. В. Григоровичем в повесть под тем же заглавием, в которую был введен грубый выпад против Чернышевского. Повесть была напечатана в «Библиотеке для чтения», 1855, № 9.

[8] Статьи В. П. Боткина о Карлейле с переводами отрывков его сочинений «О героях и героическом в истории» и «Героическое назначение поэта» были напечатаны в «Современнике», 1855, № 10, и 1856, № 1—2.

73

И. И. ПАНАЕВУ

С. Спасское
27-го июня ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Я получил твое письмо, любезный И. И., и наперед извиняюсь, что отвечать буду в немногих словах — кругом свирепствует у нас холера — а ты знаешь, как это на меня действует. Я прочел «Севастополь» в «Инвалиде» («Современника» еще нет) — и пришел в совершенный восторг. Дай бог таких статей побольше! [1]

Повесть я пишу деятельно (уже 66 страниц написано) [2] и к желаемому тобою времени доставлю. О «Переписке» я уже тебе писал [3].

Прошу тебя убедительно выдать г-ну Колбасину (Д. Я.) 50 рублей серебром добавочных за повесть его брата [4] (он получил 100). Это выйдет меньше чем по 20 руб. за лист. Очень ты меня этим обяжешь.

Надеюсь, что ты здоров и весел — это главное. Поклонись от меня всем друзьям. Жму тебе руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

На обороте: Его высокоблагородию
Ивану Ивановичу
Панаеву
(от Тургенева)

[1] Рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце» был опубликован в шестом номере «Современника» и тотчас перепечатан военной газетой «Русский инвалид» как «истинно превосходная статья».

[2] *Повесть* — «Рудин».

[3] Рассказ «Переписка» был обещан Тургеневым сначала Краевскому, потом Некрасову; запрещенный цензурою для «Современника» в начале июня 1855 года, рассказ был напечатан в «Отечественных записках», 1856, № 1 (см. прим. к рассказу в т. 6 наст. изд.).

[4] Повесть Е. Я. Колбасина «В деревне и в Петербурге» напечатана в «Современнике», 1855, № 5.

74

П. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
10-го июля ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Твое письмо застало меня здесь, милый Некрасов, — по милости холеры, которая свирепствует именно там, куда я хотел ехать на тетеревей — в Жиздринском уезде. Охотники мои вернулись оттуда и рассказывают чудеса про тамошние места... Что делать! Охоту я люблю страстно — но холеры боюсь еще больше. Сижу теперь здесь — и работаю над большой повестью [1] (120 страниц уже написано) — и не знаю, что из этого выйдет. Твое письмо меня и обрадовало и огорчило. Огорчило оно меня насчет твоего здоровья; утешаю себя надеждой, что хотя оно действительно не блестяще, однако и не так плохо, как ты представляешь. Посмотри, ты еще много здоровяков перескрипишь. Веди только жизнь аккуратную — и не подставляй свой без того неяркий светоч дуновению страстей. Каково сказано? Обрати внимание. Стихи твои «К***» просто пушкински хороши — я их тотчас на память выучил [2]. Сде-

лай одолжение, присылай мне твой рассказ в стихах — уверен, что в нем есть чудесные вещи [3]. Вполне одобряю твое намерение написать свою биографию; [4] твоя жизнь именно из тех, которые, отложа всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется. Благодарю заранее за посвящение мне — но надеюсь, что публика не скоро об этом узнает. (Кстати, меня также польстило посвящение Толстого. Какая превосходная вещь — его «Севастополь»! [5])

К крайней моей досаде — мой экземпляр Бернса остался в Петербурге — но я непременно прошу тебя заставить Васеньку [6] сходить в книжную лавку, купить и прислать мне один экземпляр (найти его весьма легко). Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его. Я тебе обещаю сделать отличный выбор — и метр приложить. Бернс — это чистый родник поэзии. Попробуй пока написать что-нибудь на следующий, любимый его метр: [7]

Я не могу тебе сказать,
Кого ты должен воспевать —
Но не могу теперь скрывать
Перед тобой,
Что начал сильно мне мешать
Жестокий зной.

Понимаешь? Этот размер идет к элегическим и заунывным вещам. Таким размером написано знаменитое стихотворение Бернса к полевому цветку, срезанному им при пахании плугом [8]. Непременно пришли мне Бернса.

Уже из того, что я тебя прошу прислать мне Б⟨ернс⟩а, ты можешь заключить, что я не поеду к тебе в деревню. К сожалению, это совершенно невозможно — по многим причинам, о которых нечего распространяться. Авось в следующем году удастся.

Спасибо тебе за ободрительное увещание [9]. Я действительно, как ты говоришь, находился — и отчасти нахожусь — в моменте если не разложения, то сомнения в себе. Слишком ясно вижу, что мне недостает — и

уверенность в себе пропала вместе с самоуверенностью. Однако напрягу последние силы, хотя бы для того, чтобы оправдать хорошее мнение приятелей. Очень мне будет любопытно знать, что вы скажете о моей повести; я ее обдумывал долго — и в первый раз написал подробный план, прежде чем приступить к исполнению.

У меня действительно было весело и шумно. Нигде еще холеры в помине не было. Знаешь ли, что Дружинин отличный человек? Его статья в «Б⟨иблиотеке⟩ для ч⟨тения⟩» об анненковском издании Пушкина прекрасна. Мне, признаться, несколько досадно на «Современник», что он не отделал, как бы следовало, мертвечины Чернышевского [10]. Это худо скрытая вражда к искусству — везде скверна, а у нас и подавно. Отними у нас *этот* энтузиазм — после того хоть со света долой беги.

Пиши мне, пожалуйста — я тебе отвечать буду. Не забудь Бернса и твоей поэмы. А за границу ты все собираешься ехать? Видерт ждет тебя в Берлине, как рыцарь Тоггенбург [11] свою невесту.

Прощай, брат; будь здоров и весел. Дружески жму тебе руку. Поклонись от меня Боткину — я недавно писал ему.

Твой
Ив. Тургенев.

[1] *Большая повесть* — роман «Рудин».

[2] Стихи Некрасова «К ***» — «Давно отвергнутый тобою», посланные им Тургеневу в рукописи.

[3] *Рассказ в стихах* — поэма Некрасова «Саша», напечатанная позднее в «Современнике», 1856, № 1, с посвящением Тургеневу.

[4] Намерение Некрасова написать свою автобиографию не осуществилось; отрывочные воспоминания были им продиктованы лишь перед смертью.

[5] Л. Н. Толстой посвятил Тургеневу рассказ «Рубка леса». В письме к И. И. Панаеву от 14 июня 1855 года, прося позволения у Тургенева «на статье «Рассказ юнкера» надписать: «Посвящается И. Тургеневу», он мотивировал это свое желание тем, что, «когда... перечел статью... нашел в ней много невольного подражания его ⟨то есть Тургенева⟩ рассказам». *Его Севастополь* — рассказ «Севастополь в декабре месяце» (см. прим. 1 к п. № 73).

[6] *Васенька* — В. П. Боткин, живший в это время вместе с Некрасовым на даче под Москвою.

[7] Некрасов, собираясь переводить стихи Р. Бернса, просил Тургенева «перевесть... одну или две пьесы прозой» и приложить

«размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом». Строфа, приведенная в письме, сочинена самим Тургеневым.

[8] «Стансы к горной маргаритке, перевернутой плугом» — стихотворение, переведенное в 1856 году М. Л. Михайловым.

[9] В письме от ⟨30 июня — 1 июля⟩ 1855 г.⟩ Некрасов писал Тургеневу: «Из всех ныне действующих русских писателей ты... обязался сделать наиболее...» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, М. 1952, стр. 224).

[10] Тургенев разумеет знаменитую диссертацию Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855); материалистическая эстетическая теория Чернышевского была вначале воспринята писателем как принижение искусства. По мнению Тургенева, Чернышевский видел смысл творчества в подражании природе; в труде Чернышевского Тургенев усматривал отрицание роли художника как свободного творца. Результатом такого субъективного понимания сущности «Эстетических отношений» и явился резкий протест Тургенева против диссертации и ее автора (см. ниже, в п. № 75). Позднее, при чтении «Очерков гоголевского периода русской литературы», Тургенев значительно изменил свой взгляд на теорию Чернышевского, признав ее положительное значение (см. пп. № 92, 94). В «Современнике», 1855, № 6, была напечатана авторецензия Чернышевского (с подписью «Н. П — н», понятой Тургеневым как подпись А. Н. Пыпина), разъяснявшая основные положения диссертации; об этой рецензии и говорит Тургенев в письме.

[11] *Тоггенбург* — герой известной баллады Шиллера, переведенной В. А. Жуковским, «Рыцарь Тоггенбург».

75

В. П. БОТКИНУ и Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
25-го июля ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Любезные друзья мои, Боткин и Некрасов, — непонятным для меня образом ваше письмо от 10-го дошло до меня только вчера — и я, подосадовав сильно на аккуратность наших почт, спешу отвечать. Предваряю, однако, что по причине нестерпимого зноя и порядочной хандры — письмо мое будет невелико. Хандра моя, собственно, происходит оттого, что с утра мои нервы раздражаются погребальным звоном и голосьбою баб на кладбище (вы помните, оно у меня под окнами)... Холера свирепствует — а уехать нельзя ни к вам, ни на охоту — никуда — и не по причине денег, за предложе-

ние которых я все-таки благодарю вас. Спасибо тебе, милый Некрасов, за твое радушное предложение — дичи мы, я уверен, наколотили бы пропасть, тем более мне досадно, что это все по усам течет, а в рот не попадает. Что делать!

Очень я рад, любезный В. П., что тебе понравилась повесть Нарской [1]. Что же касается до книги Чернышевского [2] — вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых. Как ни вертись, эта мысль у него лежит в основании всего. А это, по-моему, вздор. В действительности нет шекспировского Гамлета — или, пожалуй, он есть — да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим.

Чернышевский много берет на себя, если он воображает, что может сам всегда дойти до этого сердца жизни, о котором ты говоришь. Воображаю я его себе извлекающим поэзию из действительности для собственного обихода и препровожденья времени! Нет, брат, его книга и ложна и вредна — мы когда-нибудь с тобой пространно об этом потолкуем.

Я воспользовался невозможностью ездить на охоту — и вчера окончил большую повесть листов в 7 печатных [3]. Писал я ее с любовью и обдуманностью — что из этого вышло — не знаю. Дам ей полежать, потом прочту, поправлю — а списавши, пошлю к тебе — что-то ты скажешь? Что-то скажет Некрасов?

В последнем моем письме к нему я просил о высылке Бернса — не забудь это исполнить — для него же. Также пришли мне Фета с поправками [4].

Я навел справки о векселе Белинской [5]. Оказывается, что я действительно не выплатил его, а выплатил другой. С этим письмом ты получишь 90 рублей сер. — из коих 4 тебе — а 86 проценты по май месяц 1855-го г. Я бы послал ей сам, да не знаю ее адреса. Будь так добр, доставь ей эти деньги — и вели сказать, что я извиняюсь перед ней и в октябре, когда ее увижу — готов ей заплатить, если она хочет, капитал — или буду продолжать платить ей проценты. Пришли мне ее адрес — я ей сам напишу.

Прощайте, друзья; жарко так, что перо из рук валится. Желаю вам всего хорошего, здоровья и веселья. Крепко жму вам обоим руку, благодарю за память и остаюсь

преданный вам
Ив. Тургенев.

P. S. Арнот мне бог знает что прислал, книги, которые я уже от него же получил, — отошлю их ему назад.

[1] *Повесть Нарской* (Н. П. Шаликовой) «Первое знакомство со светом», напечатанная в «Современнике», 1855, № 6, вызвала сочувственный отзыв В. П. Боткина в письме к Тургеневу от 10(22) июля 1855 года («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 59—60).

[2] *Книга Чернышевского* — «Эстетические отношения искусства к действительности» (см. прим. 9 к п. № 74). Боткин находил в указанном выше письме, что «в ней очень много умного и дельного».

[3] *Большая повесть* — «Рудин».

[4] Речь идет о «Стихотворениях» Фета (1850); Тургенев просил ему прислать сборник для подготовки (по соглашению с Фетом) нового издания, причем Боткин должен был отметить «карандашом все неудачные стихи и места».

[5] Тургенев был должен вдове Белинского, М. В. Белинской, за купленную им библиотеку критика и, кроме того, еще по векселю на занятые деньги (См. п. 69 и прим. 4 к нему).

76
М. Н. ТОЛСТОЙ

(Конец июля — начало августа ст. ст. 1855 г., Спасское)

Любезная графиня, Анна Семеновна[1] все еще лежит, и пролежит, быть может, еще неделю — но она вне всякой опасности и чувствует себя гораздо лучше. Она благодарит Вас за память.

А я Вас очень благодарю за все, что Вы мне пишете о характере Наталии[2]. Все Ваши замечания верны — и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью. Если б и она и Рудин, как это слишком часто случается в жизни, преувеличивали (положим, бессознательно) свои чувства — то я был бы прав; но Наталья во всяком случае была искренна. Еще раз спасибо Вам за Ваше письмо. В делах сердца

женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться.

Колбасин понемногу принялся за работу — как только он кончит ее — он явится к Вам. Я дня через 3 или 4 еду на охоту и буду пропадать до 1-го сентября. Надеюсь увидать вас всех тогда в полном здоровии и благоденствии. Посылаю графу порох; шляпу Анне Сем⟨еновн⟩е я передал.

Кланяюсь всем жителям Покровского, Ольге Петровне, Наталье Петровне — графу и семейству барона Д⟨ельвига⟩.

Еще раз спасибо — и до свидания.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Дядя [3] Вам кланяется и посылает Вам персики; Колбасин велит Вам сказать, что «Антона Горемыки» нет здесь, а «Детство» [4] он искал, но не нашел; еще поищет и пришлет или привезет.

[1] Тургенева, жена Н. Н. Тургенева.

[2] Письмо М. Н. Толстой к Тургеневу с отзывом о «Рудине» в печати неизвестно.

[3] Н. Н. Тургенев, живший в Спасском.

[4] Повесть Д. В. Григоровича «Антон Горемыка», напечатанная в «Современнике», 1847, № 11; повесть Л. Н. Толстого «Детство».

77

С. Т. АКСАКОВУ

С. Спасское
3-го августа ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Любезнейший и почтеннейший Сергей Тимофеевич, я еще не получал от Вас ответа на мое последнее письмо [1] — но, может быть, оно затерялось — и мне очень хочется поговорить с Вами. Как Вы провели лето, которое уже на исходе? Я его провел весьма однообразно — почти не выезжал, не охотился — у нас везде была холера, и довольно сильная — я ее побаиваюсь — дома-то все ничего — а заедешь в какую-нибудь деревню — и вдруг придется умирать в сенном сарае — скверно! Так я и не охотился. Теперь она — не под-

стереги враг слова!— заметно ослабела — и я, может быть, решусь отправиться верст за 100 на дупелей. Очень меня расстроила эта невозможность предаться моей любимой страсти; собаки славные, ружья отличные — места открыты удивительные — и все это задаром! Авось в будущем году посчастливится.

Я воспользовался уединением и бездействием и написал большую повесть [2], которую завезу к Вам, когда буду в Москве — около 10-го октября — ибо я непременно намерен к Вам заехать. Не знаю, что Вы скажете; я ни над одним моим произведением так не трудился и не хлопотал, как над этим; конечно, это еще не ручательство; но по крайней мере сам перед собою прав. Коли Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, так уж нам, маленьким людям, сам бог велел. А то придет порядочная мысль в голову, поленишься обдумать ее хорошенько да обделать как следует — и выйдет какая-то смутная чепуха. Это со мною не раз случалось — и я дал себе слово вперед не позволять себе этого.

Напишите мне, пожалуйста, где теперь Иван Сергеевич? Наши все ополчения выступили — вероятно, и московское тоже. Вижу я по объявлениям, что Константин Сергеевич издал брошюру о глаголах; [3] выпишу и прочту, если это только не этимология, которой я боюсь пуще холеры. Расскажите мне о себе и о всем Вашем семействе.

А нечего сказать, живем мы в невеселое время. Война растет, растет — и конца ей не видать, лучшие люди (бедный Нахимов!) гибнут [4] — болезни, неурожай, падежи — у нас коровы и лошади мрут как мухи... Впереди еще пока никакого не видать просвету... Надо потерпеть. Еще разик, еще раз, как говорят бурлаки. Авось все это вознаградится с лихвою. Читали ли Вы статью Толстого «Севастополь» в «Современнике»? [5] Я читал ее за столом, кричал: ура! и выпил бокал шампанского за его здоровье.

А что «Семейная хроника»? Не явится ли хоть какой-нибудь отрывок на божий свет? [6] «Москвитянин» в агонии — никто его не читает — и печатать в нем — значит бросать свои вещи ночью в темную яму в безлюд-

ном месте. Надо что-нибудь придумать — мы об этом потолкуем в октябре. У меня было много планов зашевелилось в голове в начале нынешнего года — теперь все это притихло. Может быть, к зиме они закопошатся вновь. Кн. Вяземский — Вы, вероятно, читали — назначен товарищем министра просвещения — только он, говорят, очень плох и слаб. У Норова, сколько слышно, намерения отличные — что-то из всего этого выйдет? [7]

До свиданья, любезный Сергей Тимофеевич, через два месяца. Мой усерднейший поклон Вашей супруге и всему Вашему семейству. Будьте здоровы и веселы — дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Имеется в виду письмо от 2(14) июня 1855 года («Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 489—490).

[2] *Повесть* — «Рудин».

[3] Брошюра К. С. Аксакова «О русских глаголах» выпущена была после двухлетней цензурной волокиты в 1855 году.

[4] П. С. Нахимов был смертельно ранен 28 июня и скончался 30 июня 1855 года.

[5] *Статья Толстого* — «Севастополь в декабре месяце» Л. Н. Толстого («Современник», 1855, № 6).

[6] «*Семейная хроника*», из которой было напечатано несколько отрывков в «Москвитянине» и других изданиях, в это время готовилась к выпуску отдельной книгой вместе с «Воспоминаниями»; книга вышла в начале 1856 года в Москве.

[7] Передовые круги русского общества возлагали надежды на нового министра просвещения А. С. Норова, сменившего в мае 1853 года умершего реакционного министра кн. Ширинского-Шихматова. Однако благожелательный и весьма либеральный на словах, Норов в сущности продолжал политику своего предшественника. Его «отличные намерения» так и остались неосуществленными. См. о нем записи в «Дневнике» А. В. Никитенко (т. I, 1955, стр. 368, 371, 386 и др.).

78
А. В. ДРУЖИНИНУ

С. Юшково (Карачевского уезда)
20-го августа ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Пишу к Вам ответ на Ваше письмо, любезнейший Александр Васильевич, из деревни, куда я приехал третьего дня в надежде пострелять дупелей: но болота

все высохли благодаря продолжительной осенней засухе, последовавшей за летнею, — и дичи нет. Собираюсь в Карачев (отсюда за 25 верст) — авось там посчастливится. Ваше письмо меня порадовало — скажу Вам без обиняков, что Вы принадлежите к числу людей, которые с первого взгляда мало нравятся, но к которым, чем больше их узнаешь, тем больше привязываешься — а это про немногих можно сказать. Если мне удастся благополучно прибыть в Петербург к половине октября — у меня уже заранее рисуется в голове приятная перспектива частых бесед, толков и споров зимой. Мне кажется, что мы во многих вопросах с разных точек смотрим на вещи — да и натуры наши различны, — но так как мы оба, по мере возможности, честны и искренни в своих стремлениях, то самая эта честность сближает нас едва ли не более, чем однообразие воззрений. Я на днях прочел «Авторскую исповедь» Гоголя [1] — и невольно думал о Вас — как жалка эта смутная чепуха, эта самолюбивая возня с самим собою — перед ясною, здравою, безличною художественностью Пушкина! Но *оба* влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед — но не с тем, чтобы *сменить* гоголевское. Гоголевское влияние и в жизни, и в литературе нам еще крайне нужно. Обо всем этом мы потолкуем — и не однажды.

Заранее радуюсь Вашим статьям о Краббе — я уверен, что это будет прелесть [2]. На это дело Вы мастер — и едва ли не единый мастер на это у нас на Руси.

Я исполнил Ваше поручение перед семейством гр. Толстого [3] — эти бесцеремонные и добрые люди извиняют Вас совершенно и кланяются Вам дружески. Мои все тоже Вам кланяются. Анна Семеновна занемогла было не на шутку горячкой, но теперь понемногу оправляется, хотя с постели еще не встает.

Бедный Каратеев был у нас накануне выступления в поход с ополчением — мы проводили его с шампанским — и пожелали ему всех благ [4]. Он был очень мил и комически забавен, хотя и самому ему было грустно — и мы грустили о нем. Лаврова мне не удалось увидеть — но я знаю, что он процветает.

До меня дошли слухи, что кому-то из кружка Граповского дозволено издавать журнал в Москве. Правда ли это? [5]

Я свой роман пока оставляю под спудом [6] — в нем мне многое не нравится — надо все это переделать. Я написал большую повесть [7], первую повесть — говоря правду — над которой я трудился добросовестно — не знаю, что вышло. Я ее читал Толстой [8] — она ей понравилась, но это еще не порука. Мне все что-то кажется, что собственно литературная моя карьера кончена. Эта повесть решит этот вопрос.

Я с семейством Ольги Александровны [9] возобновил переписку и на днях получил от нее очень милое письмо. Они все здоровы и в половине сентября собираются возвратиться в Петербург.

Я напрасно сказал — *литературная* карьера — я хотел сказать — карьера беллетриста — потому что я надеюсь умереть литератором и ничем другим быть не желаю.

Ну, однако, прощайте. Жму Вам дружески руку и желаю здоровья и веселья. Передайте мой усердный поклон Вашей матушке.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] *«Авторская исповедь» Гоголя* (названная так редактором С. П. Шевыревым) была напечатана в виде приложения ко второму тому «Мертвых душ», в составе «Сочинений Н. В. Гоголя, найденных после его смерти» (М. 1855).

[2] Шесть статей Дружинина «Георг Крабб и его произведения» были напечатаны в «Современнике», 1855, № 11 и 12, и 1856, № 1, 2, 3, 5.

[3] В. П. и М. Н. Толстые.

[4] Каратеев (см. выше) был избран дворянством Мценского уезда в состав орловского ополчения; позднее распространился слух — оказавшийся неверным — о его смерти от тифа в Крыму (Каратеев скончался у себя в имении, в 1859 году).

[5] Речь идет о журнале «Русский вестник», издание которого с января 1856 года начал в Москве М. Н. Катков, принадлежавший в 40—50-х годах к умеренно-либеральным западникам.

[6] «Два поколения».

[7] «Рудин», работу над которым Тургенев вчерне закончил 24 июля (5 августа) 1855 года.

[8] М. Н. Толстая.

[9] Тургенева (см. прим. 5 к п. № 69).

79
Л. Н. ТОЛСТОМУ

С. Покровское
3-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.[1]

Я давно собирался затеять с Вами хотя письменное знакомство, любезный Лев Николаевич, за невозможностью — пока — другого; теперь, уезжая из дома Вашей сестры в Петербург[2], хочу привести в исполнение это давнишнее намерение. Во-первых, благодарю Вас душевно за посвящение мне Вашей «Рубки лесу» — ничего еще во всей моей литературной карьере так не польстило моему самолюбию[3]. Ваша сестра, вероятно, писала Вам, какого я высокого мнения о Вашем таланте и как много от Вас ожидаю[4] — в последнее время я особенно часто думал о Вас. Жутко мне думать о том, где Вы находитесь. Хотя, с другой стороны, я и рад для Вас всем этим новым ощущениям и испытаниям — но всему есть мера — и не нужно вводить судьбу в соблазн — она и так рада повредить нам на каждом шагу. Очень было бы хорошо, если б Вам удалось выбраться из Крыма — Вы достаточно доказали, что Вы не трус[5] — а военная карьера все-таки не Ваша, Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова. Я потому решаюсь говорить так с Вами, что в Вашем последнем письме, сегодня полученном, Вы намекаете на возможность отпуска[6] — да сверх того я слишком люблю русскую словесность, чтобы не питать желания знать Вас вне всяких глупых и неразборчивых пуль. Если действительно Вам возможно приехать хотя на время в Тульскую губернию — я бы нарочно явился сюда из Петербурга, чтобы познакомиться с Вами лично — это Вам не может служить большой приманкой — но, право, для Вас самих, для литературы — приезжайте. Повторяю Вам — Ваше орудие — перо, а не сабля, а музы не только не терпят суеты[7] — но и ревнивы.

Мне кажется, мы бы сошлись — и наговорились вдоволь — и может быть, наше знакомство не было бы бесполезным для обоих.

Я бы много хотел сказать Вам о Вас самих — о Ваших произведениях, но это решительно невозможно на бумаге — особенно в этом письме. Отлагаю все это до свидания личного, в котором я не отчаиваюсь.

Я часто видаюсь в теченье лета с Вашими родными — и полюбил их от души. Как мы все сожалели об отъезде Ник. Ник-ча![8] Право, досадно вспомнить, что, будучи такими близкими соседями, мы так поздно сошлись.

Вы бы меня очень обрадовали ответом. Вот мой адрес: в С.-Петербурге, на Фонтанке, у Аничкова моста, в доме Степанова.

Дружески жму Вам руку, любезный Лев Николаевич, и желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья. Остаюсь душевно Вас уважающий

Иван Тургенев.

[1] Письмо печаталось до сих пор с неверной датой «9 октября», что было вызвано ошибочным чтением автографа. Между тем дата была совершенно точно установлена М. К. Клеманом («Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева», 1934, стр. 79). Это — первое письмо Тургенева к Толстому, написанное еще до личного знакомства.

[2] Тургенев гостил в имении сестры Л. Н. Толстого — М. Н. Толстой — селе Покровском, в 20 верстах от Спасского. 7(19) октября он был уже в Москве, где присутствовал на похоронах Т. Н. Грановского, умершего 4(16) октября 1855 года, и 13(25) октября выехал в Петербург.

[3] См. прим. 5 к п. № 74.

[4] В своем дневнике Толстой записал 21 марта 1855 года: «Получил восхитительное письмо от Маши (М. Н. Толстой. — *Ред.*), в котором она описывает мне свое знакомство с Тургеневым. Милое, славное письмо, возвысившее меня в собственном мнении и побуждающее к деятельности» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 40). Письмо М. Н. Толстой в печати неизвестно.

[5] Толстой провел в крымской армии, в осажденном Севастополе около девяти месяцев, с 7 ноября 1854 года по день оставления города, 27 августа 1855 года, причем некоторое время был на одном из самых опасных участков обороны — 4-м бастионе. После оставления Севастополя он еще более двух месяцев оставался в крымской армии, а в начале ноября был послан курьером в Петербург. См. п. № 80 и прим. 1 к нему.

[6] Тургенев имеет в виду, повидимому, письмо Толстого к Т. А. Ергольской от 4 сентября 1855 года, полученное в Туле 1 октября, в котором Толстой писал: «В эти последние дни мысль

бросить армию совсем приходит мне в голову все чаще и настойчивее» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, стр. 335). Еще раньше, 11 марта 1855 года, он записал в дневнике: «Военная карьера — не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше» (там же, т. 47, стр. 38).

[7] Ср. в стихотворении Пушкина «19 октября» (1825): «Служенье муз не терпит суеты».

[8] Николай Николаевич Толстой, писатель, старший брат Л. Н. Толстого.

80

В. П. БОТКИНУ

С.-Петербург
3-го декабря ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Милый Боткин,

Едва ли не каждый день собираюсь я к тебе писать — да все представлялись разные помехи. Но, получив твое милое письмо, я тотчас взялся за перо. Очень рад, что портрет мой доставляет тебе некоторое удовольствие — если он глядит на тебя дружелюбно — значит, он похож. Ты уже знаешь от Некрасова, что Толстой здесь и живет у меня [1]. Очень бы я хотел, чтобы ты с ним познакомился. Человек он в высшей степени симпатичный и оригинальный. Но кого бы ты не узнал — это меня, твоего покорного слугу. Вообрази ты себе меня, разъезжающего по загородным лореточным балам, влюбленного в прелестную польку, дарящего ей серебряные сервизы и провожающего с нею ночи до 8 часов утра! Не правда ли — неожиданно и не похоже на меня? И между тем оно так. Но теперь я объелся по горло — и хочу снова войти в свою колею — жить философом и работать — а то — в мои лета стыдно дурачиться!

Я уже многое переделал в «Рудине» и прибавил к нему [2]. Некрасов доволен тем, что я прочел ему — но еще мне остается потрудиться над ним. К 15-му числу, я надеюсь, все будет кончено. Пожалуйста, приезжай — мне так хочется, чтобы ты здесь застал Толстого. Он бы уже уехал, вследствие полученного письма из деревни — если б не случилось обстоятельства, задер-

жавшего его. Он тебе чрезвычайно понравится — ты увидишь!

Воображаю себе, что ты не очень должен веселиться в Москве. Приезжай — и Некрасову ты этим сделаешь великое удовольствие. Здоровье его не хуже прежнего — но он, кажется, хандрит.

Кстати, повар Петр просит меня убедительно — напомнить тебе о нем для Купеческого московского клуба — а то, говорят, d'autres se mettent sur les rangs * — а лучшего повара вы не найдете.

Здесь все обрадованы сдачей Карса. Да и слава богу, наконец! [3]

Жажду тебя видеть — приезжай — покажу тебе Надежду Николаевну — ты в нее влюбишься.

До свидания — обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

[1] Л. Н. Толстой, посланный курьером из крымской армии, 21 ноября ст. ст. приехал в Петербург и остановился у Тургенева, в его квартире на Фонтанке (теперь — дом 38). К этому времени относится его первое личное знакомство с писателями круга «Современника» — Тургеневым, Некрасовым и др.

[2] Тургенев перерабатывал «Рудина» в значительной мере вследствие замечаний, сделанных ему Боткиным и Некрасовым (см. п. № 81).

[3] *Карс* — турецкая крепость на закавказском театре войны; сдача ее произошла в ноябре 1855 года после пятимесячной осады; эта победа, закончившая собою «Восточную» войну 1853—1855 годов, значительно повлияла на исход мирных переговоров 1856 года в Париже.

81
П. В. АННЕНКОВУ

С.-Петербург
9-го декабря ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.

Это просто ни на что не похоже, любезный Анненков, что Вас до сих пор нет в Петербурге (впрочем, это, может быть, не от Вас зависит) — а главное — что Вы даже весточки от себя никому не даете! С тех пор

* Другие хотят занять это место *(франц.)*.

как я здесь, я каждый день собирался Вам писать — и все откладывал в надежде, что либо Вы сами вдруг явитесь ко мне в комнатку с саком в руке (помните — как в Петергофе? [1] Какое это было для меня приятное зрелище! Ведь Вы знаете, я чувствую к Вам «влеченье, род недуга» [2]) — либо что получу от Вас листик почтовой бумаги, испещренный Вашими любезными каракулями — но от Вас ни слуху ни духу — и я решился наконец писать Вам!.. О друг мой П. В.! Ваше отсутствие очень неприятно всем нам, и Вам самим оно будет огорчительно. Вообразите: вот уже более двух недель как у меня живет Толстой (Л. Н. Т.) [3] — и что бы я дал, чтобы увидать вас обоих вместе! Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек — хоть он за дикую ревность и упорство буйволообразное получил от меня название Троглодита. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое. Он нам читал начало своей «Юности» и начало другого романа. О — есть вещи великолепные! Вообще литература теперь en grand complet *. Между прочим, Огарев здесь — и написал небольшую, Вам, неблагодарный человек, посвященную поэму — «Зимний путь», истинный chef d'oeuvre **, в котором он совместил всю свою поэзию, всего себя со всей своей задушевной и задумчивой прелестью [4]. Мы с Толстым уже три раза упивались этим нектаром, — Некрасов уже более трех месяцев не выходит — он слаб и хандрит по временам — но ему лучше — а как он весь просветлел и умягчился под влиянием болезни, что из него вышло — какой прелестный, оригинальный ум у него выработался — это надобно видеть, описать этого нельзя. Прилагаю Вам стихотворение, написанное им вчера — и еще далеко не обделанное — посмотрите-ка! [5] Остальные все литераторы также очень милы в своем роде — у меня terrain neutre *** и все часто сходятся — даже Соллогуб приносит ко мне свои влачащиеся ноги, палец за жилетом,

---

* В полном сборе *(франц.)*.
** Образец искусства *(франц.)*.
*** Нейтральная почва *(франц.)*.

и язык, упертый в щеку, и старается быть добрым малым. Новые лица, которые Вы знаете мало или же не знаете вовсе, показались — один князь Долгорукий [6], музыкант и пр. и пр. Даже с лоретками я сошелся — и ко мне ходит премилая полячка, в которую Вы бы влюбились непременно. А я-то сам? За что же Вы меня покинули и обидели? Вот я теперь принужден печатать свою новую вещь, и не прочтя ее Вам — разве это хорошо? Спасибо по крайней мере Боткину (он на днях опять сюда прибудет из Москвы) и Некрасову — они мне много помогли... [7] Эх, батюшка П. В. — коли уж над Вами такая беда стряслась и Вы приехать не можете надолго, хоть отпуск возьмите на праздники — и во всяком случае не упорствуйте в своем тупом молчании.

Мое здоровье все время было очень недурно — да вдруг у меня сел на живот какой-то поганый чирей вроде карбункула — я подвергся ужасно мучительной операции — кричал под ножом, как заяц в зубах у собаки, — однако мне теперь лучше, хотя я все еще не выхожу. Однако у меня едва осталось место для стихотворения Некрасова — повторяю — оно очень не обделано [8].

Замолкни, муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу.
Довольно мы с тобою проклинали —
Один я умираю и молчу.
Довольно нам оплакивать потери,
Хандрить, грустить и больше ничего...
Мне самому, как скрып тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.
Увы! зачем, ненастьем и грозою
Мои младые годы омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча! —
Зачем в тюрьму с тяжелыми замками
Не постучится ласково любовь —
Где мысль моя, пробитая гвоздями,
Закованная в цепи, точит кровь?
Когда б мои угомонились муки
И на душу сошел желанный мир —
Нашел бы я тогда другие звуки,
Другую музу позвал бы на пир...
Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя во сне и наяву —

В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя... но больше не зову...
Той бездны сам я не хотел бы видеть —
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Последние восемь стихов поразительны. Пишите мне — мой адрес тот же у Аничкова моста, на Фонтанке, в доме Степанова.

Обнимаю Вас.

Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Пишу Вам в Симбирск, хотя, может быть, Вы в Нижнем; но если письмо мое не дойдет до Вас, то пеняйте сами на себя.

[1] В Петергофе Тургенев провел лето 1854 года (см. п. № 66).

[2] Ср. в комедии «Горе от ума» Грибоедова — действие IV, явление IV, слова Репетилова, обращенные к Чацкому: «А у меня к тебе влеченье, род недуга...»

[3] Л. Н. Толстой жил у Тургенева с 21 ноября ст. ст. (см. выше, прим. 1 к п. № 80). *«Юность»* была им начата в марте 1855 года в Севастополе, но закончена лишь в сентябре 1856 года. *Другой роман* Толстого — «Роман русского помещика», задуманный еще в 1852 году, но не оконченный; позднее был напечатан только один отрывок из романа под названием «Утро помещика» («Отечественные записки», 1856, № 12). Тургенев сохранял неизменно высокое представление о творческом даре и о значении Толстого; однако обнаруживавшаяся постепенно непримиримая противоположность в их воззрениях по целому ряду принципиальных вопросов привела к резким столкновениям и, наконец, к полному разрыву между ними на многие годы — с 1861 до 1881.

[4] Лирическая поэма Н. П. Огарева *«Зимний путь»* — последнее крупное произведение, напечатанное им в России до эмиграции, — была написана в 1854—1855 годах и опубликована в журнале «Русский вестник» (1856, февраль, кн. 1) с подзаголовками «Из дорожных воспоминаний» и «Посвящено П. В. А⟨нненкову⟩».

[5] Стихотворение Некрасова «Замолкни, муза мести и печали» — см. ниже.

[6] Кн. Николай Александрович.

[7] *Новая вещь* Тургенева — роман «Рудин», написанный в Спасском летом 1855 года; роман читался осенью Боткиным, Некрасовым и другими близкими Тургеневу литераторами и несколько раз перерабатывался автором согласно их замечаниям.

[8] Тургенев действительно дает стихотворение Некрасова в первоначальной редакции, значительно отличающейся от напечатанной позднее в «Современнике» (1857, № 3, март) и в из-

дании «Стихотворений Н. Некрасова» 1856 года. Беловой автограф, совпадающий с печатным, датирован «3 дек.»; В. П. Боткин читал стихотворение в Москве 7 декабря и в тот же день сообщил автору свои впечатления («Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 177). Таким образом, сообщение Тургенева, что стихотворение написано «вчера», несомненно ошибочно. Печатный текст дает следующие варианты сравнительно с текстом, сообщаемым Тургеневым:

Стихи 5—6. К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!

9—10. Всему конец. Несчастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,

24. Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Стихи 13—20 в печатном тексте отсутствуют.

82

С. Т. АКСАКОВУ

С.-Петербург
22-го января ⟨ст. ст.⟩ 1856 г.

Сколько раз я принимался Вам писать, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич... я уж и счет потерял! Причина всех этих отсрочек состояла отчасти в том, что я сам надеялся попасть в Москву и лично увидеть Вас, но разные дела и хлопоты воспрепятствовали исполнению моего намерения — и теперь я раньше марта в Москву не приеду. Прежде всего глубокий поклон и искреннее спасибо Вам от моего лица и от лица всех русских читателей за издание Вашей книги, которой я зачитываюсь теперь всласть (я себе достал экземпляр еще прежде получения того, который Вы мне прислали, за что Вам вторичное спасибо). Эта Ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя [1]. Вот он настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот задатки будущего русского романа. Я еще не встречал человека, на которого бы Ваша книга не произвела самого приятного впечатления! Вы должны теперь писать и писать, когда вздумается — выйдет непременно отлично.

Я видел здесь раза два Хомякова — и узнал от него подробности о Вашем житье-бытье. Он Вам также по-

расскажет об нас — говорит, он скоро едет. Переговорил бы много с Вами, если бы увидался — а писать как-то неловко.

Боюсь я, что Вы не останетесь <довольны?> последними напечатанными мною вещами [2]. Задача была трудная — и я, кажется, не совладел с нею. Слишком близко стоял я ко всему этому — надо было бы дать еще году пройти.

«Русский вестник» [3] — до сих пор не очень блистателен, 2-й №, однако, лучше первого. Что же скажет «Русская беседа» [4] — если только получится на нее разрешение? Поклонитесь от меня всем Вашим. Господи, хоть бы в марте-то увидеться! Я очень нездоров — у меня вскочило нечто вроде карбункула — я должен был подвергнуться операции—но теперь, слава богу, все идет хорошо.

Желаю Вам всего лучшего, крепко жму Вашу руку — и еще раз спасибо!

Будьте здоровы.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] Первое издание «Семейной хроники» С. Т. Аксакова (1856).

[2] Имеются в виду «Постоялый двор», «Переписка» и «Рудин».

[3] *«Русский вестник»* (издатель — М. Н. Катков) начал выходить в Москве в январе 1856 года.

[4] *«Русская беседа»* (орган славянофилов) начала выходить в Москве в 1856 году.

83

С. Т. АКСАКОВУ

С.-Петербург
27-го февраля ⟨ст. ст.⟩ 1856. Понедельник

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, я получил Ваше письмо от 18-го числа и хотя чувствую, что отвечу немногими словами, но решаюсь отвечать, чтобы не откладывать письма в долгий ящик. Мною овладело в последнее время какое-то беспокойство, которое не дает мне ничем заняться последовательно. В голове точно дым бродит какой-то, и на сердце не совсем легко. Это все пройдет — и уже бывало со мной; я Вам

пишу об этом только для того, чтобы наперед извиниться в незначительности моего письма.

Ваше мнение о 2-й части моей повести меня искренно обрадовало — Вы знаете, как я дорожу Вашим мнением. Мне приятно также и то, что Вы не ищете в «Рудине» копии с какого-нибудь известного лица... Уж коли с кого списывать, так с себя начинать[1].

В «Петербургских ведомостях» подвизаются на критическом поприще какие-то башибузуки — и потому от них нечего ждать, чтобы они уважали приличия. Впрочем, никто на них и не обращает внимания. В «Современнике» — в мартовском нумере — явится статья об Вас Анненкова, которою, я надеюсь, Вы останетесь довольны[2]. Толстому я передал Ваш поклон и Ваше поручение. Он написал превосходный рассказ под названием «Метель». Вы увидите его в мартовской книжке «Совр⟨еменник⟩а»[3].

Я уже боюсь говорить Вам, когда я прибуду в Москву, — чувствую, что изверился, — но все-таки мне кажется, что если я буду жив и здоров — в половине марта Вас увижу. А до тех пор будьте здоровы и веселы — кланяюсь Вам и всем Вашим.

Душевно Вам преданный —

Ив. Тургенев.

[1] С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «Я не хочу знать, чистый ли вымысел характер Рудина, или нет. Я принимаю его как тип таких людей» («Русское обозрение», 1894, № 12, стр. 580).

[2] Рецензия П. В. Анненкова на «Семейную хронику и воспоминания» Аксакова напечатана в «Современнике», 1856, № 3.

[3] «Метель» была напечатана в третьем номере «Современника» за 1856 год.

84

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Петербург⟩
⟨3(15)⟩ (?) апреля 1856 г.⟩

Решаюсь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой, хотя мне и совестно Вас так часто беспокоить.

Вот в чем дело. Я продал г-ну Анненкову полное собрание моих напечатанных повестей и рассказов (исключая «Записок охотника»); цензор (Гончаров) не

затрудняется допустить их к перепечатанию [1] — но об одной из этих повестей под названием «Муму» — существует какое-то замечание, сделанное еще покойным кн. Ширинским-Шихматовым; [2] это его затрудняет, хотя в самом рассказе он не находит ничего предосудительного. Не соблаговолите ли Вы замолвить словечко, чтобы это замечание, сделанное два года тому назад — не имело бы действия теперь? Печатать же мои повести без этой «Муму» — было бы, может быть, не совсем благовидно, ибо эту повесть знают в публике — и в ней самой нет ничего резкого, в чем, я надеюсь, Вы удостоверитесь сами, если ее прочтете. Я ее при сем прилагаю. А Гончарову нужно только одно слово [3]. Я бы лично явился к Вам, но вот уже 5-й день, как я, по болезни, сижу дома.

Примите, Ваше сиятельство, уверение в совершенной преданности и глубокого уважения

Вашего покорнейшего слуги

Ив. Тургенева.

Вторник

[1] «Повести и рассказы И. С. Тургенева» (СПб. 1856) были изданы в трех частях П. В. Анненковым; цензурное разрешение подписано цензором И. А. Гончаровым 8 июня; рассказ «Муму» вошел во вторую часть.

[2] Пропуск цензурою «Муму» в «Современнике» (1854, № 3) вызвал недовольство властей и замечание цензору Бекетову за недосмотр. Об этом и пишет Тургенев Вяземскому, ошибочно относя цензурную историю с «Муму» к Ширинскому-Шихматову, умершему в 1853 году.

[3] Аргументация Тургенева была, повидимому, сообщена П. А. Вяземским Гончарову, который воспользовался ею в своем рапорте, поданном 11 апреля (ст. ст.) 1856 года председателю Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину; вследствие этого рапорта было разрешено включить «Муму» в сборник.

85

С. Т. АКСАКОВУ

С. Спасское
25-го мая ⟨ст. ст.⟩ 1856 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, супруга Ваша мне сказывала, когда я проезжал через Москву, что Вы еще с месяц в ней пробудете, — и потому я

это письмо посылаю в Денежный переулок в надежде, что в случае Вашего отъезда его Вам перешлют в Абрамцево [1]. Вот уже две недели с лишком как я у себя в деревне — и живу растительной (чтобы себя не обидеть, не сказать — животной) жизнью. Ем *все* — даже салат! — и сплю как моська. Делать ничего не могу, читаю, однако, с большим удовольствием «Историю Греции» Грота — и любуюсь моими милыми и счастливыми афинянами. Был на охоте два раза — побил коростелей и перепелов да двух дупелей — да небывалую у нас птицу — маленького (с дрозда) *черного* рыболова с огромнейшими серыми крыльями и красными лапками с перепонками — теперь, до тетеревов, повешу ружье на гвоздик. Много я думал все это время — во-первых — о услышанном мною продолжении «Семейной хроники» — а во-вторых, о наших толках с Вашим сыном. «Семейная хроника» вещь положительно эпическая, а с Константином Сергеичем — я боюсь — мы никогда не сойдемся. Он в «мире» [2] видит какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русской жизни — а я, признавая его особенность и свойственность — если так можно выразиться — России, все-таки вижу в нем одну лишь первоначальную, основную почву — но не более как почву, форму, *на* которой строится — а не *в* которую выливается государство. Дерево без корней быть не может; но К. С., мне кажется, желал бы видеть корни на ветвях. Право личности им, что ни говори, уничтожается — а я за это право сражаюсь до сих пор и буду сражаться до конца. Обо всем этом мы еще поговорим в июле — но пословица гласит: «горбатого исправит могила» — а мы с ним чуть ли не оба горбаты, только в разные стороны. Хотя я принадлежу более к «тряпкам», к которым К. С. причисляет, напр., Фета — но ведь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко, а молотом сколько угодно бей по ней, ничего не сделаешь.

До меня дошли слухи, что Ваш сын Иван сошелся с Васильчиковым и едет в Крым: радуюсь за него и за само дело [3]. Горько было думать, что такой человек, как И. С., мог воскликнуть: «Когда же власть твоя пройдет, о молодость, о тягостное бремя!» [4]

До свидания, любезнейший С. Т. Желаю Вам всего хорошего на земле, прежде всего здоровья. Кланяюсь Вашей супруге и всему Вашему семейству и остаюсь навсегда преданный Вам душою

Ив. Тургенев.

[1] Имение Аксаковых под Москвой; теперь — Музей Академии наук СССР.

[2] То есть в крестьянской общине.

[3] Виктор Илларионович *Васильчиков* был в 1856 году назначен начальником штаба южной армии и возглавлял комиссию для раскрытия злоупотреблений по интендантству южной и крымской армий. И. С. Аксаков поехал в Крым по приглашению Васильчикова.

[4] Ср. в стихотворении И. С. Аксакова «Усталых сил я долго не жалел».

86

Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
25-го мая ⟨ст. ст.⟩ 1856 г.

Я имею известия о тебе от трех лиц, любезный Некрасов, — но я хотел бы иметь известие о тебе от тебя. Напиши мне, пожалуйста, с следующей почтой вкратце: вышел ли твой пачпорт? Намерен ли ты съездить к Боткину в Москву? Если ты едешь за границу — то когда именно? [1] Бросил ли ты играть — и, наконец, как ты себя чувствуешь? Говорят, ты хандришь — но отчего? О себе я тебе скажу, что я здесь зажил животной жизнью — ем масло и даже салат — и *решительно ничего* не делаю. 5-й № «Совр⟨еменник⟩а» еще не получил. Мне Толстой пишет, что, по словам Блудова, «Записки» разрешены. Правда ли это? [2] Также я получил известие, будто мне, не дожидаясь документа от губернского предводителя — разрешили выдать паспорт. Я поручил Колбасину справиться. Если меня пустят — я уеду 21-го июля (то есть 2-го августа нов. ст.) и прибуду в Париж в конце августа — нового же стиля. А до 10-го июля я буду в Спасском. Стало быть, тебе известно будет, куда мне писать — и сделай так, чтобы и

я знал, куда писать тебе. Я было хотел быть у Васеньки [3] около 1-го июня, но раздумал — и буду проездом в Петербурге. Хотелось бы мне увидать тебя перед отъездом за границу — но не знаю как.

Ты за границей непременно должен написать свою биографию [4] — это, почти можно сказать, твой долг. Кстати, я от Фета получил на днях такое нежное и любезное письмо, что я краснел как девушка, которой говорят комплименты [5]. Я ему с этой же почтой пишу.

Не знаю, писал ли я тебе, что в Москве твои все последние стихи (особенно «Муза») произвели глубокое впечатление. Даже Хомяков признал тебя поэтом [6]. Какого тебе еще лаврового венка?

Ты счастливый человек, тобою дамы интересуются. Вот и графиня Толстая [7] непременно желает иметь твой портрет — и написала о нем Колбасину.

Ну прощай, душа моя, будь здоров, не хандри и не забывай преданного тебе

Ив. Тургенева.

P. S. Как с неба свалился Колбасин (Дмитрий). Он ездил с казенным поручением. Он мне многое рассказал о тебе — и, между прочим, что ты, может быть, останешься на лето в Петербурге. Все это заставляет меня еще убедительнее просить тебя о письме. Получил я 2 экз. «Для легкого чтения» — вышла очень милая книжка [8]. Так еще последний подписчик не «прозвенел»? [9]

[1] В августе 1856 года Некрасов уехал за границу. Осень и зиму 1856 года он провел в Италии (в Риме) — ср. п. № 92.

[2] Речь идет о разрешении второго издания «Записок охотника», которого ожидал в это время Тургенев. Сведения, сообщенные Тургеневу со слов Блудова Л. Н. Толстым, были неверны: второе издание «Записок» было разрешено лишь в 1859 году.

[3] В. П. Боткина.

[4] См. п. № 74 и прим. [4] к нему.

[5] Письмо А. А. Фета (неизвестное в печати), очевидно, было написано по поводу недавнего выхода в свет сборника его «Стихотворений», редактором которого был Тургенев, внесший или посоветовавший Фету ряд исправлений в тексте и изменений в составе книги.

[6] Речь идет о стихотворениях Некрасова, напечатанных в последние годы. Стихотворение «Муза» («Нет музы ласково поющей и прекрасной...»), написанное в 1851 году, помещено было в «Современнике», 1854, № 1; А. С. *Хомяков* — убежденный славянофил, критически относившийся к революционно-демократической поэзии Некрасова.

[7] Мария Николаевна Толстая.

[8] Сборники *«Для легкого чтения»* (т. I—V, СПб. 1856), где перепечатывались из журналов повести и рассказы Тургенева, Толстого, Гончарова и других авторов, издавались Некрасовым.

[9] Выражение Тургенева, бывшее в ходу в редакции «Современника» и означавшее, что подписка на журнал еще не кончилась.

87

Н. А. НЕКРАСОВУ

С. Спасское
4-го июня ⟨ст. ст.⟩ 1856 г.

Милый Некрасов. Твое письмо [1] меня порадовало, хотя и сильно отдает хандрой. Ты, пожалуйста, не поддавайся в этом отношении влиянию Ковалевского [2] — он способен заразить хандрою статую. Плохо одно, что ты в карты играешь, — уж коли ты остаешься полечиться, ты полечись сурьезно — и поедем вместе за границу. Я взял билет на пароходе «Прусский орел» — на 21-е июля — я думаю, еще должны быть места. 5-й (майский) № «Совр⟨еменник⟩а» здесь еще не получен! Что я его не получил — это может быть, так — позабыли; но его не получили — платящие! Это очень вредит журналу. Черт бы побрал газетную экс⟨педици⟩ю!

Ты можешь комедийку мою пихнуть куда хочешь [3] — это совершенно от тебя зависит — а я действительно едва ли напишу что-нибудь.

Толстой был здесь, погостил дня два и уехал в свою деревню.

Чрезвычайно ты меня порадовал известием о пропуске всех твоих вещей — ай да Пушкин! — теперь их надо быстро печатать — непременно [4].

А об «Записках» ничего не слыхать? [5] Займись-ка сурьезно тем, чтобы до твоего отъезда твои стихотво-

рения были напечатаны. Эти москвичи такие кисляи — когда-то, когда-то соберутся что сделать [6].

Скажи Фету — если он еще не уехал, что я другого перевода его «Оды» никак пока найти не могу — а что стихи, которые он прислал мне, очень милы [7].

Прощай, то есть до свидания через месяц с небольшим. Я 15-го числа будущего месяца непременно в Петерб⟨ур⟩ге. Лечись, не хандри и гуляй на воздухе.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] От 24 мая (5 июня) 1856 года (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, стр. 274—275).

[2] Е. П. *Ковалевский* жил вместе с Некрасовым на даче в Ораниенбауме.

[3] Комедия «Завтрак у предводителя» вследствие цензурных препятствий была напечатана лишь в 1856 году («Современник», № 8), хотя на сцене комедия шла с 1849 года.

[4] По распоряжению М. Н. Мусина-Пушкина цензурой был разрешен к печати (14 мая) сборник стихотворений Некрасова. Сборник вышел в свет 19 октября 1856 года.

[5] Тургенев имеет в виду вопрос о разрешении к печати второго издания «Записок охотника» (см. прим. 2 к п. № 86).

[6] Некрасов заключил условие на издание своих стихотворений с московским издателем К. Т. Солдатенковым, но потом ввиду медлительности Солдатенкова хотел его расторгнуть.

[7] О каком переводе и какой оды Фета пишет Тургенев — неизвестно, также неизвестны и стихи, присланные Фетом Тургеневу.

88

А. И. ГЕРЦЕНУ

Куртавнель
22 сентября ⟨н. ст.⟩ 1856 г.

Что же ты никакой вести о себе не даешь, любезный друг? Я все ждал письма и присылки моей повести [1], но наконец решаюсь сказать тебе два слова. Приехал ли ты в Путней [2] и здоров ли ты и здоровы ли все вы? Я здесь живу в деревне и наслаждаюсь farniente * и

* Ничегонеделанием *(итал.)*.

охотой. Плохо только то, что охота, за скудостью дичи, — очень посредственна и погода прескверная. Кончил я твои мемуары во 2-й части «П〈олярной〉 з〈везды〉»[3]. Это прелесть, — и только остается сожалеть о неверностях в языке. Но ты непременно продолжай эти рассказы: в них есть какая-то мужественная и безыскусственная правда и сквозь печальные их звуки прорывается как бы нехотя веселость и свежесть. Мне все это чрезвычайно понравилось, — и я повторяю свою просьбу — непременно продолжать их, не стесняясь ничем. Странное дело! В России я уговаривал старика Аксакова продолжать свои мемуары[4] — а здесь — тебя. И это не так противуположно, как кажется с первого взгляда. И его и твои мемуары — правдивая картина русской жизни, только на двух ее концах и с двух различных точек зрения. Но земля наша не только велика и обильна, — она и широка — и обнимает многое, что кажется чуждым друг другу!

Фет приезжал сюда дня на два — я ему дал книжку его стихов и твой адрес — он перешлет ее тебе[5].

Отзовись, пожалуйста, — а я, приехавши в Париж, буду писать тебе часто и толково; а здесь лень на меня напала невообразимая, — вот мой адрес: au chateau de Courtavenel près de Rosay en Brie (Seine et Marne) *.

Обнимаю всех твоих и Огарева. Будь здоров.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] Речь идет о повести «Фауст», которую Тургенев оставил на просмотр Герцену и Огареву, когда был у них в Лондоне в начале сентября н. ст. 1856 года.

[2] *Путней* — пригород Лондона.

[3] Во второй книге «Полярной звезды» на 1856 год были напечатаны первые семь глав «Былого и дум» Герцена.

[4] «Семейная хроника и воспоминания» С. Т. Аксакова.

[5] А. А. Фет был в это время в Париже; издание своих «Стихотворений», редактировавшееся Тургеневым и вышедшее в свет весной 1856 года, он вскоре послал Герцену.

* В усадьбу Куртавнель, близ Розэ-в-Бри (департамент Сены-и-Марны) *(франц.)*.

89

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Куртавнель (возле Парижа)
25-го/13-го сентября 1856 г.

Ваше письмо довольно поздно дошло до меня, милый Лев Николаевич, — я ездил в Англию и нашел его здесь уже по возвращении[1]. Начну с того, что я весьма благодарен Вам за то, что Вы его написали, — а также и за то, что Вы отправили его ко мне; я никогда не перестану любить Вас и дорожить Вашей дружбой, хотя — вероятно, по моей вине — каждый из нас, в присутствии другого, будет еще долго чувствовать небольшую неловкость. Я убежден, что мы свидимся и будем видеться часто; уезжая, я сказал Вашей сестре, что не буду иметь времени посетить Вас в Ясной — а она иначе поняла мои слова. Отчего происходит эта неловкость, о которой я упомянул сейчас, — я думаю, Вы понимаете сами. Вы единственный человек, с которым у меня произошли недоразуменья; это случилось именно оттого, что я не хотел ограничиться с Вами одними простыми дружелюбными сношениями — я хотел пойти далее и глубже; но я сделал это неосторожно, зацепил, потревожил Вас — и, заметивши свою ошибку, отступил, может быть, слишком поспешно; вот отчего и образовался этот «овраг» между нами. Но эта неловкость — одно физическое впечатление — больше ничего; и если при встрече с Вами у меня опять будут мальчики бегать в глазах, то, право же, это произойдет не оттого, что я дурной человек. Уверяю Вас, что другого объяснения придумывать нечего. Разве прибавить к этому, что я гораздо старше Вас, шел другой дорогой... Кроме собственно так называемых литературных интересов — я в этом убедился — у нас мало точек соприкосновения; вся Ваша жизнь стремится в будущее — моя вся построена на прошедшем... Идти мне за Вами — невозможно; Вам за мною — также нельзя. Вы слишком от меня отдаленны — да и кроме того, Вы слишком сами крепки на своих ногах, чтобы

сделаться чьим-нибудь последователем. Я могу уверить Вас, что никогда не думал, что Вы злы, никогда не подозревал в Вас литературной зависти. Я в Вас (извините за выражение) предполагал много бестолкового, но никогда ничего дурного; а Вы сами слишком проницательны, чтобы не знать, что если кому-нибудь из нас двух приходится завидовать другому — то уже наверное не мне. Словом, друзьями в русском смысле[2] мы едва ли когда-нибудь будем; но каждый из нас будет любить другого, радоваться его успехам — и когда Вы угомонитесь, когда брожение в Вас утихнет, мы, я уверен, так же весело и свободно подадим друг другу руки, как в тот день, когда я в первый раз увидал Вас в Петербурге[3].

Но довольно об этом. Скажите мне лучше, что Вы делаете? Написали ли что-нибудь? Что «Юность»? Что «Кавказская повесть»?[4] А «Записки» Вашего брата[5] — отделали ли Вы их и отправили ли их в Петербург? И сам он, неужели намерен остаться на Кавказе? Если он вернется в Тульскую губернию, поклонитесь ему от меня. Где Вы намерены провести зиму? Все это меня очень интересует. Сам я раньше будущего июня месяца не попаду в Спасское. Здесь я пока ничего не делаю; но, переехавши в Париж (недели через три), примусь за работу. Мне здесь очень хорошо; я с людьми, которых люблю душевно — и которые меня любят. В октябрьской книжке «Совр⟨еменник⟩а» помещена будет моя повесть; скажите мне, понравится ли она Вам[6]. Мой адрес пока: Paris, poste restante*. В Париже Фет — он Вам кланяется — а из Берлина я получил письмо от Некрасова. Как-то «С⟨овременник⟩» пойдет без него.

Прощайте, будьте здоровы, жму Вам крепко руку.

Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Я пишу Вам в письме к Вашей сестре. Мой поклон Вашей тетушке. Кстати, уж если дело пошло на число 28 — я тоже родился 28-го числа[7].

---

* До востребования *(франц.)*.

[1] Это письмо Толстого неизвестно. В Лондоне Тургенев пробыл с 1-го по 8-е сентября н. ст. 1856 г.

[2] То есть такими нежными друзьями, о которых говорится у Руссо («Эмиль, или О воспитании», гл. IV).

[3] Первая встреча Тургенева с Толстым произошла в 1855 г. (см. прим. 1 к п. № 80).

[4] То есть «Казаки» (см. прим. 3 к п. № 91).

[5] Тургенев имеет в виду очерки Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе»; напечатаны в «Современнике», 1857, № 2.

[6] Речь идет о повести «Фауст»; в дневнике Толстого от 28 октября 1856 года записано: «Прочел ⟨...⟩ «Фауста» Тургенева. Прелестно» (Полн. собр. соч. т. 47, 1937, стр. 97).

[7] Толстой родился 28 августа (9 сентября) 1828 года, Тургенев — 28 октября (9 ноября) 1818 года.

90

И. И. ПАНАЕВУ

Куртавнель (возле Парижа)
3-го октября
21 сентября 1856 г.

Милый Панаев, я получил твое письмо, в котором ты извещаешь меня о прибытии «Фауста»[1]. Благодарю за все сообщенные известия: я здесь нахожусь в совершенном неведении всего, что происходит в литературном нашем мире, — и дорожу малейшей подробностью. Обещаю тебе, что употреблю все усилия, чтобы поддержать «Совр⟨еменни⟩к» — и собственными трудами и сообщением разных новостей, известий, названий книг для переводов и т. д. За все это я примусь, как только перееду в Париж, то есть через три недели, — а здесь мне и некогда, да и не то в голове. Я, однако, проездом в Париже познакомился с некоторыми литераторами — и в течение зимы я, вероятно, всех их увижу — так же как и издателей здешних Revues; * посмотрим, что можно будет сделать. Переехавши в Париж, я тебе тотчас доставлю свой адрес, а пока пиши: poste restante.

За «Нахлебника» — я примусь тотчас, как только

---

* Журналов *(франц.)*.

перееду в П⟨ариж⟩ — и вышлю его немедленно[2]. Я бы очень был тебе благодарен, если б ты мог выслать мне за «Фауста» — по 100 р. сер. за лист из сумм «С⟨овременник⟩а». Также прошу тебя выслать мне один экземпляр, сложив его в виде письма — это станет довольно дорого — но я с охотой заплачу его. Вексель на банкира пошли в другом письме.

Кланяйся Чернышевскому — я уверен, что вы вдвоем можете очень хорошо вести журнал[3]. Присылай мне по крайней мере перечень содержания каждого № «Совр⟨еменник⟩а». Я постараюсь выхлопотать, чтоб его мне присылали через здешний почтамт, — но не знаю, удастся ли. Хоть, признаюсь, очень странно, что нельзя получить здесь одну нашу Revue, тогда как все здешние Revues попадают к нам. Я уверен, что если б нумера отправлялись sous bande, они бы не могли дорого стоить. Попробуй, пожалуйста, с одним номером — может быть, удастся.

Кланяйся всем добрым приятелям — ты мне не писал, как встретили журналы объявление «Сов⟨ременник⟩а»?[4] Что Краевский и его «Ведомости»?[5] Что господа москвичи?[6] Напиши об этом слова два.

От Толстого я письмо получил и отвечал уже[7].

Будь здоров, дружески жму тебе руку и остаюсь

твой
Ив. Тургенев.

[1] 18(30) августа 1856 года Тургенев послал из Парижа Панаеву рассказ «Фауст», выправленный по замечаниям Боткина, Панаева и Некрасова, для напечатания в «Современнике» (был помещен в № 10).

[2] Запрещенную цензурой комедию «Нахлебник» Тургенев стал перерабатывать, надеясь на смягчение цензурных условий (см. прим. 2 к п. № 91).

[3] Во время отсутствия Некрасова, уехавшего за границу лечиться, «Современник» редактировали И. И. Панаев и Н. Г. Чернышевский.

[4] На обложке октябрьского номера «Современника» было помещено объявление о так называемом «обязательном соглашении», заключенном летом 1856 года, перед отъездом Тургенева за границу: «С 1857 года будут принимать в «Современнике» *исключительное* и постоянное участие: Д. В. Григорович, А. Н. Островский, граф Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев».

[5] А. А. Краевский редактировал газету «С.-Петербургские ведомости» (с 1852 по 1862 год).

[6] *Господа москвичи* — очевидно, новые московские журналы «Русский вестник» М. Н. Каткова и «Русская беседа».

[7] Письмо Л. Толстого к Тургеневу в печати неизвестно; ответ Тургенева см. выше, п. № 89.

91
И. И. ПАНАЕВУ

Куртавнель
3(15) октября 1856 г.

Милый Иван Иванович,

Я недавно тебе писал — но не хочу оставить твое последнее письмо без ответа. Я еще здесь, но через десять дней я уже поселюсь в Париже и примусь за работу очень серьезно. Моя новая большая повесть поспеет, если я буду жив и здоров, к новому году [1] — вы ее можете напечатать в февральской книжке; а в декабрьской «Нахлебника», которого ты получишь в измененном виде в половине ноября (если только цензура его пропустит) [2]. Остается тебе подшпоривать Толстого, чтобы он доставил «Юность» или кавказскую повесть к январской книжке [3]. Я ему писал в ответ на его письмо и также просил не лениться; напоминал ему также о «Записках» его брата о Кавказе, которые *прелестны* и должны появиться в «Современнике» [4]. Кроме того, у меня до нового года будет готова статья под заглавием: «Гамлет и Дон-Кихот»[5]. Если ты найдешь нужным, можешь поместить это в объявлении. Я очень рад, что «Фауст» в окончательном виде тебе понравился; дай бог, чтобы он понравился также публике. Вы хорошо делаете, что помещаете перевод Гетева «Фауста»; боюсь только, чтобы этот колосс, даже в (вероятно) недостаточном переводе Струговщикова — не раздавил бы моего червячка; [6] но это участь маленьких; и ей должно покориться. Благодарю тебя также за то, что ты позаботился насчет высылки «Современника»; ты будешь получать от меня аккуратный отчет моих впечатлений, мои заметки и т. д. Я, как

только попаду в Париж, познакомлюсь почти со всеми литераторами, — но что из этого выйдет — узнаешь после.

Когда будешь писать Островскому, поклонись ему от меня и скажи, что я душевно сожалею о постигшем его несчастии [7].

Напиши Григоровичу, что я ему кланяюсь и жму руку — и также прошу сделать что-нибудь к XI номеру. Дружинину скажи, чтоб он прислал мне свой адрес; я ему, по обещанию, отправлю из Парижа небольшую вещь [8]. Кланяюсь ему и всем петербургским друзьям, Языкову, Гончарову и т. д. и т. д.

Кстати, если «Король Лир» появится в декабрьской книжке [9], то, я думаю, не худо бы «Нахлебника» отложить до января.

Прощай, будь здоров. Из Парижа напишу тебе тотчас и адрес вышлю. Прошу тебя выслать за «Фауста» деньги poste restante.

Твой

Ив. Тургенев.

P. S. Жму руку Чернышевскому. Продолжаются его статьи о гоголевском периоде? [10]

[1] «Дворянское гнездо»; роман был начат осенью 1856 года, но закончен лишь осенью 1858 года.

[2] Комедия «Нахлебник» под названием «Чужой хлеб» была напечатана в «Современнике», 1857, № 3.

[3] *«Юность»* Л. Н. Толстого напечатана была в «Современнике», 1857, № 1, с подзаголовком «Первая половина». Под *кавказской повестью* Тургенев разумеет повесть «Казаки», задуманную Толстым еще в 1852 году, но законченную лишь к 1863.

[4] Н. Н. Толстого. См. прим. 5 к п. № 89.

[5] Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была окончена в конце 1859 года и напечатана в «Современнике», 1860, № 1.

[6] Рассказ Тургенева «Фауст» был напечатан вместе с переводом первой части «Фауста» Гете, сделанным А. Н. Струговщиковым в кн. 10 «Современника» за 1856 год.

[7] А. Н. Островский, совершая поездку по верховьям Волги, сломал себе ногу.

[8] Речь идет об очерке «Поездка в Полесье».

[9] Трагедия Шекспира «Король Лир» в переводе А. В. Дружинина была помещена в «Современнике», 1856, № 12.

[10] «Очерки гоголевского периода русской литературы» печатались в «Современнике», 1855, № 12, и 1856, № 1, 2, 4, 7, 9—12.

92

В. П. БОТКИНУ

Париж
6-го ноября нов. ст. 1856 г.
25-го октября ст. ст.

Милый Боткин,

Твое письмо меня душевно обрадовало — и я потому только не сейчас ответил тебе, что мне хотелось, переехавши в Париж, выслать тебе мой адрес. Но тут случились неприятности: первую квартеру, которую я нанял, я принужден был бросить, до того она оказалась холодна. Теперь я поселился rue de Rivoli *, № 206, — кажется, недурно. Кроме этой маленькой неприятности, со мной случилась другая, большая — вероятно для того, чтобы доказать мне на деле, что полного счастья быть не может: вообрази, старая моя болезнь, невралгия в пузыре, после 6-летнего молчания, вернулась на 4-й день моего переезда в Париж! Хотя она не очень сильна и хотя доктор уверяет меня, что это скоро пройдет, — что эти невралгии имеют привычку просыпаться, когда человек попадает в тот воздух, где он их схватил, — однако, признаюсь, это сильно меня сконфузило — воспоминания о том, как я мучился, мало представляют утешительного. Однако я все-таки останусь здесь — что бы ни случилось. Благодарю тебя за участие, которое ты принимаешь в моей жизни; действительно, я был очень счастлив все это время — может быть, потому, что «цветы последние милей роскошных первенцев полей» [1]. Теперь, если проклятая болезнь моя мне не помешает — я уже составил себе программу, как проводить время: утром работать (у меня уже совсем сложился в голове план романа, и я набросал первые сцены) [2] — а вечером быть у друзей, выходить и т. д. «Современник» я получаю через Брандуса; по моему настоянию, Галиньяни выпишет «С.-П-бургские ведомости» — друзья меня тоже не забудут — и я не буду отрезан от России. Спасибо тебе за все сообщен-

* Улица Риволи *(франц.)*.

ные известия; многое меня порадовало — и все приходящее из России мне дорого. Не знаю, потому ли, что я за границей, но мне очень понравились августовский и сентябрьский №-а «Современника». Чернышевского я бы, пожалуй, побранил за его нецеремонное обращение с живыми людьми, которых он, не спросясь, вытаскивает за ворот из их частной жизни au grand jour de la publicité *, как говорят французы; но дорогое имя Б⟨елинского⟩ меня подкупает — и я с сердечным умилением читал иные страницы [3]. Кто такое г-н Лайбов, автор статьи о «Собеседнике»? [4] Вообще многое меня в «Совр⟨еменник⟩е» порадовало — иное даже и не зависящее от редакции. Наблюдай за ним, пожалуйста, — Чернышевскому нужен ментор, а Панаеву (entre nous soit dit **) — нянька; я никого не вижу и не знаю, кто бы мог так отлично исполнить эту роль, как ты. Il faut que tu aies la haute main sur tout cela *** — я во Франции привыкаю говорить по-басурмански.

Я получил из России письма — мне говорят, что мой «Фауст» нравится [5] (они имели глупость напечатать его с переводом Гетева «Фауста»!!) — но я не буду покоен, пока я не узнаю твоего окончательного мнения. Ты заметишь, что я многое исправил по твоим советам. Впрочем, я это не говорю для captatio benevolentiae **** — я знаю, что ты во всяком случае скажешь правду. Алекс. Ивановичу [6] и Огареву «Ф⟨ауст⟩» не понравился. Я вижу здесь Делавò (который тебе кланяется), он затевает издать новый перевод моих «Записок». К удивлению моему, мое имя известно во Франции — и мне предлагают разные издания моих переводов и т. д. [7]. Я был у m-r de Mars, rédacteur en chef de la Revue des 2 Mondes ***** — и был очень лю-

---

* На яркий свет гласности *(франц.)*.

** Между нами будь сказано *(франц.)*.

*** Надо, чтобы ты взял все это под свою высокую руку *(франц.)*.

**** Вымогания благосклонности *(лат.)*.

***** Господина де Марса, главного редактора «Revue des deux Mondes».

безно принят. Вообще, я могу, если захочу, перезнакомиться здесь со всеми литераторами — и я намерен это сделать в течение зимы. Теперь я пока не установился.

Вчера я обедал у Мельгунова. Он живет здесь с своей quasi-женой, в очень милом антресоле, который он сам меблировал. Это — хотя скучный, но милейший и добрейший человек. Зачем он только так пространно говорит! Он (и Делавò) тебе кланяются. Делавò такой руссофил, что вообразить нельзя. Россия для него верх совершенства — я его не разочаровываю. Что ни говори — а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете, особенно за границей я это чувствую.

Получил я письмо от Некрасова из Рима. Он начинает поскучивать — и с нетерпеньем поджидает Фета, который поехал к нему и теперь уже давно должен быть там.

Как отлично мы проводили время в Куртавнеле! Каждый день казался подарком — какая-то естественная, вовсе не от нас зависевшая разнообразность проходила по жизни. Мы играли отрывки из комедий и трагедий (№. Моя дочка была очень мила в расиновской Ифигении [8]. Я плох во всех ролях до крайности, но это нисколько не вредило наслаждению) — переиграли все симфонии и сонаты Бетговена (всем сонатам даны были, сообща, имена) — потом вот еще что мы делали: я рисовал пять или шесть профилей, какие только мне приходили — не скажу в голову — в перо; и каждый писал под каждым профилем, что он о нем думал. Выходили вещи презабавные — и M-me Viardot, разумеется, была всегда умнее, тоньше и вернее всех. Я сохранил все эти очерки — и некоторыми из них (то есть некоторыми характеристиками) воспользуюсь для будущих повестей [9]. Словом, нам было хорошо — как форелям в светлом ручье, когда солнце ударяет по нем и проникает в волну. Видал ты их тогда? Им очень тогда хорошо бывает — я в этом уверен. Ах, если бы не вернулась моя проклятая невралгия!!!

Не забывай меня, пожалуйста, и пиши, как только вздумается. Мне всегда очень весело получить от тебя письмо. Рассказывай мне про литературу, про общественную — и про свою жизнь. Передай мой поклон

Островскому, Писемскому и Григорьеву. Меня самого очень интересует повесть Островского — а что его Минин?[10] Неужели Писемский так захандрил, что даже роман свой не кончил?[11] Григорьев не приютился ни в каком журнале?[12] Я давным-давно написал Толстому — и не получил от него ответа. Говорят, он был опасно болен.

Прощай, милый друг — будь здоров и пиши. Обнимаю тебя и остаюсь

твой
Ив. Тургенев.

[1] Цитата из стихотворения Пушкина 1825 года, посвященного П. А. Осиповой. Тургенев говорит о свидании с П. Виардо после нескольких лет разлуки.

[2] Речь идет о романе «Дворянское гнездо».

[3] Тургенев имеет в виду «Очерки гоголевского периода русской литературы»; в пятой статье «Очерков» («Современник», 1856, № 7) — впервые названо имя Белинского, до тех пор бывшее под цензурным запретом и обозначавшееся иносказательно.

[4] *Н. Лайбов* — псевдоним Н. А. Добролюбова, которым подписана первая его статья, помещенная в «Современнике» (1856, № 8 и 9), «Собеседник любителей российского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784».

[5] Отзывы друзей Тургенева о повести см. в прим. к т. 6 наст. изд.

[6] Герцен.

[7] И. Делаво, при близком и постоянном участии Тургенева, сделал новый (после неудачного перевода Э. Шарриера — см. прим. 5 к п. № 66) и очень точный перевод «Записок охотника» на французский язык (Париж, 1858). В то же время Кс. Мармье и Луи Виардо (также с помощью автора) подготовили перевод повестей, рассказов и комедий Тургенева под заглавием «Сцены русской жизни» в двух томах (Париж, 1858).

[8] Полина (Полинетта); в 1856 году ей было 14 лет. «Ифигения» — трагедия Ж. Расина на сюжет Эврипида и мифов троянского цикла.

[9] Портреты, о которых пишет Тургенев, с характеристиками-разгадками сохранились в Парижском архиве Тургенева и Виардо. Некоторые из них воспроизведены в книге: A. Mazon, Manuscrits Parisiens d'Ivan Tourguenev, Paris, 1930, стр. 164—174, и в русском переводе ее — «Academia», М. — Л. 1931, а также в издании «Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу», М. 1925; последние в большинстве случаев принадлежат к позднейшему времени — к баденскому периоду жизни Тургенева (60-е годы).

[10] *Повесть А. Н. Островского* — «Не сошлись характерами»; переделана позже в комедию («Современник», 1858, № 1). Драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», задуманная осенью 1856 года, была закончена лишь в 1861 году («Современник», 1862, № 1).

[11] «Тысяча душ».

[12] Ап. А. Григорьев печатался в это время в «Русской беседе», но не был связан постоянно ни с каким журналом.

93

И. И. ПАНАЕВУ

Париж
10-го ноября н. ст. 1856 г.

Милый Панаев,

Я получил высланные тобою 800 фр. и благодарю. Также получил я через Брандуса авгу⟨стовский⟩ и сент⟨ябрьский⟩ № «Современника» — и хотя не все успел прочесть (у меня их приятели утащили — я на днях получу их обратно) — однако самое любопытное просмотрел и скажу, что я обоими №-ами доволен. Статья Чернышевского меня искренно порадовала; только я нахожу, что он несколько нецеремонно обходится с живыми людьми, рассматривая их частную жизнь с исторической точки зрения, — иные, пожалуй, рассердятся, а иные струсят и закричат. Сознаюсь, что при выбранном им предмете трудно было совершенно избегнуть это неудобство, но все-таки считаю своею обязанностью это заметить. А статья прекрасна, и иные страницы меня истинно тронули [1]. Очерки Берга очень милы [2] — статья Лайбова весьма дельна (кто этот Лайбов?) [3]. Благодарю тебя за твое хорошее мнение о моей деятельности и любви к «Совр⟨еменник⟩у»; могу тебя уверить, что я — как говорится про добрых пристяжных — постромки не отпущу ни на минуту, только вы с своей стороны тяните дружно. Я теперь окончательно поселился rue de Rivoli, № 206, — ты мне вперед poste restante уже не пиши. Я уже принялся за работу; одно меня несколько огорчает: проклятый мой пузырь, который 7 лет молчал, опять разболелся, должно быть, под

влиянием здешнего климата (я эту невралгию здесь схватил) — боюсь я, как бы он не помешал мне работать. Но авось, бог милостив, это угомонится! Очень радуюсь я успеху моего «Фауста», радуюсь за себя и за «С〈овременник〉». Надо надеяться, что подписка на будущий год будет удовлетворительна.

Ну прощай пока, будь здоров. Я принялся за «Нахлебника» и постараюсь в самом скором времени его выслать, а там статью о Гамлете — там повесть[4] — лишь бы здоровье не изменило!

Поклонись от меня всем добрым приятелям: Языкову и др. Жму тебе руку и остаюсь

душевно тебе преданный

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о шестой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» («Современник», 1856, № 8).

[2] Очерки Н. В. Берга о Севастопольской обороне — «Из крымских заметок» помещены в «Современнике», 1856, № 8.

[3] См. прим. 4 к п. № 92.

[4] См. пп. № 91, 92 и прим. к ним.

94

А. В. ДРУЖИНИНУ

Париж
11 ноября 〈н. ст.〉 1856 г.

Вчера получил я Ваше письмо, милейший Александр Васильевич[1], — а сегодня отвечаю. Прежде всего спасибо за память; все русское мне теперь вдвойне дорого — а привет от добрых друзей, подобных Вам — настоящий подарок. Я имел известие об Вас от Колбасина, которому поручил передать Вам мой поклон; теперь же очень рад узнать от Вас самих, что Вы здоровы и поселились в Петербурге. Что касается до меня — то я не более десяти дней как переехал в Париж — долго не мог найти порядочной квартиры — и был, как говорится, en l'air; * теперь наконец нанял

* В воздухе *(франц.)*.

себе комнатку в rue de Rivoli, № 206 — и собираюсь приняться за работу довольно серьезно — потому что в деревне я вел жизнь самую праздную. К великому горю моему, одно меня сокрушает: глупый мой пузырь, после шестилетнего молчания, вдруг опять разболелся; говорят, невралгии имеют свойство просыпаться в том воздухе, где они привились человеку; и хотя доктор обнадеживает меня, говоря, что это долго продолжаться не может — однако я смущен. Впрочем, что будет, то будет!

Радуюсь охоте, с которой Вы принимаетесь за «Б⟨иблиотеку⟩ для чт⟨ения⟩», и уверен, что под Вашей редакцией журнал пойдет славно. Предвижу также, что не во всем буду соглашаться с Вами; но что за беда! У истины, слава богу, не одна сторона; она тоже не клином сошлась. Зато знаю, что многое самое задушевное и дорогое для меня Вы выскажете так, что мне останется только кланяться и благодарить, подобно тому, как я Вам кланялся за статью о Пушкине [2]. Это очень хорошо, что материалов у Вас много; непременно хочу, чтобы и моя лепта к Вам попала. Мою статью Вы получите еще в нынешнем году — даю Вам честное слово — если только буду жив; напечатать ее Вы можете когда угодно, поговорив с «Современником» [3]. Я очень рад, что мой рассказ «Фауст» Вам понравился, — это для меня ручательство; я верю в Ваш вкус. Вы говорите, что я не мог остановиться на Ж. Санд; разумеется, я не мог остановиться на ней — так же, как напр., на Шиллере; но вот какая разница между нами: для Вас все это направление — заблуждение, которое следует искоренить; для меня оно — неполная истина, которая всегда найдет (и должна найти) последователей в том возрасте человеческой жизни, когда полная истина еще недоступна. Вы думаете, что пора уже возводить стены здания; я полагаю, что еще предстоит рыть фундамент. То же самое могу я сказать о статьях Чернышевского. Я досадую на него за его сухость и черствый вкус — а также и за его нецеремонное обращение с живыми людьми (как, напр., в сентябрьской книжке «С⟨овременник⟩а»); [4] но «мертвечины» я в нем

не нахожу — напротив: я чувствую в нем струю живую, хотя и не ту, которую Вы желали бы встретить в критике. Он плохо понимает поэзию; знаете ли, это еще не великая беда; критик не делает поэтов и не убивает их; но он понимает — как бы это выразить? — потребности действительной, современной жизни — и в нем это не есть проявление расстройства печени, как говорил некогда милейший Григорович, — а самый корень всего его существования. Впрочем, довольно об этом; я почитаю Ч⟨ернышевско⟩го полезным; время покажет, был ли я прав. Притом — в «противовесие» ему — будете Вы и Ваш журнал; оттого-то я ему заранее радуюсь; Вы помните, что я, поклонник и малейший последователь Гоголя, толковал Вам когда-то о необходимости возвращения пушкинского элемента, в противовесие гоголевскому. Стремление к беспристрастию и к истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их.

Спасибо за подробности, сообщенные о литераторах — между прочим о Григоровиче. Неужели он зиму опять проведет в деревне? Когда будете писать ему, поклонитесь ему от меня дружески.

Я получаю здесь «Современник» из музыкальной конторы Брандуса; с нетерпеньем ожидаю «Лира». Чудесная Ваша мысль — переводить «Кориолана» [5]. То-то придется он Вам по вкусу — о Вы, милейший из консерваторов! Нельзя ли Вам распорядиться, чтобы я с октябрьской (или даже с сентябрьской) книжки получал здесь «Б⟨иблиотеку⟩ для ч⟨тения⟩» тем же путем, каким я получаю «С⟨овременник⟩»! — Я бы охотно платил издержки пересылки и очень был бы Вам благодарен. Пожалуйста, если можно, сделайте это.

Однако пора кончить. Будьте здоровы — жму Вам руку крепко. Передайте мое искреннее почтение Вашей матушке, поклонитесь Майковым и прочим приятелям. До следующего письма.

Ваш
Ив. Тургенев.

Пишите мне теперь: rue de Rivoli, № 206.

[1] От 13 (25) октября 1856 года («Тургенев и круг «Современника», М. 1930, стр. 189—194).

[2] А. В. Дружинин сотрудничал до конца 1856 года одновременно в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения»; однако с редакцией «Современника», вследствие разности в направлениях и возраставшего влияния в журнале Чернышевского, он все более расходился во взглядах и с осени 1856 года стал редактором «Библиотеки для чтения». О статье Дружинина по поводу анненковского издания «Сочинений» Пушкина см. выше, прим. 3 к п. № 72.

[3] Статья, обещанная Тургеневым в «Библиотеку для чтения», — «Поездка в Полесье». Для напечатания ее требовалось согласие редакции «Современника», с которым Тургенев заключил на 1857 год «обязательное соглашение» (см. выше, прим. 4 к п. № 90).

[4] Тургенев имеет в виду статью Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (см. п. № 92, 93).

[5] Трагедия Шекспира «Король Лир», в переводе и с предисловием А. В. Дружинина, была напечатана в «Современнике», 1856, № 12, его же перевод трагедии «Кориолан» — в «Библиотеке для чтения», 1858, № 11.

95

С. Т. АКСАКОВУ

Париж
1/13-го ноября 1856 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, до сих пор я все странствовал или, говоря точнее, до сих пор я не свил себе хотя временного гнезда — но теперь я поселился на квартере, rue de Rivoli, № 206, и взялся за перо, от которого рука отвыкла было. Я часто думал об Вас и о Ваших — а теперь одно из первых моих желаний — дать Вам о себе весть и услыхать от Вас, как Вы можете и что делаете хорошего. Я даже не знаю наверное, где Вы — в Абрамцеве или в Москве — и пишу — наудачу — в редакцию «Русской беседы». Здесь я — пока — отрезан от живого сообщения с Россией; письма-то я получаю, хотя немного — но журналов (кроме 2 нумеров «Современника») — не вижу; впрочем, я надеюсь помаленьку все это достать; здесь есть один князь Трубецкой, который все получает и с которым я надеюсь познакомиться; сверх того, здешний

священник получает «Русскую беседу». Хочется мне очень прочесть во 2-м № «Р⟨усской⟩ б⟨еседы⟩» те главы из Ваших воспоминаний, которые я слышал в нынешнем году, весной, в Москве[1]. Книга Ваша произвела впечатление даже за границей; скоро появится подробный отчет о ней в Revue des 2 Mondes[2]. Что касается до меня, то пребывание во Франции произвело на меня обычное свое действие: все, что я вижу и слышу, как-то теснее и ближе прижимает меня к России, все родное становится мне вдвойне дорого — и если б не особенные, от меня уж точно не зависящие обстоятельства[3] — я бы теперь же вернулся домой. Во всяком случае, если я буду жив и здоров — я в мае месяце у себя в деревне. Я охотился здесь осенью; но дичи было весьма мало (кроме зайцев); куропатки переводятся — и скоро даже эта последняя однообразная французская охота прекратится. Впрочем, я убил одного фазана. Я заказал себе великолепнейшее ружье у первого мастера в Лондоне, Ленга, и весной вывезу оттуда двух отличных собак. Кролика я никак не мог убить ни одного; ужасно трудно стрелять их на перемычках; как мыши шмыгают они через узкие дорожки, оставляемые во Франции в лесах, — и выстрел всегда приходится позади.

Я написал в Петербург, чтобы доставили Вам один экземпляр моих собранных «Повестей и рассказов» анненковского издания[4]. В них, я это знаю, слишком много слабого, недоделанного — недоделанного отчасти от лени, а отчасти — что греха таить! — от бессилия; но Вы пропускайте или дополняйте мысленно — плохое — и взгляните снисходительно на остальное. Я один из писателей междуцарствия — эпохи между Гоголем и будущим главою; мы разработывали в ширину и в разбивку то, что великий талант сжал бы в одно крепкое целое, добытое им из глубины; что же делать! Так нас и судите.

Напишите мне, пожалуйста, хотя два слова о себе и о всех Ваших. Что И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, вернулся из Крыма — и как его здоровье?[5] Что делает К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩? Как идет «Беседа» в отношении финансовом — то есть много ли у ней подписчиков? Что

делается в Москве? Мы здесь чуяли веяние новой жизни, начавшейся на родине, — и радовались душевно; скажите слово и о ней [6]. Передайте мой поклон Самарину и Хомякову.

Хочу я познакомиться с здешними литераторами, хотя ни к одному не чувствую симпатии и ничего не ожидаю для себя от этого знакомства; но оно любопытно — и, может быть, поучительно. Состояние умов во Франции, сколько я могу судить, довольно странное и совсем не такое, каким его почитают у нас [7]. Этого в письме — и особенно в немногих словах — не передашь. Постараюсь глядеть на все без предубежденья и пристрастья — и буду также стараться много видеть.

Прощайте, любезнейший Сергей Тимофеич, желаю Вам от души всего хорошего на свете. Кланяюсь Вашей супруге и всем Вашим, крепко жму Вашу руку и остаюсь навсегда

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о четвертом отрывке из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова — «Молодые в Багрове», напечатанном во втором томе «Русской беседы» 1856 года.

[2] Статья Ип. Делаво о «Семейной хронике и воспоминаниях» появилась в парижском журнале «Revue des deux Mondes» от 15 июня 1857 года; перевод отрывка статьи был напечатан в «Современнике», 1857, № 9, с сочувственным примечанием редакции. В написании этой статьи Делаво помогал И. С. Тургенев; См. об этом в п. № 108.

[3] В письме к Л. Толстому от 28/16 ноября 1856 года Тургенев писал: «Меня удерживает здесь старинная, неразрывная связь с одним семейством — и моя дочка, которая мне очень нравится... Если б не это, я бы давно уехал...» (см. п. № 98).

[4] «Повести и рассказы» Тургенева (включая «Рудина» и «Фауста»), изданные в трех частях П. В. Анненковым (СПб. 1856), вышли в свет в ноябре 1856 года.

[5] И. С. Аксаков имел служебное поручение по ревизии снабжения крымской армии после войны.

[6] Тургенев разумеет объявленную манифестом 26 августа 1856 года амнистию декабристам, ослабление цензуры и некоторые другие факты, свидетельствующие о подъеме общественной жизни в России предреформенной поры.

[7] Тургенев намекает на оппозиционные настроения во Франции, направленные против Второй империи и вызванные тяжестью недавно законченной войны.

96
М. Н. ЛОНГИНОВУ

Париж
19/7 ноября 1856 г.

Ну, душа моя, Михаил Николаевич, порадовал ты меня своим письмом! Я как нарочно все это время ни от кого строки не получал — и вдруг твой четкий, круглый, восхитительный почерк! Спасибо тебе, что не забыл своего обещанья — и в доказательство моей благодарности отвечаю тебе тотчас.

Скажу тебе о себе, что я поселился на постоянную квартиру — rue de Rivoli, № 206 — и всем был бы доволен, если б не проклятый мой пузырь, которого черт дернул опять разболеться! Это сильно меня огорчает и, вероятно, несколько охладит мое рвение к работе. Однако постараюсь не поддаться.

Хотя большинство моих приятелей хвалит мою последнюю повесть [1] — однако ты не один ее порицаешь (Александр Иванович [2] и Огарев разделяют твое мнение). Поразмыслив хорошенько дело, я согласен с тобою — не потому, что я всегда охотнее соглашаюсь с теми, кто меня порицает, — а потому, что я чувствую справедливость слов твоих. И «Фауст» неудачно выбран — и напрасно хватил я фантастического элемента. Видно, мне было написано на роду заплатить ему дань. Теперь мы с ним квиты. Я задумал теперь очень большую повесть — надеюсь, что она выйдет порядочною [3]. Сперва напишу маленький рассказ для Дружинина [4]. Кстати, я прочел его программу. Мне она понравилась — и я думаю, что журнал его пойдет хорошо — хотя и не заменит «Современника» в глазах молодого поколенья [5]. «Б⟨иблиотека⟩ для ч⟨тения⟩» будет слишком холодна, бесстрастна и русского в ней будет мало. Но журнал выйдет дельный, почтенный и полезный — и надо постараться дать ему ход.

Я никогда не сомневался в огромном успехе стихотворений Некрасова [6]. Радуюсь, что мои предсказа-

ния сбылись; радуюсь также тому, что эта книга прошла без больших повреждений. Что ни толкуй его противники — а популярнее его нет теперь у нас писателей — и поделом. Он теперь в Риме с А〈вдотьей〉 Я〈ковлевной〉[7] и с Фетом; я от него получил несколько писем. Скучает немного — но в здоровье очень поправился. Это главное.

Тебе, вероятно, известно, что мои «Повести и рассказы», изданные Анненковым (за исключением «Записок охотника»), должны выйти на днях — или даже, вероятно, уже теперь вышли[8]. Пожалуйста, перечти их — и сообщи мне с полнейшей откровенностью и собственное твое мнение и мнение публики на их счет. Ты меня этим крайне обяжешь. Голос критики нигде так не благотворен, как если сам находишься в отдалении от родины.

Также прошу тебя сообщить мне: какое место в глазах публики занимает «Русская беседа» — сравнительно с «Русским вестником» — и что поделывает русское воззрение?[9] Тебе не нужно будет пускаться в подробности: два слова, метко сказанных (ты на это мастер) — достаточны.

Сердечно сочувствую твоему счастью и радуюсь ему. Как мне ни хорошо душевно, признаюсь, вне родного круга, вне постоянных, правильных отношений нет прочного счастья. А тут еще болезнь примешалась, которая, по словам докторов, тоже происходит от влияния парижского климата. Я, может быть, вернусь в Россию скорее, чем предполагал.

Я еще не осмотрелся здесь как следует, — и пока не делаю новых знакомств. Но я намерен сойтись с здешними литераторами. Русских здесь, кажется, очень много — но интересных мало между ними; я видаю здесь одну твою приятельницу, княгиню Вяземскую (урожденную Новосильцеву), которая велит тебе кланяться.

Ну прощай, милый толстяк; пиши мне rue de Rivoli, № 206. Я ни одного твоего письма не оставлю без ответа. Я дней десять тому назад писал Боткину — получил ли он мое письмо? Да, кстати, вот тебе еще одно поручение. Узнай (ты ведь всех знаешь), где на-

ходится графиня Ламберт (урожденная Канкрина), и напиши мне: в Петербурге ли она, или где? Не забудь этого.

Еще раз тебя обнимаю, кланяюсь твоей жене и остаюсь навсегда

душевно тебя любящий

Ив. Тургенев.

P. S. Не франкируй своих писем; они так вернее доходят; я свое тоже не франкирую.

[1] «Фауст». Лонгинов сообщил Тургеневу свое отрицательное мнение о «Фаусте» в письме от 23 октября (4 ноября) 1856 года («Сборник Пушкинского дома на 1923 год», Пг. 1922, стр. 142—143).

[2] Герцен.

[3] «Дворянское гнездо».

[4] «Поездка в Полесье».

[5] А. В. Дружинин, приступив к редактированию «Библиотеки для чтения», поместил в приложении к № 11 объявление об издании журнала в 1857 году, где излагалась «программа», то есть общее направление журнала, и перечислялись произведения, имевшиеся в портфеле редакции. Программа отражала взгляды Дружинина на литературу, его требования «чистого искусства», «объективности», умеренности, отсутствия общественных тенденций — в противоположность «Современнику».

[6] М. Н. Лонгинов в письме от 23 октября (4 ноября) 1856 года, на которое отвечает Тургенев, сообщал о сильном впечатлении, произведенном в широких читательских кругах «Стихотворениями» Некрасова, вышедшими в свет 19 октября (см. п. № 86).

[7] Панаевой.

[8] См. п. № 84 и прим. к нему.

[9] Под «русским воззрением» Тургенев понимает систему взглядов славянофилов; свои взгляды они получили возможность проповедовать в новом московском журнале «Русская беседа», начавшем выходить с осени 1856 года. До этого Аксаковы (И. С. и К. С.), и другие славянофилы печатались в «Русском вестнике» Каткова. В ответном письме (от 22 ноября ст. ст.) Лонгинов сообщал Тургеневу: «Что же касается до «Беседы», то и она и ее направления убиты наповал в общем мнении... несостоятельность славянофильства и его соподвижников совершенно обнаружилась, когда им сделалось вольготно писать и они сами не сумели высказать... что такое русское воззрение? то есть то, о чем хлопотали» («Сборник Пушкинского дома на 1923 год», Пг. 1922, стр. 158).

97

А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Париж
7/19 ноября 1856 г.

Любезнейший Александр Николаевич, много думал я о Вас все это время и не однажды пересылал Вам поклоны через общих наших знакомых. Искренно огорчило меня несчастное происшествие, случившееся с Вами;[1] я сам в молодости ломал свои члены — и знаю, как это гадко. Надеюсь, что Вы теперь уже окончательно выздоровели и ходите. Боткин писал мне, что видел Вас; также сообщил мне, что Вы пишете повесть; с нетерпением ожидаю ее появления в «Совр⟨еменник⟩е» (я получаю его здесь); а что Ваш «Минин»? Эту вещь Вы непременно должны сделать — кроме Вас, ее сделать некому — и надо, чтобы она у Вас вышла капитальною вещью[2]. Здесь, на чужой земле, мне все русское еще более близко стало и дорого; а ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас. Подарите нас всех и меня в особенности «Мининым»; а мы Вам поклонимся все в пояс.

Что мне сказать Вам о себе? Я не более двух недель как поселился в Париже; всю осень я прожил в деревне, в 60 верстах отсюда, охотился, бездействовал и очень приятно проводил время. Теперь я намерен приняться за работу; также хочется мне посмотреть поближе на здешнюю жизнь и на здешнюю литературу. Оно, пожалуй, и не весело, да поучительно. Все здесь измельчало и изломалось. Простоты и ясности и не ищи; все здесь хитро и столь же бедно, нищенски бедно, сколь хитро. Я непременно в мае месяце вернусь в Россию; не приедете ли Вы, хотя в будущем году, погостить ко мне в деревню?

Слышу я, что Писемский в Москве хандрит. Отчего он хандрит? Вы, кажется, имеете на него влияние — встряхните его. Что его роман?[3] Поклонитесь ему от меня — и попросите его от моего имени написать мне письмо; мы как-то с ним переписывались. Я ему отвечу

тотчас; вообще я исправный корреспондент. Поклонитесь от меня также Григорьеву. Так вышло — к крайней моей досаде, что не удалось мне увидать его в нынешнем году в Москве. Я знаю, мы бы спорили с ним до упаду, но я чувствую, что мы бы очень тесно сошлись. Меня влечет к нему; он напоминает мне покойного Белинского. Это сравнение, может быть, ему не понравится; но оно так, — и для меня все, что напоминает Белинского, мило. Что прикажете делать! Я остаюсь верен своим привязанностям [4].

Описали ли Вы (и Писемский тоже) свою поездку — и где явится это описание? Вероятно, в «Морском сборнике» [5]. Мне его перешлют.

Если вздумается Вам написать мне (за что я Вам буду очень благодарен), — скажите слова два о литературных движениях в Москве. «Русскую беседу» мне здесь обещают; «Русский вестник», говорят, тоже у кого-то есть. Но все это пока одни буки — а Вы мне скажите Ваше слово. Сообщите мне, где Потехин и что он делает? Адрес мой: rue de Rivoli, № 206. — Paris.

Что делает Садовский? Передайте ему мой поклон.

Был я здесь в театрах. В течение последних 6 лет не появилось ни одного нового замечательного таланта — а старье все поизносилось и поизбилось. Два-три новых молодых играют просто; и только; похвала, как видите, не слишком большая. Бурдин был здесь и приставал ко мне; хорош был гусь прежде — воображаю, что он будет из себя выламывать, вернувшись. Фет был в Париже и уехал к Некрасову в Рим; это человек-душа — милейший поэт, врет иногда так мило, что расцеловать его хочется. Скучал здесь ужасно и вздыхал беспрестанно. Авось в Италии ему легче будет.

Прощайте, любезный А. Н. Будьте здоровы, не ломайте себе вперед ни ног, ни рук — и пишите. Пишите комедии, драмы, повести — и хоть одно письмо ко мне. Жму Вам дружески руку и остаюсь

душевно Вас любящий

Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите мне свой адрес.

[1] См. прим. 7 к п. № 91.

[2] О повести «Не сошлись характерами» и драматической хронике «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» см. п. № 92 и прим. 10 к нему.

[3] Роман Писемского «Тысяча душ», напечатанный позднее в «Отечественных записках» (1858, № 1—6).

[4] Тургенев находил сходство между А. А. Григорьевым и Белинским, очевидно, не в воззрениях, но в критическом темпераменте, в полемичности их выступлений.

[5] А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, А. А. Потехин и другие литераторы по приглашению морского ведомства предприняли поездки по России для описания водных бассейнов. Островский, посетив верхнюю Волгу, написал «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего-Новгорода» («Морской сборник», 1859, т. XXXIX, кн. 2). Ряд очерков о своих поездках напечатал и Писемский в «Морском сборнике» и в «Библиотеке для чтения».

93

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Париж
28/16 ноября 1856 г.

Любезнейший Толстой, письмо Ваше от 15-го октября ползло ко мне целый месяц — я его получил только вчера [1]. Я подумал хорошенько о том, что Вы мне пишете, — и мне кажется, что Вы не неправы. Я точно не могу быть совершенно истинен с Вами, потому что не могу быть совершенно откровенен; мне кажется — мы познакомились неловко и в неладную минуту — и когда мы увидимся опять, дело пойдет гораздо глаже и легче. Я чувствую, что люблю Вас как человека (об авторе и говорить нечего); но многое меня в Вас коробит; и я нашел под конец удобнее держаться от Вас подальше. При свидании попытаемся опять пойти руку об руку — авось удастся лучше; а в отдалении (хотя это звучит довольно странно) сердце мое к Вам лежит как к брату — и я даже чувствую нежность к Вам. Одним словом — я Вас люблю — это несомненно; авось из этого со временем выйдет все хорошее.

Я слышал о Вашей болезни — и огорчался; а теперь прошу Вас выкинуть воспоминание о ней из головы.

Ведь Вы тоже мнительны — и, пожалуй, думаете о чахотке; но, ей-богу, у Вас ее нет. Очень мне жаль Вашей сестры; кому бы быть здоровой, как не ей — то есть я хочу сказать — если кто заслуживает быть здоровой, так это она; а вместо того — она все мучится. Хорошо бы, если ⟨б⟩ московское лечение помогло ей. Что Вы не выпишете Вашего брата? Что ему за охота сидеть на Кавказе? Или он хочет сделаться великим воином? [2] Меня дядя мой известил, что вы все уже выехали в Москву; и потому я это письмо адресую в Москву, на имя Боткина.

Французская фраза мне так же противна, как Вам — и никогда Париж не казался мне столь прозаически плоским. Довольство не идет ему; я видел его в другие мгновенья — и он мне тогда больше нравился [3]. Меня удерживает здесь старинная, неразрывная связь с одним семейством — и моя дочка, которая мне очень нравится: милая и умная девушка [4]. Если б не это, я бы давно уехал в Рим, к Некрасову. Я от него получил два письма из Рима — он скучает слегка — да оно и понятно: все, что в Риме есть великого, только окружает его; он не живет с ним; а редкими мгновеньями невольного сочувствия и удивления долго пробавляться нельзя. Впрочем, ему все-таки легче, чем в Петербурге — и здоровье его поправляется. Фет теперь в Риме с ним. Да, батюшка, был он в Париже, но более несчастного, потерянного существа Вы вообразить не можете. Он скучал так, что хоть кричать, никого не видал, кроме своего слуги француза. Приехал было ко мне (то есть к m-r Виардо) в деревню — и оставил (это между нами) впечатление неприятное. Офицер, endimanché *, с кольцами на пальцах и анненской лентой в петлице, рассказывает ломаным французским языком тупейшие анекдоты — юмор исчез совершенно, глаза круглые, рот круглый; бессмысленное изумление на лице — хоть брось! В моей комнате я с ним спорил до того, что стон стоял во всем доме от диких звуков славянской речи; словом — нехорошо было. Впрочем, он написал несколько грациозных стихотворений и

* Вырядившийся *(франц.)*.

подробные путевые записки [5], где много детского — но также много умных и дельных слов — и какая-то трогательно-простодушная искренность впечатлений. Он — точно — душка, как Вы его называете.

Теперь о статьях Чернышевского. Мне в них не нравится их бесцеремонный и сухой тон, выражение черствой души; но я радуюсь возможности их появления, радуюсь воспоминаниям о Б⟨елинском⟩ — выпискам из его статей — радуюсь тому, что, наконец, произносится с уважением это имя. Впрочем, Вы этой моей радости сочувствовать не можете. Анненков пишет мне, что на меня это потому действует, что я за границей — а что у них это, мол, теперь дело отсталое; им уже теперь не того нужно. Может быть; ему на месте виднее; а мне все-таки приятно.

Вы окончили 1-ю часть «Юности» — это славно. Как мне обидно, что я не могу услыхать ее! Если Вы не свихнетесь с дороги (и кажется, нет причин предполагать это) — Вы очень далеко уйдете. Желаю Вам здоровья, деятельности — и свободы, свободы духовной.

Что касается до моего «Фауста» — не думаю, чтобы он Вам очень понравился. Мои вещи могли Вам нравиться — и, может быть, имели некоторое влияние на Вас — только до тех пор, пока Вы сами сделались самостоятельны. Теперь Вам меня изучать нечего, Вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; Вам остается изучать человека, свое сердце — и действительно великих писателей. А я писатель переходного времени — и гожусь только для людей, находящихся в переходном состоянии.

Ну, прощайте и будьте здоровы. Напишите мне — мой адрес теперь rue de Rivoli, № 206. Благодарю Вашу сестру за два приписанных слова, кланяюсь ей и ее мужу. Спасибо Вареньке [6], что она меня не забывает. Я было хотел поговорить с Вами о здешних литераторах — но до другого разу. Крепко жму Вам руку.

Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Я не франкирую письма; и Вы так же поступайте.

[1] Это письмо Толстого неизвестно.
[2] Николай Николаевич Толстой служил в кавказской армии.
[3] Тургенев намекает на свои впечатления от Парижа во время революции 1848 года (см. в т. 10 — «Человек в серых очках» и «Наши послали!»).
[4] Семья Виардо. *Моя дочка* — Полина, в замужестве — Брюэр.
[5] Письмо Фета «Из-за границы» напечатано в «Современнике», 1856, № 11.
[6] Дочь М. Н. Толстой — Варвара Валерьяновна (впоследствии Нагорнова).

99

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
6-го декабря ⟨н. ст.⟩ 1856 г.

Вчера я послал тебе через Ротшильда 500 франков, милый Герцен, — и прошу, чтоб ты подождал уплату остальных до нового года. Ты обратись к Ротш⟨ильду⟩ с запросом о 500 фр., высланных тебе из Парижа Тургеневым, — и сейчас их получишь.

Я получил «Амнистию» и другие брошюры [1]. Письменно говорить об этом затруднительно — откладываю все это до зимнего свидания, которое становится все более вероятным. Ограничиваюсь теперь изъявлением моего сочувствия. Н⟨иколай⟩ А⟨лександрович⟩ М⟨ельгунов⟩, которого я вижу часто, не дает мне покоя насчет двух букв, долженствующих стать в главе твоего письма; он уверяет, что это опасно, я убежден, что это пустяки, и только желал бы, чтоб в самом письме не было упомянуто о подробностях и случайностях нашего свидания [2].

Я давным-давно отправил к Колбасину твое разрешение вместе с «оным», но до сих пор еще ответа от него не получил. Во всяком случае, повторяю тебе его и мое спасибо; я думаю, что это славная была бы штука, если б позволили хотя один твой роман [3].

Из России я имею известие о громадном и неслыханном успехе «Стихотворений» Некрасова. 1400 экземпляров разлетелись в 2 недели; этого не бывало со времен Пушкина [4]. От него я давно не имею писем; кажется, он хандрит и скучает в Риме. Он и в России

скучал, но не так едко; плохо умному человеку, уже несколько отжившему, но нисколько не образованному, хотя и развитому, плохо ему в чужой земле, среди незнакомых и неизвестных явлений! Он чует смутно их значение, и тем больше разбирает его досада и горечь не бессилия, а невозвратно потерянного времени!

Мне здесь хорошо — и было бы еще лучше, если б не подлый мой пузырь! Очень он мне мешает жить — особенно работать почти невозможно. Зато я читаю пропасть. Проглотил Суетония, Саллюстия (который мне крайне не понравился), Тацита и частью Тита Ливия. Ты спросишь — что за латиномания на меня напала? Не знаю; может быть, она навеяна современностью.

Но вот что прочти непременно: The Confessions of an Opium-eater * [5]. Прочти и скажи мне — такое же ли впечатление произведет эта книжка на тебя, как на меня. Я ее прочел два разу сряду — à la lettre **.

Прощай; целую тебя в лоб, а Огарева в бороду, жену его в руку [6] — а детей твоих в ясные очи. Будьте все здоровы и веселы и не забывайте

любящего вас

Ив. Тургенева.

[1] *«Амнистия»* — «Разбор манифеста 26 августа 1856 года», написанный Н. П. Огаревым; был напечатан в «Полярной звезде» на 1857 год, кн. III. О каких других брошюрах — очевидно, политического содержания, полученных из Лондона от Герцена — пишет Тургенев, неизвестно.

[2] Речь идет о статье Герцена в форме письма к И. С. Тургеневу под заглавием «Еще вариация на старую тему. (Письмо к И. С.)». При напечатании статьи в кн. III «Полярной звезды» на 1857 год Герцен опустил подробности своего свидания с писателем, а также инициалы Тургенева в подзаголовке.

[3] Д. Я. Колбасин намеревался, пользуясь ослаблением цензуры, издать в России сочинения Герцена, на что спрашивал разрешения у автора через Тургенева. Русская цензура, однако, запретила издание сочинений политического эмигранта, и даже его роман «Кто виноват?» не мог быть напечатан.

[4] См. письма к Тургеневу М. Н. Лонгинова от 23 октября ст. ст. 1856 года («Сборник Пушкинского дома на 1923 год», Пг.

---

* Исповедь опиумоеда *(англ.)*.

** Буквально *(франц.)*.

1922, стр. 143) и В. П. Боткина от 10(22) ноября 1856 года, где Боткин сообщал: «Стихотворения Некрасова шибко идут, и в это короткое время книгопродавцы взяли у издателя до 1400 экземпляров. Не было примера со времени Пушкина, чтоб книжка стихотворений так сильно покупалась» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 104).

[5] «Исповедь англичанина-опиумоеда» — роман английского писателя Томаса де Куинси (1785—1859), написанный в 1821 году и имевший большой успех у европейских читателей. Приписывался вначале Ш. Р. Мэтьюрену, автору романа «Мельмот-скиталец».

[6] Жена Огарева — Наталья Алексеевна, урожд. Тучкова.

100

В. П. БОТКИНУ

Париж
7-го декабря/25 ноября 1856 г.

Милейший и любезнейший Боткин, письмо твое мною получено и прочтено с великим умилением. Речи твои золотые, и я слушаю их, как некий пустынножитель слушал пение райской птицы [1]. Все сказанное тобою насчет моего писания чрезвычайно дельно и умно — все принято к сведению и к надлежащему исполнению. В теперешнее безначальное время только в тебе да еще, пожалуй, в Анненкове живет критическая сила; в тебе она иногда шалит под влиянием каприза, в нем она затемняется беспомощной путаницей выраженья и степным лукавством; но от обоих вас слышал я душеспасительные слова — и плакаться я на себя готов, что не довольно принимал их к сердцу; что делать! человек есть дрянь в некотором роде — а я, грешный, и подавно; а потому не уставайте меня наставлять на путь истины — а я буду стараться, чтобы хлопоты ваши не пропадали даром. Мне кажется, главный недостаток наших писателей и преимущественно мой — состоит в том, что мы мало соприкасаемся с действительной жизнью, то есть с живыми людьми; мы слишком много читаем и отвлеченно мыслим; мы не специалисты, а потому у нас ничего и не выходит специально. Мерк говорит весьма справедливо: Alles (у древних) war local, für den Moment — und

dadurch ward's ewig. Wir schreiben in's weite Blaue, für alle Menschen und für die liebe Nachwelt — und eben dadurch für Niemand *.

Если кто-нибудь из нас и обращает внимание auf das Locale **, — то тотчас старается придать ему всеобщее, то есть им придуманное, всеобщее значение — и из этого выходит чепуха.

Я упомянул о Мерке. Я теперь много занимаюсь им и намерен познакомить с ним русскую публику. Это был величайший критик[2], которого можно сравнить разве с одним Лессингом. Те, которые знают о нем (а таких очень мало) — думают, что Гете с него списал Мефистофеля — и только. Отчасти это справедливо — и быть оригиналом такого типа уже очень почетно — но в Мерке было более чем одно ироническое отрицание. Я достал наконец его «Избранные сочинения». Это небольшая книга в 350 страниц (с его биографией) — и нашел в ней множество превосходных вещей. Может ли, например, что-нибудь быть лучше следующего изречения: «Dein Bestreben, — сказал он однажды Гете, — deine unablenkbare Richtung ist: dem Wirklichen eine poetische Gestalt zu geben; die andern suchen das sogennante Poetische, das Imaginative zu verwirklichen — und das gibt nichts wie dummes Zeug» ***.

Если ты можешь достать эту книгу — вот ее заглавие: Johann Heinrich Merck. Eln Denkmal herausgegeben von Dr. Adolf Stahl. Oldenburg (Schulze'sche Buchhandlung ****, 1840) — прочти ее — обещаю тебе большое наслаждение.

---

* Все (у древних) было местным, рассчитано на данный момент — и потому стало вечным; мы пишем в туманную даль для всех людей, для милого потомства — и потому ни для кого *(нем.)*.

** На местное *(нем.)*.

*** «Твое стремление, твое неуклонное направление состоит в том, чтобы придать действительному поэтический образ; другие же стремятся превратить так называемое поэтическое, воображаемое в действительное, но из этого ничего, кроме глупости, не получается» *(нем.)*.

**** Иоганн Генрих Мерк, Памятник, издал д-р Адольф Шталь, Ольденбург (книгоиздательство Шульце) *(нем.)*.

Также прочел я в последнее время — The Confessions of an English Opium-eater — удивительная штука! Я ничего подобного не встречал [3].

Вообще я ужасно много прочел в последнее время; пузырь мой мешает мне писать, нарушая спокойствие и ясность духа. Я не чувствую себя свободным — точно мне свечку под подошвой держат, ровно настолько, чтобы не зажигалась кожа. Впрочем, с некоторых пор мне лучше — я начал принимать хинин — и авось судьба надо мною смилостивится и избавит меня от этой напасти. В противном случае горе моей литературной деятельности! А прочел я Суетония, Саллюстия (которого возненавидел за изысканность слога), Тацита — и начал Тита Ливия; я нахожу этих писателей, особенно первых — весьма современными [4]. Делаво перекатал моего «Фауста» и тиснул его в декабрьской книжке Revue des 2 Mondes; [5] издатель (де Марс) приходил меня благодарить и уверял, что эта вещь имеет большой успех; а мне, ей-богу, все равно, нравлюсь ли я французам, или нет, тем более что М-е Виардо этот «Фауст» — не понравился.

Достолюбезнейший Полонский известил меня, между прочим, что Толстой в Петербурге — а я ему писал на твое имя в Москву. Доставь ему это письмо — и так как ты наверное прочел «Юность» — скажи мне твое мнение, которое я жажду узнать [6]. Твои слова о Толстом меня порадовали; [7] а успех Некрасова — дело знаменательное [8]. Публике *это нужно* — и потому она за это и хватается. Пожалуйста, поживи в Петербурге подолее — и обрати все свое внимание на «Современник»; боюсь я, как бы он не расшатался. Также напиши мне со всей правдивостью, какого рода мнение слагается в публике о моих повестях; [9] я их еще не получил здесь, хотя говорят, они давно отправлены.

Я здесь почти не вижусь с французами — хожу к двум, трем русским, к Мельгунову, между прочим. Вот чудак! — но милый чудак...

Ну прощай — дружески жму тебе руку и остаюсь

преданный тебе

Ив. Тургенев.

[1] В. П. Боткин в письме от 10(22) ноября по поводу напечатанной в «Современнике» повести Тургенева «Фауст» дал сочувственный и подробный анализ творчества Тургенева; Боткин рекомендовал Тургеневу продолжать писать в манере этой повести, то есть обращаясь непосредственно к действительности, а не рассматривая ее через предвзятые, как ему казалось, отвлеченные представления о ней («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 101—103).

[2] Мерк был известен резкостью своих критических оценок.

[3] Об «Исповеди англичанина-опиумоеда» см. выше, п. № 99.

[4] О чтении римских историков см. п. № 99.

[5] *Делавд* — очень точный, но сухой переводчик, как это отмечали друзья Тургенева (Боткин и др.) и сам писатель.

[6] Боткин, в письме к Тургеневу от 3(15) января 1857 года, писал: «О «Юности»... еще не могу ничего сказать тебе; я знаю ее только по немногим отрывкам — но в этих отрывках есть места удивительные» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», 1930, стр. 111).

[7] В письме от 10(22) ноября 1856 года Боткин сообщал Тургеневу: «Был у меня Толстой, проездом из деревни в Петербург. Одинокая жизнь в деревне принесла ему много добра, он положительно стал лучше; то есть проще, правдивее и сознательнее; кажется, и внутренней тревожности стало в нем меньше» (там же, стр. 103).

[8] См. п. № 99, прим. 4.

[9] «Повести и рассказы» Тургенева, в трех частях.

101

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
5/17 декабря 1856 г.

Милый Герцен — мне непременно хочется прочесть: «Барнум и Горас» [1] — и поэтому сделай одолжение пришли его к той даме, которую ты называешь Марьей Касп⟨аровной⟩ и которую я не знаю [2]. Сообщи мне ее адрес — и предупреди ее о том, что я явлюсь к ней.

Стихи Огарева получены и прочтены [3]. Они мне нравятся попрежнему, — хотя лучше слышать их от него, чем самому читать. Его тихий и меланхолический голос придает им особенную прелесть, — а когда сам читаешь, много замечаешь небрежностей и не довольно

сжатых мест. При этих листах находились страницы три твоих «Воспоминаний», которые мне чрезвычайно понравились [4]. Решительно оказывается, что собственно твое призвание — писать такого рода хроники. Это в своем роде стоит Аксакова. Я уже, кажется, сказал, что в моих глазах вы представляете два электрических полюса одной и той же жизни — и из вашего соединения происходит для читателя гальваническая цепь удовольствия и поучения [5]. Это, однако, уже что-то Востоком пахнет.

Поггенполь — интригант, русский немец, который уверяет, что ненавидит немцев и «чюфствует союзу» (собственные его слова) с русским мужиком. Он и ко мне забегал, да и ко всем. Бог его знает, какими способами он приобрел Le Nord [6] — и теперь, так как ветер, кажется, в России переменился — то и он хочет не отстать и т. д. Порядочному человеку с этакими молодчиками знаться не для чего.

А ветер не так-то еще переменился, как полагали. На днях «Современник» получил сильнейший нагоняй и Бекетова от него отставили за перепечатание трех стихотворений Некрасова из его книжки [7], которую Мусин-Пушкин в своей попечительской агонии пропустил не без задней мысли [8]. Надобно сознаться, что в этом деле Панаев поступил как мальчишка [9]. А стихотворения «щуки в опере» [10] (я хохотал донельзя над этим именем) имеют успех громадный, по согласному показанию всех моих корреспондентов.

Очень любопытно узнать, что скажут английские журналы о вчерашней ноте (по поводу швейцарских дел) — в Монитёре?.. Вот куды пошлò... Посмотрим [11].

Я получил два экземпляра моих «Повестей» — и пошлю один тебе. Прочти на досуге и сообщи свое мнение.

Прощай. Будь здоров и весел. Обнимаю тебя, и твоих, и Огарева. Жене его кланяюсь.

Твой

Ив. Тургенев.

[1] *«Барнум и Горас»* (точнее: Орас) — статья Герцена, под заглавием «Оба лучше (отрывок)» и с подписью «В. Б.», напечатанная в газете «С.-Петербургские ведомости» (1856, 20 сентября, № 206). См. п. № 107.

[2] Рейхель. Тургенев ошибался, считая себя незнакомым с ней: они встречались у Герценов еще в 1848 году.

[3] Стихотворения Н. П. Огарева, напечатанные в «Полярной звезде» на 1857 год, кн. III; Герцен присылал их Тургеневу в рукописи или в корректуре (в «листах») до выхода книги.

[4] *«Воспоминания»* Герцена — отрывок из «Былого и дум», печатавшийся в той же книге «Полярной звезды».

[5] Тургенев сопоставлял «Былое и думы» Герцена с «Семейной хроникой и воспоминаниями» С. Т. Аксакова (см. п. № 82).

[6] «Le Nord» («Север») — официозная газета на французском языке (под редакцией Н. П. Поггенполя), издававшаяся в Брюсселе на средства русского правительства для пропаганды его политики в западноевропейских странах.

[7] Н. Г. Чернышевский (который редактировал «Современник» во время поездки Некрасова за границу), не имея возможности дать на страницах журнала разбор только что вышедшего (19 октября ст. ст.) сборника «Стихотворений» Некрасова, перепечатал в одиннадцатом номере «Современника» содержание сборника и три стихотворения, впервые напечатанные в нем: «Поэт и гражданин», «Забытая деревня» и «Отрывки из путевых записок графа Гаранского». За это официальному редактору И. И. Панаеву было сделано строгое внушение, а пропустивший стихотворения цензор В. Н. Бекетов был отстранен от цензурования журнала.

[8] Председатель Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин перед уходом с этой должности (15 апреля 1856 г.) дал указание цензору Бекетову (своему племяннику) разрешить издание стихотворений Некрасова в полном составе, включая и названные выше три стихотворения, — возможно, с целью скомпрометировать Некрасова как редактора «Современника», на что намекает Тургенев.

[9] Инициатором перепечатки трех стихотворений был, как сказано выше, Чернышевский, Панаев же в данном случае играл пассивную роль.

[10] Тургенев говорит о «Стихотворениях» Некрасова. Последнего он называет «щукой в опере», повторяя слова из письма Герцена (от 3 декабря н. ст.): «Некрасов в Риме... это что-то звучит вроде щуки в опере».

[11] Тургенев имеет в виду статью французской официальной газеты «Монитер», имевшую значение ноты, по поводу событий в Швейцарии, в кантоне Невшатель. Здесь 3 сентября 1856 года произошел реакционный мятеж, направленный против демократической республиканской конституции, учрежденной в 1848 году, и в пользу слияния кантона с монархической Пруссией. Мятеж был подавлен, его участники арестованы. Пруссия потребовала освобождения монархистов, и французское правительство, опасаясь усиления республиканских элементов на своей границе,

поддержало ее требования; статья «Монитера» явилась выражением антиреспубликанской политики Наполеона. Английские газеты, выражавшие мнение правительства, резко высказались против Пруссии и Франции, в поддержку Швейцарии. Конфликт был улажен лишь в 1858 году компромиссным решением — освобождением монархистов и сохранением республиканской конституции.

102

А. В. ДРУЖИНИНУ

Париж
5(17) декабря 1856 г.

Отвечаю на Ваше письмо, о милейший из консерваторов! Прежде всего должен сообщить Вам, что сильно подвинул рассказ, назначаемый мною в «Библ⟨иотеку⟩ для чт⟨ения⟩» — и которому заглавие будет: «Поездка в Полесье» — неизданный отрывок из «Записок охотника». В нем будет около трех листов печатных. Как только я его кончу, немедленно перепишу и отправлю — и пусть Анненков бьет себя по лядвиям и распространяет недоверие к моей деятельности — а статья будет выслана! Со всех сторон доходят до меня слухи о великолепном перерождении «Б⟨иблиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» — и я рукоплещу и радуюсь [1]. Пожалуйста, поддержите бедного Писемского и давайте ему работу. Я получил от него письмо, которое меня растрогало (я уже отвечал ему); он сообщает мне, что намерен изо всех сил для Вас работать — а такой сотрудник драгоценен. С нетерпеньем жду присылки «Б⟨иблиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» через Брандуса — и со всею искренностью напишу Вам впечатление, которое произведет на меня статья о Белинском [2].

М. Н. Лонгинов сообщил мне выходку против меня «Русского вестника» — в объявлении об издании в 1857 году (в «Московских ведом⟨остя⟩х») [3].

Эта выходка (между нами будь сказано) меня почти что порадовала — несмотря на ее более нежели бесцеремонный тон. Теперь я считаю себя освобожденным от обязанности дать им статью — и уже послал об этом деле в «Моск⟨овские⟩ ведом⟨ост⟩и» письмо,

написанное, впрочем, в самом умеренном тоне. Дрязги эти смешны немножко — и неприятно занимать публику своей особой — да делать нечего.

A propos de * выходки — хороша выходка Панаева! [4] Признаюсь — это меня очень раздосадовало. Эдакий неисправимый свистун! Результатом этой шутки — может быть — возвращение Некрасова в Петербург. Я получил письмо от него из Рима — он, кажется, шибко начал работать... Не знаю, на что он решится теперь.

Вы пишете, что придется наконец мне взяться за редакцию журнала. Не знаю, что предстоит мне в будущем — но столько предстоит затруднений и внутренних и внешних! Осужден я на цыганскую жизнь — и не свить мне, видно, гнезда нигде и никогда! А не свивши постоянного гнезда, за журнал приниматься невозможно. Этим «баловать» нельзя, за это надо взяться честно и твердо. А впрочем, кто знает, что принесет завтрашний день?

Я начинаю понемногу знакомиться с разными здешними лицами. Отыскал двух-трех хороших людей, одну очень милую и умную женщину; [5] пока довольно — а то время все в клочки разлетится. Познакомиться легко со всеми — к удивлению моему, меня здесь довольно знают — да что толку? Кстати, Вы такой охотник до литерату*рих*; [6] я был представлен г-же Бичер-Стоу; добрая, простая — и представьте! застенчивая американка; с ней две дочки рыжие, в красных бурнусах, с свирепыми кринолинами — престранные фигуры.

Фет, Вы знаете, в Риме с Некрасовым. Вот одно его маленькое стихотворение, присланное мне:

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек;
Так плещет на багровом маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

---

* По поводу *(франц.)*.

Встают ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль...
И лжет душа, что ей не нужно
Того, что так глубоко жаль[7].

Вы, говорят, очень сошлись с Толстым[8] — и он стал очень мил и ясен. Очень этому радуюсь. Когда это молодое вино перебродит, выйдет напиток, достойный богов. Что его «Юность», присланная Вам на суд? Я ему писал два раза, второй раз — в Москву, на имя Васеньки.

Часто думаю о всех вас и о наших сходках. Что ни говори, на чужбине точно вывихнутый. Никому не нужен — и тебе никто не нужен. Надо приезжать сюда молодым, когда еще собираешься только жить, или уже старым — когда покончил жизнь.

Кушелев мне кажется дурачком, — я его все вижу играющим у себя на вечере — на цитре — дуэт с каким-то итальянским голодным холуем; но он богат, — и потому может быть полезен[9]. Уваров страшно честолюбив — но он уже выбрал себе специальность ученого-археолого-нумизматическую; а Алексей Толстой прекраснейший и благороднейший малый; денег у него нет лишних — но он может быть полезен своим влиянием. Правда ли, что он произведен в флигель-адъютанты?

Ж. Санд в Париже; но если б я даже ее встретил — я бы ничего не сказал ей о падении ее (без сомненья) плохой пьесы;[10] я, как почтительный сын Ноя, прикрываю, отвернув глаза, наготу моего родителя. Коли вы консерватор, не будьте же нетерпимы. Поклонитесь всем знакомым и генералу Ковалевскому. Дружески жму Вам руку и остаюсь Ваш

Ив. Тургенев.

[1] См. п. № 94 и прим. к нему.
[2] *Статья о Белинском* А. В. Дружинина — «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» («Библиотека для чтения», 1856, № 11 и 12). См. пп. № 103, 104, 105, 107, 112.
[3] См. п. № 104 и прим. 6 к нему.
[4] См п. № 101 и прим. 7 к нему.

[5] Вероятно, Тургенев имеет в виду графиню д'Агу (ср. п. № 107), а может быть, и кн. Е. П. Вяземскую.

[6] *До литературих* — то есть женщин-писательниц.

[7] Стихотворение Фета напечатано было позднее в «Современнике», 1857, № 2.

[8] Л. Толстой в 1856—1857 годах, до поездки за границу, сблизился с Дружининым, однако вскоре разошелся с ним, убедившись в разности их взглядов. Ср. п. № 103.

[9] Гр. Г. А. Кушелев-Безбородко, вращавшийся в литературных кругах, думал в это время об основании собственного журнала; с 1859 года стал издавать «Русское слово».

[10] Речь идет, повидимому, о пьесе Жорж Санд «Как вам угодно» («Comme il vous plaira»), написанной по мотивам шекспировской комедии «Как вам это понравится»; поставлена весной 1856 года в Париже; пьеса не имела успеха.

103

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Париж
8/20 декабря 1856 г.

Милый Толстой, вчера мой добрый гений провел меня мимо почты, и я вздумал зайти, справиться, нет ли мне писем poste restante — хотя, по моему расчету, все мои друзья уже давно должны знать мой парижский адрес — и нашел Ваше письмо, где Вы мне говорите о моем «Фаусте» [1]. Вы легко поймете, как мне было весело его читать. Ваше сочувствие меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кроме того, ото всего письма веяло чем-то кротким и ясным, какой-то дружелюбной тишиной. Мне остается протянуть Вам руку через «овраг», который уже давно превратился в едва заметную щель, да и о ней упоминать не будем — она этого не стоит.

Боюсь я говорить Вам об одном упомянутом Вами обстоятельстве: [2] это вещи нежные — от слова завянуть могут, пока не созреют, — а созреют — так их, пожалуй, и молотом не раздробишь. Дай бог, чтобы все устроилось благополучно и правильно, — а Вам это может принести ту душевную оседлость, в которой Вы нуждаетесь — или нуждались, когда я Вас знал. Вы, я вижу, теперь очень сошлись с Дружининым — и на-

ходитесь под его влиянием. Дело хорошее — только, смотрите, не объешьтесь и его. Когда я был Ваших лет, на меня действовали только энтузиастические натуры; но Вы другой человек, чем я, — да, может быть, и время теперь настало другое. С нетерпением ожидаю присылки «Библиотеки для чтения» — мне хочется прочесть статью о Б⟨елинском⟩, — хотя, вероятно, она меня порадует мало [3]. А что «Современник» в плохих руках — это несомненно. Панаев начал было писать мне часто, уверял, что не будет действовать «легкомысленно» — и подчеркивал это слово; а теперь присмирел и молчит, как дитя, которое, сидя за столом, наклало в штаны. Я обо всем написал подробно Некрасову в Рим — и весьма может статься, что это заставит его вернуться ранее, чем он предполагал [4]. Напишите мне, в котором именно № «Современника» появится Ваша «Юность», да кстати сообщите мне Ваше окончательное впечатление о «Лире», которого Вы, вероятно, прочли, хотя бы для ради Дружинина [5].

Очень меня утешает Ваше намерение работать, как Вы говорите, «стиснув зубы». Дело это почтенное — а я здесь, грешный, — между нами сказать, ничего не делаю. Только надеюсь кончить в скором времени рассказ для Др⟨ужинин⟩а, — а для «коалиции» [6] (которая действительно не представляет ничего «величественного») — ничего. Болезнь моя (увы! уже не гастрит, с которым ладить легко, а прозаически-несомненная боль в пузыре) — порядком мне мешает; да и кроме того, я в этом чужом воздухе разлагаюсь, как мерзлая рыба при оттепели. Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда, чтобы не сидеть дома. Весной я непременно вернусь в Россию, хотя вместе с отъездом отсюда — я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье — или, говоря яснее — с мечтой о веселости, происходящей от чувства удовлетворения в жизненном устройстве. Это «яснее» — вышло очень длинно, и, может быть, не совсем ясно, но оно так. Что ж тут прикажете делать?

Вы мне не пишете о Вашей сестре. Говорят, она в Москве — и очень больна. Пожалуйста, известите

меня в подробности об ее положении. Меня ее нездоровье огорчает. Если есть на свете женщина, которая заслуживает быть счастливой, — так это она; а на такие-то натуры судьба и налегает. Пришлите мне ее адрес в Москве; я хочу написать ей.

Я познакомился здесь со многими русскими и французами; но симпатичных натур нашел весьма мало. Есть одна княжна Мещерская [7] — совершенная гетевская Гретхен — прелесть — да, к сожалению, по-русски не понимает ни слова. Она родилась и воспитывалась здесь. Не она виновата в этом безобразии — но все-таки это неприятно. Не может быть, чтобы не было внутреннего, пока еще тайного противуречия между ее кровью, ее породой — и ее языком и мыслями, — и это противуречие со временем либо сгладится в пошлость, либо разовьется в страдание. А мила она так, что и описать нельзя.

Вы видаете Анненкова теперь? Помните, как он Вам не нравился? А теперь Вы, я надеюсь, убедились, что он человек и умный и хороший. Чем больше Вы его будете знать, тем он станет Вам дороже, поверьте мне.

Ну, прощайте, милый Л. Н. — да пишите мне почаще — а я остаюсь душевно Вас любящий

Ив. Тургенев.

[1] Это письмо Толстого неизвестно.

[2] Речь идет о возникшем у Толстого намерении жениться на Валерии Владимировне Арсеньевой (соседке по Ясной поляне). Письма к ней см. в Полн. собр. соч. Толстого, т. 60 (1949).

[3] Тургенев имеет в виду статьи Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» («Библиотека для чтения», 1856, № 11 и 12); эти статьи были направлены против эстетических и литературных взглядов Белинского.

[4] Письмо Тургенева неизвестно; ответное письмо Некрасова см. в Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, № 249.

[5] Перевод трагедии Шекспира «Король Лир», сделанный Дружининым, был напечатан в «Современнике», 1856, № 12.

[6] Тургенев подразумевает редакцию «Современника» и его ближайших сотрудников.

[7] Речь идет, вероятно, о Екатерине Николаевне Мещерской.

104
Е. Я. КОЛБАСИНУ

Париж
14/26 декабря 1856 г.

Любезнейший Елисей Яковлевич, мне приходится отвечать на два письма, на Ваше и — Вашего брата [1]. Прежде всего благодарю Вас за то, что даже на одре болезни Вы меня не забыли. Это с Вашей стороны очень похвально, но плохо то, что Вы в Ваши, уже не совсем юношеские, годы все еще охотитесь за змеями — и даже ловите их. Плюньте, пожалуйста, на все это отродье; ну их к черту! Право, без них человеку вдвое легче, и приятнее, и свободнее.

Ну теперь опять по пунктам.

1) Панаев, должно быть, так струхнул, что даже позабыл отправить ко мне XI № «Современника» [2]. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы он по крайней мере с XII-м был мне выслан. Это ни на что не похоже. Да поместил ли обер-свистун опечатки «Фауста» в декабрьском №? Если нет, — непременно заставьте его поместить их в январском [3].

2) Стихотворения Некрасова, 2 книжечки Толстого, 2 № «Биб⟨лиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» получены в исправности. Толстой издан очень мило [4], а Некрасов очень гадко.

3) Я просил Вашего брата и повторяю Вам мою просьбу: все критики, которые только появятся на мои «Повести и рассказы», присылать мне в оригиналах, то есть в вырезках, или в списках, сделанных на мой счет. Очень я об этом прошу.

4) Для успокоения Вашей совести за отчеты ежемесячные полагается вперед не 15, а 10 р. сер. — на отчеты я продолжаю настаивать [5].

Деньги имеете получить с Вашего брата, который мне писал, что у него моих денег 170 руб. сереб.

5) Я отвечал письмом к редактору «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩» — на выходку «Русского вестника». В этом письме, крайне умеренном, как Вы увидите, я только объявляю, что почитаю себя освобожденным

от обязанности поставить повесть. Напишите мне, как только это письмо появится, и пусть Панаев его перепечатывает в январском «Современнике» [6].

6) Сообщите мне известие о ходе подписки на «Современник». Также попросите Вашего брата ответить мне на другие запросы, мною сделанные.

7) Пузырь мой (как бы не сглазить) поправляется — я принялся, наконец, за работу.

Тур пошел в ход и в дело — очень я тому рад. Поклонитесь ему от меня — я надеюсь, что Вы хотя изредка с ним видитесь [7]. Очень и очень огорчило меня то, что Вы говорите о здоровье графини [8]. Бедная женщина! Зачем же непременно смерть? Эх, тяжело все это.

XI № «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» — хорошо составлен; но я больше (даже в дружининском смысле) ожидал от статьи о Белинском, — от нее веет холодом и тусклым беспристрастьем. Этими искусно спеченными пирогами с «нетом» — никого не накормишь [9]. А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус — жгутся [10].

Ну, прощайте пока, милый мой Е. Я. Не шалите, пожалуйста, будьте здоровы и веселы и помните любящего Вас, и пр.

P. S. А как идет моя книга? Анненков зашиб копейку [11], но не останется ли Базунище в накладе [12].

[1] Письма Д. Я. Колбасина от 27 ноября ст. ст. и Е. Я. Колбасина от 2 декабря ст. ст. 1856 года — см. в сборнике «Тургенев и круг «Современника», 1930, стр. 296—307.

[2] Тургенев имеет в виду волнения, пережитые редакцией «Современника» в связи с перепечаткой стихотворений Некрасова (см. прим. 7 к п. № 101).

[3] Список опечаток, обнаруженных в тексте «Фауста», был помещен в «Современнике», 1856, № 12.

[4] Речь идет о первых сборниках произведений Л. Н. Толстого: «Военные рассказы» и «Детство и отрочество», вышедших в 1856 году.

[5] Тургенев просил Е. Я. Колбасина присылать ему в Париж «отчеты» о текущей русской литературной жизни, предлагая за это вознаграждение, на что Колбасин долго не соглашался.

[6] *Выходка «Русского вестника»* заключалась в том, что редактор его Катков в объявлении об издании журнала на 1857 год («Московские ведомости», 17 ноября 1856 г., № 138) позволил

себе выпад против литераторов, заключивших «обязательное соглашение» с «Современником», и, в частности, намекнул на то, что обещанная прежде Тургеневым «Русскому вестнику» повесть «Призраки» — «вероятно, весьма сходна по содержанию с рассказом, который появился в сентябрьской книжке «Современника» под названием «Фауст», то есть обвинил писателя в обмане. Тургенев ответил на эту «выходку» письмом в редакцию «Московских ведомостей» (напечатано 18 декабря 1856 г. в № 151) и на время порвал сношения с журналом Каткова. См. «Русские Пропилеи», т. III; см. также т. 11 наст. изд.

[7] В ноябрьском (11) номере «Отечественных записок» (как сообщал Тургеневу Е. Я. Колбасин) было помещено 21 стихотворение молодого поэта З. В. Тура.

[8] *Графиня* — М. Н. Толстая.

[9] Речь идет о статье А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения».

[10] Имеется в виду отдельное издание «Стихотворений» Некрасова (М. 1856).

[11] «Повести и рассказы» Тургенева, в трех частях (СПб. 1856), изданные П. В. Анненковым, которому Тургенев подарил издание.

[12] *Базунище* — книгопродавец-издатель А. Ф. Базунов.

103

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Париж
16/28 декабря 1856 г.

Получил я, любезный Толстой, Ваше письмо, в котором Вы пеняете мне, что я Вам не отвечаю; [1] но Вы уже с тех пор, вероятно, получили мои два письма — и убедились, что я у Вас не в долгу.

Из Ваших слов я почти готов заключить, что Вы раскаиваетесь в заключении *союза* [2]. Если бы вместо Некрасова союзник наш был Дружинин — Вы, я думаю, не стали бы раскаиваться. Неудобства, замеченные Вами, поражают и меня; но отступить теперь было бы и нечестно и неловко — даже смешно. Больше всех Вам не по нутру Чернышевский; но тут Вы немного преувеличиваете. Положим, Вам его «фетишизм» [3] противен — и Вы негодуете на него за выкапывание старины, которую, по-Вашему, не следовало бы трогать, но вспомните, дело идет об имени человека, который

всю жизнь был — не скажу мучеником (Вы громких слов не любите) — но тружеником, работником спекулятора, который его руками загребал деньги и часто себе приписывал его заслуги [4] (я сам был не раз тому свидетелем); вспомните, что бедный Б⟨елинский⟩ всю жизнь свою не знал не только счастья или покоя — но даже самых обыкновенных удовлетворений и удобств; что в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, доносами; что он смертью избег судьбы, может быть очень горькой, — и неужели Вы после всего этого — находите, что две-три статьи в похвалу его, написанные, может быть, несколько дифирамбически, — уже слишком великая награда, что этого уже сносить нельзя — что это «тухлые яйца»? Чтобы понять мои чувства насчет этих статей — я назначаю Вам свидание через 10 лет, — посмотрю я тогда, весело ли Вам будет, если Вам запретят сказать слово любви о друге Вашей молодости, о человеке, который и радовался, и страдал, и жил в силу своих убеждений... Да только вряд найдется ли в Вашем воспоминании такой человек.

Прочел я со вниманием статью Дружинина в ноябрьском №-е «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩». Я знаю, вы все от нее в восторге — но я откровенно признаюсь, я ожидал гораздо большего. Умно написано, и, пожалуй, справедливо — но холодно и — в сущности — бесполезно. Например: Д⟨ружинин⟩, между прочим, говорит, что если бы тогдашняя критика не была так беспощадно резка в отношении к Марлинскому, он бы мог поправиться и не пропал бы. Что за детское — или, пожалуй, старческое воззрение! Как будто дело шло о том, чтобы уцелел талант Марлинского! Дело шло о ниспровержении целого направления, ложного и пустого, дело шло об разрушении авторитета, мнимой силы и величавости. Пока этот авторитет признавался — нельзя было ожидать правильного и здравого развития нашей словесности — и благодаря той статье Б⟨елинского⟩ о Марлинском — да еще двум-трем таким же о Бенедиктове и др. — мы пошли вперед, Коли бить быка, так обухом, а Вы бы хотели ударить

его палкой, да еще гуляровой водой примочить, чтоб не больно было. Но, может быть, Вы находите, что мы вовсе вперед не пошли, — и что это все одна страсть к общим выводам и сильным словам. Вас это сердит; но я еще не теряю надежды увидать Вас разочарованным насчет элегантной и джентльменской воздержности, которая, пожалуй, очень у места в Revue des 2 Mondes или в Revue Britannique — но к нам не пристала, как говорится, ни к коже ни к роже. Кстати, знаете ли Вы, что я *целовал* имя Марлинского на обертке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова — и пришел в ужасное негодование, услыхав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку? Вы, стало быть, видите, что сказанное им тогда казалось новизною неслыханною. Вы всего этого не застали — будучи 10-ю годами моложе нас; Вас уже встретил Гоголь — а Марлинского и tutti quanti * на свете в помине уже не было — потому Вы и не судья заслугам Б⟨елинско⟩го.

Впрочем, довольно об этом. Ваш рассказ в «Б⟨иблиотеке⟩ для ч⟨тения⟩» я получу — а потому не присылайте его — но статью в «О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩», пожалуйста, пришлите[5]. Мне это очень нужно — я желаю следить за каждым Вашим шагом.

Не забудьте написать мне о здоровье Вашей сестры — я очень часто о ней думаю. Радуюсь Вашему намеренью выйти в отставку. Играйте на здоровье на моем пианино. Я выезжаю отсюда в апреле и в июне непременно буду в России. Пузырь мой все еще беспокоит меня — но меньше.

Прощайте, до следующего письма. Это вышло както очень полемично. Впрочем, оно окончено 4-го января нов. ст. Поздравляю Вас с Новым русским годом.

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] Это письмо Толстого неизвестно.

[2] Под «союзом» Тургенев подразумевает «обязательное соглашение» (см. прим. 4 к п. № 90).

---

* Всех подобных *(итал.)*.

[3] Выражение «критический фетишизм» встречается в статье Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения». Дружинин подразумевал преклонение Чернышевского перед Белинским.

[4] Имеется в виду издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский.

[5] В «Библиотеке для чтения» (1856, № 12) был напечатан рассказ Толстого «Встреча в отряде с московским знакомым»; в «Отечественных записках» (1856, № 12) — его же «Утро помещика».

106

М. П. ТОЛСТОЙ

Париж
6-го января н. ст. 1857 г.

Ну как Вы обрадовали меня своим письмом, любезная графиня! — До меня дошли слухи, что Вы очень больны — и хотя я из записки Вашего мужа и из Вашего почерка вижу, что Вы не совсем здоровы — все же дело не так худо, как я думал. Поправляйтесь, пожалуйста, для того чтобы приятнее провести лето, — я непременно в конце мая вернусь в Спасское — выпишем Ваших двух братьев, Льва и Николая — и посмотрите, как мы заживем. Очень меня радует то, что Вам понравился «Фауст» — и то, что Вы говорите о двойном человеке во мне — весьма справедливо — только Вы, может быть, не знаете причины этой двойственности. Я буду с Вами тоже откровенен. Видите ли, мне было горько стареться, не изведав полного счастья — и не свив себе покойного гнезда. Душа во мне была еще молода и рвалась и тосковала; а ум, охлажденный опытом, изредка поддаваясь ее порывам, вымещал на ней свою слабость горечью и иронией; но когда душа в свою очередь у него спрашивала, что́ же *он* сделал, устроил ли он жизнь правильно и благоразумно — он принужден был умолкнуть, повесив нос — и тогда оба — и ум и душа — принимались хандрить взапуски. Все это теперь изменилось... Когда Вы меня знали, я еще мечтал о счастье, не хотел расстаться с надеждой; теперь я окончательно махнул на все это рукой. Все затихло, неровности исчезли — внутренние

упреки умолкли — к чему вздувать пепел? Огня все-таки не добудешь. Отчего все это сделалось — долго рассказывать — притом годы взяли свое. Когда Вы меня увидите, Вы удивитесь моей égalité d'humeur *. Какая там под ней горечь застыла — к чему до этого докапываться — ни в одном человеке не нужно докапываться до дна. «Фауст» был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости... Это не повторится. Но Вы напрасно говорите о моем счастье: в чужой руке калач бел, чужая судьба завидна. Довольно об этом. Повторяю, постараемся съехаться нынешним летом — и заживем веселыми и добрыми старичками.

Я довольно часто переписываюсь с Вашим братом Львом. Мне кажется, в нем происходит перемена к лучшему. Дай бог ему успокоиться и смягчиться. Из него выйдет великий (без преувеличения) писатель и отличный человек. Он теперь находится в теснейшей связи с Дружининым; я бы желал для него другого товарища — но ведь с Вашим братом ладить мудрено. Пока его не вырвет (извините грубость сравненья) от какого-нибудь блюда, он не перестанет есть и хвалить — и будет продолжать хвалить, хотя уже будет чувствовать боль под ложечкой. Дружинин очень хороший человек со всем тем, но не для Вашего брата. Впрочем, зерно тем и отличается от шелухи: то перемелется — мука выйдет — а из шелухи только и выйдет что пыль. Пусть его мелется!

А что другой Ваш брат, милейший и неоцененный Николай Николаевич? Неужели все на Кавказе? Хочет ли он там остаться навсегда? [1] Как я бы был рад его увидеть!

Очень сочувствую я Вашему беспомощному и больному положению. Если б Вы могли писать, я бы советовал Вам бросать на бумагу все мысли, которые приходят Вам в голову и проходят. Нечего делать — потерпите, — красные дни вернутся — и Вы поправитесь. 130 ударов в минуту не должны Вас пугать — это и со

---

* Ровности настроения *(франц.)*.

мной случалось. Когда это происходит не от воспаления, это не опасно.

Поклонитесь от меня Вашему мужу. Не подпишется ли он на «Библиотеку для чтения», так как в программе объявлена повесть: «Академический переулок» Е. Я. Колбасина, автора: Хи-Ха-Хо? [2] Кстати, получили ли Вы назначенный Вам экземпляр моих «Повестей и рассказов»?

Прощайте, милая графиня — выздоравливайте, пожалуйста. Крепко жму руку Вашему мужу — а Вашу, с Вашего позволения, целую.

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Н. Н. Толстой служил на Кавказе в артиллерии; в 1858 году он вышел в отставку и поселился в своем имении, в Тульской губернии. Умер в 1860 году от чахотки.

[2] В повести Е. Колбасина «В деревне и в С.-Петербурге» (СПб. 1857) так смеется главный персонаж — Харузов. Повесть «Академический переулок» напечатана в «Библиотеке для чтения», 1858, № 8 (с посвящением И. С. Тургеневу).

107

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
8-го генваря ⟨н. ст.⟩ 1857 г.

Милый Герцен, дня три тому назад я послал Огареву мои замечания на его поэму [1] — а теперь хочу написать тебе два слова. Присылай, пожалуйста, твои «Записки» [2] — и будь уверен, что услышишь от меня искреннее мое мнение. «Барнума и Ораса» я на днях прочел в одном № «С.-П.-бургских ведомостей» и только пожалел, что коротко: очень умная и тонкая вещица. О печатании перевода твоей книжки идут переговоры; но твоя репутация такая грозная и здешние книгопродавцы такие слабосеры — что надежды мало; даже Паньер (то есть его фирма) отказался [3]. А Жозана [4] напрасно ты бранишь; я только по его милости

свет увидал; он раз меня пожег, потом вставляет bougies *, велит мыться холодной водой и принимать хинин. Я познакомился со многими здешними литераторами — бываю у г-жи д'Агу; должен сознаться, что до сих пор ни одного молодого, симпатического существа не встретил; ужасно все мелко и пусто. Доставь мне возможность познакомиться с Мишлѐ — мне это очень будет приятно [5]. С октября месяца я получаю «Библиотеку для чтения», поступившую в заведование Дружинина; он намерен придать ей консервативно-английский характер — и уже написал одну статью о Белинском, в которой бросает на него взгляд свыше; [6] но статья вышла тупая — точно птица без клёва; этим ни одной крепколобой головы не продолбишь. Да и откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же к гнилому плетню и сказать ему: ты не плетень, а каменная стена, к которой я намерен пристроивать!

Грибовского я вижу довольно часто — он, кажется, хороший малый. А Мельгунов, вообрази (только это между нами), дал накануне Нового года réveillon **, который стал ему наверно франков триста. Гости были Пинто, Грибовский, я, два офицера в мундирах — совершенные жеребцы, вот из тех, что ходят в омнибусах — да несколько отставных лореток. Мельгунов, с свойственною ему флегматической важностью, отвел меня в сторону и держал следующую речь: «Здесь Вы можете видеть то, что называется в Париже demimonde; *** но, предупреждаю Вас, не судите о нем по этому образчику; ибо здесь находящиеся лоретки или стары, или некрасивы». Я с изумлением смотрел на его лоб с надвинутой ермолкой и думал: «Да из чего же ты тратишься в таком случае?»

Этот человек — чудак первого сорта, vom reinsten Wasser **** — а премилый со всем тем.

Ты меня поздравил с европейским Новым годом — а я тебя с русским.

---

* Восковой зонд *(франц.)*.
** Ночной ужин *(франц.)*.
*** Полусвет *(франц.)*.
**** Чистейшей воды *(нем.)*.

Кстати, на днях я тебе вышлю остальные 500 фр⟨анко⟩в.

Ну прощай пока, будь здоров. Обнимаю тебя и всех твоих и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о повести в стихах Н. П. Огарева «Господин», напечатанной в «Полярной звезде», 1857, кн. III. Замечания Тургенева на нее в печати неизвестны.

[2] *«Записки»* Герцена — «Былое и думы», которые Герцен частями присылал из Лондона Тургеневу на просмотр (до напечатания).

[3] Имеется в виду издание напечатанных в «Полярной звезде» глав «Былого и дум» во французском переводе, сделанном Ип. Делаво. Однако французская цензура всячески этому препятствовала. Книга Герцена в переводе Делаво вышла лишь в 1860—1862 гг. в трех томах.

[4] *Жозан* — вероятно, Жозà (Josat).

[5] Герцен надеялся через посредство своего друга Ж. Мишле все-таки добиться издания французского перевода «Былого и дум»; с той же целью хотел встретиться с ним Тургенев. Но и хлопоты Мишле не привели к желаемым результатам (см. Полн. собр. соч. и писем Герцена под ред. М. К. Лемке, т. VIII, 1919, стр. 380 и 510.

[6] О статье Дружинина см. пп. № 102, 103, 104, 105, 112.

108

С. Т. АКСАКОВУ

Париж
8-го января ⟨нов. ст.⟩ 1857 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, давно я получил Ваше письмо и давно собираюсь отвечать — и не то чтобы времени не было, но не приходило того расположения духа, в котором хочется беседовать с отсутствующими друзьями. Впрочем, не «вихорь» парижской жизни тому причиной: я здесь живу только что не отшельником — да притом Париж с своим треском и блеском может вскружить голову юноше или, пожалуй, старику; а я еще не старик — хотя уже бог знает как давно перестал быть юношей. Я, с тех пор

как писал Вам, познакомился со многими здешними литераторами — не с старыми славами, бывшими коноводами — от них, как от козла, ни шерсти ни молока, — а с молодыми, передовыми. Я должен сознаться, что все это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость бессилия, крайнее непонимание всего нефранцузского, отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художнического убеждения — вот что встречается Вам, куда ни оглянитесь. Лучшие из них это чувствуют сами — и только охают и кряхтят. Критики нет; дрянное потакание всему и всем; каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили — вот и все. Один стихотворец вообразит, что нужно «проводить» реализм — и с усилием, с натянутой простотой воспевает «Пар» и «Машины» — другой кричит, что должно возвратиться к Зевсу, Эросу и Палладе — и воспевает их, с удовольствием помещая греческие имена в свои французские стишки; и в обоих капли нет поэзии. Сквозь этот мелкий гвалт и шум пробиваются, как голоса устарелых певцов, дребезжащие звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина, болтовня зарапортовавшейся Санд; Бальзак воздвигается идолом, и новая школа реалистов ползает в прахе перед ним, рабски благоговея перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой; а общий уровень нравственности понижается с каждым днем — и жажда золота томит всех и каждого — вот Вам Франция! Если я живу здесь, то вовсе не для нее и не для Парижа — а в силу обстоятельств, не зависящих от моей воли. Но весна придет — и я полечу на родину, где еще жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места! А в мае я буду у Вас в Абрамцеве, непременно.

Очень меня огорчает известие о болезни Вашей дочери и о собственном Вашем расстройстве. Дай бог, чтобы все это поправилось и пришло в обычную колею! Статью о Ваших «Хрониках» написал некто Делаво, здешний литератор, хорошо знакомый с русским языком; я ему помог и кое-что истолковал. Статья должна

скоро явиться в «Revue des 2 Mondes»[1]. Ваша мысль написать историю ребенка для детей [2] — прекрасна — и я уверен, что Вы исполните ее как нельзя лучше, с тою эпической ясностью и простотой, которая составляет Вашу особенность между всею пишущей братьей. «Русский вестник», в котором находится отрывок Вашей «Хроники», обещан мне кн. Трубецким (приятелем Константина Сергеевича) [3]. Я его вижу довольно часто — он очень милый и добрый человек — и вас всех весьма любит. Он получает также «Русскую беседу», но 4-я часть еще здесь не получена [4].

Поклонитесь от меня всему Вашему семейству, супруге Вашей и К. С. и И. С. в особенности. Пусть мне К. С. напишет письмо — я ему отвечу непременно — а весною как мы будем спорить! Я очень люблю спорить с ним, потому что, несмотря на наш крик и жар, дружелюбная улыбка не сходит у нас с души и чувствуется в каждом слове. А с иным во всем соглашаешься и спорить не о чем — а между им и тобой — целый овраг.

Я здесь вижу Васильчикова, брата генерала В⟨асильчикова⟩, у которого И. С. Сколько я могу судить, из следствия ничего особенного не вышло... [5]

Ну прощайте, любезный и почтенный С. Т. Будьте здоровы, и дай Вам бог время и охоту писать. Я что-то не могу ничего делать — точно рука вывихнута. Авось справлюсь. До свидания весной.

Весь Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Как мне жаль обоих Киреевских — передать Вам не могу [6].

[1] См. прим. 2 к п. № 95.

[2] Это ответ на слова Аксакова в письме к Тургеневу: «Я занят теперь таким делом, о котором хотел бы знать Ваше мнение. Я боюсь, попал ли я на настоящий тон и не нужно ли изменить самые приемы: я пишу книгу для детей, разумеется не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет» («Русское обозрение», 1894, № 12, стр. 590). Речь идет о «Детских годах Багрова-внука».

[3] *Приятель Константина Сергеевича* (Аксакова), Николай Иванович Трубецкой, сатирически выведен в пьесе Аксакова

«Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» (1851); он же упоминается в романе Тургенева «Дым» — как «князь Кокó, один из известных предводителей дворянской оппозиции». О Н. И. Трубецком см. «Воспоминания Е. М. Феоктистова», Л. 1929.

[4] В четвертой книге «Русской беседы» (1856) появились «Литературные и театральные воспоминания» С. Т. Аксакова.

[5] См. прим. 3 к п. № 85.

[6] Братья Киреевские (Иван Васильевич и Петр Васильевич) умерли в 1856 году: Иван — в июне, Петр — в октябре.

109

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Париж
3/15-го января 1857 г.

Милый Толстой,

Не знаю, много ли радуют Вас мои письма, но Ваши меня утешают. В Вас, очевидно, происходит перемена — весьма хорошая. (Извините меня, что я Вас как будто по головке глажу: я ⟨на?⟩ целых десять лет старше Вас — да и вообще чувствую, что становлюсь дядькой и болтуном.) Вы утихаете, светлеете и — главное — Вы становитесь свободны, свободны от собственных воззрений и предубеждений. Глядеть налево так же приятно, как направо — ничего клином не сошлось — везде «перспективы» (это слово Боткин у меня украл) — стоит только глаза раскрыть. Дай бог, чтобы Ваш кругозор с каждым днем расширялся! Системами дорожат только те, которым вся правда в руки не дается, которые хотят ее за хвост поймать; систéма — точно хвост правды — но правда как ящерица; оставит хвост в руке — а сама убежит: она знает, что у ней в скором времени другой вырастет. Это сравнение несколько смело — но дело в том, что Ваши письма меня утешают. Это несомненно.

Я получил от Вашей сестры очень милое и довольно длинное письмо. Оно меня очень обрадовало; я искренно к ней привязан — и известие о ее болезни меня сильно опечалило. Ей тоже понравился мой «Ф⟨ауст⟩». Странная судьба этой вещи! Иным она совсем не по вкусу — между прочим, к крайнему моему сожале-

нию — и г-же Виардо. Кстати, что за нелепые слухи распространяются у вас! Муж ее здоров как нельзя лучше, и я столь же далек от свадьбы — сколь, напр., — Вы. Но я люблю ее больше чем когда-либо и больше чем кого-нибудь на свете. Это верно. Ваше «Детство и отрочество» производит фурор между здешними русскими дамами; присланный мне экземпляр читается нарасхват — и уже я должен был обещать некоторым, что непременно Вас познакомлю с ними — требуют от меня Ваших автографов — словом — Вы в моде — пуще кринолина. Сообщаю Вам это, потому, что ни говори — есть там где-то в сердце пупырушек, который такие похвалы (да и всякие) приятно щекочут. И пусть щекочут — на здоровье!

Из писем, полученных мною из Петербурга, я могу заключить, что у Вас довольно сильно зашевелилась литературная — да и всякая другая жизнь. Иногда меня разбирает досада, почему я не нахожусь в это время со всеми вами — и даже кажется («человек самолюбив!»), что я мог бы быть полезен. Но выехать отсюда раньше апреля я и думать не могу — и потому отлагаю все подобные мечты до будущей зимы. А будущей зимой Вас, пожалуй, не будет. Вы мне пишете, что даже нынешнюю зиму в Петербурге не доживете. Что у Вас за мысль ехать на Кавказ? Скорее брата Вашего надобно оттуда вытащить.

Не забудьте мне прислать все Ваше, что явится не в «Соврем⟨енник⟩е».

Знакомство Ваше с Шекспиром — или, говоря правильнее — приближение Ваше к нему — меня радует[1]. Он — как природа; иногда ведь какую она имеет мерзкую физиономию (вспомните хоть какой-нибудь наш степной октябрьский слезливый, слизистый день) — но даже и тогда в ней есть необходимость, правда — и (приготовьтесь: у Вас волоса встанут дыбом) — целесообразность. Познакомьтесь-ка так же с «Гамлетом», с «Юлием Цезарем», с «Кориоланом», с «Генрихом IV», с «Макбетом» и «Отелло». Не позволяйте внешним несообразностям отталкивать Вас; проникните в середину, в сердцевину творения — и удивитесь гармонии и глубокой истине этого вели-

кого духа. Вижу отсюда, как Вы улыбаетесь, читая эти строки; но подумайте, что, *может быть,* Т〈ургенев〉 и прав. Чем черт не шутит!

Я не говорю Вам о здешних моих знакомствах; встретил я только одну милую девушку — и та русская; одного очень умного человека — и тот жид. Французики мне не по сердцу; они, может быть, отличные солдаты и администраторы — но у всех у них в голове только один переулочек, по которому шныряют всё те же, раз навсегда принятые мысли. Все не ихнее им кажется дико — и глупо. «Ah! le lecteur Français ne saurait admettre cela!» * Сказавши эти слова, француз даже не может представить себе, что Вы что-нибудь возразите. Бог с ними!

Ну прощайте, милый Толстой. Разрастайтесь в ширину, как Вы до сих пор в глубину росли — а мы со временем будем сидеть под Вашей тенью — да и похваливать ее красоту и прохладу.

Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Письмо Толстого не найдено; из других источников известно, что Толстой в это время прочитал трагедию Шекспира «Король Лир» в переводе А. В. Дружинина («Современник», 1856, № 12). В письме от 26 декабря ст. ст. 1856 года Дружинин писал Тургеневу, что Толстой уже «понимает Лира и пил за здоровье Шекспира» («Тургенев и круг «Современника», М. — Л. 1930, стр. 202).

110

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
16 января 〈н. ст.〉 1857 г.

Милый Герцен,

Третьего дня получил я твои «Записки» и тотчас прочел их[1]. Впечатление было сильное и хорошее: в этих главах чрезвычайно много поэзии и юности, лицо твоей жены (всем нам действительно мало из-

* Французский читатель не мог бы допустить этого! *(франц.)*

вестной) привлекательно и живо, отрывки из ее писем дают понятие о замечательной натуре. Последняя глава мне очень понравилась и возбудит негодование только тех людей, которых одно твое имя сердит. С моей стороны я сделаю только два возражения: *первое*. Осторожно ли ты поступил, описывая К.[2] (которого, разумеется, все узнают) — его *тоску по революции* и т. д. и т. д.? *Второе*. В этом последнем отрывке слог твой уже чересчур небрежен; галлицизмы самые вопиющие попадаются на каждом шагу; хоть бы Огареву просматривать твои корректуры. Например, можно ли сказать:

(Стр. 84) «иной мир, *иначе* симпатичный, *нежели* тот!..»

Что такое (на стр. 87) «есть организации, которым никогда не нужна... опора, указка, которые всегда лучше идут там, где нет решетки»?

Или (на стр. 127) «Ну оно как ни приятно, а я *из* этого не решился прежде, *нежели* было нужно, оставить умирающую женщину» и т. д.[3].

Это тем более неприятно, что вообще язык твой легок, быстр, светел и имеет свою физиономию. Я бы взялся в полчаса стереть все эти маленькие пятна, причину которых следует искать в долгом твоем пребывании за границей. Но повторяю, «Записки» отличные и читаются с удовольствием, иногда с умилением. Несколько вводных лиц прекрасно очерчены (как напр., архиерей Парфений)[4].

№ «Библиотеки»[5] отправится к тебе на днях: теперь он у Мельгунова, у которого я возьму его завтра или послезавтра. Не я послал тебе Некрасова; должно быть, он сам распорядился — или, может быть, какой-нибудь из твоих тайных приверженцев вспомнил о тебе. A propos de приверженцы. Ты никогда не угадаешь, от кого я не далее как вчера слышал великие похвалы тебе... От князя Орлова (раненного под Силистрией) — сына известного Орлова. Он не только все прочел, что ты написал, но даже (ceci entre nous * с месяц тому назад отвез все твои произведения к

---

* Это между нами *(франц.)*.

в. к. Михаилу Николаевичу. Он мне чрезвычайно понравился; несчастье его отрезвило, да и вообще натура в нем высказывается хорошая. Вот поневоле воскликнешь: Où la vertu va-t-elle se nicher? [6] Он всю зиму пробудет здесь; мы, я надеюсь, будем видеться.

Ты ведь, я думаю, зн[illegible]ом с Оппенгеймом? Я его вижу часто: он очень умен и оригинален.

А к д'Агу я езжу с точки зрения естествоиспытателя. Какие там попадаются «букашки и таракашки»!

Прощай, обнимаю тебя и остаюсь

твой *Ив. Тургенев.*

P. S. Коленопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слово: безразличный! Особенно в одном месте оно меня точно по щеке ударило.

[1] Речь идет о главах из третьей части «Былого и дум» (с рассказом о женитьбе Герцена на Н. А. Захарьиной), напечатанных в «Полярной звезде» на 1857 год (кн. III).

[2] Кетчера Николая Христофоровича.

[3] Из этих трех указаний Герцен воспользовался только третьим, изменив «из» на «из-за» и «нежели» на «чем».

[4] В главе XXIII Герцен рассказывает о своем знакомстве с владимирским архиереем Парфением (Павлом Васильевичем Васильевым-Чертковым): «Распорядительный и своеобычный, он равно мог быть губернатором или генералом» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. VIII, АН СССР, 1956, стр. 371).

[5] То есть журнал «Библиотека для чтения».

[6] Вот где нашла себе убежище добродетель *(франц.)* — слова, сказанные Мольером, когда нищий вернул ему поданную по ошибке золотую монету.

111

В. Н. КАШПЕРОВУ

Париж
5/17 января 1857 г.

Любезнейший Владимир Никитич,

Несколько дней тому назад получил я Ваше письмо — а в скором времени и музыку [1], которую я вчера отвез на суд г-же Виардо. Она ее похвалила,

прибавив, однакож, что все-таки советует Вам обратить внимание на мелодию; мысли Ваши ей кажутся не довольно развиты и слишком «déclamatoires» *. Передаю Вам ее мнение, не ручаясь, впрочем, за ее непогрешительность.

Дрезден на Вас произвел сильное впечатление: этого надобно было ожидать. Рафаэлевская Мадонна не дается с первого раза, особенно таким сангвиническим, живым натурам, какова Ваша. Вообще мне кажется (сколько я могу судить о Вас по нескольким часам, вместе проведенным) — что Вам необходимо сосредоточиться; Вы склонны к «рассыпному» строю. Без сосредоточенности можно сильно чувствовать, понимать, но творить — трудно. Дерево сосредоточивается в течение целой зимы, чтобы весной покрыться листьями и цветами. Совет Пушкина «Поэту» в его «Сонете» — применяется к каждому художнику [2]. Извините мой педантизм: я, как уже человек поломанный, говорю Вам по опыту.

Мне очень приятно, что мои рассказы Вам нравятся; но не забудьте их со временем переслать в Лондон [3].

Грибовского я вижу изредка; я его познакомил с Мельгуновым — и хочу познакомить еще с двумя, тремя русскими.

Поклонитесь от меня Глинке; он, вероятно, меня не помнит — но я очень хорошо его помню. Он бывал у нас, когда мы жили вместе с братом [4] — которого он, кажется, любил. Скажите ему, что я ему желаю здоровья и всего хорошего на свете. Г-жа Виардо, которая, как Вы знаете, большая его поклонница, также ему кланяется. Что, его опера ставится на театре? [5]

А Вам я желаю работать, работать и еще работать. Не дайте своему таланту ни заснуть, ни рассыпаться на мелочи, ни, говоря орловским словом, зачичкаться — то есть до времени высохнуть. Пусть почиет над Вами благословение Аполлона, бога лиры, — а впрочем, наслаждайтесь жизнью. Очень скоро уходит она,

---

* Декламационны *(франц.)*.

злодейка, — и никак невозможно вернуть ее — так уже судьба нас устроила.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев говорит об опере Кашперова «Цыганы» (либретто Н. П. Огарева по поэме Пушкина), законченной в 1855 году. Опера не была поставлена, ее рукопись не сохранилась (см. письма Кашперова к Огареву — «Литературное наследство», т. 62, М. 1955).

[2] Тургенев имеет в виду, очевидно, слова Пушкина: «Ты царь: живи один» («Поэту», 1830).

[3] «Повести и рассказы» Тургенева вышли отдельным изданием в 1856 году; у Кашперова был экземпляр, предназначенный автором для Герцена.

[4] Кашперов был учеником и близким другом Глинки (см. «Русский архив», 1869, № 7-8 — «Воспоминания о М. И. Глинке»). Ср. заметку В. Ф. Одоевского об опере Кашперова «Гроза» (В. Ф. Одоевский, Музыкально-литературное наследие, М. 1956, стр. 307—308). Глинка мог бывать у И. С. и Н. С. Тургеневых в 1834—1835 годах, когда братья жили в Петербурге вместе.

[5] Речь идет, вероятно, о предполагавшейся постановке «Ивана Сусанина» («Жизнь за царя») на сцене Берлинского театра по случаю коронации Александра II.

112

А. В. ДРУЖИНИНУ

Париж
13/25 января 1857 г.

Милый Дружинин,

Уже с неделю как я собираюсь отвечать на Ваше письмо — да все не удается [1]. Нахожусь я в препакостном настроении духа, болезнь моя приняла дурной оборот, меня опять жгут и т. д. Словом — гадко. Я повесил нос и руки опустил. Маленький рассказец для Вас совсем готов — стоит присесть и написать последнюю страницу — не могу! Однако переломлю себя — кончу и отправлю. Боюсь я только за него: очень он вышел мрачен [2]. Кабы знал я, что́ меня ждет в Париже — не выехал бы из Петербурга... А Вы как нарочно рисуете мне соблазнительные картины Вашего

совокупного житья, Вашей деятельности... Кстати о Вашей деятельности, прочел я Вашего «Лира» — и умилился, но особенно меня тронула Ваша вступительная статья[3]. Это прелесть! Должен сознаться, что если бы Вы не были консерватором, Вы бы никогда не сумели оценить так Кента, «великого верноподданного». Я прослезился (à la lettre) над ним. Все эти характеристики — всё воззрение верно, широко, глубоко, исполнено любви и свободы. Очень, очень Вы меня порадовали. Спасибо Вам.

Зато Вы не удивитесь, если я скажу Вам, что статья о Б⟨елинском⟩ мне мало понравилась[4]. Она очень умна и беспристрастна — но холодна и — виноват! — несправедлива. Как же это так? — спросите Вы: беспристрастна и несправедлива? Уж я не знаю как — но оно так. Об этом следовало бы распространиться — но я теперь не в силах распространяться. Зато весь номер составлен прекрасно и читается и с удовольствием и с пользой. Радуюсь я хорошей подписке: да оно иначе и быть не может: «Б⟨иблиотека⟩ для ч⟨тения⟩» — пойдет у Вас блистательно — дай бог, чтобы «Совр⟨еменник⟩» не был совсем задавлен (ce que je crains, entre nous soit dit) *. Почему я эту фразу написал по-французски? Неизвестно. Но я, по милости моего гнусного недуга, не скоро что-нибудь сделаю. Чувствую в себе пустоту выпотрошенной рыбы, кислоту непрививного яблока и глупость, подобную — невозможно сыскать сравнения.

Анненкову теперь лафа отхлопать себе все лядвии на мой счет.

Жду с нетерпением высылки XII-го и I-го № Вашей «Библиотеки».

Вы, вероятно, спросите меня: если мне так скверно в Париже, зачем я остаюсь здесь? На это есть причины очень важные — но я думаю отсюда непременно через 2 месяца выехать. Куда? не знаю — может быть, в Лондон. Здешний климат мне решительно вреден. Толстой мне пишет, что он собирается сюда ехать, а отсюда весной в Италию; скажите ему, чтобы он спе-

---

* Чего я боюсь, между нами говоря *(франц.)*.

шил, если хочет застать меня. Впрочем, я ему сам напишу. По письмам его я вижу, что с ним совершаются самые благодатные перемены — и я радуюсь этому, «как нянька старая». Я прочел его «Утро помещика», которое чрезвычайно понравилось мне своей искренностью и *почти* полной свободой воззрения; говорю: почти — потому что в том, как он себе задачу поставил — скрывается еще (может быть, бессознательно для него самого) некоторое предубеждение. Главное нравственное впечатление этого рассказа (не говорю о художественном) — состоит в том, что пока будет существовать крепостное состояние, нет возможности сближения и понимания обеих сторон, несмотря на самую бескорыстную и честную готовность сближения — и это впечатление хорошо и верно; но при нем бежит другое побочное, пристяжное, — а именно то, что вообще просвещать мужика, улучшать его быт — ни к чему не ведет — и это впечатление неприятно. Но мастерство языка, рассказа, характеристики великое. Каков, однако, бессовестный Андриас! Какую статеечку он об «Д⟨етстве⟩ и о⟨трочестве⟩» тиснул! [5] На какие погромы *я* должен готовиться, я, от которого он уже ничего ждать не может!

Пускай! Это может быть даже очень полезно.

Вы не можете себе представить, какое иногда во мне поднимается нетерпеливое желанье быть с Вами, в Петербурге, где у меня не болел мой мерзкий пузырь! Клянусь, что с будущей зимы — все зимы своей жизни я проведу в Петербурге! Баста!

Если театр состоится, скажите Писемскому, что я прошу его убедительно написать мне об этом [6]. До меня дошли слухи, что здоровье его поправилось, чему я радуюсь ото всей души.

Прощайте, милейший консерватор, — будьте здоровы и веселы. Поклонитесь Вашей матушке и всем добрым приятелям.

Весь Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Рассказ Вы получите через 2 недели — самый поздний срок.

[1] Письмо Дружинина от 26 декабря ст. ст. — «Тургенев и круг «Современника», М.—Л. 1930, стр. 199—202.

[2] Имеется в виду рассказ «Поездка в Полесье» (напечатанный в «Библиотеке для чтения», 1857, № 10).

[3] Трагедия Шекспира «Король Лир» в переводе Дружинина и с его же вступительной статьей («Современник», 1856, № 12).

[4] Статья Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (первая часть) появилась в «Библиотеке для чтения», 1856, № 11.

[5] *Андриас* — Андрей Александрович Краевский, издатель «Отечественных записок»; здесь появилась резкая статья С. С. Дудышкина о Толстом (1856, № 11).

[6] Дружинин писал Тургеневу, что Писемский хочет устроить спектакль силами литераторов: «Этот спектакль, о котором уже слухи разнеслись по городу, есть дело весьма важное для театра, для сближения публики с литературой и так далее» («Письма к Дружинину», М. 1948, стр. 325).

113

В. П. БОТКИНУ

Париж
1-го марта (17-го февраля) 1857 г.

Милый Боткин, без преувеличенья могу сказать, что десять раз принимался писать тебе — но ни разу более полустраницы написать не мог; авось на этот раз буду счастливее. О себе тебе говорить не стану: обанкрутился человек — и полно; толковать нечего. Я постоянно чувствую себя сором, который забыли вымести, — вот тебе моя Stimmung *. Авось это пройдет, когда я брошу Париж. Ты знаешь, что Некрасов был здесь и внезапу ускакал в Рим; Толстой здесь — и глядит на все, помалчивая и расширяя глаза; поумнел очень — но все еще ему неловко с самим собою — а потому и другим с ним не совсем покойно. Но я радуюсь, глядя на него: это, говоря по совести, единственная надежда нашей литературы. Что касается до меня — то скажу тебе на ухо с просьбой не пробалтываться: кроме обещанной статьи Дружинину, которую только потому и высылаю, что боюсь повторений катковской истории[1] — ни одной *моей* строки никогда напечатано (да и написано) не будет до скончания

* Мое настроение *(нем.)*.

века. Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю) — но изорвал и бросил в water-closet все мои начинания, планы и т. д. Все это вздор. Таланта с особенной физиономией и целостностью у меня нет — были поэтические струнки — да они прозвучали и отзвучали — повторяться не хочется — в отставку! Это не вспышка досады, поверь мне — это выражение или плод медленно созревших убеждений. Неуспех моих повестей (сообщенный мне из самых верных источников Колбасиным и др.) — ничего мне не сказал нового [2]. Я удаляюсь; как писателя с тенденциями заменит меня г. Щедрин (публике теперь нужны вещи пряные и грубые) — а поэтические и полные натуры вроде Толстого докончат и представят ясно и полно то, на что я только намекал. Все это довольно странно после «обязательного соглашения» [3], mais je m'en lave les mains» *. Так как я порядочно владею российским языком, то я намерен заняться переводом «Дон-Кихота», если буду здоров. Ты, вероятно, подумаешь, что это все преувеличение — и ты мне не поверишь. Ты увидишь, я надеюсь, что я никогда не говорил сурьезнее и искреннее.

Благодарю за присылку статьи о Фете; основная мысль весьма верна и дельна и щедрой рукою рассыпаны тонкие и умные замечанья [4]. Вот если откроется у меня к этому талант, я не прочь писать статьи в этом роде — и, может быть, себя попробую. Но сочинять — баста! Ты знаешь, что я тотчас бросил стихи писать, как только убедился, что я не поэт; а по теперешнему моему убеждению — я такой же повествователь, какой был поэт.

Я познакомился здесь со многими лицами, между прочим с Мериме. Я вообще приятно бы мог проводить время, если б не был отравлен. Увидимся, многое расскажу — а писать не хочется.

Прощай, милый Б. Не знаю, где ты, в Петербурге или в Москве — и потому пересылаю тебе это письмо через Анненкова. Будь здоров, обнимаю тебя.

Твой *Ив. Тургенев.*

---

* Но я умываю руки *(франц.)*.

[1] Речь идет о рассказе «Поездка в Полесье»; *Катковская история.* — Имеются в виду недоразумения, возникшие в связи с публикацией повести «Призраки», которую Тургенев обещал в «Русский вестник» (см. прим. 6 к п. № 104).

[2] См. в письме Е. Я. Колбасина от 15 января 1857 года («Тургенев и круг Современника», М. — Л. 1930, стр. 310—314).

«Обязательное соглашение» — см. прим. 4 к п. № 90.

[3] Статья В. П. Боткина о Фете напечатана в «Современнике», 1857, № 1.

114

В. К. КАШПЕРОВУ

Париж
7-го марта ⟨н. ст.⟩ 1857 г.

Любезнейший Кашперов, я все собирался написать Вам ответ на Ваше письмо — как вдруг пришло горестное известие о смерти Глинки [1]. Хотя нельзя уже было ожидать от него многого — но все-таки очень и очень жаль его, особенно когда подумаешь, как много мог этот человек сделать — и как мало оставил после себя. И за это малое будем ему благодарны. Имя его не забудется в истории русской музыки — и, если суждено ей когда-нибудь развиться — от него поведет она свое начало.

Останетесь ли Вы в Берлине после этой смерти? Не покажется ли Вам пусто и скучно там? Если бы Грибовский был еще здесь, я бы знал, что Вы намерены с собою сделать; но его, как Вам известно, Некрасов увлек в Рим [2]. Напишите мне о себе — да также сообщите какие-нибудь подробности о смерти Глинки. Я отнес присланный Вами романс к г-же Виардо, которая его похвалила.

Толстой (Л. Н. Т.) здесь, — и я вижусь с ним ежедневно. К сожалению, я не могу похвастаться здоровьем. Пузырь мой меня мучит — и я думаю, что пока я в Париже, я от него не отделаюсь. Я думаю выехать отсюда в начале апреля. В июне я уже буду в России.

Когда и где мы увидимся с Вами? Это известно одному богу. Но Вы, я надеюсь, не сомневаетесь, что

где бы мы ни встретились, я с истинной радостью пожму Вам руку. Поклонитесь от меня Столевскому, которого я полюбил искренно. Будьте здоровы и веселы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адрес теперь: Rue de l'Arcade, № 11. Я написал Вам по Вашему старому берлинскому адресу, в надежде, что Вам перешлют это письмо.

[1] М. И. Глинка умер в Берлине 3(15) февраля 1857 года.
[2] См. письмо Некрасова к Тургеневу от 17 февраля (1 марта) 1857 года (Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, стр. 321).

115
П. В. АННЕНКОВУ

Париж
15/3 апреля 1857 г.

Я еще здесь, любезнейший Павел Васильевич, но уже один — Толстой внезапно уехал в Женеву — и уже написал мне оттуда презамечательное письмо [1]— где он называет Париж содомом и гомморой, а себя сравнивает с камнем на дне реки, которого заносит понемногу илом и которому непременно нужно вдруг сорваться с места и поискать другую реку, где, быть может, меньше илу. Действительно, Париж вовсе не приходится в лад его духовному строю; странный он человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю. Смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича — что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо — высоконравственное и в то же время несимпатическое существо. Он сбирается долго прожить на берегу Женевского озера, но я полагаю увидеть его через месяц в Лондоне, куда я еду 1-го мая н. ст.

О себе много говорить нечего: я переживаю — или, может быть, доживаю нравственный и физический кризис, из которого выйду либо разбитый вдребезги, либо... обновленный! Нет, куда нам до обно-

вленья — а подпертый, вот как подпирается бревнами завалившийся сарай. Бывают примеры, что такие подпертые сараи стоят весьма долго и даже годятся на разные употребления. Basta cosi! * Теперь позвольте Вас сперва побранить, а потом похвалить (хотя и тут не обойдется дело без брани). Брань будет происходить за то, что Вы мне расхвалили из рук вон вялую, плохую, тупую комедию Островского, где, кроме лица Юсова (и то только в 3-м акте) — все остальное нестерпимо грубо и мертво [2]. Точно замороженные свиные туши. Я, понадеясь на Вас, вздумал читать ее вслух одному русскому (очень милому и умному) семейству... Мы заныли, застыли, завыли от скуки и тоски. Все сказанное мною я готов подписать кровью — и отныне я в будущность Островского не верю. Второе basta!

Хвала будет происходить за первые две статьи о Станкевиче в «Русском вестнике» [3]. (Третья еще не получена.) Вы воскресили мне его светлое лицо, Вы перенесли меня во времена моей молодости, весь смысл его жизни угадан, верно, тонко передан — спасибо! Но зачем Вы иногда так мудрено пишете? Какая-то у Вас проявляется вдруг хитроватая кудреватость — точно Вы не П. В. А. — а заслуженный немецкий дипломат по части философско-эстетических дел. То вдруг вырастает у Вас под пером слово: «всемерно» — то порыв души становится ее же границей и т. д. Но, видно, каждого человека должно брать целиком, как он есть — и я первый беру Вас с великим удовольствием, сознавая, что все то, что Вы делаете, лучше Вас никто сделать у нас не в состоянии. Еще раз искреннее и горячее спасибо. Да издайте, ради бога, скорее эти письма. Я уже их обещал Толстому — который будет упиваться ими, за это я ручаюсь [4].

Я сегодня получил от Некрасова письмо из Рима [5] итальянское письмо, знойное, пахучее — тоскливое, усталое. Он на днях сюда будет вместе с А. Я. Панаевой.

Ни в одно мое пребывание в Париже не познакомился я с таким множеством людей, как в это. Перед

---

* Довольно! *(итал.)*

отъездом побываю у Дюма, — но удовольствия мне эти знакомства не доставили — даже любопытство не удовлетворено — может быть, оттого, что не до наблюдений и изучений, когда самому плохо. Мериме, у которого я обедал, — совершенный Дружинин en grand *, так же холоден и любит всякие непотребности. Замечательного — привлекательного лица не встретил ни одного: все сухо, узко, гладко и коротко.

Я обедал, батюшка, у Киселева; вот какой я стал нынче смирный. С кн. Орловым вижусь ежедневно: он, кажется, очень хороший человек. Он повел меня на днях в церковь, где к изумлению моему в первый раз в жизни слышал умную и изящную проповедь здешнего священника Васильева. Театральных новостей нет: «Фиаммина» [6], о которой так кричат, вздор. «Question d'argent» [7] — умная и довольно скучная болтовня. Французы потеряли способность правды в искусстве; да и искусство у них вымирает. А затем addio, пишите в Лондон.

Ив. Тургенев.

P. S. Передали Вы письмо мое графине Ламберт? И познакомились ли с ней?

[1] Толстой написал письмо Тургеневу 28 марта (9 апреля), но не отправил его (см. Полн. собр. соч., т. 60, 1949, стр. 169); 30 марта (11 апреля) Толстой написал Тургеневу другое письмо, которое не сохранилось (см. т. 47, 1937, стр. 123 и 440).

[2] Речь идет о комедии Островского «Доходное место», впервые напечатанной в «Русской беседе», 1857, кн. 1.

[3] П. В. Анненков, Н. В. Станкевич («Русский вестник», 1857, кн. II и IV). Статью Тургенева о Станкевиче см. в т. 11 наст. изд.

[4] См. восторженные слова Толстого о Станкевиче в письме к Б. Н. Чичерину от 21—23 августа 1858 года (Полн. собр. соч., т. 60, 1949, стр. 272).

[5] См. письмо Некрасова от 7 апреля н. ст. 1857 года (Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, стр. 326—328).

[6] *«Фиаммина»* — драма Марио Ухарда, поставленная в Париже в марте 1857 года.

[7] *«Question d'argent»* («Денежный вопрос») — пьеса Александра Дюма-сына (1857).

---

* Большего масштаба *(франц.)*.

116

Н. А. НЕКРАСОВУ

Куртавнель
24/12 августа 1857 г.

Я здесь со вчерашнего дня, любезный друг, а из Булоня (где я купался в море) выехал дня три тому назад и провел полтора дня в Париже с Боткиным и Фетом. В Париже я нашел твои два (или три) письма и спешу тебе отвечать. Прежде всего скажу тебе, что мое письмо напрасно тебя огорчило; [1] я никогда не думал подозревать тебя — а приписал все это недоразумение (которое, признаюсь, меня несколько взволновало) твоей небрежности; это же самое меня заставило написать дяде о высылке тебе должных мною денег; где эти проклятые счеты заведутся, рано или поздно заводятся также недоразумения, а я не хочу, чтобы они были между нами. Уверяю тебя, что эта, как ты говоришь, *история* не произвела на меня никакого действия; я так же люблю тебя, как любил прежде — стало быть, и думать об этом больше не стоит.

Перейдем к другим вопросам.

Ты видишь, что я здесь — то есть что я сделал именно ту глупость, от которой ты предостерегал меня... [2] Но поступить иначе было невозможно. Впрочем, результатом этой глупости будет, вероятно, то, что я раньше приеду в Петербург, чем предполагал. Нет, уж точно: «Этак жить нельзя». Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого [3].

Ружье твое готово и находится у меня. Славное ружье!

Свадьба Фета совершится 2 сентября — и я обещал быть у него шафером. Он ужасно весел, болтлив и счастлив. Дай бог ему счастья! Он добрый, он его заслуживает. С Боткиным мы провели несколько часов в самой дружеской беседе. Он очень расклеился, вступая окончательно в старческий возраст, но бодр духом, чувствует себя в идеальном настроении и т. д.

Фет порадовал меня рассказами о тебе. По его словам, ты молодец и не унываешь. Это хорошо. Повесть я свою в Булоне подвинул сильно[4] — и теперь бы мне два, три утра безболезненных — и я примусь за переписку. Ужасно хочется сделать что-нибудь для бедного «Современника», а то, право, на нас все будут пальцами указывать. Но если болезнь бросит меня по возвращении в Петербург — вот когда я примусь работать! Ты увидишь! Боже мой, как мне хочется поскорей назад в Россию! Довольно, довольно, полно!

До скорого свидания, милый друг. Повторяю тебе, не сомневайся во мне, как я в тебе не сомневаюсь. Ну, а иногда друг на друга посетовать можно — с кем это не случается. Кланяюсь всем друзьям-приятелям, а тебя обнимаю.

Ив. Тургенев.

P. S. Адрес мой: Au-château de Courtavenel près de Rozoy en Brie Seine et Marne. Подтверди братьям Колбасиным то, что я просил Дружинина передать им, а именно, что я непременно желаю иметь квартиру *с 15 октября — теплую.*

[1] См. письмо Некрасова к И. С. Тургеневу от 20 июля ст. ст. 1857 г. и прим. к нему (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, М. 1952, стр. 347—349).

[2] То есть поехал из Баден-Бадена в Париж и в Куртавнель (под Парижем) — к П. Виардо. См. письмо Некрасова к Тургеневу от 14 июля 1857 г. (Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, стр. 347).

[3] Речь идет об отношениях с П. Виардо.

[4] Речь идет о повести «Ася».

117

П. В. АННЕНКОВУ

Куртавнель
5 октября (23 сентября) 1857 г.

Милый А. На днях я получил письмо от Некрасова с приложением циркуляра на издание альманаха для семейства Белинского[1], но так как я недавно писал

ему, то я предпочитаю поговорить с Вами. Прежде всего — скажите Некрасову, что я обещаю ему две статьи — повесть или рассказ и воспоминания о Б<елинско>м. Я глазам не верю — неужели позволили наконец альманах с именем Белинского на заглавном листе и с отзывами о нем! Как бы то ни было — я с восторгом впрягаюсь в эту карету и буду везти из всех сил.

Что же касается до моего внезапного путешествия в Рим, то, поразмыслив хорошенько дело, Вы, я надеюсь, убедитесь сами, что для меня, после всех моих треволнений и мук душевных, после ужасной зимы в Париже тихая, исполненная спокойной работы зима в Риме, среди этой величественной и умирающей обстановки, просто душеспасительна. В Петербурге мне было бы хорошо со всеми вами, друзья мои; но о работе нечего было бы думать; а мне теперь, после такого долгого бездействия, предстоит либо бросить мою литературу совсем и окончательно, либо попытаться: нельзя ли еще раз возродиться духом? Я сперва изумился предложению (В. П. Боткина), потом ухватился за него с жадностью, а теперь я и во сне каждую ночь вижу себя в Риме. Скажу без обиняков: для совершенного моего удовлетворения нужно было бы Ваше присутствие в Риме; мне кажется, тогда ничего не оставалось бы желать... Вы, сколько я помню, собирались ехать в Рим, что бы Вам именно теперь исполнить это намерение? Право, подумайте-ка об этом. Славно бы мы пожили вместе! Если Вы не приедете, я буду часто писать Вам и Некрасову. Я надеюсь, что болезнь моя не схватит опять меня за шиворот; в таком случае я, разумеется, буду молчать, но я надеюсь, что она не придет снова. Прощайте, друг мой П. В. Пришлите мне 7-й том Пушкина в Рим. Обнимаю Вас!

[1] Это письмо (от 10 сентября 1857 г.) см. в Полн. собр. соч. и писем Некрасова, т. X, 1952, стр. 361—362; «циркуляр» об издании альманаха — в т. XII, 1953, стр. 71—72.

118

П. В. АННЕНКОВУ

Рим
31 октября (12 ноября) 1857 г.

Милый А. Ваше письмо меня очень обрадовало, и я надеюсь, что переписка наша оживится снова. Нам с Вами надобно непременно, хотя изредка, писать друг к другу. Вот уже скоро две недели, как я в Риме; погода стоит чудесная; но болезнь моя опять принялась грызть меня. Это очень меня огорчает, потому что если бы не эта мерзость, я бы работал. Я это чувствую, и даже, несмотря на болезнь, уже кое-что сделал. Не буду говорить Вам о Риме — мало сказать не стоит, много — невозможно. Я знакомлюсь с ним помаленьку — спешить не для чего, ходил на Вашу квартиру в Via Felice; но уже все изменилось с тех пор, и хозяин другой — расспрашивать было некого. Постараюсь исполнить Ваше желание и напишу для Корша письмо, то есть два или три письма, не знаю, будет ли интересно. «Современник» имеет право на меня сердиться; но, право же, я не виноват. Говорят, Некрасов опять стал играть... Вы воображаете, что мне «со всех сторон» пишут! Никто мне не пишет. А потому давайте мне сведений как можно больше.

Познакомился я здесь с живописцем Ивановым и видел его картину [1]. По глубине мысли, по силе выражения, по правде и честной строгости исполнения вещь первоклассная. Недаром он положил в нее 25 лет своей жизни. Но есть и недостатки. Колорит вообще сух и резок, нет единства, нет воздуха на первом плане (пейзаж в отдалении удивительный), все как-то пестро и желто. Со всем тем я уверен, что картина произведет большое впечатление (будут фанатики, хотя немногие), и главное: должен надеяться, что она подаст знак к противодействию брюлловскому марлинизму [2]. С другой стороны, византийская школа князя Гагарина... Художеству еще худо на Руси. Остальные здешние русские артисты — плохи. Сорокин кричит, что Рафаэль дрянь и «все» дрянь, а сам чепуху пишет; знаем мы эту поганую рассейскую замашку. Невежество их всех губит.

Иванов — тот, напротив, замечательный человек; оригинальный, умный, правдивый и мыслящий, но мне сдается, что он немножко тронулся: 25-летнее одиночество взяло свое. Не забуду я (но это непременно между нами), как он, во время поездки в Альбано, вдруг начал уверять Боткина и меня — весь побледневши и с принужденным хохотом, — что его отравливают медленным ядом, что он часто не ест и т. д. [3]. Мы очень часто с ним видимся; он, кажется, расположен к нам.

Вы меня хвалите за мое намерение прожить зиму в Риме. Я сам чувствую, что эта мысль была недурная, — но как мне тяжело и горько бывает, этого я Вам передать не могу. Работа может одна спасти меня, но если она не дастся, худо будет! Прошутил я жизнь, — а теперь локтя не укусишь. Но довольно об этом. Все-таки мне здесь лучше, чем в Париже или в Петербурге.

Не знаю, писал ли я Вам, что в Париже встретил Ольгу Александровну [4]. Она не совсем здорова и зиму будет жить в Ницце. Здесь из русских пока никого нет: ждут Черкасских.

Боже Вас сохрани не прислать мне 7-го тома Пушкина, переписку Станкевича и Ваше письмо о Гоголе. Справьтесь у Некрасова и Колбасиных, как сюда пересылались книги, — и так и поступайте.

Со вчерашнего дня стал дуть tratnontano * — а то такая теплынь стояла, что сказать нельзя. Третьего дня мы с Боткиным провели удивительный день в villa Pamfili. Природа здешняя очаровательно величава — и нежна и женственна в то же время. Я влюблен в вечнозеленые дубы, зончатые пинии и отдаленные, бледноголубые горы. Увы! я могу только сочувствовать красоте жизни — жить самому мне уже нельзя. Темный покров упал на меня и обвил меня; не стряхнуть мне его с плеч долой. Стараюсь, однако, не пускать эту копоть в то, что я делаю; а то кому оно будет нужно? Да и самому мне оно будет противно.

Боткин здоров; я с ним ежедневно вижусь, но я не живу с ним. В его характере есть какая-то старческая

---

* Северный ветер *(итал.)*.

раздражительность — эпикуреец в нем то и дело пищит и киснет; очень уж он заразился художеством.

Напишите мне все, что узнаете, услышите о Толстом и его сестре. Я не думаю, чтобы Вам понравилось его последнее произведение [5], но у него есть другие, хорошие вещи. Он Вас очень любит.

Познакомились ли Вы с графиней Ламберт? Она этого желала, и я Вам советую. Я опять напишу ей письмо через Ваше посредничество. На этот раз войдите к ней.

Ну, вот — переписка благополучно возобновлена; смотрите же, чтобы она не прекратилась. Поклонитесь всем друзьям, а Вам я крепко жму руку. Читали ли Вы «Историю Рима» Момзена? Я ею здесь упиваюсь [6].

Весь Ваш *И. Т.*

P. S. Напишите мне досконально: Базунов не пострадал от моих повестей? Если нет, то мое самолюбие было бы несколько успокоено.

[1] «Явление Христа народу» — картина А. А. Иванова, начатая в 1837 и законченная в 1857 году.

[2] Под «марлинизмом» (от фамилии Марлинский — псевдоним писателя А. А. Бестужева) Тургенев подразумевал стремление к нарочитой эффектности, свойственное художественной манере Марлинского и в известной мере — Брюллова.

[3] См. об этом в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева — в очерке «Поездка в Альбано и Фраскати» (т. 10 наст. изд., стр. 338—339).

[4] Тургеневу.

[5] То есть рассказ «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» («Современник», 1857, № 9).

[6] В годы 1854—1856 вышла «Римская история» Теодора Момзена (Mommsen), профессора Бреславльского, а затем Берлинского университетов.

119

Е. Е. ЛАМБЕРТ

Рим
3/15-го ноября 1857 г.

Любезнейшая графиня,

Я считаю еще себя в долгу у Вас за Ваше большое и милое письмо, полученное мною в апреле месяце,

потому что я не могу никак признать маленькую мою записку к Вам за серьезный ответ. Я тогда располагал вернуться к зиме в Россию — и потому, надеясь скоро свидеться с Вами, не считал нужным распространяться на бумаге; но вместо Петербурга я попал в Рим — и раньше мая месяца в Россию не приеду. Отчасти это сделалось случайно: один мой хороший приятель отправлялся в Рим и пригласил меня с собою; [1] но была также и причина, почему я так скоро согласился. В последнее время я вследствие различных обстоятельств ничего не делал и не мог делать; я почувствовал желание приняться за работу — а в Петербурге это было бы невозможно; меня бы там окружили приятели, которых бы я увидал с истинной радостью, но которые помешали бы мне (да я сам бы себе помешал) уединиться; а без уединения нет работы. Рим — именно такой город, где легче всего быть одному. А захочешь оглянуться — не пустые рассеянья ожидают тебя, а великие следы великой жизни, которые не подавляют тебя чувством твоей ничтожности перед ними, как бы следовало ожидать, а напротив, поднимают тебя и дают душе настроение несколько печальное, но высокое и бодрое. Если я и в Риме ничего не сделаю — останется только рукой махнуть.

В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое. Горе тому, кто не умеет их чувствовать, — и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызвать к жизни то, что еще не созрело. Часто я погрешал то нетерпеньем, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла, и пора мне сделаться если не дельным человеком, то по крайней мере человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть. Я ничем не не могу быть как только литератором, — но я до сих пор был больше дилетантом. Этого вперед не будет.

Пока я наслаждаюсь Римом и его прекрасными окрестностями. Погода стоит чудесная; почти не веришь глазам, встречая в ноябре месяце только что распускающиеся розы. Но не столько поражают меня эти

необыкновенности, как вообще весь характер здешней природы. Такая ясная, крепкая и возвышенная красота разлита всюду!

Русских здесь немного, по крайней мере я знаком с немногими. Да и бог с ними! Из 50 заграничных русских лучше не знакомиться с 49-ю. Всех их втайне съедает скука, та особенная, заграничная скука русская, о которой я когда-нибудь напишу статейку [2]. Из здешних художников самый замечательный Иванов, и в его картине (которую он мне показал под секретом) есть первоклассные красоты [3].

А что делается у нас в России? Здесь ходят разные противоречащие слухи. Если б не литература, — я бы давно вернулся в Россию; теперь каждому надобно быть на своем гнезде. В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню и не выеду оттуда, пока не устрою моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не *барином*.

Это письмо отнесет Вам Анненков. Познакомьтесь с ним; Вы его полюбите. Он прекрасный, умный и милый человек.

Напишите мне несколько слов (по-французски, разумеется) о Вас самих, о Вашем муже и Вашем сыне. Всё ли Вы живете на Фурштатской и что делает Ваша приятельница M-me Veriguine? Очень бы я был Вам благодарен, если б Вы мне сказали слово о том, где вдова Еврейнова и что делает ее необыкновенная дочь Лидия?

Прощайте; желаю Вам всех возможных благ и крепко жму Вашу руку.

Мой адрес: Rome, poste restante. Это вернее всего.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите Ваш *верный* адрес.

[1] Речь идет о В. П. Боткине.

[2] См. корреспонденцию Тургенева: «Из-за границы. Письмо первое» («Атеней», 1858, № 6; см. в т. 11 наст. изд.).

[3] См. п. № 118.

120
А. А. ФЕТУ

Рим
7(19) ноября 1857 г.

От Боткина получал я постоянные известия об Вас, любезнейший Афанасий Афанасьевич, — и вот наконец пришло от Вас письмецо ко мне, за которое сердечное Вам спасибо. Я очень рад слухам о Вашем счастье [1] — и хотя искренно сожалел о потере всех парижских дорогих покупок [2], однако при отсутствии большего несчастья — это еще с рук сойти может. Взгляните на этот пожар как на перстень Поликратов, брошенный в дар завистливым богам. А потрохи не дождались меня! Что делать! Частью виновато в этом красноречие В⟨асилия⟩ П⟨етровича⟩ — а частью мне самому не хотелось вернуться в Россию после годовой отлучки — с пустыми руками. Я надеялся, что, расставшись с Парижем, я расстанусь с моей болезнью; я рассчитывал на здешний климат... Но увы! j'ai compté sans mon hôte... * Болезнь поймала меня и здесь — и так больно кусается, что я, пожалуй, не вытерплю и уеду из Рима, как уже уехал из Парижа и других мест. Плохо мне, — да что говорить об этом.

Спасибо за известие о Толстом и его сестре. Скажите им, что очень они не худо бы сделали, если б написали мне.

Что Вам сказать о Риме? Вы здесь были — и сами знаете, какое он впечатление производит на нашего брата, северяка. Если б не гнусная моя болезнь, не выехал бы отсюда, право.

Стихотворение Ваше «Аполлон» — мне не очень нравится. Слишком старательно, мелко-подробно и общего впечатления не передает.

Ему так же далеко до стихотворения «Милосская Венера», как самому Аполлону (я говорю о статуе) — до Луврской богини. Но пишите, пишите стихотворений как можно больше: у Вас из 10 всегда одно пре-

---

* Я сделал расчет, не считаясь с хозяином *(франц.)*.

восходное, а это — огромный процент. А бог даст в будущем году издадим еще книжечку [3].

Поклонитесь от меня Аксаковым, в особенности же Сергею Тимофеевичу. Я его адреса не знаю, но я напишу ему на Ваше имя. Скажите Толстому, чтоб он выслал мне свой адрес (и сестрин). Разве он намерен поселиться в Москве? Познакомились ли Вы с его братом Николаем?

Сообщенные подробности о Писемском и Островском — не слишком отрадны. Но что прикажете делать? У всякого человека своя манера блох ловить. Боюсь я, что при этаком поведен*це* Писемский себя ухлопает; [4] Островский — тот здоров. Эти два весьма замечательных и чрезвычайно талантливых русских человека не брали себя в руки, не ломали себя; а русскому человеку это совершенно необходимо. Талант их от этого, может быть, уцелел, да ведь он с другой стороны затрещать может.

Вы пишете, что Григорьева нет в Москве, а не пишете — где же он? Может быть, он где-нибудь здесь, поблизости, и его можно было бы увидеть, если не залучить. Несмотря на мое калечество — я кое-как принялся за работу; но трудно и вяло подвигается она. Я разорен весь вот как в детстве, бывало, мы разоряли муравейник. Где его справить!

Прощайте, будьте здоровы Вы по крайней мере. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Кланяюсь Вашей жене и благодарю за память. Поклонитесь также Вашей сестре. Боткин здоров и весел.

[1] Фет женился на сестре В. П. Боткина — Марии Петровне Боткиной.

[2] Парижские покупки Фета погибли во время пожара на железной дороге (см. А. Фет, Мои воспоминания, М. 1892, ч. I, стр. 211).

[3] В 1856 году при содействии Тургенева вышла книга стихов Фета.

[4] Тургенев узнал о том, что Писемский сильно пьет,

121

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Рим
25-го ноября/7-го декабря 1857 г.

Милый Толстой, четвертого дня принес мне Боткин Ваше письмо; говорю Вам спасибо и отвечаю. (Кстати, большого Вашего письма в Fécamp я не получил — я в Фекане [1] вовсе не был; впрочем, я написал туда, чтобы мне его выслали, если оно не затерялось.) Причина приезда моего в Рим — вместо возвращения в Россию — очень проста, хотя в сущности — причина эта имеет три корня, а может быть и четыре. 1) Я побоялся возвратиться в Россию на зиму; 2) мне не хотелось приехать с пустыми руками, — а в Риме я надеялся поработать, и не обманулся; 3) мысль увидать Италию вместе с Боткиным мне понравилась; 4) весною, возвращаясь в Россию, я еще раз увижу близких мне людей. Кажется, — все. Здесь мне было бы очень и очень хорошо, если бы проклятая болезнь не принялась опять грызть меня; боюсь я, она отсюда меня выживет. Разъезжая с Боткиным по окрестностям, по развалинам, под этим «благосклонным» небом [2], мы беспрестанно вспоминаем о Вас. Нам было бы хорошо от Вашего присутствия, — а Вам, я думаю, Рим и понравился бы и принес много пользы. Вы бы наверное здесь славно работали; даже я стряхнул здесь свою лень и написал повесть [3], которая на днях отправляется в Петербург. Я ее прочел Боткину: он дал мне дельные советы, которыми я воспользовался.

Как-то Вы поживаете в Москве? С Вашей сестрой жить очень легко, — но Вы не умеете жить легко. Вы хотите во всем полноту и ясность — и хотите все это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: все это мешает гладкому и легкому течению дня. Мне сдается, что Вам в Москве будет скучно, и Вы будете вдруг метаться из стороны в сторону; а Вам бы теперь надобно спокойно и вкусно работать. Я не хочу верить, чтобы нынешнее, юридическое направление литературы Вас сбило с толку; а на днях прочел щедринского «Же-

ниха» — и представить не могу, чтобы можно было придавать какое-либо значение таким грубым штукам; оно может быть полезно, но позволить этому хотя на волос возыметь влияния на собственную деятельность — непростительно; идите своей дорогой — и пишите, — только, разумеется, не люцернскую морально-политическую проповедь [4]. Боткин мне очень хвалил начало Вашего Кавказского романа [5]. Вы пишете, что очень довольны, что не послушались моего совета — не сделались только литератором. Не спорю, может быть, Вы и правы, только я, грешный человек, как ни ломаю себе голову, никак не могу придумать, что же Вы такое, если не литератор: офицер? помещик? философ? основатель нового религиозного учения? чиновник? делец? Пожалуйста, выведите меня из затруднения и скажите, какое из этих предположений справедливо.

Я шучу, — а в самом деле мне бы ужасно хотелось, чтобы Вы поплыли, наконец, на полных парусах. С каким бы удовольствием сидел я бы теперь между Вашей сестрой и Вами и спорил бы с Вами до упаду, но весело и дружелюбно, между тем как брат Ваш Николай тут же бы присутствовал и вмешивал бы изредка в наши речи свое умное слово! Пожалуйста, поклонитесь ему от меня и известите, не пишет ли он чего-нибудь: в его записках были восхитительно поэтические страницы [6]. Видаете Вы Аксаковых и как Вы с ними? Я на днях напишу Сергею Тимофеевичу; мне хочется возобновить переписку с ним.

До меня уже не впервые доходят слухи, что дядя мой не так управляет моим имением, как бы следовало. Что ж мне было делать? Сам я не умел с этим сладить — сделал все, что мог, то есть назначил себе небольшую сумму на годовой прожиток, 3600 руб. сер. Зато я решился посвятить весь будущий год на окончательную разделку с крестьянами; хоть все им отдам, — а перестану быть «барином». На это я совершенно твердо решился — и из деревни не выеду, пока всего не кончу.

Боткин здесь стал молодцом. Нога не болит, дух бодр и свеж. Из остальных русских один художник

Иванов человек замечательный и умный; другие наши художники — дурачки, зараженные брюлловщиной — и бездарные, то есть не то что бездарные, все они с средствами, — да ничего из этих средств сделать не умеют. Живут с девками, бранят Рафаэля — и только. Русского художества еще нет.

Погода стоит удивительная. Розы цветут, — да меня это мало радует... Я убеждаюсь, что здешний климат мне не по шерсти. А жаль будет выехать.

Напишите мне в Рим, poste restante. Поклонитесь всем московским приятелям (это будет нетрудно — их у меня очень немного), пожмите руку Вашей сестры. Я не франкирую письма, чтобы оно верней дошло, — и Вы не франкируйте.

Будьте здоровы и работайте.

Любящий Вас

Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите Ваш адрес.

[1] *Фекан* — город во Франции, на север от Гавра.

[2] Ср. в стихотворении Тютчева «Итальянская вилла»: «Но небо здесь к земле так благосклонно!»

[3] Речь идет о повести «Ася».

[4] Тургенев имеет в виду рассказ Толстого «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн».

[5] То есть «Казаков».

[6] Тургенев имеет в виду очерк Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе».

122

П. В. АННЕНКОВУ

Рим
1 (13) декабря 1857 г.

Любезнейший П. В., Ваше умное, как день, письмо получено мною вчера — я спешу отвечать Вам; чтобы не сбиться и все сказать, что следует и на своем месте, разобью мое письмо на пункты. 1) *Литература.* Вероятно, Вы по получении этого письма уже будете знать, что я нарушил мое молчание, то есть написал неболь-

шую повесть, которая вчера отправлена в «Современник» [1]. Я и Панаева и Колбасина просил о том, чтобы до напечатания повесть эта была прочтена Вами и напечаталась не иначе как с Вашего одобрения. Не стану Вам говорить о ней — лучше я послушаю, что Вы о ней скажете. В ней решительно нет ничего общего с современной пряной литературой — а потому она, пожалуй, покажется fade*. Повесть эту я окончил здесь. Я чувствую, что я здесь мог бы работать... (см. ниже пункт: Жалобы на судьбу). Кончивши эту работу, я сел за письмо Коршу, которое оказывается затруднительнее, чем я предполагал. Впрочем, непременно одолею все затруднения — и дней через 5 или 6 надеюсь выслать это письмо на Ваше имя. 2) *Жалобы на судьбу.* Если здоровье вообще нужно человеку, то в особенности оно нужно ему тогда, когда он подходит к 40-м годам, то есть во время самой сильной его деятельности. Под старость болезнь дело обычное, в пору молодости — интересное. Как же мне не пенять на судьбу, наградившую меня таким мерзким недугом, что по милости его я превращаюсь в Вечного Жида. Вы из одного слова поймете мое горе: после двухмесячной борьбы я с сокрушенным сердцем принужден оставить милый Рим и ехать черт знает куда — в поганую Вену советоваться с Зигмундом. Здешний климат развил мою невралгию до невероятности, и доктор меня сам отсюда прогоняет. Ну, скажите — не горько это? Не гадко? Я всячески оттягиваю и откладываю день отъезда — но больше месяца от нынешнего числа я не проживу здесь. Ведь надобно же, чтобы ко мне привязалась такая небывалая болезнь. Поверьте — никакие ретроспективные соображения тут не утешат. Однако, если Вы будете отвечать мне тотчас (а это было бы очень мило с Вашей стороны, потому что мне хочется поскорее узнать Ваше мнение о моей повести) — пишите еще пока в Рим. 3) *Рим.* Рим — прелесть и прелесть. Зная, что я скоро расстанусь с ним, я еще более полюбил его. Ни в каком городе Вы не имеете этого постоянного чувства, что Великое, Прекрасное, Значительное — близко, под ру-

---

* Пресной *(франц.)*.

кою, постоянно окружает вас, и что, следовательно, вам во всякое время возможно войти в святилище. Оттого здесь и работается вкуснее и уединение не тяготит. И потом этот дивный воздух и свет! Прибавьте к этому, что нынешний год феноменальный: каждый день совершается какой-то светлый праздник на небе и на земле; каждое утро, как только я просыпаюсь, голубое сияние улыбается мне в окна. Мы много разъезжаем с Боткиным. Вчера, например, забрались мы в Villa Madama [2] — полуразрушенное и заброшенное строение, выведенное по рисункам Рафаэля. Что за прелесть эта вилла — описать невозможно: удивительный вид на Рим, и vestibule такой изящный, богатый, сияющий весь бессмертной рафаэлевской прелестью, что хочется на колени стать. Через несколько лет все рухнет — иные стены едва держатся; но под этим небом самое запустение носит печать изящества и грации; здесь понимаешь смысл стиха: «Печаль моя светла» [3]. Одинокий, звучно журчавший фонтан чуть не до слез меня тронул. Душа возвышается от таких созерцаний — и чище и нежнее звучат в ней художественные струны.

Кстати, я здесь имел страшные «при» с русскими художниками. Представьте, все они (почти без исключения — я, разумеется, не говорю об Иванове), как за язык повешенные, бессмысленно лепечут одно имя: Брюллов, а всех остальных живописцев, начиная с Рафаэля, не обинуясь, называют дураками. Здесь есть какой-то Железнов (я его не видал), который всему этому злу корень и матка [4]. Я объявил им наконец, что художество у нас начнется только тогда, когда Брюллов будет убит, как был убит Марлинский: delenda est Carthago, delendus Brulovius *. Брюллов — этот фразер без всякого идеала в душе, этот барабан, этот холодный и крикливый ритор — стал идолом, знаменем наших живописцев! Надобно и то сказать, таланта в них собственно ни в ком нет. Они хорошие рисовальщики, то есть знают грамматику — и больше ничего.

---

* Карфаген должен быть разрушен, должен быть разрушен Брюллов *(лат.)*.

В одном только из них, Худякове, есть что-то живое; но он, к сожалению, необразован (он из дворовых людей), а умен и не раб — не ленивый и самонадеянный раб духом, как другие, хотя и он молится Брюллову [5].

Удивили Вы меня известием о лесных затеях Толстого! [6] Вот человек! с отличными ногами непременно хочет ходить на голове. Он недавно писал Боткину письмо, в котором говорит: «Я очень рад, что не послушался Тургенева, не сделался только литератором». В ответ на это я у него спрашивал — что же он такое: офицер, помещик и т. д.? [7] Оказывается, что он лесовод. Боюсь я только, как бы он этими прыжками не вывихнул хребта своему таланту; в его швейцарской повести [8] уже заметна сильная кривизна. Очень бы это было жаль, но я все-таки еще крепко надеюсь на его здоровую природу. *Résumé:* a) напишите мне тотчас мнение об «Асе» сюда; b) высылайте сюда же Пушкина, Гоголя *непременно;* c) я Вам через неделю пошлю письмо Коршу; d) любите меня, как я Вас люблю. Боткин благодарит и кланяется Вам. *И. Т.*

[1] *Небольшая повесть* — «Ася».

[2] *Villa Madama* — вилла XVI века, начатая постройкой в 1516 году для кардинала Джюлио Медичи; впоследствии в ней жила Маргарита Пармская.

[3] Из стихотворения Пушкина «На холмах Грузии».

[4] *Железнов* Михаил Иванович (род. 1825), ученик Брюллова; писал картины на исторические темы.

[5] Художник *В. Г. Худяков* прожил в Риме четыре года (1857—1860); известна его картина из римского народного быта «Игра в шары».

[6] Анненков писал Тургеневу (в письме от 16 ноября 1857 г.), что Толстой приезжал в Петербург — «показывать знатным господам свой проект заселения всей России лесами» («Труды Публ. библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, М. 1934, стр. 71). Поданный Толстым в Министерство государственных имуществ «Проект по лесному хозяйству» напечатан в т. 5 Полного собрания сочинений, 1931, стр. 259—261.

[7] В письме к Боткину и Тургеневу Толстой писал: «Слава богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор» (Полн. собр. соч., т. 60, 1949, стр. 234). Тургенев ответил на это в письме от 25 ноября (7 декабря) 1857 года (см. п. № 121).

[8] *Швейцарская повесть* — «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн».

125

А. И. ГЕРЦЕНУ

Рим
7 января ⟨н. ст.⟩ 1858 г.

Любезный Г., отвечаю на твое исполненное каламбуров и дружелюбия письмо. Спасибо за присылку отрывков из «Колокола», но я уже вчера получил весь № от одного из твоих пламеннейших поклонников (имя их легион). Вперед, пожалуйста, присылай мне «Колокол» sous bande и «Полярную» idem * — и книгу о Корфе idem. Это — самый скорый и верный способ доставления. 6 № «Коло⟨кола⟩» хорош — но, по-моему, немного сбивается на «Charivari»; [1] а «К⟨олокол⟩» и «Шаривари» большая разница. Я знаю, что не во всякий № можно написать такую статью, каково твое письмо к государю; [2] но «игривость» — не нужна, особенно теперь, когда в России готовятся весьма серьезные вещи. 2 рескрипта и 3-й о том же Игнатьеву произвели в нашем дворянстве тревогу неслыханную [3], под наружной готовностью скрывается самое тупое упорство, и страх, и скаредная скупость; но уже теперь назад пойти нельзя — le vin est tiré — il faut le boire. Жаль также, что ты напечатал известие о победе — пребывании Беринга в то время, как его заменили [4] Ахматовым. Этот господин совсем в другом роде: сладкий, учтивый, богомольный — и засекающий на следствиях крестьян, не возвышая голоса и не снимая перчаток. Он метил при Н. П. [5] в обер-прокуроры святейшего синода. Теперь попал в обер-полициймейстеры — должности весьма, впрочем, однородные. Кстати, я надеюсь, что ты «Зальцмана» поместишь в «Колоколе», а не в «П⟨олярной⟩ з⟨везде⟩». В «Колоколе» оно будет в 1000 раз действительнее [6]. Кстати еще — вот тебе анекдот, который, однако, ты *не разглашай*. Актеров в Москве вздумали прижать, отнять у них их собственные деньги; они решились отправить от себя депутатом старика Щепкина искать правды у Гедеонова

---

* Также (*лат.*).

(молока от козла). Тот, разумеется, и слышать не хочет; «тогда, — говорит Щ., — придется пожаловаться министру». — «Не смейте!» — «В таком случае, — возразил Щ., — остается пожаловаться «Колоколу». Гедеонов вспыхнул и кончил тем, что деньги возвратил актерам. Вот, брат, какие штуки выкидывает твой «Колокол»[7].

Мне очень весело, что моя статейка вам обоим понравилась;[8] а писал я ее mit schwerem Herzen *. Дальнейше рекомендую себя Вашей снисходительности.

Боткин, с которым я вижусь каждый день, совершенно симпатизирует твоей деятельности и велит тебе сказать, что, по его мнению, ты и твои издания составляют эпоху в жизни России.

Очень мне приятно было услышать о том, что здоровье О〈гарева〉 после такой жуткой операции совсем поправилось; я ему на днях напишу. Мой пузырь все меня беспокоит; посмотрю, не подействуют ли на него твои каламбуры.

Ты пишешь, что рекомендуешь Иванову книгу, а какую именно — осталось у тебя в чернильнице.

Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича[9], — а то его и без того жестоко бранят в Петербурге все реаки, — за что же его эдак с двух сторон тузить, — эдак он, пожалуй, и дух потеряет.

Ну прощай, будь здоров и присылай sous bande все, что у тебя готово. А контерфей[10] мой продается совершенно без моего ведома, бог знает кем и какой. Я сам еще не дошел до того, чтобы думать, что мое лицо может быть интересно au gros du public **.

Твой *Тургенев.*

[1] *«Charivari»* (Шаривари) — французский сатирический листок.

[2] Речь идет о статье Герцена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», опубликованной в 4-м листе «Колокола», 1857 г.

[3] Тургенев имеет в виду рескрипты Александра II виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову и петербургскому — П. Н. Игнатьеву; в этих рескриптах говорилось о необходимости крестьянской реформы.

---

* С тяжелым сердцем *(нем.)*.

** Широкой публике *(франц.)*.

[4] См. статью Герцена «Полицейский разбой в Москве» (Полн. собр. соч. и писем под редакцией М. К. Лемке, т. IX, 1919, стр. 51). Об отставке московского полицмейстера Беринга сообщалось в 8-м листе, «Колокола», 1858 г.

[5] Николае I.

[6] Дело о кн. Л. В. Кочубее, покушавшемся на убийство своего управляющего, австрийца Зальцмана, было послано Тургеневым Герцену из Рима при письме от 22 декабря 1857 года. Напечатано в «Колоколе» от 1 января 1858 года, № 7.

[7] Эпизод, рассказанный Тургеневым, был использован впоследствии Герценом в статье «Михаил Семенович Щепкин», («Колокол», Л. 171, 1863 г.).

[8] Герцену и Огареву понравился очерк Тургенева «Поездка в Полесье» («Библиотека для чтения», 1857, № 10). См. прим. к очерку в т. 6 наст. изд.

[9] То есть Александра II.

[10] Герцен писал Тургеневу 31 декабря 1857 года: «Недаром в Петербурге продают твой контрофей». Контрофей (английское counterfeit — подлог), в данном случае — портрет.

124

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Рим
17/29-го января 1858 г.

Спасибо за Ваше письмо, милый Толстой. Вы совершенно правы, предполагая, что известия из России заставят меня вернуться; но я думаю, раньше мая месяца приезжать в деревню не для чего. Зато, приехавши, я уже не выеду оттуда, пока не приведу дел моих в некоторую ясность. Не стану Вам говорить, как сильно все это на меня действует, — этого на бумаге высказать нельзя. Давно ожиданное сбывается — и я счастлив, что дожил до этого времени[1].

Вот мой план: я выезжаю отсюда через три недели, еду на несколько дней в Неаполь, возвращаюсь сюда к концу февраля — остаюсь здесь еще дней пять или шесть (если б Вы вздумали написать мне, Ваше письмо меня бы еще здесь застало) — потом через Флоренцию, Венецию и Женеву еду в Париж и Лондон; на все это путешествие назначается 6 недель — так что в апреле или мае я, если буду жив и здоров, уже в России. В Петербурге и в Москве я пробуду недолго: мне хочется поскорей в деревню.

Не буду говорить Вам о том вопросе, который Вам, вероятно, уже уши прожужжал, но уверяю Вас, он занимает нас здесь чуть ли не больше, чем всех вас, находящихся на месте; каждое известие принимается с жадностью, толкам и спорам нет конца. Я также написал мемориал[2], послал его (это между нами; дело идет об основании журнала, исключительно посвященного разработке крестьянского вопроса); словом, все мы завертелись, как белка в колесе. Я послал письмо к нашему предводителю... Но обо всем этом мы будем еще иметь время толковать, живя, как я надеюсь, невдали друг от друга и часто посещая друг друга в течение лета. А странное будет это лето!

Лучше поговорю с Вами о Вас самих. Вы были бы правы, если б, предлагая Вам быть только литератором, — я ограничил значение литератора одним лирическим щебетаньем; но в наше время не до птиц, распевающих на ветке. Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти «измы») — а дилетантом быть — значит быть бессильным. До сих пор в том, что Вы делали, — все еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком. Мне странно, однако, почему Некрасов забраковал «Музыканта»;[3] что в нем ему не понравилось, сам ли музыкант, возящееся ли с собой лицо? Боткин заметил, что в лице самого музыканта недостает той привлекательной прелести, которая неразлучна с художественной силой в человеке; может быть, он прав; и для того, чтобы читатель почувствовал часть очарованья, производимого музыкантом своими *звуками*, нужно было автору не ограничиться одним высказыванием этого очарования. Тот же Боткин сообщил мне о Вашем намерении затеять с Фетом журнал, посвященный исключительно художеству — не в pendant ли Вашему исключительно военному журналу?[4] Подождите затевать это дело до нашего возвращения; потолковавши хорошенько, может быть мы и смастерим что-нибудь — ибо я понимаю, какие побуждения лежат

в основании такого прожекта. Желаю Вам найти, что Вы ищете в московском обществе; что же касается до Вашего семейного кружка, то в нем должно быть хорошо — и очень хорошо; поверьте в этом человеку, которому сбоку видней. Я здесь познакомился с Ростовцевым, Ник. Яковлевичем; он Вас помнит и любит — и сам он прекраснейший человек.

Следует теперь сказать Вам что-нибудь о себе — хотя, признаться, предмет этот даже для меня мало интересен. Здесь мне было лучше, чем где бы то ни было за границей; но мне совсем не следовало выезжать за границу. Я здесь кое-что сделал; что из этого вышло, Вы можете судить сами; Вы, вероятно, уже прочли повесть, помещенную в «Современнике» [5]. Если вздумается, напишите мне Ваше мнение; Вы знаете, что я им очень дорожу.

Кстати, получили ли Вы что-нибудь по пресловутому обязательному соглашению? [6] То есть произошло ли деление *дивидендов* — или, по причине глубокой и скорбной бедности «Современника» — все это было отложено до *следующего раза?* Видаетесь ли Вы с «Русским вестником» и с «Атенеем»?

Здесь я часто говорю о Вас с Черкасским и с двумя Бакуниными (одного Вы знавали в Севастополе) [7]. У Бакуниных очень темно в голове.

До свидания; будьте здоровы. Поклонитесь Фету и его жене. Аксаковым я на днях написал. Поклонитесь Вашей сестре и брату Н⟨иколаю⟩ Н⟨иколаевичу⟩.

Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет об ожидаемой крестьянской реформе.

[2] Записка об издании журнала «Хозяйственный указатель» (см. т. 11 наст. изд.).

[3] Повесть Толстого «Альберт» (одно из первоначальных заглавий — «Музыкант») была послана Некрасову в ноябре 1857 года (для декабрьской книжки «Современника») с тем, чтобы «исправить по корректурам»; Некрасову повесть не понравилась (см. Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, М. 1952, письмо от 16 дек. 1857 г., стр. 372—373) — и Толстой решил не печатать ее, — но в марте 1858 года, значительно переделав, послал опять Некрасову. Повесть была напечатана в августовском номере «Современника» (1858).

[4] Замысел журнала, «посвященного исключительно художеству», не осуществился. *Военный журнал* — «Солдатский вестник», задуманный во время Крымской войны кружком артиллеристов во главе с Толстым. Издание журнала не было осуществлено.

[5] Повесть «Ася».

[6] См. прим. 4 к п. № 90.

[7] В Севастополе Толстой встречался с Александром Александровичем Бакуниным; *другой Бакунин* — Алексей Александрович.

125

П. А. НЕКРАСОВУ

Рим
18/30 января 1858 г.

Наконец подал ты голос, любезный Некрасов — и хотя о тебе доходили слухи хорошие — однако все же лучше было прочесть своими глазами, что твое здоровье исправляется. Остальные вести о тебе, о твоей деятельности и т. д. менее приятны, но мне кажется, если тело твое окончательно укрепится — и душа воспрянет, особливо под влиянием времени, в котором мы живем, и ответственности, которая поневоле падает на каждого. Я вижу, что, несмотря на твою апатию, ты хлопочешь о «Современнике»; это необходимо нужно, а приехавши в Россию, я хорошенько потолкую с тобой о том, что следует предпринять. А приеду я в Россию в самом начале мая, не дожидаясь навигации. Одна смерть моя может помешать этому.

Я очень рад, что «Ася» тебе понравилась; [1] желаю, чтобы и публике она пришла по вкусу, хотя время теперь, кажется, вовсе не туда глядит. Я занят теперь большою повестью [2], которую приготовлю к сентябрю — план ее известен Боткину и весьма им одобрен. А до возвращения вышлю-таки «Гамлета», который уже давным-давно родился и просится на свет божий [3].

Позволь мне слегка попенять тебе и Панаеву: зачем вы не выслали мне «Асю» в куверте на мой счет? И отчего, получивши здесь на poste restante ноябрьский № «Современника», декабрьский так и не явился? Также просил я Панаева написать мне, были ли высланы по моей просьбе 600 фр. в Париж портному Гюману, и он мне ничего не дал знать. Выслать сюда

теперь книги уже поздно; но письма меня застанут. Вот мой план:

1. Из Рима выезжаю я 7—19 февраля в Неаполь.

2. Возвращаюсь в Рим 28—16 февраля и остаюсь в нем до 1—13 марта.

3. С 1—13 марта по 1—13 апреля скитаюсь по Флоренции, Венеции, Милану, Женеве и доезжаю до Парижа.

4. В Париже остаюсь 15 дней и еду прямиком в Россию.

Стало быть, в Рим мне писать еще можно, а потом надобно будет адресовать письма в Париж, poste restante. Прочтя слово: Париж, ты, пожалуй, подумаешь: «Врет он, там и останется». На это скажу тебе одно: одной особы [4] тогда в Париже *не* будет, и я заеду туда только для свидания с дочкой и кстати для присутствования на свадьбе кн. Орлова, у которого я шафером, то есть у его невесты, Трубецкой [5].

В мае месяце я дней 10 проведу в Петербурге, куда вернусь на зиму, как только приведу в некоторую ясность мои дела по имению.

Очень было бы хорошо, если бы «Записки охотника» были, наконец, позволены [6] — только я не могу согласиться на какие-нибудь изменения или пропуски. Что же касается до «Помещика», то я надеюсь, что ты велел выкинуть строфу о славянофилах — а то это бы меня весьма огорчило [7].

Прощай, будь здоров, поклонись всем добрым приятелям — и если не поленишься — напиши мне еще сюда и вышли «Асю» в куверте.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] См. письмо Анненкова от 21 декабря 1857 года («Труды Публ. библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, 1934, стр. 73—74).

[2] «Дворянское гнездо».

[3] Статья «Гамлет и Дон-Кихот».

[4] Полины Виардо.

[5] Свадьба кн. Н. А. Орлова и кн. Е. Н. Трубецкой состоялась в Париже 9(21) мая 1858 года.

[6] Новое (второе) издание «Записок охотника» вышло в 1859 году.

[7] См. в т. 10 наст. изд. комментарий к поэме «Помещик».

126
Л. Н. ТОЛСТОМУ

Вена
8-го апреля нов. ст. 1858 г.

Любезный Толстой, давно я не писал Вам — я у Вас в долгу, — но часто думаю о Вас и вот теперь, приехавши в Вену, беру перо и хочу немножко поболтать с Вами. Я полагаю, Вы знаете, что я скоро возвращаюсь в Россию, во всяком случае не позже конца мая. Где-то мы увидимся с Вами? Досюда дошли слухи, будто Вы собираетесь за границу, но мне, при сильном желании видеть Вас летом, — то есть не просто видеть, а видаться с Вами часто — не хочется верить этим слухам. Говорили же в Риме, что Вы женитесь! Не зная наверное, где Вы, посылаю Вам это письмо через Колбасина.

Что Вам сказать о себе? Мое здоровье все так же дурно — и я нахожусь в Вене для консультации с известным здешним доктором. Много мне повредила моя болезнь — лучшие дни были ею отравлены, — а все-таки я вынес великое впечатление из Италии, которую в этот раз больше узнал, чем прежде. Я доволен зимою, прожитою в Риме. Несколько хороших семян запало в душу, — взойдут ли они — это господь знает.

Я знаю, Вы недовольны моей последней повестью; и не Вы одни, многие из моих хороших приятелей ее не хвалят; я убежден, что все Вы правы; а между тем я писал ее очень горячо, чуть не со слезами — стало быть, никто не может знать, что такое он делает. Если б мне сказали, что «Ася» вышла отличная вещь — я бы удивился — зная, в каком душевном расстройстве я находился, когда я писал ее, но я бы поверил; а теперь я верю и даже как будто вижу, что она неудачна и плоха. Как ни вертись, если нет большого, здравого таланта, всякий раз выходит лотерея.

Итак, наше «обязательное соглашение» [1] рухнуло! Этого следовало ожидать. Я очень доволен этим оборотом дела. Словно на волю отпустили, хотя на что она,

эта воля? Некрасов, говорят, отказал Вам поместить «Погибшего»; [2] теперь, слышно, Вы его переделали, а другие Ваши работы подвигаются?

Известите меня, что делает Дружинин? Говорили, что он очень плох. Потом прошел слух, что ему стало лучше. Напишите слова два о нем, о Писемском; Анненкова я надеюсь сам скоро увидать; я получил от него письмо из Берлина — и зову его сюда.

Боткин показал мне Ваше письмо, где Вы с таким жаром говорите о намерении основать *чисто художественный* журнал в Москве [3]. Политическая возня Вам противна; точно, дело грязное, пыльное, пошлое; да ведь и на улицах грязь и пыль, а без городов нельзя же. Кстати о Боткине: я провел с ним целую зиму: он умнейший человек, весь отстоялся и просветлел, как отличное вино, — но его старческое, всестороннее обращение к наслаждению — подчас бывает неприятно. У него точно несколько ртов, кроме телесного: эстетический, философский и т. д. — и он всеми ими чавкает. Но он бесценный товарищ и советчик.

Эх, любезный Толстой, если б Вы знали, как мне тяжело и грустно! Берите пример с меня: не дайте проскользнуть жизни между пальцев — и сохрани Вас бог испытать следующего рода ощущение: жизнь прошла — и в то же самое время Вы чувствуете, что она не начиналась — и впереди у Вас — неопределенность молодости со всей бесплодной пустотой старости. Как Вам поступить, чтобы не попасть в такую беду — не знаю; да, может быть, Вам вовсе и не суждено попасть в эту беду. Примите по крайней мере мое искреннее желание правильного счастья и правильной жизни. Это Вам желает человек глубоко и заслуженно несчастный.

Известите меня, что делает Ваша сестра и брат Ваш Николай? Где они проведут лето? Дружески кланяюсь им обоим. Аксаковым я писал еще из Рима. До свидания, будьте здоровы и веселы.

Ваш

Ив. Тургенев.

[1] См. прим. 4 к п. № 90.

[2] *«Погибший»* («Пропащий», «Поврежденный», «Музыкант») — одно из предварительных заглавий повести Толстого «Альберт» (см. прим. 3 к п. № 124).

[3] Толстой говорит о намерении основать журнал в письме к В. П. Боткину от 4 января 1858 года (Полн. собр. соч., т. 60, М. 1949). Ср. прим. 4 к п. № 124.

127

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
30 мая ⟨н. ст.⟩ 1858 г.

Милый друг, не сердись на меня за мое молчание; я должен был собрать точные справки насчет известного тебе дела. Вот что оказалось:

Источник затруднений не в здешнем посольстве, не в интригах Франка; они произошли от некоторых северных немецких правительств, которые обратились к здешней полиции с указанием на мнимую опасность твоих изданий. Следствием этого распоряжения было предписание книгопродавцам вообще не продавать твоих изданий; в течение 14 дней они и не продавались; но теперь они снова разрешены, то есть снова на это смотрят сквозь пальцы — и я сам видел «Колокол» и т. д. у Франка и в rue de Rivoli; только некоторые № «Колокола» (кажется 8-й и 12-й) да письма из Италии запрещены окончательно. Все это мне сообщено под тайной и с просьбой не давать огласки; а потому я прошу и тебя не говорить об этом, тем более что дело пока опять попало в колею надлежащую. Иностранные книгопродавцы в Париже находятся совершенно в руках полиции; одно слово — и их отсюда выгонят. Но вот что, по несчастью, кажется, выскочило из колеи: это наши домашние дела. Реакция наконец подняла голову. Титов заменен каким-то дураком Гриммом, Кавелин удален, Щербатов вышел в отставку, на днях Ковалевский собрал всех редакторов и держал им очень грустную речь: «Я, говорит, стар и с препятствиями не могу бороться; меня только выгонят, а вам, господа, хуже может быть; умоляю вас быть

крайне осторожными». Вслед за этой речью он поехал в Москву *налагать на все запрещенье*. Следовало ожидать эти *revirements* *, но преувеличенно бояться их не следует; что они ни делай, камень покатился под гору и удержать его нельзя. Впрочем, я еще надеюсь на Александра Николаевича [1], хотя, к сожалению, он, вероятно, окружен еще хуже, чем мы предполагали.

Кланяюсь всем друзьям, тебя обнимаю. Я еду в середу в Россию; напишу тебе из Берлина. Addio. Трудные мне предстоят штуки в любезном отечестве.

Твой *И. Тург.*

[1] То есть на Александра II.

123
А. Н. АПУХТИНУ

С. Спасское
29 сентября 1858 г.

Какое Вы мне написали унылое письмо, любезнейший Алексей Николаевич! [1] Я очень сочувствую Вам — потому что, как Вы справедливо заметили, сам бегал по той же дорожке — но менее сочувствую Вашей грусти; эта грусть — неизбежная спутница молодости, которая оттого именно и бьется так, что не в состоянии совладать с собственным богатством. Это в порядке вещей; но слишком предаваться этой грусти — вредно; и голос сорокалетнего человека может быть в этом случае полезен. Отчего Вы грустите? Оттого ли, что Вы еще не знаете, есть ли у Вас талант? Дайте ему время вызреть; а если его даже не окажется, разве человеку необходим именно поэтический талант, чтобы жить и действовать? Окружающая *среда* тяготит Вас? Но, во-первых, мне кажется, что Вы останавливаетесь на поверхности явлений; а во-вторых, если Вы теперь,

* Повороты *(франц.)*.

в 1858-м году, отчаиваетесь и грустите, что же бы Вы сделали, если б Вам было 18 лет в 1838-м году, когда впереди все было так темно — и так и осталось темно? Вам теперь некогда и не для чего горевать; Вам предстоит большая обязанность перед самим собою: Вы должны *себя* делать, человека из себя делать — а там что из Вас выйдет, куда Вас поведет жизнь — это уже предоставьте Вашей природе: Вы будете правы перед самим собою. Думайте меньше о своей личности, о своих страданиях и радостях; глядите на нее пока как на форму, которую должно наполнить добрым и дельным содержанием; трудитесь, учитесь, сейте семена: они взойдут в свое время и в своем месте. Помните, что много молодых людей, подобных Вам, трудятся и бьются по всему лицу России; Вы не одни — чего же Вам больше? Зачем отчаиваться и складывать руки? Ну, если другие то же сделают, что же выйдет из этого? Вы перед Вашими (часто Вам неизвестными) товарищами нравственно обязаны не складывать руки.

Что же касается до присланных Вами двух стихотворений, то они точно так же могут быть произведениями молодости истинного поэта, как и молодости искусного дилетанта. Физиономии в них еще нет — а без нее поэзии, особенно лирической поэзии нет. Но Вы не хлопочите и не сокрушайтесь об этом. Позвольте Вам предетавить себя в пример: моя физиономия сказалась под тридцать лет — а, к несчастью, я не в тридцать лет стал писать.

Итак, corraggio, Santo Padre! Corraggio, Signore Alexis! * — Работайте стойко, спокойно, без нетерпенья: всякая земля дает только тот плод, который она дать может. Продолжайте писать стихи — кто знает? может быть, Ваше призвание — быть поэтом; но не печатайте их и не предавайтесь *мленью грусти:* это тот же онанизм, такой же вредный, как и физический.

Не знаю, будете ли Вы довольны этим письмом — но оно было внушено мне истинным участием к Вам.

---

* Мужайтесь, святой отец! Мужайтесь, синьор Алексис! *(итал.)*

В Петербурге я буду около 10-го ноября и надеюсь видеть Вас часто зимою. До тех пор будьте здоровы — жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Письмо Апухтина, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

129

П. А. ГОНЧАРОВУ

С. Спасское
7 апреля ⟨н. ст.⟩ 1859 г.

Не могу скрыть, любезнейший Иван Александрович, что берусь за перо на сей раз против обыкновения с меньшим удовольствием, чтобы отвечать Вам, потому что какое удовольствие писать человеку, который считает тебя присвоителем чужих мыслей (plagiaire), лгуном (Вы подозреваете, что в сюжете моей новой повести опять есть закорючка, что я Вам только хотел глаза отвесть) и болтуном (Вы полагаете, что я рассказал Анненкову наш разговор) [1]. Согласитесь, что какова бы ни была моя «дипломатия», трудно улыбаться и любезничать, получая подобные пилюли. Согласитесь также, что за половину — что я говорю! — за десятую долю подобных упреков Вы бы прогневались окончательно. Но я — назовите это во мне чем хотите, слабостью или притворством — я только подумал: «Хорошего же он о тебе мнения» — и только удивился тому, что Вы еще кое-что нашли во мне, что можно любить. И на том спасибо!

Скажу без ложного смирения, что я совершенно согласен с тем, что говорил «учитель» о моем «Дворянском гнезде» [2]. Но что же прикажете мне делать. Не могу же я повторять «Записки охотника» ad infinitum! * А бросить писать тоже не хочется. Остается сочинять такие повести, в которых, не претендуя ни на цельность, ни на крепость характеров, ни на глубо-

* До бесконечности! *(лат.)*

кое и всестороннее проникновение в жизнь, я бы мог высказать, что мне приходит в голову. Будут прорехи, сшитые белыми нитками, и т. д. Как этому горю помочь? Кому нужен роман в эпическом значении этого слова, тому я не нужен; но я столько же думаю о создании романа, как о хождении на голове: что бы я ни писал, у меня выйдет ряд эскизов. E sempre bene! * Но Вы ведь и в этом сознании увидите дипломатию: думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы. Берите меня каков я есмь или совсем не берите: но не требуйте, чтоб я переделался, а главное — таким Талейраном, что уу! А впрочем, довольно об этом. Вся эта возня ни к чему не ведет: все мы умрем и будем смердеть после смерти.

Здесь у нас наступила весна, снег сошел почти весь, но как-то некрасиво, безжизненно. Дни сырые, холодные, серые; поля обнажились и желтеют мертвенной желтизной. В лесу, однако, трава уже пробивается. Дичи мало. Я надеюсь к 20-му числу все здесь кончить; 24-го я в Петербурге (29-го, Вы знаете, я уезжаю). Мы увидимся в Петербурге, а может быть, и за границей, хотя мне, вероятно, присоветуют другие воды, нежели Вам. Желаю, чтобы пребывание Ваше в Мариенбаде было так же благотворно во всех отношениях, как в 57 году. Поклонитесь от меня всем хорошим знакомым и милой ⟨Софье Александровне Никитенко⟩. Сегодня я узнал о смерти Бозио и очень пожалел о ней. Я видел ее в день ее последнего представления: она играла «Травиату»; [3] не думала она тогда, разыгрывая умирающую, что ей скоро придется исполнить эту роль не на шутку. Прах, и тлен, и ложь — все земное! До свидания, несправедливый человек. Жму Вам руку.

Ваш *И. Тургенев.*

Я и забыл главное: письмо к графу Кушелеву о переводе Соляникова; я завтра же напишу к нему, хотя я — признаюсь — нисколько не надеюсь на этого... мецената.

---

* И то хорошо *(итал.)*.

[1] Тургенев отвечает на письмо Гончарова от 28 марта 1859 года (Собр. соч., т. VIII, М. 1955, п. № 25), в котором автор «Обрыва» делает ясные намеки на будто бы имеющиеся в «Дворянском гнезде» заимствования из программы задуманного им (и рассказанного Тургеневу) романа. Здесь же Гончаров упрекает Тургенева в том, что он передал П. В. Анненкову содержание их разговора: «Ох, Вы, *две могилы секретов!*» — восклицает Гончаров. Все эти намеки и упреки — плод болезненной мнительности Гончарова, доведшей его до написания «Необыкновенной истории» (см. «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», Пг. 1923).

[2] Гончаров в указанном письме сообщил Тургеневу мнение одного учителя о «Дворянском гнезде», который утверждал, что автора занимают «картинки, силуэты, мелькающие очерки, исполненные жизни, а не сущность, не связь и не целость взятого круга жизни». Гончаров прибавляет: «Сообщаю Вам эту рецензию учителя... не потому, чтоб она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждает мой взгляд на Ваши произведения».

[3] Анджелина Бозио пела в «Травиате» в последний раз 22 февраля 1859 года. В марте Бозио поехала концертировать в Москву, простудилась в дороге и умерла 31 марта от воспаления легких. «Я о Бозио чуть не плакал», — писал из Москвы В. П. Боткин Дружинину 5 апреля 1859 года («Письма к А. В. Дружинину», М. 1948, стр. 57).

130

П. В. АННЕНКОВУ

Куртавнель
1 (13) августа 1859 г.

Ай да умница П. В. Какие большие и милые письма пишет! Нельзя не погладить по головке и не сказать спасибо! С истинным наслаждением прочел я Ваши поучительные и занимательные странички [1], прочел не в Париже, а здесь, в деревне г-на В⟨иардо⟩, где я нахожусь теперь и где останусь еще месяц до отъезда в Россию. Ибо я — хотя это Вам покажется невероятным — к 14 (26) числу сентября, то есть к Никитину дню, то есть к храмовому празднику в моей деревне, то есть к прилету вальдшнепов, буду, если останусь в живых, в Спасском, и это так верно, что я Вас прошу отвечать на это письмо числа 21 не инако, как: Орловской губерн., в г. Мценск. Дела мои идут порядочно, то есть болезнь меня не мучит (много помогли воды Виши)

и работа подвигается; надеюсь к половине ноября привезти в Москву из деревни (где я буду сидеть взаперти до того времени) роман, который объемом будет больше «Дворян‹ского› гнезда»[2]. Каков он будет в исполнении — это ведают одни боги. Я должен Вам сказать, что я так постоянно занят своим произведением — даже тогда, когда ничего не делаю — что мне почти нечего сообщать приятелю; я ничего не знаю и не ведаю, в строгом значении этого слова. Знаю, что завтра происходит в Париже великое преториянски-цезарское празднество[3], что все улицы Парижа перерыты, везде наставлены триумфальные ворота, венецианские мачты, статуи, эмблемы, колонны, везде навешаны знамена и цветы: это император будет держать *аллокуцию*[4] в цесарско-римском духе своим militibus; * так что maxima similitudo invenire debet между Galliam hujusce temporis et Romam Trajani necnon Caracallae et aliorum Heliogabalorum **. Боюсь продолжать латинскую речь, не знаю, поймете ли Вы ее, ученый друг мой, ненавистник либерализма. Я, разумеется, бежал из Парижа в то самое время, как сотни поездов со всех концов Европы, с свистом и треском, мчали тысячи гостей в *центр* мира; всякое военное торжество ist mir in Gräuel ***, подавно это: будут штыки, мундиры, крики, дерзкие sergeants de ville **** и потом облитые адъютанты, будет жарко, душно и вонюче — connu, connu!.. ***** Лучше сидеть перед раскрытым окном и глядеть в неподвижный сад, медленно мешая образы собственной фантазии с воспоминаниями далеких друзей и далекой родины. В комнате свежо и тихо, в коридоре слышны голоса детей, сверху доносятся звуки Глюка... Чего больше?

Риля я читал с наслаждением и с чувством, подобным Вашему чувству, хотя по временам честил его

---

* Воинам *(лат.)*.

** Разительное сходство должно возникнуть между Францией нынешнего времени и Римом Траяна, а также Каракаллы и разных других Гелиогабалов *(лат.)*.

*** Возмущает мою душу *(нем.)*.

**** Полицейские *(франц.)*.

***** Знакомо!.. *(франц.)*

филистером [5]. Гуттена по Вашей рекомендации прочту и привезу Вам его портрет [6]. За описание провинциального брожения, сверху кислого, в середине пресного, внизу горько-горячего — нижайшее спасибо. Вы мастер резюмировать данный момент эпохи (говоря по-русски!).

Из русских за границей я видел только Вашего бывшего киссингенского товарища, Елисея Колбасина; Боткин тайком пробрался в Англию, кажется на остров Уайт, и не дает знать о себе. Коты так пробираются украдкой по желобам крыш. Изредка попадаются мне русские журналы; жаль, «Русского слова» никто не выписывает. Говорят, Григорьев написал обо всех нас статью прелюбопытную [7].

Надеюсь, что Вы зиму проведете в Петербурге; я постараюсь не иметь никаких *ларингитов,* и авось не так нам будет скучно, как в прошлом году. А впрочем, наши, батюшка, годы такие, что нечего думать от скуки уйти. Хорошо еще, что глаза не отказываются, зубы не падают. Я месяц намерен провести в Москве — так как мой роман явится у Каткова [8]. Сговоримтесь и проведем этот месяц вместе.

Какая каша происходит в Италии! Вот где бы хорошо провести с месяц. Одна беда: пожалуй, досада возьмет нашего брата, исконного зрителя — и заставит сделать какую-нибудь глупость. Вдруг закричишь: viva Garibaldi! [9] или: a basso... * кого-нибудь другого — и глядь, с трех сторон розги хлещут по спине. В молодые годы это только кровь полирует; под старость — стыдно, или, как говорил при мне один отечески наказанный мужик лет 50: «Оно не то что больно, а перед бабой зазорно». У нас с Вами бабы нет, а все — зазорно.

Satis! ** Преторианский воздух на меня действует — не могу не говорить по-латыни. Ad diabolum mitto multas res, quarum denominationes sunt ad pronunciandum difficiles. Vale et me ama. *I. Turgenevius* ***.

---

* Да здравствует Гарибальди! 〈...〉 долой *(итал.).*

** Довольно *(лат.).*

*** Посылаю к черту многие вещи, наименования которых не удобны для произнесения. Прощай и люби меня. *И. Тургенев (лат.).*

[1] Тургенев отвечает на письмо Анненкова от 9(21) июля 1859 года («Труды Публ. библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, М. 1934, стр. 81—84).

[2] «Накануне».

[3] Речь идет, очевидно, о военном празднике, устроенном Наполеоном III по случаю прекращения войны с Австрией и подписания Виллафранкского договора, который был воспринят в Италии как изменнический поступок со стороны Франции.

[4] Торжественную речь (от *лат.* allocutio).

[5] Анненков в названном выше письме рекомендовал Тургеневу книгу немецкого историка В.-Г. Риля; «Naturgeschichte des Volkes, Band I, Land und Leute» («Естественная история народа, т. I, Страна и люди»). «Основная мысль ее, — писал Анненков Тургеневу, — создать правительственную и социальную науку об изучении коренных свойств каждого племени и народа».

[6] Анненков писал в том же письме: «Просите Вы сведений об отечестве. Лучшая книга о современной России, какую я знаю, написана Фридрихом Давидом Страусом и называется: Ульрих фон Гуттен. 〈...〉 Я нахожусь под таким влиянием Гуттена, что *убедительно* прошу Вас отыскать мне за границей хороший портрет этого Виссариона Григорьевича 〈то есть Белинского〉 из рыцарей и подарить мне: я заплачу что нужно». Речь идет о книге Давида Штрауса (автора известной книги «Жизнь Христа»)) — «Ульрих фон Гуттен» (1858).

[7] Тургенев имеет в виду, вероятно, серию статей Ап. Григорьева под общим заглавием: «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа «Дворянское гнездо» («Русское слово», 1859, № 5—8).

[8] То есть в Журнале «Русский вестник» (речь идет о романе «Накануне»). См. прим. к роману в т. 4 наст. изд.

[9] Речь идет о войне Франции и Италии с Австрией. Одним из отрядов сардинцев командовал Гарибальди.

131

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж
16 сентября 〈н. ст.〉 1859 г.

Милый друг Александр Иванович,

Я уезжаю завтра в Россию и, — прибавишь ты: «только теперь вздумал написать ко мне». Действительно, я немножко поздно хватился — но делать нечего. Собственно, пишу я к тебе, чтоб узнать, правда ли, что тебя посетил Че〈рныше〉вский, и в чем состояла цель его посещения и как он тебе понравился? [1]

Напиши об этом подробно не мне — меня письмо твое не застанет — притом же я все узнаю в Петербурге — а Колбасину и Шеншину, которые очень интересуются этим. Ты знаешь адрес Колбасина: Asnières près Paris, 4, Boulevard de la Comète (Lehotville — Asnières). Ты их очень этим обяжешь. Недели через две явится к тебе человек, которого ты наверное хорошо примешь, декабрист Вегелин, который желает с тобой познакомиться. Он привезет тебе от меня две важные рукописи, которые мне были доставлены для «П⟨олярной⟩ з⟨везды⟩» во время моего пребывания в Виши. Я познакомился с другим декабристом Волконским, очень милым и хорошим стариком, который тоже тебя любит и ценит. Видел ты молодого Ростовцева? [2]

Будь здоров. Кланяюсь Огареву, его жене и всем твоим. Жму тебе крепко руку.

Твой *Ив. Тургенев.*

P. S. Ты можешь для верности написать о Ч⟨ернышевском⟩ иносказательно. Колбасин малый не промах, поймет.

[1] Чернышевский приезжал в Лондон к Герцену (в конце июня 1859 года) для личного объяснения по поводу статьи «Very dangerous!!!» («Колокол», л. 44, 1859 г.), направленной против «Современника», и с целью переговорить о программе «Колокола» (см. «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», составленную Н. М. Чернышевской, — М. 1953, стр. 173; см. также — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 7, М. 1958).

[2] *Молодой Ростовцев* — Николай Яковлевич, полковник генерального штаба (сын Я. И. Ростовцева, предавшего декабристов); высочайшим приказом от 5 мая 1862 года он и его брат, флигель-адъютант М. Я. Ростовцев, были уволены от службы за сношения с Герценом.

152

И. С. АКСАКОВУ

С. Спасское
22-го октября ⟨ст. ст.⟩ 1859 г.

Я так скоро проехал через Москву, любезнейший Иван Сергеевич, что не успел никого видеть — я спешил сюда для охоты и для работы — а теперь мне хо-

чется дать Вам о себе весточку — а главное — услышать, что поделываете Вы и все Ваши? Моя сказка скоро сказывается: после посещения моего у Вас весной (за несколько дней до кончины Вашего батюшки; [1] весть о ней дошла до меня за границей — и глубоко меня огорчила, хотя я и ожидал ее) — после этого посещения я был во Франции, в Англии, пил воды в Виши — и только; а приехавши сюда — я сперва охотился — очень дурно, за неимением дичи; а потом я заболел глупейшей и неприятнейшей болезнью, которая мучила меня уже в Петербурге: я простудился — у меня заболела грудь и горло: я совершенно онемел, даже шептать не могу, кашель меня колотит — и вот 3 недели как продолжается эта история. Я, разумеется, никого не вижу — впрочем — и видеть-то некого; я работал очень усердно и кончил большую повесть для «Русского вестника»; [2] желал бы я очень, чтобы Вы ее одобрили. За границей я ничего не читал и здесь не читаю — и потому отстал от литературы — но слышал много похвал Вашему журналу [3]. С крестьянами я почти везде благополучно размежевался (оставив, разумеется, старое количество земли), переселил их (с их согласия) — и с нынешней зимы они все поступают на оброк, по три рубля серебром с десятины; я говорю: *я* — а я должен бы сказать: мой дядя [4], которому *новые порядки* очень не по нутру — но который понял, что *старые порядки* вернуться не могут. Крестьяне, перед разлукой с «господами», становятся, как говорится у нас, козаками — и тащат с господ все, что могут: хлеб, лес, скот и т. д. Я это вполне понимаю — но на первое время в наших местах исчезнут леса, которые все продают теперь с остервенением, — ничего, лес вырастет — и уже не кое-где и не кое-как, а по указаниям науки. *Трезвости* у нас нет — такой пьяный уголок. Так и будут крестьяне сидеть на оброке с *земли* — а не с десятины и не с души — пока не придут распоряжения сверху. О *мире*, об *общине*, о мирской ответственности в наших околотках никто слышать не хочет: я почти убеждаюсь, что это надо будет *наложить* на крестьян в виде административной и финансовой мер: сами собою они не

согласятся, то есть они дорожат миром — только с юридической точки зрения — как *самосудством,* если можно так выразиться, но никак не иначе.

Вот и все, что я имею Вам сказать. Что-то скажете мне Вы? Напишите мне пару строк, коли вздумается. (Мой адрес: Орловской губернии, в город Мценск.) С моей болезнью я решительно не могу назначить сроку, когда я отсюда выеду; я хотел было прибыть в Москву к 15-му ноября дня на три — а потом вернуться дней на двадцать (начиная с рождества) для надзора за печатанием моей повести; но теперь ни за что поручиться нельзя, хотя я все-таки надеюсь исполнить мое намерение. Пожалуйста, поклонитесь от меня Вашей матушке, Константину Сергеевичу и всему Вашему семейству — также Хомякову, Елагиным и другим хорошим знакомым. Будьте здоровы — это главное — и до свиданья. Жму Вам крепко руку.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] Писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (скончался в ночь на 30 апреля ст. ст. 1859 г.).

[2] Роман «Накануне».

[3] Речь идет, очевидно, о «Русской беседе»; в 1859 году редактором этого органа славянофилов стал И. С. Аксаков (журнал прекратился в 1860 г. на второй книжке).

[4] Николай Николаевич Тургенев, управлявший именнем И. С. Тургенева.

133

П. В. АННЕНКОВУ

СПб.
3/15 декабря 1859 г.

Четверг, вечером. Любезнейший П. В. Со мной сейчас случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчас была графиня Ламберт с мужем, и она (прочитавши мой роман [1]) так неопровержимо доказала мне, что он никуда не годится, фальшив и ложен от А до Z, что я серьезно думаю — не бросить ли его в огонь? Не смейтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мне часа

в три — и я Вам покажу ее написанные замечания, а также передам ее доводы. Она, без всякого преувеличения, поселила во мне отвращение к моему продукту — и я, без всяких шуток, только из уважения к Вам и веря в Ваш вкус — не тот же час уничтожил мою работу. Приходите-ка, мы потолкуем — и, может быть, и Вы убедитесь в справедливости ее слов. Лучше теперь уничтожить, чем впоследствии бранить себя. Я все это пишу не без досады, но безо всякой желчи, ей-богу. Жду Вас и буду держать огонь в камине [2]. До свидания. Весь Ваш *И. Т.*

[1] Речь идет о романе «Накануне». Тургенев собирался посвятить этот роман Е. Е. Ламберт и послал его в рукописи ей для прочтения (см. «Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт», М. 1915, № 28).

[2] П. В. Анненков вспоминает: «Огонь в камине оказался не нужен. Через полчаса размышления сообща автор убедился сам, что непривычка к политическим мотивам в художническом деле была одна из причин недовольства его критика. ⟨...⟩ «Накануне» было таким образом спасено и явилось в свое время и на назначенном ему месте» («Литературные воспоминания», СПб. 1909, стр. 514).

134

А. А. ФЕТУ

С.-Петербург
13—16 марта ⟨ст. ст.⟩ 1860

Я в долгу перед Вами, Fethie carissime *, но отчасти извиняюсь тем, что употребил истекшую неделю на окончание повести, которая уже сдана в «Библиотеку для чтения» и явится в мартовском номере. (Кстати, все слухи о несостоятельности «Библиотеки для чтения» оказываются ложными, — и книжная лавка Печаткина заперта только по воскресениям.) Повесть моя называется «Первая любовь». Сюжет ее Вам, кажется, известен. Читал я ее на днях ареопагу, состоявшему из

* Дражайший Фет *(лат.)*.

Островского, Писемского, Анненкова, Дружинина и Майкова; приглашенный Гончаров пришел пять минут по окончании чтения; ареопаг остался доволен и сделал только несколько неважных замечаний; остается узнать, что скажет *публика,* которую Вы так не любите. Единственный человек, которого я совершенно отчаиваюсь удовлетворить когда-нибудь, — Лёв Толстой; но что делать! Видно, так у меня на роду написано. Здесь распространились слухи, что он снова принялся работать, — и мы все порадовались.

Ну, любезнейшие друзья мои, А. А. и И. П. [1], увидите вы меня скоро, но не в натуре, а в фотографии, которую я нарочно для вас заказал у Deniers. Что касается до моей персоны, то я, к истинному моему горю, не поеду в деревню, а отправляюсь весной за границу лечиться. Что там ни говори о моей мнительности, а я очень хорошо чувствую, что у меня в горле и груди неладно; кашель не проходит, кровь показывается раза два в неделю, я без намордника (сиречь респиратора) носа не могу показать на двор. Где уж тут о весенней охоте и пр. и пр. Надобно воды пить, да ванны брать, да радеть о своем гнусном теле! Это меня огорчает, и я приемлю смелость думать, что и вас обоих огорчит тоже. Что делать! «Скачи, враже, як пан каже». На охоте вспоминайте обо мне... а кажется, по известиям из деревни, Бубулька едва ли не приказала долго жить... Нездоровье Вашей собаки нехорошо, любезный Аф. Аф. Надо ее вылечить; боюсь я немножко, как бы она не оказалась слабою в поиске. А как бы мы поохотились!.. Эх! лучше не говорить об этом!

Но Вы не покидайте мысли о *Кальне;* [2] переговорите на месте и толковым образом с дядей; я готов на все, чтоб иметь Вас соседом.

Не сердитесь на меня, а рассудите: мне самому невесело. От души обнимаю вас всех и остаюсь навсегда

преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] Иван Петрович Борисов, шурин Фета.
[2] *Кальна* — название отдельной дачи при Спасском.

135

А. А. ФЕТУ

Куртавнель
16-го июля/28 1860 г.

Милейший Афанасий Афанасьевич, я уже писал Вам отсюда, но вчера получил здесь Ваше письмо, пущенное от 2/14-го июля из Мценска (почта у нас, как капризная женщина, всегда удивляет неожиданностью), — и спешу отвечать. Я до некоторой степени даже обязан отвечать, ибо Вы находитесь в хандре, по милости рефлексии, которую, по Вашим словам, *я на Вас накликал.* Вот тебе и раз! Во-первых, сколько мне помнится, Вы, уже до знакомства со мною, были заражены этой, как Вы говорите, эпидемией; а во-вторых, в наших спорах я всегда восставал против Ваших прямолинейно-математических отвлеченностей — и даже удивлялся тому, как они могут уживаться с Вашей поэтической натурой. Но дело не в том. Мне хочется рассеять одно Ваше заблужденье. Вы называете себя отставным офицером, поэтом, человеком (да кто не отставной человек? скажу я — Sire, qui est-ce qui a des dents?) * — и приписываете Ваше *увядание,* Вашу хандру отсутствию правильной деятельности... Э! душа моя! все не то... Молодость прошла — а старость еще не пришла — вот отчего приходится у́злом к гу́зну. Я сам переживаю эту трудную, сумеречную эпоху, эпоху порывов, тем более сильных, что они уже ничем не оправданы, — эпоху покоя без отдыха, надежд, похожих на сожаления, и сожалений, похожих на надежды. Потерпим маленько, потерпим еще, милейший Афанасий Афанасьевич, — и мы въедем, наконец, в тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой деятельности и даже старческих радостей, о которых так красноречиво говорит Марк Туллий Цицерон в своем трактате: «de Senectute»**. Еще несколько седин в бороду, еще зубочек или два изо рту вон, еще маленький ревматизмец в поясницу или в

---

* Государь, у кого еще есть зубы? *(франц.)*
** «О старости» *(лат.)*.

ноги — и все пойдет как по маслу! А пока, дабы время не казалось слишком продолжительным, будемте стрелять ⟨тетеревей⟩ [1]. Кстати о тетеревах; я надеялся, что получу от Вас описание Ваших первых охот в Полесье, а Вы только еще собираетесь! Это худо. Уверен, что об эту пору Вы уже загладили свою вину и наохотились вдоволь. А во Франции бог знает когда наступит время охоты! Здесь у нас стоит настоящая зима, зуб на зуб не попадешь, ежедневные дожди — мерзость! Никто не может сказать, когда начнется и кончится жатва. Впрочем, и что за охота! Вечные куропатки и зайцы! Что же касается до времени моего возвращения на родину, то я пока ничего не могу сказать определительного.

На днях разрешится вопрос: придется ли мне зиму провести в Париже, или вернусь я к вальдшнепам в Спасское.

А насчет покупки земли, употребления Вашего капитала и т. д. — позвольте Вам дать один совет: не давайте этой мысли Вас грызть и тревожить — не давайте ей принять вид d'une idée fixe *. «Не хлопочи, — сказал мудрец Тютчев, — безумство ищет...» [2] Придет час, придет случай — и прекрасно. А метаться навстречу часа, навстречу случая — безумство. «Tout vient à point à qui sait attendre» **. Именье невозможно покупать с точки зренья — что делать, мол, нечего!

Толстые, сколько я могу предполагать, все в Содене; вероятно, кто-нибудь из них написал мне в Париж poste restante. Я отсюда еду через несколько дней в Англию, на остров Уайт, на морские купанья, если только море не замерзло.

10000 раз кланяюсь Вашей жене, Борисову, крепко жму Вам руку и остаюсь

невинный в заражении Вас рефлексией

Ив. Тургенев.

[1] В подлиннике вместо слова — рисунок.

[2] Из стихотворения Тютчева, которое начинается словами: «Не рассуждай, не хлопочи».

---

* Навязчивой мысли *(франц.)*.

** Все приходит кстати для того, кто умеет ждать *(франц.)*.

136
А. И. ГЕРЦЕНУ

Куртавнель
6/18 сентября 1860 г.

Милый Александр Иванович, ты, вероятно, удивился, узнав от m-me N.N., что я проскочил чрез Лондон, не видав тебя, но я, во-первых, не знал до той минуты, что ты в Лондоне, а во-вторых, у меня не было решительно ни одной минуты свободной, так что я и Огарева не видал. Теперь я в деревне г-жи Виардо и хожу на охоту, насколько позволяют непрерывные дожди, а через несколько дней я отправлюсь в Париж искать квартиру. Если ты не переменил своего намерения насчет английской гувернантки, то я с удовольствием примусь тебе отыскивать такую, с помощью моей знакомой содержательницы пансиона в Париже: rue La fitte, hôtel Byron. Я надеюсь, что ты получил через Огарева наш проект;[1] напиши мне свое мнение о нем со всею искренностью: я дорожу твоим мнением в этом деле (да и вообще) больше, чем сотнями других.

Я в Париже увижу последние №№ «Колокола»: неужели ты не отхлестал нашего барина за эти гнусные австрийские обеды, напоминающие самую скверную эпоху николаевщины?[2] Что за излияния такие! И дело крестьянского освобождения тоже пошло скорой рысью назад.

Жду твоего ответа и дружески жму твою руку, если она вместе с твоим телом не замерзла в твоем орлином гнезде[3]. Впрочем, тебе приятен не только северный ветер, — северный ураган.

Кланяюсь твоим детям, которых уже не смею целовать.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] *Наш проект* — проект «Общества для распространения грамотности и первоначального обучения», составленный на острове Уайт (в Английском канале) кружком русских либералов при деятельном участии Тургенева.

[2] В «Колоколе», 1860, № 82 (1 октября) появилась статья Герцена «Последний удар», начинающаяся словами: «Неужели

это правда, что кейзер петербургский сближается с кейзером австрийским?»

[3] *Орлиное гнездо* (Eagle's Nest) — дом в Борнемуте (на берегу Ла-Манша), где Герцен отдыхал осенью 1860 года. В августе туда приезжал Тургенев.

157

П. В. АННЕНКОВУ

Париж
12 октября н. ст. 1860 г.

Скажу Вам несколько слов о себе. Я нанял квартиру в rue de Rivoli, 210, и поселился там с моей дочкой и прекраснейшей англичанкой-старушкой, которую бог помог мне найти. Намерен работать изо всех сил. План моей новой повести готов до малейших подробностей — и я жажду за нее приняться. Что-то выйдет — не знаю, но Боткин, который находится здесь... весьма одобряет мысль, которая положена в основание. Хотелось бы кончить эту штуку к весне, к апрелю месяцу и самому привезти ее в Россию [1]. «Век» должен считать меня в числе своих серьезнейших неизменных сотрудников. Пожалуйста, пришлите мне программу, а я в свободные часы от моей большой работы буду писать небольшие статейки, которые постараюсь делать как можно интереснее [2].

Спасибо, батюшка, за книги... И за 40 руб., данных беспутному двоюродному братцу, — благодарю. «За все, за все тебя благодарю я» [3]. Этот сумасшедший брандахлыст, прозванный у нас в губернии Шамилем, прожил в одно мгновение очень порядочное имение, был монахом, цыганом, армейским офицером — а теперь, кажется, посвятил себя ремеслу пьяницы и попрошайки. Я написал дяде, чтобы он призрел этого беспутного шута в Спасском [4]. Что же касается до 100 р. сер. — пусть Вам заплатят издатели «Века», а я им это заслужу ранее месяца.

Сообщите прилагаемую записку Ив. Ив. Панаеву. Если бы он хотел узнать настоящую причину моего нежелания быть более сотрудником «Современника» —

попросите его прочесть в июньской книжке нынешнего года, в «Современном обозрении», стр. 240, 3-я строка сверху, пассаж, где г. Добролюбов обвиняет меня, что я преднамеренно из Рудина сделал карикатуру, для того чтобы понравиться моим богатым литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец[5]. Это уже слишком — и быть участником в подобном журнале уже не приходится порядочному человеку.

Пристройте, то есть помогите пристроить через Егора Ковалевского (которому кланяюсь дружески), Марковича (мужа г-жи Марко Вовчок).

Жена его здесь, не совсем здорова и грустит. Но это пройдет, и она оправится. А главное, она без гроша, хотя муж ей посылать не будет, но если у него будет порядочное жалованье, так он по крайней мере не будет ее грабить. Макаров еще здесь, но скоро возвращается.

Бедный, благородный Николай Толстой скончался в Hyères'e. Его сестра там зимует, и Лев Николаевич еще там[6].

Ну, прощайте. Целую Вас в уста сахарные и жду ответа. Кланяйтесь всем приятелям... Что делает бедный Полонский?[7]

Преданный Вам *И. Т.*

[1] Речь идет о романе «Отцы и дети», который был закончен в августе 1861 года.

[2] В письме от 17(29) сентября 1860 года Анненков просил Тургенева сотрудничать в новой газете — «Век»: «Учредитель его Кавелин написал прекрасную программу, которая скоро напечатается. Мы имеем право, кажется, рассчитывать на Вас, тем более, что тут нужны, собственно, не огромные статьи, а дельные заметки по предметам, которые в глаза кинулись. Таких ведь много. Согласны ли Вы быть участником, и не фальшиво, а искренне и душевно?» («Труды Публ. библиотеки СССР им. Ленина», М. 1934, стр. 97—98). Вместо газеты «Век» в 1861 году начал выходить еженедельный журнал под тем же названием; в № 15 был напечатан очерк Тургенева «Поездка в Альбано и Фраскати».

[3] Первая строка стихотворения Лермонтова «Благодарность».

[4] *Двоюродный братец* — Михаил Алексеевич Тургенев (сын тульского помещика А. Н. Тургенева), описанный в рассказе «Отчаянный» (см. т. 8 наст. изд.).

[5] Автором рецензии, о которой говорит Тургенев (на перевод книги Н. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствован-

ные из мифологии»), был не Добролюбов, а Чернышевский. Не называя имени Тургенева, Чернышевский упрекнул его в том, что он послушался своих «благоразумных советчиков» и переделал избранный им тип: «Повесть должна была бы иметь высокий трагический характер, посерьезнее Шиллерова Дон-Карлоса, а вместо того вышел винегрет сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц, как будто сшитых из двух разных повестей» (Полн. собр. соч., т. VII, М. 1950, стр. 449). Статью Тургенева ⟨О причинах разрыва с «Современником»⟩ см. в т. 11 наст. изд.

[6] Н. Н. Толстой умер в Гиере (Франция) 20 сентября (2 октября) 1860 года.

[7] У Полонского в июне 1860 года умерла жена.

138

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Париж
14/26 марта 1861 г.

Милый Лев Николаич, хочу отозваться двумя словами на Ваше дружеское письмо — пока Вы еще не уехали из Брюсселя. В особенности меня порадовало известие, что Вы возвращаетесь к искусству: [1] каждый человек так создан, что ему одно дело приходится делать; специальность есть признак всякого живого организма, — а Ваша специальность все-таки искусство, — это, разумеется, не исключает возможности заниматься и педагогией, особенно в том первобытном виде, какой и возможен и нужен у нас на Руси.

Читать я Вам мое произведение — прочту, разумеется, но едва ли скоро. В Париже не работается, и вся штука застряла на половине [2]. Но я надеюсь на деревню, на деревенскую тишину — и скуку, которая вернее всего приводит к труду — нашего брата, удоборассеиваемого и непостоянного славянина.

Припадки «проницательности взгляда» — и т. д. большой беды не представляют: доведение себя одиноким размышлением, или, лучше сказать, уединенными впечатлениями до чувства ненависти — несколько важнее; но и то и другое — еще признаки молодости, которая исчезла во мне и начинает исчезать в Вас. Если бы с молодостью уходило одно хорошее — то остальные

возрасты человеческой жизни показались бы до того невыносимы, что всякий индивидуум перерезывал бы себе горло на 32-м году. Много дрязг плавает в шумных волнах молодости — и уплывает с ними; а все-таки лучше этих волн нет ничего.

Вот Вы и «Фауста» полюбили — и Гомера; авось дойдет очередь до Шекспира [3].

Я от Фета получил письмо из деревни; он, к сожалению, слишком много толкует о несносном деле моего издания [4], но ждет и зовет нас. Спасское, как находящееся на полдороге, представляет удобный пункт для соединения.

Будьте здоровы; жму Вам дружески руку и желаю счастливого пути.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Толстой, очевидно, писал Тургеневу (письмо неизвестно) о работе над романом «Декабристы».

[2] Речь идет о романе «Отцы и дети».

[3] Тургенев намекает на весьма критическое отношение Толстого к драматургии Шекспира.

[4] Речь идет об издании «Сочинений И. С. Тургенева» в четырех томах (Н. А. Основского) 1860 года.

139

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Март 1861⟩

Милый А. И.

Посылаю тебе копию с письма Анненкова, писанного на другой день великого дня, то есть 6-го марта [1]. Оно, ты увидишь, любопытно. До сих пор телеграммы (печатные и частные) единогласно говорят о совершенной тишине, с которой принят манифест во всей России. Что-то будет дальше? Сам манифест явным образом написан был по-французски и переведен на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем. Вот фраза вроде: «благодеятельно устроять»... «добрые патриархальные условия» — которых ни один русский мужик не поймет [2]. Но самое дело он раскусит, и дело это устроено, по мере возможности, порядочно.

Мы здесь третьего дня отпели молебен в церкви, и поп произнес нам краткую, но умную и трогательную речь, от которой я прослезился, а Ник. Иванович Тургенев чуть не рыдал. Тут же был и старый кн. Волконский (декабрист). Много народа перед этим ушло из церкви.

За «Полярную звезду» спасибо, которую я читаю с удовольствием. Твои отрывки по обыкновению прелестны, записки Бестужева очень интересны, письма Лунина я уже знал, стихотворения Березина показались мне au-dessous de leur réputation; * об Оуене я еще не успел прочесть. Но кто это тебя мистифицировал, дав перевод известнейшей проповеди отца Бриден (Bridaine) при Людовике XIV за современное произведение какого-то Нестора и т. д., и как ты это попался? [3]

Скажи два слова в «Колоколе» о смерти Шевченка. Бедняк уморил себя неумеренным употреблением водки. Незадолго перед смертью с ним случилось замечательное происшествие: один исправник (Черниговской губернии) арестовал его и отправил как колодника в губернский город за то, что Ш. *отказался написать его портрет масляными красками во весь рост.* Это *факт* [4].

Я еду через месяц в Россию в деревню и на дороге заеду к тебе в Лондон на день.

Прощай. Обнимаю тебя и кланяюсь всем твоим. Благодарю Крузе за его письмо; я ему буду отвечать.

Твой *Ив. Тургенев.*

P. S. У здешних русских высунулись рожи: но они уже смирились. А «Таймс» толкует о *haughty and factious noblesse!* ** *Г — о эта noblesse* и слава богу!

P. S. Рекомендую для апр⟨ельского⟩ «Колокола» — Муханова; передерни этого мерзкого, кровожадного и развратного старика.

[1] Письмо датируется по содержанию. 15/27 февраля 1861 года Тургенев писал Анненкову из Парижа: «Когда мое письмо к Вам дойдет, вероятно, уже великий указ ⟨то есть манифест об освобождении крестьян от крепостного права⟩ выйдет. О, если бы Вы имели благую мысль известить меня об этом телеграммой. Но во всяком случае я твердо надеюсь, что Вы найдете

* Ниже своей репутации *(франц.)*.

** О горделивом и независимом дворянстве *(англ.)*.

время описать мне Вашим энциклопедически-панорамическим пером состояние города Питера накануне этого великого дня и в самый день» (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб. 1909, стр. 533). Манифест был подписан царем 19 февраля, но народу он был объявлен (в Петербурге и в Москве) только 5 марта. Исполняя просьбу Тургенева, Анненков описал «состояние» Петербурга в день объявления манифеста; письмо озаглавлено «На другой день» и датировано 6 марта (см. «Труды Публ. библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, М. стр. 117-8).

[2] Составление манифеста было поручено московскому митрополиту Филарету (хотя он был сторонником крепостного права); написанный им текст был отредактирован министром юстиции В. Н. Паниным. П. В. Анненков (в указанном выше письме к Тургеневу) определил стиль манифеста как «помесь канцелярской реакции и ложнобиблейской витиеватости».

[3] Речь идет о шестой книге «Полярной звезды» (1861), в которой были напечатаны материалы о декабристах и очерк Герцена «Роберт Оуэн» (из «Былого и дум»). Здесь же напечатано «Слово Словецкого старца Нестора, говоренное в С.-Петербурге, в придворной церкви Зимнего дворца, в 1843 году, в присутствии императора Николая, двора и военных чинов». Это «слово» содержит рассуждения об обязанностях «земного владыки» перед народом, по тому времени достаточно смелые. Публикация «слова» заканчивается сообщением издателя: «Передавший эту рукопись уверял, что это не подлог, что Нестор, как сделавшийся известным проповедями, был призван ко двору, сказал только это слово и тотчас отправлен назад и уже не для проповедей, а под монастырское начало» (то есть был заточен в монастырь). Начало сказанного Нестором «слова» действительно почти дословно совпадает с проповедью знаменитого французского проповедника Бридена (Jacques Bridaine, 1701—1767), произнесенной им в 1751 году перед собравшейся в церкви Сен-Сюльпис знатью. Эта проповедь приобрела хрестоматийную известность и была включена Лагарпом в его курс литературы XVIII века.

[4] Этот факт был уже рассказан в «Колоколе», 1860, № 80 (от 1 сентября). Заметка Герцена о смерти Шевченка появилась в «Колоколе», 1861, № 95 (от 1 апреля). Там же — заметка Герцена о П. А. Муханове (главном директоре Комиссии внутренних и духовных дел в Польше): «Муханов с Вислы уехал!»

140

М. Н. КАТКОВУ

Париж
1/13-го октября 1861 г.

Любезнейший Михаил Никифорович, — извините меня, что я Вас бомбардирую письмами, но я желал предупредить Вас, что вследствие полученного мною

письма от Анненкова — и замечаний Боткина, которому я здесь читал мою повесть, — переделки в «Отцах и детях» будут значительнее, чем я предполагал, — и возьмут у меня около 2-х недель времени, по истечении которых Вы получите аккуратный перечень всех сокращений и прибавлений. А потому повторяю мою просьбу: *не печатать отрывка* — а также попридержать рукопись у себя, то есть не давать ее читать другим. Я надеюсь, что вследствие моих поправок фигура Базарова уяснится Вам и не будет производить на Вас впечатление апотеозы, чего не было в моих мыслях [1]. И другие лица, я полагаю, выиграют. Словом, я считаю свою вещь не вполне конченной, и так как я употребил на нее много труда, то мне хочется ее выдать в возможно лучшем виде.

А затем дружески кланяюсь Вам и жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] П. В. Анненков вспоминает, как он, «проглотив» в два дня присланный ему в рукописи новый роман Тургенева, написал автору свой отзыв, отметив одну, с его точки зрения, особенность в характере Базарова: «Он относится с таким же холодным презрением к собственному своему искреннему чувству, как к идеям и обществу, между которыми живет. Эта монотонность, прямолинейность отрицания мешает в него вглядеться и распознать его психическую основу». В ответ на это Тургенев передал Анненкову записку, поручая ему «взять обратно у Каткова согласие, данное им на разделение и напечатание его труда в двух или трех частях». Далее Анненков описывает свой визит к Каткову, который с первых же слов заметил: «Как не стыдно Тургеневу было спустить флаг перед радикалом», и т. д. «Неужели вы думаете, М. Н., — воскликнул я, — что Тургенев способен унизиться до апофеозы радикализму ⟨...⟩?» — «Я этого не говорил, — отвечал г. Катков, горячо и видимо одушевляясь, — а выходит похоже на то» («Литературные воспоминания», СПб. 1909, стр. 549—550). Ср. п. № 152.

141

М. Н. КАТКОВУ

Париж
30-го октября (11-го ноября) 1861 г.

Любезный Михаил Никифорович, я недавно писал Вам, но, получив вчера Ваше письмо [1], считаю нужным ответить Вам два слова. С Вашими замечаньями я сог-

ласен, — почти со всеми, — особенно насчет *Павла Петровича* и самого Базарова. Что же касается до Одинцовой, то неясность впечатления, производимого этим характером, показывает мне, что надо и над ним еще потрудиться. (Кстати, *спор* между П. П. и Базаровым совсем переделан и сокращен.) Очевидно, что повесть, и по причине современных обстоятельств — и вследствие внутренней своей недоделанности — *пока* должна быть отложена, — с чем и Вы согласитесь. Мне очень жаль, что это так вышло, но именно с таким сюжетом надо выйти перед читателем в полном (по возможности) вооружении. Я хочу всю ее пересмотреть не спеша — перепахать ее. Полагаю, что все существующие *теперь* затруднения — внутренние и внешние — исчезнут ко времени моего возвращения в Россию, то есть к весне (к апрелю) — и нам, наконец, удастся пустить это детище гулять по свету[2].

Не могу согласиться с одним:

Ни Одинцова не должна иронизировать, ни мужик стоять выше Базарова, хоть он сам пуст и бесплоден... Может быть, мое воззрение на Россию более мизантропично, чем Вы предполагаете: он — в моих глазах — действительно герой нашего времени. Хорош герой и хорошо время, — скажете Вы... Но оно так.

Повторяю просьбу о заключении под спуд моего продукта, жму Вам крепко руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Отрывок из письма Каткова приведен Тургеневым в очерке «По поводу «Отцов и детей» (см. т. 10 наст. изд., стр. 352).

[2] Роман «Отцы и дети» появился в февральской книжке «Русского вестника» 1862 года.

142

И. П. БОРИСОВУ

Париж, $\frac{11}{23}$-го декабря 1861 г.

Я только вчера получил Ваше письмо от 12-го окт., любезнейший Иван Петрович, — оно находилось два месяца в дороге — это сильно даже для русской почты.

Благодарю Вас за это письмо: от него веет такой искренней и доброй приязнию, что я был тронут. Оно возбудило во мне желание побывать опять в наших некрасивых и неудобных — но почему-то привлекательных местах. Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины.

Поздравляю Вас с окончательным устройством Вашего гнезда — и да будет оно предзнаменованьем устройства Ваших дел. Но, судя по доходящим до меня слухам и письмам — мужички наши еще долго будут нас крутить.

Итак, Вы охотитесь в окрестностях Мценска и даже находите зайцев? Последнее обстоятельство меня поражает. Я до сих пор не мог себе представить более пустынного (в отношении дичи) места. Но, впрочем, с тех пор как Фет убил утку на *своем* пруде — все возможно. Я получаю изредка письма от этого милого смертного; он в них плачет подобно Иеремие... а все-таки я убежден, что дела его идут недурно. Главная ошибка его была — покупка Степановки; но он с тех пор умел ее исправить.

Я здесь вижу Боткина, который лечится старательно, но ест напропалую. Впрочем, он теперь почти молодцом стал.

Известия из России — литературные и всякие другие — печальны. Мы живем в темное и тяжелое время — и так-таки не выберемся из него. В «Современнике» я, однако, прочел повесть, в которой попадаются проблески несомненного дарования — «Молотов» Помяловского [1].

Я пожалел о смерти Добролюбова, хотя и не разделял его воззрений: человек был даровитый — молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы! [2]

Необходимые поправки к моей повести [3] я еще не кончил — и она раньше февраля или марта не появится в «Русском вестнике». Нового я ничего не делаю; кажется, я самому себе сказал: баста!

Крепко жму Вам руку и кланяюсь дружески Вашей жене. Что сынок Ваш, подрастает? До весны уже теперь осталось недолго. Будьте здоровы.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] Повесть Н. Г. Помяловского «Молотов» напечатана в «Современнике», 1861, № 10.
[2] Н. А. Добролюбов умер 17 ноября ст. ст. 1861 года (25 лет от роду).
[3] Тургенев говорит о романе «Отцы и дети».

143
П. В. АННЕНКОВУ

Париж
11/23-го декабря 1861 г.

Получил я Ваше сурово-юмористическое письмо, любезнейший П. В., и, по обыкновению, узнав из него лучше всю *суть* современного положения петерб〈ургского〉 общества, чем из чтения журнальных корреспонденций и т. д., говорю Вам спасибо, но удивляюсь начальной Вашей фразе, из которой я должен заключить, что по крайней мере *одно* мое письмо к Вам затерялось. Но, видно, что с возу упало, то пропало, и не нам тужить о неисправностях почты. Это в сторону. Сто рублей в Москву посылать нечего: там сияет великий Чичерин — чего же еще? Возьмите из этих денег недостающее на подписку журналов, а остальное храните у себя до времени. Кстати, узнайте из бумаг архива — взнес ли я в нынешнем году весной при проезде 40 р. от имени Ханыкова. Если нет — значит, я забыл, и Вы взнесите.

Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя он собирался меня съесть живым. Последняя его статья, как нарочно, очень умна, спокойна и дельна [1]. Вы мне ничего не пишете о литературе — видно, о ней нечего писать. А я прочел в «Современнике» повесть Помяловского «Молотов» и порадовался появлению чего-то

нового и свежего, хотя недостатков много, но это всё недостатки молодости. Познакомились ли Вы с ним? Что это за человек?

А я, кажется, обречен в жертву сплетням. На днях должен был послать успокоительную телеграмму Каткову в ответ на исполненное брани и упреков письмо... Все дело возгорелось по поводу моей злополучной повести, поправки которой все еще не кончены [2]. Судя по охватывающей меня со всех сторон апатии — это будет, вероятно, последнее произведение моего красноречивого пера. Пора натягивать на себя одеяло и — спать.

Здесь жизнь идет, как по маслу, безобразно, но тихо.

Правительство ждет и желает войны с Америкой [3]. На днях один мой знакомый протестантский пастор был призываем в министерство и *тамо* угрожаем за помещение в своем журнальце, коего название piété-charité — статьи о невольничестве. Статья эта состоит из 4 страничек и была написана *дочерью* Н. И. Тургенева [4]. Ему объявили, что в предвидении войны — на невольничество не должно сметь нападать... А m-r Pelletan осужден на 3 мес. тюремного заключения за то, что пожелал Франции свободу, которою пользуется Австрия. Как же тут не умиляться!

Здоровье мое порядочно: это главное. Кланяйтесь жене Вашей и всем приятелям. Ваш *И. Т.*

P. S. 1-е. Слышал я, что разрешили представить «Нахлебника»; в таком случае передаю Вам все свои права и прошу в особенности обратить на то, чтобы «Нахлебника» не давали без прибавочной сцены во 2 акте [5], которую я давным-давно выслал Щепкину и которую могу выслать Вам теперь.

P. S. 2-е. Никитенко, получающий 10 000 руб. сер. за редакторство журнала, есть факт, достойный остромыслия Щедрина [6].

[1] Последняя статья Добролюбова «Забитые люди» была посвящена произведениям Достоевского, «Современник», 1861, № 9.

[2] Речь идет о романе «Отцы и дети».

[3] Тургенев имеет в виду задуманное Наполеоном III завоевание Мексики. В случае успеха предполагалось поставить вопрос о захвате всей Южной Америки. Захватническим планам Наполеона способствовала шедшая в то время борьба между северными штатами, выступавшими против рабства негров, и южными, рабовладельческими штатами.

[4] Фанни-Александра Тургенева (1835—1890). Письмо И. С. Тургенева к ней см. в кн. «Тургенев и его время», М. 1923.

[5] См. прим. к «Нахлебнику» в т. 9 наст. изд.

[6] П. В. Анненков сделал к этим словам письма примечание: «Слух, оказавшийся неверным» («Литературные воспоминания», 1909, стр. 554).

144

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Париж
26-го декабря 1861 г.
7-го января 1862 г.

Любезнейший Федор Михайлович, Ваше письмо меня очень удивило. Вы как будто вычитали из моего письма, что я приписывал Вам распространение слуха о моей повести, — а мне это и в голову не приходило — как же мог подобный намек попасть в мое письмо? И как будто нужно искать особого объясненья всякой сплетне: она царствует в нашей литературе, преимущественно на задних дворах, где издаются «Книжные вестники» и т. д. [1]. Впрочем, все дело не представляет никакой важности: мне жаль только, что оно могло обеспокоить и Вас и Каткова. Боюсь я, как бы читатели, по прочтении «Отцов и детей», не сказали: из чего они хлопотали? Словом: я по многим причинам хотел отложить печатание до весны; но купец настойчиво требует запроданный товар — нечего делать — приходится его спускать tel quel *.

Чрезвычайно меня интересует «Минин» Островского; [2] пожалуйста, сообщите мне Ваше впечатление. Новая смелая попытка! Дай бог, чтобы она увенчалась успе-

* Таким, каков он есть *(франц.)*.

хом! Но если даже и будет неудача, я все-таки уверен, что *неудача* Островского может быть интереснее *удачи* многих других. Поклонитесь ему от меня.

Повесть, назначенная для «Времени» [3] — подвинулась в последнее время — и я имею твердую надежду, что она будет готова ко 2-му номеру; но ведь Вы сами знаете — дело это прихотливое.

Очень Вам благодарен за присылку двух №-в «Времени», которые я читаю с большим удовольствием. Особенно — Ваши «Записки из Мертвого дома». Картина *бани* просто дантовская — и в Ваших характеристиках разных лиц (например, Петров) — много тонкой и верной психологии. Радуюсь искренне успеху Вашего журнала — и повторяю, готов ему содействовать всячески. Поклонитесь Вашей жене и всем приятелям.

Дружески жму Вам руку.

Преданный *Ив. Тургенев.*

[1] В «Книжном вестнике», 1861, № 21, сообщалось, что роман Тургенева «Отцы и дети» будет напечатан не в «Русском вестнике» Каткова, а в журнале братьев Достоевских «Время».

[2] Драматическая хроника (в стихах) А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» появилась в «Современнике», 1862, № 1.

[3] Имеется в виду повесть «Призраки» (см. в следующем письме).

145

А. А. ФЕТУ

Париж
4-го февраля н. ст. ⟨18⟩62 г.

Крайне неблагодарно было бы с моей стороны, любезнейший Фет, не отвечать на Ваши дружеские и многочисленные письма — и потому я берусь за перо и направляю это послание в благословенную Степановку, где, по Вашим словам, Вы будете через несколько дней. Прежде всего приветствую Вас с возвращением в

Ваше мирное сельское убежище — единственно приличное убежище для человека средних лет в нашем роде! Если б я не был так искренно к Вам привязан — я бы до остервенения позавидовал Вам, я, который принужден жить в гнусном Париже — и каждый день просыпаться с отчаянной тоской на душе... Но что́ об этом говорить — а лучше перенестись мыслию в наши «палестины» — и вообразить себя сидящим с Вами в отличной коляске (по Вашей милости) и едущим на тетеревей, — найдем же мы их наконец, черт возьми! В нынешнем году я приму другие меры — и надеюсь, что они увенчаются успехом. Если бог даст, в конце апреля я в Степановке.

Я ожидал отчета о «Минине» [1], а Вы мне прислали целую диатрибу по поводу «Молотова». Знаете ли что, милейший мой? Так же, как Толстого страх фразы загнал в самую отчаянную фразу, так и Вас отвращение к *уму* в художестве довело до самых изысканных умствований и лишило именно того наивного чувства, о котором Вы так хлопочете. Вместо того чтобы сразу понять, что «Молотов» написан очень молодым человеком, который сам еще не знает, на какой ноге ему плясать, Вы увидали в нем какого-то «образованного Панаева». Вы не заметили двух-трех прекрасных и *наивных* страниц о том, как развивалась и росла эта Надя [2] или Настя, Вы не заметили других признаков *молодого* дарования — и уткнулись в наносную пыль и сушь, о которой и говорить не стоило. Впрочем, это между нами — нескончаемый спор: я говорю, что художество — такое великое дело, что целого человека едва на него хватает со всеми его способностями, между прочим и с умом; Вы поражаете ум остракизмом — и видите в произведениях художества только бессознательный лепет спящего. Это воззрение я должен назвать славянофильским, ибо оно носит на себе характер этой школы: «Здесь все черно — а там все бело»; «правда вся сидит на одной стороне». А мы, грешные люди, полагаем, что эдаким маханием сплеча топором только себя тешишь. Впрочем, оно, конечно, легче, а то, признавши, что правда и там и здесь, что никаким резким определением ничего не определишь, приходится хлопотать, взвеши-

рать обе стороны и т. д. А это скучно. То ли дело брякнуть так, по-военному: «Смирно! Ум— пошел направо! Марш! стой, равняйсь! Художество! налево — марш, стой, равняйсь» — и чудесно! Стоит только подписать рапорт, что все, мол, обстоит благополучно. Но тут приходится сказать с (умным или глупым, как, по-Вашему?) Гете:

«Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!» *

А Ваш идеал — вот он! **:

Я рад, что Вы по крайней мере сошлись с Толстым, а то это было уже слишком странно. Что же касается до представления моего «Нахлебника», то это одно из тех несчастий, которые могут случиться со всяким порядочным человеком. Воображаю, что́ это будет за мерзость! И пиэса и исполнители ее одинаково достойны друг друга [3].

До свидания — крепко жму Вам руку, кланяюсь Вашей жене и остаюсь

преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] Тургенев ждал появления драматической хроники А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» с большим интересом (ср. п. № 144), но, прочитав, разочаровался. «Минин» обманул мои ожидания, — писал он Н. В. Щербаню 10 марта н. ст., — язык — удивительный; но нет ни драмы, ни живых характеров. Самое лучшее — лирические места» («Русский вестник», 1890, № 7).

[2] Героиня повести Н. Г. Помяловского «Молотов». О Наде здесь, между прочим, сказано: «Началось усиленное чтение. Она читала большею частью романы и повести, из которых в институте слышала одни невинные отрывки. Лицо ее горело от свободных, поэтических страниц; все, что есть у нас лучшего, прочитала она в это время; Тургенев сделался ее любимым поэтом».

[3] В письме речь идет, очевидно, о постановке «Нахлебника» в Петербурге 7 февраля 1862 года, в бенефис Ф. А. Снетковой (в главной роли — Васильев 2-й).

---

* Да! Если б только мы не знали этого лучше! *(нем.)*

** В автографе нарисованы две фигуры с подписями: под одной — «Ум», под другой — «Художество».

146

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Париж
2/14-го марта ⟨18⟩62 г.

Любезнейший Федор Михайлович, мне бог знает как давно следовало ответить Вам — но видите ли, я и теперь беру маленький листик бумаги: лень великая — да и сказать почти нечего. Никогда еще жизнь не утекала так скоро и бесследно для меня, как в эти последние два месяца. Я почти ничего не работал, мало читал, никуда не выезжал — черт знает что такое! Повесть моя едва подвигается — так что раньше моего возвращения в Россию (в апреле) навряд ли будет готова [1]. На днях я прочел «Минина» — и говоря по совести, остался холоден. Стихи удивительные, язык прекрасный — но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где история, наконец? Я совсем другого ожидал от Островского — я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные — надо всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким — но этого мало... особенно от Островского этого мало.

Я все поджидаю присылки 1-го номера «Времени». Говорят — на все журналы подписка плохая: надеюсь, что это не распространяется на «Время». Бедный Панаев умер... Я пожалел о нем, как о старом товарище. Какой он казался здоровый... и аневризм! Все мы *под богом* ходим.

Когда Вы получите это письмо, вероятно моя повесть будет уже в Петербурге [2]. Прочтите и скажите свое мнение с полной искренностью. Я ожидаю *неуспеха,* чтобы не сказать более — и это не есть «забегание вперед», а довольно ясное сознание, основанное на положительных данных. Я знаю, чего я хотел — и начинаю чувствовать, что взял задачу не по силам; но *учить* кого бы то ни было мне в голову не приходило. Не до того было.

А засим желаю Вам всего хорошего, кланяюсь Вашей жене, всем приятелям и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Повесть «Призраки»; она была закончена только летом 1863 года.

[2] Тургенев имеет в виду роман «Отцы и дети».

147

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Париж
30/18-го марта 1862 г.

Любезнейший Федор Михайлович, мне нечего говорить Вам, до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об «Отцах и детях» [1]. Тут дело не в удовлетворении самолюбия, а в удостоверении, что ты, стало быть, не ошибся и не совсем промахнулся — и труд не пропал даром. Это было тем более важно для меня, что люди, которым я очень верю (я не говорю о Колбасине), серьезно советовали мне бросить мою работу в огонь — и еще на днях Писемский (но это между нами) писал мне, что лицо Базарова совершенно не удалось. Как тут прикажете не усомниться и не сбиться с толку? Автору трудно почувствовать *тотчас,* насколько его мысль воплотилась — и верна ли она, и овладел ли он ею—и т. д. Он как в лесу — в своем собственном произведении.

Вы наверное сами это испытали не раз. И потому еще раз спасибо. Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумленья — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным вымолвить. Дай бог, чтобы в этом сказалось не одно чуткое проникновение мастера, но и простое понимание читателя — то есть, дай бог, чтобы все увидали хотя часть того, что Вы увидали! Теперь я спокоен насчет участи моей повести: она сделала свое дело — и мне раскаиваться нечего.

Вот еще Вам доказательство, до чего Вы освоились с этим типом: в свидании Аркадия с Базаровым, в том месте, где, по Вашим словам, недостает что-то, Базаров, рассказывая о дуэли, трунил над *рыцарями,* и Аркадий слушал его с тайным ужасом и т. д. — я выкинул это — и теперь сожалею: я вообще много перемарывал и переделывал под влиянием неблагоприятных отзывов, и от этого, может быть, и произошла копотливость, которую Вы заметили.

Я получил милое письмо от Майкова — и отвечу ему. Бранить будут меня сильно, но это надо переждать, как летний дождик.

Очень было бы мне жаль, если б я не застал Вас в Петербурге. Я выезжаю отсюда в конце здешнего апреля, то есть через месяц. Теперь я могу *наверное* Вам сказать, что я привезу Вам мою работу готовою — она не только сильно подвинулась, она приближается к концу. В ней будет около трех печатных листов. Странная выходит штука. Это именно те «Призраки», из-за которых несколько лет тому назад поднялась у нас пря с Катковым — не знаю, помните ли Вы это. Я было начал другую вещь — и вдруг схватился за эту и работал несколько дней с увлечением. Теперь осталось дописать несколько страниц.

Радуюсь успеху «Времени». Досадно, что Вы не можете устроить правильную высылку журнала. Я это говорю не столько из личного интереса — я ведь скоро сам вернусь — но для Ваших же выгод. «Русский вестник» высылается сюда правильно. (Впрочем, февральского номера я еще не получал.)

Еще раз крепко, крепко жму Вам руку и говорю Вам спасибо.

Передайте мой усердный поклон Вашей жене и будьте здоровы.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Письмо Достоевского с отзывом об «Отцах и детях» неизвестно. В письме к В. П. Боткину (от 7 апреля 1862 г.) Тургенев привел «восторженные» слова Достоевского: «Д. уверяет, что эта одна вещь стоит всего, что я написал, сравнивает ее с «Мертвыми душами» (!) etc.» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неиз-

данная переписка», 1930, стр. 170). Отзвук этой оценки есть в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), где Достоевский говорит о Тургеневе: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (Ф. М. Достоевский, Собр. соч., т. 4, М. 1956, стр. 79).

148

А. Н. МАЙКОВУ

Париж
30-го/18 марта ⟨н. ст.⟩ 1862 г.

Любезнейший Аполлон Николаевич, скажу Вам прямо по-мужицки: «Дай Вам бог здоровья за Ваше милое и доброе письмо!» Очень Вы меня утешили. Ни в одной вещи своей я так сильно не сомневался, как именно в этой; отзывы и суждения людей, которым я привык верить, были крайне неблагосклонны; если бы не настоятельные требования Каткова, — «Отцы и дети» никогда бы не явились. Теперь я могу сказать себе, что не мог же я написать совершенную чепуху, если такие люди, как Вы да Достоевский, гладят меня по головке и говорят мне: «Хорошо, братец, ставим тебе 4». Это сравнение со студентом, твердо выдержавшим экзамен, гораздо вернее Вашего сравнения с триумфатором; а уж сравнение Вас с карликом, позвольте Вам сказать, никуда не годится. Нет — Вы товарищ-художник, братски протянувший руку товарищу; и я отвечаю объятьем на Ваше объятие, горячим приветом и благодарностью на Ваш привет. Вы меня истинно успокоили; недаром же Шиллер сказал: [1]

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten. *

Надеюсь быть скоро в состоянии сказать Вам личное спасибо (я выезжаю отсюда через месяц) — и порасспросить Вас о Ваших трудах, о которых Вы ничего не говорите в Вашем письме, — и послушать Вас. Что там ни говори молодежь — а искусство умереть не

* Кто жил для лучших людей своего времени,
тот жил для всех времен *(нем.)*.

может — и посильное служение ему будет всегда тесно соединять людей. Этот огонь, который Белинский первый признал в том первом, одной только буквой М. подписанном стихотворении («Когда ложится тень» и т. д.) [2], — этот огонь до сих пор горит и вечно будет гореть в Вас — и пока он не потухнет, Красота и Поэзия будут с Вами.

Ну, прощайте — или лучше до свидания. Примите еще раз мое спасибо и поклонитесь от меня всем вашим. Истинно Вам преданный

Ив. Тургенев.

P. S. Не зная Вашего адреса, я пишу на имя Писемского.

[1] Цитата из «Пролога» к трилогии Шиллера «Валленштейн».
[2] В рецензии на «Одесский альманах на 1840 год» Белинский отметил «два маленькие стихотворения, подписанные буквою М. и отличающиеся художественностию формы, напоминающей подражания древним Пушкина». Тут же целиком выписано стихотворение «Сон» («Когда ложится тень прозрачными клубами» и т. д. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, М. 1954, стр. 125).

149

А. А. ФЕТУ

Париж
18/6 апреля 1862 г.

Прежде всего, любезнейший А. А., спасибо за письмо — и еще больше было бы спасибо, если б Вы не сочли за нужное, избивая меня, надеть белые перчатки. Поверьте, я от друзей выносил и умею выносить самую резкую правду. Итак, несмотря на все Ваши эвфемизмы, «Отцы и дети» Вам не нравятся. Преклоняю голову, ибо делать тут нечего — но хочу сказать несколько слов в свою защиту, хотя я знаю, сколь это неблаговидно — и напрасно. Вы приписываете всю беду *тенденции, рефлексии,* уму, одним словом. А по-настоящему надо просто было сказать: мастерства не хватило. Выходит, что я наивнее, чем Вы предполагаете. Тенденция! а какая тенденция в

«Отцах и детях» — позвольте спросить? Хотел ли я сбругать Базарова или его превознести? Я *этого сам не знаю,* ибо я не знаю, люблю ли я его, или ненавижу! Вот тебе и тенденция! Катков распекал меня за то, что Базаров у меня вышел в апофеозе. Вы упоминаете также о *параллелизме;* но где он, позвольте спросить, и где эти *пáры,* верующие и неверующие? Павел Петрович — верит или не верит? Я этого не ведаю, ибо я в нем просто хотел представить тип Столыпиных, Россетов и других русских *ех*-львов. Странное дело: Вы меня упрекаете в параллелизме, а другие пишут мне: зачем Анна Сергеевна не высокая натура, чтобы полнее выставить контраст ее с Базаровым? Зачем старики Базаровы не совершенно патриархальны? Зачем Аркадий пошловат — и не лучше ли было представить его честным, но мгновенно увлекшимся юношей? К чему Феничка — и какой можно сделать из нее вывод? Скажу Вам одно, что я все эти лица рисовал, как бы я рисовал грыбы, листья, деревья; намозолили мне глаза — я и принялся чертить. А освобождаться от собственных впечатлений потому только, что они похожи на тенденции, было бы странно и смешно. Из этого я не хочу вывести заключение, что, стало быть, я молодец; напротив — то, что можно заключить из моих слов, даже обиднее для меня: я не то чтобы перехитрил — а не сумел; но истина прежде всего. А впрочем — omnia vanitas *.

Полагаю выехать отсюда через три недели непременно; как нарочно, перед самым концом наклевываются женихи; и знаю, что ничего не выйдет, а нельзя: нужно долг исполнить до конца [1]. Мы, вероятно, отъявимся в Россию вместе с великим Василием Петровичем [2]. Заранее радуюсь и Степановке, и нашим беседам, и охотам, и пр., и пр. Здесь деревья распустились совершенно, а весны все еще не было. Холод и холод!

Поклонитесь, пожалуйста, низехонько Вашей милой жене и прочим приятелям. Дружески жму Вам руку и остаюсь навсегда преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

* Все суета *(лат.).*

P. S. Какова комедия: «Дворянские выборы» во второй книжке «Современника»![3] Неужели это не геркулесовские столбы пошлости? Хороши тоже стишки Некрасова[4], сего первого из современных пиитов российских!

[1] Речь идет о дочери Тургенева Полине. См. п. № 159.
[2] То есть с В. П. Боткиным.
[3] «*Дворянские выборы*» — сцены Ф. А. Зиновьева («Современник», 1862, № 2). См. в книге В. Евгеньева-Максимова «Современник» при Чернышевском и Добролюбове», Л. 1936, стр. 522—525.
[4] В «Современнике», 1862, № 2, напечатано стихотворение Некрасова «Дешевая покупка».

150

К. К. СЛУЧЕВСКОМУ

Париж
26/14-го апреля 1862 г.

Спешу отвечать на Ваше письмо, за которое я Вам очень благодарен, любезный С. Мнением молодежи нельзя не дорожить; во всяком случае, я бы очень желал, чтобы не было недоразумений насчет моих намерений. Отвечаю по пунктам[1].

1) Первый упрек напоминает обвинение, деланное Гоголю и др., зачем не выводятся *хорошие* люди в числе дурных. Базаров все-таки подавляет все остальные лица романа (Катков находил, что я в нем представил апофеозу «Современника»). Приданные ему качества не случайны. Я хотел сделать из него лицо трагическое — тут было не до нежностей. Он честен, правдив и демократ до конца ногтей, — а Вы не находите в нем *хороших* сторон? «Stoff und Kraft» он рекомендует именно как *популярную,* то есть пустую, книгу;[2] дуэль с П⟨авлом⟩ П⟨етровичем⟩ именно введена для наглядного доказательства пустоты элегантно-дворянского рыцарства, выставленного почти преувеличенно комически; и как бы он отказался от нее: ведь П. П. его побил бы. Базаров, по-моему, постоянно разбивает П-а П-а, а не наоборот; и если он называется нигилистом, то надо читать: революционером.

2) То, что сказано об Аркадии, о реабилитировании отцов и т. д., показывает только — виноват! — что меня не поняли. *Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса.* Вглядитесь в лица Н⟨икола⟩я П⟨етрович⟩а, П-а П-а, Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хороших представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? Взять чиновников, генералов, грабителей и т. д. — было бы грубо, le pont aux ânes * — и неверно. Все истинные *отрицатели,* — которых я знал, — без исключения (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнев и т. д.) происходили от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у *деятелей,* у отрицателей всякую тень *личного* негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни. Графиня Сальяс неправа, говоря, что лица, подобные Н-ю П-у и П-у П-у — наши деды: Н. П. — это я, Огарев и тысячи других; П. П. — Столыпин, Есаков, Россет — тоже наши современники. Они лучшие из дворян — и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать их несостоятельность. Представить, с одной стороны, взяточников, а с другой — идеального юношу, — эту картинку пускай рисуют другие... Я хотел большего. Базаров в одном месте у меня говорил (я это выкинул для цензуры) Аркадию, тому самому Аркадию, в котором Ваши гейдельбергские товарищи видят *более удачный тип:* «Твой отец — честный малый, но будь он расперевзяточник — ты все-таки дальше благородного смирения или кипения не дошел бы, потому что ты дворянчик».

3) Господи! Кукшина — эта карикатура, по-Вашему — *удачнее всех!* На это и отвечать нельзя. Одинцова так же мало *влюбляется* в Аркадия, как в *Базарова,* как Вы этого не видите! Это та же представительница наших праздных, мечтающих, любопытных и холодных барынь-эпикуреек, наших дворянок. Графиня Сальяс это

---

* Открытие для невежд — буквально: «мост для ослов» *(франц.).*

лицо поняла совершенно ясно[3]. Ей бы хотелось сперва погладить по шерсти волка (Базаров), лишь бы он не кусался, — потом мальчика по его кудрям — и продолжать лежать, вымытой, на бархате.

4) Смерть Базарова (которую г⟨рафин⟩я Сальяс называет *геройскою* и потому критикует) должна была, по-моему, наложить последнюю черту на его трагическую фигуру. А Ваши молодые люди и ее находят случайной! Оканчиваю следующим замечанием: если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью — если он его не полюбит, повторяю я, — я виноват и не достиг своей цели. Но «рассыропиться», говоря его словами, я не хотел, хотя через это я бы, вероятно, тотчас имел молодых людей на моей стороне. Я не хотел накупаться на популярность такого рода уступками. Лучше проиграть сражение (и, кажется, я его проиграл), чем выиграть его уловкой. Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель, — потому что она все-таки стоит еще в преддверии будущего, — мне мечтался какой-то странный pendant * с Пугачевым и т. п. А мои молодые современники говорят мне, качая головами: «Ты, братец, опростоволосился и даже нас обидел: вот Аркадий у тебя почище вышел — напрасно ты над ним еще не потрудился». Мне остается сделать, как в цыганской песне: «снять шапку да пониже поклониться». До сих пор Базарова совершенно поняли, то есть поняли мои намерения только два человека: Достоевский и Боткин. Я постараюсь выслать Вам экземпляр моей повести. А теперь basta об этом.

Ваши стихи, к сожалению, отвергнуты «Русским вестником». Это несправедливо; Ваши стихи, во всяком случае, в десять раз лучше стихов гг. Щербины и др., помещаемых в «Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩». Если Вы позволите, я возьму их и помещу во «Времени». Напишите мне об этом два слова. Насчет Вашего имени не беспокойтесь — оно не будет напечатано.

---

* Подобие *(франц.)*.

От Н. Н. я еще письма не получал, но имею о ней вести через Анненкова, с которым она познакомилась.

Через Гейдельберг я не поеду, а я бы посмотрел на тамошних молодых русских. Поклонитесь им от меня, хотя они меня почитают отсталым... Скажите им, что я прошу их подождать еще немного, прежде чем они произнесут окончательный приговор. Письмо это Вы можете сообщить кому вздумается. Жму Вам крепко руку и желаю всего хорошего. Работайте, работайте и не спешите подводить итоги.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев отвечает на письмо поэта К. К. Случевского, который сообщил о неблагоприятном впечатлении, произведенном романом «Отцы и дети» на русских студентов в Гейдельберге (см. прим. к роману в т. 4 наст. изд.).

[2] В главе X «Отцов и детей» Базаров советует Аркадию дать отцу почитать «что-нибудь дельное»: «—Что бы ему дать? — спросил Аркадий. — Да, я думаю, Бюхнерово *«Stoff und Kraft»* на первый случай. — Я сам так думаю, — заметил одобрительно Аркадий. — *«Stoff und Kraft»* написано популярным языком». Речь идет о книге немецкого физиолога Карла Бюхнера «Материя и сила», вышедшей в русском переводе в 1860 году.

[3] Тургенев имеет в виду статью Е. Тур (Е. А. Салиас де Турнемир) в «Северной пчеле», 1862, № 91, 92.

131

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Париж
Воскресенье 4-го мая н. ст. 1862 г.

Любезнейший Федор Михайлович, дела — вовсе не интересные, но довольно важные задержали меня в Париже дольше, чем я предполагал; но я без всякого отлагательства выезжаю отсюда через две недели — и около 12-го мая нашего стиля буду в Петербурге. Очень бы мне хотелось застать Вас еще там и обо многом потолковать. Повесть моя для «Времени», к сожалению, все еще не окончена [1] — но может быть окончена в один день или в два — и я надеюсь сделать это в де-

ревне. Доходящие до меня слухи об «Отцах и детях» — только подтверждают мои ожидания: кроме Вас и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотел сделать. Гр⟨афиня⟩ Сальяс, между прочим, упрекает меня, зачем я не вывел взяточников, генералов и т. д. — чтобы *объяснить* Базаровых; как будто отрицательное направление есть явление частное — личное (все известные мне отрицатели происходят, как нарочно, из очень хороших семейств) — и как будто, желая показать упадок дворянства, я не должен был взять именно *лучших* его представителей — вроде братьев Кирсановых и т. д. Я уже не говорю об упреках другого рода и часто противуположных, делаемых Базарову, — никто, кажется, не подозревает, что я попытался в нем представить трагическое лицо, — а все толкуют: зачем он так дурен? или — зачем он так хорош? Но об этом толковать нечего: если вещь удалась, она выдержит все эти нападки и выяснится наконец, а не удалась — провалится как нечто недосказанное и непонятное — туда ей и дорога!

Меня М. А. Маркович просила узнать: не желаете ли Вы поместить во «Времени» — ее повесть. У ней есть одна, готовая, которую я читал и которая носит на себе некий отпечаток ее таланта, со всеми его качествами и недостатками. Называется она: «Пустяки» — и составит около 3 печатных листов. Вещь хорошая и, я думаю, не лишняя в Вашем журнале [2]. Ей дали в «Русском слове» 250 р. сер. за лист — и она желает подобной же суммы. Отвечайте мне, пожалуйста, немедленно, то есть хотите ли, чтобы Вам ее выслали на прочтение? а увидавшись со мною в Петербурге, Вы мне скажете Ваше окончательное решение.

Будьте здоровы. Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Очень жаль, что здесь «Время» не получается. Другие журналы приходят же аккуратно.

[1] «Призраки».

[2] Повести под заглавием «Пустяки» среди опубликованных произведений М. А. Маркович (Марко Вовчка) нет.

152

А. И. ГЕРЦЕНУ

Париж, Rue de Rivoli, 210
28 апреля ⟨н. ст.⟩ 1862 г.

Милый А. И. Немедленно отвечаю на твое письмо, не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и в то же время заявить, что при сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему «влеченье, род недуга» [1], — так что Катков на первых порах ужаснулся и увидал в нем *апофеозу* «Современника» и вследствие этого уговорил меня выбросить немало смягчающих черт, в чем я раскаиваюсь. Еще бы он не подавил собою «человека с душистыми усами» и других! Это — торжество демократизма над аристократией. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновным перед Базаровым и не мог придать ему ненужной сладости. Если его не полюбят, как он есть, со всем его безобразием, значит я виноват и не сумел сладить с избранным мною типом. Штука была бы не важная представить его идеалом; а сделать его волком и все-таки оправдать его, это было трудно; и в этом я, вероятно, не успел; но я хочу только отклонить нарекание в раздражении против него. Мне, напротив, сдается, что противное раздражению чувство светится во всем, в его смерти и т. д. Но basta cosi; увидевшись, поговорим более.

В мистицизм я не ударился и не ударюсь; в отношении к богу я придерживаюсь мнения Фауста:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekennen:
Ich glaub'ihn?
Wer empfinden
Und sich unterwinden,
Zu sagen: Ich glaub'ihn nicht? [2]

Впрочем, это чувство во мне никогда не было тайной для тебя.

Если ты распек Каткова за его статью в «Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩», то я рукоплещу тебе и с наслаждением прочту статью твою в «Колоколе» [3].

N. N. истинно отличный малый, и я его искренно полюбил. Он напоминает мне братьев Колбасиных.

Приложенный к твоему письму конверт с надписью г(рафин)е Салиас вручится ей не через несколько дней в Москве — а завтра же в Париже — ибо она здесь — приехала недавно и живет Avenue Marboeu, 3 bis. До свидания — что бы ты ни думал об моей неаккуратности — скорее земной шар лопнет, чем я уеду не повидавшись с тобою. Будь здоров.

Твой *Ив. Тур.*

[1] Слова Репетилова Чацкому: «А у меня к тебе влеченье, род недуга» («Горе от ума», действие IV, явление 4).

[2] Слова Фауста Маргарите (часть 1, «Сад Марты»). В переводе Б. Пастернака (М. 1953, стр. 192):

Кто на поверку,
Разум чей
Сказать осмелится: «Я верю»?
Чье существо
Высокомерно скажет: «Я не верю»?

[3] Речь идет о статье М. Н. Каткова «К какой принадлежим мы партии?» («Русский вестник», 1862, № 2); Герцен ответил на нее статьей «Сенаторам и тайным советникам журнализма» («Колокол», 1862, № 130, от 22 апреля). Подробности см.: В. П. Батуринский, А. И. Герцен, его друзья и знакомые, т. 1, СПб. 1904, стр. 176—181.

155

П. В. АННЕНКОВУ

Спасское
12 июля (ст. ст.) 1862 г.

Милый П. В., видно, письма из Полтавской губернии в Орловскую ходят дольше, чем из Мадрида в Калькутту, потому что Ваше, «пущенное», как говорится, от 19-го июня, только третьего дня, то есть 9-го июля, достигло, наконец, до наших мирных палестин. Это тем более неутешительно, что заставляет полагать, что и мое пойдет таким же раковым ходом, и что, следовательно, пока мы успеем перекинуться двумя, тремя посланиями, наступит зима. Но нам не впервые с Вами покоряться печальной необходимости, особенно в нынешнем году — стало быть, толковать нечего. Жа-

лею я только об одном, что нам и в нынешнем году не удастся увидеться, а поговорить было бы о чем. Даже если бы Вы не отложили Вашего намерения посетить меня в Спасском, я бы сам Вам это отсоветовал, так как я остаюсь здесь гораздо меньше, чем предполагал, и в половине августа уже уезжаю за границу. Авось свадьба [1] моей дочери развяжет мне руки, и я хотя к началу 1863 года буду свободен. Здесь дела идут, скрыпя и треща, как немазанная телега — но все-таки вперед, и я убеждаюсь, что к будущей весне все земли (с необходимыми исключениями) будут выкуплены, что бы ни говорили гг. крепостники и другие ejusdem farinae *.

А тяжел пришелся России ее 1000-й год! [2] Но хоть и за то спасибо, что многое выяснилось и определилось. Никогда еще я, такой *темный и тайный* приверженец правительства, — как Вы знаете — с таким волнением не глядел издали на нашего государя, от которого, можно сказать, теперь все зависит. Дай бог ему удержаться незыблемо на единственно спасительном пути!..

Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочел о прекращении «Современника». Вспомнилось его основание, Белинский и многое... Мне кажется, Головнин поторопился [3]. Неизвестность о том, действительно ли участвовали «агитаторы» в поджогах, — мучительна; темные намеки, попадающиеся в газетах, раздражают и волнуют еще более. Это — безумие, это — бессмысленное самоистребление, — это преступление, наконец. Право, я не могу теперь без трепета распечатывать ни одного пакета с журналами. Вот до чего мы дожили, вот куда должна была прийти неизбежная реакция против 30-летней тьмы! [4] Общество наше, легкое, немногочисленное, оторванное от почвы, закружилось, как перо, как пена; теперь оно готово отхлынуть или отлететь за тридевять земель от той точки, где недавно еще вертелось; а совершается ли при этом, хотя неловко, хотя косвенно, действительное развитие народа, этого никто сказать не может. Будем ждать и прислушиваться.

Что касается до моего последнего произведения «Отцы и дети», я могу только сказать, что стою сам

---

* Из того же теста *(лат.)*.

изумленный перед его действием; и не то что радуюсь — радоваться тут особенно нечему, — а в первый раз серьезно доволен своим делом, хотя мне иногда сдается, что я тут — сторона, а всю эту штуку выкинул какой-то другой, которому это было нужно и которому я с моим романом попался под руку. Но и это счастье. «Отцы и дети» скоро появятся в Москве отдельным изданием (Кетчер за это взялся), с посвящением Белинскому. Нового я пока ничего не предпринимал — и в голове вертятся одни *сказки*. Фет еще здесь; Боткин (В. П.) уехал.

[1] См. п. № 159.

[2] Согласно летописному сказанию, начало русскому государству было положено в 862 году. 8 сентября 1862 г. праздновалось тысячелетие России.

[3] По распоряжению министра народного просвещения А. В. Головнина «Современник» был приостановлен 15 июня 1862 года на восемь месяцев. Главным основанием было подозрение «Современника» в связях с авторами революционной прокламации «Молодая Россия» (см. прим. 2 к п. № 154) и с «виновниками» знаменитых майских пожаров в Петербурге, которые царское правительство использовало для борьбы с революционно-освободительным движением в России, обвинив в поджоге «взбунтовавшуюся молодежь» и «лондонских пропагандистов».

[4] Тургенев имеет в виду годы николаевского царствования (1826—1855).

154

А. И. ГЕРЦЕНУ

Баден, Amalienstrasse
27 августа ⟨н. ст.⟩ 1862 г.

Милый А. И., — во-первых, спасибо за скорый ответ, а во-вторых — говоря поэтическим языком, легкие *пени* на тебя за то, что ты мог подумать, что твои две статьи («Концы и начала») могли меня рассердить. Я их только теперь прочел (и принимаясь за чтение, даже не подозревал, что они ко мне обращены — потом скоро догадался) — и нашел в них всего тебя, с твоим поэтическим умом, особенным уменьем глядеть и быстро и глубоко, затаенной усталостью благородной души и т. д. — но это еще не значит, что я с тобой вполне согласен; ты, мне кажется, вопрос не так поставил. Я ре-

шился тебе отвечать в Вашем же журнале, хотя это не совсем легко — во всяческом смысле этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя в тайне и даже, если можно, отведи другим глаза. Я надеюсь через неделю послать тебе ответ — он уже начат [1].

Об остальном пока говорить я не буду — некогда. Я только что переехал на квартиру и не уселся как следует. Спасибо за «Колокол» и за обещание впредь. Второе твое письмо к «Молодой России» — лучше первого: тебе более, чем кому-нибудь, следует вразумлять их [2]. Но как это Вы напечатали предложение издателям «Соврем⟨енника⟩», «Русского слова» и «Дня» издаваться на Ваш счет в Лондоне!! [3] Ведь это все равно что кирпичом их по голове, да и вероятно ли, что *Некрасов,* гр. Кушелев или даже Аксаков (или его продолжатель Елагин) захотят сжечь свои корабли. Это было очень необдуманно с Вашей стороны: Некрасов, пожалуй, увидит в этом желание отомстить ему.

А каков Гарибальди? С невольным трепетом следишь за каждым движением этого *последнего* из героев. Неужели Брут, который не только в истории всегда, но даже и у Шекспира гибнет, — восторжествует? Не верится, — а душа замирает [4]. Но ты мне ничего не пишешь о Бакунине? До следующего письма.

Жму тебе руку и остаюсь преданный тебе

И. Т.

[1] В «Колоколе» 1862—1863 годов Герцен напечатал восемь статей под общим заглавием «Концы и начала»; написанные в форме писем к другу, они были обращены к Тургеневу (хотя имя его нигде названо не было) и во многом представляли собой полемику с ним по вопросу о дальнейших путях общественно-политического движения в России и на Западе. Тургенев думал отвечать Герцену в «Колоколе», но, получив официозное предостережение — не печататься в этом органе, решил ограничиться частными письмами (см. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева, 1892, стр. 152—176). Полемика с Герценом послужила Тургеневу материалом при создании романа «Дым».

[2] *«Молодая Россия»* — прокламация, призывавшая к немедленной революции и к террористическим актам; о Герцене в этой прокламации говорилось как о человеке, потерявшем веру в возможность революционных преобразований. Первый ответ Герцена («Молодая и старая Россия») был напечатан в «Колоколе», 1862,

№ 139 (15 июля); второй («Журналисты и террористы») — там же, № 141 (15 августа).

[3] В «Колоколе» (1862, № 139) Герцен напечатал предложение редакторам запрещенных журналов — «Современника» и «Русского слова» — и газеты «День» продолжать эти издания в Лондоне, обещая материальную помощь.

[4] Джузеппе Гарибальди в августе 1862 года выступил с корпусом волонтеров для освобождения Папской области, но был остановлен сардинскими королевскими войсками и ранен в сражении при Аспромонте (29 августа 1862 г.). Узнав об этом, Тургенев написал Фету: «На последних словах: «чего же более?» меня застало известие о плачевном конце предприятия Гарибальди, и я не мог более писать. Хотя мне хорошо известно, что роль честных людей на этом свете состоит почти исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством, и что Октавиан рано или поздно непременно наступит на горло Бруту, — однако мне все-таки стало тяжело» (А. Фет, Мои воспоминания, ч. 1, М. 1890, стр. 404).

153

И. П. БОРИСОВУ

Париж, $\frac{\text{22-го февраля}}{\text{6-го марта}}$ 1863 г.

Любезнейший Иван Петрович, Ваши большие, милые и умные письма всегда доставляют мне истинное удовольствие: в них выражается Ваша прекрасная душа, да, кроме того, от них веет таким родным орловски-степным воздухом, что мне здесь, на чужбине, остается только благодарить да дышать поглубже. В теперешнюю эпоху оно еще отраднее: столько грустных, тяжелых впечатлений...

Вы не поверите, как бы мне хотелось именно теперь находиться на родине: что там делается, как встретил народ давно ожиданную годовщину 19-го февраля, что сталось с дворовыми, что говорят и толкуют дворяне? Мысли мои постоянно у вас. Здесь мы в самый день 19-го февр⟨аля⟩ собрались у Николая Милютина (Николай Иванович Тургенев был в числе гостей) — пили за здоровье царя, народа, всех сотрудников великого дела, старика Тургенева начинателя, Милютина совершителя, — произносили небольшие, некрасноречивые, но теплые и дельные спичи; мне, как автору «Записок охотника», было сказано несколько добрых слов,

которые я буду всегда помнить как лучшую награду. А в «Современнике», говорят, так меня пробирают, что просто пыль столбом. Ну да бог с ними! Пускай куражится молодежь! Дай ей бог скоро найти таких деятелей и затеять такие дела, что и бранить-то меня не останется охоты.

С нетерпением жду появления «Казаки» Л. Толстого в «Русском вестнике»[1]. «Revue des 2 Mondes» поместила на днях отрывки из его «Детства и отрочества». От Боткина я знаю, что Фет вернулся в Степановку: мне он не пишет... Неужели он попрежнему не получает моих писем?

У нас здесь совсем зимы не было — а теперь весна на дворе... Да и в России, когда придет это письмо к Вам — первые грачи уже появятся около талых мест. Бог даст, месяца через полтора увидимся! А пока будьте здоровы и веселы. Кланяюсь Вашей жене, целую Вашего Петю и крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] «Казаки» напечатаны в «Русском вестнике», 1863, № 1 (вышел с опозданием — в конце февраля).

136

А. А. ФЕТУ

Париж
7/19 апреля 1863 г.

Любезные друзья, Афанасий Афанасьевич Фетче и Иван Петрович Борисов! Позвольте написать вам обоим купно — хотя вы мне писали отдельно — но времени у меня вдруг стало мало (я на отъезде отсюда); а имею я сказать вам обоим одно и то же, начиная с того, что я искренно вас обоих люблю и помню. Для быстроты дела буду писать по пунктам:

1. Я еду отсюда не в Россию, а в Баден, где теперь еще никого нет и где я буду работать с остервенением в течение двух месяцев (я во всю зиму пальца об палец не ударил), а в июле, если бог даст, прибуду в

Спасское на тетеревей. Мое присутствие там необходимо, не столько, впрочем, для тетеревов, сколько для других соображений. Считаю излишним говорить вам, с какою радостью я вас обоих обниму.

2. Могу вам сказать, что мое *дело,* кажется, благополучно окончилось. Мне прислали сюда запросы весьма маловажные, я немедленно отвечал — и теперь, я думаю, все сдано в архив [1].

3. «Казаков» [2] — я читал и пришел от них в восторг. (И Боткин также.) Одно лицо Оленина портит общее великолепное впечатление. Для контраста цивилизации с первобытной нетронутой природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся с самим собою, скучное и болезненное существо. Как это Толстой не сбросит с себя этот кошмар! А кстати, каков романчик Чернышевского в «Современнике»? [3] Вот прелесть-то!

4. У вас, кажется, все идет потихонечку — как следует быть. И слава богу! Не в состоянии вам передать, до какой степени меня мучат польские дела... [4] Здесь все готовятся к войне.

5. Здоровье мое не совсем удовлетворительно: старая болезнь меня кусает. Может быть, летом дело поправится.

Засим жму вам обоим руку или руки — крепконакрепко, обнимаю вас и остаюсь

любящий вас *Ив. Тургенев.*

P. S. Мой адрес теперь: Баден, poste restante. Я направил это письмо на Ваше имя, дорогой Иван Петрович, но Вы доставьте его владельцу Степановки.

[1] Тургенев был привлечен к ответственности по делу «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (или «процессу 32-х»). В феврале 1863 года, живя в Париже, он получил вызов в сенат, но не поехал, а обратился к Александру II с просьбой выслать «допросные пункты». Пункты были получены — и Тургенев ответил на них письменно 10(22) марта 1863 года. Дело, однако, не было «сдано в архив»: в сентябре 1863 года Тургенев получил вторичный вызов, в январе 1864 года приехал в Петербург и дал в сенате свои показания. Постановлением от 28 января (9 февраля) 1864 года Тургеневу был разрешен обратный выезд за границу, а определением сената 1(13) июня того же года он был освобожден от всякой ответственности по этому делу. (См. в т. 11 наст. изд.).

[2] Повесть Толстого «Казаки».

[3] Имеется в виду роман Чернышевского «Что делать?»; главы I—II появились в «Современнике», 1863, № 3.

[4] Тургенев подразумевает события, последовавшие за вооруженным восстанием в Польше (в январе 1863 г.). Франция поднялась в защиту польских повстанцев; шла массовая вербовка добровольцев, производились многочисленные подписки.

157

Е. Е. ЛАМБЕРТ

Баден, Schillerstrasse, 277
9-го мая/27-го апреля 1863 г.

Милая графиня, я с неделю тому назад приехал сюда и только теперь окончательно поселился, приискал квартиру и т. д. Я уже собирался к Вам писать — хоть и не 14 страниц — а нормальные 4 — как вдруг явилось Ваше большое письмо и, разумеется, несмотря на свою безжалостную строгость, ускорило мое намерение. Скажу несколько слов не в оправдание, а в объяснение.

Вы меня осуждаете как человека (в смысле политического деятеля, гражданина) и как писателя. В первом отношении Вы правы, во втором — нет, как мне кажется. Вы правы, говоря, что я не политический деятель, и утверждая, что правительству нечего меня опасаться; мои убеждения с молодых лет не менялись, но я никогда не занимался и не буду заниматься политикой: это дело мне чуждое и неинтересное, и я обращаю на него внимание, насколько это нужно писателю, призванному рисовать картины современного быта. Но Вы не правы, требуя от меня на *литературном* поприще того, что я дать не могу, плодов, которые не растут на моем дереве. Я никогда не *писал для народа* — я писал для того класса публики, которому я принадлежу — начиная с «Записок охотника» — и кончая «Отцами и детьми»; не знаю, насколько я принес пользы, но знаю, что я неуклонно шел к одной и той же цели — и в этом отношении не заслуживаю упрека. Вам кажется, что я из одной лени не пишу, как Вы говорите, простой и нравственной повести для народа; но почему Вы знаете, что я двадцать раз не пытался что-

нибудь сделать в этом роде и не бросил этого, наконец, потому что убедился, что это не по моей части, что я этого *не умею?* — Вот где именно и выказывается слабая сторона самых умных людей *не*художников: привыкнув всю жизнь свою устроивать сообразно с собственной волей, они никак не могут понять, что художник часто неволен в собственном детище, — и готовы сбвинять его в лени, в эпикурействе и т. п. Поверьте: наш брат, да и всякий, делает только то, что ему дано делать, — а насиловать себя и бесполезно и бесплодно. Вот отчего я никогда не напишу повести для народа. Тут нужен совсем другой склад ума и характера.

Положа руку на сердце, я также не думаю, что живу за границей единственно из желания наслаждаться отелями и т. п. Обстоятельства до сих пор так сложились, что я в России могу проводить только 5 месяцев в году; а теперь и того хуже стало. Вы, я надеюсь, мне поверите, если я скажу Вам, что именно теперь я желал бы быть в России и видеть вблизи то, что в ней происходит и чему я глубоко сочувствую.

Дочь свою я все еще замуж не выдал, впрочем она к Вам сама пишет. Я, виноват, забыл поблагодарить Вас за прекрасный альбом, который дошел к моей дочери в целости и красуется у ней на столе. Я бы очень был рад, если б Вам присоветовали поехать за границу — эдак я бы имел une chance * Вас видеть.

Будьте здоровы, пишите мне хоть негодующие письма — и знайте, что я Вас люблю от души и дорожу Вашей дружбой. Крепко жму руку Вашему мужу.

Ваш *Ив. Тургенев.*

158
А. А. ФЕТУ

Петербург
25 января 1864 г.

Ну-с, милейший А. А., прибыли Вы благополучно в первопрестольной град вместе с прелестными старцами Мерике[1] и Дон Базилием[2]. Черкните-ка словечко да пришлите масловские письма[3]. Но пред-

* Счастье *(франц.)*.

ставьте, какой я оказался телятиной! Вместо чепуховатой г-жи Зыбиной мне бы следовало отвезти Вас купно с романсами к г-же Абазе (урожденной Штуббе), и Вы бы насладились! Вчера я показал ей два первых напечатанных романса, и она их так пропела *сразу* и так аккомпанировала, что я растаял. Что значит настоящая, музыкальная, немецкая кровь! Эта и грамматику знает — и в риторике сильна. Кстати, она чуть не влюблена в Василия Петровича[4] и хочет устроить для него квартет с Рубинштейном, Давыдовым, Венявским... четвертый персонаж будет чуть ли не сама святая Цецилия. И романсы она хочет спеть все торжественно. Будет хорошо — а альбом Вы получите немедленно, как только он выйдет[5].

Прочел я после Вашего отъезда «Поликушку» Толстого[6] и удивился силе этого крупного таланта. Только материалу уж больно много потрачено, да и сынишку он напрасно утопил. Уж очень страшно выходит. Но есть страницы поистине удивительные! Даже до холода в спинной кости пробирает, а ведь у нас она уже и толстая и грубая. Мастер, мастер!

Юный редактор «Библиотеки для чтения»[7] просил меня узнать от Вас, не будет ⟨ли⟩ с Вашей стороны препятствия к перепечатке Вашего стихотворения из «Московских ведомостей» в статье о Дружинине, долженствующей явиться в первом номере его журнала? А Вы, злодей, оставили: *«донесен* в могилу»[8].

Кланяйтесь добрым приятелям, а главнейше Вашей милой жене. Будьте здоровы.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] К фамилии Мерике Фет сделал следующее примечание: «В бытность мою в Петербурге Тургенев подарил мне книжку стихотворений немецкого поэта Мерике» («Мои воспоминания», *М.* 1890, ч. II, стр. 6). Тургенев перевел для альбома романсов П. Виардо два стихотворения Мерике (см. т. 10 наст. изд., стр. 126—127 и 609—611).

[2] *Дон Базилио* — Василий Петрович Боткин.

[3] Вероятно, приятеля Тургенева Ивана Ильича Маслова.

[4] То есть Боткина.

[5] Речь идет об издании «альбома» романсов: «Двенадцать стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа». СПб. 1864.

[6] Повесть Л. Н. Толстого «Поликушка» напечатана в «Русском вестнике», 1863, № 2.

[7] После смерти А. В. Дружинина редактором «Библиотеки для чтения» стал П. Д. Боборыкин.

[8] Тургенев имеет в виду стихотворение Фета «На смерть А. В. Дружинина». Фет вспоминает, как после погребения родные Дружинина пригласили друзей покойного на поминки в кладбищенской гостинице: «Здесь, пока еще не все собрались к столу, я прочел Тургеневу свое стихотворение, написанное под первым впечатлением, прося его по обычаю сказать, стоит ли оно того, чтобы его прочесть публично? «Вы видите, я плачу, — сказал Тургенев, — эта лучшая похвала стихотворению; но все-таки следует исправить стих: Ты чистым донесен в могилу, так как доносят *до*, а не *в*» («Мои воспоминания», М. 1890, ч. II, стр. 6). В «Московских ведомостях» (1864, № 18) эта строка напечатана в первоначальном виде; в сборнике Фета «Вечерние огни» (вып. 3, М. 1888) изменено: «Ты чистым унесен в могилу».

139

П. П. БОРИСОВУ

Париж
rue Basse, 10, Passy
9-го февраля / 28-го января 1865. Четверг

Любезнейший друг Иван Петрович, письмо Ваше приехало со мной сюда из Бадена — а приехал я в Париж для того, чтобы сыграть свадьбу моей дочери, которая 25-го февр⟨аля⟩ выходит за молодого хорошего француза, некоего г-на Gaston Bruère. После многих неудачных попыток эта увенчалась успехом — и я теперь очень рад, что мы до сих пор не торопились: партия во всех отношениях удовлетворительная. Я нахожусь в великих хлопотах: выдать девушку замуж — это целая история — чуть не целое уголовное дело во Франции, а при ненормальном положении моей дочери — затруднения усложняются в десять раз. Однако все уладилось — и за исключением болезни или чего-нибудь еще хуже, кажется, никаких препятствий предвидеть нельзя. Вы легко можете себе представить, как я доволен.

Тотчас по окончании свадьбы я возвращаюсь в мой любезный Баден — а в самых первых числах апреля

еду в Россию. В Петербурге я останусь несколько дней, в Москве несколько часов — и прямо в Спасское. Это *верно, несомненно,* опять-таки если что-нибудь фатальное не помешает. С истинным удовольствием мечтаю о том, как мы сразимся в шахматы с Вами на Вашей террасе, в присутствии Пети, который уже, верно, знает ходы и которому прошу кланяться от моего имени. А от Вас надо будет махнуть к Фету — и там, несмотря на весь мрак его отчаяния и печальных предсказаний, пойдут трюфели, пулярды под белым соусом и батюшка Редерер в неисчислимых экземплярах. Доживем — так поживем.

Очень меня опечалило известие о Толстом [1]. Надеюсь, что он давным-давно справился и работает. Ему книги в руки. Не хитри только этот человек — отдайся своему таланту — господи боже, куда он уйдет! Перед ним жизнь только что начинается — что за годы 36 лет — да и силы какие! С нетерпением ожидаю его нового романа [2].

А меня Вы, душа моя, напрасно шевелите. Моя песенка спета. Так спокойно катится жизнь, так мало сожалений, тревог — что только думаешь об одном: матушка Середа, будь похожа на Вторник — как сам батюшка Вторник был похож на Понедельник. Не поднимайтесь со дна, вы — всякие черные тараканы — болезнь, слепота, глухота, увечие — а больше не надо, не надо ничего. Куда нам бороться и ломать деревья! Благо, чувство к красоте не иссякло, благо, можешь еще порадоваться ей, всплакнуть над стихом, над мелодией... а тут охота, страсть, горячая, сильная, неистомная; пес такой, что целой вселенной на удивление — коронованные особы (без шуток — это сделал принц Гессенский на охоте) перед ним шапки ломают — и предлагают мне громадные суммы... Он так отыскивает всякого раненого зверя, птицу — что на легенду сбивается, право. Спросите любого мальчугана в Великом герцогстве Баденском: а слыхал ты о Пегазе, собаке одного русского в Бадене? — так он о русском ничего не знает, а Пегаза знает![3] Чего еще? Помилосердуйте!

Продавать издание [4] с билетом пожелал сам книгопродавец для скорейшего приобретения денег. Впрочем,

последний том подвигается уже к концу [4]. Я Вам привезу экземпляр.

Жму Вам руку крепко-накрепко и говорю: до свидания.

Искренно Вас любящий *Ив. Тургенев.*

P. S. Мне пишут из Петербурга, что там уже «швальни» и т. д. прекратились, и барышни опять заглядываются на офицеров; то же будет и в Орле; в провинции старые моды всегда дольше держатся.

[1] В сентябре 1864 года Толстой, упав с лошади, вывихнул и сломал правую руку; в конце ноября руку пришлось вправлять заново.

[2] То есть «Войны и мира».

[3] Ср. в «Литературных и житейских воспоминаниях» очерк «Пэгаз» (т. 10 наст. изд., стр. 426).

[4] Речь идет об издании сочинений Тургенева, напечатанном в Карлсруэ (1865, 5 томов).

160

И. П. БОРИСОВУ

Баден-Баден, Schillerstrasse, 277
16
28-го марта 1865. Вторник

Любезнейший Иван Петрович, Вы не поверите, как я люблю получать от Вас письма: не говорю уже о том, что они напоминают мне о человеке, к которому я искренно привязан, — но они составляют почти единственную мою связь с некоторою «сутью» русской жизни, которая с каждым днем слабеет и теряется для меня. Нечего греха таить: отрезанный я ломоть — и верно так тому и быть следовало — а по временам в сердце шевелится нечто вроде сожаления. Оно было бы еще сильнее, если б я не почитал своего дела конченным — а доживать свои денечки можно везде. Впрочем, я не желаю ни расчувствоваться, ни о себе говорить: лучше выражу то удовольствие, с которым я мечтаю о нашем свидании, «весной, при песнях соловьиных».

С тех пор как пришло Ваше письмо, я успел прочесть драму Островского («Воеводу») [1] и начало романа Толстого [2]. К истинному своему огорчению, я должен признаться, что роман этот мне кажется —

положительно — плох, скучен и неудачен. Толстой зашел не в свой монастырь — и все его недостатки так и выпятились наружу. Все эти маленькие штучки, хитро подмеченные и вычурно высказанные, мелкие психологические замечания, которые он под предлогом «правды» выковыривает из подмышек и других темных мест своих героев — как это все мизерно на широком полотне исторического романа! И он ставит этот несчастный продукт выше «Казаков»! Тем хуже для него, если это он говорит искренно. И как это все холодно, сухо — как чувствуется недостаток воображения и наивности в авторе,— как утомительно работает перед читателем одна память, память мелкого, случайного, ненужного. И что это за барышни! Всё какие-то золотушные кривляки. Нет, эдак нельзя; эдак пропадешь, даже с его талантом. Мне это очень больно— и я желал бы обмануться [3].

А «Воевода» Островского меня привел в умиление. Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Последний акт (особенно где воевода бегает за своей невестой, чтобы *защекотать ее насмерть*) плох; но 2-й и 3-й — это совершенство! Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене «Домового». Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки. Вот уж у кого нет «искания мелкой букашки», «de la petite bête», как говорят французы. Сильно он расшевелил во мне литературную жилу.

Я не «обхожу» Каткова, как Вы говорите, хотя лично его недолюбливаю; но моя мошна пуста— последние крохи я из нее вытряс — что тут будешь делать? Неизвестно, что вперед будет, а пока я могу только смотреть, как действуют другие.

Не знаю, какая у Вас погода, а у нас — да и во всей Европе — просто ужас. Со вчерашнего вечера валит густой снег — ни одной почки не распустилось ни на одном дереве — январь, да и полно! Зато хотя на том спасибо, что нет ни тифа, ни сибирской язвы. С первыми красными днями я направляюсь — в Новоселки и в Степановку [4]. Поклонитесь от меня владельцу сей последней и скажите ему, что я жажду увидеть его исизе-бурый нос, услыхать его очаровательно мычащую

речь. Поклонитесь также Вашему поэту Пете и примите от меня самое дружеское рукопожатие.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Что у кого болит, тот о том и говорит: если увидите моего дядю, скажите ему, что «облигации» (он уже знает, что это значит) и днем и ночью мне не дают покоя.

P. S. Свадьба моей дочери состоялась месяц тому назад — и я получаю от нее самые розовые письма. Муж ее действительно хороший и добрый человек — и собой очень пригож. Зовут его Bruère.

[1] Драма Островского «Воевода или Сон на Волге» была напечатана в «Современнике», 1865, № 1.

[2] То есть первые 28 глав «Войны и мира», напечатанные в «Русском вестнике», 1865, № 1 (под заглавием «1805 год»).

[3] Впоследствии Тургенев совершенно изменил свой взгляд на «Войну и мир» — см., например, письмо к г. Абу (т. 11 наст. изд., стр. 209).

[4] *Новоселки* — имение И. П. Борисова; *Степановка* — имение Фета.

161

А. А. ФЕТУ

Баден-Баден, Schillerstrasse, 277
25 марта/6 апреля 1866 г.

В день, когда, по народной поговорке, и ворон гнезда не вьет[1], пишу к Вам, любезнейший А. А.! Письмо я Ваше получил дней десять тому назад, из чего Вы можете заключить, что леность моя не умалилась; не умалилась, однако, и привязанность моя к Вам. С истинным удовольствием усмотрел я, что Вы довольны своим здоровьем, устройством своих дел; не менее порадовался я (за наш уезд) облечению Вашему в сан гласного;[2] а что до неприбытия Василия Петровича[3] в Степановку,— я полагаю, струить слезы Вы не будете. Дай Вам бог всего хорошего в Вашем степном гнездышке! А мы будем здесь почитывать в «Русск⟨ом⟩ вестнике» Ваши «Письма из деревни», которые собственно я ожидаю с великим нетерпеньем[4].

Из двух присланных стихотворений одно (напечатанное) к Тютчеву прекрасно; от него веет старым, или, лучше сказать, молодым Фетом [5]. Другое — неудовлетворительно. «Почему? — спросите Вы. — Критик, отдай отчет в твоем чувстве!» Извольте — отдаю. Во-первых: оно напоминает тоном — и даже некоторыми подробностями — два стихотворения Пушкина и Тютчева, которые оба гораздо лучше его: «Я помню чудное мгновенье» и «Как ночью на небе звезды». Во-вторых, что такое: «Кинуть привет *наизусть*»! О, как это некрасиво! Как можно «восторгать грусть»? «Всю чистоту твоей души», «Звезда и роза» — вялая проза. И, наконец: «На темном небе и *в воде*», — уж лучше прямо «и в рукомойнике» [6]. Еще одно я заметил: все Ваши личные, лирические, любовные, особенно страстные стихотворения — слабее прочих: точно Вы их сочинили, и предмета стихов вовсе не существовало. А засим можете взять сапог и каблуком меня по темени, по темени: будь, дескать, вежлив.

От г-жи Энгельгардт [7] я получил письмо и уже отвечал ей.

Кажется, я в нынешнем году в Россию не приеду и потому не увижу Вас — разве Вы соберетесь и к нам пожалуете. Мы с Виардо [8] принаняли еще охоту к той, которую до сих пор имели, и теперь можем угостить приятеля. Одних зайцев мы уколотим до 300-т.

В нынешнем году я получаю журналы и вновь слежу за российской литературой: отрадного мало. Самое приятное явление — возобновление «Вестника Европы» — Костомарова [9]. Первая часть «Преступления и наказания» Достоевского — замечательна; вторая часть опять отдает прелым самоковыряньем. Вторая часть «1805-го года» тоже слаба: как это все мелко и хитро, и неужели не надоели Толстому эти вечные рассуждения о том, — трус, мол, ли я или нет — вся эта патология сражения? Где тут черты эпохи,— где краски исторические? Фигура Денисова бойко начерчена, но она была бы хороша как узор на фоне, — а фона-то и нет.

Однако basta! Что это я вдаюсь сегодня в критиканство? Кончаю тем, что обнимаю Вас дружески и кланяюсь Вашей жене.

Ив. Тургенев.

[1] 25 марта ст. ст. — церковный праздник благовещения, когда было принято выпускать птиц из клеток на волю.

[2] Фет вспоминает: «200 десятин земли в Степановке представляли как раз поземельный ценз для гласного, и влиятельные люди в уезде, начиная с предводителя дворянства ⟨...⟩, стали просить меня баллотироваться в гласные ⟨...⟩. Избран я был значительным большинством» («Мои воспоминания», М. 1890, ч. II, стр. 85—86). Гласный — член Городской думы.

[3] Боткина.

[4] Письма Фета «Из деревни» напечатаны в «Русском вестнике», 1863, № 1 и 3; 1864, № 4.

[5] Тургенев, вероятно, говорит о стихотворении «Ф. И. Тютчеву» («Прошла весна — темнеет лес»).

[6] Тургенев критикует стихотворение «Графине С. А. Толстой», начинавшееся в первоначальной (рукописной) редакции так:

Когда случайно мне, бывало,
Привет свой кинешь наизусть,
Ты на минуту восторгала
Мою рассеянную грусть.

В печати («Вечерние огни», вып. 1, М. 1883) эта строфа была изменена:

Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.

[7] Софья Владимировна *Энгельгардт,* писавшая под псевдонимом «Ольга Н ***».

[8] То есть с мужем Полины Виардо — Луи Виардо.

[9] Журнал «Вестник Европы», выходивший в годы 1802—1830, возобновлен под тем же названием в 1866 году. Его издателем-редактором был М. М. Стасюлевич, а историк Н. И. Костомаров — постоянным сотрудником.

162

В. РАЛЬСТОНУ

Баден, Шиллерштрассе, 277
Пятница, 19 октября ⟨н. ст.⟩ 1866 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше любезное письмо, пересланное мне через «Fortnightly Review» [1], и просил бы у Вас разрешения отвечать по-французски; я хорошо знаю английскую литературу и бегло говорю по-английски; но мне было бы трудно писать на Вашем языке. С живейшим

интересом прочел Вашу превосходную статью о Кольцове. Лично я его знал мало, — встречал раза два в Петербурге; но был интимно связан с большинством его друзей, особенно с Белинским, который также заслуживал бы и большего с ним знакомства и оценки за ту роль, которую сыграл он в русской общественной жизни.

Кольцов был истинным народным поэтом, — настоящим поэтом своего века. Может быть, слишком много чести сравнивать его с Бернсом — по-иному пылким и одаренным, — но все же между ними очень много общего, — у Кольцова есть штук двадцать маленьких поэм, которые будут жить, пока жив русский язык.

Очень рад, что Вы хотите познакомить Ваших соотечественников с нашей литературой. Не говоря уже о Гоголе, я думаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского и Гончарова могут представить интерес и по своей новой манере восприятий и по передаче поэтических впечатлений; нельзя отрицать, что со времени Гоголя наша литература приняла оригинальный характер; хотелось бы знать только, достаточно ли выявлена эта оригинальность, чтобы возбудить к ней интерес и других наций. Ваше мнение, оценка и выражение симпатии были бы здесь бесконечно ценны,— Вы знаете, до какой степени могущественно у нас английское влияние и как ценят в России английских писателей; таким образом, могу только от души приветствовать Ваше намерение и поздравляю заранее мою страну.

Мне было бы так приятно завязать с Вами личные отношения, и я охотно отдаю себя в Ваше распоряжение, если Вам понадобятся какие-либо справки. Во всех случаях прошу Вас рассчитывать на меня вполне.

Я предполагаю провести в России февраль, март и апрель, но очень опасаюсь, что Вы меня уже не застанете. Совершенно не сомневаюсь в дружеском приеме, который Вас там ожидает, и буду счастлив этому содействовать.

С удовольствием узнал, что г-н Льюис, с которым мы совместно учились в Берлине, есть то самое лицо, что

работает над биографией Гете[2]. Прошу Вас передать ему мой дружеский привет и примите уверения в моем совершеннейшем почтении.

Ив. Тургенев.

P. S. Если Вы будете любезны мне ответить, пишите по-английски.

[1] *«Fortnightly Review»* — английский двухнедельный журнал (fortnight — две недели).

[2] Джордж-Генри *Льюис* (Lewis), философ, последователь и пропагандист учений Огюста Конта, написал биографию Гете (Life of Goethe), которая имела большой успех.

165
ПОЛИНЕ ВИАРДО

С.-Петербург, Караванная, 14
Понедельник, 27 февраля (11 марта) 1867 г.

Дорогая madame Виардо, teuerste Freundin *, какое чудесное, какое дивное, какое благодетельное изобретение электрический телеграф! Передо мною Ваш ответ, посланный Вами всего каких-нибудь два-три часа тому назад, и мне кажется, что расстояние между нами уменьшилось, что я почти слышу Ваш милый, нежный голос. У Вас все хорошо — какое счастье! И я тоже могу дать Вам добрые вести о себе: моей ноге много лучше, — начинаю ходить, как в Берлине, и мне подают надежду, что теперь уж решительно близок конец этой затяжной и несносной болезни. Полно — надо быть терпеливым; вот уж и пятый день разлуки на исходе (правду сказать, мне кажется, что я уж месяц как расстался с Вами), — не пройдет и 35 дней, — si dios quiere ** — как я опять увижу Вас...

Вчера вечером я наладил свои чтения в присутствии Боткина, Анненкова, Маркевича, которого Вы не знаете,

---

* Дорогой друг *(нем.)*.

** Если бог даст *(исп.)*.

и *друга Виардо,* графа Соллогуба, который зашел случайно и несмотря на приказ лакею никого не принимать. Впрочем, его присутствие оказалось для меня не бесполезным: он дал мне несколько добрых советов, ибо у этого субъекта есть и ум и вкус, скрытые под слоем... чего-то, во всяком случае, очень скверного. Начал я с маленького рассказика, который перевел для Вас в Берлине [1] (кстати, пруссаки возлюбили бы меня, знай они, с какой нежностью я пишу и произношу название их столицы); рассказик понравился; тогда я взялся и за свою махину [2]. Прочел с десяток глав и так как дал Вам слово обо всем писать истинную правду, то должен сознаться, что успех имел очень большой, гораздо больше, чем я мог надеяться. Посмотрим, какое впечатление произведут остальные. За исключением одной главы, которую Анненков советует мне переделать (пикник генералов), — по тону несколько утрированной — an die Karikatur streifend *, — обо всех остальных я слышал только комплименты; даже больше того; видел на лицах (слушателей), в особенности старика Боткина, выражение удовольствия, смешанного с удивлением, и это было мне очень приятно. Пишу Вам все это, потому что знаю, что это доставит Вам удовольствие, и не умею сказать, сколько раз во время чтения я думал о Вас и говорил себе: ах, если б здесь была она!.. Чтение это будет продолжаться почти весь сегодняшний день, и завтра же я опишу Вам подробности.

На дворе очень холодно, и я еще денька два-три не выйду из дому. Утром у меня был народ... два-три приятеля, которых я и не думал встретить в Петербурге. Завтра же высылаю Вам маленький перевод на одного берлинского банкира, возвращая десять фридрихсдоров, которые Вы мне дали и без которых мне пришлось бы круто, — и то я приехал в Петербург с четырьмя рублями в кармане.

С каким нетерпением я жду Вашего первого письма! Мысль моя не покидает *Behrenstrasse, sie schwebt um das liebste Wesen herum* **, — я каждую минуту ста-

---

* Граничащий с карикатурой *(нем.)*.

** Она витает вокруг любимого существа *(нем.)*.

раюсь сообразить, где Вы и что Вы сейчас можете делать, — не забывая при этом, что между Петербургом и Берлином час с четвертью разницы во времени, — и, так как я теперь более или менее изучил Ваши привычки, это мне удается... *Teuerste, teuerste, nie hat eine menschliche Brust ein solches Gefühl gehegt, wie die meinige für Sie. Anbetung ist noch das schwächste, was man davon sagen kann* *.

Да благословит Вас бог тысячу раз, да хранит и бережет он Вас. Хорошенько запирайте двери... Напишите мне, окончательно ли прошел Ваш кашель. Обнимаю малютку Диди; я еще напишу ей из Петербурга (и Вы пишите мне еще сюда); шлю тысячу любезностей всем, начиная с доброй Дезирэ, а Вам... что же я могу Вам сказать. Ich falle zu ihren Füssen, und küsse sie tausend mal und bin auf ewig, ewig der Ihrige *И. Т.* **

[1] Рассказ «История лейтенанта Ергунова» (см. прим. к рассказу в т. 7 наст. изд.).

[2] Роман «Дым» (см. прим. к роману в т. 4 наст. изд.).

164

П. В. АННЕНКОВУ

Москва
Вторник, 21 марта ⟨ст. ст.⟩ 1867 г.

Милый Павел Васильевич! Я не отвечал тотчас на Ваше письмо оттого, что хотел написать Вам нечто положительное. Со мной случилось обстоятельство, несколько неприятное: я в деревню не попал. Выехал было десять дней тому назад, да из Серпухова принужден был вернуться: такой сильный схватил меня грипп. Пять

---

* Дорогая, бесконечно дорогая, никогда ни в одной человеческой груди не хранилось такого чувства, как в моей к Вам. Поклонение — это самое меньшее, что можно о нем сказать *(нем.)*.

** Я падаю к Вашим ногам, целую их тысячу раз и остаюсь навсегда, навсегда Вашим *(нем.)*.

дней я пролежал больной, а теперь началось печатание моей повести [1], да нога опять разболелась, да дороги сделались непроезжими: раньше двух недель нельзя бы было отправиться; я раздумал ехать в деревню и постараюсь уладить дело письменно: управляющий мой уже находится на месте. Выезжаю я отсюда в понедельник, а потому можете объявить чтение в четверг [2] — не раньше и не позже, потому что я в пятницу непременно выеду из Петербурга в Баден. Если четверг (на будущей неделе) почему-либо неудобен, то можете назначить середу; я со вторника буду в Петербурге. Я читаю здесь отрывок из романа в субботу в пользу галичан. Катков меня очень об этом просил. Я не мог отказаться. «Историю лейтенанта» я у него читал, и он взял ее в свой журнал [3]. О том же, какое впечатление произвел на него и на Леонтьева мой роман, я ничего не знаю: любезны они со мною очень. Маслов читает его в корректуре и доволен. Я здесь вижусь с немногими; был у Писемского, и он мне читал своего «Гладкова», который, по-моему, есть чепуха несуразная; охота ему бросать свой род и лезть в историю... Все эти царедворцы, пропущенные сквозь деготь и, с позволения сказать, д...мо, уморительны. И что за лица! Один первый акт сносен [4]. Островского я не видал.

Нога меня сильно мучит — разболелась вся. А тут эта скверная погода, талый снег и грязь... Не дождусь я минуты, когда я увижу опять мой милый Баден. Кланяйтесь Глафире Александровне и Боткину, пожмите руку также и другим приятелям. До свидания. Душевно Вам преданный *Ив. Тургенев.*

[1] Под «повестью» Тургенев разумеет, очевидно, роман «Дым», который был напечатан в журнале «Русский вестник», 1867, № 3 (вышел в середине апреля).

[2] В четверг 30 марта Тургенев собирался прочитать первые главы «Дыма» на публичном вечере Литературного фонда. Болезнь помешала осуществить этот план.

[3] Рассказ «История лейтенанта Ергунова» появился в «Русском вестнике», 1868, № 1.

[4] Историческая трагедия А. Ф. Писемского «Поручик Гладков» (восшествие на престол Елизаветы Петровны) напечатана в журнале «Всемирный труд», 1867, № 3 (см. «А. Ф. Писемский. Письма», М. — Л. 1936, стр. 674—677).

165

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
6 мая (24 апреля) 1867 г.

Милый Павел Васильевич! Всякое письмо мое к Вам должно, по-настоящему, начинаться с благодарственного гимна; я получил Ваше письмо от 19 апреля и кланяюсь Вам земно за исполнение всех поручений. Остается одно, а именно— взять у нашего новоявленного исповедника перед его отъездом нужные на то деньги и подписаться на «С.-Петербургские ведомости» и на «Голос» с 1 апреля, с высылкой сюда. Прилагаемая записочка послужит Вам легитимацией.

Кишинский довел до моего сведения фантастический поступок дяди; [1] в ответ на эту выходку я послал ему просьбу об удалении его из Спасского и предоставлении, наконец, мне моей собственности, а Кишинскому отправил приказ действовать решительно: мне ничего не оставалось более делать, чтобы выкарабкаться, наконец, из этого хаоса.

Вы возьмите у Боткина достаточную сумму, чтобы уплатить за подписку, книги и прочие расходы. К великому удовольствию моему, я нашел, наконец, здесь — совершенно случайно — то письмо «Бригадира», которое я отыскивал в Спасском и в Петербурге и которое составляло необходимую принадлежность моего рассказа и давало ему смысл [2]. Весь рассказ в оконченном виде будет мною немедленно переписан и через неделю отправлен к Вам. Даю Вам carte blanche * продать его кому вздумается, — Краевскому лучше всего бы. Надо бы получить за него рублей 400 по меньшей мере: полтора печатных листа! Но и это я совершенно предоставляю Вашему благоусмотрению. Если сойдетесь с Краевским, то можно выговорить экземпляр «Отечественных записок» за нынешний год. Кстати, оказалось, что Жемчужников в мое отсутствие пришел ко мне и взял два

---

* Полномочия *(франц.)*.

декабрьские нумера «Отечественных записок» за прошлый год; следовательно, их высылать нечего.

Я не обещал Щебальскому рукопись «Дыма», а он пришел и сказал мне, что выпросил ее у Каткова: тут я, конечно, должен был согласиться. Я ею вовсе не дорожу, но она мне пока нужна, чтобы восстановить в отдельном издании то, что Катков почел за нужное выбросить. Я получил отдельные оттиски и, пробежав один из них, нашел довольно таких усечений [3]. Скажите Щебальскому, что я ему непременно вышлю через Салаева в Москву рукопись, как только она окажется ненужною.

Радует меня то, что Вы говорите о моем романе, и благодарю заранее за обещание сообщать толки; что-то скажет Писарев? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом [4].

Это очень хорошо, что Ваша жена поправляется: а только как же Вы решаетесь жить в таком климате! Здесь у нас совершенный рай с 1 мая. Полагают, что мир упрочен месяца на четыре во всяком случае [5]. Ну, а теперь прощайте, будьте здоровы и кланяйтесь всем друзьям. Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. В случае если б Боткин уже отправил ко мне за границу мои деньги, дайте мне знать, и я Вам тотчас доставлю означенную Вами сумму из деревни. Получил ли Ковалевский мое официальное письмо, посланное на Ваше имя?

[1] Н. А. Кишинский в марте 1867 года сменил в управлении имением дядю Тургенева (Н. Н. Тургенева). В ответ на это Н. Н. Тургенев подал ко взысканию безденежные векселя.

[2] *Письмо бригадира* — см. главу XV повести «Бригадир» и комментарий в т. 7 наст. изд.

[3] О восстановлениях, сделанных Тургеневым в отдельном издании «Дыма» (1867), см. в комментарии к роману в т. 4 наст. изд.

[4] Д. И. Писарев изложил свое мнение о «Дыме» в письме (см. альманах «Радуга», Пг. 1922), на которое Тургенев ответил 23 мая (4 июня) 1867 года (см. прим. к роману в т. 4 наст. изд.).

[5] Очевидно, Тургенев имеет в виду конференцию в Лондоне, созванную 28 апреля н. ст. 1867 года, в результате которой 11 мая 1867 года был подписан договор, положивший конец политическому кризису, грозившему войной между Пруссией и Францией.

166

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
Schillerstrasse, 7 (теперь уже не 277)
(9) 21 мая 1867

Милый Павел Васильевич! Сию минуту получил Ваше письмо с приложенной статьей о «Дыме» в «С.-Петербургских ведомостях». Благодарю искренно, а также и за подписку на «С.-Петербургские ведомости», которыми пренебрег великий Боткин. Я сегодня же напишу в деревню Кишинскому о высылке Вам немедленно 100 рублей; это будет несколько скорее, чем во времена дядина управления. (После долгих колебаний и неправдоподобных дрязг дядя выезжает из Спасского 20 мая.)

Посылаю Вам в этом же пакете копию с «Бригадира». Поместите эту вещь — на все Ваша воля — в какую Вам заблагорассудится богадельню. Выйдет полтора листа печатных по меньшей мере; примите это к сведению. Я сейчас пробежал статью о «Дыме» в «Голосе» (последний нумер), в котором меня разобрали сильно. Это ничего, — то ли еще будет! [1] Но теперь предоставляю Вашему благоусмотрению: можно ли предлагать «Бригадира» Краевскому? [2] Если Вы найдете, что можно, то я с своей стороны протестовать не стану; как отец Ирины [3], j'ai l'humeur facile *. Повторяю, это от Вас зависит, и я только для сведения сообщу Вам, что, когда Писарев приходил ко мне, он от имени редакторов «Дела» просил меня: нет ли у меня чего-нибудь для них? Писарев, Дмитрий Иванович, живет на Петербургской стороне, в Малой Дворянской, в доме Зуева. Если вздумаете, пошлите за ним: он придет наверное, а человек он любопытный — помимо всяких соображений на помещение моего «детища». С другой стороны, г. Благосветлов, издатель «Дела», судится за нанесение побоев каким-то работникам... фу! фу!.. Словом, как знаете.

Вы мне ничего не пишете о здоровье Вашей жены: pas de nouvelles, bonnes nouvelles **. Поклонитесь ей от

---

* У меня покладистый характер *(франц.)*.
** Нет вестей — хорошие вести *(франц.)*.

меня и не говорите ей, что у нас здесь рай: к чему дразнить напрасно? Ни от Боткина, ни от Милютиных никаких нет известий, а, пожалуй, так и квартиры здесь не найдешь, потому что, по случаю мира, народу наедет множество.

А посмотрел бы я на Михаила Никифоровича [4] в мундире и при шпаге! То-то величественно! Напишите мне два слова о получении этого пакета, чтоб я знал, что труды не пропали даром; да кстати скажите мнение Ваше о самом «Бригадире» [5]. Письмо его, по-моему, — chef d'oeuvre; к сожалению, не я — его автор. Засим обнимаю Вас и желаю Вам всяких благ. Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] Отзывы современной Тургеневу критики о «Дыме» см. в прим. к роману в т. 9 собр. соч., М. — Л. 1933, а также в т. 4 наст. изд.

[2] Этот вопрос возник в связи с тем, что А. А. Краевский был издателем газеты «Голос».

[3] *Отец Ирины* — князь Осинин, персонаж из романа «Дым».

[4] Каткова.

[5] См. в прим. к повести в т. 7 наст. изд.

167

Д. И. ПИСАРЕВУ

Баден-Баден, Schillerstrasse, 7
Середа, 22/10 мая 1867 г.

Милостивый государь
Дмитрий Иванович,

Я пробыл в Петербурге так мало времени на возвратном пути из Москвы, что не успел повидаться с Вами. Я сожалею об этом — потому что — по разрушении того, что французы называют первым льдом, мы бы, я уверен, если не сошлись бы — то поговорили бы откровенно [1]. Я ценю Ваш талант, уважаю Ваш характер — и, не разделяя некоторых Ваших убеждений, постарался бы изложить Вам причину моего разногласия — не в надежде обратить Вас — а с целью направить Ваше внимание на некоторые последствия Вашей деятельности. Я не знаю, когда я попаду в Петербург;

если бы Вам случилось выехать за границу и добраться до Бадена, я бы с истинным удовольствием увиделся с Вами.

Я себе на днях поставил вопрос, какое впечатление произвел «Дым» на Вас и на Ваш кружок — рассердились ли Вы по поводу сцен у Губарева и эти сцены заслонили ли для Вас смысл всей повести? [2] По всем до меня доходящим известиям — «Дым» возбуждает чуть не ненависть и презрение ко мне в большинстве читателей; две, три статьи, которые мне удалось прочесть, — в том же духе. Я могу отдать себе справедливость, что —

Mit einer Arbeit hab'ich geprahlt
Und was ich gemalt hab' — hab'ich gemalt *,

а потому и не смущаюсь; я наперед знаю, что не почувствую смущения, если б и Вы отозвались неодобрительно, но приму этот факт к сведению — ибо хотя я, с одной стороны, очень хорошо знаю, что всякий талант, как всякое дерево, знает только те плоды, которые ему приличествуют, однако, с другой стороны, я не делаю себе никаких иллюзий насчет моего таланта — моего дерева — и вижу в нем весьма обыкновенную, едва привитую, российскую, яблоню. Во всяком случае, Ваше мнение — если оно выскажется и мотивируется, будет для меня интересно.

Я бы желал здесь получать «Дело» — и потому прошу Вас сделать мне одолжение и распорядиться высылкою ко мне этого журнала по вышеозначенному адресу — а деньги Вы получите от Павла Васильевича Анненкова, отправивши к нему прилагаемую записку.

Засим — желаю Вам всего хорошего и прошу принять уверение в совершенной моей преданности.

Ваш покорнейший слуга

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев называет «разрушением первого льда» личное знакомство с Д. И. Писаревым, происшедшее в марте 1867 года (Писарев дважды посетил его). — См. об этом в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенева (т. 10 наст. изд., стр. 286—287).

* Я похвастался своей работой — и что я сделал, то сделал *(нем.)*.

На возвратном пути из Москвы за границу Тургенев пробыл в Петербурге только три дня (1—3 апреля ст. ст.).

[2] *Сцены у Губарева* содержат иронию по адресу русской эмиграции в Гейдельберге и отчасти полемику с Герценом и Огаревым (см. комментарий к «Дыму» в т. 4 наст. изд.; ответ Писарева на вопрос Тургенева — там же).

168

А. И. ГЕРЦЕНУ

Баден-Баден
Schillerstrasse, 7 (не 277)
Середа, 22 мая ⟨н. ст.⟩ 1867

Я послал тебе мою повесть по прочтении твоей заметки в «Колоколе» [1], любезный А. И.: из этого ты можешь видеть, как мало я осерчал. Ты в письме твоем к И. С. Аксакову говоришь, что тебе минуло 55 лет, мне в будущем году стукнет 50 [2]. Это лета *смирные* — да и что там ни говори, мы благодаря нашему прошедшему, времени нашего появления в свет и т. д. все-таки ближе стоим друг к другу, легче понимаем друг друга, чем *разногодники.*

А счеты свести мне очень легко. Единственная вещь, которая меня самого грызет, это мои отношения с Катковым, как они ни поверхностны. Но я могу сказать следующее: помещаю я свои вещи не в «Московских ведомостях», эдакой беды со мной, надеюсь, никогда не случится, а в «Русском вестнике», который — не что иное, как сборник, и никакого политического колорита не имеет, а в теперешнее время «Русский вестник» есть единственный журнал, который читается публикой и который платит. Не скрываю от тебя, что это извинение не совсем твердо на ногах, но другого у меня нету. «Отечественные записки», единственный соперник «Русского вестника», и половины денег дать не могут. А мнение мое о «Московских ведомостях» и об их редакторе остается то же самое, которое я высказывал Авдееву.

Тебе наскучил *Потугин,* и ты сожалеешь, что я не выкинул половину его речей. Но представь: я нахожу, что он еще недостаточно говорит, и в этом мнении

утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо. Иосиф II говорил Моцарту, что в его операх слишком много нот — «Keine zu viel» *, — отвечал тот. Я не Моцарт, еще гораздо меньше, чем ты не Иосиф II, но и я осмелюсь думать, что тут «kein Wort zu viel» **. То, что за границей избито как общее место, у нас может приводить в бешенство своей новизной.

Под гейдельбергскими арабесками я разумею сцены у Губарева [3].

Письмо твое к Аксакову я прочел уже прежде, но с удовольствием прочел его... Я нахожу, что ты делаешь слишком много «Kratzfüsse vor den Slavophilen» ***, которых по старой памяти носишь в сердце. Мне кажется, что, если б ты понюхал то постное масло, которым они все отдают, особенно с тех пор как Иван Сергеич женился на первой всероссийской лампадке [4], ты бы несколько попридержал свое умиление.

Меня радуют добрые вести о твоей семье, сам же я точно был болен продолжительным припадком *подагры* (увы и ах!), но теперь я почти здоров. Награждение меня подагрою, это решительное поощрение всем кутилам и пьяницам: уж на что, кажется, был я трезв и тих!

Ну, а засим жму тебе руку — in alter cordiale Freundschaft ****.

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев послал Герцену экземпляр «Дыма» 17 мая н. ст. В сопроводительном письме он писал: «Итак, посылаю тебе свое новое произведение. Сколько мне известно, оно восстановило против меня в России — людей религиозных, придворных, славянофилов и патриотов. Ты не религиозный человек и не придворный; но ты славянофил и патриот и, пожалуй, прогневаешься тоже; да сверх того и гейдельбергские мои арабески тебе, вероятно, не понравятся» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева, 1892, стр. 190). Еще до этого письма в «Колоколе» (№ 239, от 15 апреля 1867 г.) появилась заметка, в которой говорилось: «*Наш* дорогой гость

---

* Ни одной лишней *(нем.)*.
** Ни одного лишнего слова *(нем.)*.
*** Расшаркиваний перед славянофилами *(нем.)*.
**** Со старой сердечной дружбой *(нем.)*.

И. С. Тургенев, говорят «Моск. ведомости», будет читать в пользу галичан отрывок из своего «Дыма». Мы уверены, что И. С. Тургенев будет протестовать против титула «дорогого гостя» «Моск. ведомостей». Его благородная и энергическая оценка полицейской редакции этого органа служит нам залогом». В следующем номере «Колокола» (№ 240, от 1 мая) отмечено: «Новый роман Тургенева «Дым» приобретен, говорит «Весть», «Русским вестником» за пять тысяч рублей. Вот и награда Тургеневу за «Дым», а Каткову за то, что его чад террора и доносительства проходит...»

[2] Тургенев имеет в виду «Ответ Аксакову», напечатанный Герценом в № 240 «Колокола» (от 1 мая 1867 г.).

[3] См. выше, прим. 1, а также прим. 2 к п. № 168.

[4] Так Тургенев называет Анну Федоровну Тютчеву (дочь поэта), на которой И. С. Аксаков женился в 1865 году.

169

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
23/11 мая 1867 г.

Любезнейший Павел Васильевич! Вероятно, вскоре после получения Вами этого письма, Вам пришлют записку, в которой я Вас прошу выдать нужные деньги для получения мною здесь журнала «Дело». Будьте так добры, выдайте эти деньги, а 100 руб. к Вам наверное поступят из деревни в самое скорое время. Кстати, купите для меня и вышлите сюда первый выпуск «Невского сборника» В. Курочкина [1]. Судя по оглавлению, он напичкан всяким вздором, но в нем помещается самоновейшее молодое поколение, и мне это непременно нужно к сведению; стоит он три рубля. Судя по всем отзывам и письмам, меня пробирают за «Дым» не на живот, а на смерть во всех концах нашего пространного отечества. «Я оскорбил народное чувство — я лжец, клеветник — да я же не знаю вовсе России...» А мне все это — как с гуся вода. Замечателен, однако, приступ моего бывшего защитника в «С.-Петербургских ведомостях» (последние «Недельные очерки») [2]. Сперва мне говорят, что Литвинов мною представляется как герой; потом доказывают мне, что он тряпка, и с торжеством объявляют, что я сам себе про-

тиворечу. Ничего, пусть потешаются! А вот что Вы мне говорите о П(исаре)ве, действительно странно: вот была бы штука, если бы прежние нигилисты да за меня бы заступились! Если появится какое-нибудь легкое стихотворение в «Искре» на мой счет, сообщите, родной.

Желаю Вам хорошенько угостить приезжих славянских братий [3], а нам здесь приходится плохо: все съестные припасы покупаются втридорога и летят в Париж, где, говорят, наехало около мильона гостей [4]. В конце июня и я туда постараюсь попасть. Вот уже истинно Вавилон! А только наше искусство, за поношение которого мне так досталось, не отличилось на выставке, несмотря на горделивые указания корреспондентов: русским всего дали одну третьеклассную медаль, да и ту получил коренной русак фон Коцебу!

Боткин еще не прибыл сюда, но выслал вперед из Берлина два громадных чемодана, которые стоят у меня в спальне, — сам же дал стречка в Вену. Милютин благополучно прибыл в Берлин. Засим кланяюсь дружески Вашей жене и крепко жму Вам руку. Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

P. S. Боткин сообщил мне, что Ф. И. Тютчев весьма недоволен «Дымом» [5], и по тону его слов должно заключить, что и он недоволен и, вероятно, возвратится к прежнему своему убеждению, что «tout est faux» *.

[1] *«Невский сборник»* был издан Влад. С. Курочкиным (братом поэта Василия Курочкина); вышел только первый выпуск. В письме к Анненкову от 16(28) июня 1867 года Тургенев сообщил о получении сборника: «Бездарность всех этих так называемых «молодых сил» привела меня в уныние. Экая нищета!» («Русское обозрение», 1894, № 1, стр. 21).

[2] Автор *«Недельных очерков»* — А. С. Суворин.

[3] В мае 1867 года, в связи с этнографической выставкой, происходил славянский съезд: в Петербурге «славянский обед» был устроен 11 мая, в Москве — 21 мая. К этому времени вышел литературный сборник «Братьям-славянам» (М. 1867).

[4] Весной 1867 года шла подготовка к Парижской всемирной выставке.

[5] См. прим. 4 к п. № 171.

---

* Все фальшиво *(франц.)*.

170

Д. И. ПИСАРЕВУ

Баден-Баден Schillerstrasse, 7

Вторник, $\frac{\text{4-го июня}}{\text{23 мая}}$ 1867

Милостивый государь
Дмитрий Иванович,

Если б Вы были короче со мной знакомы, Вы бы, вероятно, не сочли нужным прибегнуть к оговоркам: в выраженьях Вашего письма нет ничего «оскорбительного» — да и я оскорбляюсь весьма не легко: этим грехом я, кажется, не грешен. Я, напротив, очень рад Вашему отзыву и готов установить с Вами переписку — так как на личное свиданье близкой надежды не предвидится.

Вам «Дым» не нравится — так же как и почти всем русским читателям; ввиду такого единодушия я не могу не заподозрить достоинств своего детища: но Ваши аргументы мне кажутся не совсем верными. Вы напоминаете мне о Базарове и взываете ко мне: «Каин, где брат твой Авель?»[1] Но Вы не сообразили того, что если Базаров и жив — в чем я не сомневаюсь, — то в литературном произведении упоминать о нем нельзя: отнестись к нему с критической точки — не следует, с другой — неудобно; да и наконец — ему теперь только можно *заявлять* себя — на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью — даже фальшью. «Каланча» эта, стало быть, не годится; ну а кочку я выбрал — по-моему — не такую низкую, как Вы полагаете[2]. С высоты европейской цивилизации можно еще обозревать всю Россию. Вы находите, что *Потугин* (Вы, вероятно, хотели *его* назвать, а не Литвинова) — тот же Аркадий; но тут я не могу не сказать, что Ваше критическое чувство Вам изменило: между этими двумя типами ничего нет общего — у Аркадия нет никаких убеждений — а Потугин умрет закоренелым и заклятым западником — и мои труды пропали даром, если не чувствуется в нем этот глухой и неугасимый огонь.

Быть может, мне одному это лицо дорого; но я радуюсь тому, что оно появилось, что его наповал ругают в самое время этого всеславянского опьянения, которому предаются именно теперь, у нас. Я радуюсь, что мне именно теперь удалось выставить слово «цивилизация» — на моем знамени — и пусть в него швыряют грязью со всех сторон. Si etiam omnes, ego non*. А об Литвинове и говорить нечего: он тоже не Аркадий: он дюжинный честный человек — и всё тут. Мне было бы очень легко ввести фразу вроде того — что «однако вот, мол, есть у нас теперь дельные и сильные работники, трудящиеся в тишине» — но из уважения и к этим работникам и к этой тишине я предпочел обойтись без этой фразы; молодежи не нужно, чтобы ей мазнули медом по губам, — я по крайней мере так думаю.

А что до «рулады» в конце — Вы знаете, что в операх бывают «вставные» фиоритуры, а иные нумера выкидываются: при отдельном издании текст восстановится[3].

Вы мне пишете о себе, что Вы одни и что у Вас нет никакого кружка: это и хорошо — и дурно. Писателю, особенно критику, не следует быть одиноким. Вы мне скажете, что это одиночество часто не от нас зависит: и это справедливо.

Я не желал бы, чтобы Вы подумали про меня: Vous êtes orfèvre, M-r Josse[4] — но едва ли теперь для дельного и практического журналиста можно найти лучший девиз, чем «европейская цивилизация» — даже в потугинском вкусе.

Засим желаю Вам всего хорошего — спокойствия и деятельности — и с совершенным уважением остаюсь

Вашим покорнейшим слугой

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев цитирует слова Писарева из его письма (из Петербурга, от 18/30 мая 1867 г.). Писарев назвал здесь новый роман Тургенева «странным и зловещим комментарием» к «Отцам и детям»: «У меня шевелится вопрос вроде знаменитого вопроса: Каин, где брат твой Авель? — Мне хочется спросить

---

* Даже если все, то я — нет *(лат.)*.

у Вас: Иван Сергеевич, куда Вы девали Базарова?» («Радуга, Альманах Пушкинского дома», Пг. 1922, стр. 218).

[2] Писарев в том же письме упрекал Тургенева в том, что он сделал Литвинова центром и героем романа: «а ведь Литвинов — это тот самый друг Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, Вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в Вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую Вы же сами открыли и описали. Что же сделалось с этою каланчой? Куда она девалась?» (там же, стр. 218—219).

[3] См. в т. 4 наст. изд., стр. 493—494.

[4] Вы — ювелир, господин Жосс *(франц.)* — слова из комедии Мольера «Любовь-целительница», акт 1, сцена 1.

171

А. И. ГЕРЦЕНУ

Баден-Баден Schillerstrasse, 7
Вторник 4 июня/23 мая 1867

Спасибо за письмо и за присланный № «Колокола», любезнейший А. И. В беседе «С того света»[1] я узнал особую, тебе свойственную манеру, и хотя я сам принадлежу к охрипшим тенорам, однако перечел все с истинным удовольствием. Сам — «обломок корабля», как говорит Эдип, а ничего, сочувствую, когда возводят мою дряхлую древесину в «перл создания».

Я и готов тебе услужить, но лень мною овладела сильная, да и требуешь ты многого в немногих словах: описать общество старое и молодое, да еще с трех точек зрения! Постараюсь что-нибудь высидеть, может, впрок пойдет.

Можешь ты меня уведомить, кто это *Вырубов,* который вместе с Литтре издает «Revue positive»?[2] Я подписался на этот журнал, ибо очень высоко ценю Литтре.

Я экземпляр «Дыма» выслал тебе тогда же с письмом. Критику «Голоса» я читал и, кроме того, знаю, что меня ругают все — и красные, и белые, и сверху, и снизу, и сбоку — особенно сбоку[3]. Даже негодующие стихи появились[4]. Но я что-то не конфу-

жусь и не потому, что воображаю себя непогрешимым: а так как-то — словно с гуся вода. Представь себе, я даже радуюсь, что мой ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски [5] с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па с гармоникой под осеняющей десницей Филарета.

Я что-то не совсем понял твое «ябедничанье» Долгорукому. Не знаю твоих отношений к нему, но это один из немногих людей, которых я и не желал бы, да презираю. Извини меня, если это выражение тебя оскорбит. Но я что-то не верю, чтобы ты мог уважать человека, который *напечатал,* что если, мол, вы вздумаете сделать мне процесс, я тотчас публикую все разговоры, которые имел с вами [6]. 3-е Отделение должно восплескать подобной благородной решимости.

Поклонись твоим детям, если они меня помнят, особенно старшей твоей дочке. Будь здоров.

Преданный тебе *Ив. Тургенев.*

[1] *«С того света»* — второй очерк из серии «Без связи (отрывки из путешествия)», напечатанный в «Колоколе», 1867, № 242 (1 июня); вошло в 8-ю часть «Былого и дум».

[2] Григорий Николаевич *Вырубов,* еще в юности уехавший за границу, сблизился с Эмилем Литтре, другом и единомышленником Огюста Конта. В 1867 году в Париже начал выходить журнал «Philosophie positive» (а не «Revue positive», как написал Тургенев); его редакторами были Г. Н. Вырубов и Литтре.

[3] О критике «Голоса» и о других статьях по поводу «Дыма» см. комментарий в т. 4 наст. изд.

[4] Тургенев имеет в. виду, вероятно, стихотворение Тютчева «Дым» и его же эпиграмму, появившуюся в газете «Голос», 1867, № 170.

[5] *Всеславянской пляской* Тургенев называет газетную шумиху по поводу приезда западных славян на московскую выставку весной 1867 года.

[6] Тургенев цитирует слова П. В. Долгорукова, напечатанные в первом томе его «Воспоминаний» («Mémoires du prince Pierre Dolgoroukov», Tome I, Genève, 1867, стр. 336): «Если князья Трубецкой и Николай Долгоруков и гг. Тургенев и Головнин затеют со мной процесс, то я заранее предупреждаю их, что опубликую все наши разговоры, *ничего не утаивая*». См. письмо Тургенева к редактору «С.-Петербургских ведомостей» от 9 июля 1868 года (И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, 1933, стр. 382—383 и комментарий на стр. 645—647).

172

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
8 декабря (26 ноября) 1867 г.

Милый Павел Васильевич! Обращаюсь к Вам с следующей просьбой. В «Бригадире» мне вздумалось прибавить еще штришка два [1], а именно:

В конце II-й главы, после слов «нависшие брови» поместить «которые он беспрестанно то надвигал, то поднимал»; а после слов: «опрятный сюртук» прибавить: «и сапоги до колен с вырезанными в виде сердца голенищами».

В начале III-й главы после слов: «остановился в дверях и пристально посмотрел на меня» прибавить: «и поиграл бровями».

В конце III-й главы после слов: «Наркиз улыбнулся молча» прибавить: «но во весь рот, потом вдруг надвинул брови».

В середине IX-й главы после слов: «вместе с ним перепелов лавливал — да благочинный до бесконечности его затиранил» прибавить: «А что до Наркиза Семеныча, — промолвил он нараспев, — так ежели я, по ихнему понятию, необстоятельный человек на сем свете есть — и я на то доложу: отрастили они себе брови не хуже тетерева, да и полагают, что все науки произошли... Тем временем» и т. д.

Вы, может быть, найдете, что в то время, когда в Москве умирает Филарет [2], а в Париже воскрешается папа [3], я слишком много занимаюсь бровями Наркиза; но такая уж наша писательская фанаберия. Если рукопись «Бригадира» еще у Вас, впишите оные места «рукою властной», а если уже у Стасюлевича, то не забудьте присовокупить во время печатания. А вот и еще просьба: вышлите мне «Русский архив» за 1866 год и «Иллюстрированный календарь» Баумана на 1868 год. Возобновите подписку на «С.-Петербургские ведомости» и на «Москву»; «Голоса» не нужно: уж больно противен; вместо его, по Вашему усмотрению, хоть «Искру». Из журналов «Дело» и, пожалуй, «Всемирный труд»!!!

Деньги на все эти расходы будут Вам присланы Кишинским из деревни. А засим я очень радуюсь преуспеянию милой Веры Павловны. Дружески кланяюсь Вашей супруге и крепко жму Вашу руку. Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. О «Литературных воспоминаниях» я уже писал Стасюлевичу. Это будет зависеть от разрешения Салаева. Только мне кажется, что и тут Кожанчиков напутал.

[1] Рукопись «Бригадира» Тургенев послал Анненкову 9(21) мая 1867 года; в настоящем письме речь идет о внесении в рукопись дополнительных «штрихов»; с этими изменениями повесть и была напечатана в «Вестнике Европы», 1868, № 1.

[2] Московский митрополит Филарет умер 19 ноября ст. ст. 1867 года.

[3] Тургенев имеет в виду, очевидно, победу французских войск над гарибальдийцами и последовавшее за тем укрепление папской власти. В 1867 году папа Пий IX предложил на обсуждение кардиналов новый догмат о папской непогрешимости.

173

А. И. ГЕРЦЕНУ

Баден-Баден Schillerstrasse, 7
12 декабря ⟨н. ст.⟩ 1867

Любезный Александр Иванович, я получил и прочитал твой французский «Колокол»[1]. Спасибо за память. Что касается до самой твоей статьи[2], то ведь это между нами старый спор: по моему понятию, ни Европа не так стара, ни Россия не так молода, как ты их представляешь: мы сидим в одном мешке и никакого за нами «специально-нового слова» не предвидится. Но дай бог тебе прожить сто лет, и ты умрешь последним славянофилом, и будешь писать статьи умные, забавные, парадоксальные, глубокие, которых нельзя будет *не* дочитать до конца. Сожалею я только о том, что ты почел нужным нарядиться в платье не совсем тебе подходящее. Верь мне или не верь, как угодно, но для так

называемого *воздействия* на европейскую публику все твои статьи бесполезны...

Явись, например, великий русский живописец, его картина будет лучшей пропагандой, чем тысячи рассуждений о способностях нашего племени к искусству. Люди вообще порода грубая и нисколько не нуждающаяся ни в справедливости, ни в беспристрастии, а ударь их по глазам или по карману... это другое дело. Но, впрочем, я, может быть, ошибаюсь, а ты прав: посмотрим. Во всяком случае, момент едва ли хорошо выбран; теперь действительно поставлен вопрос о том, кому одолеть: науке или религии? С какой тут стати Россия?

Так как первый экземпляр «Дыма» до тебя не дошел, то я хочу попытаться снова и посылаю тебе экземпляр отдельного московского издания, в котором восстановлены все пропуски катковской цензуры [3]. Сама книга тебе, разумеется, не понравится, но на 97-й странице находится биография генерала Ратмирова, которая, быть может, заставит тебя улыбнуться [4].

Засим прощай; уведомь меня о себе и о семействе. Я живу здесь анахоретом и, к сожалению, не могу ходить на охоту. Коленко болит вследствие неловкого движения. Будь здоров.

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о новом издании, предпринятом Герценом: с 1 января 1868 года начал выходить «Колокол» на французском языке («Kolokol»).

[2] В первом номере французского «Колокола» (который был послан Тургеневу еще до выхода в свет) была напечатана статья Герцена «Prolégomènes» («Введение»), в которой развивалась одна из основных проблем Герценовской публицистики — проблема России и Запада. В этой работе, открывавшей собой французский «Колокол», Герцен стремился ознакомить Европу с демократической Россией: «...я хочу ругнуть прессу, — писал он сыну еще 10 августа 1867 г., — за то, что не умеют различать правительство... от нас».

[3] О восстановленных в отдельном издании «Дыма» (1867) «пропусках катковской цензуры» см. в комментарии к роману в т. 4 наст. изд.

[4] В лице генерала Ратмирова Тургенев описал генерал-адъютанта П. П. Альбединского, мужа фаворитки Александра II кн. А. С. Долгорукой (см. комментарий к «Дыму» в т. IX «Сочинений» Тургенева, 1930, стр. 425—426).

174
Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Баден
2/14 января 1868 г.

Милый Яков Петрович, меня без того уже угрызла совесть, что я не отвечал тебе на твое большое письмо с двумя стихотворениями — а тут еще приходит от тебя новое послание — остается принести поскорее повинную голову и отвечать немедленно — и по порядку.

В твоей прекрасной пьесе: «Вакханка и сатир» — «искала холма» — не потому мне не нравится, что цинично — этого я не боюсь — а потому, что смешно, то есть возбуждает смешные представления <...>. И с эпитетом «ветряный» — я помириться не могу: он выходит из тона... а стихотворение все-таки прекрасно [1].

Не могу я, к сожалению, сказать того же о двух остальных. В «Орле и змее» мысль оригинальная — но как мог ты вдруг потерять нить аллегории до такой степени, что заставляешь змею говорить о своих роковых стремлениях — и что она родилась для гения! Всякая иллюзия в читателе немедленно исчезает от подобного греха против *правды* сравнения: пусть змея говорит, что ей наскучила пыль, грязь, темнота душных нор и т. п. — но предоставь читателю делать *применение*. Нет такого человека, который бы не засмеялся от этих двух стихов:

Там — внизу — никого не счастливили
Моих дум роковые стремленья!!

Переделай весь этот куплет, ради бога, потому что мысль стихотворения этого стоит [2]. О «Сне язычника» я говорить не стану; он, по-моему, неудачен и слаб, несмотря на некоторые, тебе всегда присущие, образно-красивые и наивные черты.

О твоей поэме в «Русском вестнике» поговорю с тобою лично. Она возбуждает во мне впечатления смешанные... Едва ли это — твой род. Но тебе надо продолжать и добиться результата [3].

Все, что ты мне пишешь о твоей жизни, твоей деятельности, о современном состоянии литературы — весьма для меня интересно. Сколько можно судить издали, готовится в ней некоторое возрождение: посмотрим, что из этого выйдет. Недостаток талантов, особенно талантов поэтических — вот наша беда. После Льва Толстого ничего не явилось — а ведь его первая вещь напечатана в 1852 году! Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т. д. — но где же вымысел, сила, воображение, *выдумка* где? Они ничего выдумать не могут — и пожалуй, даже радуются этому: этак мы, полагают они, ближе к правде. Правда — воздух, без которого дышать нельзя; но художество — растение, иногда даже довольно причудливое — которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа — *бессемянники,* и *посеять* ничего не могут.

Фет очень умно поступит, если сдержит слово, данное тебе, и бросит писать стихи: что за охота так плохо и дрябло повторять самого себя. Я очень его люблю, и мы переписываемся и ссоримся в каждом письме.

Кстати, как же ты говоришь, что незнаком с типом «Губаревых»?[4] — Ну, а г-н Краевский А. А. — не тот же Губарев? Вглядись попристальнее в людей, *командующих* у нас, — и во многих из них ты узнаешь черты того типа.

В апреле месяце я увижу и обниму тебя — а до тех пор будь здоров и весел. Дружески кланяюсь твоей супруге (приехав в Петербург, я научу ее еще лучше играть в шахматы) — и жму тебе руку.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] Стихотворение «Вакханка и сатир» появилось в «Русском вестнике», 1868, № 1. Тургенев читал это стихотворение, очевидно, еще в рукописи; в печати текст оставлен без изменений.

[2] Впервые стихотворение «Орел и змея» напечатано в «Литературной библиотеке», 1866, октябрь, кн. 1. Полонский последовал совету Тургенева и в ближайшем издании стихотворений (1869) убрал весь этот «куплет» (7 строк).

[3] Речь идет о поэме «Братья», две главы которой были напечатаны в «Русском вестнике», 1867, № 8 и 10.

[4] *Губарев* — персонаж в романе «Дым» (см. прим. 2 к п. № 167).

175

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
Середа 26 (14) февраля 1868 г.

Ваше письмо застало меня еще здесь, любезнейший Павел Васильевич! Меня удержала в Бадене очень серьезная болезнь Виардо, которая только два дня тому назад приняла оборот успокоительный... В воскресенье я, если все будет обстоять благополучно, уезжаю дней на восемь в Париж. Но прежде мне хочется поболтать с Вами. Во-первых, прошу передать Коршу приложенное к сему письмо — и попросите его поместить это письмо в «С.-Петербургских ведомостях». Мне стало жалко этого несчастного бедняка, которому даже после смерти дают пинок ногою [1]. А во-вторых, скажу Вам, что я прочел и роман Толстого и Вашу статью о нем [2]. Скажу Вам без комплиментов, что Вы давно ничего умнее и дельнее не писали; вся статья свидетельствует о верном и тонком критическом чувстве автора, и только в двух-трех фразах заметна неясность и как бы спутанность выражений. Сам роман возбудил во мне весьма живой интерес: есть целые десятки страниц сплошь удивительных, первоклассных, — все бытовое, описательное (охота, катанье ночью и т. д.); но историческая прибавка, от которой, собственно, читатели в восторге, — кукольная комедия и шарлатанство. Как Ворошилов в «Дыме» бросает пыль в глаза тем, что цитирует последние слова науки (не зная ни первых, ни вторых, чего, например, добросовестные немцы и предполагать не могут), так и Толстой поражает читателя носком сапога Александра, смехом Сперанского, заставляя думать, что он *все* об этом знает, коли даже до этих мелочей дошел, — а он и знает только что эти мелочи. Фокус, и больше ничего, — но публика на него-то и попалась. И насчет так называемой «психологии» Толстого можно многое сказать: настоящего развития нет ни в одном характере (что, впрочем, Вы отлично заметили), а есть старая замашка передавать колебания, вибрации одного и того же чувства, положения, то, что он

столь беспощадно вкладывает в уста и в сознание каждого из своих героев: люблю, мол, я, а в сущности ненавижу и т. д., и т. д. Уж как приелись и надоели эти quasi-тонкие рефлексии и размышления, и наблюдения за собственными чувствами! Другой психологии Толстой словно не знает или с намерением ее игнорирует. И как мучительны эти преднамеренные, упорные повторения одного и того же штриха — усики на верхней губе княжны Болконской и т. д. Со всем тем есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга.

Я уже писал Вам, что все журналы мною благополучно получены; но экземпляры перевода дюкановского романа до сих пор не появились!![3]

Две статьи Мериме о Пушкине появились в двух нумерах «Монитёра» около 15-го января нового стиля, наверное между 10-м и 20-м. Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

•

[1] Речь идет о революционном деятеле Артуре Бенни (английском подданном). В 1861 году он приехал из Лондона в Россию для практической революционной работы; в 1865 году был арестован по «процессу 32-х» и выслан за границу. Находясь в Италии в качестве корреспондента одной английской газеты, Бенни принял участие в сражении гарибальдийских войск с папскими и французскими войсками при Ментане 3 ноября 1867 года, был ранен и вскоре скончался. В 1861 году в русских революционных кругах возникли сомнения в политической честности Бенни — в нем стали подозревать агента III Отделения. Это подозрение тяготело над ним до самой смерти и отразилось даже в некрологе, напечатанном в «С.-Петербургских ведомостях» (7 февраля 1868 г.). Тургенев, хорошо знавший Артура Бенни, решил выступить в его защиту и послал через Анненкова редактору газеты В. Ф. Коршу «Письмо», которое было напечатано в № 52 от 23 февраля 1868 года (текст письма и комментарий см. в т. 11 наст. изд.).

[2] *Роман Толстого* — «Война и мир»; к этому времени вышли только три тома — остальные три (в первом издании — 1868—1869 — роман был разделен не на четыре, а на шесть томов) вышли позднее. Статья П. В. Анненкова — «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» — появилась в «Вестнике Европы», 1868, № 2. Впослед-

ствии Тургенев изменил свой взгляд на исторические сцены «Войны и мира» — см. в т. 11 наст. изд., стр. 209—211.

[3] Русский перевод романа Максима Дюкана (Ducamp) «Утраченные силы» («Les Forces perdues») вышел в 1868 году с предисловием Тургенева (см. в т. 11 наст. изд.).

176

И. П. БОРИСОВУ

Баден-Баден, Schillerstrasse, 7

Вторник $\frac{\text{10-е марта}}{\text{27-е февраля}}$ 1868 г.

Добрый друг мой Иван Петрович, вчера получил я от брата моего Николая Сергеевича телеграмму с извещением, что все три векселя выкуплены за 20 000 р. сер. Гора свалилась у меня с плеч! Правда, Ник. Ник. взял куш порядочный — но ведь он мог содрать с меня все 26 т. и этими спасенными шестью тысячами я, конечно, обязан Вам, за что и приношу Вам самое искреннее спасибо. Одна Ваша дружба ко мне могла заставить Вас возиться с такими дрянными дрязгами—и этого я не забуду. Крепко, крепко жму Вам руку — и ожидаю, но уже более с литературной точки зрения, описание подробностей сделки. Я воображаю — Ник. Ник. чуть не задыхался от сознания своего великодушия!

Я все еще нахожусь в Бадене по милости болезни Виардо, которая только теперь начинает терять свой опасный характер — мне не хотелось уехать в Париж до его выздоровления и оставить все его семейство в тревоге. Теперь я полагаю скоро съездить на свидание с моей дочерью.

Я с великим наслаждением прочел роман Толстого[1] — хотя многим не совсем остался доволен. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна: есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь. Но вся *историческая* сторона — извините за выражение — кукольная комедия. Не говоря уже о о том, что настоящего воспроизведения эпохи и помина нету; что мы узнаем об Александре, Сперанском и пр. как только самые мелочи, капризно выбранные авто-

ром и возведенные в характерные черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой с таким эффектом подносятся эти «острые носки александровских сапогов» и т. п., невольно должна подумать, что автору самые личности должны быть у! как хорошо известны — коли он даже мелочи такие знает... а автору, вероятно, только эти мелочи и знакомы [2]. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновенью, несколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстого в «Вестнике Европы» [3]. И настоящего развития характеров нет — все они подвигаются вперед прыжками — а зато есть бездна этой старой психологической возни («что, мол, я думаю? что обо мне думают? люблю ли я, или терпеть не могу? и т. д.») — которая составляет положительно мономанию Толстого. Но со всем тем — в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и правда, и свежесть — что нельзя не сознаться, что с появлением «Войны и мира» Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями. С нетерпеньем ожидаю четвертого тома.

Засим еще раз горячо благодарю и обнимаю Вас и до свидания через два месяца с небольшим.

Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Фету от меня поклонитесь; а в успехе его чтения сомневаюсь.

[1] Речь идет о первых трех томах «Войны и мира», вышедших в самом конце 1867 года (см. прим. 2 к п. № 175).

[2] См. прим. 3 к п. № 160.

[3] *Статья* П. В. *Анненкова* — «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» («Вестник Европы», 1868, № 2).

177

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Баден, Schillerstrasse, 7
31 марта/12 апреля 1868 г.

Пишу тебе в самый день пасхи, любезнейший Яков Петрович, — и представь, что мы завалены снегом! А с неделю тому назад уже было все зелено, листья

распустились и деревья цвели! Это очень безобразно и наводит уныние.

Но все же это уныние чисто физическое, а не то, моральное, которым дышит начало твоего письма: надеюсь, что оно уже давно исчезло или ослабело. История с Вольфом неприятна, так как она должна на тебе отразиться — но все-таки мне кажется, что он тебя облапошить хочет. Если б ты мог дождаться моего приезда, то я бы мог поговорить о твоем издании [1] с Салаевым; я должен сказать, что в сношениях со мною он выказал большую деликатность и услужливость.

Thiergartenstrasse, 3. 6(18) апреля, суббота.

Продолжаю свое письмо уже в новом доме, куда я переехал вчера: хлопот была бездна, но, кажется, пойдет хорошо. Надо привыкнуть: я еще никогда не жил в таких больших хоромах. Ты знаешь, что комната всегда у меня к твоим услугам.

Жалею, что не могу — по причине, как ты говоришь, длинноты, — прочесть твою новую пиесу; но Боткин (В. П.) хороший судья — и скорее пессимист; если он похвалил — знак хороший. Я перечел твою «Зимнюю невесту» в «Русском вестнике» и повторяю: вещь славная. Переменил бы я одно выражение: «влажно-темные» глаза. В живой женщине это вещь хорошая; но в фантастической невесте «зиме» представляются другие глаза [2]. Что касается Ковалевского, то прошу меня извинить: я не желал тебя огорчить. Я его также считаю честным и хорошим человеком — но, что делать! тупым... Я, конечно, могу ошибаться. Между прочим, как человеку, уже немолодому, возможно продолжать писать такие стихи, какие он пишет (...)! Впрочем, я его не довольно знаю и составил себе о нем понятие по некоторым слишком быстрым впечатлениям... великий грех многих из нас — и в котором я первый каюсь! [3]

Гр. А. К. Толстой читал мне несколько отрывков «Федора Ивановича» [4], довольно замечательный психологический этюд — но где же драма! И притом мне его стихи просто в рот не лезут! На них так и лежит печать реторики, даже не 30-х, а 20-х годов. Безжизненно-ве-

личаво; правильно — и неверно. Какой он поэт! Что он сделал из бедной «Коринфской невесты» Гете![5]

Снег у нас давно сошел, опять все зелено, а все нет настоящего «праздника» весны.

Мне самому очень хочется с тобой поболтать — да и нужно мне это. Работу я затеял точно довольно большую, но из времени прежнего барства[6], которое мне хорошо известно.

Непременно напиши мне сюда адрес твоей дачи и как к ней из Петербурга доехать.

Кланяюсь твоей жене и крепко жму тебе руку.

Твой
Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о собрании сочинений Полонского; оно вышло в издании М. О. Вольфа в 1869—1870 годах (4 тома).

[2] Стихотворение Полонского «Зимняя невеста» было напечатано в «Русском вестнике», 1868, № 2. Тургенев имеет в виду следующие строки:

Вспыхнут искристым мерцаньем
Влажно-темные глаза...

[3] Тургенев говорит о П. М. Ковалевском — беллетристе и поэте, сотруднике «Современника» и «Отечественных записок». В воспоминаниях Ковалевского («Встречи на жизненном пути») есть описания встреч с Тургеневым. (Д. В. Григорович, Литературные воспоминания. С приложением полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского, Л. 1928).

[4] То есть трагедии «Царь Федор Иоаннович». В марте 1868 года А. К. Толстой читал ее в Петербурге в писательских кругах; Тургеневу он читал трагедию, очевидно, раньше.

[5] Перевод баллады Гете «Коринфская невеста» напечатан в «Вестнике Европы», 1868, № 3.

[6] Речь идет о задуманном Тургеневым цикле рассказов под названием «Старинные портреты» (см. т. 8 наст. изд.).

178

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse
25(13)-го апреля 1868 г.

Смело и решительно заявляю Вам, любезнейший Анненков, что я неизменно — если только буду жив — в двадцатых числах мая, то есть через пять недель,

являюсь в Петербург и к Вам — на Итальянскую ли улицу, на дачу ли, — это уже будет зависеть от Вас. Меня влекут на родину две безотлагательные вещи: 1) мое условие с Салаевым, в силу которого я должен вручить ему в мае месяце, в Москве, предисловие к новому изданию моих сочинений; [1] 2) мои деревенские дела, которые также безотлагательно требуют моего присутствия. С почтеннейшим дядюшкой я, к счастью, покончил: ободрал он меня как липку [2], но не могу же я не посмотреть, как действует мой новый управляющий. Словом, в конце мая Вы меня увидите. Это верно.

А графиня Толстая так-таки и не прислала мне мою рукопись [3], и за этим придется ехать в деревню. Я Вам привезу кое-что прочесть.

«Пуатринный» ut [4] — точно нота затруднительная, и мы, по Вашему совету, не без некоего злорадства, будем смотреть в газеты под рубрикой назначений и перемещений. Коли Боткина не будет в Петербурге, я на его квартире остановлюсь, а то уже в прошлом году отзывало от него трупом, да еще ядовитым [5].

Доставили мне 4-й том Толстого...[6] Много там прекрасного, но и уродства не оберешься! Беда, коли автодидакт, да еще во вкусе Толстого, возьмется философствовать: непременно оседлает какую-нибудь палочку, придумает какую-нибудь одну систему, которая, повидимому, все разрешает очень просто, как, например, исторический фатализм, да и пошел писать! Там, где он касается земли, он, как Антей, снова получает все свои силы: смерть старого князя, Алпатыч, бунт в деревне, все это удивительно. Наташа, однако, выходит что-то слабо и сбивается на столь любимый Толстым тип (excusez du mot) * зас..х.

В новом доме очень хорошо и уютно, жаль только, что не придется в нынешнем году предложить Вам комнату... а как она чудесно убрана! За расписки благодарю; вероятно, до получения этого письма к Вам являлся некто С — в и взял с Вас 40 р.... Я не знаю,

---

* Извините за выражение *(франц.)*.

имеете ли Вы столько моих денег? Увидимся — сочтемся. Сей С — в меня и здесь наказал. Кланяюсь всем Вашим и остаюсь Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Прилагаю новую карточку; вот я теперь какой молоденький!

[1] В первом томе сочинений Тургенева в издании 1869 года (Ф. И. Салаева) напечатаны первые четыре очерка из будущих «Литературных и житейских воспоминаний», которым предшествует «Вместо вступления».

[2] См. прим. 1 к п. № 165.

[3] *Графиня Толстая* — Софья Андреевна, жена поэта А. К. Толстого (рожд. Бахметева, по первому мужу — Миллер). Речь идет о копии с рукописи комедии «Месяц в деревне».

[4] *Ut* — латинское обозначение первой ступени гаммы *до; пуатринный* — грудной (от *франц.* la poitrine — грудь).

[5] Имеются в виду реакционные тенденции, проявившиеся в общественно-политических взглядах В. П. Боткина (особенно в последние годы жизни).

[6] То есть четвертый том «Войны и мира» (см. прим. 2 к п. № 175).

179

П. С. ТУРГЕНЕВУ

Баден-Баден
Понедельник, 28-го (16) июля 1868 г.

Милый брат, письмо твое из Карлсбада застало меня у Маслова в Москве, в постели, схваченного злым припадком подагры, которую я, по уверениям докторов, никак не мог ожидать так скоро после прошлогоднего приступа. На этот раз она, впрочем, была довольно сносна и позволила мне, с грехом пополам, дотащиться сюда — три дня тому назад, — а хотя я снова, как приехал — свалился, однако теперь это меня беспокоит менее, так как я дома. В будущем году непременно придется попить какие-нибудь воды. В Спасском я пробыл две недели — и могу сказать, как Марий, что посидел на развалинах Карфагена. В один нынешний год «злополучный старец» [1], грабитель деньгами, скотом, экипажами, мёбелью и

вещами; жамкнул меня на 36 500 руб. сер. (мне пришлось заплатить за него около 5000 руб. долгу) — не говоря уже о том, что именье оставлено им в хаотическом, омерзительном беспорядке, что он никого не расчел, всех надул и т. д. Я уже не застал его в Катушищах и очень этому рад. В течение всего времени, проведенного мною в Спасском, я уподоблялся зайцу на угонках; высунуть носа в сад не мог, чтобы на меня из-за деревьев, из-под кустов, чуть не из земли — <не> бросались, нападали дворовые, мужики, мещане, отставные солдаты, девки, бабы, слепые, хромые, соседние помещики и помещицы, попы, дьячки, свои и чужие, и все шершавые от голоду, с разинутыми ртами как галчата, кувыркаясь в ноги, сиплым голосом кричали: «Батюшка, Иван Сергеевич! спасите... спасите, помираем!» Я должен был, наконец, спастись бегством, чтобы самому не остаться безо всего. К тому же год готовится страшный: яровые пропали, рожь соломой огромна, но в колосе нет зерна. И что за вид представляет теперь Россия, эта, по уверениям всех, столь богатая земля! Крыши *все* раскрыты, заборы повалились, нигде не видать ни одного нового строения, за исключением кабаков; лошади, коровы — мертвые, люди испитые — три ямщика едва могли поднять мой чемодан! Пыль стоит везде как облако, вокруг Петербурга все горит — леса, дома, самая *земля*... Только и видишь людей, спящих на брюхе плашмя врастяжку. Бессилие, вялость и невылазная грязь и бедность везде. Картина невеселая — но *верная*.

Желаю твоей жене и тебе скорого и прочного выздоровления. Не заедете ли вы в Баден?

Посылка г-на Жихарева [2] (которого я, впрочем, не знаю) состоит в фотографии чаадаевского кабинета: мне уж доставили *8* таковых фотографий, и я начинаю думать, что это мистификация.

Пиши мне сюда — я теперь здесь долго пробуду. Обнимаю тебя и кланяюсь твоей жене.

Твой любящий брат *Ив. Тургенев.*

[1] Дядя Тургенева, Николай Николаевич Тургенев, управлявший его имением.

[2] *Жихарев* М. И. — племянник и друг П. Я. Чаадаева, автор воспоминаний о нем («Вестник Европы», 1871, № 7 и 9).

180

А. Д. ВШИВЦОВУ

Баден-Баден
14/2 октября 1868 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше письмо и спешу ответить Вам. Я не сомневаюсь в искренности Вашего стремления к образованию, к просвещению, и мне весьма бы хотелось подать Вам полезный совет и тем оправдать Ваше доверие ко мне. Но это очень трудно, если не ограничиться общими местами. Я не знаю ни Вашего общественного положения, ни Вашей семейной обстановки, ни Ваших средств: Вы бы гораздо лучше поступили, если бы вместо излишних извинений сообщили мне несколько положительных данных о Вашем прошедшем, о теперешних Ваших занятиях. Вы легко поймете, что мне все это нужно знать не из одного любопытства. Из Вашего письма я могу заключить, что Вы еще не овладели ни грамматикой нашего языка, ни орфографией: и тому и другому можно научиться из книг, без помощи учителя; но я не знаю, имеете ли Вы возможность получать книги в Вашей слободе. Мне кажется, лучше было бы Вам переселиться хотя бы в губернский город: там бы Вы нашли нужную Вам помощь. Что касается до чтения, то я не советую Вам предаваться одной беллетристике: исторические книги — Карамзин, например, — были бы Вам полезнее. Но, повторяю, не зная Вашей обстановки, я ничего не могу сказать определительного. И потому прошу Вас в следующем Вашем письме быть более откровенным; не стесняйтесь сообщать даже мелочи, а я постараюсь изложить Вам мое воззрение со всей справедливостью, которую заслуживают Ваши похвальные намерения.

Со всем уважением остаюсь Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

Ив. Тургенев.

P. S. Адресуйте: Ивану Сергеевичу Тургеневу, в Великое герцогство Баденское, в Баден-Баден.

181
Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max.
16/28 декабря 1868 г.

Любезнейший друг Яков Петрович, спешу отвечать на твое письмо — и «в скобках замечаю» — что аккуратно отзывался всякий раз — а потому не вполне заслужил твой упрек. И я недоволен П. В. Анненковым, зачем не пригласил он тебя на чтение моей повести: я именно ему об этом писал. Теперь уже поздно: повесть находится в редакции «Русского вестника» — и надо будет ждать появления январской книжки [1]. Я уже потому сожалею о неисполнении Анненковым моей просьбы, что очень интересуюсь твоим мнением, которое всегда искренно и правдиво.

Я с удовольствием перечел оба твои стихотворения: «Железная дорога» и «Мужичок» — особенно второе мне нравится [2].

Странности Гончарова объясняются нездоровьем — и слишком — исключительно литературной жизнью [3]. Когда люди на земле воображали, что наш шарик центр вселенной — то и они придавали всему земному преувеличенное значение. Мысль, что через каких <-нибудь> пятьдесят лет от твоей деятельности не останется пылинки, — очень охладительно действует на самолюбие — хотя, с другой стороны, вполне предаваться ей не следует — а то, пожалуй, всякую работу бросишь. Но счастие людей состоит именно в том, что они поступают не сообразно с законами логики — а в силу мгновенных чувств и увлечений. Нос у тебя так устроен, чтобы свистеть; и будешь ты свистеть, полезно ли оно, или нет. Результат всех этих

умствований — тот, что я с великим нетерпением ожидаю появления «Обрыва».

Вот что ты нездоров был — и теперь, кажется, еще не поправился — это неумно; надо всячески стараться держаться на поверхности — особенно в наши годы — а то глупая житейская волна сейчас затопит. Бодрись, брат, и живи изо дня в день: мудрее этого ничего придумать нельзя.

Я сижу теперь над Литературными своими Воспоминаниями — и мысленно переживаю давно прошедшее... Иногда грустно становится — а иногда приятно... но и приятность эта не без грусти. Кто перевалился за 50 лет — не выйти тому из минорного тона.

Посылаю тебе мою карточку — тоже в весьма минорном тоне.

Как это возможно — не выставлять *всякий раз* на верху письма своего адреса?! Вот и теперь: я принужден адресовать письмо к тебе на имя Анненкова — ибо, хоть убей меня, не помню, где ты живешь.

Когда увидишь г-жу Энгельгардт — поклонись ей от меня — и скажи ей, что она совершенно напрасно лишила меня — а может быть, и себя — нескольких весьма приятных часов и дней знакомства. Вот самоистребительница [4].

И пока ничего другого не делаешь, как возможно так мучительно озабочиваться тем, что думают или не думают о тебе другие! И ведь всегда невпопад угадываешь! Вот она уверена была, что она мне наносила тягость, а я искренно сочувствовал ей и интересовался ею. Но во всем уж такая, видно, судьба! Кланяюсь всем твоим и крепко жму тебе руку.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] Речь идет о повести «Несчастная» (см. т. 7 наст. изд.).

[2] Первое стихотворение Полонского — «На железной дороге» появилось в «Русском вестнике», 1868, № 10; второе, под заглавием «Покинутый дом» (в дальнейших изданиях — «Миазм»), появилось в «Вестнике Европы», 1868, № 12. Тургенев читал оба эти стихотворения еще в рукописи и особенно похвалил второе из них, «где является мертвый мужичок» («Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПб. 1884, стр. 141).

[3] Тургенев имеет в виду болезненное состояние Гончарова; последнему казалось, что Тургенев использовал в своих произведениях некоторые его творческие замыслы.

[4] В письме к Полонскому от 15(27) сентября 1868 года (из Баден-Бадена) Тургенев сообщил, что рекомендованная Полонским г-жа Энгельгардт была, но очень быстро «ускакала», заявив, что не хочет «отягощать», и не оставив адреса (там же, стр. 140).

182

П. В. АННЕНКОВУ

Карлсруэ
24(12-го) января 1869 г.

Вчера получил я первый нумер «Вестника Европы», любезнейший Павел Васильевич, и сегодня же прочел роман Гончарова...[1] Мне даже страшно сказать, до какой степени я разочарован!! Не говоря уже о невыносимом, невозможном, всякую меру превосходящем многословии, не говоря о госпоже Беловодовой, которая производит на меня впечатление немецкого аптекаря, не говоря о противнейших, жвачкой отзывающихся ее разговорах с Райским, — и жвачка-то произошла от поедения сухого сена, — но как это все старо, старомодно, условно, lieu commun!* Какое отсутствие настоящей, живой правды! Нет! После Л. Н. Толстого, с одной стороны, после Решетникова — с другой (не удивляйтесь: я его ценю высоко), эдакая промозглая и неистинная литература уже невозможна! Это надо сдать в архив. И что за охота возиться с таким избитым типом, каков Райский, так пространно и любовно его мазать да размазывать, класть в рот и опять вынимать? И что за ухваточки старой девы с истерически-нервозной комплекцией! Самый слог, которым я некогда восхищался, представляется мне каким-то гладковыбритым, благообразно-мертвенным чиновничьим лицом с бакенбардами, ниточкой вытянутыми от ушей к углам губ. Только и отдыхаешь, как попадешь в дом к Татьяне Марковне и в уездный город... Там есть вещи хорошие — второго разряда, не более...

* Общее место *(франц.)*.

Вспомните подобные описания в «Войне и мире»! Нет, повторяю: это все отжившее. Не знаю, какой успех ожидает в публике этот роман; но знаю наверное, что восторгаться им будут только пошляки — умные или глупые, это все равно. Это написано чиновником для чиновников и чиновниц. И какова должна быть женщина, которой понравится Беловодова!!!!!! Et maintenant— prenez ma tête *. Будьте здоровы — Vous et tous les vôtres **.

Дружески Вам преданный *Ив. Тургенев.*

[1] В «Вестнике Европы», 1869, № 1, была напечатана первая часть романа Гончарова «Обрыв».

183

П. В. АННЕНКОВУ

Карлсруэ
25 (13-го) января 1869 г.

Милый Анненков, вчера я писал Вам — и нынче пишу снова, но уже с припаданием к стопам; а почему я прибегаю к такой позе, о том следуют пункты:

Я, Вы знаете, сам для себя никогда реклам не писывал и не заставлял писать других; но есть особа, для которой я не только на рекламы, на все пущусь, тем более что я убежден, что лгать не буду. Имя этой особы Вы, вероятно, уже угадали: это — г-жа Виардо. В конце прошлого года явился третий альбом ее романсов, под заглавием: «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку П. В. Г.» [1], и издателю Иогансену (которому представьте прилагаемую записочку — и получите все альбомы) весьма бы желательно, чтобы по поводу этих новых романсов была помещена хорошенькая статья, в которой было бы обращено внимание на всю романсовую деятельность г-жи Виардо у нас, на Руси. Вы видите теперь, куда направляется моя просьба. Статья может быть небольшая; особенно специальной окраски вовсе не нужно: начните с того, что́ Вы мне сказали о ней по

* А теперь — рубите мне голову *(франц.)*.
** Вы и все ваши *(франц.)*.

поводу Патти в «Сомнамбуле», и что́ — между нами сказать — заставило ее прослезиться от умиления, воспоминания и т. д., а потом поговорите и о романсах, которые, конечно, стоят неизмеримо выше всего того, чем обыкновенно пробавляется наша публика. Можете из числа пяти новых указать на «Утес», «Разгадку»[2] (впрочем, в этом деле Вам поможет А. Н. Тютчева, которую прошу дать себе труд просмотреть альбомы); упомяните о трудности аккомпанемента фортепьянного, как о причине того, что некоторые из этих романсов получили меньше распространения, чем бы заслуживали, о г-жах Лавровской, Хвостовой, которые их прекрасно поют... Словом, сделайте маленькую, милую, теплую вещь, как Вы это умеете делать, и поместите... вот вопрос: куда? В «С.-Петербургских ведомостях» свирепствует г. Кюи, который именно об одном романсе г-жи Виардо отнесся презрительно-грубо; может быть, там не захотят принять: но надо бы поместить эту статейку в одном московском и одном петербургском журнале. В Москве, я уверен, Катков не откажет. Предоставляю это Вашему благоусмотрению и только уверяю Вас, что ни за что никогда я Вам не буду так благодарен, как за эту услугу, при которой Вам и кривить душой не придется.

Я вчера сгоряча написал Вам об «Обрыве», но и нынче, поразмыслив, не меняю своего мнения ни на йоту. Реторика и реторика! Что может быть, например, рутиннее, пошлее описания тех камелий, которые высасывают денежки из нашей молодежи! И что за д...ня словами!! От Салаева получили ли Вы вышедшие четыре тома нового моего издания? Если нет, вытребуйте и прочтите в «Двух приятелях», как я переделал конец Вязовнина[3]. Еще раз припадаю к стопам: «Царь государь, взмилуйся!» и остаюсь навсегда любящий Вас

Ив. Тургенев.

[1] Об этих альбомах см. в т. 10 наст. изд., стр. 609.

[2] *«Утес»* — на слова Лермонтова; *«Разгадка»* — слова Тургенева (см. в т. 10 наст. изд., стр. 119).

[3] См. комментарий к повести «Два приятеля» в т. 5 наст. изд., стр. 455—456.

184

А. А. ФЕТУ

Карлсруэ
25/13 января 1869 г.

Хотел было я отвечать стихами — по старой памяти — на Ваши милые стихи, любезнейший Афанасий Афанасьевич, но как я ни шпорил своего Пегаса (не собаку мою, которая так называется, а Аполлонова коня) — ни с места! Нечего делать, приходится прибегнуть к oratio pedestris *. Прежде всего позвольте выразить удовольствие, доставленное мне возобновлением нашей переписки, а также и тем, что, по слухам, Ваша поездка в Елец и бедствования по российским трактирам [1] (помните Карачевский трактир и ночную сцену?) не остались бесплодными, а, напротив, разрешились для Вас великолепной сделкой, наполнившей Ваши карманы ручьями «цакоуых» [2]. Теперь, стало быть, можно Вам успокоиться — и даже в Рим незачем скакать... Кстати, неужели Боткин так плох, и нельзя ли мне узнать его адрес? [3] Я, как Вам, быть может, известно, провожу зиму в Карлсруэ, охочусь много, работаю мало. В январской книжке «Русского вестника» будет моя штука [4]. Написана она горячо и безо всякой задней мысли, — а быть может, тоже не понравится. Г-жа Виардо ее *не* одобрила, — и потому в моих глазах суд над нею уже произнесен. По крайней мере не длинно — а вот подите — разжуйте-ка роман Гончарова в «Вестнике Европы». Вот уж точно: «а я... я тебя... мм... мм... мм... я тебя... м... люблю... мм... мм... я»... Разговоры между г-жою Беловодовой и Райским заткнули за пояс некогда знаменитые разговоры между Ольгой и Обломовым. Нет; это все отжило. Только можно читать что Л. Толстого — когда он не философствует — да Решетникова. Вы читали что-нибудь сего последнего? *Правда* дальше идти не может. Черт знает что такое! Без шуток — очень замечательный талант.

---

* Прозаическая речь — буквально: «пешая» *(лат.)*.

Ну, а Вы, мировая судия, что поделываете? Как это Вы лишились Вашего возлюбленного предводителя?[5] Вам непременно надо написать свои мемуары и записки, как судьи. Sine ira et studio *, и не думая ни о нигилистах, ни о Некрасове, ни даже о Минаеве. И когда я приеду весной в деревню — в Степановку, — Вы должны уже мне прочесть несколько отрывков. Славно будет!

Ну, а засим прощайте. Милой Вашей жене кланяюсь низехонько, а Вам дружески жму руку.

Ваш *Ив. Тургенев*

P. S. Я посылаю письмо через И. П. Борисова, ибо не знаю наверное, где Вы витаете?

[1] О поездке в Елец для совершения купчей см. в воспоминаниях Фета («Мои воспоминания», М. 1890, ч. II, стр. 188—190).

[2] К этому слову Фет сделал примечание: «Тургенев всегда говорил, что будто бы никто не произносит с таким выражением, как я, слово *целковый* и что ему каждый раз кажется, что я уже положил его в карман» (там же, стр. 190).

[3] См. письмо Тургенева к П. В. Анненкову № 193.

[4] Повесть «Несчастная».

[5] В это время прежний уездный предводитель дворянства уступил свое место новому, А. А. Тимирязеву. По поводу этой фразы Тургенева Фет написал в своих воспоминаниях: «Не знаю, кто из нас чаще бывал у бывшего предводителя: я или Тургенев» («Мои воспоминания», ч. II, стр. 191).

185

А. Д. ВШИВЦОВУ

Карлсруэ
Середа, 10 февраля/29 января 1869 г.

Милостивый государь,
Александр Дмитриевич!

Я на зиму переехал в Карлсруэ — а Ваше письмо от 8 ноября, адресованное в Баден, пролежало там, по недоразумению, более двух месяцев: вот причина моего долгого молчания.

* Без гнева и пристрастия *(лат.)*.

На все Ваши вопросы отвечать довольно затруднительно, не ограничиваясь одними общими местами и советами. Я сочувствую Вашему положению — но люди, одаренные твердою волею и прочным стремленьем к познанию, почти всегда кончают тем, что побеждают окружающие их затруднения. Не предавайтесь легкому чтению: стихи и повести — приятное препровождение времени, но пользы от них мало: учитесь грамматике, орфографии, арифметике, географии, истории; сами Ваши родные, увидев дельность Ваших занятий, будут, вероятно, меньше мешать Вам. Я написал одному моему знакомому в Петербург и передал ему Ваш адрес: он вышлет Вам несколько полезных книг — и словарь, между прочим. Предубежденье, которое столь часто встречается в некоторых слоях нашего общества против литературных занятий, основано большей частью на том, что молодые люди берутся за них как за развлеченье или забаву. Постарайтесь доказать Вашим родственникам, что цель Ваша — иная. Но ни за что не советую Вам употреблять на покупку книг деньги, тайно Вами изъятые из сумм, порученных Вашей честности как торговца; никакая цель не оправдывает подобных средств.

Засим желаю Вам всего хорошего и прошу Вас уведомить меня, когда Вы получите обещанные сочинения — а также верить в искренность моей готовности быть Вам полезным.

Ив. Тургенев.

186

П. В. АННЕНКОВУ

Карлсруэ
21 (9-го) февраля 1869 г.

Вот Вам наконец, любезный друг Павел Васильевич, статья о Белинском [1]. Вы, чай, уже начинали думать, что я все кричу: «Волки, волки!» [2] Не знаю, как она вышла, но я писал старательно, два раза все переписал и умиление испытывал не малое... Пришли

и стали воспоминания... Сумел ли я схватить физиономию нашего покойного друга — Вы лучше меня можете судить об этом. А теперь начинается ряд просьб: 1) Статья должна непременно быть напечатана в мартовской книжке (кажется, время еще не ушло), по условию с Салаевым. 2) Корректуру продержите Вы, и тщательно, голубчик! 3) Даю Вам полное право, что найдете нужным, выкинуть. 4) Непременно при имени Некрасова ставить слово: «господин»[3]. 5) Известите меня о прибытии сих двух пакетов, а также, какого Вы мнения о их содержании. Проницательные читатели, вероятно, догадаются, что в отрывках из писем Белинского речь идет о Некрасове; но я взял только самое благовидное, и то больше для того, чтоб охарактеризовать самого Белинского[4]. Если Вам известно число, в которое умер Белинский, поставьте; я написал: в мае 1848 года[5].

Ну, батюшка, читаю я продолжение «Обрыва», и волосы у меня вылезают от скуки. Эдаких дьявольски нестерпимых разговоров я что-то ни в одной литературе не запомню. Да и все лица — и Марфенька (к Вере я только что приступил, но уже и она отчеканила страничек восемь разговора), и Марк, и все кажутся мне общими местами, а Гончаров — какой-то бог и царь и поэт общего места, deus loci communis*. Только две женщины жизненно и оригинально схвачены — Марина и жена невозможно скучного Леонтья Козлова. Устарел, устарел Иван Александрович, и философия его — затхлая. И что за несчастная фигура — Райский! Может ли что-нибудь быть безобразнее его немотствующего мления, когда Марфенька сидит у него на коленях? Ох, как это все придумано!!

Ну, а засим прощайте и будьте здоровы.

Ваш *Ив. Тургенев.*

P. S. Итак, Леонтьев все еще пишет романы! Он из своего консульства прислал, года три тому назад, Мериме два своих романа для перевода, и когда тот

---

* Бог общего места *(лат.)*.

отказался, Леонтьев написал ему, что он не умеет ценить его и что его вещи переживут все современное! [6] Qui a bu boira *.

P. S. Пожалуйста, сохраните упоминовение об английском клубе при имени господина Некрасова.

[1] Эта статья («Воспоминания о Белинском») появилась сначала в «Вестнике Европы», 1869, № 4, а затем вошла в число очерков, которыми открывался первый том нового издания сочинений Тургенева (см. комментарий в т. 10 наст. изд.).

[2] Тургенев имеет в виду известную сказку про мальчика, который обманывал мужиков, крича: «Волки, волки!»

[3] Это слово Тургенев убрал при перепечатывании «Воспоминаний о Белинском» в издании 1880 года.

[4] См. комментарий в т. 10 наст. изд.

[5] В тексте оставлено без изменений. Белинский умер 26 мая (7 июня) 1848 года.

[6] К. Н. Леонтьев провел годы 1863—1873 на Ближнем Востоке, занимая разные должности по консульской части. В эти годы он работал над серией романов под общим заглавием «Река времен»; ни один из этих шести романов в печати не появился (см. «Памяти К. Н. Леонтьева», СПб. 1911, стр. 67—68).

187

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

20 февраля/4 марта 1869 г.
Карлсруэ

Несколько дней тому назад получил я твое письмо, милый Яков Петрович (со вложенным письмом к тебе от твоего брата) — и только могу повторить то, что я писал тебе в последний раз: [1] я с величайшей готовностью исполню все то, что я предлагал тебе, как только ты этого захочешь. Если же обстоятельства так сложатся, что не будет предстоять нужды в моей помощи — тем лучше: значит — они поправятся.

Я, виноват, «Чалыгина» не прочел — и он находится в моей библиотеке — в Бадене; послезавтра я должен туда съездить, возьму с собой твою книжку, обещаю

* Кто пил, тот будет пить *(франц.)*.

прочесть ее со вниманьем и сказать тебе мое искреннее мнение [2]. Если действительно существует против тебя — как ты выражаешься — «заговор молчания», то остается одно: стараться написать такую вещь, которая заставила бы заговорить о тебе. Ты знаешь — я от тебя не отмалчиваюсь: и потому должен сказать, что стихотворение твое, помещенное в I-ом № «Вестника Европы», мне не понравилось: оно уж точно написано по программе — и вышло тяжело и прозаично по форме [3].

Не знаю, согласится ли Катков напечатать твою повесть без твоего имени: да едва ли это и следует. К чему эта игра в жмурки? Когда в наше время все болеют самоуверенностью, ты, напротив, страдаешь качеством противоположным, и надо бы тебя полечить от этой болезни: «Доверяй себе, — сказал Гете, — и другие тебе доверят».

Вторая часть «Обрыва», конечно, лучше первой — но и тут длинноты нестерпимые! Как только дело доходит до разговоров или рассуждений — так зевота и разбирает. Даже свою Веру Гончаров уже успел попортить: и она рассуждает и переливает из пустого в порожнее. Вот у кого тебе бы следовало занять хоть частицу его самоуверенности! Так щебелить, и за щеку класть, и опять выкидывать, и опять жевать — на удивление всей Европы, — ты все-таки не станешь.

Что это за чепуху выкинул Фет с акростихом в «Заре»! Как можно позволять себе такие мальчишества?!! [4]

А каков г. Д. Мин в I-ом № «Русского вестника»? Это совершенный Прутков! Я давно так не хохотал, как от этих поистине небывалых вирш!!

...Шерешпёр
Все ловит мух, могуч и скор!!

Да и сам английский оригинал — весьма обыкновенная и даже пошлая волшебная сказка [5].

Меня очень тронуло то, что ты так хорошо помнишь подробности наших первых свиданий. В мартовской книжке «Вестника Европы», вероятно, будет напечатан первый отрывок моих воспоминаний — «Белинский» [6].

Я могу дать только несколько отрывков, так как *сплошные* воспоминанья пока еще невозможны.

Дружески кланяюсь твоей жене и жму тебе руку. До свиданья в *мае!*

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] Речь идет о семейных делах Полонского — см. письмо Тургенева к Полонскому от 30 января (11 февраля) 1869 года в сборнике «Звенья», т. VIII, М. 1950, стр. 158—159.

[2] Роман Полонского «Признания Сергея Чалыгина» печатался в журнале «Литературная библиотека» 1867 года. См. п. № 204 и прим. 2 к нему.

[3] В «Вестнике Европы», 1869, № 1, напечатано стихотворение Полонского «Два жребия».

[4] См. прим. 2 к п. № 188.

[5] В «Русском вестнике», 1869, № 1, напечатан перевод Д. Мина (Минаева) из поэмы У. Морриса «Земной рай».

[6] «Воспоминания о Белинском», вошедшие в состав «Литературных и житейских воспоминаний».

188

П. В. АННЕНКОВУ

Карлсруэ
8 марта (24) февраля 1869 г.

Милый мой Павел Васильевич! Я очень радуюсь тому, что статья моя о Белинском Вам понравилась: эта вещь мне ближе приросла к сердцу, чем многие другие, и мне было бы больно думать, что я не сумел передать очерк лица, столь для меня дорогого. Я уже получил письмо от Стасюлевича, который тоже доволен. Нечего говорить, что я вполне согласен на отсрочку, и вообще все, что Вами будет сделано, будет хорошо сделано. Не правда ли—Вы продержите корректуру? Если бы приятели, которым Вы прочтете статью, представили какие возражения, Вы, как я уже Вам сказал, имеете carte blanche. Не можете ли Вы узнать *настоящей* правды о просьбе Герцена возвратиться в Россию? [1]

Что это за пошлая штука с Фетом? Но как же он до сих пор публично не протестовал? Надо сознаться, что стихи дьявольски искусно подделаны и напоминают незабвенный рододендрон [2]. Я получил очень большое письмо Полонского о «Несчастной»; он совсем ею недоволен и говорит, что на нее никто не обратит вни-

мания. Должен ли я думать, что она разделит плачевную участь «Ергунова»? [3] Черкните словечко.

Во время моего проезда через Петербург я намерен — если это будет возможно — устроить чтение для нашего фонда, а именно я бы прочел им два отрывка: «Воспоминание о славянофилах» и «По поводу «Отцов и детей» [4]. Вот когда они рассердятся! Но об этом мы еще поговорим. В ожидании скорого ответа кланяюсь Вашей жене, жму Вам руку и остаюсь Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Поводом для этого вопроса послужила статья «Россия и Польша», появившаяся в немецкой газете «Kölnische Zeitung», 1869, № 67 (от 8 марта); здесь сообщалось, будто Герцен и Огарев решили ходатайствовать перед царским правительством о разрешении вернуться в Россию. Это сообщение было перепечатано многими иностранными и русскими газетами. Возмущенный Герцен написал опровержение и разослал его в редакции столичных газет (см. «Литературное наследство», т. 61, стр. 428—429).

[2] В журнале «Заря», 1869, № 2 (издатель В. В. Кашпирев), появилось стихотворение «Дикарка» с подписью *А. Фет.* Оказалось, что это пародия на стихотворения Фета, принадлежащая неизвестному сочинителю. Стихотворение представляло собою акростих на фразу: «Зоря Кашпирева умирает». Под *незабвенным рододендроном* Тургенев разумеет стихотворение Фета под заглавием «Рододендрон», которое считалось образцом бессмыслицы (см. Воспоминания Б. Н. Чичерина, «Москва сороковых годов». М. 1929, стр. 145).

[3] Повесть Тургенева «История лейтенанта Ергунова» («Русский вестник», 1868, № 1) была встречена критикой очень холодно. Об отзыве Полонского о «Несчастной» см. п. № 189; см. также комментарий в т. 7 наст. изд.

[4] Тургенев приехал из-за границы в Петербург только в мае 1870 года и не выступал с чтением своих произведений. *«Воспоминание о славянофилах»* — очерк, над которым Тургенев работал для «Литературных и житейских воспоминаний», но так и не довел до конца и не напечатал (см. комментарий в т. 10 наст. изд.).

189

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Карлсруэ
27 февраля/11 марта 1869 г.

Спасибо тебе, любезный друг Яков Петрович, за твое длинное и подробное письмо. Вот это — точно по-приятельски! Кроме тебя — о моей «Несчастной» никто

мне слова не сказал, и, вероятно, она подвергнется такой же участи, как и «Ергунов» [1]. Этому горю пособить нечем. Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребывание за границей вредит моей литературной деятельности, да так вредит, что, пожалуй, и совсем ее уничтожит: но и этого изменить нельзя. Так как я — в течение моей сочинительской карьеры — никогда не отправлялся от *идей,* а всегда от *образов* (самому даже Потугину лежит в основании известный образ) — то при более и более оказывающемся недостатке *образов* музе моей не с чего будет писать свои картинки. Тогда я — кисть под замок и буду смотреть, как другие подвизаются.

Из трех твоих упреков — первый показал мне, что я ошибочно вместо слова «подоконник» употребил «оконницу» и напрасно поставил однажды: «под окном». Это уже исправлено. Эта девушка действительно сидела на *окне* у меня в комнате московского дома и действительно царапала ногтем льдинки. Все окно было невелико и глубоко — как обыкновенно бывает в старых домах — и я мог без натяжки употребить слово: гнездышко.

Второй упрек — о *языке* Дневника совершенно справедлив: но исправить это нельзя.

С третьим упреком я не согласен. Все описание «пира» составляет две страницы (всех 72) — и мне кажется необходимым [2]. Я на поминках Грановского (этому уже давно, как видишь) дал себе слово заклеймить этот гнусный, безобразный обычай.

Мои воспоминания о Белинском явятся только в апрельской книжке «Вестника Европы»; но, быть может, Анненков тебе даст прочесть рукопись. Впрочем, дело не к спеху.

Сей день получил последний № «Космоса», в котором Антонович на нескольких страницах тяжело и пошло возится с Коршем, Некрасовым. Господи! что за барахтанье в грязи! хоть бы зло было!..

Будем надеяться, что у твоего зятя не сумасшествие, а простая белая горячка, от которой он вылечиться может.

До свиданья в мае; жму тебе крепко руку, благодарю твою жену за память и кланяюсь ей.

Твой *Ив. Тургенев.*

[1] То есть повесть Тургенева «История лейтенанта Ергунова» (см. прим. 3 к п. № 188).

[2] Тургенев имеет в виду сцену в комнате у рассказчика (гл. XVI) и описание «поминательного» пира в главе XXVII повести «Несчастная» (см. т. 7 наст. изд.).

490

П. А. КИШИНСКОМУ

Карлсруэ

Четверг, 11 марта / 27 февраля 1869 г.

Любезный Никита Алексеевич, обращаюсь к Вам с просьбой довольно странной, но вот в чем дело.

Я начал повесть, в которой главное действующее лицо старик помещик задумал при жизни своей передать свое родовое имение двум своим дочерям [1]. (Дело происходит в 40-м году.) Мне нужно знать *в подробности,* как это делается или делалось, кому, в какое место подавалась просьба, как составлялся акт, как он приводился в исполнение, кто при этом должен был присутствовать в качестве свидетелей, какие полицейские или административные лица (исправник, дворянский предводитель? и т. д.). Все это потрудитесь написать мне самым обстоятельным, деловым образом. Даже, если это Вас не затруднит, приложите образчики просьбы, акта (дарственной записи) и т. д.

Отца, положим, зовут Мартын Петрович Харлов; старшая дочь, Анна, замужем за неслужащим дворянином Васильем Васильевым Слеткиным; вторая дочь, Евлампия, — девица. Старшей 23, второй 21 год. Все это Вы поместите. (Имение, положим, 52 души и 400 десятин земли с усадьбой.) Очень я Вам буду

благодарен за аккуратное и скорое исполнение моей просьбы.

Что Ваша глухота? Прошла, надеюсь. Я получил от бывшего моего камердинера Захара Федорова Балашова, который вместе с своей женой отправился из Спасского вслед за Николаем Николаевичем, письмо, в котором он уведомляет меня, что с наступлением весны дядя его прогоняет вместе с семейством, и потому он взывает ко мне о помощи. Он желал бы, чтобы я доставил его жене и детям возможность жить в Петербурге. Это — вздор; но напишите ему от моего имени (адреса он не прилагает — но писать ему надо в Юшково, Карачевского уезда, у Н. Н. Тургенева), что я могу дать его жене и детям приют в Спасском, где они будут получать месячину и где им отведется квартира. Если он примет это предложение, то прошу Вас распорядиться. Говорят, она порядочная кухарка: можно было бы употребить ее в дело — и тогда, разумеется, назначить ей жалование. Вы не забудете выслать мне денег, если случатся свободные? Кланяюсь Вам и надеюсь, что Вы совсем поправились. Доброжелатель Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о повести «Степной король Лир» — см. комментарий в томе 7 наст. изд.

191

И. П. БОРИСОВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3

Понедельник, $\frac{26}{14}$ апр⟨еля 18⟩69 г.

Милейший Иван Петрович, вот я и вернулся в свое гнездышко — после тех *скидок,* о которых Вы говорите в своем последнем письме, и, упорно работая, чтобы предстать с спокойным духом перед светлые очи Са-

лаева [1], готовлюсь через месяц шмыгнуть в Московию — а там на берега Зуши и на террасу знакомого дома, где буду сидеть с любезным сердцу моему хозяином.

В Веймаре все сошло благополучно; успех был несомненный. Что музыка г-жи Виардо прелестна, в этом я и прежде не сомневался; но я мог бояться, как бы мое либретто не показалось слишком детским, наивным: однако — ничего. Публика очевидно забавлялась и интересовалась. Впрочем, я это все подробно рассказал в письме к П. В. Анненкову, которое будет напечатано в «С.-П.-бургских ведомостях» и к которому я Вас отсылаю [2].

Прилагаю Вам фотографию милой моей девочки... Впрочем, ей уже скоро минет *17* лет! (Кстати, ее зовут Клавдиею — а не Марианной, как полагает Фет; Марианна — имя другой сестры [3].) Когда Петя подрастет и не утратит своей охоты к живописи — то, разумеется — его надо будет сюда прислать — в Европу; пожалуй, и батюшка его за ним поскачет. Но пока пусть он растет, здоровеет, учится — а Вы не мучьтесь и не тревожьтесь понапрасну — а, напротив, радуйтесь тому, что он в хороших руках и на хорошей дороге.

Вы мне еще говорите о снеге — а здесь у нас — царство зелени. Все распустилось, поет, цветет — сирень так и затопила все! Право, хоть бы Вы одним глазком посмотрели на этот всеобщий пир и праздник!

То, что Вы говорите об «Обрыве», совершенно справедливо. Вот наконец вышла и 4-я часть с ее страстными и патетическими сценами... Но что за безжалостная болтовня, что за неистощимые и плоские рассуждения, размышления... Как можно так старательно самому все портить? И что за фигура этот соблазнитель, Марк Волохов? Почему этот свинопас — другого слова придумать нельзя — увлекает Веру? Где сила, красота, ум, наконец? Только и виден автор, вертящийся в поте лица... Но многим эта работа понравится.

Мне обещались выслать 5-й том «Войны и мира» — и до сих пор — ничего. Мне это очень досадно. Толстой и бесит и тешит — настоящий человек, хоть и сумасброд.

Прощайте, друг; обнимаю Вас искренно; будьте здоровы. Я напрасно сказал: прощайте, надо сказать: до свидания. Пишите мне теперь в Баден. По-прежнему.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о новом издании сочинений Тургенева (Москва, 7 частей, издание бр. Салаевых).

[2] В «С.-Петербургских ведомостях» (1869, № 110 от 23 апреля) напечатано письмо Тургенева о первом представлении оперетки «Последний колдун» в Веймаре. Музыка — П. Виардо. Текст — Тургенева (см. И. С. Тургенев, «Сочинения», т. XII, М. — Л. 1933, стр. 333—342).

[3] Тургенев говорит о дочерях Полины Виардо.

192

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Баден, Thiergartenstrasse, 3
16/28 апреля 1869 г.

Любезнейший друг Яков Петрович, я в долгу перед тобою. Различные хлопоты — поездки в Париж и Веймар помешали мне отвечать на твое первое письмо. Теперь я опять на месте и не тронусь никуда до моей поездки в Россию. Спешу отвечать тебе.

Прежде всего о твоей сестре. Повторяю — мое предложение меня нисколько не стеснит. Если она выразит согласие на житье у меня в деревне — то дай мне знать — и я тотчас предупрежду (вторично — он уже предупрежден) моего управляющего — и он вышлет на Мценскую станцию железной дороги экипаж и поселит твою сестру и находящихся с нею в моем доме — будет отпускать ей все нужное в виде пищи, отопления, белья и т. д. Словом, кроме платья, у ней никаких расходов не будет. Напиши мне, как зовут

сестру твою по имени (я знаю только, что фамилия ее — Баршева) [1], и когда твоя сестра решится, напиши вместе с нею письмо к моему управляющему Никите Алексеевичу Кишинскому — Орловской губернии, в город Мценск, в село Спасское, Лутовиново тож. Условься с ним, в какой именно день ему выслать экипаж — и на сколько лиц — а Спасское лежит от Мценской станции железной дороги всего в 10 верстах. В Веймар я ездил, чтобы присутствовать на исполнении на Веймарском театре оперетки, слова которой написаны мною, а музыка г-жою Виардо [2]. Все сошло весьма благополучно. Я написал об этом большое письмо П. В. Анненкову, которое будет, вероятно, напечатано в фельетоне «С.-Петербургских ведомостей». Отсылаю тебя к нему.

Я радуюсь тому, что моя статья о Белинском тебе понравилась [3]. Многое я бы мог еще высказать — но с меня уже довольно и того, что она вызывает на мысли, будит их. Молодым людям она, вероятно, понравится мало; но, может быть, и они попризадумаются. Что касается до Страхова — то он, конечно, хороший и умный малый; но критического понимания у него менее, чем у последнего чухонского будочника; где только примешивается славянофильство — там этого добра — критического понимания — уже и не спрашивай!

Не ищи причин, почему поэтов нет: их нет — потому что нет: другой причины, поверь, самый первый умница не придумает. И народятся они тоже безо всякой причины: возьмут да и народятся.

Засим обнимаю тебя дружески. Пришли стихи, коли будут. Да не забудь издания.

Твой
Ив. Тургенев.

[1] Сестра Я. П. Полонского, Александра Петровна, была замужем за профессором-криминалистом С. И. Баршевым.

[2] Оперетта П. Виардо «Последний колдун» была впервые поставлена на сцене Веймарского театра 8 апреля н. ст. 1869 года. См. прим. 2 к п. № 191.

[3] «Воспоминания о Белинском».

193

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
5 ноября (24-го октября) 1869 г.

Любезнейший Павел Васильевич! Смерть Боткина [1] навела на меня философские рассуждения, которые не сообщаю Вам, потому что убежден, что и Вы таковым же предавались. Au bout du fossé la culbute! * — говорят французы, и никто из нас не может знать, когда ему придется кувыркнуться. Давно не исчезало с житейской сцены человека, столь способного наслаждаться жизнью; это был своего рода талант; но неумолимая судьба не щадит и талантов. Товарищем меньше! С братьями своими и пр. он поступил хорошо: но наше бедное общество [2] осталось в его глазах недостойным козлищем. Удивительно ретроградные инстинкты и предубежденья сидели в этом московском купеческом сыне. Не хуже любого прусского Junker'a или николаевского генерала... Литература для него все-таки отзывалась чем-то вроде бунта. Мир его праху!

Мой отрывок о Плетневе [3] произвел на Вас то самое впечатление, какое должно было ожидать. Я писал его вяло и неохотно (как почти все эти «Воспоминания»), по просьбе Бартенева. Я полагал убить этим двух мух разом, а кажется, убил только время. Засим обнимаю Вас дружески. Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Василий Петрович Боткин умер в Петербурге 10(22) октября 1869 года. В последнем письме к нему (от 4/16 марта 1869 г.) Тургенев писал: «Посмотри — мы еще насладимся и Моцартом, и Бетховеном, и Шубертом, божественным Шубертом, который на время совсем завладел мною. ⟨...⟩ Крепко жму тебе руку — и попомни мое слово — мы еще поживем по-старинному» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев», М. — Л. 1930, стр. 281—282).

[2] То есть Литературный фонд.

[3] Тургенев имеет в виду очерк «Литературный вечер у П. А. Плетнева»; им открываются «Литературные и житейские воспоминания».

---

* Кувырк на краю рва *(франц.)*.

194

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Баден
9/21 ноября 1869 г.

Твое письмо меня очень огорчило, милый мой Яков Петрович; в нем выражается нечто вроде отчаяния. Поэзии действительно плохо приходится в наше время, особенно если она не поражает читателя своим блеском и треском — и критика над тобою глумится и потешается неприличным образом. Я придумал следующее: я на днях напишу собственно о тебе фельетон и пошлю его (с моей подписью) в «С.-Петербургские ведомости»; не сомневаюсь, что редакция его примет — и хотя едва ли от этого для тебя будет много пользы, так как ведь и мой авторитет сильно поколеблен, однако все-таки надо попытаться; да и мне будет приятно высказаться наконец — насчет твоей — и вообще насчет стихотворной деятельности, столь жестоко попираемой теперь свиными — и не свиными ногами. Я намерен тотчас приняться за этот фельетон — и перед тем прочесть «Признания Чалыгина», о которых, если они мне понравятся, скажу также свое мнение [1].

А тебе, милый друг, советую не терять присутствия духа. Сколько раз в жизни мне случается припоминать слова, сказанные мне одним старым мужиком: «Коли человек сам бы себя не истреблял — кто его истребить может?» И ты себя не истребляй. Продолжай делать свое не спеша и волнуясь; будут у тебя брать, отдавай; не будут — храни у себя в портфеле — до более удобного времени. Ведь *другого ты* все-таки не будешь — и не можешь делать; да и наконец, кто знает, как и когда окончательно сказывается талант. Сервантес до 60-летнего возраста был посредственный, десятистепенный писатель: а там вдруг взял — да и написал Дон-Кихота и стал № 1 [2]. У нас на глазах пример другой: С. Т. Аксаков. Твоя литературная деятельность все-таки не бесславна; ты не служил, как Аксаков — посмешищем, позорным именем вроде

Орлова или Аскоченского. А потому — мужайся и, стиснув зубы, иди, иди!

Итак, жди фельетона — и будь здоров и не рыдай ни явно, ни тайно. Это ни к чему не поведет.

Дружески кланяюсь твоей супруге и жму тебе руку.

Преданный тебе

Ив. Тургенев.

[1] В «Отечественных записках», 1869, № 9, появилась резкая рецензия М. Е. Салтыкова-Щедрина на стихотворения Полонского. Тургенев выступил в защиту Полонского: он написал статью в виде письма к редактору «С.-Петербургских ведомостей» (1870, № 8; см. «Сочинения», т. XII, Л. 1933, а также т. 11 наст. изд.).

[2] Сервантес родился в 1547 году, а первая часть «Дон-Кихота» появилась в печати в 1604 году.

193

А. А. ФЕТУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3
Суббота, 11-го декабря/29-го ноября ⟨18⟩69 г.

Etiam-si omnes, ego non *, любезный А. А.! Ни в жизнь не соглашусь, что можно в смысле «швырять золотом» сказать «швыряться золотом» или «сыпать роз», хотя можно и должно сказать, напр.: «он обещал мне роз, а я ему надавал картофелю» и т. д. «К ее ногам он сыпал роз» — безобразно. Тут дело не в пуризме, а в своеобразных условиях живой русской речи. Я могу ошибаться — как вообще в оценке Вашей идиллии, но, как выразился Лютер — «Ich kann nicht anders... Gott, helfe mir! Amen» ** [1].

Что касается до Вашего упрека в неверности цитат, то не могу не попенять Вам за Вашу леность (ибо не хочу думать, что у Вас — у поэта — нет издания «Фауста»). Вам стоило справиться с текстом, и Вы уви-

---

* Даже если все, то я нет *(лат.)* — из евангелия от Матфея XXVI, 35.

** Я не могу иначе... помоги мне, боже! Аминь *(нем.)*.

дали бы, *во-первых,* что в Прологе, в разговоре Саваофа с бесом сказано (7 строка снизу, стр. 16, изд. 1840-го года): «Ein *guter* Mensch in seinem dunkeln Drange» и т. д.;[2] *во-вторых,* что в сцене Мефистофеля (переодетого Фаустом) со студентом стоит (17 строка сверху, стр. 82 того же издания): «*Grau* (а не Schaal) theurer Freund, ist alle Theorie» и т. д.[3]. Вашему носу не приходилось бы трудиться и *чуять;* впрочем, и лучшая собака (а куда людям до собак) ведет иногда в *пятку* —чует плохо. Что же касается до Кольцова, то тут уже кроме недоумения ничего ощущать нельзя. С какой стати я бы стал *сознательно* и *добровольно* сочинять цитату! Да я же и не цитовал (в моей статье о Плетневе в «Архиве») думу «Тучи носят воду», которая, впрочем, под заглавием «Великая тайна», напечатана на стр. 161-й издания 1859-го года, а думу «Божий мир», которая начинается словами — «Отец света вечность»[4], зр⟨ите⟩ стр. 162-ую того же издания. Побольше аккуратности, батюшка Вы мой — и поменьше неосмотрительности! А еще мировой судья — и не без германской крови в жилах!

Кстати о Вашей мировой деятельности — я очень смеялся Вашим двум-трем очеркам, особенно приказчику с переменным баритоном и фальцетом[5]. Вам бы собрать все эти сценки да в книгу — вышло бы прелесть! Но только поменьше умозрений, ибо Вы философ sans le savoir * и даже нападая на философию! Вот Вы, например, из того факта, что Вы хотите заключить контракты только с *миром,* а не с отдельными лицами, выводите следствие, что община и круговая порука — вещи прелестные, и бьете себя по груди и кричите: «Mea culpa!» ** Да кто же сомневался в том, что община и круговая порука *очень выгодны для помещика,* для *власти,* для другого, одним словом; но выгодны ли они для самих *субъектов? вот в чем вопрос!* Оказывается, что больно невыгодны — да так, что, разоряя крестьян и мешая всякому развитию хозяйства,

---

* Не зная этого *(франц.).*

** Моя вина! *(лат.)*

становятся уже невыгодными и для *других.* Ein bischen mehr Logik, theurer Philosoph!*

Радует меня очень известие о постепенном вздорожании земли у нас и о громадных покупках, совершаемых крестьянами. Смущает меня в то же время факт, что Борисов в письме своем, полученном одновременно с Вашим, сообщает мне известие о невозможности для Дрейлинга продать свое подгородное великолепное имение — *хоть за что-нибудь!* N3.Я запродал было свое именьице в Кромском уезде — 30 верст от Орла (чернозем) — за 35 руб. сер. десятину, — покупщик отступился! А Вы тут такие громадные цифры в глаза мечете, что голова идет кругом!.. Aber... das Leben ist voll Widersprüche... ** И то и другое возможно.

Будьте здоровы. Кланяюсь Марье Петровне и дружески жму Вам руку.

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] Речь идет об идиллии Фета «Лизиас и Вакхида» («Полное собрание стихотворений», Л. 1937, стр. 392). Фет послал рукопись этого стихотворения Тургеневу, который ответил 8(20) ноября 1869 года: «По-моему, эту идиллию печатать не следует. Дело не в более или менее верной обстановке; общее впечатление, возбуждаемое Вашим стихотворением, некрасиво — и потому не антично; да и исполнение вяло и лишено жизненного блеска. 〈...〉 Я уже не упоминаю о грамматических промахах, как, напр., в стихе:

Швырялся золотом, нес мирры, сыпал *роз*...

«Швыряться» — глагол взаимный — мальчишки швыряются грязью — а один человек *швыряет;* можно сыпать *розы,* а никак не роз, так как роза — предмет неодушевленный. 〈...〉 Впрочем, Вы уже не раз спрашивали моего мнения — а потом все-таки печатали; желательно бы было, чтобы Вы на сей раз поверили мне» (там же, стр. 741). Фет, очевидно, не согласился с этими замечаниями (его письмо в печати неизвестно); ответом на его возражения и является начало данного письма. Идиллию «Лизиас и Вакхида» Фет при жизни не печатал; она появилась впервые в «Полном собрании стихотворений», СПб. 1901.

[2] Эта цитата приведена в очерке Тургенева «Воспоминания о Белинском» (см. т. 10 наст. изд., стр. 279); в примечании — перевод Тургенева: «Добрый человек и в неясном своем стремлении всегда имеет сознание прямого пути».

---

* Немножко больше логики, дорогой философ! *(нем.)*

** Но... жизнь полна противоречий... *(нем.)*

[3] У Гете: «Grau, theurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum», то есть: «Всякая теория, милый друг, сера (суха), а золотое дерево жизни зелено». Schaal (shal) — безвкусный, пресный. Где именно у Тургенева заметил эту цитату Фет — неясно.

[4] См. очерк «Литературный вечер у П. А. Плетнева» — т. 10 наст. изд., стр. 270.

[5] Тургенев имеет в виду «Очерки из деревни», напечатанные в журнале «Литературная библиотека», 1868, № 2.

196

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
16 (4-го) декабря 1869 г.

Сейчас получил я Ваше письмо от 30 ноября и прежде всего спешу поблагодарить Вас за окончание расчета с г. Краевским. Vous m'avez ôté là une fameuse épine du pied *, как говорится. Сегодня же я получил из Москвы от Салаева четыре полных экземпляра моих сочинений, вместе с 1-м томом. Вероятно, они уже в Ваших руках. В «Воспоминаниях» проскочило несколько неприятных опечаток. На самой первой странице сказано, что поэма Т. Л. («Параша») явилась в 1849 году вместо 1843. Может быть, читатели догадаются, что с 1849 до 1868 года не могло пройти 25 лет; потом на стр. LXXXII, строка 5 сверху, стоит *младенец* вместо «младенца». Но самая неприятная опечатка стоит на стран. XCIV, строка 8 сверху: вместо *я разделяю почти все его убеждения* (Базарова), стоит: «я разделяю почти его убеждения». Я подозреваю, что Кетчер (корректор) с умыслом, «меня жалеючи», пропустил: *все,* и вышла безграмотная фраза, над которой гг. Антоновичи будут, пожалуй, точить свои зубки: «И тут, мол, оробел!» [1] А быть может, никто этого не заметит, да и всех «Воспоминаний». Скажите мне о них два слова.

Я очень сочувствую бедному Полонскому; сочувствую до того, что пишу теперь письмо в «С.-Петер-

* Вы таким образом вынули у меня из ноги огромную занозу *(франц.)*.

бургские ведомости», в котором намерен заступиться за него. Это письмо[2] пойдет, если позволите, через Ваши руки. Я прочел на днях его «Признания Сергея Чалыгина», напечатанные в погибшей «Литературной библиотеке», и... нашел вещь отличную, замечательную, — без сомнения лучшую изо всего того, что он написал в прозе. Не знаю, насколько мое письмо ему поможет, но я был бы очень счастлив, если б оно привело к нему хотя несколько покупателей. (Говорят, «Литературная библиотека» продана на макулатуру и найти ни одного экземпляра невозможно; у самого Полонского его нет, а потому Вы не можете прочесть «Признаний Чалыгина»; жаль — я бы хотел знать Ваше мнение). За изъявленное намерение подписаться на журналы кланяюсь и благодарю. Фразу о часах в «Странной истории» Вы, пожалуй, можете оставить; отдаю на Ваше благоусмотрение[3]. А засим кланяюсь Вашей супруге и прочим приятелям. Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Указанные здесь опечатки были исправлены в следующем издании сочинений (1874). К вопросу о тексте «Литературных и житейских воспоминаний» см. комментарий в т. 10 наст. изд. (стр. 619—620 и 636).

[2] См. прим. 1 к п. № 194.

[3] В печатном тексте «Странной истории» фразы о часах, нет.

197

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден
1 генваря 1870 (20-го декабря 1869 г.)

Добрейший Павел Васильевич! Вчера я вернулся в свое здешнее гнездышко и нашел Ваше письмо со вложенным презентом на новый год. На что я привык ко всяким безобразиям, а и меня передернуло. И что за гнусный семинарист переводил! Когда у нас с Роденбергом (издателем «Салона») зашла речь о моей повести, я заметил ему, что, быть может, кто-нибудь вздумает перевести меня с немецкого... Он пришел в негодование... «Einer solchen Indelicatesse können sie

ihren Landsleute nicht zumiethen!» * Оказалось, что Landsleute перед Indelicatesse не отступают. Неприятно мне во всем этом деле положение Стасюлевича; я уже теперь по-настоящему никакого гонорария от него не имею права требовать. Я пишу ему об этом и предлагаю в вознаграждение другую повесть (довольно большую), которую оканчиваю. Так Вы ему и скажите, что я за «Странную историю», с которой случалась такая странная история, возьму что он даст [1].

Искренно сожалею о кончине Вашего брата; [2] я знал, что Вы были привязаны к нему узами тесной родственной дружбы, и вижу, как глубоко Вы огорчены. Что делать? Все понемногу падает и рушится, пока и мы сами — туда же!

Я перечел мою статью об «Отцах и детях» и, представьте, чувствую, что каждое слово — справедливо, словно из души у меня вылилось. Оказывается, что либо не надо говорить правды, либо — и что вероятнее — ни один автор хорошенько не знает, что он делает. Тут есть своего рода противоречие, которого не разрешишь *сам,* как к нему ни подъезжай. Со стороны виднее [3]. Из Берлина я Вам написал о просьбе книгопродавца Давыдова. Прочтите в новом моем издании новый конец «Двух приятелей»; Вы, может быть, улыбнетесь [4]. Будьте здоровы. Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] «Странная история» была первоначально напечатана в переводе на немецкий язык в журнале «Салон» Юлия Роденберга. Опасения Тургенева, высказанные им в разговоре с Роденбергом, подтвердились. В газете «Голос», издаваемой А. А. Краевским (1869, № 341 от 10/22 декабря), появилась «Странная история» в обратном переводе с немецкого в то самое время, когда оригинальный текст повести печатался в «Вестнике Европы».

В первом номере этого журнала за 1870 год вместе со «Странной историей» было помещено «Письмо к редактору», в котором Тургенев протестовал против опубликования «Странной истории» в «Голосе». «В вознаграждение» за урон, понесенный М. М. Стасюлевичем, Тургенев прислал ему повесть «Степной король Лир».

---

* Вы не можете предположить такой неделикатности со стороны ваших соотечественников *(нем.).*

[2] 7 декабря 1869 года умер брат П. В. Анненкова, генерал-майор Федор Васильевич Анненков.

[3] Статья Тургенева «По поводу «Отцов и детей», напечатанная впервые в «Сочинениях», 1869, ч. I, была неблагосклонно встречена друзьями Тургенева. См. прим. к этой статье в т. 10 наст. изд.

[4] Включая рассказ «Два приятеля» (1850) в свои «Сочинения» изд. 1869 года, Тургенев изменил конец. В первой редакции герой рассказа Вязовнин погибал от несчастной случайности: по дороге за границу он упал с парохода и утонул; во второй редакции он гибнет на дуэли. См. прим. к «Двум приятелям» в т. 5 наст. изд.

198

И. П. БОРИСОВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3

Вторник, 5-го января 1870 г. / 24-го декабря 1869 г.

Милый Иван Петрович, не успел я порадоваться Вашему первому письму — глядь! уже летит второе. Вы меня балуете, и я не знаю, как благодарить Вас. Сперва отвечу на первое. Во всем нужен порядок, и потому пускаюсь на пункты.

а) Ружье одноствольное № 16 с заряжением сзади для Пети уже заказано — и привезется мною в апреле месяце. Ружье будет хорошее и недорогое; и деньги я с Вас, по вашему желанию, взыщу.

б) Скажите Урусову, что я очень рад тому, что он дружелюбно принял мой подарок; значит, он меня помнит [1]. Скажите ему также, что я от шахматов совсем отстал; в последний раз в Париже — Нейман так меня бил, что даже жалость в зрителях возбуждалась; правда, то был Нейман, самый сильный игрок после Морфи; но я действительно совсем ослабел [2].

в) Я на днях ездил в Веймар, куда мы переезжаем вместе с семейством Виардо с 1-го февр⟨аля⟩ нов. ст. на 2 месяца с половиною. (Там отличная рисовальная школа, что очень нужно для старшей дочери.) В половине апреля они возвращаются сюда — а я в Россию — и либо в Москве, либо в окрестностях Мценска увидимся непременно. То-то будет хорошо!

Перехожу ко второму письму.

Оказывается, что моя статейка об «Отцах и детях» никого не удовлетворила. Подумаешь, я отказываюсь от своей славы, как Ростопчин от сожжения Москвы. Анненков даже сильно меня распекает. А между тем — каждое слово в ней — самая святая правда, по крайней мере на мое суждение. Оказывается, что автор сам не всегда знает, что творит; чувства мои к Базарову — личные мои чувства — были смутного свойства (любил ли я его, ненавидел ли — господь ведает!) — а между тем образ вышел до того определенный, что немедленно вступил в жизнь и пошел действовать особняком на свой салтык. В конце концов — что за дело, что автор сам думает о своем произведении? То само по себе — а он сам по себе; но повторяю — статья моя — искренна, как исповедь [3].

Краевский действительно в «Голосе» подпустил мне прескверный камуфлет. Никак я не ожидал подобной неделикатности (да и издатель немецкой revue, в которой появился мой рассказец, уверял меня, что мои соотечественники — из уважения ко мне так не поступят). Вот те и уважение! Мне ужасно досадно, что именно Вы прочли эту вещь в таком уродливом переводе. Будьте друг — перечтите ее в «Вестнике Европы» (в 1-м №-е), где она появится; притом же я там, после немецкого издания, кое-что прибавил и именно в смысле указания на религиозное настроение Софи, которое Вы, с свойственной Вам ясностью и верностью понимания, тотчас учуяли, как слабый пункт рассказа. Он весь составился у меня из двух анекдотов, из которых один я слышал, а другой сам пережил; вещь весьма маленькая — но все-таки Краевский — сукин сын. Это он мне мстит за «Воспоминания о Белинском» [4].

Шестой том «Войны и мира» я еще не получал; но в фельетоне «С.-П.-бургских ведомостей» читал отрывки, от которых повесил нос [5].

Передайте прилагаемое письмо Фетушке; и напомните ему поговорку, которая особенно идет к нам: «Милые бранятся, только тешатся».

Поцелуйте за меня Петю — и скажите ему, чтобы

он рос и толстел изо всех сил; а стрелять в Новоселках мы будем не одних ворон!

Будьте здоровы — поздравляю Вас с Новым 1870-м годом и обнимаю Вас.

Любящий Вас

Ив. Тургенев.

[1] Очевидно, речь идет о Д. С. Урусове, известном русском шахматисте.

[2] Тургенев был страстным любителем шахматной игры и считался сильным игроком. Он не раз участвовал в шахматных турнирах, в том числе и в международном шахматном турнире 1867 года в Париже. Очевидно, там он и играл с мастером Нейманом. В 1870 году Тургенев был избран вице-президентом международного турнира в Баден-Бадене.

[3] См. прим. 3 к письму № 197.

[4] О *прескверном камуфлете* в связи с опубликованием в газете «Голос» «Странной истории» Тургенева см. прим. 1 к п. № 197. О творческой истории повести см. прим. к ней в т. 7 наст. изд. Предположение Тургенева о том, что Краевский мстил ему за «Воспоминания о Белинском», появившиеся в № 4 «Вестника Европы» за 1869 год, вполне вероятно. Дело в том, что, говоря о работе В. Г. Белинского в «Отечественных записках», Тургенев весьма нелестно отозвался о Краевском, как о человеке, «столь же одаренном практическими талантами, сколь обиженном природой насчет эстетических способностей». Он вспоминал также о том, как «расчетливый издатель журнала» заставлял Белинского рецензировать «и сонники и поваренные и математические книги».

[5] Шестой том «Войны и мира» вышел в 1869 году. В фельетоне В. П. Буренина в «С.-Петербургских ведомостях» были приведены отрывки из романа, в частности — философско-исторические рассуждения Толстого, к которым Тургенев относился отрицательно.

199

П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3
22(10-го) января 1870 г.

Пишу Вам под впечатлением горестного известия, любезный Анненков: я с час тому назад узнал, что Герцен умер [1]. Я не мог удержаться от слез.

Какие бы ни были разноречия в наших мнениях, какие бы ни происходили между нами столкновения, все-таки старый товарищ, старый друг исчез: редеют,

редеют наши ряды! К тому же, как нарочно, я не далее как неделю тому назад виделся с ним в Париже, завтракал с ним (после семилетней разлуки), и никогда он не был более весел, разговорчив, даже шумен. Это происходило в прошлую *пятницу,* — вечером он занемог, на другой день я уже видел его в постели, в сильном жару, с воспалением в легких; каждый день я, до моего отъезда, до прошлой середы, посещал его семейство, его я уже не мог видеть — доктор не позволял; и, уезжая, я уже знал, что он безнадежен. Ужасно скоро сожгла его болезнь. Я не мог остаться долее в Париже; но я почти с ужасом думаю о том, что произойдет с его семейством. Сын еще не успел приехать из Флоренции. Старшая дочь Наталия — прекрасное, симпатичное существо — недавно вследствие каких-то странных недоразумений в течение шести недель сходила с ума и теперь едва, едва выздоровела... Пожалуй, эта смерть опять потрясет ее рассудок. Вероятно, все в России скажут, что Герцену следовало умереть ранее, что он себя пережил; но что значат эти слова, что значит так называемая наша деятельность перед этою немою пропастью, которая нас поглощает? Как будто жить и продолжать жить — не самая важная вещь для человека? Смерть мне потому особенно «смердит», что я имел на днях совершенно неожиданно случай нанюхаться ее вволю: а именно через одного приятеля я получил приглашение (в Париже) присутствовать не только при казни Тропмана, но при объявлении ему смертного приговора, при его «toilette» и т. д. Нас было всего восемь человек. Я не забуду этой страшной ночи, в течение которой «I have supp'd full of horrors» * и получил окончательное омерзение к смертной казни вообще и к тому, как она совершается во Франции, в особенности. Я начал уже письмо к Вам, в котором рассказываю все подробно и которое Вы потом, если вздумаете, можете напечатать в «С.-Петербургских ведомостях». Скажу теперь одно — что подобного мужества, подоб-

---

* Я видел столько ужасов *(англ.).*

ного презрения к смерти, как в Тропмане, я и представить себе не мог. Но вся вещь — ужасна... ужасна [2].

Кстати: получили ли Вы мое письмо о Полонском и поместили ль его в журнале? [3] Он сам, *как чайка,* стонет об этом и уверяет меня в своих письмах, что он так несчастлив и неудачлив, что убежден в непоявлении этого разбора. Пожалуйста, докажите ему противное, хотя, вероятно, особенного *счастья* моя статья ему — увы! — не в состоянии доставить.

Прощайте, друг, будьте здоровы. Кланяюсь Вашей жене и жму Вам руки. Ваш *И. Тургенев.*

P. S. Я в Веймар переезжаю только 7 февраля нового стиля.

[1] 21 января 1870 года.

[2] При казни Тропмана Тургенев присутствовал 7/19 января 1870 года. В этом же году в № 6 «Вестника Европы» Тургенев опубликовал очерк «Казнь Тропмана» (см. т. 10 наст. изд.).

[3] 30 декабря 1869 года (11 января 1870 г.) Тургенев послал П. В. Анненкову статью о поэзии Я. П. Полонского. См. прим. 1 к п. № 194.

200

М. В. АВДЕЕВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3
25-го января ⟨н. ст.⟩ 1870 г. Вторник.

Небольшое путешествие в Париж помешало мне тотчас отвечать на Ваше письмо, любезнейший Авдеев. Притом же и дела накопилось довольно: теперь вышла минута свободная, и я берусь за перо.

Сперва о Вас. Мне жаль, что Вам не удалось попасть в деятельную текучую журналистику, к которой Вы, очевидно, имеете и склонность и расположение. Письмо Ваше в «Вестнике Европы» интересно и дельно; [1] позволяю себе заметить, что в нем еще чуется некоторый литературный запах, который следует вывести: я хочу сказать, что читателю не следует замечать литературного пошиба своего корреспондента. Повесть Вашу я не прочел за неимением здесь «Дела» [2] (на будущий год я подписался); что же ка-

сается до переведенного на французский язык романа [3], то — повторяю, не выправивши его окончательно, нечего и представлять его на суд издателям в Париже: они безусловно и немедленно его отвергнут. Французская речь, так, как она живет в русских устах — им особенно противна, а потому пришлите рукопись: я постараюсь найти француза, который приведет ее в порядок, и тогда я все сделаю, чтобы исполнить Ваше желание.

А теперь скажу два слова и о самом себе. Никакого нет сомнения, что русский писатель, поселившийся в Бадене, тем самым осуждает свое писательство на скорый конец: я на этот счет не обманываюсь, но так как этого переделать нельзя, то и толковать об этом нечего. «Странная история», о которой Вы говорите — безделка; да я и не способен теперь на большее; но неужели Вы до того потонули в «современности», что не допускаете никаких *не современных* типов? — Я *«отстал»* — с *своей Софи:* еще бы! — Да я, пожалуй, еще дальше назад хвачу; *Софи не возбуждает ничего, кроме «презрительного сожаления»;* и этого, по-моему, еще много. Неужели каждый характер должен непременно быть чем-то вроде прописи: вот, мол, как надо — или не надо — поступать? Подобные лица жили — стало быть, имеют право на воспроизведение искусством. Другого бессмертия я не допускаю: а это бессмертие, бессмертие человеческой жизни — в глазах искусства и истории — лежит в основании всей нашей деятельности. Вы находите, что я увлекаюсь мистицизмом, и приводите в пример эту «Историю», «Призраки» и «Ергунова» (хотя что, собственно, мистического в «Ергунове», я понять не могу, ибо хотел только представить незаметность перехода из действительности в сон, что всякий на себе испытал); но могу Вас уверить, что меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая ее передача; а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен — и в *фабуле* «Призраков» видел только возможность провести ряд картин. Вы указываете на неизбежность недоразумений; но, душа моя, мы с Вами перешагнули за

5-й десяток и должны знать, что избегнуть этой беды совершенно невозможно, да и какая в этом беда? Перемелется — мука будет; а не окажется муки, шелухе туда и дорога.

Ваш упрек насчет рекомендации молодым литераторам русского языка я, признаюсь, не мог постигнуть: и так я его вертел и инако — ничего не выходило. Я просто, как некий ветеран, позволил себе обратить внимание моих молодых сверстников на распущенность и вялость нынешнего слога: никакой тут подколодной змеи в виде темного намека — не было [4].

Вот сколько я наговорил! Остается сказать Вам, что с 1-го февраля н. ст. я переселяюсь на 2½ месяца в Веймар; что в апреле я отправляюсь в Россию и останусь там до июля; надеюсь свидеться с Вами в Петербурге, а до тех пор будьте здоровы и веселы. Дружески жму Вам руку. Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] См. «Письма в провинцию» — «Вестник Европы», 1870, № 1, без подписи.

[2] Повесть Авдеева «Магдалина» опубликована в журнале «Дело», 1869, № 1.

[3] Речь идет, повидимому, о романе Авдеева «Меж двух огней» (1868).

[4] В статье «По поводу «Отцов и детей» Тургенев призывал молодых литераторов беречь «наш язык, наш прекрасный русский язык» и с осуждением указывал на «иные вялые, смутные, бессильно-пространные разглагольствования в журналах» (т. 10 наст. изд., стр. 357).

201

И. П. БОРИСОВУ

Веймар. Hôtel de Russie

$\frac{15}{27}$-го марта 1870 г. Воскресение

Вот опять прошло сколько времени, а я не писал Вам, дорогой Иван Петрович! А Вы еще и нездоровы были — и тем более я должен был подумать о Вас! Думать-то я думал — и часто; да вот лень проклятая взять перо в руки! Право, даже прибил бы себя — кабы не больно было. И вот еще что глупо: буду я

теперь отвечать на Ваше письмо от $\frac{7}{19}$-го февр. — а с тех пор ведь почти шесть недель прошло — и чего-чего, пожалуй, не переменилось! Письмо Ваше было грустно и даже мрачно: картина современного нашего быта, которую Вы рисовали, — не много представляла утешительного; и к сожалению — по всей вероятности — она очень близка к правде. Но так как даже носа своего не переделаешь (без помощи Венеры) — и поневоле с ним приходится жить — то *кольми паче* своей родины не переделаешь — и с россиянами приходится век коротать. Вот приеду — посмотрю самолично.

А приеду я скоро — и это уже теперь не волки, волки! Николин день 9-го мая — вот положительный и непреложный срок моего прибытия в Спасское. Останусь я там до начала июля — и уже, конечно, буду беспрестанно с Вами видеться. Золотые Ваши советы насчет Кишинского, хозяйства и т. д. я, конечно, к сведению принял — да я и так мало расположен к торжественным ревизиям и т. п. Приятно мне думать, что я увижусь с Фетом — постараюсь, по старой памяти, с ним поспорить, что мне с каждым годом все труднее и труднее становится, — и глубже и глубже проникаюсь я истиной тютчевского стиха:

Мысль изреченная есть ложь [1], —

во всяком случае — такая мысль, к которой собеседник не хочет идти благодушно навстречу, не хочет помочь Вам самим понять ее: а Фет — не из таких собеседников; он из удилозакусных.

Прочел я 6-й том «Войны и мира»; [2] конечно, есть вещи первоклассные; но не говоря уже о детской философии — мне неприятно было видеть отражение *системы* даже на образах, рисуемых Толстым. Отчего это у него непременно все хорошие женщины не только самки — даже дуры? и почему он старается уверить читателя, что коли женщина умна и развита, то непременно фразерка и лгунья? Как это он упустил из вида весь *декабристский* элемент, который такую роль играл в 20-х годах — и почему все порядочные люди у него тоже какие-то чурбаны — с малой толи-

кой юродства? Боюсь я, как бы славянофильство, к которому он, кажется, попал в руки, не испортило его прекрасный и поэтический талант, лишив его свободы воззрения — как оно уже испортило Кохановскую и др. Художник, который лишается способности видеть *белое и черное* — и направо и налево — тот уже стоит на краю гибели.

Здесь мне живется порядочно. Здоровье удовлетворительно; работаю, конечно, очень мало. Было два удивительных представления Глюковского Орфея, в котором г-жа Виардо была, по обыкновению, гениальна. Ей самой, уже не певшей на театре несколько лет, было очень приятно помянуть прежнее; публика здешняя ее лелеет и ласкает. Веймар — городок небольшой, но в нем живут хорошие и интересные люди.

Холода прошли; то есть погода все еще очень скверная, но в комнатах не холодно благодаря поправкам, сделанным в печках.

Кланяйтесь от меня Пете, когда писать ему будете; ружье я ему привезу отличное, и мы будем вместе стрелять коростелей. А Вы будьте здоровы: жму Вам крепко руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] Из стихотворения «Silentium».
[2] Шестой том «Войны и мира» вышел в свет в 1869 году.

202

П. П. БОРИСОВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3
Середа, 24-го августа ⟨н. ст.⟩ 1870 г.

Вы могли бы уже теперь истребовать от Л. Н. Толстого выигранную Вами бутылку, любезнейший Иван Петрович, — ибо последние удары, нанесенные пруссаками, в сущности, кажется, уже решили дело. Нельзя не удивляться искусству, с которым они сперва удержали группу Базена в Меце, потом преградили ему дорогу в Верден — наконец, поразили его наголову и отбросили его опять в Мец, где он должен

умереть с голоду или сдаться. Эти три сражения (14-го, 16-го и 18-го августа) стоили им страшных жертв — зато результат велик. Ничто не мешает теперь армии кронпринца дойти до Парижа — Мак-Магон, наверное, покинет Шалонский лагерь. Окончательного исхода войны пока нельзя предвидеть, но все шансы на стороне немцев [1].

Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держит сторону французов. Французская фраза ему противна — но он еще более ненавидит рассудительность, систему, науку, одним словом — немцев. Весь его последний роман [2] построен на этой вражде к уму, знанию и сознанию — и вдруг — ученые немцы бьют невеж французов!! (Кстати — неужели юродивец, напечатавший в «Московских ведомостях» какие-то нелепые пророчества с планами, — тот же самый кн. Урусов [3], с которым так дружен Толстой?) С своей стороны я, «не мудрствуя лукаво», — радуюсь поражению Франции — ибо вместе с нею поражается насмерть наполеоновская империя, существование которой несовместно с развитием свободы в Европе. Я выразил это мнение в письмах к Анненкову, отрывки которых были помещены в 216 № «С.-П.-бургских ведомостей» (8-го августа) [4]. Я, между прочим, привел там несколько отличных образчиков французской фразы».

Радует меня то, что Вы мне пишете о Толстом и о Фете, жаль только, что сей последний все еще не хочет расстаться с Музой. Е. Д. Шеншина описана Вами превосходно, также и ее сынок.

Я уже был три раза на охоте. Первые два раза стрелял отвратительно — а в третий раз охота не удалась. Однако уже заполевал 23 куроп〈атки〉 и 8 зайцев. Пес мой все попрежнему хорош.

По ночам здесь ясно слышно бомбардирование Страсбурга, который уже до половины выжжен. Даже лежа в постели, при закрытых окнах, все еще ухо улавливает глухие рокотанья и сотрясенья. Поневоле предаешься философическо-историческо-социальным размышлениям весьма невеселого свойства. Железный век еще не прошел — и мы все еще варвары! И, вероятно, останемся таковыми до конца дней.

Погода у нас испортилась — говорят, будет ранняя зима.

Поцелуйте за меня Петю; крепко жму Вам руку и остаюсь

любящий Вас
Ив. Тургенев.

[1] Прогнозы Тургенева оказались справедливыми. После трех решающих сражений, о которых здесь идет речь, поражение Франции Наполеона III было предрешено.

[2] «Война и мир».

[3] В «Московских ведомостях», 1870, № 166 (от 2 августа), было напечатано «Письмо к издателям» славянофильского публициста князя С. Урусова, предлагавшего разработанный им план военных действий, который, как ему казалось, должен был принести победу Франции.

[4] Письма Тургенева о франко-прусской войне см. в т. 11 наст. изд.

203
П. В. АННЕНКОВУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3
30(18)-го октября 1870 г.

Любезнейший Павел Васильевич! Сейчас получил я Ваше письмо, а от Стасюлевича 10 экземпляров «Короля Лира». Ваша дружба старается позолотить мне пилюлю, но я чувствую ее горечь в желудке. Нет никакого сомнения, что я потерял камертон русской публики; [1] кто из нас прав — бог весть; вероятно, она. Потребитель всегда прав перед поставщиком. Есть пословица: «старый слуга — как старый пес: либо со двора, либо под лавку». Я отправляюсь под лавку, и пусть П. Д. Боборыкин услаждает публику! Через неделю я выезжаю отсюда. Из Лондона пришлю адрес: там теперь много наших и всяких refugiés *. Мы здесь, на досуге, насчитали, что у немцев уже теперь находится 350 000 французских солдат в плену [2]. Скажите на милость: было ли когда-нибудь что-нибудь

* Эмигрантов *(франц.)*.

подобное во времена исторические? Приходится возвратиться к Сезострису, да и то едва ли!

Я вычитал в «Московских ведомостях», что была панихида по С. А. Соболевском. Когда он умер? Я его видел проездом в Москве: он мне рассказывал свой апоплексический припадок и смерть Одоевского, но казался еще бодрым. Кому достанется его библиотека? Семейство Александра Ивановича Герцена прислало мне сборник его посмертных произведений, изданный в Женеве[3]. Попадаются истинные перлы. Что за умница был этот человек и как он глубоко проникал в суть нашей дребедени! Но именно от этой причины он менее всего политический деятель. В характеристике людей, с которыми он сталкивался, у него нет соперников. Когда он чисто «сочиняет», чувствуется, при всем блеске формы, постоянная напряженность. Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: живое тело. Засим прощайте, мой милейший! Какова-то будет моя жизнь в Лондоне? Кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку. Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] «Степной король Лир» был опубликован в октябрьском номере «Вестника Европы». Предположение Тургенева о том, что его повесть не понравится «потребителю», не оправдалось. Большею частью авторитетных литераторов и критиков «Степной король Лир» был встречен сочувственно. См. прим. к повести в т. 7 наст. изд.

[2] Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 годов.

[3] Тургенев говорит о книге: «А. И. Герцен, Сборник посмертных статей». Издание детей покойного, Женева, 1870.

204
Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3

Вторник $\frac{\text{27 октября}}{\text{8 ноября}}$ 1870 г.

Любезный друг Яков Петрович, твое письмо застало меня еще здесь по милости болезни, которая задержала мой отъезд в Лондон, куда я отправляюсь послезавтра. Напишу тебе оттуда мой адрес, а теперь

хочу только поблагодарить за память и за весьма дельное замечание насчет *личного* характера моих последних рассказов. Это так верно, что я положил себе за правило — вперед иначе не рассказывать, как от третьего лица: этак и проще и естественнее. Я должен прибавить, что сделаю это, если вообще буду продолжать писать: охота совсем пропадает — да и публика мало поощряет. «Степной король Лир» по всему, что я слышал, получил так называемый «succès d'estime» *, а это для стареющего литератора — хуже фиаско; это лучшее доказательство, что пора остановиться — и я остановлюсь [1].

Я очень рад, что ты издаешь вновь твои «Признания»; авось они публике на этот раз больше понравятся, то есть: она прочтет их, и ты будешь иметь возможность и охоту написать продолжение [2]. За место твое советую тебе держаться обеими руками: выгоды, доставляемые им, слишком велики [3]. Ни один человек не проживет без обузы; коли судьба не дала — он сам себе таковую навьючит, а с твоей обузой еще брести можно.

С удовольствием прочел я в «Заре» критику твоих произведений; тут по крайней мере есть уважение к таланту и признание его. Я очень рад, что они перепечатали мое письмо о тебе: я еще раз мог убедиться, что сказанное мною тогда была — чистейшая правда [4].

О Матвееве поговорим в Петербурге, куда я полагаю прибыть в самом начале года.

Из Лондона напишу, как только найду квартиру, а пока — будь здоров и работай. Кланяюсь твоей жене и всем твоим.

Преданный тебе *Ив. Тургенев.*

[1] Об отзывах критики по поводу «Степного короля Лира» см. прим. к этой повести в т. 7 наст. изд.

[2] Роман Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина», ч. I, напечатан был впервые в журнале «Литературная библиотека», 1867, № 3—6, 8, 12, и вторично в книге Я. П. Полонского «Сполы. Стихи и проза», СПб. 1871. В «Письме к редактору

* Умеренный успех *(франц.)*.

«С.-Петербургских ведомостей» («Вестник Европы», 1870, № 8) Тургенев оценил «Признания Сергея Чалыгина» как «замечательное произведение» и выразил пожелание, чтобы автор «довел до конца эти интересные «Признания» (см. т. 11 наст. изд., стр. 194—195).

[3] Я. П. Полонский в эти годы служил в комитете иностранной цензуры.

[4] В № 9 журнала «Заря» за 1870 год была помещена статья Н. Н. Страхова «Сочинения Я. П. Полонского. СПб., тт. I, II и III». В своей статье Н. Н. Страхов перепечатал заметку Тургенева «Письмо редактору «С.-Петербургских ведомостей», посвященную Полонскому. Страхов соглашался с тургеневской оценкой творчества Полонского и выступил против суровой рецензии «Отечественных записок» на сочинения Полонского. См. прим. 1 к п. № 194.

205

М. Е. САЛТЫКОВУ

Лондон, 4, Bentinck-Street
Manchestersquare, 30 ноября ⟨н. с.⟩ 1870 г.

Любезнейший Михаил Евграфович (позвольте отложить в сторону церемонное: «Милостивый государь»), я на днях получил Вашу «Историю одного города», переданную Вами Анненкову. Душевно благодарю Вас за память обо мне и за великое удовольствие, которое доставила мне Ваша книга: прочел я ее немедленно. Не говоря уже о прочих ее достоинствах, эта книга в своем роде драгоценный исторический материал, который ни одним нашим будущим бытописателем обойденным быть не должен. Под своей резко сатирической, иногда фантастической формой, своим злобным юмором напоминающей лучшие страницы Свифта, «История одного города» представляет самое правдивое воспроизведение одной из коренных сторон российской физиономии:[1] «имеющий уши да слышит, имеющий глаза да видит», — сказал бы я вместе с законодателем Беневоленским.

Еще раз искренное спасибо.

Я сюда прибыл четыре недели тому назад и столько же намерен тут остаться, а там отправлюсь

в Петербург, где, конечно, буду иметь удовольствие свидеться с Вами.

Примите уверение в моем искреннем уважении и дружеской преданности.

[1] Эта краткая оценка книги Щедрина легла в основу статьи Тургенева об «Истории одного города», помещенной в 1871 году в английском журнале «The Academy». См. т. 11 наст. изд.

206

А. А. ФЕТУ

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3
18/6-го августа 1871 г.

Любезнейший Фет, Ваше письмо застало меня в постели, с которой я уже две недели с лишком не расстаюсь по милости припадка подагры, которую черт дернул поселиться на этот раз (в первый раз) в колене — и таким образом лишить меня всякой локомоции. Сегодня попытаюсь подняться с *двумя* костылями: подумаешь, я тоже участвовал в завоевании Франции! [1] А погода между тем отличная; дразнит сквозь окна — охота лопнула и т. д. и т. д. Спасибо за сообщенные известия. Я очень рад, что Толстому лучше и что он греческий язык так одолел, это делает ему великую честь и принесет ему великую пользу. Но зачем он толкует о необходимости создать какой-то особый русский язык? Создать язык!! создать море. Оно разлилось кругом безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дело — направить часть этих волн в наше русло, на нашу мельницу! И Толстой это умеет — а потому его фраза лишь настолько меня беспокоит, насколько она показывает, что ему все еще хочется мудрить [2]. Литератор отвечает только за напечатанное слово: где и когда я печатно высказался против классицизма? Чем я виноват, что разные дурачки прикрываются моим именем? Я вырос на классиках и жил и умру в их лагере; но я не верю ни в какую Alleinseligmacherei *

* Единоспасительность *(нем.)*.

даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у нас положительно несправедливы, подавляя одно направление в пользу другого. «Fair play» *, — говорят англичане; равенство и свобода, — говорю я. Классическое, как и реальное образование, должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться *одинаковыми* правами. Г. Катков говорит противное; [3] но я в жизни ненавидел только одно лицо (не его, то уже умерло, слава богу), а презирал только трех людей: Жирардена, Булгарина и издателя «Моск⟨овских⟩ ведомостей» [4]. Il s'en f...t: et moi je me f...s de ce qu'il s'en f...t.

Здешний дом, в котором я жил и который я продал по милости дяди, — теперь продан окончательно — с 1-го ноября [5]. Баденская жизнь моя — тю-тю! Какой склад примет будущее — я не знаю, да и не интересуюсь слишком.

И дремля едем до ночлега, —
А время гонит лошадей. [6]

Кланяйтесь Марье Петровне и всем хорошим знакомым. Петю также за меня поцелуйте, когда увидите.

Желаю Вам здоровья и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Имеется в виду франко-прусская война, закончившаяся поражением Франции.

[2] В более позднем письме к Н. Н. Страхову (март 1872 г.) Толстой замечал: «Я изменил приемы своего писания и язык, но повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уже о наших элукубрациях, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил. Язык этот, кроме того, — и это главное, — есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели — все похоже на литературу» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юбилейное издание, т. 61, М. 1953, стр. 278).

[3] В 60—70-х годах велась полемика по вопросу о «классическом» и «реальном» направлении в школьном деле. Официальные сферы и реакционная журналистика во главе с М. Н. Кат-

* Честность, справедливость *(англ.)*.

ковым поддерживали «классическую» школу, основанную на преимущественном изучении древних языков, в ущерб «реальной» школе, в которой преобладающая роль принадлежала естествознанию и точным наукам.

[4] *Одно* лицо, которое Тургенев ненавидел, — это, без сомнения, Николай I. Среди презираемых людей наряду с Булгариным и Катковым (издатель «Московских ведомостей») Тургенев называет французского писателя и политического деятеля Эмиля де Жирардена, до революции 1848 года связанного с реакционной и придворной кликой, а затем прославившегося своей беспринципностью и продажностью.

[5] Неудачное управление Н. Н. Тургенева имением писателя заставило И. С. Тургенева еще в 1868 году продать свой баденский дом.

[6] Из стихотворения Пушкина «Телега жизни».

207

А. А. ФЕТУ

Париж
Среда, 10 апреля/29 марта 1872 г.

Итак, любезнейший А. А., добродушный *⟨1 нрзб⟩* В. А. Шеншин приказал долго жить! Смерть действительно сильно щелкает вокруг нас... Уж, точно, «battle of life»! * Желаю Вам как можно дольше продержаться под этим перекрестным огнем — и радуюсь укреплению Вашего кишечного канала. Пейте воду, воду — в большом количестве!

Что касается до Афанасьева (А. Н.), — то позвольте Вам заметить, что Вы не довольно ясно даете себе отчет о подразделениях литературы — на так называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику), или, что еще вернее, Вы сознаете это подразделение, не цените одну беллетристику, да еще какую! — поэзию! Но наше Общество основано именно для литераторов, пользу которых Вы с трудом признаете и без которых пришлось бы плохо делу просвещения. Вот оттого-то мы и заботимся об обеспечении этих самых литераторов от голода, холода и прочих гадостей [1].

---

* Борьба за жизнь *(англ.)*.

Ну, а теперь, так как Вы в своем «Exegi monumentum» [2] объективно отнеслись к поэту Фету, то позвольте и мне сделать то же. Фет действительно поэт, в настоящем смысле слова; но ему недостает нечто весьма важное, а именно: такое же тонкое и верное чутье внутреннего человека, его душевной сути, каковым он обладает в отношении природы и внешних форм человеческой жизни. Тут не только Шиллер и Байрон, но даже Я. Полонский побивает его в пух и в прах. Быть тронутым или потрясенным через посредство какого бы то ни было произведения Фетовой музы так же невозможно, как ходить по потолку, и потому, при всей его даровитости, его следует отнести к dii minorum gentium *. Уж и это не шутка: через сто лет будут помнить около 20 красивых его стихотворений — чего же еще? Но пусть он себя не повторяет более, как он это делает вот уже 10-й год. Старый соловей — contradictio in adjecto **.

А за поход Ваш по поводу сифилиса нельзя Вас не похвалить [3]. Вот это дело, дельное дело — и дай бог Вам успеха и помощи отовсюду! На Вашу больницу с домом я немедленно подписываюсь на сто рублей сер., которые буду иметь удовольствие вручить Вам при нашем свидании в Спасском в мае месяце. А до тех пор будьте здоровы и благополучны. Дружески кланяюсь Марье Петровне и крепко жму Вашу руку.

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] А. Н. Афанасьев, известный исследователь народной поэзии, в 1862 году был уволен со службы в архиве министерства иностранных дел за связь с В. И. Кельсиевым, издававшим в Лондоне при герценовском «Колоколе» особый листок «Общее вече», посвященный вопросам раскола. Фет возражал против оказания ему помощи Обществом Литературного фонда, одним из организаторов которого был Тургенев.

[2] «Я памятник себе воздвиг» — стихотворение Горация; Тургенев имеет в виду самооценку Фета в одном из не дошедших до нас писем.

[3] В 1871 году на средства А. Фета в Мценском уезде началась постройка больницы для сифилитиков.

---

* Второстепенным богам *(лат.)*.

** Внутреннее противоречие *(лат.)*.

208

Г. ФЛОБЕРУ

Москва
26 июня ‹ст. ст.› 1872 г.

Мой дорогой друг!

Вы прислали мне Ваши проекты на лето,— вот мои: №3. В настоящую минуту я нахожусь в Москве, застигнутый скверным припадком подагры, приковавшей меня к дивану; я никак не ожидал этого после страшного припадка в прошлом октябре месяце. Это становится слишком часто, и меня очень много поздравляют (патент на долговечность и т. д., и т. д.). К счастью, припадок не особенно силен, и я могу надеяться покинуть столицу «всея Руси» в воскресенье или в понедельник, — сегодня среда.

Я помчусь прямо как стрела в Париж, оттуда в Турень к моей дочери, которая готовится сделать меня дедушкой [1], потом поеду в Valery-sur-Somme, где найду моих старых друзей Виардо. Там я буду слоняться — буду работать, если смогу. Далее я поеду опять в Париж, чтобы повидать там некоего Флобера, которого очень люблю и с которым поеду или к нему в Круассе или в Ноган, к m-me Санд, которая, как кажется, желает видеть нас там. А затем начиная с октября месяца в Париже. Вот!

Мой друг, старость — это тяжелое тусклое облако, заволакивающее и будущее, и настоящее, и даже прошедшее, так как делает его печальным, стушевывая и надламывая (craquelant) воспоминания. (Боюсь, что такой французский язык очень плох, но ничего.) Надо защищаться против этого облака. Мне кажется, что Вы недостаточно защищаетесь.

Я думаю, что действительно путешествие в Россию вдвоем со мной было бы для Вас полезно; в аллеях старого деревенского сада, полного сельских благоуханий, земляники, пения птиц, дремотных солнечного света и теней; а кругом-то — двести десятин волнующейся ржи, — превосходно! Невольно замираешь в каком-то неподвижном состоянии, торжественном, бес-

конечном и тупом, в котором соединяется в одно и то же время и жизнь, и животность, и бог. Выходишь оттуда, как после я не знаю какой мощно укрепляющей ванны, и снова вступаешь в колею, в обычную житейскую колею.

Автор не должен падать духом. Пусть он мужественно идет до конца [2]. Мне известно, что Вы присутствовали на прекрасном музыкальном вечере у m-me Виардо; кажется, публика была довольна.

Вы ничего не говорите о моей картине, она не нравится Вам, или Вы не видели ее? [3] Прощайте и до свидания, мой дорогой друг, — будем же держать голову высоко, пока ее не покроют волны.

Сердечно целую Вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] 6(18) июля 1872 года родилась внучка Тургенева — Жанна Брюэр.

[2] Речь идет, очевидно, об «Искушении святого Антония» Флобера. Флобер не хотел печатать эту книгу, опасаясь, что она не будет понята публикой.

[3] В 1872—1873 годах Тургенев увлекался покупкой картин. 22 марта 1873 года он писал Я. П. Полонскому: «Я точно купил весьма красивую нагую женщину (картину) — и вообще я теперь занимаюсь этим делом или бездельем (покупкою картин) — так как все другое, начиная с литературы, бросил» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, 1884, стр. 215).

209

Л. ПИЧУ

Saint-Valery sur Somme, Maison Ruhaut
Суббота — 27 июля ⟨н. ст.⟩ 1872 г.

Любезнейший Пич!

Когда Вы писали Ваше письмо от 20-го этого месяца — Вы, повидимому, не получили еще моего (в котором я просил Вас о присылке *мази*), вероятно, Вы покинули Берлин, так и не получив его. Принужден еще раз просить Вас выполнить мое поручение как можно скорее, немедленно же по возвращении в Афины-на-Шпрее.

Ю. Шмидт уже сообщил мне о том, что Вы не уехали в Америку. Тем лучше! Все-таки больше вероятности как-нибудь повидаться с Вами; на этот раз обещаю предупредить Вас за несколько дней о моем приезде в Берлин.

Август и сентябрь мы все проведем здесь. Семейство Падисса обитает на своей даче в Ville d'Avrey.

Боже! Какими неженками стали немцы после своих великих успехов, какими мнительными старыми девами!

Вы не можете перенести, что в моей последней повести я чуточку Вас поцарапал? Но ведь на мой родной и несомненно любимый мною народ я обрушивал и не такие удары!

В Санктпетербургской (немецкой) газете некий критик поднял на меня травлю. Он призывает офицеров германской армии стереть с лица земли клеветника и дерзкого лгуна (то есть меня!).

До сих пор я считал, что у немцев больше сдержанности и беспристрастия. Поневоле приходится хвалить русских [1].

Неужели Вы действительно верите тому, что я разделал этого ничтожного Девриена [2], с его жалким театральным хозяйством в *угоду французам?* Моя последняя повесть неудачна, — но лучшее и самое правдивое в ней — это именно эти немногие уколы.

Итак — императрица Августа говорила так милостиво...

Ну-с, очень мило со стороны столь высокопоставленной дамы и т. д.

От всего сердца желаю Вам счастья в беспокойной Вашей жизни и во всех Ваших противоречиях и осложнениях.

Как Франциск I, Вы должны были бы изобразить на своем щите саламандру. Истинная жизнь только в огне!

Насколько мне известно, г-жа Виардо недавно писала Вам. Со всем семейством все обстоит благополучно. Жму Вам руку.

Ваш *И. Тургенев*

P. S. В Мюнхене ли еще Поль Гейзе?

[1] Немецких бюргеров Тургенев «чуточку поцарапал» в повести «Вешние воды», опубликованной в 1872 году и в том же году переведенной на немецкий язык. В газете «St. Petersburger Zeitung» (1872, № 161) появилась рецензия, обвинявшая Тургенева в тенденциозном изображении немцев, чуть ли не в клевете «на всю Германию», будто бы «осмеянной грубым смехом» в «Вешних водах». Такая придирчивость и нетерпимость была характерна для немецких шовинистов после «великих успехов» Германии во франко-прусской войне.

[2] Немецкий актер, драматург и театральный деятель Эдуард Девриент стал директором придворного театра в Карлсруэ в 1852 году. В «Вешних водах» Тургенев ошибочно приурочил его деятельность в качестве директора театра к 1840 году.

210

П. В. АННЕНКОВУ

Париж, 48, rue de Douai

Середа, $\frac{\text{6-го ноября}}{\text{25-го октября}}$ 1872 г.

Вы несомненно правы, любезнейший Павел Васильевич, vous parlez d'or *, как говорят французы. Я хочу Вам только сказать, как мне эта штука пришла в голову: с моим соседом Чертовым (настоящее имя Чертопханова) именно случилось то, что я рассказал; мне это сообщила собственная его дочь, которая, пожалуй, будет теперь негодовать на мою нескромность: ** но это не ослабляет силы Ваших возражений. Теперь, однако, вот какое вышло обстоятельство. Отрывков из «Записок охотника» напечатано 22; всех их было приготовлено 26. Из ненапечатанных четырех два были начаты: «Русский немец и реформатор» и «Землеед»; два только набросаны: «Приметы» и «Незадача». Первые два оставлены потому, что я знал, что никакая тогдашняя цензура их бы не пропустила; вторые — потому, что были незначительны. В Петербурге проживает некто Е. Рагозин, хороший человек, которого и Вы, кажется, знаете; он взял на себя издание еженедельной газеты «Неделя», и я ему обещал

* Ваши слова — золото *(франц.)*.

** Впрочем, она не из числа читающих. *(Прим. автора.)*

что-нибудь прислать небольшое: вот я и вспомнил о «Землееде», начало которого сохранилось у меня в бумагах. Но после Ваших аргументов я сильно поколеблен, хотя они не совсем применяются к настоящему случаю: ибо я не хочу написать теперь нечто новое, в виде продолжения, как «Чертопханов», а окончить старое, начатое и приготовленное 20 лет тому назад. Но коли лучше не трогать «З〈аписок〉 о〈хотника〉» ни так ни сяк, я изворочусь иначе[1]. Напишите немедленно. Я так и поступлю; и либо пошлю нечто другое, либо дам «Землееду» другую турнюру. (В этом рассказе я передаю совершившийся у нас факт — как крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно урезывал у них землю и которого они прозвали за то землеедом, заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозему. Сюжетик веселенький, как изволите видеть.)[2]

Ноге моей лучше, и я опять могу бродить по комнате, но долго ли это продолжится? — Единому богу известно. А Вы все-таки заверните в Париж, хоть в декабре. Я полагаю, время будет эмувантное[3].

Засим кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку. Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] После появления рассказа Тургенева «Конец Чертопханова» с пометкой: «Из записок охотника» («Вестник Европы», 1872, № 11) П. В. Анненков 4 ноября 1872 года обратился к Тургеневу с письмом, в котором «заклинал» его не продолжать более «Записки охотника»: «Пусть они остаются в неприкосновенности и в покое после того, как обошли все части света... Какая прибавка, какие дополнения, украшения и пояснения могут быть допущены к памятнику, захватившему целую эпоху и выразившему целый народ в известную минуту. Он должен стоять — и более ничего. Это сумасбродство — начинать сызнова «Записки» («Русское обозрение», 1898, кн. V, стр. 21).

[2] Подробнее о сюжете «Землееда» см. воспоминания Н. А. Островской, приведенные в прим. к т. 1 наст. изд.

[3] Говоря об *эмувантном* (то есть волнующем) времени, Тургенев имеет в виду напряженную политическую обстановку во Франции в конце 1872 года. В это время монархическое большинство Национального собрания вело борьбу против правительства Тьера, закончившуюся в мае 1873 года отставкой Тьера и избранием на пост президента монархиста Мак-Магона.

211

С. К. БРЮЛЛОВОЙ

Париж, 48
Четверг, 2 января 1873 (21 декабря 1872)

Любезнейшая Софья Константиновна, письмо я Ваше получил и прочел с великим удовольствием — и буду отвечать по пунктам:

а) Прежде всего, поздравляю Ваших родителей и Вас с Новым годом — и желаю всем вам всего хорошего, начиная с здоровья.

б) Ваше воззрение на Чертопханова [1] — совершенно верно, и указание на слабые пункты изобличает в Вас тонкое критическое чутье; я и сам понимаю и чувствую, что мне следует произвести нечто более крупное и современное, — и скажу Вам даже, что у меня готов сюжет и план романа [2] — ибо я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего — но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте — не взяты живьем; а сочинять в известном смысле я не хочу — да и пользы от этого нет никакой — ибо никого обмануть нельзя. След., нужно набраться материалу. А для этого надо жить в России. «Но отчего вы не живете в России?» — спросите Вы — да и так-таки спрашиваете в своем письме. На это я Вам скажу, что это-то именно и есть то фатальное (в смысле fatum'a, а не фатальности) в моей жизни, что я так же мало в состоянии изменить, как переделать. форму моего носа. «Вздор!» — воскликнете Вы, так как Вы молоды и храбры; но так как Вы в то же самое время по ремеслу — историк, то я и апеллирую к Вам как историку (благо Вы занимаетесь теперь польской безурядицей) [3] и попрошу Вас поразмыслить немного, прежде чем повторить это слово: «Вздор!» Быть может, Вы его и не повторите.

И выходит изо всего этого, что мне надо стараться помочь горю хоть временными пребываниями на Руси, что я и намерен привести в исполнение. Но достаточны ли будут эти наезды? Это скажет мне моя

литературная совесть. Коли да — напишу мой роман; коли нет — ну и аминь! Придет другой и исполнит то, что у меня мелькает в голове, и, вероятно, гораздо лучше моего. Ибо уж Гете сказал:

«Selbst dem grossen Talent drängt sich ein grösseres nach» [4].

А меня в *grosse* Talent * произвести можно лишь с дружелюбной натяжкой.

Dixi et animam meam salvavi **.

в) Жаль, что Вы не видели еще портретов Перова, некоторые (особенно Достоевского, того, что так аристофановски выводит меня в «Бесах», в «Русском вестнике») отличны. «Петр» Антокольского (я видел большую фотографию) совершенно неудачен и именно похож на брандмайора [5]. Лавровская здесь и уже взяла 20 уроков у г-жи Виардо [6]. Я ее изредка вижу; она очень милая, простая и скромная женщина. Вашего энтузиазма на ее счет я не разделяю. Голос у нее симпатичный, но уже слегка попорченный и не совсем верный; поэтический, бессознательный элемент в ней присущ, но художественный, сценический, театральный, певческий, как хотите назовите, — слаб и физиономии не имеет. Не назовите меня циником — но она слишком хорошая женщина, чтоб быть великой артисткой, присутствие темноты — der Trüben — дает свету краски — а уж она больно светла.

В Париже пока все идет понемножку. Республика устанавливается в народе — но все правительство (не исключая самого Тьера) — против нее — и так как правительство — администрация — страшно сильно во Франции в данную минуту (да и вообще), то оно может еще перевернуть ее, как перчатку — правда, на время, но от этого не легче. Не забудьте, что нигде в целом мире клерикалы так не могущественны, как именно здесь, — и соображайте.

У меня коленка окончательно сведена подагрой — я с этим помирился... плохо, однако помирился. Не

---

* Большие таланты *(нем.)*.

** Я сказал и этим облегчил себе душу *(лат.)*.

только с охотой, с ходьбой я должен проститься. Утешаюсь тем, что я мог ведь бы ослепнуть? Будьте здоровы. Жму Вашу руку.

Ваш *Ив. Тургенев.*

[1] См. прим. 1 к п. № 210.

[2] Речь идет о романе «Новь», замысел которого относится к 1870 году. См. примечания к «Нови» в т. 4 наст. изд.

[3] С. К. Брюллова преподавала историю. Ей принадлежит ряд статей на исторические темы. Говоря о *«безурядицах»* в Польше, Тургенев имеет в виду проведение в 1872—1873 годах насильственной русификации восточных районов Польши, принадлежавших России, и в то же время насильственной германизации ее западных районов Пруссией.

[4] «Даже за большим талантом следует еще больший» — слова Гете из «Эуфрозине» (2-я книга «Элегий»).

[5] На второй передвижной выставке в 1872—1873 годах были выставлены картины В. П. Перова «Выгрузка извести на Днепре» и его портреты М. П. Погодина, В. П. Даля, А. Н. Майкова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и др.

Роман Достоевского «Бесы» печатался в «Русском вестнике» в 1871—1872 годах. Одно из действующих лиц романа, писатель Кармазинов — злобная пародия на Тургенева.

Скульптура М. М. Антокольского «Петр I» на выставке в Академии художеств в 1872 году успеха не имела. В 1873 году установлена в Петергофе. Этот отрицательный отзыв Тургенева об Антокольском стоит особняком в ряду других в высшей степени положительных его оценок творчества знаменитого скульптора. См. «Заметку» об Антокольском и примечания к ней в т. 11 наст. изд.

[6] Речь идет об артистке Мариинского театра Елизавете Андреевне Лавровской.

212

М. Е. САЛТЫКОВУ

Париж
9 апреля ⟨н. ст.⟩ 1873 г.

Любезнейший Михаил Евграфович, недель шесть тому назад я получил две Ваши книги; [1] но так как при них не было письма, ни приписки, то я и полагал, что они были ко мне отправлены моим петербургским комиссионером, которому я поручаю доставлять мне все, что заслуживает внимания в литературном мире.

Ныне, однако, я узнал, что комиссионер тут ни при чем — и потому я заключаю, что этой посылкой я обязан Вашей любезности. Позвольте же мне искренно благодарить Вас за то, что Вы вспомнили обо мне. До некоторой степени я имею право на Вашу память: я один из самых старинных и неизменных поклонников Вашего таланта. Книги Ваши я перечел с истинным наслаждением, как все, что выходит из-под Вашего пера: Вы отмежевали себе в нашей словесности целую область, в которой Вы неоспоримый мастер и первый человек. Еще раз душевное спасибо.

Здесь некоторое время ходили не совсем хорошие слухи о Вашем здоровье: надеюсь, что в них не было основания — и что Вы теперь молодец хоть куда. Моя подагра меня порядком помучила; теперь я освободился от нее, но для предупреждения слишком продолжительных посещений — еду через месяц в Карлсбад, а оттуда в Россию, где, может быть, буду иметь удовольствие свидеться с Вами.

Засим желаю Вам всего хорошего и дружески жму руку.

P. S. Передайте мой усердный поклон Вашей супруге.

Ив. Тургенев.

[1] «Дневник провинциала в Петербурге» и «Господа ташкентцы».

213
П. Л. ЛАВРОВУ

Карлсбад, Österreichischer Hof
Суббота, 28 июня ⟨н. ст.⟩ 1873 г.

Любезнейший Петр Лаврович, я только сегодня и здесь получил присланный на мое имя лист, озаглавленный «Русским цюрихским студенткам». Хоть Вы не подписали своего имени, но нет сомнения, что этот

благородный и исполненный достоинства протест вышел из-под Вашего пера. Не знаю, насколько он принесет пользы — но знаю, что общественная нравственность требовала подобного отпора возмутительному манифесту, в котором я не мог не узнать стиль и манеру нашего экс-друга, Михаила Лонгинова, этого первоклассного мерзавца. Спасибо Вам, что Вы написали этот ответ, спасибо также и за то, что вспомнили обо мне.

Что Вы теперь намерены делать? Остаетесь ли Вы в Цюрихе, или переносите пенаты в другое место? И вообще что намерена предпринять Русская цюрихская колония после постигшего ее погрома? [1]

Напишите слова два. Я остаюсь здесь еще до 20-го июля. Пью воды против подагры. В конце июля я снова возвращаюсь в Париж, а в ноябре думаю ехать в Россию.

Дружески жму Вашу руку
и остаюсь преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Имеете ли Вы какие-либо сведения о Вырубове?

[1] 21 мая 1873 года был опубликован приказ царского правительства, предписывавший русским студенткам, обучавшимся в Цюрихе, вернуться в Россию не позже 1 января 1874 года. В правительственном постановлении, которое Тургенев называет «возмутительным манифестом», цюрихские студентки обвинялись в «нравственном растлении», происходящем от дурного влияния на них «коноводов русской эмиграции». Бывший друг молодости Тургенева М. Н. Лонгинов, «стиль и манеру» которого узнал Тургенев, был в то время отъявленным реакционером и занимал пост начальника Главного управления по делам печати.

П. Л. Лавров, стоявший во главе цюрихской революционной эмиграции, ответил на упомянутый выше «манифест» воззванием, в котором охарактеризовал правительственное распоряжение как «возмутительно грубое притеснение и низкую клевету», рассчитанную на то, чтобы «ослабить рост оппозиционной мысли». Лавров призывал учащуюся молодожь к «великой борьбе» во имя «нового строя общества» (см. П. Л. Лавров, Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II, М. 1934, стр. 7—20). Большинство цюрихских студенток разъехались по

другим университетам, иные вернулись в Россию, чтобы принять участие в «хождении в народ». Цюрихская русская колония поредела и фактически прекратила свое существование. П. Л. Лавров в 1874 году переехал в Лондон, где продолжал издание журнала «Вперед», начатое в Цюрихе.

214

П. Л. ЛАВРОВУ

Карлсбад
Воскресенье, 13 июля ⟨н. ст.⟩ 1873 г.

Уважаемый и любезный Петр Лаврович, прошу извинить в том, что не тотчас ответил на Ваше письмо, сопроводившее присылку программы будущего журнала. Жизнь на водах тем и глупа, что ничего не делаешь целый день — а всегда некогда. Начну с того, что весьма желаю быть подписчиком, — серьезным, платящим подписчиком Вашего журнала и прошу Вас высылать его по моему постоянному адресу — rue de Douai, 48, Paris, — а также уведомить, как, где и сколько мне следует заплатить. Программу Вашу я прочел два раза со всем подобающим вниманием: со всеми главными положениями я согласен — я имею только одно возражение и одну appréhension *. Мне кажется, что Вы напрасно так жестоко нападаете на конституционалистов, либералов и даже называете их врагами, мне кажется, что переход от государственной формы, служащей им идеалом, к Вашей форме — ближе и легче, чем переход от существующего абсолютизма — тем более что Вы сами плохо верите в насильственные перевороты и отрицаете их пользу. А подобное заявление с Вашей стороны насчет либералов и парламентарных людей — многих из них отгонит прочь, испугает [1]. Моя же «appréhension» состоит в следующем: как бы Вы не придали Вашему журналу слишком ученого, философского характера, что тоже может повредить его распространению и

---

* Опасение *(франц.)*.

уменьшить его влияние. Впрочем, все это выскажется и определится ipso facto *. А я жду с нетерпением появления 1-го № Вашего «Вперед».

Что касается до бывших наших цюрихских студенток — то, во-первых, наши университетские связи слишком слабы, чтобы послужить им в пользу; а во-вторых, им не надо скрывать от самих себя, что они ни в одном германском, несколько значительном университете не найдут приюта — стоит прочитать небольшую статью, появившуюся во вчерашнем № «Кельнской газеты»: в ней выразилось не только воззрение правительства — но и общества — на допущение студенток на курсы. Надежды тут нет пока — никакой [2].

Через 10 дней я отсюда уезжаю, и хотя буду жить на первое время в окрестностях Парижа, но адрес мой — rue de Douai, 48.

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вашу руку. Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Программа журнала «Вперед», присланная П. Л. Лавровым Тургеневу, была напечатана в первом же номере этого журнала, вышедшего в Цюрихе в августе 1873 года (стр. 1—26).

Возражения Тургенева вызвала прежде всего суровая оценка, которую Лавров в своей программе дал так называемым «легалистам», то есть либеральным сторонникам постепенных реформ. «Легалисты, — писал он, — *признающие* русскую империю как она есть и считающие возможным на почве ее подготовление социального переворота, сами не знают, что говорят». Что касается вопроса о «насильственных переворотах», то здесь Тургенев излагает взгляды Лаврова не вполне точно. Лавров писал: «Мы не имеем в виду вызывать искусственно в России революционное движение, но ни деятельность русского правительства в последний период, ни состав кружков, из которых оно черпает своих деятелей, не дает ни малейшей надежды, чтобы оно обладало достаточным государственным пониманием для того, чтобы не подготовить нашему отечеству тяжелых потрясений и неизбежных переворотов. По всей вероятности, оно вызовет революционные попытки...»

[2] О судьбе цюрихских студенток см. прим. к п. № 213.

---

* На деле *(лат.)*.

215

М. В. АВДЕЕВУ

Буживаль (Bougival) (Sene et Oise)
Maison Halgan
Вторник $\frac{\text{2 сентября}}{\text{21 августа}}$ 1873 г.

Вот уже месяц, как я нахожусь здесь, любезнейший Авдеев, после возвращения из Карлсбада, где я пил воды, дабы, по мере возможности, избавиться от подагры. Буживаль, как Вам, вероятно, известно, небольшое местечко около Парижа с красивым положением и хорошим воздухом. Здесь я нашел накопившиеся в моем отсутствии «русские журналы» и, между прочим, «Биржевые ведомости», в которых я только на днях прочел Ваши этюды о «Героях и героинях русской литературы». Вы отвели мне в них такое почетное место, что я почти не могу решиться сказать Вам, до какой степени эти этюды показались мне умны, тонки и *дельны;* впрочем, Вы довольно меня знаете, чтобы не искать в моих словах выражения благодарности. Этюды эти несомненно мастерские; в них резюмируются главные черты русской жизни за последние 40—50 лет — спокойно и свободно — sine ira et studio *. Но могу сказать, мое удивление возбудил этюд базаровского типа: точно Вы мне в душу забрались и все подметили, на все указали, что я думал тогда, что старался выразить. Все это так, все верно до последних мелочей — и автору, которому Вы воздали высокую похвалу, назвав его *правдивым,* остается только снять шапку и склониться перед проницательностью критика; а приятель крепко жмет приятелю руку.

Надеюсь, что Вы не оставите издать эти замечательные этюды особой книжкой [1].

Пишу Вам через магазин Черкесова, так как я наверное не знаю, где Вы, — и магазин вышлет Вам мое письмо. Я остаюсь здесь и в Париже до конца ноября, а там отправляюсь в Петербург, где проведу месяца два

---

* Без гнева и пристрастия *(лат.)*.

и где надеюсь встретиться с Вами. Черкните мне два слова в ответ. Что, тогдашний план журнала так окончательно и канул в воду?.. Правда, время теперь не такое, чтобы затевать новые журналы[2].

Здоровье мое недурно — воды мне помогли — но работа совсем остановилась и едва ли возобновится.

Желаю Вам от души всего хорошего и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Очерки М. В. Авдеева «Герои и героини русской литературы, представители общественной мысли» печатались в «Биржевых ведомостях» за 1873 год (№ 107, 109, 114, 125, 135, 142, 143, 145, 149, 151, 162, 175, 178, 190, 198, 201). В 1874 году очерки Авдеева вышли в Петербурге отдельной книжкой под названием «Наше общество (1820—1870) в героях и героинях литературы».

В очерке о Базарове М. В. Авдеев опровергает ходячее представление о базаровском нигилизме как об «отрицании ради отрицания». «...Для того, чтобы воздвигнуть что-нибудь положительное и полезное, нужно поверить степень полезности существующих и занимающих место построек, и если найдем их негодными, то и разломать». В смерти Базарова М. В. Авдеев видит не простую случайность. «Не будь этой случайности, — пишет он, — эти люди все равно умерли бы рано, не довершив дела, умерли бы печально и трагически. Передовые бойцы, бросающиеся на твердыню, почти всегда гибнут: она сдается только упорным последователям» (названная книга, стр. 109 и 117). В этих словах слышится явный намек на революционный характер базаровского дела.

[2] О каком журнале идет речь — неясно.

216

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Париж

13 января ⟨н. ст.⟩ 1874 г.

Любезный Яков Петрович! Желая внести свою лепту в «Складчину»[1] и не имея ничего готового, стал я рыться в своих старых бумагах и отыскал прилагаемый отрывок из «Записок охотника», который прошу тебя препроводить по принадлежности. Всех их

напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит; другие — потому, что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу. К числу последних принадлежит и набросок, озаглавленный «Живые мощи». Конечно, мне было бы приятнее прислать что-нибудь более значительное; но чем богат — тем и рад. Да и сверх того, указание на «долготерпение» нашего народа, быть может, не вполне неуместно в издании, подобном «Складчине».

Кстати, позволь рассказать тебе анекдот, относящийся тоже к голодному времени у нас на Руси. В 1841 году, как известно, Тульская и смежные с ней губернии чуть не вымерли поголовно. Несколько лет спустя, проезжая с товарищем по этой самой Тульской губернии, мы остановились в деревенском трактире и стали пить чай. Товарищ мой принялся рассказывать, не помню какой, случай из своей жизни и упомянул о человеке, умиравшем с голоду и «худом, как скелет». «Позвольте, барин, доложить, — вмешался старик хозяин, присутствовавший при нашей беседе, — от голода не худеют, а пухнут». — «Как так?» — «Да так же-с; человек пухнет, отекает весь, как склянка (яблоко такое бывает). Вот и мы в 1841 году все пухлые ходили». — «А!. в 1841 году! — подхватил я. — Страшное было время?» — «Да, батюшка, страшное». — «Ну и что? — спросил я, — были тогда беспорядки, грабежи?» — «Какие, батюшка, беспорядки? — возразил с изумлением старик, — ты и так богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?»

Мне кажется, что помогать такому народу, когда его постигает несчастие, священный долг каждого из нас. Прими, и т. д.

[1] *«Складчина»* — литературный сборник, выпущенный в 1874 году в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. В сборнике приняли участие писатели различных направлений: наряду с произведениями Тургенева, Гончарова, Щедрина, Достоевского в сборнике публиковались сочинения Погодина, кн. Мещерского, Победоносцева и др.

217

П. Л. ЛАВРОВУ

48, rue de Douai
Суббота, 21-го февраля ⟨н. ст.⟩ 1874 г.

Любезнейший Петр Лаврович, я вчера сгоряча обещал немножко более, чем позволяют мои средства: 1000 франков я дать не могу — но с удовольствием буду давать ежегодно 500 фр. до тех пор, пока продержится Ваше предприятие, которому желаю всяческого успеха. 500 фр. за 1874-й год при сем прилагаю.

Буду ждать 2-го тома. Желаю Вам счастливого пути в Англию — а главное — да поможет Вам судьба ⟨*1 нрзб*⟩ свить себе там прочное гнездышко[1]. Поклонитесь от меня да Лопатина не забудьте прислать.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Я выезжаю отсюда 15-го апреля.

[1] Речь идет о ежегодной субсидии, которую Тургенев обещал Лаврову выплачивать для поддержки редактировавшегося им журнала «Вперед», издание которого в 1874 году было перенесено из Цюриха в Лондон. См. прим. 1 к п. № 213.

218

А. А. ФЕТУ

Париж, 48, rue de Douai
16/4 марта 1874 г.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, каким-то чудом (французская почта чрезвычайно исправна — не то что английская) Ваше письмо с уполномочением Толстого прибыло в rue de Douai только вчера, то есть через с небольшим 3 недели! мне этот факт в сущности только потому неприятен, что он мог внушить Вам мысль, что я не умел оценить готовность, с которою

Вы исполнили мою просьбу. А я и Вам и Л. Н. Толстому очень благодарен. Теперь уже сезон на исходе, но я все-таки постараюсь поместить в «Revue des 2 mondes» или в «Temps» его «Три смерти», а к осени непременно напечатаю «Казаков» [1]. Чем чаще перечитываю я эту повесть, тем более убеждаюсь, что это chef d'oeuvre Толстого и всей русской повествовательной литературы. Надеюсь, что он совсем поправился в своем здоровье. Здесь у нас в доме стоял дым коромыслом. Диди 10 дней назад вышла замуж, и теперь юная чета блаженствует и радует нас, стариков [2]. Потом случилась вещь неприятная. Ко мне, после 16-ти-месячного молчания, вернулась подагра, и вот уже целая неделя, как я не схожу с дивана или постели. Что делать! Терпение — больше ничего не остается. Со всем тем мой отъезд в Россию не откладывается. Полагаю выехать отсюда в конце здешнего апреля. Нынешним летом мы увидимся наверное. А до тех пор желаю Вам всяческого благополучия на всех Ваших поприщах: хозяйственном, судебном, педагогическом, литературном, жму Вам крепко руку и прошу передать Марье Петровне мой усердный поклон.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] В письме от 4 марта 1874 года Тургенев просил Фета взять у Толстого и переслать ему доверенность на право перевода произведений Толстого на французский язык. Повесть «Казаки» Тургенев намеревался перевести сам совместно с Полиной Виардо, но перевод осуществлен не был. См. письмо Л. Н. Толстому от 13/1 октября 1878 года.

Л. Н. Толстого Тургенев считал самым крупным русским писателем и потому стремился познакомить с его творчеством зарубежных читателей. Высокие оценки творчества Толстого в устных и письменных отзывах Тургенева многочисленны. В письме к Фету (от 14/2 июня 1871 г.) Тургенев, обеспокоенный болезнью Толстого, писал: «Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротевшей литературы, не может и не должен так же скоро исчезнуть с лица земли, как его предшественники, Пушкин, Лермонтов и Гоголь» (А. А. Фет, Мои воспоминания, т. II, 1890, стр. 235).

[2] *Диди* — Клоди Виардо, дочь Полины Виардо, — «существо, — писал Тургенев, — которое я люблю больше и нежнее всего на свете» («Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу», М. — Л. 1925, стр. 155).

219
ЖОРЖ САНД

Париж, 48, улица Дуэ
Среда, 15 апреля ⟨н. ст.⟩ 1874 г.

Дорогая m-me Санд,

Тотчас же по получении Вашего письма я написал другу нашему Плошю, прося его познакомить Роллина́ со мной. Буду рад услужить ему. Я просмотрел его перевод и нашел его прекрасным [1]. Плошю привезет его, вероятно, завтра вечером. (M-me Виардо принимает по четвергам, на которых много музыки.)

Что скажу я Вам о тех похвалах, с какими Вы отзываетесь о моих «Живых мощах»? Они до того подавляют меня, что я едва осмеливаюсь благодарить Вас за них. Но они доставили мне большое удовольствие, и я должен Вам признаться в одном: я имел намерение посвятить Вам этот маленький рассказ, но Виардо, к которому я обратился за советом, сказал мне, чтобы я подождал, когда напишу что-нибудь более значительное и более достойное Вашего славного имени. Теперь я жалею, что послушался его, потому что кто знает, какова будет моя следующая вещь? Во всяком случае, я прошу Вас верить моему доброму намерению.

Плошю сказал нам, что можно надеяться на Ваш приезд в Париж; и так как я через три недели уезжаю в Россию, то боюсь, что нам придется свидеться только в начале осени. Что делать, надо иметь терпение.

Привет всем Вашим; целую Ваши руки.

Ив. Тургенев.

[1] Эдмо́н *Плошю*, редактор газеты «Temps», был ближайшим другом Жорж Санд в последние пятнадцать лет ее жизни. Плошю познакомил Тургенева с другим литератором из дружеского окружения Жорж Санд — переводчиком Шарлем Роллина; здесь речь идет о его переводе рассказа Тургенева «Бирюк».

220

А. Н. ОСТРОВСКОМУ

С. Спасское-Лутовиново
(Орловской губ., Мценского уезда)
Четверг, 6 июня ⟨ст. ст.⟩ 1874 г.

Любезнейший Александр Николаевич, пишу к Вам из своей деревни, куда приехал вчера. Мне, собственно, следует, по словам Гоголя, назвать себя публично телятиной... Вот в чем дело. Есть на свете один французский писатель, по имени Э. Дюран, который весьма порядочно знает по-русски. Он занимается переводами — и я ему порекомендовал Ваши пиэсы, начиная с «Грозы», как более доступной и понятной французам. Он ее и перевел — и очень недурно: мы вдвоем ее прошли тщательно — я все ошибки выправил, — и с наступлением зимы она, если Ваше на то будет согласие, наверное будет напечатана — а может быть, даже поставлена на одном из хороших парижских театров [1]. В самый день моего отъезда Дюран, который пришел в восторг от «Грозы», принес мне тщательно переписанную рукопись — с тем, чтобы я показал Вам ее и узнал Ваше мнение. Я почему-то непременно надеялся найти Вас в Москве — а ведь виделся с Вашим братом в Петербурге и знал, что он уезжает в деревню! То-то моя глупость! Теперь прошу у Вас следующего разрешения: или Вы поверите мне на слово, что перевод хорош, и пришлете мне позволение ее печатать и отдать, если можно, на сцену (разумеется, я постараюсь сделать это так, чтобы соблюсти Ваш интерес); либо Вы пожелаете посмотреть-таки рукопись. Тогда напишите мне слово в Москву, в дом Удельной конторы, на Пречистенском бульваре. Я там жил у Маслова и оставил там рукопись вместе со многими другими вещами, так как я в деревню приехал ненадолго. Найдя Ваше письмо в Москве, я немедленно распоряжусь и вышлю Вам рукопись в Кинешму, а Вы, прочтя ее, доставьте мне ее (если одобрите) — в Карлсбад (в Богемии) poste restante — я там пробуду 6 недель, начиная с

1-го июля нашего стиля, — буду пить воды, которые так хорошо помогли мне от подагры. Раньше зимы все равно — ни печатать, ни играть «Грозы» не будет возможно; а Вы успеете выправить ошибки, если таковые еще найдутся. Путешественников русских в Карлсбаде много — и Вы можете даже найти оказию.

Dixi et animam salvavi.

Дайте мне знать, как Вы живете-можете, работаете ли — и что именно работаете? В конце года я, быть может, сам прибуду в Россию. А познакомить Европу с Вами — мне вот как хочется!

Поклонитесь от меня любезнейшему Михаилу Николаевичу.

Крепко жму Вам руку и остаюсь
душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

P. S. В Петербурге я видел *«Лес»*. Разыграна пиэса была довольно плохо — но какая это прелесть! Характер «трагика» — один из самых Ваших удачных [2].

[1] Перевод Дюрана не был опубликован. «Гроза» появилась на французском языке лишь в 1885 году в переводе А. Легрелля. 8 марта 1889 года в Париже в театре Бомарше «Гроза» была поставлена в переводе Павловского и Оскара Метенье.

[2] Тургенев находился в Петербурге с 17 по 27 мая 1874 года по старому стилю. «Лес» в Александринском театре он мог видеть 17 мая. Роль трагика Несчастливцева исполнял артист Степанов.

221

С. А. ВЕНГЕРОВУ

Среда, Спасское, 19 июня ⟨ст. ст.⟩ 1874 г.

Милостивый государь. Я сегодня получил Ваше письмо. Отвечу откровенно на Ваш откровенный запрос [1].

Отец мой скончался не в 1836 г., а 30-го октября 1834 г. Мне всего было тогда 16 лет. Ненависть к

крепостному праву уже тогда жила во мне — она, между прочим, была причиной тому, что я, возросший среди побоев и истязаний, не осквернил руки своей ни одним ударом — но до «Записок охотника» было далеко. Я был просто мальчик — чуть не дитя. К тому же отец мой был человек бедный — он оставил всего 130 душ расстроенных и не дававших дохода — а нас было трое братьев. Имение моего отца слилось с имением моей матери, женщины своевольной и властолюбивой, которая одна давала нам — а иногда и отнимала у нас — средства к жизни. Ни ей, ни нам в голову не приходило, что это ничтожное имение (я говорю про отцовское) — не ее. Я прожил три года за границей, не получая от нее ни копейки — и все-таки не подумал потребовать свое наследство; впрочем, это наследство — за выделом того, что следовало моей матери, как вдове, и того, что приходилось на долю братьям, — не многим бы превысило нуль.

Когда же матушка скончалась в 1850 году, я немедленно отпустил всех дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть — и в главном имении не взял ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму. Другой, быть может, на моем месте сделал бы больше — и скорее; но я обещался сказать правду, и говорю ее, какова она ни есть. Хвастаться ею нечего; но и бесчестия она, я полагаю, принести мне не может [2].

Что же касается до другого Вашего желания — то исполнение его гораздо труднее. Я чувствую положительную, чуть не физическую антипатию к моим стихотворениям — и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм — но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете. «Андрей» напечатан в «Отеч⟨ественных⟩ записках» — но в котором году, не помню — в 1845 или 46 [3]. «Параша» вышла отдельной книжкой в 1843 году. В библиотеке Черкесова на Невском, где сохраняется всякий хлам, — Вы, может быть, наткнетесь и на этот.

Засим желаю Вам успеха на избранном Вами поприще — и прошу принять уверение в чувствах искреннего уважения, с которыми остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Ив. Тургенев.

[1] С. А. Венгеров в это время работал над книгой о Тургеневе, вышедшей в 1875 году под названием «Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды Семена Венгерова. Иван Сергеевич Тургенев». В этой книге Венгеров сообщил, какие вопросы он задал Тургеневу. «Вследствие... высокого моего мнения о Вас, — писал Венгеров Тургеневу, — мне и кажется, что Вы, как человек так красноречиво и многозначительно восставший против крепостничества, должны были, сделавшись после смерти Вашего отца владельцем его имения, освободить доставшихся Вам крестьян. Сделали ли Вы это? А если не сделали, то какие *уважительные* причины заставили Вас не осуществить на деле то, что Вы таким искренним и убежденным тоном проповедовали в Ваших прекрасных повестях» (стр. 98—99).

[2] Процитировав в своей книге это место тургеневского письма, С. А. Венгеров заметил: «Да, действительно, бесчестия тут мало, а чести-то наберется довольно много» (стр. 100).

[3] Поэма *«Андрей»* напечатана в № 1 «Отечественных записок» 1846 года с датой — 1845.

222

А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

Bougival (près Paris), maison Halgan
Воскресенье (30) 18-го августа 1874 г.

Любезнейшая Анна Павловна, хотя Вы не просите и, кажется, даже не желаете ответа — однако доверие, которое Вы мне оказали, и чувство симпатического уважения, которое Вы мне внушили, налагают на меня обязанность сказать Вам несколько слов по поводу Вашего письма [1].

Во-1-х) — могу Вас уверить, что Ваш дневник поразил меня своей честной и искренней правдивостью; о комплиментах тут не могло быть и речи. Во-2-х). Что часается до Ваших новых людей... какой я был бы художник (не говоря уже: человек) — если бы я не понимал, что самоуверенность, преувеличение, извест-

ного рода фраза и поза, даже некоторый цинизм, составляют неизбежную принадлежность молодости? Не в этом я упрекаю Ваших знакомых — а в скудости мысли, в отсутствии познаний и, главное: в бедности, в нищенской бедности дарования. Не в том беда, что г-н В. Д. под двенадцатью стишками («Люби не меня, но идею»), с одной стороны, выставляет число, когда он свершил это великое дело — а в том, что стихи его вообще никуда не годятся, что они даже грамматически неправильны и при всей кажущейся рьяности — пошлы и холодны [2]. Беда в том, что г-н В. Д. не может сделать ни одной иностранной цитаты, не впав в грубую ошибку. Не насмешку, как Вы полагаете, вызывает подобная молодежь — а сожаление. Я бы мог назвать Вам молодых людей, с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми — перед которыми я, старик, шапку снимаю, потому что чувствую в них действительное присутствие силы, и таланта, и ума. А там — ничего этого нет — ничего и ничего. И Вы сами скоро в том убедитесь.

Замечу кстати, что некоторые из Ваших знакомых (особенно г-н Д-ъ) производят впечатление более выгодное, чем русский «Лео»; [3] но печать бездарности лежит на всех без исключения.

В-3-х). Как? И Вы, Вы говорите, что я в Базарове хотел представить карикатуру на молодежь. Вы повторяете этот... извините бесцеремонность выражения — бессмысленный упрек! Базаров, это мое любимое детище, из-за которого я рассорился с Катковым, на которого я потратил все находящиеся в моем распоряжении краски, — Базаров — этот умница, этот герой — карикатура?!? Но видно — тут ничего не поделаешь. Как Луи Блана, несмотря на все его протестации, до сих пор постоянно обвиняют в том, что *он* завел народные мастерские (ateliers nationaux) [4], так и мне навязывают желание *уязвить* молодежь карикатурой! Я давно уже с презрением отношусь к этой клевете; не ожидал я, что мне придется возобновить в себе это чувство, читая Ваше письмо.

Теперь перейдем к Вашей «старушке» — то есть к критике — или к публике.

Как всякая старушка, она упорно придерживается предвзятых или ходячих мнений, как бы они ни были неосновательны. Напр.: она постоянно утверждает, что после «Записок охотника» все мои сочинения плохи вследствие моего отсутствия из России, которую я будто бы поэтому и знать не могу. Но этот упрек может относиться только к тому, что я написал *после* 1863 года: до того времени (то есть до моего 45-ти-летнего возраста) я *почти безвыездно* жил в России — за исключением 1848—1850 годов, в течение которых я написал... *именно* «Записки охотника», между тем как «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети» написаны в России [5]. Но это для старушки ничего не значит: son siege est fait *.

Вторая слабость старушки — та, что она постоянно следит за модой.

Теперь мода в литературе на политику: все, что не политика — для нее *вздор* или даже *нелепость*.

Как-то неловко защищать свои вещи — но вообразите Вы себе, что я никак не могу согласиться, что даже «Стук-стук» нелепость. Что же оно такое? спросите Вы... А вот что: посильная студия *русского самоубийства,* которое редко представляет что-либо поэтическое или патетическое, а напротив, почти всегда совершается вследствие самолюбия, ограниченности, с примесью мистицизма и фатализма. Вы мне скажете, что моя студия мне не удалась... Быть может; но я хотел только указать Вам на право и уместность разработки чисто психических (не политических и не социальных) вопросов.

Старушка также упрекает меня в недостатке убеждений.

На это может послужить ответом вся моя 30-летняя литературная деятельность. Ни за одну строчку, написанную мною, мне не приходилось краснеть — ни от одной отказаться. Пусть кто другой скажет то же самое! А впрочем пусть себе старушка болтает! Я на нее не обращал внимания и прежде: не начинать же теперь!

---

* Ее приговор произнесен *(франц.)*.

Я не знаю, напишу ли я свой роман:[6] и знаю наверное, что в нем много будет недостатков... Но позвольте, любезнейшая Анна Павловна, отчего же новые молодые люди не берутся за эти задачи? Мы, старики, охотно уступили бы им «честь и место» — и первые порадовались бы приливу новых сил. Но на литературной арене подвизаются беллетристы «Дела»[7] — да «люди особой породы» — вроде г-на В. Д.

Видите, любезная Анна Павловна, что не Вы одни умеете говорить полную и беззаветную правду. Надеюсь, что и Вы не рассердитесь на нее — и примете сказанное мною — ну хоть к сведению.

Я все еще болею подагрой — добрался до Буживаля — но хожу еще на костылях и раньше месяца в Париж не попаду. Вы можете быть уверены, что я найду средство — в целости и сохранности доставить Вам Ваш портфель.

А засим прошу Вас принять выражение моего уважения и верить в его искренность. Преданный Вам

Ив. Тургенев

[1] В 1874 году общественная деятельница А. П. Философова передала И. С. Тургеневу портфель с материалами и документами (письма, дневники, стихотворения), характеризующими новую молодежь народнического толка; в числе прочих бумаг был и ее личный дневник.

[2] *В. Д.* — это В. Г. Дехтерев, участник революционного движения, студент-медик. Его стихотворение *«Люби не меня, но идею»*, так не понравившееся Тургеневу, было иронически упомянуто в «Нови» и приписано комическому персонажу этого романа — Кислякову. В главе XVII «Нови» Нежданов читает письма Кислякова: «В одном из писем находилось и социалистическое стихотворение, обращенное к одной девушке и начинавшееся словами:

Люби не меня — но идею!»

[3] *Лео* — герой романа Фридриха Шпильгагена «Один в поле не воин». Русским Лео Тургенев иронически именует здесь В. Г. Дехтерева.

[4] После революции 1848 года во Франции буржуазное временное правительство, якобы для помощи безработным, устроило так называемые «национальные мастерские», которые никакой существенной пользы им не принесли. Идея создания «национальных мастерских» Луи Блану действительно не принадлежала, но связывалась с его именем потому, что Луи Блан, считавшийся представителем рабочих, на деле проводил политику соглашения с буржуазными партиями.

[5] Упреки в незнании русской жизни из-за долгого пребывания за границей часто раздавались по адресу Тургенева в русской критике 70-х годов. Так, например, Н. К. Михайловский в связи с повестью Тургенева «Пунин и Бабурин» и рассказом «Наши послали!» писал в 1874 году: «Очевидно, г. Тургенев зажился за границей. Он полагает, что эпизод из истории революции 1848 года («Наши послали!») и русского революционера можно нарисовать одними и теми же красками... Я уверен также, что если г. Тургенев поживет, наконец, в России хоть год, ему станет обидно за эту смесь французского с нижегородским» («Сочинения Н. К. Михайловского», т. 2, СПб. 1896, стр. 674—675).

[6] «Новь».

[7] Беллетристы, сотрудничавшие в журнале «Дело» (Н. Ф. Бажин, И. В. Омулевский-Федоров, А. К. Шеллер-Михайлов и др.), в своих романах и повестях пытались создавать образы «новых людей», однако эти попытки были не всегда удачны в художественном отношении, а иной раз, как, например, в многочисленных романах Шеллера-Михайлова, поверхностны и неубедительны по своему идейному замыслу.

223

А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

Bougival, maison Halgan, près Paris.
Середа (23) 11-го сент. 1874 г.

Ваше письмо так мило и симпатично, любезная Анна Павловна, что я не хочу медлить с ответом.

Вы начали с Базарова: и я с него начну. Вы ищете его в действительной жизни; и Вы его не найдете: я Вам сейчас скажу почему. Времена переменились; теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою без всякого блеску и треску — нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы — я беру слово: низменной в смысле простоты, бесхитростности, «terre à terre'а» *. Что может быть, например, «низменнее»

* Будничности *(франц.)*.

учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом — тут даже о *призвании* говорить нельзя (не упоминая уже о *звезде* г-на В. Д.!) [1]. Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова — вот все, что нужно.

А Базаров все-таки еще тип, провозвестник, крупная фигура, одаренная известным обаянием, не лишенная некоторого ореола: это все теперь неуместно — и смешно толковать о *героях* или *художниках* труда. Блестящих натур в литературе, вероятно, не проявится; те, которые бросятся в политику, только даром погубят себя. Все так, но примириться с этим фактом, с этой серенькой средой, с этой скромной действительностью многие не могут сразу; особенно впечатлительные и энтузиастические женщины, как Вы. Что бы Вы ни говорили — Вам все-таки хочется восторгаться и увлекаться; Вы сами пишете, что Вы желаете преклоняться: а перед *только полезными* людьми не преклоняются. Мы вступаем в эпоху *только полезных* людей... и это будут лучшие люди. Их, вероятно, будет много; красивых, пленительных — очень мало. А в Вашем исканий Базарова — «настоящего» — все-таки сказывается, быть может бессознательно, жажда красоты — конечно своеобразной. Эти все мечты надо бросить.

Я бы первый не стал упрекать Ваших знакомых в отсутствии даровитости, если б они на нее не претендовали: будь они усердные труженики — ничего бы не оставалось желать: но коли уж они становятся на дыбы и заявляют притязание на удивление — то нельзя не напомнить им, что они никаких прав на это удивление не имеют. Увы, Анна Павловна, мы не увидим людей-типов, тех *новых* людей, о которых так много толкуют. Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности. Я сейчас сказал, что Вы их не увидите... Вы еще молоды — Вы доживете до тех дней. Я — другое дело.

А пока будем сами учиться азбуке и учить других — и добро делать помаленьку — в чем Вы уже преуспеваете [2].

Письмо Вашего сына, которое я Вам возвращаю, очень хорошо и тепло. Да поступит и он в ряды полезных рабочих и *народных* слуг! (как некогда были царские слуги.)

Не знаю, насколько Рагозин самолюбив, во всяком случае он этого не высказывает — и не носится с самим собою. В совете, данном им — высказывается не столько недоверия ко мне, сколько участия к Вам.

Здоровье мое поправляется, — и я, вероятно, скоро перееду в Париж, rue de Douai, 50.

Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] См. прим. 1 и 2 к п. № 222.

[2] По инициативе А. П. Философовой в 1870 году были созданы первые общеобразовательные женские курсы в Петербурге, в 1872 году — Высшие женские медицинские курсы; в 1873 году во время голода в Самарской губернии А. П. Философова возглавляла Петербургский комитет помощи голодающим. Одним из участников этого комитета был и упоминаемый ниже Е. Рагозин.

224

А. А. ФЕТУ

Париж, 50, rue de Douai
Пятница, 9-го октября/27-го сентября 1874 г.

Вас удушье мучит, любезнейший Афанасий Афанасьевич, — а меня подагра терзает: веселенькие пейзажики! Я должен был бросить карлсбадское леченье — и, приехав в Буживаль около Парижа, подвергся еще нескольким припадкам и до сих пор хожу на каких-то гнилых и болеющих подпорках вместо ног. Переехал в Париж и посмотрю, что выйдет: по крайней мере зябнуть не буду.

Подумаешь, как разнятся вкусы и воззрения! Вас сокрушает мысль, что везде происходят разбои, — а мне противна гнусная, безвозвратная, филистерская тишина и мертвая проза, которая водворяется повсюду —

особенно во Франции! Подобного мизерного «terre à terre'a» *— еще никогда не бывало! Наступило царство пошляков — Мак-Магонов — мы конца его не увидим; и глубокое спасибо Мефодию Каткову, что он выстрелом в горб Леонтьева нарушил — правда, немного — эту пакостно-кислую тишину! В этом выстреле меня особенно умиляет то, что произвел его брат Каткова, который только что успел протрубить, что револьвер берут в руки одни нигилисты, — и стрелял Мефодий в отмщенье своим детям, заклеванным латынью! Браво, Мефодий! Приходится верить в «иронического» бога Гейнриха Гейне. Все, что у меня осталось ненависти и презрения, я перенес всецело на Михаила Никифоровича, самого гадкого и вредного человека на Руси — и радуюсь всякой совершающейся над ним пакости [1].

Этих чувств Вы, конечно, не разделяяете. У Вас нет куропаток, а у меня есть зятек, муж моей дочери, который, несмотря на мое запрещение, ездил охотиться в мой лес и все там выколотил или распугал — так что когда я сунулся туда — всякой дичи и след простыл. Правда, тот же самый зятек убубухал все приданое моей дочери — 150 000 франков! Я Вам говорю — пейзажи веселые.

А Щедрина Вы напрасно не читаете; там бы Вы нашли штуки еще забавнее Шаха с Макмагоншей'[2]. Или уж так строго запрещение Михаила Никифоровича? Но ведь Вы в деревне: может быть, он не узнает — или, узнавши, помилует... Радуюсь успехам Пети; очень уж он только рассудителен и консервативен. В зрелые годы это даже очень хорошо; а за молодого консерватора мне что-то всегда жутко: Sie entpuppen sich manchmal ganz hässlich **. Будем надеяться, что с Петей ничего подобного не случится.

Желаю Вам первого... нет не первого, единственного блага на земле — здоровья, кланяюсь Марье Петровне и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

* Здесь: ничтожества *(франц.)*.

** Они вылупляются из куколки иной раз довольно безобразными *(нем.)*.

[1] *Мефодий* Никифорович Катков — брат Михаила Никифоровича Каткова, с которым Тургенев, возмущенный его исступленной реакционностью, в начале 70-х годов окончательно порвал отношения. 11 сентября 1874 года Мефодий Катков стрелял в профессора П. И. Леонтьева, защитника так называемого классического образования, давнего соратника М. Н. Каткова. Подробнее об этом см. «И. С. Тургенев». Сборник Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, М. 1940, стр. 134—136.

[2] В очерке Салтыкова-Щедрина «Зиждитель» («Отечественные записки», 1874, № 4) дана сатирическая сцена беседы персидского шаха с женой Мак-Магона.

225

П. Л. ЛАВРОВУ

Париж, 50, rue de Douai
Суббота, 5 декабря ⟨н. ст.⟩ 1874 г.

Любезнейший Петр Лаврович, виноват, что не тотчас отвечал Вам и не поблагодарил за присылку брошюр, которые я прочел со вниманием и удовольствием. В Вашей полемике против Ткачева Вы совершенно правы; но молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное и внезапное... Им кажется, что медленно приготовляют только медленное — вроде постепенных реформ и т. д. [1]. Но самое впечатление выносят молодые люди из чтения Вашего журнала [2], который в большом количестве проник в Россию и получил там авторитет и значение. Жду с нетерпением третьего тома. Надеюсь, что он в дельности не уступит второму.

Меня в России в начале июня схватила подагра — и только теперь начинает ослабевать. Это многому и много помешало. Впечатления, вынесенные мною с родины, не могут быть вкратце высказаны: в общей сложности они не дурны — хотя во всех официальных сферах и в литературе утешительного мало. Особенно литература находится в совершенном упадке — всякие живые воды в ней иссякли — это чувствуется всеми.

Я видел здесь нашего несокрушимого юношу Л⟨опати⟩на; он умница и молодец попрежнему — и сообщил мне много интересных фактов — светлая голова!

Я остаюсь в Париже до весны; может быть, приеду в Лондон на несколько дней в начале будущего года, но это не наверно.

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] В 1874 году П. Н. Ткачев издал брошюру «Задачи революционной пропаганды в России», в которой доказывал, что русский крестьянин, этот «революционер по инстинкту», уже готов к революции и нужно только одновременно в нескольких местах разбудить в народе чувство недовольства, чтобы произошло объединение революционных сил, и тогда победа народа будет обеспечена. П. Л. Лавров ответил ему брошюрой «К русской социально-революционной молодежи». Полемизируя с Ткачевым, он говорил о том, что подготовка революции — дело длительное, что необходимо «учить народ» и путем пропаганды подготовлять его к решительной борьбе. Ф. Энгельс оценил взгляды П. Н. Ткачева как «сверхребяческое представление о ходе революции» и высмеял его мысль о том, будто «революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар...» (Ф. Энгельс, Об общественных отношениях в России (1875) — в книге: «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2, 1951, стр. 205—206).

[2] «Вперед».

226

А. А. ФЕТУ

Париж, 50, rue de Douai
Четверг, 10 декабря/29 ноября 1874 г.

Любезный Шеншин, сегодня я получил Ваше письмо, а четвертого дня пришло ко мне письмо Полонского, из которого выписываю Вам следующий пассаж:

«Фет (Шеншин) распустил про тебя, будто ты в свой последний приезд говорил с какими-то юношами (слышал: с племянниками Милютина, порученными надзору и попечению Ф. Ш.) и старался заразить их жаждой идти в Сибирь. В первый раз я слышал это от Маркевича у кн. Мещерского тому назад недель пять, шесть. На днях я опять слышал повторение этого слуха с тою же ссылкой на Ф. Ш.».

Вспоминая свой разговор у Милютиной с ее сыном и Петей и зная Вашу охоту к преувеличению и прочие привычки, говорю Вам без обиняков, что я вполне верю

тому, что Вы действительно произнесли слова, которые Вам приписывают, и потому полагаю лучшим прекратить наши отношения, которые уже и так, по разности наших воззрений, не имеют «raison d'être» *[1]. Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и *мировым судьею,* который серьезно упрекает *здоровенных* мужиков, зачем они *не отбили концом дуги печенок у пойманного вора,*— и даже хвастается этим, словно не понимая безобразия своих слов[2].

Откланиваясь Вам не без некоторого чувства печали, которое относится, впрочем, исключительно к прошедшему, желаю Вам всех возможных благ и преуспевания в обществе гг. Маркевичей, Катковых и других ejusdem farinae **.

Передайте также мой прощальный привет Вашей любезной супруге, с которой мне уже, вероятно, не придется свидеться.

Ив. Тургенев.

[1] Идейные разногласия между Фетом и Тургеневым существовали уже в начале 60-х годов. Тургенева всегда раздражали реакционно-крепостнические взгляды и суждения Фета, принимавшие иной раз анекдотический характер. В 70-х годах расхождения между Тургеневым и Фетом еще более усилились. 16 июля 1870 года Тургейев писал из Спасского Я. П. Полонскому: «Живется мне здесь — ничего, — хорошо, и, кроме рассуждений Фета, я еще никаких безобразий не встречал. Он страшно обрюзг, все еще пишет стихи, а главное — врет чушь несуразную, не столь часто забавную, как прежде» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб. 1884, стр. 177).

[2] В течение десяти лет (1867—1877) Фет был мировым судьей 3-го участка Мценского уезда.

227

А. С. СУВОРИНУ

Париж
14 февраля ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Любезнейший А. С. (в первом моем письме я неправильно написал Ваше отчество, в чем извиняюсь) — мне бы давно следовало отвечать на Ваше подробное и

* Смысла *(франц.)*.
** Из того же теста *(лат.)*.

крайне интересное письмо — да все никак не мог собраться. Примите хотя позднее спасибо за все сведенья, которые Вы сообщили мне — за передачу современной петербургской физиономии, которая никому так не известна и никому так не дается, как Вам. Не нужно мне Вам сказать, как искренно я сожалел о катастрофе, постигшей «П⟨етер⟩бургские ведомости» — и особенно об исчезновении Ваших фельетонов, которых я всегда ожидал с нетерпением [1]. Неужели Ваше молчание долго продолжится? Я уже писал Стасюлевичу, что я на его бы месте непременно завербовал бы Вас к себе — и печатал бы каждое первое число все 4 воскресных фельтона — сподряд. Мысль эта простая и отличная; я не сомневаюсь, что и он находит ее такою — но, быть может, он обуреваем страхом и желает дать время грозе пройти. Во всяком случае, Вы очень хорошо сделаете, собравши воедино лучшие из Ваших статей — и я заранее заявляю претензию на один экземпляр.

«С.-П⟨етер⟩бургские ведомости» я, разумеется, больше не получаю — и только из других журналов узнаю о совершаемых в них безобразиях. История с Маркевичем меня не удивила. Патрон его — то есть один из его патронов, Лонгинов, исчез: [2] кого-то посадят на его место? Пожалуй, еще худшего. Мне иногда потому только досадно на свою лень, не дающую мне окончить начатый мною роман, что две, три фигуры, ожидающие клейма позора, гуляют, хотя с медными — но не выжженными еще лбами. Да авось я еще встряхнусь. Хотя я не Гюго — и Маркевич не Наполеон III, но приятно повторять про себя: «Oui, je tiens le fer rouge — et vois ta chair fumer» [3]. Силы у меня небольшие — но, так же как «по Сеньке шапка», можно сказать — «по спине палка». Чего Щедрин смотрит? Впрочем, и он находится под дамокловым мечом. Да и то нужно сообразить: художественное воспроизведение — *если оно удалось* — злее самой злой сатиры. Поживем, увидим... а стараться рады.

Какую неожиданную штуку выкинул этот московский издатель с моим рассказцем: «Стучит» [4]. Вот наглость! И ничего поделать нельзя.

Не знаю, когда я попаду в Россию. Вероятно, к зиме. Если я наконец одолею свой роман, то непременно привезу его тогда с собою.

Время, в которое мы живем, сквернее того, в котором прошла наша молодость. Тогда мы стояли перед наглухо заколоченной дверью; теперь дверь как будто несколько приотворена, но пройти в нее еще труднее.

Здоровье мое поправилось — так что даже предлога нет не работать. Надеюсь, что и Вы не поддаетесь — хотя какие падали на Вас удары! Надо бороться до конца.

Топоров Вам, вероятно, доставил уже экземпляр последнего издания моих сочинений. Примите его, как от человека одного с Вами лагеря, который и сочувствует Вам и дорожит Вашим сочувствием. Дайте себе труд перечесть «Пунина и Бабурина». Я эту вещь переделал и поправил — и хотя все еще ею недоволен — но мне кажется, в ней что-то есть. Но и это, может быть, самообольщение старика насчет последнего своего детища?

Загляните тоже в I-м томе в статейку об Иванове[5].

Напишите мне опять — и я Вам буду отвечать, не слишком мешкая, а теперь жму Вам крепко руку, желаю Вам всего хорошего и остаюсь преданный Вам.

[1] В конце 1874 года «С.-Петербургские ведомости» по распоряжению Главного управления по делам печати, во главе которого стоял М. Н. Лонгинов, были переданы Ф. П. Баймакову. Прежний владелец газеты В. Ф. Корш был отстранен от редактирования. Одним из мотивов, выставленных при этом, были фельетоны А. С. Суворина, направленные против реакционной журналистики. А. С. Суворин, писавший под псевдонимом «Незнакомец», в то время стоял на либеральных позициях, даже с оттенком радикализма. В эпизоде с «С.-Петербургскими ведомостями» скандальную роль сыграл реакционный беллетрист. Б. М. Маркевич, служивший в министерстве народного просвещения: за крупную взятку, полученную от Баймакова, он «содействовал» отстранению В. Ф. Корша. История получила огласку, и Б. Маркевич был в 24 часа уволен со службы и лишен придворного звания камергера.

[2] М. Н. Лонгинов умер в 1875 году.

[3] *«Да, я держу раскаленное железо — и вижу, как дымится твое мясо»* — из сборника стихов В. Гюго «Возмездие», направленного против Наполеона III и его клики.

[4] В 1875 году московский издатель А. Михайлов выпустил отдельным изданием рассказ «Стучит» в переводе с французского языка (из газеты «Temps»), в то время как в первом томе Собрания сочинений Тургенева, изд. бр. Салаевых (1874), рассказ был издан в оригинале.

[5] «Поездка в Альбано и Фраскати (Воспоминание об А. А. Иванове)» впервые опубликовано в журнале «Век», 1861, № 15. В первом же томе Собрания сочинений 1874 года напечатано в составе «Литературных и житейских воспоминаний».

228

Г. П. ВЫРУБОВУ

51, Rue de Douai
Середа, 17 февраля ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Любезнейший Григорий Николаевич! В будущую *субботу,* 27 февраля, в доме г-жи Виардо дается литературно-музыкальное утро (в 2 часа ровно) с участием г-жи Виардо, г-жи Есиповой и Давыдова, Г. И. Успенского, Курочкина и Вашего покорного слуги[1]. Вырученные деньги будут употреблены на основание русской читальни для неимущих студентов. Хотите Вы взять билет? Цена ему *15 франков.* Дайте мне знать — и он будет Вам доставлен. Не захочет ли также кто-нибудь из Ваших знакомых? Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] Литературно-музыкальное утро состоялось 15(27) февраля 1875 года. В нем приняли участие Полина Виардо, А. Н. Есипова (выдающаяся пианистка, профессор Петербургской консерватории), К. Ю. Давыдов (известный виолончелист, профессор и директор Петербургской консерватории), Глеб Успенский, поэт-сатирик Н. С. Курочкин и сам Тургенев, прочитавший свой рассказ «Стучит» и очерк Глеба Успенского «Ходоки» (повидимому, из «Книжки чеков»).

В письме из Парижа к Н. К. Михайловскому Г. И. Успенский сообщал: «Тургенев прочел мой рассказ «Ходоки», и прочел превосходно. Я не присутствовал на чтении, но присутствовал на приготовлении к чтению: Тургенев прорепетировал этот рассказ раз 7—8, изучил, где каким голосом, как и что сказать, до мельчайших подробностей. Я из сил выбился слушать его, но зато вышло отлично» (Г. И. Успенский, Полн. собр. соч., т. 13, изд. АН СССР, 1951, стр. 152).

229
М. А. МИЛЮТИНОЙ

Париж
22 февраля ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Однако задали Вы мне задачу, любезнейшая Мария Агеевна! Я полагаю, такой задачи еще ни один сочинитель не получал. Определить мое собственное миросозерцание... да еще в сжатом виде, в письме?!

Отнестись либо отрицательно, либо юмористически к подобному вопросу было бы легко и даже естественно... Не менее естественно и правдиво было бы сказать: а господь его знает! Не знаю же я собственного лица! Но так как мне не хотелось бы огорчить Вашего сына (хотя, признаюсь откровенно, не могу не дивиться, какие странные задачи предлагают воспитанникам низших учебных заведений!!), скажу вкратце, что я преимущественно реалист, и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю, люблю больше всего свободу и, сколько могу судить — доступен поэзии. Все человеческое мне дорого, славянофильство — чуждо, так же как и всякая *ортодоксия*. Кажется, сказал довольно, а в сущности все это — одни слова! Больше ничего не имею доложить Вам о себе.

А прочесть, со временем, сочинение Вашего сына по этому предмету — будет весьма интересно!

Благодарю Вас за сообщенные известия о себе... И у нас не обходится без тревог и хлопот.

...Но теперь все снова вошло в свою обычную колею — *что лучше всего*. О! блаженная прелесть однообразия и сходства нынешнего дня со вчерашним!.. Этою прелестью я наслаждаюсь вполне. Подагра меня оставила пока в покое: все *мои* здесь здоровы, не исключая и новорожденной девочки (дочери моей милой Claudie (Клавдии), внучки г. Виардо). Стало быть, и желать более нечего! К великому моему удовольствию, я к тому же и не работаю.

Радуюсь, что Антокольский взялся за Пушкина [1], и не удивляюсь, что бюст Вашего мужа ему не удался: портрет не по его части.

Кстати о портретах: живописец Харламов, здесь проживающий, написал удивительные портреты г-на и г-жи Виардо и пишет теперь мой [2].

Передайте мой дружеский поклон всем Вашим и примите уверение в искренней привязанности преданного Вам.

[1] М. М. Антокольский работал в 1875 году над проектом памятника Пушкину.

[2] Портрет Тургенева был написан Харламовым в том же 1875 году.

230

А. С. СУВОРИНУ

Париж
14 марта ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Вы мне пишете такие большие и интересные письма, любезнейший Алексей Сергеевич, что мне совестно отвечать на коротке; оттого-то я и медлю...

Вторник, 1(13) апреля. Я на этом остановился, а Вы мне с тех пор написали еще письмо, да такое милое, что просто чудо! Приношу повинную голову и отвечаю по пунктам.

1) Курьер был у меня и принес мне свою книгу [1]. Это — какой-то, как говаривали в старину, хлыщ, смахивающий на commis-voyageur'а * или на ветеринарного врача: круглоголовый, плечистый, с каменными глазами и хриплым голосом. Вы совершенно верно оценили его книгу: он кое-чего нахватался в бытность свою на Руси, но все это очень спешно, поверхностно и написано плохим, нелитературным языком. Вам бы написать книгу о новейшей российской словесности: вышло бы лучше, чем у Курьера и даже чем у О. Миллера [2].

---

* Приказчика *(франц.)*.

2) С нетерпением жду первого выпуска Ваших очерков. Портрет Л. Н. Толстого выйдет у Вас наверно хорошо [3]. Талант из ряду вон, но в «Анне Карениной» он, как говорят здесь, a fait fausse route: * влияние Москвы, славянофильского дворянства, старых православных дев, собственного уединения и отсутствие настоящей художнической свободы. Вторая часть просто скучна и *мелка*, вот что горе! Что касается биографических подробностей обо мне — то все данные у Полевого [4] верны — и других, кажется, собирать не стоит (у него имя моего отца, помнится, поставлено неверно — звали его Сергеем Николаевичем, мать — Варварой Петровной Лутовиновой, родился я 28 окт. 1818 г.). В «Пунине и Бабурине» действительно много автобиографического. Мысль Ваша очень хорошая: на Вашем месте я бы съездил в Москву, познакомился бы с Писемским, что очень легко: его стоит посмотреть поближе. Я не отказываюсь сообщить Вам обещанные подробности о разных писателях, с которыми мне пришлось сталкиваться: но боюсь я собственной лени, перо как-то валится из рук, в какие-нибудь два часа я бы наговорил Вам с три короба! Весьма вероятно, что после Карлсбада, куда я попаду в конце мая, я проберусь в Россию — не встретимся ли там?

А у Вас — история за историей! Не успел остыть Маркевич, как уже закипел Овсянников! [5] Новофинансовый мир Ваш совсем мне незнаком, а какие там должны скрываться прелести! Из фельетонов Ваших я мог убедиться, что Вам все это довольно известно. Что бы Вам сочинить нечто вроде прудоновского «Manuel de la Bourse» [6], только в юмористически-сатирическом роде?

После 40 лет жить точно не совсем весело, особенно в течение первых десяти лет. Ну а потом под влиянием холодка, веющего от могилы, человек успокаивается. Мне одна петербургская немка-старуха, бывало, говаривала: «Под старость *жисть* подобна есть мухе: пренеприятный *наксеком*. Надо *терпейть!*» Именно: надо *терпейть!*

---

* Сбился с дороги *(франц.)*.

Примите мое искреннее спасибо за Ваши письма: я их читаю с великим удовольствием — в том Вы можете быть уверены. И в том Вы можете быть уверены, что я ни одного не оставлю без ответа, хотя иногда несколько позднего.

N3. Пожалуйста, не верьте, как это у нас делают почти все, в неизбежное торжество бонапартизма во Франции: *мы не увидим конца* республики, правда, весьма буржуазной и смирной.

Засим крепко жму Вам руку.

[1] Селест Курьер, «История современной русской литературы» («Histoire de la littérature contemporaine en Russie»), издана в Париже, в 1875 году.

[2] Имеется в виду книга О. Миллера «Русские писатели после Гоголя» (1874).

[3] В 1875 году вышла в свет книга А. С. Суворина «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок незнакомца», кн. 1 и 2. В разделе «Из записок фельетониста» был помещен очерк «Гр. Л. Н. Толстой».

[4] То есть в «Истории русской литературы» П. Н. Полевого, СПб. 1872.

[5] О Маркевиче см. прим. 1 к п. № 227. С. Т. Овсянников — купец-мукомол, владевший миллионными подрядами военного министерства; опасаясь, что эти подряды перейдут к конкуренту, устроил поджог его мельницы.

[6] «Руководство для биржевого спекулянта» (1853).

231

П. Л. ЛАВРОВУ

Буживаль. Bougival (près Paris), Les Frênes
Четверг, 9 апреля ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Я виноват перед Вами, любезный Петр Лаврович,— не торопился ответом на Ваше письмо, сопровождавшее посылку двух книг, — я откладывал ответ, потому что мне хотелось в то же время сказать Вам мое мнение — если не о Вашем сочинении, которое требует внимательного изучения, — то по крайней мере о «сказке» Вашего молодого приятеля [1]. Но и эту сказку мне удалось прочесть только на днях. И вот что я имею сказать

Вам. Автор — человек с талантом, владеет языком — и весь его труд согрет жаром молодости и убеждения. Но тон не выдержан. Автор не дал себе ясного отчета — для кого он пишет — для какого именно слоя читающей публики? Последствием этого — сбивчивость и неровность изложения. То для народа писано, то для более — если не образованного, — так более литературного слоя. Не избежал также автор того, что я готов бы назвать певучей риторической или московской манерой, — напр.: самое начало; мне кажется, чем меньше таких уснащиваний — тем лучше. Но повторяю — у Вашего знакомого есть и талант и огонь — пусть он продолжает трудиться на этом поприще!

Вы спрашиваете меня о здоровье и работе. Здоровье — недурно; работа — отсутствует. Кажется, я окончательно подал в отставку. Я остаюсь здесь до половины ноября — а там в Париж.

Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о «сказке» писателя-народника С. М. Степняка-Кравчинского «Мудрица Наумовна», рассчитанной на распространение среди народа в целях революционной пропаганды.

252

М. Е. САЛТЫКОВУ

Буживаль
28 октября ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Очень меня обрадовало Ваше письмо, любезнейший Михаил Евграфович, — а то я начинал уже беспокоиться. Считаю это письмо самым приятным подарком для сегодняшнего дня моего рождения. (Мне минуло 57 лет — возраст, как изволите видеть, хороший.) Радуюсь тому, что Вы нашли себе уголок по вкусу в Ницце, — только боюсь, как бы милая и юмористическая г-жа Д⟨анилова⟩ вдруг не попросила у Вас денег![1] Впрочем, это беда небольшая при твердости и

крепости духа. Но Вы больше суровы, нежели тверды! Особенно в деле отказа.

Перехожу к Вашему последнему рассказу в «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩». Я вчера получил окт. номер — и, разумеется, тотчас прочел «Семейный суд», которым остался чрезвычайно доволен. Фигуры все нарисованы сильно и верно: я уже не говорю о фигуре матери, которая типична — и не в первый раз появляется у Вас — она, очевидно, взята живьем — из действительной жизни. Но особенно хороша фигура спившегося и потерянного «балбеса». Она так хороша, что невольно рождается мысль, отчего Салтыков вместо очерков не напишет крупного романа с группировкой характеров и событий, с руководящей мыслью и широким исполнением? Но на это можно ответить, что романы и повести — до некоторой степени пишут другие — а то, что делает Салтыков, — кроме его некому. Как бы то ни было — но «Семейный суд» мне очень понравился, и я с нетерпением ожидаю продолжения описания подвигов «Иудушки» [2]. Вы жалуетесь, что Вам приходится ужасно много писать и работать; а я, грешный человек, вместо того чтобы сожалеть о Вас, завидую Вам (разумеется, с условием, что эта работа не вредит Вашему здоровью), — я-так — совершенно разучился и работать и писать — и едва ли когда-нибудь слажу с своей ленью, с своим равнодушием. А что Россия-матушка всюду сопровождает Вас — Вы на это тоже не жалуйтесь: ей еще долго придется подвергаться Вашим операциям, а потому она хоть и кричит, а лезет к Вам в виде различных «принцев» Редкиных и «маркиз» Баратынских. Из своих недр эта среда все-таки никого не выдвинет.

Врага Вашего Соллогуба я со времени знаменитой сцены больше не видел; [3] но он все еще здесь и, говорят, опять потерял свою комедию — и, представьте! — опять ее ищет. Бывают же такие чудаки!

Анненков вернулся, наконец, в Баден-Баден — и поселился: Sophien-Strasse, № 4. Я уверен, что письма Ваши к нему затерялись; а то бы он непременно отвечал Вам: человек он аккуратный и Вас любит.

Впрочем, я завтра ему напишу.

А что Вы скажете про московскую катастрофу с Струсбергом и т. д. Характерная вещь! Мой издатель Салаев потерял в этой передряге — 55 000 р. сер. [4].

Я здесь остаюсь еще неделю — а там переезжаю в Париж, 50, rue de Douai, куда прошу адресовать Ваши письма.

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вашу руку.

[1] *Данилова* — владелица отеля в Ницце, в котором жил Салтыков. Опасения Тургенева вызваны были тем, что, как сообщал Салтыков П. В. Анненкову, «по временам хозяйка украдкой ездит в Монтекарло и проигрывается там».

[2] Очерк Салтыкова-Щедрина входил в цикл «Благонамеренные речи». Впоследствии Щедрин, быть может, не без влияния приведенного отзыва Тургенева, изъял из цикла все связанное с историей семейства Головлевых, создав на этой основе свой знаменитый роман «Господа Головлевы».

[3] В начале октября 1875 года Соллогуб прочел Тургеневу и Щедрину свою новую комедию, в которой высмеивалось молодое поколение. В связи с этим между Салтыковым и Соллогубом произошла ссора. 17/5 октября 1875 года Тургенев рассказал об этом эпизоде в письме к Вревской. «Салтыков взбесился, — писал он, — обругал его, да чуть с ног не свалился от волнения, я думал, что с ним удар сделается... Он мне напомнил Белинского. Тяжелая была сцена!» (Щукинский сборник, вып. V, М. 1906, стр. 475).

[4] Аферист Струсберг благодаря сделкам с директорами Московского коммерческого ссудного банка взял ссуду в 7 миллионов, ничем ее не обеспечив, что привело к судебному процессу и закрытию банка.

233

М. Е. САЛТЫКОВУ

Париж
25 ноября ⟨н. ст.⟩ 1875 г.

Петр Великий, говорят, когда встречал умного человека, целовал его в голову; я хоть и не Петр и не Великий — а, прочитав Ваше письмо от 30 ноября, охотно бы облобызал Вас, любезнейший Михаил Евграфович, — до того все, что Вы говорите о романах Гонкура и Зола — метко и верно [1]. Мне самому все это смутно

мерещилось — словно под ложечкой сосало; но только теперь я произнес: А! — и ясно прозрел. И не то чтобы у них не было таланта, особенно у Зола; но идут они не по настоящей дороге — и уж очень сильно сочиняют. Литературой воняет от их литературы: вот что худо. Но, по всему видно, в эту минуту нашей русской публике именно это по вкусу; и хотя не следует слепо потакать этому вкусу — не следует также забывать, что романы и повести пишутся не для нашего брата — и что нам может оскомину набить то, что для публики свежо, как ранний снег. И потому подождем, что скажет редакция «Отеч〈ественных〉 зап〈исок〉». Содержание гонкуровского романа довольно смелое: это, по его словам, серьезное и строгое изучение жизни публичных женщин [2]. Во всяком случае, это не «Подросток» Достоевского. Получив последнюю (ноябрьскую) книжку «Отеч〈ественных〉 зап〈исок〉»— я заглянул было в этот хаос; боже, что за кислятина и больничная вонь, и никому не нужное бормотанье, и психологическое ковыряние!! Вот к кому всецело применяется то, что Вы сказали в своем письме об этом последнем роде.

«Коронат» хорош, как все, что Вы пишете; но как-то менее цепок [3]. Замечается некоторая усталость в авторе. Да и как ей не быть при Вашей непрестанной работе!

Мне жаль Вас, что Вы так сильно скучаете в Ницце... а, с другой стороны, это, быть может, подвигает Вас к скорейшему возвращению сюда.

Никакого нет сомнения, что соотчичи Вас и боятся и обегают. Если в их глазах каждый сочинитель — критикан — то Вы уже подавно. Надо стараться ловить их на лету. Кстати, Ваш приятель Соллогуб все еще здесь и собирается ставить *французскую* пиесу на театр Palais-Royal'я. Этакая юркость у этого старца! [4]

Я высидел, наконец, маленький рассказ и отправил в «Вестник Европы». Кажется, слабенек вышел [5].

Погода и у нас стояла мерзкая: холода стояли страшные, снег падал, ноги и руки мерзли, в комнатах 10 градусов. Теперь полегчало.

Кланяюсь Вашей супруге и дружески жму Вам руку.

[1] Тургенев ссылается на письмо Салтыкова от 30 ноября. Здесь очевидная описка; следует читать: 30 октября. Письмо это неизвестно. Однако по другим отзывам Салтыкова этого периода можно судить о том раздражении, которое вызывали у него произведения натуралистической школы. Так, в письме к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 года Салтыков говорит о том, что «возненавидел и Золя и Гонкуров... Это не романисты, а пакостники».

[2] Речь идет о романе Э. Гонкура «Девка Элиза» («La fille Élisa»), который должен был печататься в «Отечественных записках», но «Отечественные записки» отказались приобрести его.

[3] «Непочтительный Коронат» Щедрина был напечатан в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1875 год.

[4] См. прим. 3 к п. № 232.

[5] В ноябре 1875 года Тургенев работал над рассказом «Часы»; опубликован в «Вестнике Европы», 1876, № 1.

234

П. БЕССОНОВУ

Письмо г-ну Секретарю Общества Любителей Российской Словесности [1]

3 декабря / 21 ноября 1875 г.

Милостивый государь!

Усматривая из некоторых статей отечественных журналов, а также узнав из других источников, что Общество любителей российской словесности при Московском университете намерено удостоить меня юбилея, решаюсь обратиться к Вам. Смею думать, что Вы не откажетесь довести до сведения Общества мою всепокорнейшую просьбу.

Она состоит в том, чтобы Общество, приняв от меня живейшую благодарность за столь высокую и мною не заслуженную честь — соблаговолило отказаться от вышесказанного намерения. Меня в нынешнем году в России не будет; да и сверх того, убеждения мои насчет неуместности юбилеев для авторов еще живых — не изменились; я продолжаю думать, что одному потомству доступна настоящая оценка и правильная разверстка

литературных талантов. Одной мысли, что человек, удостоенный юбилея во время своей жизни, быть может не получит ничего подобного от потомства, — одной этой мысли достаточно, чтобы заранее отказаться от предлагаемой чести от самой постановки вопроса.

Со всем тем считаю долгом принести, вместе с выраженьем моей нелицемерной благодарности — и искренние мои извинения Обществу, а также уверить каждого из его членов, равно как и Вас, милостивый государь, в совершенном уважении и преданности, с которыми честь имею пребыть

Вашим покорнейшим слугою

Ив. Тургенев.

[1] Письмо это было послано Тургеневым М. М. Стасюлевичу для напечатания в январской книжке «Вестника Европы» за 1876 год, но не было напечатано по просьбе самого Тургенева, который узнал вскоре, что дошедшие до него слухи о юбилее неверны. См. «М. М. Стасюлевич и его современники», т. III, СПб. 1912, стр. 69.

235

М. Е. САЛТЫКОВУ

Париж
января ⟨н. ст.⟩ 1876 г.

Вчера получил Ваше письмо, любезнейший Михаил Евграфович, и, как видите, не мешкаю ответом. Ваше письмо, вовсе не «глупое и не грубое», как Вы говорите, а, напротив, очень хорошее и умное — меня порадовало: от него все-таки веет некоторой бодростью и лучшим здоровьем, что составляет резкий контраст с предыдущим, крайне мрачным посланием [1] (впрочем, и я теперь далеко не молодец: вот уже пятый день как я лежу в постели, приспиченный подагрою). Кроме того, меня привел в восторг Ваш набросок юмористического рассказа о переписке Н-ая П-ча с Поль де Коком: это Вы *непременно* должны написать — ибо это будет перл первой величины [2]. Прочел я также «По-родственному»; и очень остался доволен: старуха, которая плачет при

восхождении солнца,— это, что называют французы,— une trouvaille *, да и вообще вся ее фигура превосходна. Уметь возбудить сочувствие к ней читателя, не смягчив ни одной ее черты, — это только большим талантам на руку [3].

Ну а теперь скажу два слова и об «Отцах и детях», так как Вы об них говорили. Неужели Вы полагаете, что все, в чем Вы меня упрекаете, не приходило мне в голову? Оттого мне и не хотелось бы исчезнуть с лица земли, не кончив моего большого романа, который, сколько мне кажется, разъяснил бы многие недоумения и самого меня поставил бы так и там, как и где мне следует стоять [4]. Не удивляюсь, впрочем, что Базаров остался для многих загадкой; я сам не могу хорошенько себе представить, как я его написал. Тут был — не смейтесь, пожалуйста, — какой-то фатум, что-то сильнее самого автора, что-то независимое от него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденции во мне тогда не было; я писал наивно, словно сам дивясь тому, что у меня выходило. Вы упоминаете об учителе: [5] но именно после «О⟨тцов⟩ и д⟨етей⟩» я более чем когда-либо удалился от того круга, в который, собственно, никогда вхож не был и писать или трудиться для которого почел бы глупостью и позором. Скажите по совести, разве кому-нибудь может быть обидно сравнение его с Базаровым? Не сами ли Вы замечаете, что эта самая симпатичная из всех моих фигур? «Тонкий некий запах» присочинен читателями; но я готов сознаться (и уже печатно сознался в своих «Воспоминаниях»), что я не имел права давать нашей реакционной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мне должен был принести эту жертву гражданину — и потому я признаю справедливыми и отчуждение от меня молодежи и всяческие нарекания... [6] Возникший вопрос был поважнее художественной правды — и я должен был это знать наперед.

Мне остается сказать еще раз: подождите моего романа, а пока не серчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть от пера, пишу легкие и незначительные вещи...

---

* Находка *(франц.)*.

Кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей.

Увеселительным писателем вроде Г〈ончаро〉ва я все-таки не буду. Скорее сделаюсь скучным писателем.

Ну, однако — баста!

Здесь никто не замерзал, и снега наверное меньше, чем у Вас на юге; но живите до весны в Ницце, поправляйтесь — а там являйтесь сюда. Я очень буду рад Вас увидеть.

Кланяюсь Вашим и дружески жму Вам руку.

[1] Письма М. Е. Салтыкова, о которых упоминает здесь Тургенев, до нас не дошли.

[2] Сатирическое произведение Щедрина «Переписка императора Николая Павловича с Поль де Коком» не предназначалось для печати. Отдельные его темы и мотивы сатирик развивал в переписке с друзьями, проживавшими за границей.

[3] Тургенев имеет в виду образ Арины Петровны Головлевой.

[4] Речь идет о романе «Новь».

[5] 9/21 марта 1876 года М. Е. Салтыков сообщил П. В. Анненкову о таком эпизоде из своей переписки с Тургеневым: «Я однажды ему в письме предлагал вопрос: отчего он не воспитатель наследника цесаревича?» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т 18, ГИХЛ, 1937, стр. 352). Это и имеет в виду Тургенев, говоря об «учителе».

[6] См. в т. 10 наст. изд. статью Тургенева «По поводу «Отцов и детей», входящую в состав «Литературных и житейских воспоминаний».

256

М. Е. САЛТЫКОВУ

Париж
19 января 〈н. ст.〉 1876 г.

Любезнейший М. Е., я получил Ваше письмо от 22-го и отвечаю, не потому, чтобы имел многое сказать Вам, а просто хочется вызвать Вас самих на ответ. Досадно мне видеть, что здоровьем Вы все еще плоховаты, — и радуюсь теплой погоде, которая у Вас должна быть еще теплее и для Вас благотворнее. Сам я от подагры словно будто отделался, зато простудился — черт знает где и как — получил сильный катар и сижу безо всякого голоса. Ну, да это пустяки. Переписку

Н-ая П-ча с Поль де Коком, конечно, печатать нельзя теперь — да и переиначивать ее грех; пусть она пока существует в рукописи, а там со временем увидим [1]. На это Вы мне скажете, что у Вас нет времени на безвозмездные занятия литературой; но ведь я воображаю себе эту переписку не бог знает каких размеров — так страниц в 20 или 25; это Вы, я полагаю, можете одолеть не спеша. Что же касается до Вашей мысли поссориться в Москве — признаюсь, мне она как-то в голову не лезет; никого Вы там по себе не найдете и соскучитесь непременно. И запереться-то как следует в Москве нельзя: это не то что Петербург или деревня. Вам надобно здесь поправиться, жиру наиграть — а там опять в Петербург. Теперь там, правда, погода прескверная: запрещения, приостанавливания изданий так и сыплются... Но прежде Петербурга приезжайте в Париж.

Что касается до меня и до невыгоды житья за границей, вдали от родной почвы, вдали от столкновений и состязаний — Вы тысячу раз правы; да переменить это нельзя... В литературных делах я принужден, как медведь зимой, сосать собственную лапу: оттого-то и не выходит ничего.

По Вашей рекомендации я выписал себе «Биржевые ведомости» и очень ими доволен: кто там пишет литературные критики под именем «Заурядного читателя». Не знаете? Очень дельно [2].

Все эти дни я находился под впечатлением той (рукописной) части «Былого и дум» Герцена, в которой он рассказывает историю своей жены, ее смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это горит и жжет. Жаль, что напечатать это невозможно. Так писать умел он один из русских [3].

Республиканское большинство в сенате еле-еле проскочило... однако проскочило. И это уж много значит [4].

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

[1] См. прим. 2 к п. № 235.

[2] *«Заурядный читатель»* — псевдоним А. М. Скабичевского.

[3] Главы из пятой части «Былого и дум», рассказывающие о семейной драме Герцена, впервые были опубликованы лишь в 1919 году — в т. XIII Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке.

[4] Победа республиканской партии на выборах во французский сенат, происходивших в начале 1876 года, в известной мере свидетельствовала об укреплении республиканского строя, подвергавшегося беспрерывным атакам сторонников монархии.

237

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

Париж, 50, rue de Douai

Середа $\frac{22\text{-го}}{10}$ марта 1876 г.

Итак, Вы окончательно поселились в Петербурге, любезнейшая..., в том самом Петербурге, который был Вам всегда так противен! Своей судьбы, видно, не минуешь. Вместо Индии — Литейная! С своей стороны я этому рад: теперь я уверен, что свижусь с Вами — потому что в первых числах мая, если только буду жив и здоров, непременно отъявлюсь в Петербург. Надеюсь, что Вы не будете жестоки и дождетесь меня — не ускачете в деревню или куда-нибудь в другое место! Если уже Вам непременно нужно будет в деревню, то поедемте вместе — кстати ж, нам и по дороге.

Спасибо за все сообщенные известия; от них веет современной русской жизнью. Я рад, что Вы сошлись с Мещерским; он прекрасный малый. Мне иногда приходит в голову, отчего он не женится на дочери Герцена, Наталье, которую он, кажется, очень любит? Прекрасная была бы парочка. Сондируйте его на этот счет — разумеется, весьма осторожно и никого не называя.

А Вы, я вижу, не бросаете своих прежних связей! Кассаньяк Вам посылает свои речи! [1] Уж лучше иметь дело с настоящими кавказскими или другими какими-нибудь бригандами *— чем с этими мазуриками! Извините жестокость выраженья... но Вы знаете, я неисправим. Одно только в этом хорошо: Ваша верность друзьям... но Вы бы могли быть построже в выборе их.

Прочтите «Son Excellence Rougon» ** Зола, книга

---

* Разбойниками *(франц.)*.

** «Его превосходительство Эжен Ругон» *(франц.)*.

замечательная; одна фигура в ней, Клоринда, нарисована мастерской рукою.

Я еще не читал продолжения «Анны Карениной»;[2] но вижу с сожалением, куда весь этот роман поворачивает. Как ни велик талант Л. Толстого, а не выдраться ему из московского болота, куда он влез. Православие, дворянство, славянофильство, сплетни, Арбат, Катков, Антонина Блудова, невежество, самомнение, барские привычки, офицерство, вражда ко всему чужому, кислые щи и отсутствие мыла — хаос, одним словом! И в этом хаосе должен погибать одаренный человек!! Так на Руси всегда бывает.

А Орловская губерния действительно умирает с голоду. Худо; очень худо — и впредь не предвидится ничего лучшего.

Я в последнее время принялся за свой большой роман[3] — и помаленьку работаю. Здоровьем я доволен: подагра пока затихла.

Все мои тоже здравствуют — это главное. Засим — крепко-накрепко жму Ваши руки и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о Поле Гренье де Кассаньяке, реакционном депутате парламента, известном своей неразборчивостью в выборе средств для борьбы с противниками. В 1875 году вышла его книга «Bataille électorale» («Избирательная битва»).

[2] Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» печатался в «Русском вестнике» частями. В № 1 за 1876 год были опубликованы главы XI—XXVIII из третьей части романа и в № 2 главы I — XV из четвертой части.

[3] «Новь».

238

А. С. СУВОРИНУ

Спасское
9 июня ⟨ст. ст.⟩ 1876 г.

Любезный А. С. Проездом через Петербург я в одном Вашем фельетоне прочел слова: «Жорж Санд умерла — и об этом не хочется говорить»[1]. Вы, ве-

роятно, хотели этим сказать — что о ней надо говорить много или ничего. Не сомневаюсь в том, что впоследствии «Новое время» пополнило этот пробел и, подобно другим журналам, сообщило по крайней мере биографический очерк великой писательницы; [2] но все-таки прошу позволения сказать слово о ней в Вашем журнале, хотя я тоже не имею теперь ни времени, ни возможности говорить «много» и хотя это «слово» даже не мое, как Вы сейчас увидите. На мою долю выпало счастье личного знакомства с Жорж Санд — пожалуйста, не примите этого выражения за обычную фразу: кто мог видеть вблизи это редкое существо, тот действительно должен почесть себя счастливым.

Я получил на днях письмо от одной француженки, которая также коротко ее знала: вот что стоит в этом письме:

«Последние слова нашего дорогого друга были: «Оставьте... зелень!» (Laisser... verdure...), то есть не ставьте камня на мою могилу — пусть на ней растут травы! И ее воля будет уважена: на ее могиле будут расти одни дикие цветы. Я нахожу, что эти последние слова так трогательны, так знаменательны, так согласны с этой жизнью, уже столь давно отдавшейся всему хорошему и простому... Эта любовь природы, правды, это смирение перед нею, эта доброта неистощимая, тихая, всегда ровная и всегда присущая!.. Ах, какое несчастье ее смерть! немая тайна поглотила навсегда одно из лучших существ, когда-либо живших, — и мы не увидим более этого благородного лица: это золотое сердце более не бьется — все это теперь засыпано землею. Сожаления о ней будут искренни, продолжительны, но я нахожу, что недостаточно говорят об ее доброте. Как ни редок гений, *такая* доброта еще реже. Но ей все-таки можно хотя несколько научиться, — а гению нет, и потому нужно говорить о ней, об этой доброте, прославлять ее, указывать на нее. Эта деятельная, живая доброта привлекала к Жорж Санд, закрепила за нею тех многочисленных друзей, которые пребыли ей неизменно верными до конца и

которые находились во всех слоях общества. Когда ее хоронили, один из крестьян окрестностей Ногана (замка Жорж Санд) — приблизился к могиле и, положив на нее венок, промолвил: «От имени крестьян Ногана — не от имени бедных; по ее милости здесь бедных не было». А ведь сама Жорж Санд не была богата — и, трудясь до последнего конца жизни, только сводила концы с концами!» [3]

Мне почти нечего прибавлять к этим строкам: могу только поручиться за их совершенную правдивость. Когда, лет восемь тому назад, я впервые сблизился с Жорж Санд, восторженное удивление, которое она некогда возбуждала во мне, давно исчезло — я уж не поклонялся ей; [4] но невозможно было вступить в круг ее частной жизни — и не сделаться ее поклонником, в другом, быть может, лучшем смысле. Всякий тотчас чувствовал, что находится в присутствии бесконечно щедрой, благоволящей натуры, в которой все эгоистическое давно и дотла было выжжено неугасимым пламенем поэтического энтузиазма, веры в идеал; которой все человеческое было доступно и дорого, от которой так и веяло помощью, участием... И надо всем этим какой-то бессознательный ореол, что-то высокое, свободное, героическое... Поверьте мне: Жорж Санд — одна из наших святых; Вы, конечно, поймете, что́ я хочу сказать этим словом.

Извините несвязность, отрывчатость этого письма и примите уверение в дружеских чувствах преданного Вам.

[1] См. фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и заметки» — «Новое время», 1876, 30 мая. Приведенной Тургеневым фразой Суворин и ограничился, сообщая читателям о смерти Жорж Санд.

[2] Тургенев сам восполнил этот пробел, поместив в «Новом времени» (1876 от 15 июня) статью «Несколько слов о Жорж Санд». См. в т. 11 наст. изд.

[3] Приведенные слова принадлежат Полине Виардо.

[4] *«Восторженное удивление»* и *«поклонение»* Тургенева Жорж Санд относится к 40-м годам, времени наибольшей ее популярности в России.

239
В. Л. КИГНУ

Спасское
16 июня ⟨ст. ст.⟩ 1876 г.

Я получил Ваше письмо здесь, Владимир Людвигович: оно было переслано мне редакцией «Вестника Европы». Сожалею, что не прочел Вашей статьи в «Неделе»[1]. Я бы мог судить о Вашем таланте de visu*. Впрочем, такие люди, как Скабичевский и Г. Успенский, не станут говорить вздор: Вы им можете верить. Но Вы мне задали трудную задачу: как это в коротком письме рассказать Вам, как я работаю, и как надо работать вообще, и что за штука объективное писание, которое Вы даже величаете эпическим. Фигуральный язык Вашего бальзаковского цитата не так уже темен, как Вы полагаете: он просто хотел сказать, что придумать сюжет иногда забавно бывает, потому тут происходит некоторая игра фантазии, а привести его в исполнение — изложить на бумаге— трудно и хлопотно. Что касается до вопроса — есть ли в Вашем таланте объективность, то я на это вот что скажу: если Вас изучение человеческой физиономии, чужой жизни интересует *больше,* чем изложение собственных чувств и мыслей; если, например, Вам *приятнее* верно и точно передать наружный вид не только человека, но простой вещи, чем красиво и горячо высказать то, что Вы ощущаете при виде этой вещи или этого человека, значит, Вы объективный писатель и можете взяться за повесть или роман. Что же касается до труда, то без него, без упорной работы всякий художник непременно останется дилетантом: нечего тут ждать так называемых благородных минут вдохновения; придет оно— тем лучше: а ты все-таки работай. Да не только над своей вещью работать надо, над тем, чтобы она выражала именно то, что Вы хотели выразить, и в той мере и в том виде, как Вы этого хотели: нужно еще читать, учиться беспрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять жизнь во всех ее про-

* Лично *(франц.)*.

явлениях, но и понимать ее, понимать те законы, по которым она движется и которые не всегда выступают наружу; нужно сквозь игру случайностей добиваться до типов — и со всем тем всегда оставаться верным правде, не довольствоваться поверхностным изучением, чуждаться эффектов и фальши. Объективный писатель берет на себя большую ношу: нужно, чтобы его мышцы были крепки... Прежде я так работал, и то не всегда; теперь я обленился, да и устарел... Вот сколько я наговорил — а в результате выходит одно: есть у Вас объективный талант — так есть. А нет его — Вы себе его не добудете. Но чтоб узнать, имеется ли он, надо попробовать на деле: а там видно будет.

Желаю Вам — моему «названному внуку» — всевозможных успехов и остаюсь всегда готовый к услугам

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о «психологическом очерке» В. Л. Кигна «Экзамен зрелости», помещенном в № 3—5 «Недели» за 1876 г. (от 15 апреля).

240

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Буживаль, Bougival. 16 (près Paris), rue de Mesmes (Les Frênes)
Понедельник, 7-го августа н. ст. 1876 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, то я извещал Вас об окончании моего романа, а теперь приходится известить о прибытии сюда, которое совершилось благополучно третьего дня. Сегодня куплена почтенная масса «papièr à manuscrit» *, и, начиная с завтрашнего дня, начнем усиленное переписывание, которое, по моему расчету, не продолжится менее 6-и недель! Эти 6 недель я проведу здесь безвыходно в моем очень удобном chalet ** (в котором надеюсь Вас увидеть) — и к 20-му октября нов. ст. все будет готово.

---

* Писчей бумаги *(франц.)*.
** Дэме *(франц.)*.

Я только потому еще секретничаю насчет заглавия, что боюсь, кто-нибудь другой наскочит на то же слово; но если Вы бы захотели объявить об этом в В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩ — назвав роман по имени — то приоритет остался бы за мною. Впрочем, теперь уже поздно для августовской книжки [1].

Что же касается до содержания — то могу Вас уверить в одном: *плуг* в моем эпиграфе не значит революция — а просвещение; [2] и самая мысль романа самая благонамеренная — хотя *глупой* цензуре может показаться, что я потакаю молодежи: но цензура у нас теперь не глупа.

Я напишу Анненкову завтра же. Кланяюсь Вашей супруге (ведь она с Вами!) и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] В № 9 «Вестника Европы» было объявлено о том, что роман Тургенева «Новь» будет печататься с января 1877 года. Об истории печатания романа см. прим. к «Нови» в т. 4 наст. изд.

[2] Эпиграф к «Нови»: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, а глубоко забирающим плугом».

241

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

50, rue de Douai, Paris

Середа, 6-го декабря / 25-го ноября 1876 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, сей час пришла *третья* корректура — но так как теперь *четверть четвертого,* то я никак не успею ее хорошенько просмотреть до 4-х часов — и потому она поедет обратно завтра — а не в тот же день, как первые *две.* Сегодня я только хочу написать Вам, что в *последнем листе 2-ой* присылки — у меня в двух или трех местах Калломейцев назван Степаном Петровичем — а он — *Семен;* я это просмотрел — и если Вы этого не поправили, то поправьте. Вероятно, еще успеете. Также, я полагаю,

«Орловскому вестнику» — можно выслать *первую* главу — или еще лучше — *«третью»*, где описан визит Сипягина у Нежданова [1].

Очень Вы меня порадовали тем, что сказали о «Соломине». Значит, я попал в точку. Я Вам когда-нибудь покажу формулярный список этого Соломина (у меня, прежде чем я примусь писать самую вещь — всегда составляются формулярные списки всех действующих лиц) — и главным эпитетом, характеризирующим Соломина, выставлено наверху большими буквами слово: *трезвый* [2]. Вот как Вы угадали!

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о романе «Новь». В «Орловском вестнике» (1876, № 100 от 24 декабря) была опубликована третья глава романа.

[2] «Формулярный список» Соломина см. в книге: А. Мазон, Парижские рукописи И. С. Тургенева, «Academia», М. — Л. 1931, стр. 121—122. См. также прим. к роману в т. 4 наст. изд.

242

Г. ФЛОБЕРУ

Париж, 50, улица Дуэ
Суббота, 21/9 декабря 1876 г.

Мой дорогой старый друг!

Ровно неделю тому назад я взял этот листок бумаги, чтобы написать Вам, но не написал ни слова. Я в очень дурном расположении духа: я чувствую себя старым, скучным, тусклым, бесполезным и глупым. У меня был припадок подагры, но он окончился раньше времени. Я поправляю корректуры моего романа [1], которые пересылают мне из Петербурга, и нахожу его плоским, незначительным. Я почти никого не вижу. Я нахожу, что Вы слишком долго остаетесь вне Парижа; если бы я мог поговорить с Вами, все это улеглось бы, но писать надо было бы слишком много: 1-е — это скучно, 2-е — на бумаге надо говорить все — даже то, что само собою понятно.

У нас был обед с Зола и Гонкуром; Доде не мог прийти. Жалели о Вашем отсутствии. Г. Пелле дал нам отвратительный обед; не надо больше ходить к нему. Ну, когда же увидят Вас в Париже? Подвигается ли работа? Как здоровье?

Гонкур прочел нам отрывок из своего романа прерывающимся от волнения голосом [2]. Мне показалось странным, что человек с седой головой может прийти в такое волнение. То, что он прочел нам, хорошо, но, пожалуй, несколько скомкано. Я попробовал читать «Assomoir» [3] и в восторг не пришел. Это — конечно — строго между нами. Талант конечно есть, но роман тяжел, и слишком много там вынесено на улицу домашнего сора.

Когда Вы возвращаетесь, решительно? Дайте мне знать об этом немедля,— не подражайте мне. А что Вы скажете о той грязи, в которой здесь барахтаются? [4] А у нас наверное будет война, что бы там ни говорили [5].

Я надеюсь иметь 10 000 рублей дохода на этот 1877 год. В хорошие времена это составило бы 35 000 франков, в средние 30 000, в дурные 25 000, и надо рассчитывать на 25 000, не больше. Так как у меня на 10 000 франков обязательств и столько же долгов, то остается немного. Терпение!

Засвидетельствуйте мои дружеские чувства Вашей племяннице и ее мужу. Я — прелая груша, старая тряпка, но я очень люблю Вас и обнимаю.

До свидания!

Ив. Тургенев.

[1] «Новь».

[2] В 1876 году Эдмон Гонкур написал роман «La fille Elisa» («Девка Элиза»). См. прим. 2 к п. № 233.

[3] Роман Э. Золя «Западня».

[4] Повидимому, Тургенев имеет в виду политические интриги в правительственных сферах Франции, связанные с борьбой между русской и английской ориентацией в балканском вопросе. Англия занимала резко враждебную позицию по отношению к балканским славянам, боровшимся против Турции, в то время как Россия поддерживала национально-освободительное движение сербов и болгар.

[5] Война России с Турцией началась через несколько месяцев после этого письма — в апреле 1877 года.

243

К. Д. КАВЕЛИНУ

50, rue de Douai, Paris
Пятница 29/17 декабря 1876 г.

Любезнейший Константин Дмитриевич, надеюсь, Вы поверите мне, когда я повторю Вам то, что я на днях писал Стасюлевичу, а именно что в течение всей моей литературной карьеры ничего мне не доставило большего удовольствия, чем Ваше письмо [1]. Мой роман имеет для меня самого важное значение: тут идет вопрос не об упадке или сохранении таланта, не о степени успеха в публике, — к этому я отношусь если не равнодушно, то спокойно, как подобает человеку, уже убеленному сединами и усталому, — вопрос идет о том, совладал ли я с задачей, постановка которой казалась мне верною, но исполнение которой (а ведь вся суть в исполнении!) могло внушить мне справедливые сомнения и опасения. Эти опасения были тем более естественны, что задача-то была уже больно трудна! И вот вы, человек столь же чуткий, сколь правдивый — настоящий друг и настоящий судья — в одно и то же время,— приходите и говорите мне: «Работа хороша — все верно и ладно» — и даже прибавляете: спасибо — и в таких выражениях, которые не могли меня не тронуть... Как же мне не радоваться? Благодаря Вас, я самого себя глажу по головке, и теперь, какая бы ни была «литературная» судьба «Нови», я уже знаю, знаю наверное, что я не потерял времени даром и сослужил — и отслужил службу моему поколению — пожалуй, даже моему народу.

А что молодая критика меня будет бить палками — это ничего; для моциона — ей полезно; а там все уляжется; и, быть может, она сама догадается, что била по своим.

С критическими замечаниями Вашими я согласен. И не думайте, что я это так говорю, от избытка сердца, разнеженного Вашими похвалами. Фомушка и Фимушка — вставной кусок; его можно вынуть безо всякого ущерба целому... Это одно их осуждает беспово-

ротно. Я просто не устоял перед желанием нарисовать старорусскую картинку в виде d'un repoussoir * или оазиса, как хотите. Что же касается до изображения крестьян, то тут с моей стороны была некоторая преднамеренность. Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-первых, вышло бы слишком широко и я бы выпустил нити из рук; во-вторых, я не довольно тесно и близко знаю их теперь, чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое двигается в их внутренностях), то мне осталось только представить ту их жесткую и тёрпкую сторону, которою они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д. Быть может, мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактотума, будущего народного революционера, но это слишком крупный тип, — он станет со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар и слишком долго живу вне России) центральной фигурой нового романа. Пока — я едва назначил его контуры.

Что Соломин мне удался — вот что меня радует больше всего. Это было самое трудное.

Я непременно прочту потехинский роман после Вашей рекомендации. А то я думал, что это опять этнография и этнология [2].

О безобразной истории перед Казанским собором не стану говорить. Всего теперь, во всяком случае, не выскажешь. Но как это *глупо!* По милости этой истории мне, быть может, придется написать объяснительное письмо Стасюлевичу [3].

Поклонитесь от меня Вашей дочери и скажите ей, что ее одобрение — лучший перл в том венке, который Вы на меня налагаете. Несколько аллегорически сказано — но вполне верно.

Поклонитесь также Брюллову. А Вам я крепко-крепко жму руку, говорю 1000 раз спасибо и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

* Контраста *(франц.)*.

[1] 15/27 декабря 1876 года Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Я такое получил письмо от Кавелина... что, не обинуясь, скажу: во всей моей литературной карьере я не испытал ничего, что бы доставило мне большее удовольствие» («М. М. Стасюлевич и его современники...», т. III, СПб. 1912, стр. 100).

[2] Ал. Потехин, Хворая, повесть («Вестник Европы», 1876, № 2 и 3).

[3] В связи с революционной демонстрацией перед Казанским собором 6 декабря 1876 года Тургенев тревожился за судьбу «Нови». Чтобы спасти роман, он думал вначале написать небольшое предисловие для «предержащих властей», но затем решил ограничиться «объяснительным» письмом, которое в случае надобности можно будет показывать «где и кому следует» (см. «М. М. Стасюлевич и его современники...», т. III, СПб. 1912. стр. 89—90 и 100). Это письмо приводится ниже, см. п. № 245.

244

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Париж
30 декабря ⟨н. ст.⟩ 1876 г.

Милый Яков Петрович, сделай ты мне одну божескую милость: не предполагай ты никогда, что я сержусь на тебя! (Я, кажется, тебе уже раз писал об этом.) За что я буду на тебя сердиться, помилуй! И что бы я был за человек, если бы я мог сердиться за разность воззрений — вообще за разность мнений!!! Да еще на такого старого приятеля, как ты!

О г-не Ч⟨ерняеве⟩ я уже больше говорить не буду; [1] тем более что он теперь, как сказано у Пушкина — «осужден последним приговором» [2]. Скажу только несколько слов о «военном вопросе».

Ты пишешь, в возражение мне — *разве Германия была слаба умственным развитием, когда душила войной французов?* [3]

Душа моя — вся штука в том, как мы смотрим на войну и чего от нее ожидаем? Вся Германия расхохоталась бы от Везера до Дуная, если бы ей сказали, что она ведет войну для собственного нравственного очищения: она воевала с французами, чтобы округлиться да объединиться, да отнять у них Эльзас и Лотарингию. А мы хотим войною вылечиться от нашего

внутреннего худосочья! Вот где чепуха! Вот где вялость и недомыслие. Петр Сидорыч скучает и зевает; он не знает, куда свой вечер девать — потому что он неуч: война за славян — излечи его, уничтожь его пустоту — наполни его содержаньем! Да поскорей, поскорей!.. А если не война — ну что-нибудь другое — *деревня,* придуманная «Неделей»[4] — или какой-нибудь герой, чудодей! Вот против чего я восставал — и восставать не перестану.

А что нам скверно, и томно, и бедно живется... этого уже переделать нельзя: это зарок, положенный пока на всю Россию. Ты жалуешься, что ты не видишь молодых людей... Любезный друг, они сами себя не видят — и бродят ощупью в темноте. Но я не отчаиваюсь: они выберутся... хотя и им не предстоит срывать розы и нежиться.

Когда ты получишь это письмо — «Вестник Европы» уже будет в твоих руках. Я бы очень желал знать твое мнение насчет «Нови» — хотя полного впечатления мой роман, вследствие его раздробления, произвести не может; например: в этой первой части Соломин — *главное лицо,* едва очерчен[5]. Но уж этому горю помочь нельзя. Не сомневаюсь в том, что меня, как говорится, отщелкают на обе корки; но интересно знать — какое будет окончательное мнение публики. А впрочем, тоже, как говорится: отзвонил — и с колокольни долой!

Скажи мне правду: «Кузнец Вакула» имеет успех — или нет? Здесь ходят разноречивые толки[6].

Полагаю, что Чайковский преувеличивает насчет Л. Толстого; но как не пожалеть о том, что этот человек, столь необычайно одаренный, словно вследствие пари, делает именно то, что ему не следует делать?![7]

Засим поздравляю тебя и всех твоих с Новым годом и остаюсь

искренно тебя любящий *Ив. Тургенев.*

P. S. Прочел я статью Маркова обо мне в «Голосе»[8]. Каким я у него являюсь слабо... даже сказать нельзя! А он полагает, что хвалит меня. Все мои произведения являются каким-то настоем липового цвета с примесью лоделавану. Неужели же я такой?

[1] О Черняеве см. прим. 3 к п. № 247.

[2] В стихотворении «Коварность» («Ты осужден последним приговором»).

[3] Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 годов.

[4] *«Неделя»* — правонародническая газета, издававшаяся П. А. Гайдебуровым. Публицисты «Недели» откровенно отказывались от идей революционных просветителей, будто бы чуждых народному духу. В ряде статей, помещенных в «Неделе» в 1876 году, пропагандировалась необходимость «оздоровить» современную жизнь России, вернувшись к «почве», к «нравственным задаткам» деревни, которая «вдохнет жизнь в дряхлую, бездушную интеллигенцию» («Интеллигенция и деревня» — «Неделя», 1876, № 3—5, стр. 316).

[5] Первая часть «Нови» появилась в первом номере «Вестника Европы» за 1877 год.

[6] *«Кузнец Вакула»* — опера П. И. Чайковского, написанная в 1874 году и позже переименованная в «Черевички». Либретто написано Я. П. Полонским. В 1876 году опера была исполнена в Петербурге, но большого успеха не имела.

[7] П. И. Чайковский познакомился с Л. Н. Толстым в 1876 году, но вскоре их личные отношения прекратились. Чайковский не мог примириться с тем, что «властитель его дум» говорит «обыкновенные вещи», притом «недостойные его гения». В особенности раздражило Чайковского отрицательное отношение Толстого к Бетховену (см. М. Чайковский, Жизнь П. И. Чайковского, ч. I, 1896, стр. 520).

[8] Евг. Марков, Критические беседы («Голос», 1876, № 339, 340, 344, 346, 347, 351). Анализируя творчество Тургенева, Марков утверждал, что Тургенев в русской литературе имеет большее значение, чем Л. Толстой, что русское художественное творчество «никогда, может быть, после Пушкина не доходило до такого мастерства», как в «образцовых работах» Тургенева. В то же время Марков приписывал Тургеневу отрицание смысла «живой жизни», «радости непосредственного бытия». Марков утверждал, что Тургенев «сказал обществу все, что имел сказать», что он будто бы не понял новых веяний жизни, новых требований к литературе.

245

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Париж, 50, Rue de Douai
22-го декабря 1876 г.
3-го января 1877 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, я все это время размышлял о безобразно нелепом происшествии 6-го дек⟨абря⟩ перед Казанским собором — и мне пришло

в голову: не может ли это происшествие иметь какое-либо отражение на мой роман, тем более что в январской книжке «Вестника Европы» напечатана будет только первая часть — и след⟨овательно⟩ он не может произвести того целостного впечатления, в котором бы ясно определились намерения автора?[1] Вы мне скажете, что та уличная нелепость — есть не более как грязная пена, от времени до времени всплывающая на поверхность всякого общества; согласен; однако все-таки не считаю лишним напомнить Вам в немногих словах те соображения, которые руководили мною при сочинении «Нови» — и которые, Вы помните, я Вам изустно излагал при нашем свидании прошлой осенью в Буживале. Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников — что, во-первых, несправедливо, а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того — вредно. Я решился выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно — что не может не привести их к полному фиаско. Насколько мне это удалось — не мне судить; но вот моя мысль — и Вы можете видеть, как она в сущности — *цензурна* и благонамеренна. Во всяком случае, молодые люди не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне — если не к их целям — то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них, — принести им пользу.

Я предвижу, что на меня посыплются упреки из обоих лагерей; но ведь то же самое случилось и с «Отцами и детьми»; а между тем — изо всего моего литературного прошлого я имею причины быть довольным именно этой повестью — и скорее согласился бы похерить «Записки охотника», чем ее. Буду надеяться, что и «Новь» ожидает та же участь и что она не будет предметом или предлогом никаких недоразумений.

Однако — sapienti sat; * а мне остается только пожать Вам руку и уверить Вас в чувстве моей дружеской преданности.

Ив. Тургенев.

[1] См. прим. 3 к п. № 243.

246
С. К. БРЮЛЛОВОЙ

50, rue de Douai, Paris
Вторник, 16/4 января 1877 г.

Милая Софья Константиновна, я все откладывал отвечать на Ваше любезнейшее, умное письмо — потому что мне не хотелось ограничиться несколькими словами благодарности и т. д., а времени не было. Но далее мешкать было бы непростительно — а потому вот Вам — tout chaud, tout bouillant ** — что я могу сказать.

Прежде всего Ваше письмо причинило мне великую радость: вслед за письмом Вашего отца [1] оно было мне залогом того, что я не ошибся совершенно — и что написанное мною имеет право существовать. После всех сомнений, высказанных другими — а главное, после собственных сомнений и колебаний, — это действительно большая радость. Тут дело не в литературном самолюбии, которое во мне никогда слишком сильно не было, — а в другом, более серьезном чувстве. Следовательно: Вы можете понять, как мне было приятно Ваше мнение, именно Ваше. Теперь публика выскажет свое мнение: я не буду к нему равнодушен; но моя жатва уж сделана.

В письме к Константину Дмитриевичу я изъяснил причину, заставившую меня именно *так* обрисовать

---

* Умный поймет *(лат.)*.
** Совсем горячее, кипящее *(франц.)*.

народный элемент в «Нови»; впрочем, я, под влиянием Ваших слов, прибавил два-три дополнительных штриха.

Но теперь я должен высказать некоторое согласие с Вами. (Надеюсь, что Вы не припишете это авторской мании, которая с любовью останавливается на более плохих и слабых детенышах.) Вы говорите о разных моих незначительных безделках, упоминаете, между прочим, о «Стук-стук»? Представьте, что я считаю эту вещь — не то чтоб удавшейся — исполнение, быть может, недостаточно и слабо — но одной из самых серьезных, которые я когда-либо написал. Это студия самоубийства, именно русского, современного, самолюбивого, тупого, суеверного — и нелепого, фразистого самоубийства — и составляло предмет столь же интересный, столь же важный, сколь может быть важным любой общественный, социальный и т. д. вопрос. Повторяю, я, вероятно, не сумел проанализировать и выставить все это в довольно ярком свете; но я опять-таки утверждаю, что такого рода сюжеты нисколько не уступают каким-либо другим! Не забудьте, что русский самоубийца нисколько не похож на европейского или азиатского; и указать это различие верным, художественным образом — вещь дельная; потому что она прибавляет один документ к разработке человеческой физиономии — а в сущности вся поэзия, начиная с эпопеи и кончая водевилем, другого предмета не имеет.

Уф! Скажете Вы, какая oratio pro domo sua! * И потому — je n'insiste plus **.

Я, по всей вероятности, через месяц или недель через пять — приеду в Петербург — и тогда мы, конечно, будем часто видеться. Пока прошу Вас передать мой дружеский поклон Вашему мужу и Вашим родителям — и принять от меня выражение искренней сердечной привязанности, с которою остаюсь

Ваш преданный

Ив. Тургенев.

[1] См. п. № 243.

---

* Речь о себе *(лат.)*.

** Я больше не настаиваю *(франц.)*.

247
Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Париж
22 января ⟨н. ст.⟩ 1877 г.

Милый друг Я. П., радуюсь тому, что причина твоего молчания было плохое состояние твоих чернил; а то я начинал думать, что неуспех «Нови» (первой части), — о котором я был извещен с различных сторон, так вышел велик, что ты, по дружбе своей ко мне, не решался писать. Со многими из твоих замечаний я вполне согласен (особенно с неуместностью главы о Фомушке и Фимушке, — это был мой каприз — я вспомнил такую старенькую чету, которую знал когда-то) — прошу только тебя приостановить твое окончательное суждение до появления второй части. Я всячески старался убедить Стасюлевича не дробить романа, но, к сожалению, не успел [1]. Ты находишь, что в «Нови» чувствуется напряжение, излишняя головная работа и некоторая робость... может быть; замечу только одно, что ни одно из моих больших произведений не писалось так скоро, легко (в 3 месяца) — и с меньшим количеством помарок. Вот после этого и суди! (Идея у меня долго вертелась в голове, я несколько раз принимался за исполнение — но наконец написал всю штуку, как говорится, сплеча.) И выходит, что ничего нельзя знать наперед.

Во всяком случае — и какое бы ни сложилось решительное мнение публики — это уже, конечно, моя последняя работа. Довольно!

Я все-таки не покидаю намерения приехать через месяц в Петербург и очень буду рад с тобою увидеться.

Ты мне ничего не пишешь о твоем здоровье — дипломаты говорят — point de nouvelles — bonnes nouvelles — и я так полагаю — и радуюсь.

Я взял букву С. для означения города, как взял бы А., Б. — или даже Х.; и нисколько не думал ни о Симбирске, ни о Самаре.

Ты говоришь, молодые люди не дочерчены; к Маркелову и Нежданову я не знал бы, что прибавить; а

главное лицо романа, Соломин,— только является во второй части.

Но все это — не суть важно.

Твое стихотворение очень мило и носит твою печать[2].

Да, Черняев был здесь, и окончательно выставил себя... Ну, не хочу тебя огорчать; для меня — он мертвый; а — de mortuis nil nisi bene *[3].

Обнимаю тебя и кланяюсь всем твоим.

[1] «Новь» печаталась в «Вестнике Европы» двумя частями: в № 1 за 1877 год — первая часть и в № 2 — вторая часть.

[2] Повидимому, имеется в виду стихотворение Я. П. Полонского «На закате» (1877).

[3] Генерал М. Г. Черняев командовал сербской армией в 1876 году во время войны Сербии и Герцеговины с Турцией. После поражения Сербии Черняев был отстранен от командования и выехал в Париж, а затем — в Лондон. В передовых кругах русского общества личность и деятельность Черняева, ярого реакционера, склонного к авантюризму, оценивалась резко отрицательно. В ряде писем этого периода Тургенев отзывается о Черняеве как о «пошляке», «Хлестакове» и бездарном полководце. См., например, письма Я. П. Полонскому от 26 октября, 11 ноября и 9 декабря 1876 года (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб. 1884).

248

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

50, rue de Douai, Paris

Вторник, $\frac{30\text{-го}}{18\text{-го}}$ января 1877 г.

Милая . . . . . ,

Я только что отправил к Вам письмо, в котором печалился о Вашем молчанье — как получил Ваше от $\frac{24\text{-го}}{12\text{-го}}$. Вы в нем находитесь еще в самообольщении насчет судьбы моего романа; но я знаю, что он провалился, — и мне остается только благодарить Вас за

* О мертвых — ничего, кроме хорошего *(лат.)*.

дружеское участие. Не стану больше говорить об этом — не стоит. Отзвонил — и с колокольни долой[1].

Я бы сам охотно написал Некрасову: перед смертью все сглаживается, да и кто из нас прав — кто виноват? «Нет виноватых»,— говорит Лир... да нет и правых. Но я боюсь произвести на него тяжелое впечатление: не будет ли ему мое письмо казаться каким-то предсмертным вестником. Я знаю про себя, что, если бы я находился в положении Некрасова, — получить такое письмо, при такой обстановке — было бы равнозначаще для меня с «Lascia ogni speranza»[2] или: «Frère, il faut mourir»[3]. Мне кажется, я не имею права идти на такой риск. Объясните это Топорову. Надеюсь, Вы уверены, что никакой другой причины моему молчанию нет — и быть не может.

Очень Вам благодарен за сообщенные сведения. Они дают довольно верное понятие о теперешней петербургской жизни.

Стало быть, войны не будет — и Вы останетесь в Петербурге. Очень бы хотелось Вас застать там. Я начинаю несколько колебаться насчет поездки... Мне почему-то кажется, что я в России не найду ничего, кроме неприятностей. Однако я эту мысль все еще не покидаю.

Итак — славянский пыл испарился? Это меня не удивляет, потому что он всегда держался на одной поверхности, в так называемых высших слоях общества; но что религиозный жар остыл — это для меня менее понятно, так как можно было предполагать, что *народ* был им охвачен[4]. Изо всего этого вывод один: сверху донизу мы не умеем ничего крепко желать — и нет на свете правительства, которому было бы легче руководить своей страною. Прикажут — на стену полезем; скомандуют: оставь! — мы с полстены опять долой на землю.

И все то благо, то добро[5].

Но только немножко досадно иногда бывает, что седые волосы нажил — а уму-разуму не научился и ошибаешься, как школьник.

Засим прощайте, милая моя . . . . . .
Надеюсь, что Ваш ушиб давным-давно прошел, не оставив никакого следа, кланяюсь всем Вашим, крепко жму Вашу руку и остаюсь

искренне Вам преданный *Ив. Тургенев.*

[1] Об отношении критики к «Нови» см. прим. к роману в т. 4 наст. изд.

[2] «Оставь всякую надежду» *(итал.)* — неточная цитата из «Божественной комедии» Данте. У Данте: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate» — оставьте всякую надежду, вы, входящие сюда (надпись над вратами ада. — «Ад», песнь 3).

[3] «Брат, надо умирать» — эти слова вместо приветствия говорили друг другу монахи ордена траппистов, отличавшегося крайним аскетизмом.

[4] В этих и предшествующих строках Тургенев говорит о событиях, связанных с национально-освободительной борьбой балканских славян против турецкого владычества и приведших к русско-турецкой войне. Славянское движение вначале встречено было в России всеобщим сочувствием. Официальные сферы преследовали при этом корыстные цели, стремясь подчинить балканских славян влиянию царского правительства. Демократическая интеллигенция была воодушевлена идеей освободительной борьбы. События на Балканах нашли отклик и среди простых крестьян, стремившихся помочь угнетенным единоверцам. Затем, однако, демократическая интеллигенция, поняв истинные цели правительства и «высших слоев общества», стала относиться к славянскому движению более сдержанно.

[5] Из стихотворения Г. Р. Державина «Утро».

249

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Париж, 50, Rue de Douai

Воскресенье $\frac{\text{11-го марта}}{\text{27-го февр⟨аля⟩}}$ 1877 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, не получая в течение двух дней настоящего письма, Вы, может быть, усомнились в моей аккуратности, которую величали «соломинской»; но дело в том, что я был болен, страдал невыносимой головной невралгией — и теперь еще не выхожу из комнаты; но, впрочем, мне лучше. Отвечаю по пунктам.

а) Все сообщенные Вами сведения о моем романе

очень интересны; и я Вам говорю большое спасибо за доставление их. Буду ждать мартовского №-а [1]. Но для меня теперь — это, как говорится, — дело отпетое, «abgethane Sache» — и я только радуюсь и верю Вам, что выраженные мнения г-д критиков не представляют общего мнения публики. Действительно, странно: один Аристарх, например, уверял, что Марианн нет, что я их выдумал — а тут вдруг процесс, где из 52 революционеров — *18* женщин — дело небывалое и неслыханное в Европе — ни в какое время! [2]

б) Прилагаю при сем небольшое предисловие к флоберовским легендам. Как я ни хлопотал, «Иродиада» не поспеет к апрельской книжке; придется ее тиснуть в майской. Надеюсь, что эти штуки Вам понравятся: я старался изо всех сил — и, полагаю, как стилист не ударил лицом в грязь. Напишите мне, сколько Вы дадите за печатный лист — и посоветуйтесь — хотя и благоразумно — с Вашим великодушием — ибо я копейки себе не возьму — и все пойдет Флоберу, которому деньги нужны. Сама книга явится в Париже в половине апреля (нашего); следов⟨ательно⟩: первая легенда явится у нас comme une primeur *. Да и когда вторая явится, книга к нам еще не проникнет. Вы можете еще прислать мне, по образу и подобию «Нови», корректурные листы «Юлиана» [3].

в) Представьте — я открыл и довольно даже важную опечатку во 2-й части «Нови», а именно — стран⟨ицу⟩ 516, строка 4 снизу — стоит: *«нее»* — а след⟨ует⟩ *«него»*.

г) Я буду прямо отвечать священнику и бывшим своим крестьянам, а также и управляющему своему напишу вторично. Дело очень просто состоит в следующем. У меня в Жиздринском уезде было имение, которое никогда не приносило никакого дохода, а часто я должен был приплачивать за него в казну; наконец, разверставшись с крестьянами, я остался с 800 дес. свежего лесу, которые точно так же оставались бесплодными — ибо мои крестьяне их *не нанимали и не хотели нанимать* — а пользовались *так;* мне это надое-

---

* Новинкой *(франц.)*.

ло — я продал эту землю купцам, которые, находясь на месте, извлекут из нее какую-либо пользу. Теперь крестьяне подняли гвалт! Но что же я мог сделать? Впрочем, я написал уже управляющему, что если крестьяне согласятся заплатить мне столько же, сколько купцы — да отступного купцам — то он может совершить купчую с крестьянами, хотя на верность платежа рассчитывать не приходится.

А все-таки — delenda est Carthago; и ceterum censeo [4], что я в Петербург прибуду непременно до мая.

«Иродиада» — ровно, строка в строку — одной длины с «Юлианом»; и потому Вы можете, в ответ на это письмо, сообщить мне, какую Вы можете положить за них цену.

Засим дружески жму Вам руку и остаюсь

искренне Вам преданный *Ив. Тургенев.*

[1] В мартовском номере «Вестника Европы» за 1879 год была помещена редакционная статья о «Нови» — «Новый роман И. С. Тургенева как страница из истории нашего века».

[2] Имеется в виду суд над деятелями революционно-народнического движения, участниками «Всероссийской социально-революционной организации» («процесс 50-ти»). Дело слушалось в особом присутствии сената с 21 февраля по 14 марта 1877 года. Среди подсудимых было шестнадцать женщин.

[3] В № 4 «Вестника Европы» за 1879 год напечатана «Католическая легенда о Юлиане Милостивом» Г. Флобера в переводе Тургенева. *«Иродиада»* Флобера появилась в пятом номере «Вестника Европы» за тот же год.

[4] «Карфаген должен быть разрушен» и «впрочем, я думаю» *(лат.)*. Катон Старший, государственный деятель древнего Рима, почти каждую речь в сенате заканчивал словами: «Впрочем, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен». Эта фраза стала примером упорства в борьбе с врагами или в преодолении трудностей.

250

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

Париж, 50, Rue de Douai

Вторник $\frac{13\text{-го}}{1\text{-го}}$ марта 1877 г.

Вы прелесть, милейшая . . . . . — и будете еще прелестнее, если не поскучаете прислать мне еще несколько заметок насчет юных нигилисток,

которых судят теперь в Петербурге. Какой, однако, я дурак, что торчу здесь — и не нахожусь там с Вами в окружном суде! Но я (не говорите этого никому, пожалуйста) родился дураком и умру оным — то есть таким человеком, который всегда все пропускает мимо рта неизвестно зачем! Факт, что из 52-х подсудимых революционеров 18 женщин — такой удивительный, что французы, например, решительно ничего в нем понять не могут! [1] А меня упрекали критики — что «Марианна» у меня сделанная! [2]

Через 3 недели я отсюда выезжаю — это верно — и надеюсь захватить еще и процесс и Вас.

Из поименованных Вами дам — моих приятельниц — находящихся теперь в Петербурге — я ко всем чувствую искреннюю, хотя разнородную симпатию... Самая загадочная — княгиня Барятинская. Мне чувствуется в ней какая-то не то фальшь — не то напряженность, которую я не совсем понимаю. Если бы (но это *уже совершенно между нами*) — если бы она была в сущности очень добродетельная женщина, которая бы не прочь была вдруг отдаться кому-нибудь из каприза — она была бы мне ясна как на ладони; но я не знаю: так ли это? — даже полагаю, что это совсем не так; и потому продолжаю недоумевать. Что бы Вы там ни говорили о том, что Вы подурнели в последнее время — если б поименованные барыни и Вы с ними предстали мне, как древние богини пастуху Парису на горе Иде,— я бы не затруднился, кому отдать яблоко. Но Вы все — богини; а я не Парис — и яблока у меня нет; да и Вы не желаете взять от меня ничего похожего на яблоко.

Вы превозносите *смирение* Соллогуба перед женщиной, которая делает все, что он хочет! [3] Да это вроде *смирения* гастронома перед бифштексом, который он кушает! Должно быть, в нем есть великие и редкие качества, которые привлекают; ибо физически — il est,— как выразился о нем некто,— inregardable! * Но женщина — как усердие Клейнмихеля — все превозмогает! Впрочем, я его барыню видел всего один раз и нашел

---

* Он отвратителен *(франц.)*.

в ней довольно ординарный тип; хотя Соллогуб и уверяет, что в ней целая дюжина сидит *трагедий!*

Игнатьев здесь; и все очень хлопочут около него и возятся с ним. Кажется, он ничего положительного не добьется, да я начинаю думать, что наше правительство и не желает ничего добиться — а только выиграть время, чтобы весной начать войну [4]. Я все еще никак не вижу — как это мы можем вывернуться без войны. Впрочем, на свете все бывает... за исключением одной вещи, где замешаны Вы... и которая, конечно, никогда не сбудется.

А за описание нигилисток заранее целую Ваши милые руки — и да ниспошлет на Вас лорд Редсток свое апостольское благословение!

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] См. прим. 2 к п. № 249.

[2] В этом упрекала Тургенева реакционная критика. См., например, статью о «Нови» В. Г. Авсеенко в № 2 «Русского вестника» за 1877 год. О критической полемике в связи с «Новью» см. прим. к роману в т. 4 наст. изд.

[3] Речь идет о В. К. Аргутинской, находившейся в Париже с В. А. Соллогубом. Подробнее о ней см. письмо Тургенева Ю. П. Вревской от 20/8 февраля 1877 года (Щукинский сборник, вып. V, М. 1906, стр. 490).

[4] С 18 февраля по 20 марта 1877 года русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев с целью обеспечить нейтралитет европейских держав в предстоящей русско-турецкой войне посетил Берлин, Париж, Лондон и Вену, но успеха не достиг.

251

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

50, Rue de Douai, Paris
Суббота, 17/5 марта 1877 г.

Любезнейший Жемчужников, опять мне приходится благодарить Вас за Ваше теплое и умное письмо. Отвечать на него, как бы следовало, на письме не могу: в разговоре бы все это вылилось. Ваши замечания насчет деятельности Марианны и Нежданова [1] — мало

сказать верны; Вы, как говорят немцы — haben den Nagel auf den Kopf getroffen *. Все это — приблизительно — я сам себе говорил. (Исключение одно: Нежданову ничего не стоило побывать в 5 кабаках; в соседстве моего имения, где больших сел нету, в радиусе 7 верст — 11 кабаков — и их очень легко обойти в один день.)

Но дело в том, что по милости моего абсентеизма я бы не *сумел* сделать это так, как бы следовало: верно и живо. Из этого — и из многих иных причин, которые долго было бы высказывать — вытекает то, что мне приказали замолчать. Я сам недоволен своей работой — и с большей частью критики (а никогда они не были так единодушны) в глубине души согласен; и так как это все — при той обстановке, в которую окончательно сложилась моя жизнь — непоправимо, то результатом моего собственного чувства явилось решение, уж конечно бесповоротное: прекратить мою литературную деятельность. Не из желания «уловить момент» — или популярность — взялся я за этот последний сюжет, который, впрочем, давно во мне вертелся; я сознавал, что жизнь бежит в эту сторону, я сделал набросок, я указал пальцем на настоящую дорогу: но этого мало; и серьезному художнику остается уйти — и предоставить другим действовать и работать, что я и делаю.

Слухи, дошедшие до Вас о второй части — о возможности ее истребления, о вмешательстве Тимашева — совершенно верны; [2] но все это доказывает только то, что я тронул больное место. Это так; mais j'avais l'ambition de faire plus que cela **, а этого я не могу, в этом я убедился — и другие меня убедили — и я умолкаю.

Сказать Вам, что я радуюсь этому решению — было бы смешно; но и не очень грущу об этом. Личная, собственная жизнь во мне уже прежде прекратилась... а снявши голову, по волосам не плачут.

Остается благодарить тех, которые, подобно Вам, угадали и поняли намек.

---

* Попали не в бровь, а в глаз *(нем.)*.

** Но я стремился к большему *(франц.)*.

Ваших стихов в апрельской книжке «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» я не читал — хотя имею этот год (76-й); но они отданы в переплет — и если Вы мне пришлете их, я Вам очень буду обязан.

Я теперь выезжаю через месяц — и останусь в России (большей частью в деревне) около месяца; потом в Карлсбад, потом опять сюда. А какие Ваши намерения?

Дружески жму Вам руку и остаюсь

искренне преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Замечания А. М. Жемчужникова о «Нови» и его героях неизвестны.

[2] После появления первой половины романа «Новь» встал вопрос о его запрещении. Дело решил министр внутренних дел А. Е. Тимашев, который признал возможным пропустить роман. Тургенев считал, что Тимашев несомненно запретил бы «Новь», если бы прочел роман целиком. См. письмо Тургенева Ю. Шмидту от 25 апреля 1877 года («Вестник Европы», 1909, № 3, стр. 275). О цензурной истории «Нови» см. прим. к роману в т. 4 наст. изд.

252

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Париж
7 апреля ⟨н. ст.⟩ 1877 г.

Милый друг Я. П., твое стихотворение, в котором есть удивительные стихи, как например:

В окно глядит и лезет в очи
Сырая мгла плаксивой ночи [1], —

возбудило во мне глубокую унылость; а для того, чтобы ты понял — почему? — выписываю тебе несколько строк из моего дневника:

«17/5-го марта. Полночь. Сижу я опять за своим столом... а у меня на душе темнее темной ночи... Могила словно торопится проглотить меня; как миг какой пролетает день, пустой, бесцельный, бесцветный. Смотришь: опять вались в постель. Ни права жить, ни охоты нет; делать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать».

Не выписываю дальше; очень уж уныло. Ты забываешь, что мне 59-й год... А ты говоришь о «лучах славы», о «чарах пения»... Душа моя, мы оба — два черепка давно разбитого сосуда. Я по крайней мере — чувствую себя у . . . в отставке.

Ты можешь теперь понять, как на меня подействовали твои стихи...

Во всем этом мне приятно одно, хотя ты об этом не пишешь: лихая болезнь твоя (скарлатина), вероятно, прошла — и ты остался только с старыми недугами, которые вернее друзей — и не покидают человека.

Близость войны также не способствует к тому, чтобы я чувствовал себя веселым[2]. Но обо всем этом мы скоро потолкуем лично. Мы через две недели увидимся — так как я скоро отсюда выезжаю — а до тех пор крепко тебя обнимаю.

[1] Из стихотворения Я. П. Полонского «И. С. Тургеневу».
[2] 25 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции.

253

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Париж, 50, rue de Douai

Понедельник $\frac{\text{9 апреля}}{\text{28 марта}}$ ⟨18⟩77 г.

Милостивый государь
Федор Михайлович!

Мой хороший приятель, известный литератор и знаток русского языка, г-н Эмиль Дюран, получил от редакции «Revue des deux Mondes» поручение составить монографии (биографические и литературно-критические) о выдающихся представителях русской словесности, и с этой целью отправляется в Россию. Вы, конечно, стоите в этом случае на первом плане — и он меня просил снабдить его рекомендательным письмом к Вам, что̀ я исполняю с тем большей охотой, что личное знакомство с г-м Дюраном, как с человеком в высшей степени добросовестным, образованным и умным, не может не доставить Вам самим большое удовольствие.

Я решился написать Вам это письмо, несмотря на возникшие между нами недоразумения, вследствие которых наши личные отношения прекратились [1]. Вы, я уверен, не сомневаетесь в том, что недоразумения эти не могли иметь никакого влияния на мое мнение о Вашем первоклассном таланте и о том высоком месте, которое Вы по праву занимаете в нашей литературе.

В надежде на радушие приема, которое Вы окажете г-ну Дюрану, и на Ваше сочувствие к самой цели его путешествия прошу Вас принять уверение в совершенном уважении, с которым честь имею пребыть

Вашим покорнейшим слугою

Ив. Тургенев.

[1] Имеются в виду идейные разногласия между Тургеневым и Достоевским, проявившиеся особенно ярко в связи с романом «Дым» и перешедшие затем в глубокую взаимную неприязнь. Об отношениях Тургенева и Достоевского см. «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева», изд. «Academia», Л. 1928.

254

А. ДОДЕ

Париж
12/24 мая 1877 г.

Милый друг, если я до сих пор не говорил с Вами о Вашей книге [1], то лишь потому, что желал поговорить о ней как следует, а не ограничиться немногими банальными фразами. Отложу это до следующего нашего свидания, которое состоится, надеюсь, скоро; Флобер на днях должен приехать, и тогда опять начнутся наши обеды.

Теперь ограничусь одним замечанием: «Набоб» самый замечательный и вместе с тем самый неровный из всех написанных Вами романов. Если «Фромона и Рислера» изобразить прямой линией, то «Набоб» следовало бы изобразить так ⋀⋀⋀; и верхушки этих зигзагов доступны только таланту перворазрядному.

У меня опять был продолжительный и очень сильный припадок подагры. Вчера я в первый раз вышел из дому, и у меня ноги и колени точно у девяностолетнего

старика. Очень боюсь, что сделаюсь тем, что англичане называют «a conformed invalid» *.

Тысячу приветствий m-me Доде. Искренно жму Вашу руку.

[1] То есть о романе «Набоб».

255

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

Париж, 50, rue de Douai

Четверг $\frac{24\text{-го}}{12\text{-го}}$ мая 1877 г.

Сей час получил Ваше письмо, милая сестра... — и спешу отвечать Вам в надежде, что мое письмо Вас еще застанет в Петербурге. Грустно очень думать, что мы не скоро увидимся; тем грустнее, что я, вероятно, двумя-тремя днями не захвачу Вас там! Я выезжаю отсюда в субботу, то есть послезавтра; моя подагра почти прошла, хотя я еще все не могу надеть сапоги и щеголяю в туфлях; но невозможно долее откладывать. Мне и без того путешествие в Россию и пребывание в Петербурге представляются именно теперь чем-то весьма невеселым; Ваше отсутствие — и, сколько я слышал, присутствие холеры прибавляют еще больше черноты к фону картины. Но делать нечего! Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании [1]. Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным — и чтобы Ваше здоровье не потерпело. А ехать в Кишинев, к моему «приятелю» Черкасскому — нет; я этого не сделаю, не потому что меня пугает дальнее путешествие — не потому, что я не патриот; но я люблю Россию иначе, чем те господа, которые держат теперь ее в руках; желаю им всяческих успехов, но присутствовать при их деятельности не хочу [2]. Будем надеяться, что эта бедственная война не затянется; но едва ли можно предвидеть ей скорый конец.

Предвижу, что в Петербурге останусь надолго; там

* Полный инвалид *(англ.)*.

для меня пахнет литературой — а я получил к ней достаточное омерзение в последнее время; да и она меня извергает; так что нам лучше всего разойтись подобру-поздорову.

Я даже не понимаю того, что Вы мне сказали о Мещерском: вместо того, чтобы дать Миклухе взаймы 2000 р. — я ему подарил 1000, что при моей гнусной бедности совсем было нелегко [3].

А какой Ваш костюм? Костюм сестер милосердия? Посмотрел бы я на Вас... и, вероятно, тоже был бы тронут. Знаете ли Вы по крайней мере Ваших будущих товарок? Я даже не могу себе представить: как это так — 22 женщины вместе? Господи! Но le vin est tiré — il faut le boire.

С особенным чувством благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне — и с великой нежностью целую Ваши милые руки, которым предстоит делать много добрых дел. Если вздумаете написать (за что весьма буду обязан) — то мой самый верный адрес: «В контору редакции «Вестника Европы»—П⟨етерб⟩ург. Галерная ул. № 20 — для передачи И. С. Т. Там всегда знают, где я.

Еще раз прощайте — будьте здоровы и бодры.

Искренне Вас любящий

Ив. Тургенев.

[1] Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов Ю. П. Вревская уехала в действующую армию в качестве сестры милосердия. В 1878 году она умерла в госпитале в Болгарии. Ее памяти Тургенев посвятил одно из стихотворений в прозе (см. т. 8 наст. изд., стр. 488).

[2] Князь Владимир Александрович *Черкасский,* государственный и общественный деятель, близкий к славянофильским кругам, был во время русско-турецкой войны уполномоченным Красного Креста.

[3] С известным русским путешественником Н. Н. Миклухо-Маклаем Тургенев познакомился в 1870 году, вел с ним переписку и неоднократно встречался. В 1876—1877 годах Миклухо-Маклай совершил вторую экспедицию для изучения быта папуасов. Для организации этого путешествия Тургенев и оказал Миклухо-Маклаю денежную помощь. Князь А. А. *Мещерский* — близкий друг Миклухо-Маклая. Об отношениях Тургенева с Миклухо-Маклаем см.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр., соч., изд. АН СССР, т. IV, М. — Л. 1953.

256

Е. В. А.

Париж, 50, rue de Douai
Вторник, 27/15 ноября 1877

Милостивый государь,
Е... В...[1]

Я внимательно прочел Ваш рассказ — и, с сожалением должен признаться, не могу его одобрить, не могу видеть в нем следов призвания и таланта.

Все это холодно, придуманно, несмотря на весь треск и даже ярость выражений; все это пахнет не живым наблюдением над жизнью, а литературным «раздражением пленной мысли»; quasi *-гениальные замашки не скрывают устарелости риторических приемов — и только в Ваших описаньях природы, правда через меру длинных, неуместных и лизанных — мелькают кой-какие искорки.

Видите ли, м. г., как я безжалостно строг! Но дело в том, что мне не хочется, чтобы Вы погубили несколько лет жизни, данных Вам талантов, на достижение цели, которая для Вас должна быть навсегда чужой. Много начинающих писателей посылает мне свои произведения; но именно с такими начинающими, как Вы, я считаю долгом быть беззаветно правдивым; иному попасть не на свою дорогу — ничего в сущности не значит; да у него, правду сказать, своей-то дороги и нет совсем; а Вы другое дело.

Извините меня и примите уверение в совершенном моем уважении.

Ваш покорный слуга
Ив. Тургенев.

P. S. Я бы давно возвратил Вам Вашу рукопись, но Вы ни на ней, ни в Вашем втором письмо не озаботились выставить Ваш адрес; и мне пришлось отыскивать Ваше первое письмо в груде старых бумаг — что было нелегко; тем более что я все это время был довольно тяжко болен.

[1] Адресат неизвестен.

* Мнимо *(лат.)*.

237
Ж. ВАЛЛЕСУ

50, рю де Дуэ.
Пятница, 14 декабря ⟨н. ст.⟩ 1877 г.

Милостивый государь и дорогой коллега!

Спешу ответить на Ваше письмо, которое я только что получил. Я надеюсь, как и Вы, что «невезение» наконец-то кончилось, и я очень рад, что дело со «Словом» налаживается [1]. Это будет большой журнал вроде тех, которые уже выходят в Петербурге и Москве («Вестник Европы», «Русский вестник» и пр.). Каждая книжка по размеру примерно равняется трем выпускам «Ла ревю дэ дё Монд». В странице около 40 строк по 50 знаков каждая. Русский перевод может быть несколько короче французского оригинала. Между старым русским стилем и новым 12 дней разницы. 10 декабря ст. ст. — это 22 декабря нов. ст. Так как журналы выходят у нас 1-го каждого месяца, я полагаю, что они должны получить от Вас статью за 20 дней до выхода, чтобы успеть перевести. Это также срок для статей Золя. Письма из Лондона или из Парижа приходят на 4-й день.

«Слово» — орган русской либеральной партии — передовой (насколько это мыслимо в России). Вы видите таким образом, какую окраску Вы можете придать Вашим корреспонденциям. Без политики, особенно общей, социальные очерки, особенно освещающие положение низших классов общества. В Лондоне нет парижских «предместий», но там имеются Сан-Джиль, Стренд и пр. пр. Пишите памфлеты, юмористические, живописные, сатирические — русская публика очень падка на это. Отодвиньте печать и литературу на задний план. Бытовые очерки, пейзажи (не очень тщательно выписанные). У нас очень любят реализм. Вся литература теперь идет по этому направлению. Не забывайте об этом. И здесь не любят все английское — таким образом, Вы сможете писать откровенно. Я убежден, что эти

короткие указания вполне удовлетворят Вас. Желаю успеха и прошу принять уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

[1] Жюль *Валлес* — французский литератор, участник Парижской коммуны, был приговорен к смертной казни, но бежал в Лондон, где и прожил до амнистии коммунарам 1881 года. Жюль Валлес вел переговоры о сотрудничестве в демократическом журнале «Слово», который начал выходить в Петербурге с января 1878 и просуществовал до 1881 года.

238
М. П. ДРАГОМАНОВУ

50, rue de Douai, Paris
Середа, 19 декабря ⟨н. ст.⟩ 1877 г.

Милостивый государь,

Я давно собирался написать Вам, чтоб поблагодарить Вас за доставление мне Ваших изданий, цели и направлению которых я почти без исключения сочувствую [1]. Не знаю, от Вас ли я получил последнюю посылку из Женевы, заключающую стихотворный сборник: «Из-за решетки» [2] и два объявления об издании «Общины» [3] и от комитета «Общества пособия изгнанникам», но пользуюсь случаем, чтобы высказать Вам некоторые мои мнения. Что касается до «Общины», то мне было бы весьма приятно получать это издание, хотя в объявлении ничего не сказано ни о способе подписки, ни о цене. Не могу не заметить, что самое это объявление, вероятно, написано не русским, или же русским, разучившимся писать на родном языке; попадаются места, положительно непонятные (напр., стр. 6-я, строка 14 сверху и друг.); и все изложение очень спутано и темно. К объявлению от комитета не приложен устав; желательно было бы получить экземпляр.

Теперь два слова о сборнике. Не буду говорить о предисловии, талантливо и умно написанном; ограничусь только заявлением, что я не могу согласиться с мнением автора, будто бы мои труды «содействовали искажению образа нашего мученика правды ради» [4]. При данных условиях я мог сделать только то, что сделал, — и повидимому, результат не совпадает

с выводами и заключениями моего критика. Что же касается до самого сборника — то я хорошо понимаю цель, с которой он был издан; он не может не подействовать сильно на людей сочувствующих: во всех этих стихотворениях столько правды, горькой, жизненной правды; но должен сказать с сожалением: таланту в них нет и следа... Кое-что похожее на талант мелькает в произведениях «Черного»; да и то навеяно Г. Гейне. Не без оригинального оборота два стихотворения на стр. 103—104, подписанные М. М. Но, собственно говоря, ни одного поэтического, сильного звука, ни одного из тех слов, которые «не могут умереть»... А обилие минорных (весьма, впрочем, понятных) тонов, на которое намекает сам издатель, в общем возбуждает чувство сострадания, жалости — скорей, чем негодования. Нет; поэт этой эпохи русской народной жизни еще не пришел... хотя я не сомневаюсь, что он появится. Все это пока — лепет да плач.

Позвольте Вам привести небольшой пример. Я знаю стихотворение одного, далеко не гениального, старого поэта, в котором действительно поэтически схвачен один из многочисленных моментов узнической жизни, узнических чувств... а именно момент радости перед близким освобождением. Вот оно, это стихотворение (оно принадлежит Я. П. Полонскому) [5].

1

Густая крапива
Шумит под окном.
Плакучая ива
Повисла шатром.

2

Веселые лодки
В дали голубой,
Железо решетки
Визжит под пилой.

3

Бывалое горе
Заснуло в груди.
Свобода и море
Горят впереди!

4

Прибавилось духа,
Исчезла тоска...
И слушает ухо,
И пилит рука!

Если я не ошибаюсь, ничего — по верности тона, по совпадению чувств с выражением — ничего подобного во всем сборнике нет. Всякий пострадавший, например, имеет полное право проклинать «тиранов»; но если он

делает это в стихах — то пусть его проклятие будет столь же красиво, сколь и сильно — или пусть он проклинает прозой.

Вы, может быть, со всем этим не согласитесь; но мне все-таки было приятно завязать с Вами сношения; я и прошу Вас верить в искренность моего уважения.

Ваш покорнейший слуга *Ив. Тургенев.*

[1] Ко времени, когда написано это письмо, в Женеве были изданы брошюры Драгоманова «Турки внутренние и внешние» (1876) и «Внутреннее рабство и война за освобождение» (1877). В своих публицистических работах 70-х годов и позднее Драгоманов отстаивал идеи буржуазного конституционализма.

[2] Сборник «Из-за решетки» (Женева, 1877), составленный из стихотворений политических заключенных, Тургеневу послал Г. А. Лопатин.

[3] *«Община»* — издававшийся в Женеве в 1878 году народнический журнал.

[4] В предисловии к сборнику «Из-за решетки» Г. А. Лопатин писал о «Нови»: «Даже такие художники-джентльмены, как Ив. С. Тургенев, — которого, конечно, никто не заподозрит в доброхотном холопстве, — посодействовали своими трудами искажению нашего «мученика правды ради» в глазах нашего общества. Частью недостаток знакомства с последним движением и его представителями, частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его избрать своими героями наименьше характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом, вследствие чего у читателя невольно получится самое неверное представление как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и о формах их деятельности и о степени состоятельности их упований» («И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников», изд. «Academia», М. — Л. 1930, стр. 326—327).

[5] Ошибка Тургенева: стихотворение принадлежит А. А. Фету; отдельные строки Тургенев цитирует неточно.

259
Л. Я. СТЕЧЬКИНОЙ

50, rue de Douai, Paris

Вторник $\frac{7 \text{ мая}}{25 \text{ апреля}}$ 1878 г.

Милостивая государыня
Любовь Яковлевна!

Я прочел Вашу повесть и вот что имею сказать Вам: у Вас талант несомненный, оригинальный, живой

и даже поэтический, — но «Кривые деревья» печатать не следует, ибо я — извините резкость выражения — более уродливого или, говоря точнее, более изуродованного произведения не знаю! [1] Все, что Вы говорите в Вашем письме о Ваших двух героях, — совершенно верно и изобличает в Вас замечательное критическое чутье: тем удивительнее, тем непостижимее то, что Вы сделали! Задавшись задачей, которая только что под силу первоклассному таланту, а именно определением и развитием отношений Вашей героини к Мите, поставив эту задачу верно и тонко, Вы вдруг ни с того ни с сего вводите в Ваш рассказ больного, исковерканного и к тому же никому не нужного и не интересного субъекта, возитесь с ним, заставляете его все перепортить, вводите мелодраматические неожиданности,— словом, обращаете всю свою работу в прах! Как это Вы не почувствовали, что, напр., ночные сочинительства Юрия производят впечатление комическое, — и от этого шутовства Ваша живая, славная Варя пала?!!! И потом этот цитат из Беранже — что за хитро сплетенная капризная патология!! Вот уж точно можно повторить с Лермонтовым:

А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим! [2]

В клиниках бывают такие факты, что больной возьмет да откусит фельдшеру нос — что ж? и это «возводить в перл создания»? Я потому говорю с Вами так резко, что вижу в Вас дарование, из ряду вон выходящее, — и что больно видеть, как та же рука, которая начертала, напр., хоть ту сцену, где Варенька купает руки в воде, и потом ту, когда Митя ночью приходит в зимний сад, — сцены, которые бы сделали честь любому из наших писателей,— больно видеть, как та же рука путается в каких-то вычурных и скучных арабесках! По-моему, Вам остается одно: совершенно отбросить 2-ю часть с этим Юрием (которого Вы можете со временем пустить в дело в другом рассказе) — хорошенько вдуматься в историю Мити, Вареньки и ее мужа и представить нам правильное и верное развитие этой истории. Это будет живая и

интересная вещь. С одним только условием. У Вас несомненный дар психологического анализа; но он часто переходит в какую-то кропотливую нервозность, Вы хотели уловить все колебания психических состояний — и впадаете иногда в мелочность, в каприз, — наконец Вас понять невозможно или очень трудно и без нужды, безо всякой пользы. (Так, напр., я, признаюсь, хоть и раза два перечитал, а все-таки не понял, что такое происходило в Варенькиной душе после первой поездки верхом?) Мне иногда невольно припоминались слова одной барышни, которую я знавал в молодости: «Это очень трудно, потому что легко; хоть, с другой стороны, оно и легко, потому что трудно». Tirez vous de là! * И потом, как это у Вас все беспрестанно плачут, даже рыдают, чувствуют страшную боль, потом сейчас необыкновенную легкость и т. д. Я не знаю, много ли Вы читали Льва Толстого, но уверен, что для Вас изучение этого — бесспорно первого русского писателя — положительно вредно. Вы слишком часто доказали, что Вам *дело дается в руки,* чтобы не бросить всю эту возню, эти пируэты на острие булавки и т. д.

Однако довольно я Вас бранил; надо ж и похвалить... оно же и веселее. Вы пишете славным языком, несмотря на изредка попадающиеся галлицизмы («фасон, *которым* было сшито это платье, давал чувствовать» и т. д.). Описания Ваши превосходны, рельефны, просты, жизненны. Всякий раз, когда Вы касаетесь природы, — у Вас выходит прелестно — и тем более прелестно, что Вы всего кладете два, три штриха, но *характерных*... И психологической работе надо так же поступать... car le secret d'ennuyer est celui de tout dire **. В этом умении класть характерные штрихи — я вижу Ваш *поэтический* дар. Словом, из Вас может выйти писатель очень крупный; у Вас на то все данные. Разве Вы сами возьмете да испортите себя. Сожалею, что не знаю, ни сколько Вам лет, ни то, замужем Вы или девица?

---

* Выбирайтесь из этого! *(франц.)*

** Потому что секрет наскучить — это все сказать *(франц.)*.

P. S. Я раньше конца июня (нашего стиля) не попаду в Россию (так как сначала буду в Карлсбаде), — и то не в Петербург, а к себе в деревню прямо (через Динабург) — Орловской губернии, Мценского уезда. Но так как Вы живете возле Тулы, то нам можно будет там увидеться. Скажите, что делать с Вашей тетрадью? Я остаюсь здесь еще 3 недели.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Повесть Стечькиной в переработанном виде и под другим названием («Варенька Ульмина»), была напечатана в «Вестнике Европы», 1879, № 11—12.

[2] Из стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель»:

С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышут?
А если и случалось им,
То мы их слышать не хотим!

260

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Париж, 50, rue de Douai
Понедельник, 20/8 мая 1878 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, в числе различных неожиданностей, выпавших на мою долю в последнее время, не последнее место занимает переложение г-м Андреевским моего отрывка «Довольно» — на стихи. Стихи эти большею частью очень звучны и красивы — у г. А. несомненно талант — но я все-таки убедительно прошу и его и Вас не печатать их. Я сам раскаиваюсь в том, что напечатал этот отрывок (к счастью, никто его не заметил в публике) — и не потому, что считаю его плохим, — а потому, что в нем выражены такие *личные* воспоминания и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды. Я всегда, как Вам известно, старался быть, по мере возможности, объективным в том, что я делал:

а тут такая *«субъективщина»*, что беда! Мне было бы очень жутко, если б все это опять всплыло наружу. Да и в самом г. Андреевском настолько собственного фонда, что ему не для чего занимать у других и писать комментарии на чужие темы.

Итак, Вы уважите мою просьбу — не правда ли? [1]

Я сообщил Зола Ваше желание насчет литературного конгресса, литературной собственности и т. д. [2] Должно надеяться, что те из русских литераторов, которые попадут на этот конгресс, наложат на уста свои тройную печать молчания.

Здоровье мое исправилось — и я через 10 дней выезжаю в Карлсбад — а там, бог даст, в Россию.

Майские книги «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩» получены. Я успел прочесть замечательное «внутреннее обозрение» и не менее замечательную статью о *славянской идее* [3].

Здесь все занято выставкой. Наша, Русская, еще не открыта — запоздала, как оно и следовало ожидать [4].

Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Анненков сегодня вечером приезжает сюда.

[1] Стихотворение С. А. Андреевского «Довольно» появилось в «Вестнике Европы» уже после смерти Тургенева (1884, № 1).

[2] Комитет «Общества литераторов» в Париже организовал Международный литературный съезд во время Парижской выставки 1878 года. Главным предметом обсуждения на съезде были вопросы, касающиеся литературной собственности и авторского права. Русских литераторов на съезде представлял П. Д. Боборыкин.

[3] *«Внутреннее обозрение»* в майской книжке «Вестника Европы» было посвящено делу Веры Засулич. Автор доказывал разумность оправдательного приговора и подчеркивал необходимость реформ в области судопроизводства и в других областях общественной жизни. *Славянской идее* в том же номере была посвящена статья А. Н. Пыпина «Давность славянской идеи в русском обществе. По поводу статей Е. Карновича и В. Ламанского», направленная против официозного панславизма.

[4] Речь идет о Всемирной выставке в Париже 1878 года.

261

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Буживаль, Les Frênes
Четверг, 13/1-го окт⟨ября 1878 г.⟩

Любезнейший Лев Николаевич, с тех пор как я приехал сюда, я все собирался написать Вам и попросить Вас дать мне весть о себе и о семействе Вашем, так как я оставил Ясную Поляну в не совершенно благополучный момент. Хотя я уверен, что все Ваши давно выздоровели, однако мне было бы приятно узнать это от Вас самих.

Здесь я нашел все в порядке, — и собственное мое здоровье продолжает быть удовлетворительным.

Вы, вероятно, уже получили от моего приятеля, В. Рольстона, английского литератора и любителя нашей словесности, — письмо, в котором он просит Вас дать о себе несколько биографических заметок. Надеюсь, что Вы ему не отказали, так как он человек очень хороший и серьезный, — не какой-нибудь корреспондент или фельетонист. Вам уже, вероятно, известно, что Ваши «Казаки» вышли в английском переводе[1] (в Лондоне и в Америке) — и по дошедшим до меня слухам пользуются большим успехом; а Рольстон взялся написать большую статью о «Войне и мире». С своей стороны, я ему послал небольшой перечень известных мне фактов из Вашей литературной и общественной жизни и полагаю, что Вы на меня за это сетовать не будете. «Казаки» печатаются также в французском переводе в Journal de S.-Pétersbourg[2]. Мне это немного досадно, — потому что я намеревался вместе с г-жсю Виардо перевести их в течение нынешней осени; впрочем, если перевод хорош — то досадовать нечего. Не знаю, приняли ли Вы какие-либо меры для отдельного издания здесь в Париже (не знаю даже, с Вашего ли согласия сделан этот перевод), — но во всяком случае предлагаю свое посредничество... Мне будет очень приятно содействовать ознакомлению французской публики с лучшей повестью, написанной на нашем языке.

Прошу Вас адресовать свой ответ в Париж, 50, rue de Douai; мы скоро туда переезжаем, так как погода очевидно портится.

Поклонитесь от меня всем Вашим; крепко и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] «Казаки» были переведены на английский язык Евгением Скайлером в 1878 году. Еще при первом знакомстве с Е. Скайлером в 1867 году Тургенев советовал ему осуществить этот перевод. Скайлер знал Толстого лично и оставил о нем воспоминания («Русская старина», 1890, № 9 и 10).

[2] Этот перевод принадлежал Е. И. Менгден.

262

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Paris, rue de Douai
Середа, 27/15-го нояб⟨ря⟩ 1878 г.

Любезнейший Лев Николаевич, и я тоже не тотчас ответил на Ваше письмо от 27-го окт⟨ября⟩. У меня были в последнее время довольно печальные хлопоты: умер старый приятель Н. В. Ханыков в Рамбулье, около Парижа; надо было перевозить его тело, хоронить, распоряжаться по делам наследства. К тому же я немного простудился — и два дня голова болела сильно. Но теперь это все минуло — и я могу поболтать с Вами.

Радуюсь тому, что вы все физически здоровы, и надеюсь, что и «умственная» Ваша хворь, о которой Вы пишете, прошла. Мне и она была знакома: иногда она являлась в виде внутреннего брожения перед началом дела; полагаю, что такого рода брожение совершилось и в Вас. Хоть Вы и просите не говорить о Ваших писаниях — однако не могу не заметить, что мне никогда не приходилось «даже немножко» смеяться над Вами; иные Ваши вещи мне нравились очень, другие очень не нравились; иные, как, напр., «Казаки» доставляли мне большое удовольствие и возбуждали во мне удивление. Но с какой стати смех? [1] Я полагал, что Вы от подобных «возвратных» ощущений давно отделались. Отчего они знакомы только литераторам, а не

живописцам, музыкантам и прочим художникам? Вероятно, оттого, что в литературное произведение все-таки входит больше *той* части души, которую не совсем удобно показывать. Да; но в наши, уже не молодые, сочинительские годы пора к этому привыкнуть.

А что я ничего здесь не пишу — это, к сожалению, правда. Говорю: «к сожалению», разумеется, не вообще, а в отношении к самому себе. А то скука одолевает. За границей живя, перестало писаться (по крайней мере я приписываю свое бездействие заграничной жизни), а насиловать себя к этому делу, как Вам известно, нельзя. Подождем, что дальше будет.

Английский перевод «Казаков» верен, но сух и «matter of fact» *, как сам г. Скайлер [2], который на днях у меня был здесь проездом в Бирмингам, куда его назначили консулом. Я не видел французского перевода; боюсь, что он действительно вышел неудачным, ибо знаю пошиб наших переводящих русских дам. С одной стороны, я боюсь, а с другой — чуть не радуюсь; стало быть, можно будет все-таки перевести Вашу повесть и издать ее здесь.

Вы у себя травили зайцев; а я нынешней осенью тоже поохотился. Ездил в Англию к одному приятелю, имение которого лежит между Кэмбриджем и Оксфордом — и поколотил достаточное число фазанов, куропаток и т. д. Но эта охота — без собаки — в сущности довольно монотонна. Надо в таком случае превосходно стрелять; а я всегда был посредственный стрелок... да к тому же и отвык. Кстати — я посетил оба университета: Кэмбридж и Оксфорд. Пречудная и прехитрая штука эти английские воспитательные учреждения! И как же здорово они нас ненавидят!

«Евгений Онегин» Чайковского прибыл сюда в фортепианной партитуре. Г-жа Виардо начала разбирать эту вещь по вечерам. Несомненно замечательная музыка; особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто! Представьте: стихи Пушкина о действующих лицах вкладываются в уста самих лиц. Например, о Ленском сказано:

---

* Прозаичен *(англ.)*.

Он пел увядший жизни цвет —
Без малого в 18 лет.

А в либретто стоит:

Пою увядший жизни цвет и т. д.

И так почти постоянно [3].

Имя Чайковского здесь очень выросло после русских концертов в Трокадеро; [4] в Германии оно давно пользуется если не почетом, то вниманием. В Кэмбридже мне один англичанин, профессор музыки, пресерьезно сказал, что Ч⟨айковский⟩ самая замечательная музыкальная личность нынешнего времени. Я рот разинул.

Ну, однако, прощайте. Благодарите графиню за память. Всем Вашим кланяюсь — а Вас обнимаю.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] 27 октября Л. Н. Толстой писал Тургеневу: «У нас, слава богу, все здорово, но я не писал оттого, что все это последнее время был (выражаясь довольно точно) умственно нездоров». В том же письме Л. Толстой писал: «Как я ни люблю Вас и верю, что Вы хорошо расположены ко мне, мне кажется, что и Вы надо мной смеетесь. Поэтому не будем говорить о моих писаньях» («Толстой и Тургенев. Переписка». М. 1928, стр. 82).

[2] См. прим. 1 к п. № 261.

[3] Либретто оперы «Евгений Онегин» (1878) составлено самим П. И. Чайковским при участии К. С. Шиловского, которому принадлежит французский и русский текст куплетов Трике.

[4] В сентябре 1878 года Н. Г. Рубинштейн (делегат России в музыкальном отделе Всемирной выставки в Париже) устроил в зале Трокадеро в Париже четыре концерта русской музыки; там были исполнены и произведения Чайковского. После этих концертов имя Чайковского приобрело широкую известность во Франции.

263

Е. В. А.

Париж, 50, rue de Douai
Четверг, 26(14) декабря 1878 г.

Милостивый государь Е... В...

Спешу ответить на Ваше письмо, которое тронуло меня своей искренностью и правдивостью. Откровенно говоря, я лишь смутно припоминаю содержание статьи,

присланной Вами год тому назад; только впечатление сохранилось во мне, что автор — человек умный, развитой, — но призванный действовать не на беллетристическом поприще. Я, вероятно, выразился бы с меньшей уверенностью и резкостью, если бы я тогда же знал, что Вам всего 19 лет. Весьма сожалею о том, что мое письмо причинило Вам столько душевного горя. Но дело еще поправимо во всяком случае; хотя и теперь, из самого склада Вашего письма, я готов вывести заключение, что Вы скорее призваны быть публицистом, критиком, педагогом. Но я могу ошибаться. Вам не для чего опускать руки; попытайтесь *рассказать,* не прибавляя от себя *никаких* рассуждений и соображений, какой-нибудь простой жизненный случай, где были бы замешаны две-три личности: возьмите сюжет из окружающей Вас среды, из воспоминаний Вашей молодости, — но только с тем, чтобы Ваше «я» не было на первом плане, — и посмотрим, что из этого выйдет... Вы вот, напр., как бы сожалеете о том, что Вы уже не раз встречались с *мыслями,* которые казались Вам Вашими собственными; истинный поэт, который *думает образами,* никогда бы не почувствовал ничего подобного. И если у Вас окажется хоть частица этого поэтического дара, все другое приложится Вам: ибо в уме у Вас недостатка нет. Если же Вы сами вторично убедитесь, что Вам образы и краски не даются — то все-таки унывать нечего: у Вас еще остается целая область, в которой Вы можете быть хозяином. Молодое самолюбие обыкновенно при первой неудаче готово само себя смешать с грязью: так и Вы — величаете себя Третьяковским. Третьяковский потому только был смешон, что стремился быть стихотворцем, не имея на то никакого призвания; а пойми он, в чем состояло его *дело* — при его познаниях и уме (Т. был учен и далеко не глуп) — он бы мог принести великую пользу. Вы говорите, что покойный Ваш учитель признавал в Вас талант: это, конечно, много значит — и я первый готов буду отказаться от слов своих, если Вы мне докажете, что я ошибался, докажете, что Вы умеете *рассказывать.* Помните: scribitur ad narrandum,

non ad probandum *. Быть может, Вы теперь еще не подозреваете, как оно трудно, Вы едва ли поверите, что *правдиво* и *просто* рассказать, как, например, пьяный мужик забил свою жену, — не в пример мудренее, чем составить целый трактат о «женском вопросе». Это две совсем отличные сферы: весь вопрос в том, какая из них свойственнее Вам. Еще небольшое замечание: пишите просто; помнится, Ваши описания природы, хотя и красивые, были очень изысканны и вычурны: не забывайте — *самый благовонный цветок никогда не пахнет духами.* И уж коли пошло дело на откровенность: зачем это Вы беспрестанно употребляете слова: «я имею честь», «я имел честь»... Все это ненужно.

Посылаю Вам, по Вашему желанию, мою фотографию. Она предрянная, да у меня другой нет. Если у Вас есть своя, пришлите мне ее — я увижу, совпадает ли Ваш образ с тем, каким он сложился в моей голове.

Примите уверение в моем искреннем уважении и желании Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

264

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Париж, 50, Rue de Douai
Суббота, 28/16-го декабря 1878 г.

Ну, любезнейший Михаил Матвеевич, поздравляю Вас с приобретением нового талантливого сотрудника. Я только что прочел «Надо жить» — в декабрьском № «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩». Кто этот Лукьянов? [1] Если он молодой человек — из него может выйти дельный писатель. Передайте ему выражения моего сочувствия, если Вы полагаете, что это может доставить ему удовольствие. Показать оригинальную физиономию — с первого же опыта — это много. Можно указать на некоторые недостатки: небрежности (особенно галли-

* Пишу, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать (*лат.*).

цизмы) слога — хотя язык очень хорош; некоторый излишек подтрунивания; а главное: вследствие неизбежного (по милости сюжета) введения иносказательности на щедринский манер — иные диалоги (особенно диалог между Hermance и Саханиным) — страдают темнотою и даже вычурностью... но все это не важно. Важно проявление таланта несомненного и живого. С интересом буду ждать последующих трудов г-на Лукьянова.

От г-жи Стечькиной все еще не получил второй части ее романа, хотя она мне писала, что она почти совсем готова [2].

Мне лучше; подагра на этот раз сделала несильный приступ. Но я все еще не выезжаю.

Жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

[1] Псевдоним публициста Л. А. Полонского.
[2] См. п. № 259.

265

П. В. АННЕНКОВУ

50, rue de Douai, Paris
Пятница, 24-го янв(аря н. ст. 18)79 г.

Сообщаю Вам, любезнейший Павел Васильевич, постигшее меня горе: в прошлое воскресение брат мой Николай Сергеевич скончался в тульской своей деревне. Мы с ним видались редко, интересов общих не имели... а все-таки брат! Тут есть кровная бессознательная связь, которая сильнее многих других. Вам, вероятно, известно, что он свое имение и капиталы завещал племяннице своей жены; однако оставил мне 100 000 р.; по крайней мере писал мне об этом. Но люди, окружавшие его в последние годы его жизни, такого свойства, что им ничего не стоит утащить и эти деньги; я принял меры предосторожности — и, вероятно, немедленно отправился бы в Россию, если б именно теперь не страдал новым припадком по-

дагры; вот 10-й день, как я не выхожу из комнаты — и раньше недели не буду в состоянии сесть в карету; впрочем, если те господа *распорядились,* — то это произошло в самый день кончины до наложения печатей. Жду теперь письма от моего управляющего, которому дал доверенность действовать от моего имени. Если поеду скоро, то непременно — через Брюссель.

«Страшный» день 20-е янв⟨аря⟩ прошел благополучно, хотя республика получила все-таки порядочный толчок. Дюфор в сущности ничего не обещал; да и не мог он ничего обещать, так как главное затруднение не в нем, а в сидящем за его спиною Мак-Магоне. Пока этот барин — президентом, клерикалы и бонапартисты — особенно клерикалы — будут обладать действительною властью [1]. Для Мак-Магона, как и для нашего владыки [2] — республиканец и разбойник — синонимы; с тою только разницею, что республиканец осторожнее и хитрее и что, след., и с ним хитрить надо.

Обезмуженный (заметьте приличие моего выражения) «Вестник Европы» навел меня на мысль, что «как, мол, скверно быть редактором в России!..» [3] А пылкий старец Лавров на днях кричал у меня в комнате, потрясая бородою и та́я глазами: «Конституционалисты — трусы, не знают своей силы! Им стоит с твердостью заявить свой принцип — и правительство не может не уступить, не может! не может!» Даже кулаки при этом поднимал, — не переставая, однако, отдавать ландышем и липовым медом. Вот тут и подите! Но в этом январском №-е есть хорошие вещи: прежде всего статья Таганцева; рассказ о бракоразводном деле; статья о социалистах тоже хорошо составлена, вероятно, тем же hic et ubique* Л. Полонским [4].

С нетерпением ожидаю Вашего 2-го томика; он, вероятно, замешкался по случаю больших снегов. Не знаю, как другие, а я его прочту от доски до доски и уж, наверное, с великим удовольствием [5].

Сходство с В. Коршем в портрете Л. Н. Толстого Вы подметили верно; а между тем — уж на что

---

* Вездесущим *(лат.)*.

противуположные личности! Я, кстати, пробежал книжечку Толстого — экий мастер! Жаль, что не попали в нее две-три сцены из «Казаков» [6].

До свидания. Может быть, до скорого. Кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] 20 января 1879 года во Франции происходили сенатские выборы. Борьба между президентом Мак-Магоном, стоявшим за восстановление монархии, и главой кабинета министров Дюфором, опиравшимся на республиканцев, закончилась вскоре уходом Мак-Магона.

[2] То есть для Александра II.

[3] Говоря об «обезмуженном» номере «Вестника Европы», Тургенев имеет в виду историю с «внутренним обозрением» Л. Полонского, которое было вырезано из первого номера журнала за 1879 год.

[4] Тургенев перечисляет следующие работы, помещенные в № 1 «Вестника Европы» за 1879 год: статью И. Р. Тарханова (Тургенев ошибочно называет его Таганцевым) «Психомоторные центры у человека и животных», рассказ К. Никулиной (К. В. Назарьевой) «Специалист. Страница из женской жизни», статью Л. А. Полонского «Социальное движение в Германии», представлявшую собой реферат книги Ф. Меринга «Немецкая социал-демократия, ее история и учение» (1878).

[5] Речь идет о втором выпуске «Воспоминаний и критических очерков П. В. Анненкова» (1879). В этом сборнике Анненков перепечатал несколько своих статей о Тургеневе.

[6] М. М. Стасюлевич выпустил в серии «Русская библиотека» том избранных произведений Л. Н. Толстого («Русская библиотека», вып. IX — Гр. Л. Н. Толстой, Избранные произведения. СПб. 1879), куда вошли «Детство», «Севастополь в декабре месяце», «Три смерти», басни, рассказы для детей, отрывки из «Войны и мира» и «Анны Карениной».

266

Г. ФЛОБЕРУ

Париж, 50, rue de Douai
Четверг утром ⟨13 февраля ст. ст. 1879 г.⟩

Любезный друг мой,

Из телеграммы, которую я послал сегодня утром, Вам уже известно о крушении всех наших планов [1]. Вот подробности. Когда я вернулся в Париж, мы ре-

шили следующее: я должен был постараться переговорить с Гамбеттой, потом с Ферри и, если понадобится, с Бодри. В четверг вечером получаю первое письмо Золя (при сем прилагается) и вследствие этого — задержка. Прошу свидания у госпожи Э. Адан — ответа нет. В понедельник утром — письмо от Золя вместе с записочкой госпожи Шарпантье (посылаю Вам и это). Судите о моем изумлении. Нанимаю извозчика и еду прямо в президентский дворец, чтобы повидать Гамбетту (Шарпантье обещались получить окончательный ответ в субботу.). Меня не принимают, но мне удается повидать его личного секретаря, господина Арно (сына госпожи Арно де л'Ариеж). Разъясняю ему все дело: он благосклонно выслушивает меня, хоть и вертится на стуле, записывает что-то на бумажку и торжественно обещает прислать ответ завтра же утром. Разумеется, никакого ответа нет. Отправляюсь к его матери, с которой только что познакомился. Каменное лицо. Возвращаюсь домой, пишу Гамбетте письмо и в тот же вечер отвожу его госпоже Арно, прося передать его через посредство сына. Присовокупляю, что приеду к ней за ответом на другой день. На другой день, то есть вчера, в среду, снова еду к госпоже Арно: никакого ответа! В то же время получаю письмо от госпожи Адан, о которой говорили, будто она уехала в Канны (письмо ее тоже прилагаю). Надеваю фрак, белый галстук — и вот я в ее салоне, где собираются почти что все политические знаменитости и откуда управляют и распоряжаются Францией. Она принимает меня очень хорошо, я ей излагаю дело... «Да ведь Гамбетта как раз здесь, он курит после обеда, мы в один миг все узнаем». Она возвращается минуты две спустя: «Это невозможно, сударь, — у Гамбетты уже есть кандидаты». Тут входит с непринужденным видом сам диктатор: я никогда не видел, чтобы дрессированные собаки так плясали перед хозяином, как пляшут перед ним министры и сенаторы. Он заговаривает с одним из них. Госпожа Адан берет меня за руку и подводит к нему; но великий муж отклоняет честь познакомиться со мною и повторяет

достаточно громко, чтобы мне было слышно: «Я не желаю — сказано, что невозможно». Я незаметно исчезаю, возвращаюсь домой, *погруженный* — как говорится — в раздумья, о которых нет нужды Вам сообщать. Вот и полагайся на любезные слова и обещания.

Места, о которых говорит госпожа Шарпантье, будут предоставлены гг. Бодри и Сури.

Ну, что ж, старина, надо все это выбросить вон из головы и снова приняться за работу, за литературную работу — единственную, достойную такого человека, как Вы. Я уеду только в *субботу* (в 7 час. утра). Вы успеете мне написать. Дайте о себе знать; можете ли уже ходить на костылях?

Напишу Вам из Москвы.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш *Ив. Тургенев*

P. S. Пишу несколько слов Вашей племяннице.

[1] В конце жизни тяжелобольной Флобер находился в трудном материальном положении. Друзья Флобера, в том числе и Тургенев, хлопотали о предоставлении ему должности в библиотеке Мазарини.

267
П. В. АННЕНКОВУ

Bougival. Les Frênes. Chalet (Seine et Oise).
Суббота 8-го ноября/27-го окт⟨ября 18⟩79 г.

Любезный друг Павел Васильевич, пишу Вам все еще из моего красивого захолустья, в котором намерен пробыть до конца настоящего месяца. Супруги Виардо переехали уже в Париж, — но я остаюсь вместе с детьми — так как маленькой Жанне предстоит еще трехнедельное заключение — и сама Didi должна хорошенько поправиться после родов. Здоровье мое удовлетворительно, а бездействие замечательно. Написал крошечный отрывок из Воспомина-

ний 48-го года[1], который будет помещен в I-ом томе нового салаевского издания, да кстати перечитываю присланные томы, в которых открываю значительное число опечаток. А кажется, что как просил, даже в контракте поместил пункт по этому вопросу! Но, видно, уж такова моя судьба!

Роман Доде мне менее понравился, нежели Вам, вероятно потому, что по самой натуре сюжет — вместо типов, являются одни портреты, чуть-чуть застланные прозрачной дымкой. А ведь интересны только типы... Но талант все-таки весьма большой — и успех громадный — не то что «Нана» Зола или Золя, которая провалилась или проваливается торжественно, несмотря на похабность сюжета и множество непечатных выражений. Я читаю эту штуку в Voltair'e и скуку чувствую необычайную. Вот чего, наверное, друг мой Зола не ожидал! [2]

Кстати, прочли ли Вы в «Вестнике Европы» — повесть, или отрывок повести, под заглавием «Полоса»? Если я не ошибаюсь, это очень замечательная вещь, сильный и новый талант, и представьте: автор — женщина, некая Лановская [3], бедная и больная, живущая в Москве.

Повесть Стечькиной явится, как я уже, кажется, сказал Вам, в ноябрьском № «Вестника Европы». Я уже прочел здесь корректурные листы — и вынес прежнее впечатление.

Все, что Вы говорите о современном историческом русском романе, — абсолютно верно. Знамение времени! Невольно вспоминается изречение Гете:

Getretner Quarck
Wird breit, nicht starck [4].

Начал читать последнюю часть Ренана — L'église chrétienne [5]. Любопытно — но на мой профанский вкус — trop ingénieux *.

Засим желаю Вам всего хорошего, кланяюсь всем Вашим — и до свидания в Бадене!

Ив. Тургенев.

---

* Слишком замысловато *(франц.)*.

P. S. Недавно за завтраком у Орлова познакомился с цесаревичем и его женой [6]. Он мне понравился: чистое и открытое лицо. А впрочем... Но что такое *фельдмаршал* Николай Николаевич!! (Мне и с ним пришлось познакомиться.) Уму непостижимо!

[1] «Человек в серых очках» (см. т. 10 наст. изд.).

[2] Роман А. Доде «Короли в изгнании». *«Вольтер»* — газета, в которой сотрудничал Золя.

[3] *«Полоса»* — очерк; посвящен памяти Василия Алексеевича Слепцова (за подписью Л. Н.) — «Вестник Европы», 1879, № 10.

[4] «Раздавленная дребедень расползается вширь, но не твердеет» — Гете, «Западно-восточный диван», книга изречений, стих. 49.

[5] Эрнест Ренан, История происхождения христианства. 8 частей, 1863—1883. В 1879 году вышла шестая часть — «Христианская церковь».

[6] За завтраком у русского посла в Париже Тургенев познакомился с наследником престола, будущим царем Александром III и его женой — датской принцессой Дагмарой (Мария Федоровна).

268
Л. ПИЧУ

Париж, 50, rue de Douai
Понедельник, 8 декабря ⟨н. ст.⟩ 1879 г.

Вот Вам, почтеннейший мой друг, полное объяснение [1].

1) Телецкий — петербургский чиновник, ничего не смыслящий ни в сельском хозяйстве, ни в его установившейся терминологии, но он хочет и будет управлять.

2) По старому обычаю (да и теперь еще), вся возделываемая земля имения делится на три равных части; одна часть засевается рожью — вторая овсом, гречихой и т. д. — третья под паром (en jachères) — и каждый год их меняют. Это первобытное земледелие: держится, однако, до сих пор — и носит название трехпольной системы. К этому прибавьте лес и луга, где косят сено, — и, наконец, непригодную к обработке землю (плохая, или же сады, парки; вообще засеянная земля). Каждая из этих трех частей по-русски называется клином — и когда спрашивают,

сколько десятин (Acker) в имении — то отвечают, сколько их есть в клину. Если, например, говорят 100, то это значит, что во всем имении приблизительно 400 десятин — 300 в трех клинах — и около 100 (таково обычное отношение) под лугами, садами, лесом и непригодной к обработке земли. Сверх того, до самого последнего времени угодия были разделены на много отдельных частей (terres morcelées), и только хорошие имения обладали «круглой границей» — то есть были цельными, что по-французски переведено d'un seul tenant — Телецкий этого, конечно, не понимает. Слово «клин» перевели как sol. Стало быть, если Егор отвечает — 275 dessiatines dans chaque sol * — то это значит в общем больше 800; Телецкий и этого не понимает — и затем поражен численностью десятин. Когда же дальше он говорит о земле, находящейся под паром (en friche), то Егор думает, что он хочет знать, сколько есть непригодной к обработке земли, — и отвечает приблизительно — потому что — по патриархальному обычаю — земля эта, как *необработанная*, не измерялась.

Думаю, что теперь я изложил Вам это так же обстоятельно — как и знаменитый спор об одеколоне (помните?), и засим да хранит Вас бог.

Ваш *И. Тургенев.*

[1] Это объяснение Тургенев дает в связи с тем, что Людвиг Пич переводил пьесу Тургенева «Нахлебник» не с оригинала (он не владел русским языком), а с французского перевода. *Телецкий* — немецкое произношение фамилии героя «Нахлебника» Елецкого. «Нахлебник» появился на немецком языке в 1879 году.

269
Л. Н. ТОЛСТОМУ

50, Rue de Douai, Paris
Суббота, 24/12-го янв(аря 18)80 г.

Любезнейший Лев Николаевич,

Переписываю для Вас с дипломатической точностью отрывок из письма Г. Флобера ко мне — я

* 275 десятин в каждом клине *(франц.)*.

ему посылал перевод «Войны и мира» (к сожалению, довольно бледноватый).

«Merci de m'avoir fait lire le roman de Tolstoï. C'est de premier ordre! Quel peintre et quel psychologue! Les deux premiers volumes sont *sublimes;* mais le troisième dégringole affreusement. Il se répète! et il philosophise!! Enfin on voit le monsieur, l'auteur et le Russe tandis que jusque là on n'avait vu que la Nature et l'Humanité. Il me semble qu'il y a parfois des choses à la Shakespeare! Je poussais des cris d'admiration pendant cette lecture... et elle est longue! Oui, c'est fort! bien fort!» [1]

Полагаю, что — en somme * — Вы будете довольны.

«Война и мир» роздана мною здесь всем главным критикам. Отдельной статьи еще не появлялось... но уже 300 экз. продано. (Всех прислано 500.)

Вексель для Ч.[2] мною получен от конторы Кинена.

Я выезжаю отсюда в будущую середу — надеюсь быть в Петербурге дней через 10. Так как мне придется съездить в Москву и в деревню, то, конечно, увижу Вас.

Пока желаю Вам всего хорошего, дружески жму Вам руку и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

P. S. Прилагаю вырезку из газеты «XIX siècle» [3].

[1] Роман Л. Толстого «Война и мир» вышел на французском языке в 1879 году в переводе княгини И. Паскевич. Флобер писал Тургеневу: «Благодарю за то, что Вы дали мне возможность прочитать роман Толстого. Это перворазрядная вещь! какой художник и какой психолог! Два первые тома *изумительны,* но третий страшно катится вниз. Он повторяется! и философствует!! Одним словом, здесь виден он сам, автор и русский, тогда как до тех пор видны были только природа и человечество. Мне кажется, что кое-где есть места шекспировские! Я вскрикивал от восторга во время чтения... а оно продолжается долго! Да, это сильно, очень сильно!»

[2] Речь идет, повидимому, о Н. В. Чайковском, одном из видных деятелей революционного народничества. У Толстого жил

* В общем *(франц.)*.

в качестве домашнего учителя В. И. Алексеев, последователь Чайковского.

[3] В этой газете (23 января 1880 г.) было напечатано письмо Тургенева к редактору Э. Абу о «Войне и мире». См. т. 11 наст. изд.

270
М. О. АШКИНАЗИ

Суббота, 29-го января 1880 г.

Любезный г. Ашкинази!

Я виноват перед Вами в том, что не ответил немедленно на Ваше второе письмо (не присылку); но я не отступил от данного мною обещания: Ваш роман находится в руках Зола, который дал мне слово похлопотать о помещении его в «Voltair'e». Когда это исполнится — сказать трудно: он слишком волюминозен, как я уже сказал Вам, — и его придется сокращать [1].

Что же касается до Вашего вопроса и сомнения, то скажу Вам откровенно, что я не сочувствую направлению Вашего произведения; но так как я старый либерал не на одних только словах — то уважаю свободу убеждений, даже противных моим — и не только не почитаю себя вправе стеснять их выражение — но не вижу причины уклоняться или способствовать к тому, чтобы они высказались — особенно когда дело идет о литературном произведении. Если бы я хоть отдаленно участвовал в правительстве — дело было бы другое; но я именно потому и держался всегда в стороне, чтобы сохранить за собою полную свободу, полную свободу поступков и воззрений. Я не принадлежу к той школе, которая полагает, что надо стараться утаить шило в мешке; напротив, пусть оно выйдет наружу: значит, в этом месте мешок гнил. И вот почему я, постепеновец, не обинуясь, готов помочь появлению произведения, написанного революционером. Не сомневаюсь, однако, в том, что во избежание недоразумений или повторения истории с Павловским [2] Вы поймете необходимость не разглашать моего участия.

Я передал Зола Ваш адрес, а он будет держать Bac au courant *.

В Россию я действительно возвращаюсь на днях;— вероятно, поеду в деревню, но никаких сочинений оканчивать не буду, так как ни одно у меня даже не начато.

Примите уверение в моем уважении.

Ив. Тургенев.

[1] Михаил Осипович *Ашкинази* (1851—1914), политический эмигрант, публицист и переводчик, написал роман «Жертвы царя», с планом которого в 1879 году ознакомил Тургенева. «Главная идея романа, — пишет Ашкинази в своих воспоминаниях,— была та, что как ни ложно, была бы настроена молодежь, как далека ни была бы она от мысли о каком бы то ни было насильственном перевороте, но преследования так мучительны и жестоко произвольны, что в конце концов молодежь начинает усматривать выход только в терроре» (см. «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников», изд. «Academia», М.— Л. 1930, стр. 194—195). Тургенев одобрил замысел и содействовал напечатанию романа. Роман появился не в журнале «Вольтер», ближайшим сотрудником которого был Золя, а вышел в свет отдельным изданием в Париже в 1881 году.

[2] В 1879 году Тургенев поместил в парижской газете «Temps» предисловие к очерку политического эмигранта И. Я. Павловского «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста», чем навлек на себя преследования реакционной прессы. См. т. 11 наст. изд.

271

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Спасское-Лутовиново
Середа, 8-го мая ⟨н. ст.⟩ 1880 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, работа моя пошла скорее, чем я предполагал, завтра я ее кончу — и Вы ее получите за несколько дней до 20-го мая [1]. Но так как она вышла уже вовсе не для *народа* (для которого я не умею писать — да он же и не ведает Пушкина), а для людей культурных — то я написал Юрьеву (президенту Общества любителей р⟨оссийской⟩ словесности) — что я не согласен ни печатать ее от-

* В курсе дела *(франц.)*.

дельно, ни раздавать бесплатно. Ставши простою речью между другими речами, моя работа не имеет никакого права на предпочтение перед другими. Это могло бы оскорбить моих собратьев — а меня поставило бы в ложное положение. Результатом всего этого будет то, что *к Вам* я пошлю мою штуку заблаговременно — а *в Москву* перед самым праздником, ради верности. Маленькое предисловьице для «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩» я все-таки прибавлю — в нем я укажу на распространившийся слух, будто я согласился написать нечто для народа. Общество Любителей р⟨оссийской⟩ с⟨ловесности⟩ успеет еще, если захочет, составить для бесплатной раздачи краткую популярную биографию Пушкина.

По приезде сюда я был встречен следующею новостью: между всеми здешними мужиками и бабами ходили толки, что вследствие взрыва во дворце [2] меня государь приказал замуровать в каменный столб и надеть мне на голову двенадцатифунтовую чугунную шапку. Вот в какие цветики выращиваются семена, столь тщательно посеянные опытными руками гг. Катковых и К°.

Все эти дни я в печальном настроении. Смерть моего друга Флобера меня глубоко поразила. Золотой был человек и великий талант!

Вы ведь передали письмо мое Гинцбургу? Кажется, продажа моего имения моему арендатору — состоится — и тогда доверенность окажется лишней. Завтра это, вероятно, решится [3].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Прочел я статью Анненкова в «В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩» [4]. Это — просто чудесно. Меня он вывернул как перчатку, показав мне самому все мое сокровенное. Что, ничего еще не слышно о нем? Быть может, он уже приехал в Петербург? Без него — Пушкинский праздник будет *крив* — как стол, на котором недостает соли.

[1] Речь Тургенева по поводу открытия памятника Пушкину была напечатана в № 7 «Вестника Европы» за 1880 год (см. т. 11 наст. изд.).

[2] Взрыв в Зимнем дворце был произведен 5 февраля 1880 года народовольцем Степаном Халтуриным.

[3] Очевидно, речь идет о хлопотах Тургенева в связи с продажей имения Танки. См. Первое собр. писем И. С. Тургенева, СПб. 1884, стр. 358—359.

[4] В пятом номере «Вестника Европы» за 1880 год печаталось окончание известной работы П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие 1838—1848».

272

В. М. ГАРШИНУ

С. Спасское-Лутовиново (Орловской губ. г. Мценск)
Суббота, 14-го июня ⟨ст. ст.⟩ 1880 г.

Милостивый государь
Всеволод Михайлович,

Я пишу к Вам, хотя не имею удовольствия знать Вас лично; но я узнал, что Вы в настоящее время нездоровы, — и мне хочется выразить Вам свое участие и сочувствие [1]. Я надеялся познакомиться с Вами в Петербурге, чрез посредство Г. И. Успенского; но Вы тогда уже уехали оттуда. С первого Вашего появления в литературе — я обратил на Вас внимание, как на несомненный, оригинальный талант; я следил за Вашей деятельностью — а Ваше последнее произведение (к сожалению, неоконченное) — «Война и люди» — окончательно утвердило за Вами, в моем мнении, первое место между начинающими молодыми писателями [2]. Это же мнение разделяет и гр. Л. Н. Толстой, которому я давал прочесть «Войну и людей». Мне очень было бы жаль, если бы Ваша болезнь помешала бы дальнейшему развитию Вашего таланта, — и я надеюсь, что она не будет продолжительна — и что, как только Вы поправитесь, Вы немедленно, с удвоенными силами, приметесь за перо. Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников: Вы из их числа. Мне также много говорила о Вас Варвара Васильевна Лодыженская, с которой я недавно познакомился и которая также одарена замечательным талантом [3].

Мне было бы весьма приятно получить от Вас весточку: я бы приветствовал ее как окончательное возвращение Ваше к здоровью и деятельности. Я уезжаю на днях за границу; мой адрес до зимы (я зимой вернусь в Петербург) — Париж, rue de Douai, 50.

Примите дружеское пожатие руки от литературного собрата и уверение в искреннем уважении

Вашего покорного слуги

Ив. Тургенева.

[1] С февраля 1880 года до начала следующего года В. М. Гаршин был болен тяжелой психической болезнью.

[2] Рассказ Гаршина «Люди и война» (глава первая) был опубликован в № 3 «Русского богатства» за 1880 год. В конце рассказа значилось: «Продолжение следует», но продолжения не последовало. Замысел цикла «Люди и война» не был осуществлен. Во «Второй книжке рассказов» Гаршина (1885) упоминаемое Тургеневым произведение было напечатано под новым названием — «Денщик и офицер».

[3] В. В. Сомова (урожденная Лодыженская) не оправдала высокую оценку, которую дает ей здесь Тургенев: имя ее осталось в литературе неизвестным.

273

П. В. АННЕНКОВУ

(Seine et Oise) Bougival. Les Frênes.
Середа, 13(1) октября 1880 г.

Милый П. В.

И откуда Вы это взяли, что один из нас на другого дуется? Это после сорокалетней-то дружбы! А не писал я Вам по трем причинам: во-первых — я провел неделю в Англии (ездил стрелять фазанов и куропаток — и ужасно скверно стрелял) — впрочем, это не настоящая причина; во-вторых — на меня нашло какое-то нежелание, недумание, неделание, а потому — и неписание; но и это не настоящая причина, а в-третьих — и это главное — вот уже месяц, как я денно и нощно озабочен возможностью свадьбы для моей милой Марианны [1]

(но это, пожалуйста, сохраните в тайне), которая в первый раз серьезно полюбила и которую полюбили тоже серьезно; существуют некоторые (надеюсь, устранимые) препятствия; и хотя, собственно, я тут сделать ничего не могу — но ни о чем другом думать не в состоянии. А потому не взыщите на меня — и знайте, что моя дружба к Вам — та же скала, которую ни волны, ни ветры поколебать не могут: Dixi — et animam meam salvavi.

Впрочем — все идет потихоньку да полегоньку. Здоровье мое недурно — подагра молчит — и я даже — о чудо! — раза два верхом ездил, причем, конечно, натер себе задницу — а впрочем, никакой себе беды не причинил. Видался здесь с толстым и милым Ковалевским, который недели две пролежал от нарыва на ноге — но теперь совсем здоров; видался с разными «Алéками», говоря à la Dostoïevsky; [2] Салтыков уехал — Арапетов еще тут торчит. Вам, конечно, известно, что Стасюлевичу разрешено водружение знамени, около которого долженствует сгруппироваться слабосильная и малочисленная «конституционная» партия: разрешено появление «крамольного» журнала под названием: *«Порядок»* [3].

Я обещал поставить ему в 1 номере фельетончик в виде отрывочка из «Воспоминаний»; [4] до сих пор еще ничего не оторвал. Вероятно, он и к Вам обратится. Надо помочь хорошему делу. А в то же время прочли Вы начальническую нотацию, сделанную гр. Лорис-Меликовым всем редакторам?

«Приглашаю, мол, Вас идти по этой дороге; впрочем, не скрываю, что если Вы слишком усердно пойдете, то можете получить удар палкой по носу». Помните, как Белинский в Зальцбрунне смеялся одной услышанной мною немецкой фразе: «Следует парить — но умеренно». Вот и нам самим пришлось парить или пáрить — как угодно — умеренно. Мы остаемся в Буживале до конца октября или начала ноября; а там в Париж — а в дéкабре я думаю в Питер. Надеюсь, что все Ваши веселы и здоровы; кланяюсь всем и обнимаю Вас.

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет об одной из дочерей Луи и Полины Виардо.

[2] *Ковалевский* Максим Максимович — известный юрист и социолог, хорошо знавший Тургенева и участвовавший в чествовании его в Петербурге в 1879 году, автор воспоминаний о Тургеневе («Минувшие годы», 1908, № 8). *«Алéки»* — зашифрованное название людей революционного образа мыслей. Говоря о «разных «Алéках», Тургенев намекает на речь Ф. М. Достоевского о Пушкине, произнесенную 8 июня 1880 года. В этой речи, характеризуя созданный Пушкиным в «Цыганах» тип Алеко, Достоевский заметил, что люди, подобные Алеко, «еще долго, кажется, не исчезнут». «И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — интеллигентного общества, то все равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новой верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного».

[3] Либеральная газета *«Порядок»* выходила в 1881—1882 годах.

[4] В № 1 «Порядка» Тургенев поместил очерк «Старые портреты (Отрывки из воспоминаний своих и чужих)». См. т. 8 наст. изд.

274

Л. ПИЧУ

50, rue de Douai, Париж
Суббота, 21 ноября ⟨н. ст.⟩ 1880 г.

Мой милый друг!

Когда я Вам краткости ради телеграфировал, что разрешаю Вам перевести мой «Essai sur Pouchkine» *, я удивлялся про себя: неужели же Пич научился и русскому языку? Потому что французского «Essai sur Pouchkine» — нет, но в мае я произнес в Москве довольно длинную русскую речь о Пушкине, по случаю открытия ему памятника [1].

О том, чтоб эта речь была переведена на французский язык, я ничего не слыхал! Позже — в июле она появилась в «Вестнике Европы» в Петербурге. Как?

---

* Речь о Пушкине *(франц.)*.

Вы, мой старый друг и благодетель, думаете, что я мог написать хоть одну строчку на другом языке, кроме русского?! Так Вы меня позорите?! Для меня человек, который считает себя писателем и пишет не только на одном — притом своем родном языке — мошенник и жалкая, бездарная свинья. Кроме того, речь эта имеет значение только для России — для иностранца в ней нет ничего интересного.

Поэтому оставим лучше этот «Essai» в покое. Теперь я снова в Париже и в конце этого года еду в Петербург. В Берлине, конечно, повидаю Вас. Засим сердечный привет!

Ваш *И. Тургенев.*

[1] Речь о Пушкине была произнесена Тургеневым в заседании Общества любителей российской словесности не в мае 1880 года, как он сообщает здесь, а 7(19) июня (см. т. 11 наст. изд.).

275

Е. И. РАГОЗИНУ

50, rue de Douai, Paris
Вторник, 30/18-го ноя⟨бря 18⟩80 г.

Любезнейший Евгений Иванович,

Сейчас получил я Ваше письмо и «Аленький цветочек» Аксакова — который есть не что иное, как переделка известной сказки: La Belle et la Bête[1].

Что же касается до «Постоялого двора» — то, разумеется, я не только согласен на появление его в народном издании, — но очень был бы этому рад; нужно, однако, получить разрешение моих издателей, в котором я, впрочем, не сомневаюсь: а для большей верности прилагаю несколько строк, к ним обращенных[2].

Я очень рад успеху картины Куинджи;[3] очень было бы хорошо, если б он прислал ее сюда на выставку — она несомненно произведет фурор и здесь. Я говорил ему об этом — и брал на себя все хлопоты. Напомните

ему лично или через знакомых об этом. Пусть он спишется со мною.

К новому году я надеюсь быть в Петербурге — и, конечно, всех вас увижу. Пока — прошу поклониться Вашей милой жене и принять уверение в совершенном моем уважении и дружеских чувствах.

Ив. Тургенев.

[1] «Красавица и чудовище» — сказка французского писателя Шарля Перро.

[2] «Постоялый двор» Тургенева был издан отдельным изданием Петербургским комитетом грамотности в 1881 году. В эти годы право на издание сочинений Тургенева принадлежало фирме «Наследники бр. Салаевых».

[3] Речь идет о картине А. И. Куинджи «Ночь на Днепре» (1878), пользовавшейся большим успехом на художественных выставках в России. Тургенев в качестве секретаря «Общества русских художников в Париже» хлопотал о том, чтобы картина была выставлена и в Париже. 10 декабря 1880 года «Ночь на Днепре» была доставлена в Париж.

276

П. В. АННЕНКОВУ

50, rue de Douai, Paris
Четверг, 4 февраля ⟨н. ст.⟩ 1881 г.

Любезный друг П. В.

Во-первых, получаете ли Вы в Бадене «Страну»? Прочли ли Вы в № от 15 января статью о Чернышевском? [1] Если нет, скажите — я Вам ее вышлю — а Вам советую подписаться на эту *лучшую* нашу газету. Статья эта — благородный поступок честного человека, желающего добра правительству.

Во-вторых. Я до сих пор все еще получаю ругательнейшие анонимные письма по поводу Флобера... вот разворошил шмелиное гнездо. Ай да патриоты! Прилагаю Вам как документ — вырезку из «Новостей». Эти меня не бранят, напротив; но замечателен тот факт, что и они приписывают слабый успех «Старых портретов» моему письму! Ну скажите, не прелесть ли такая публика? Возвратите мне этот отрывок [2].

В-третьих. Здоровье мое совсем поправилось — но я не могу выехать — прежде совершения одного семейного события, о котором Вы, вероятно, догадываетесь и которое очень становится возможным и близким [3].

Кланяюсь Вашим и обнимаю Вас.

Ив. Тургенев.

[1] *«Страна»* — газета либерального направления, издававшаяся в 1880—1883 годы Л. А. Полонским. В № 7 этой газеты за 1881 год (от 15 января) была помещена анонимная статья, автор которой настаивал на возвращении из ссылки Н. Г. Чернышевского, доказывал несправедливость приговора по его делу и выражал надежду, что правительство исправит «прежние ошибки».

[2] 27 ноября 1880 года в «Русских ведомостях» было опубликовано письмо Тургенева к П. Д. Боборыкину об организации в России подписки на памятник Флоберу. В связи с этим в ряде газет появились статьи, обвинявшие Тургенева в антипатриотизме. В «Новостях и Биржевой газете» в № 14 за 1881 год, в разделе «Литературная хроника» слабый успех «Старых портретов» Тургенева был объяснен «неблагоприятным впечатлением, вызванным в печати и отчасти в обществе известным письмом И. С. Тургенева к г. Боборыкину по поводу подписки на памятник Флоберу».

[3] Речь идет о замужестве дочери Виардо Марианны.

277

П. В. АННЕНКОВУ

50, rue de Douai, Paris
Четверг, 1 января ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Милый П. В.

Пишу Вам, собственно, для того, чтобы через Вас извиниться перед Михайловым, которому я написал уже чересчур резкое письмо.

Да ведь и было из-за чего! Его перевод [1] — нечто ужасное! Я, впрочем, никак не ожидал, что и Вам неизвестны правила о французском *e muet,* без соблюдения которых французский *силлабический* стих немыслим. Не говоря уже о других безобразиях. Он, конечно, рассердился; но я его избавил от бессмысленного труда и неизбежного посрамления. А Вы все-таки, по дружеству, как-нибудь меня извините.

Поздравляю Вас с двумя новыми годами — настоящим и российским — и желаю Вам по этому случаю всяких благ — Вам и всем Вашим. Здоровьем я своим доволен — надеюсь, что и Вы своим — также. От Стасюлевича я уже получил

/продолжаю 5-го числа/

разные комплименты за «Отчаянного» [2]. Даже строгий Кавелин доволен. Посмотрим, что скажет публика. Кстати, представьте: одна русская дама пресерьезно уверяла меня, что в России разгадали *настоящее* значение «Песни торж⟨ествующей⟩ любви»: Валерия — это Россия; Фабий — правительство; Муций, который хотя и погибает, но все же оплодотворяет Россию — нигилизм; а немой малаец — русский мужик (тоже немой) — который воскрешает нигилизм к жизни!! Какова неожиданная аллегория?! Как m-r Jourdain, qui parlait en prose sans le savoir [3], я все это глубокомыслие сочинил, сам того не подозревая!

Мои здесь все здоровы и благоденствуют. Марианне остается ждать еще месяц. Пока — все в исправности. Кланяюсь всем Вашим и обнимаю Вас.

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

[1] В. М. Михайлов прислал Тургеневу свой перевод «Евгения Онегина» на французский язык.

[2] Отзывы современников и критики о рассказе см. в прим. к т. 8 наст. изд.

[3] «Как господин Журден, который говорил прозой, сам того не подозревая...» Господин Журден — главный персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

273

В. Н. ДАВЫДОВУ

Париж
1 февраля ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

М. г. Владимир Николаевич, позвольте и мне, как автору, присоединить мои поздравления ко всем тем, которые Вы получили по поводу Вашего блистательного успеха в роли «Холостяка» [1]. Я никогда не имел удовольствия Вас видеть; но я помню, что еще два года тому назад М. Г. Савина, в тонкий и верный вкус

⟨которой⟩ я вполне верю, говорила мне о Вас, как о молодом артисте, которому суждено занять до сих пор незамененное место нашего славного Мартынова, прибавляя к тому, что она употребит все свое влияние, чтобы Вас пригласили на петербургскую сцену. По всему видно, что ее предсказания сбылись, — и я очень рад, что моя, довольно слабая пиеса, дала Вам случай окончательно утвердиться во мнении публики, любимцем которой Вы стали. Так же как Мартынов, Вы сумели создать живое и целостное лицо из незначительных данных, представленных Вам автором. Ото всей души желаю Вам дальнейших успехов и не сомневаюсь, что Вы их достигнете. Надеюсь, что по прибытии в Петербург я узнаю Вас как человека и как актера, а пока прошу принять от меня вместе с возобновлением поздравлений и уверения в искреннем сочувствии и уважении Вашего покорного слуги и пр.

[1] 24 января 1882 года была возобновлена на сцене Александринского театра комедия Тургенева «Холостяк». Роль Мошкина, которую прежде блистательно исполнял А. Е. Мартынов, в новой постановке превосходно сыграл В. Н. Давыдов.

279

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Буживаль
30 мая ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Милый Яков Петрович, вчера получил я твое письмо и вчера же прибыл доктор из Парижа, который опять изжарил мне спину — а завтра будет жарить бок. Из этого ты можешь заключить, что болезнь моя опять разыгралась, и перемена воздуха только ухудшила мое положение. Результат этого всего — то, что я очень рад, что вы все решились ехать в Спасское — но что вы должны теперь знать, что меня *наверное* там не будет — и что ты должен заранее рассчитывать на ту скуку тамошнего одиночества, которую ты мне так живописно изобразил в одном из твоих писем. А конфузиться насчет расходов вам не следует: они бы существовали и без вас. В таком смысле я сегодня же написал Щепкину [1],

Савиной я, конечно, твоей «сплетни» не передам [2] — да и бог весть когда я ее увижу. Только — чудачка же она! Из всех моих 4 комнат она видела только одну — спальню, которая не меньше и не ниже обыкновенных парижских спален. Музыка подо мною не только не надоедала мне — но я даже истратил 200 фр. для устройства слуховой длинной трубы, чтобы лучше ее слышать; Виардо точно очень стар — да ведь и я не розанчик — и видел я его всего раз в день, и то на 5 минут; а прелестные дети г-жи Виардо и она сама беспрестанно у меня сидели. Жалеть обо мне можно было только потому, что я болен — и, кажется, неизлечимо; во всех других отношениях я как сыр в масле катался. То же и теперь продолжается здесь: и болезнь неизлечимая и всевозможные за мной уходы и удобства.

И это будет так продолжаться долго-долго, вероятно до конца дней моих.

Засим я всех вас дружески обнимаю, поздравляю Алю с переходом в 4-й класс — и желаю вам всем всего лучшего, начиная со здоровья.

Искренне вам преданный

Ив. Тургенев.

P. S. Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу.

[1] Н. А. Щепкин был управляющим в имении Тургенева.

[2] Известная актриса М. Г. Савина, находясь в 1882 году в Париже, часто встречалась с Тургеневым. На нее произвело тяжелое впечатление положение больного Тургенева в доме Виардо. См. сборник «Тургенев и Савина», П. 1918.

230

КРЕСТЬЯНАМ СЕЛА СПАССКОГО-ЛУТОВИНОВО

Буживаль
4 сентября ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Я получил ваше письмо и благодарю вас за добрую память обо мне и за хорошие пожелания. Мне самому очень жаль, что болезнь помешала мне в нынешнем

году побывать в Спасском. Мое здоровье поправляется, и я надеюсь, что будущее лето я проведу в Спасском.

Дошли до меня слухи, что с некоторых пор у вас гораздо меньше пьют вина; очень этому радуюсь и надеюсь, что вы и впредь будете от него воздерживаться: для крестьянина пьянство — первое разорение.

Но жалею, что, тоже по слухам, ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время безграмотный человек то же, что слепой или безрукий. По примеру прежних лет дарю вам одну десятину леса, в месте, которое вам укажет и отведет Николай Александрович [1]. Уверен, что вы никакого ущерба ни дому моему, ни саду, ни вообще имению моему делать не будете — и в том на вас полагаюсь.

Засим кланяюсь вам всем, спасские крестьяне, и желаю вам всякого благополучия. Бывший ваш помещик

Иван Тургенев.

[1] Управляющий имением Тургенева Н. А. Щепкин.

281
В. М. ГАРШИНУ

Bougival (Seine et Oise). Les Frênes
Пятница, 15/3 сентября 1882 г.

Любезнейший Гаршин, я получил Ваше письмо, а перед тем Вашу книгу, которую прочел немедленно. Могу повторить то, что я, кажется, писал Вашей матушке: изо всех наших молодых писателей Вы тот, который возбуждает большие надежды. У Вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание *характерных* черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красивость формы и — как результат всего — оригинальность. Я даже не вижу, какой бы совет Вам преподать; могу только выразить желание, чтобы жизнь Вам не помешала, а, напротив, дала бы Вашему созерцанию ширину, разнообразие — и спокойствие, без которого никакое творчество немыслимо.

Насчет же того, что Вы мне говорите о моем призвании в отношении к молодому поколению писателей [1] —

скажу Вам, что теперешняя невозможность исполнить это призвание — вот главная причина моей досады на глупую болезнь, осудившую меня на невозможное прозябание вдали от России. Тяжело также и то, что я не могу даже предвидеть, когда прекратится это прозябание, — облегчение моих припадков не настолько значительно, чтобы я мог предаваться надеждам. Остается не думать об этом — и ждать у моря погоды.

Радуюсь, что пребывание Ваше в деревне пошло Вам в пользу и возвратило к литературной работе. Не думаете ли Вы продолжать историю одного денщика (заглавия че помню), которая появилась в одном ныне прекратившемся журнале? Помнится, начало мне очень нравилось [2].

Прошу Вас поклониться от меня всем спасским жителям [3]. Крепко и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

Зачем у Вас в конце «Ночи» сказано: лежал «человеческий *труп*»? Ведь он себя не убил — да и не видно, чтобы он умер от других причин. Эта неясность производит в читателе впечатление недоумения, чего особенно следует избегать...

[1] 11 сентября 1882 года Гаршин писал Я. П. Полонскому: «Получил письмо от Ив. Сергеевича. Я писал ему, что он напрасно думает о «ненужном старике» и т. п., и выражал надежду, что он принесет еще большую пользу литературе, даже если не будет писать, — принесет ее, став человеком, вокруг которого собралась бы литературная молодежь» (В. М. Гаршин, Полн. собр. соч., М. — Л. 1934, стр. 284).

[2] См. прим. 2 к п. № 272.

[3] Летом и осенью 1882 года Гаршин по приглашению Тургенева гостил в Спасском. Самому Тургеневу помешала туда приехать болезнь.

282

Л. Н. ТОЛСТОМУ

(Seine et Oise) Bougival. Les Frênes
16/4-го сентября 1882 г.

Несколько раз собирался я писать к Вам, любезнейший Лев Николаевич, — да все ждал: не буду ли я в

состоянии сказать что-нибудь положительное насчет моей болезни? Да, видно, этого не дождешься — и я решился не медлить более, так как у меня, кстати, есть до Вас просьба. Что касается до моей болезни, то, кажется, она приняла характер хронический — и не грозя мне никакой опасностью, порядком мешает мне жить; во всяком случае, приковала меня к здешнему месту — на неопределенное время, — так как я двигаться не могу ни пешком, ни в карете. Впрочем, об этом скучно — да и не к чему толковать.

А просьба моя состоит в следующем: я слышал, что статья Ваша, которая должна была явиться в «Русской мысли», сожжена по распоряжению цензуры; [1] но, быть может, у Вас уцелел оттиск; то не будете ли Вы так любезны, не пришлете ли мне его сюда (лучше в Париж, 50, rue de Douai) по почте? Я, по прочтении, аккуратно Вам его возвращу. Очень бы мне хотелось прочесть эту статью.

Пишу Вам в Ясную Поляну, так как полагаю, что Вы раньше зимы не вернетесь в Москву. Не спрашиваю Вас, не принялись ли Вы за литературную работу, — так как я знаю, что Вам этот вопрос не совсем приятен; но весьма бы желал иметь весточку об Вас, о Вашем здоровье, так же как и о всех Ваших, которым прошу от меня поклониться.

Я остаюсь здесь еще 6 недель — а там дальше не знаю, что будет.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Поклонитесь от меня также переводчику Марка Аврелия, князю Урусову.

[1] Речь идет о статье «Исповедь». 24 июня ст. ст. 1882 года в газете «Голос» (№ 198) появилось сообщение о том, что «статья гр. Толстого, напечатанная в майской книжке журнала «Русская мысль», к выходу в свет окончательно воспрещена и, по передаче ее инспектором типографий в распоряжение полиции, полицией на днях уничтожена».

283

М. Е. САЛТЫКОВУ

Буживаль
24 сентября ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Любезнейший Михаил Евграфович, получил я Ваше письмо — а вслед за ним и сентябрьский № «Отечественных записок». Тотчас прочел «Современную идиллию» — и нашел, что прирожденная Вам vis comica * никогда не проявлялась с бóльшим блеском. Нет! Вам долго еще не придется покладать руки. Разве цензура Вас съест. Да Вы — крупный; пожует она Вас — а не проглотит. Прочел я также статью Михайловского о Достоевском [1]. Он верно подметил основную черту его творчества. Он мог бы вспомнить, что и во французской литературе было схожее явление — а именно пресловутый Маркиз де Сад. Этот даже книгу написал: «Tourments et supplices» **, в которой он с особенным наслаждением настаивает на развратной неге, доставляемой нанесением изысканных мук и страданий. Достоевский тоже в одном из своих романов тщательно расписывает удовольствия одного любителя... [2] И как подумаешь, что по этом нашем де Саде все российские архиереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловека! Поистине в странное живем мы время!

Нехорошо, что Вы нездоровы (кому это лучше знать и оценить, как не мне); но что Вы жалуетесь на ненависть иных людей, которые даже бледнеют при одном Вашем имени — это Вы напрасно. Кто возбуждает ненависть — тот возбуждает и любовь. Будь Вы просто потомственный дворянин М. Е. Салтыков — ничего бы этого не было. Но Вы Салтыков-Щедрин, писатель, которому суждено было провести глубокий след в нашей литературе, — вот Вас и ненавидят — и любят, смотря кто. И в этом «результат Вашей жизни», о кото-

---

* Сила юмора *(лат.)*.
** «Муки и истязания» *(франц.)*.

ром Вы говорите — и Вы можете быть им довольны. Что же касается до одиночества, до уединения — то кто же — после пятидесяти лет — в сущности не одинок — не «обломок» старого поколения? Тут ничего не поделаешь; это смерть нас понемножку подготовляет, чтобы не так было жалко расставаться с жизнью.

Вот и насчет нашего общего друга, П. В. А⟨нненкова⟩, Вы несправедливы. — Я знаю, какого он высокого мнения о Вас. Он ни к кому не относился свысока да иронически — станет он начинать с Вас! Вы, может быть, не заметили, что он до крайности стыдливый человек и даже робкий. Вы этого не разглядели под его напускною развязностью. Конечно, он современник Гоголя и Белинского; но он точно так же чувствует себя современником Языкова и Маслова [3] и нисколько от этого не отказывается.

Я остаюсь здесь еще недель шесть. Потом перееду в Париж... а когда в Россию попаду — это знают одни боги, если они такими пустяками занимаются.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь душевно Вам преданный.

P. S. Правда ли, что В. Гаршин прислал в «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩» повесть? [4] У этого человека несомненный и оригинальный талант.

[1] В статье «Жестокий талант» («Отечественные записки», 1882, № 9) Н. К. Михайловский писал о пристрастии Достоевского к изображению страданий и мучительства.

[2] Трудно сказать, какой именно роман и кого из героев Достоевского имеет здесь в виду Тургенев. Его слова могут относиться и к князю Валковскому из «Униженных и оскорбленных», и к Свидригайлову из «Преступления и наказания», и к Федору Павловичу Карамазову из «Братьев Карамазовых».

[3] М. А. *Языков* и И. И. *Маслов* — приятели Тургенева и Анненкова, люди «окололитературные»; Языков в свое время близко стоял к кругу «Современника».

[4] Имеется в виду рассказ В. М. Гаршина «Из воспоминаний рядового Иванова» («Отечественные записки», 1883, № 1).

284

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

(Seine et Oise) Bougival. Les Frênes

Середа, $\frac{\text{11-го октября}}{\text{29-го сентября}}$ 1882 г.

Любезнейший Михаил Матвеевич, сейчас получил Ваше письмо — с приложениями. Прежде всего примите мое искреннее спасибо за исполнение поручения насчет подарка Топорова. Радуюсь, что сделал ему приятное.

Со всеми Вашими предложениями насчет заглавия и т. д. вполне согласен. В предисловии от редакции я бы желал изменить одно слово: вместо *«богатую»* коллекцию — я предложил бы: «целую» коллекцию [1]. Дай бог, чтобы мои «Стихотворения в прозе» — имели хотя малую часть того успеха, который Вы им пророчите. Во всяком случае — я уже доволен тем успехом, который они заслужили у Ваших друзей — в силу латинской поговорки: dulce laudari laudato viro *. Как только получу корректуру и спишусь с П. В. Анненковым — она будет обратно к Вам отправлена. На днях пошлю я Вам также рукопись моей повести: «После смерти» [2].

Еще одно. В случае, если Вы найдете нужным исключить одно или два стихотворения (как, напр.: «Порог», в котором я не хотел бы, чтобы последние слова были изменены) — то я Вам пошлю один отрывок под заглавием — «Нашим народникам», который, мне кажется, не худо было бы поместить вместе с другими. В какой книжке они явятся: в ноябрьской или декабрьской? [3]

Здоровье мое — как говорится — ни тпру ни ну. В последние дни даже как будто немного испортилось.

Желаю Вам и всем Вашим здоровья, и бодрости — и терпения и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

---

* Приятно получить хвалу от человека, достойного хвалы *(лат.)*.

[1] Речь идет о «Стихотворениях в прозе», первоначально названных Тургеневым «Senilia». М. М. Стасюлевич изменил название цикла, озаглавив их «Стихотворения в прозе». Просьба Тургенева о замене слова была Стасюлевичем выполнена (см. примечания к «Стихотворениям в прозе» в т. 8 наст. изд.).

[2] См. примечания к повести в т. 8 наст. изд.

[3] Стихотворение в прозе «Нашим народникам» неизвестно. Вместо него Тургенев прислал «Житейское правило» (опубликовано в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1882 г.). «*Порог*» был напечатан лишь после смерти Тургенева (см. примечания к стихотворению в прозе «Порог» в т. 8 наст. изд.).

235

П. И. ВЕЙНБЕРГУ

Буживаль
22 октября ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Любезнейший Вейнберг.

В ответ на Ваше письмо имею сообщить Вам, что при всем моем желании споспешествовать Вашему полезному предприятию — я не в состоянии обещать Вам какую-либо переводную статью[1]. Я в долгу перед моими издателями насчет оригинальных, обещанных статей — где же мне браться за переводные? Во всяком случае, я бы скорее взялся перевести несколько страниц из Монтеня или Рабле — но уж никак не Бальзака, которого я никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду, до того он мне противен и чужд. Но, повторяю, обязаться я никак не могу.

Надеюсь, что Вы не посердитесь на меня — и прошу Вас принять выражение моего уважения и преданности.

Ив. Тургенев.

P. S. К удивлению моему — и Вы, как, впрочем, все русские — не выставили своего адреса! Принужден писать Вам чрез Я. П. Полонского.

[1] П. И. *Вейнберг* в 1883—1885 годах издавал и редактировал ежемесячный журнал «Изящная литература», в котором помещались переводы лучших произведений старых и новых иностранных писателей.

286

М. Е. САЛТЫКОВУ

Буживаль
31 октября ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Любезнейший М. Е., великое Вам спасибо за присылку «Писем к тетеньке»; я перечел их с наслаждением, с не меньшим наслаждением прочел я также Вашу «Современную идиллию» в октябрьской книжке «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩. Сила Вашего таланта дошла теперь до «резвости», как выражался покойный Писемский. Что же касается до того, что Вы говорите о своей малоотрадной жизни, то приведу Вам в утешение (правда, оно довольно плохое) слова Гете, незадолго до смерти. Уж на что, кажется, он был пресыщен всем, что только жизнь дает отрадного — и славен-то он был — и женщинами любим — и дураками ненавидим, и на китайский язык его переводили — и вся Европа ездила к нему на поклонение — и сам Наполеон сказал про него: c'est un homme! * И Уваров — и даже Шевырев кадили ему в нос фимиамом, а все-таки он сказал, 82 лет будучи, что в течение всех этих долгих лет — был счастлив только *четверть часа!* Так уж нам с Вами и сам бог велел. Вот что он здоров был — а мы нет... вот это обидно. Но что тут поделаешь!

Насчет же одиночества я с Вами не согласен. Вот я теперь совершенно одинок «аки перст» — и ничего!

Полагаю, что Вы не совсем справедливы к Гаршину. Не должно забывать, что над ним нависла туча (сумасшествие), и он и теперь едва из-под нее вышел. И талант у него настоящий, хорошего качества. Говорят, он женится. Эта штука либо съеживает, либо развивает человека; будем надеяться, что она окажет благотворное влияние на него.

Насчет повести «Политическое дело» Вы ее поместите, когда вздумается. Благодарный автор может — и готов ждать [1].

---

* Вот человек! *(франц.)*

То, что Вы мне пишете о Боборыкине — меня не удивляет [2]. Я легко могу себе представить его на развалинах мира, строчащего роман, в котором будут воспроизведены самые последние «веяния» погибающей земли. Такой торопливой плодовитости нет другого примера в истории всех литератур! Посмотрите, он кончит тем, что будет воссоздавать жизненные факты за пять минут до их нарождения!

О себе приходится повторить прежнее: всем здоров — только двигаться не могу. И представьте: начинаю находить, что в этом положении нет ничего неудобного. Было бы зачем двигаться... а то: не все ли равно.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

[1] Тургенев просил Салтыкова поместить в «Отечественных записках» повесть «Политическое дело», подписанную инициалами И. П. За этими инициалами скрывался И. Я. Павловский, в то время народник-эмигрант, впоследствии сотрудник «Нового времени». (См. прим. 2 к п. № 270.) Повесть Павловского в «Отечественных записках» не появилась.

[2] Письмо, в котором Салтыков писал Тургеневу о Боборыкине, не сохранилось.

287

Л. Н. ТОЛСТОМУ

(Seine et Oise) Bougival. Les Frênes
31/19-го октября 1882 г.

Милый Лев Николаевич,

Я получил Ваше письмо и благодарю за обещание прислать статью. Буду ждать приезда г-жи Олсуфьевой, с которой я, впрочем, уже кажется, знаком — если только это та г-жа Олсуфьева, с которой я встречался в Париже у г-жи Рахмановой. А что я прочту Вашу статью-именно так, как Вы желаете — об этом и речи быть не может. Я знаю, что ее писал человек очень умный, очень талантливый и очень *искренний*; я могу с ним не соглашаться — но прежде всего я по-

стараюсь понять его, стать вполне на его место... Это будет для меня и поучительней и интересней, чем примеривать его на свой аршин или отыскивать, в чем состоят его разногласия со мною. *Сердиться* же — совсем немыслимо; сердятся только молодые люди, которые воображают, что только и света, что в их окошко... а мне на днях минет 64 года. Долгая жизнь научает — не сомневаться во всем... (потому что сомневаться во всем, значит: в себя верить), а сомневаться в самом себе — то есть верить в другое — и даже нуждаться в нем. Вот в каком духе я буду читать Вас [1].

Очень рад, что Вы свили себе гнездо в Москве и что Вам и всем Вашим там хорошо. Но когда я Вас там увижу — бог весть!

Мое положение — престранное. Человек вполне здоров... только ни стоять, ни ходить, ни ездить не может — без того, чтобы у него в левом плече не заломило нестерпимо, — как от гнилого зуба. Пренелепое положение, вследствие которого я осужден на неподвижность. И сколько времени это продолжится — тоже неизвестно... Понемногу привыкаю к этой мысли — но это не легко. Впрочем, в последнее время опять принялся за работу.

Как бы я обрадовался, если б узнал, что и Вы принялись за нее! Конечно, Вы правы: прежде всего нужно жить *как следует;* но ведь одно не мешает другому.

На днях вышлю Вам прекоротенький рассказец «Перепелка» — помните, я обещался написать его для детского журнала [2].

Я остаюсь здесь еще с месяц.

Кланяюсь дружески всем Вашим и крепко жму Вашу руку.

Искренно Вас любящий
Ив. Тургенев.

[1] Посылая Тургеневу со своей знакомой А. Г. Олсуфьевой «Исповедь», Толстой просил Тургенева не сердиться при чтении, а постараться стать на точку зрения автора.

[2] В начале 1881 года Тургенев в письме к С. А. Толстой обещал по ее просьбе написать рассказ для журнала «Детский отдых», издававшегося ее братом П. А. Берсом. См. т. 10 наст. изд.

283

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Париж, 50, rue de Douai
Пятница, 24/12-го ноября 1882 г.

Вот те два предложения, любезнейший М. М. — о которых я упоминал Вам во вчерашнем письме:

а) С нынешней же почтой отправляется к Вам повесть Л. Я. Стечькиной. Эта бедная девушка находится здесь в крайне тяжелом положении. У ней сильнейшая чахотка, ее доктора посылают на юг — а у ней гроша нет. Но рекомендуя ее повесть для «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩», я вовсе не руководим одним чувством сожаленья — и не милостыни прошу для нее. Повесть эта мне кажется весьма достойной появиться на страницах «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩». Будьте так любезны, прочтите ее — и если Вы найдете ее оценку справедливой — и примете повесть — *то вышлите часть гонорара теперь же* (вот в чем состоит моя просьба) — вперед. Этим Вы спасете эту девушку, которая заслуживает полной симпатии — и по таланту — и по характеру. Во всяком случае, не мешкайте ответом — сделайте это для меня [1].

в) А второе мое предложение вот какое. Известный Вам молодой романист, Гюи де Мопассан, бесспорно самый талантливый из всех современных французских писателей, написал роман, который с 15 февраля будет напечатан в «Жильблазе» — рядом фельетонов. Содержание этого романа мне известно — оно нисколько не скабрезно, как некоторые другие его вещи. Он мне на днях прочел несколько больших отрывков — и я положительно пришел в восторг: со времени появления «Г-жи Бовари» [2] ничего подобного не появлялось. Это не то, что Золá и пр. Я знаю, что за мной установилась репутация слишком снисходительного судьи и критика — но либо я ничего не смыслю — либо роман Мопассана из ряда вон выходящее явление, *капитальнейшая вещь!* Он бы не прочь продать ее в рукописи — с тем, чтобы перевод явился не ранее 15/3 февраля буду-

щего года — то есть первая его часть; вторая может явиться месяцем позже — то есть в мартовской книжке «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩» (предполагая, что первая явится в февральской). «В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩», кажется, до сих пор таких дел не делал — но, повторяю Вам, это вещь необыкновенная и произведет сильное впечатление. Мопассан уступил бы его за 600 руб. с. Переводчика хорошего я нашел бы здесь — и сам наблюдал бы за переводом. Подумайте — и дайте мне ответ, также, по возможности, скорый.

Вот что я имел сказать Вам.

Заглавие романа «Une vie»[3]. Это целая жизнь честной, хорошей женщины, целая интимная драма, изображенная первоклассным художником. Размер романа не превышает размера «Г-жи Бовари».

Я Вам вчера писал, что согласен перекрестить «После смерти» в «Клару Милич».

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Эта повесть Л. Я. Стечькиной в «Вестнике Европы» не появилась.
[2] Флобера.
[3] Роман Мопассана «Жизнь» в «Вестнике Европы» не появился.

289

СИДНЕЮ ДЖЕРРОЛЬДУ

Париж, 50, rue de Douai
Суббота, 2-го декабря ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Любезный г. Сидней Джеррольд.

Согласно с Вашим желанием, отвечаю Вам по-русски на Ваше дружелюбное письмо. Искренне радуюсь тому, что человек с Вашими способностями полюбил наш язык и нашу литературу, и надеюсь, что Ваши труды не пропадут даром для английской публики и найдут в ней сочувствие. Что касается до биографических данных, — то Вы найдете все нужное в указан-

ных Вами источниках; впрочем, моя жизнь не представляет ничего особенно выдающегося. Могу только заметить, что именно в двух выбранных Вами повестях — много воспроизведено из собственной моей жизни; [1] да и вообще в моих произведениях я постоянно опираюсь на жизненных данных, стараясь только случайные явления, по мере сил, возводить в типы.

Прошу Вас передать мой привет Вашему батюшке и принять для себя изъявление уважения и преданности, с которыми остаюсь

Ваш покорный слуга

Иван Тургенев.

[1] С. Джеррольд перевел на английский язык две повести Тургенева: «Вешние воды» и «Пунин и Бабурин», снабдив этот сборник переводов обширным предисловием критико-биографического характера. Сборник вышел в свет в Лондоне в 1884 году (см. прим. к этим произведениям в т. 8 наст. изд.).

290

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

Париж
15/3 декабря 1882 г.

Милый Дмитрий Васильевич, Ваше сейчас полученное мною письмо меня успокоило насчет Вашей болезни: вероятно, в эту минуту Вы уже совсем молодцом. Другому, с менее сильной конституцией, дорого обошлась бы сделанная Вами неосторожность. Но Вы двужильный — и слава богу!

С моими «Стих〈отворениями〉 в прозе» произошло действительно нечто странное — но только не в Вашем смысле: во-1-х). Те пять стихотворений, которые я прочел в Спасском Полонскому — находятся в числе ненапечатанных, и потому, если они Вам показались гораздо выше напечатанных, то, вероятно они выиграли в передаче их Полонским; [1] во-2-х). Я никакого *выбора* не делал; я только откинул все личные, автобиографи-

ческие, которые я никому не читал и не прочту — так как они предназначены к уничтожению вместе с моим дневником. В-3-х). Следовательно, и Стасюлевич не мог выбирать, а что касается до размещения, то он просто придержался хронологического порядка. Насчет самих стихотворений я нимало не ослеплен: нечего и говорить, что они не годятся для публичного чтения — они могут понравиться только самому тесному кружку литературных любителей [2]. Когда я их отдал Стасюлевичу, я поставил было условием, чтобы за них мне не платили; он сам настоял на том, что даст мне за них гонорар, впрочем какой — неизвестно. Вообще говоря — все это не важно; некоторые из этих «Стихотворений» останутся, надеюсь, в памяти нескольких десятков читателей; надо всеми пройдет игривое перо Буренина и др. — и «река времен в своем теченьи» унесет в лоно забвенья эти легонькие листки.

Будем здесь ждать получения в *руку* — той синицы, обещанной Л. Полонским, которая до сих пор летает в небе не хуже любого журавля [3].

О здоровье своем не говорю, так как ничего не могу сказать нового.

Не сомневаюсь также в том, что прочтенные первые главы моей повести (которая должна явиться в I-м № «Вестника Европы») потерпели фиаско. Повесть эта может иметь какое-нибудь значение только в *целом* своем виде; а публике пришлось судить о достоинстве бюста по отбитому носу [4].

Со всем тем искренно благодарю Вас за сообщенное Вами мнение; в Вашем дружеском участии к моим интересам я бесповоротно уверен.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь любящий Вас

Ив. Тургенев.

[1] «Стихотворения в прозе» были опубликованы в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1882 год. До их появления в свет Тургенев летом 1881 года прочитал несколько стихотворений Я. П. Полонскому.

[2] В ноябре 1882 года Тургенев разрешил Д. В. Григоровичу прочитать некоторые стихотворения в прозе на вечере в пользу Литературного фонда, хотя и думал, что эти стихотворения «вовсе не пригодны для публичного чтения». «Впрочем, — писал

он Григоровичу, — так как весь вопрос состоит только в том, чтобы залучить несколько денег — то и чудесно!» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, 1884, стр. 514).

[3] Речь идет, повидимому, об оказании помощи одному из нуждавшихся литераторов, о чем Тургенев настойчиво просил Л. А. Полонского (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» т. III, СПб. 1912, стр. 216).

[4] Речь идет о публичном чтении отрывков из «Клары Милич» до опубликования повести в полном виде («Вестник Европы», 1883, № 1).

291

И. Н. КРАМСКОМУ

Париж.
6 декабря ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

М. г. Иван Николаевич, пишу к Вам в качестве секретаря Общества русских художников в Париже; и потому прошу считать это письмо как бы официальным — и сообщить его таковым Вашему Обществу для получения от него — также официального ответа[1]. Но не могу не воспользоваться этим случаем, чтобы выразить Вам лично мое глубокое уважение к Вам как к художнику.

Стараниями А. П. Боголюбова между нашим Обществом и здешним торговцем картин Ж. Пети состоялось следующее условие:

Он уступает нам *безвозмездно* свою великолепную залу (первую в Париже) на 6 недель, считая от 1 ноября 1883 г. до 15 декабря (по новому стилю) 83 же года — для выставки картин русской школы, с тем чтобы мы все расходы по освещению, контролю, публикациям, установке и т. д. взяли на себя — что составит около 7000 фр. (Плата за вход, конечно, поступает в нашу пользу.) Сверх того, г-н Пети желает, чтобы главные члены выставки, как-то: Боголюбов, Харламов, Леман, Похитонов[2] и, если возможно, Вы и кто-нибудь другой из художников, находящихся в России, пожертвовали ему по картине, конечно не из важных. Здешние художники на это согласились по следующим соображениям:

Пети, очевидно, приносит некоторую жертву, так как ему до сих пор за наем залы платили по 20 и 15 тысяч франков в месяц, как то сделали акварелисты и др. Это служит доказательством того, что он, с точки зрения *продажи*, верит в будущность русской школы и желает упрочить ее выставки в Париже за собою. Кроме того, наши здешние художники уже и прежде жертвовали своими произведениями в пользу нашего Общества, лотерей и пр. Отдавая их Пети, они и себе приносят пользу, так как он, при своих громадных средствах, не пожалеет денег на рекламы и пр. Наши художники в России примут это, вероятно, также к сведению. Мы имеем все причины предполагать, что, за уплатой 7000 фр. расходов, нам очистится порядочная сумма, во всяком случае достаточная, чтобы принять присылку картин из России теперь же на свой счет (№. Все они должны быть доставлены сюда *не позже 15 окт. нов. ст.* 1883 года). Взять на себя обязательство *отсылки* мы теперь же не можем — так как это будет зависеть от того, много ли у нас будет посетителей (мы будем брать по 2 фр. за вход) и какая в конце концов очистится сумма [3].

Позволю себе следующие замечания:

Несомненно то, что французское общество заинтересовалось русским художеством *именно с тех пор, как оно получило самостоятельность* и выказало оригинальность — стало русским, народным. (То же самое произошло во Франции и с нашей литературой.) Стало быть, в этом вопросе нам сомневаться и колебаться нечего. Но это самое и налагает на нас обязанность строгого и беспристрастного выбора. Произведения нашей школы, в которых еще выказывается *тенденциозность, подчеркивание* (обыкновенный признак всего еще молодого, *незрелого*), должны быть удалены, как несвободные воспроизведения народной жизни, как обремененные задней мыслью. Это козыряние, это щеголяние самобытностью, большей частью сопряженное с слабостью техники и долженствующее служить ей заменою, немедленно бросается в глаза и охлаждает, особенно людей европейских, у которых долгий опыт развил вкус и чутье фальши. Примером могут служить

«Бурлаки» Репина, произведения Верещагина, которые имели здесь знаменательный успех, между тем как иные, тоже якобы народные картины, на которые я указывать не стану, потерпели полное фиаско. *Тенденция* в художестве, в поэзии и т. д. уже самым именем своим выдает себя: она не есть *достижение.*

Извините меня, пожалуйста, что я позволяю себе сообщать Вам эти мысли, Вам, который, как истинный художник, являете нам пример этого *полного достижения;* но я подумал, что в среде наших художников выражение этих мыслей могло иметь некоторое значение.

И потому прошу Вас, опять-таки как секретаря нашего Общества, сообщить мне ответ Вашего Общества насчет изложенного мною соглашения с Пети и его условий. Принимаете ли Вы их, — или же предлагаете некоторые изменения, с которыми нам придется соображаться.

Прошу принять повторительное изъявление моего глубокого уважения, и пр.

P. S. Пети предлагает также, в случае если бы некоторые из присланных картин на выставку назначались к продаже, поместить их у себя безвозмездно и заботиться о их сбыте.

P. P. S. Когда происходила в нынешнем году наша выставка, здешние художники назначили из среды своей жюри, которое безапелляционно решало принятие или отказ картин. Полагаю, что и Вы сделаете то же.

[1] В декабре 1879 года в Париже было организовано Общество вспомоществования русским художникам, в состав которого вошли М. М. Антокольский, А. П. Боголюбов, И. Я. Гинцбург, И. С. Тургенев и др. К Крамскому Тургенев обращался как к представителю Товарищества передвижных выставок.

[2] Русские художники А. П. Боголюбов, А. А. Харламов, Е. А. Леман, И. П. Похитонов жили в Париже и состояли членами упомянутого в прим. 1 Общества.

[3] Выставка, о которой хлопотал Тургенев, повидимому, не состоялась: сведений о ней не имеется.

292

С. А. ЮРЬЕВУ

Париж
14 декабря ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Многоуважаемый Сергей Андреевич! От времени до времени я порывался написать Вам слова два, памятуя наши добрые московские отношения, да так и остался при одном намерении. Болезнь моя и проч. и проч. мне помешали. Вот теперь, наконец, пишу Вам.

Кстати, у меня до Вас есть просьба. Начну прямо с нее. Вы на днях получите рукописный, впрочем очень хорошо сделанный перевод одной повести Heyse — «Getheiltes Herz». Вам вовсе не нужно помещать ее в «Русской мысли», если она Вам не приглянется; но напишите мне, что Вы ее прочли и со временем поместите и даже готовы деньги выслать вперед... Все это придумано мною для одного здесь живущего русского, который лежит в больнице, не только как неизлечимый, но как умирающий, — он и шесть недель не проживет. Денег у него, разумеется, ни гроша, а он горд (вообще он очень хороший человек) и никакого вспомоществования не принимает. Вот я и придумал эту pia fraus;* деньги я ему выдам, как будто полученные за перевод, но Вы, пожалуйста, с своей стороны, не выдавайте меня и согласитесь разыграть роль в моей маленькой и печальной комедии. Напишите, что Вы даете 200 франков. Вполне надеясь на Ваше доброе сердце, я придумал это средство уж точно «in extremis»**. Самую же повесть Вам, может быть, удастся куда-нибудь поместить; но дело, как видите, вовсе не в этом, а в возможности доставить деньги умирающему [1].

Я подписался на Вашу «Русскую мысль», но по глупости распорядился так, что буду получать ее только с будущего года. Я много слышал о ней хорошего;

---

* Святую ложь *(лат.)*.
** В крайности *(лат.)*.

да Вы и не можете стоять во главе нехорошего журнала.

Дайте мне о себе весточку. Что касается меня, то я едва ли не похеренный человек. Недуг мой оказывается неизлечимым и состоит в невозможности ходить и стоять. Когда я лежу или сижу, то болей почти нет, и спать я могу; но чуть только приведу себя в перпендикулярное положение, в груди и в плече просыпаются боли очень несносные, вроде зубной. Эта мерзость называется angina pectoralis nervosa * и по медицинским учебникам относится к разряду incurabilium **, что я могу подтвердить собственным опытом и с чем я, впрочем, совершенно примирился. Только мучит меня, и очень, что я, пожалуй, не увижу более России.

А впрочем, довольно о сем. Будьте здоровы, поклонитесь всем знакомым и ответьте мне.

Крепко жму Вашу руку.

[1] Повесть известного немецкого писателя Пауля Гейзе «Разделенное сердце», о которой здесь идет речь, в «Русской мысли» не появилась. С автором ее Тургенев был знаком лично с 1860 года. В 1862 году Пауль Гейзе посвятил Тургеневу сборник своих новелл. Кто был переводчик Гейзе, вызвавший сочувствие Тургенева, с определенностью сказать нельзя. Возможно, это был некий Шполянский, за которого в том же 1882 году Тургенев хлопотал перед М. М. Стасюлевичем. «Умирая с голоду, — писал Тургенев 22/10 мая 1882 года, — он один никому не протягивает руки; так уж я решил солгать и сказать ему, что Вы приняли его статью — и выслали мне за нее 150 фр.» («М. М. Стасюлевич и его современники...», т. III, СПб. 1912, стр. 203).

293

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Париж, 50, rue de Douai
Середа, 27/15-го дек(абря 18)82 г.

Милый Лев Николаевич,

Ваше письмо доставило мне большую радость. Во-первых, мне очень приятно, что некоторые из моих

---

* Грудная жаба *(лат.)*.
** Неизлечимых *(лат.)*.

ст⟨ихотворений⟩ в пр⟨озе⟩ Вам понравились, а главное: я снова почувствовал, что Вы меня любите и знаете, что и я Вас люблю искренне. Я начал было большое письмо к Вам в ответ Вашей исповеди, — но не кончил и не кончу, именно потому, чтобы не впасть в спорный тон. Если бы я свиделся с Вами — я бы, конечно, много говорил с Вами об этой исповеди, но, конечно бы, не спорил, а просто сказал бы, что *я* думаю — разумеется не из желания доказать свою правоту (это прилично только молодым неопытным людям) — а чтобы в свою очередь исповедаться перед дорогим мне человеком [1]. Но когда мы свидимся? Одна из главных моих досад на мой недуг состоит именно в том, что возможность увидать Россию и Вас все более и более улетучивается. У меня болей почти нет — когда я неподвижен; но чуть встану и сделаю несколько шагов — в груди и в левом плече начинается невыносимый, тоскливый лом. Карету я также выношу с трудом; съездил на днях в наше Общество (покровительства русских художников) — и поплатился за это. Как все невральгии — это может продолжаться годы — может пройти в неделю. Но — понятное дело — как так думать о каком-либо путешествии? Плохо то, что мой недуг уживается со здоровьем — как, напр.: глухота или слепота — и на медицинскую помощь рассчитывать нельзя. Но довольно об этом.

Моей «Перепелке» Вы делаете слишком большую честь, снабжая ее рисунками таких художников, как Васнецов и Суриков. Она только тем и хороша, что послужила материалом для их таланта [2].

Поклонитесь от меня Вашей милой жене и всем Вашим. Вас я крепко обнимаю.

Любящий Вас

Ив. Тургенев.

[1] Свое отношение к «Исповеди» Л. Толстого Тургенев высказал в письме к Д. В. Григоровичу от 31 октября 1882 года: «Прочел ее с великим интересом: вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убежденья. Но построена она вся

на неверных посылках — и в конце концов приводит к самому мрачному отрицанию всякой живой, человеческой жизни... Это тоже своего рода нигилизм. Удивляюсь я, по какому поводу Толстой, отрицающий, между прочим, и художество, окружает себя художниками — и что могут они вынести из его разговоров? И все-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб. 1884, стр. 510).

[2] См. прим. 2 к п. № 287.

294

П. Л. ЛАВРОВУ

Париж, 50, rue de Douai
Среда, 27 декабря ⟨н. ст.⟩ 1882 г.

Любезный Петр Лаврович, наш известный путешественник Миклухо-Маклай, который проездом здесь, обратился ко мне с просьбой доставить ему брошюру или брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, о жизни их там и претерпевших ими там страданиях» [1]. А я обращаюсь к Вам, как к вернейшему источнику, и прошу Вас доставить эти брошюры (разумеется, с платой, которую М.-М. внесет охотно) — и прислать их мне, если возможно не позже пятницы — так как М.-М. уезжает отсюда в субботу утром и будет у меня в пятницу в 2 часа. (NB. Одна из этих брошюр написана Olivier Pain'ом.)

Прошу извинить за доставление Вам этих хлопот и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Литература о жизни коммунаров в Новой Каледонии интересовала знаменитого путешественника в связи с тем, что он сам мечтал об устройстве коммуны в Новой Гвинее. В Париже Миклухо-Маклай был по пути в Австралию. О беседе с Тургеневым в это последнее свидание Миклухо-Маклай оставил воспоминания (см. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., изд. АН СССР, т. IV, М. — Л. 1953, стр. 421—423).

295

Л. Ф. ЛОМОВСКОЙ

Париж, 50 (rue de Douai).
Четверг $\frac{1 \text{ февраля}}{20 \text{ января}}$ 1883 г.

Любезная г-жа Ломовская,

Я получил Ваше письмо и благодарю за выраженное Вами сочувствие. Я совершенно оправился от сделанной мне операции [1], но старая моя болезнь (грудная жаба) с новой силой вспыхнула во мне — и я совершенно не знаю, когда мне можно будет вернуться в Россию.

Что касается до содержания Вашего письма, то позвольте мне выразиться со всею определенностью. Я слишком старый и ломанный человек, чтобы верить еще в то, что резкая критика доставляет удовольствие автору, что автор не читает рецензий, что он пренебрежительно относится к собственным произведениям (на что он не имеет даже никакого права), что он иначе пишет для денег, чем когда «творит для себя», и т. д. Это все старье, которое давно пора сдать в архив... Сохрани меня бог обвинить Вас в сознательной лжи, но все это — бессознательная фальшь, которая незаметно вкрадывается в душу всех молодых, умных и самолюбивых людей. И как это настоящему таланту писать *разно*, смотря по побужденьям? Не говорит же яблоня про свои плоды: это у меня яблочки так, между прочим, а вот посмотрите, какое я для себя высижу яблоко! Повторяю: всю эту гончаровщину надо бросить вместе с фразой: «Никто другой еще не сказал того, что я могу (или хочу) сказать» и т. д. Пишите просто, искренно, то, что Вас занимает — я бы даже сказал, что Вас забавляет — и если у Вас есть живой талант, природный дар — то будет хорошо. А то, право, слушая Ваши тонкие соображения «о эстетичности», поневоле подумаешь, что именно в своем таланте Вы сами сомневаетесь и собираетесь заменить его всеми этими прелестными, искусно выточенными подставочками, про которые существует французская поговорка: «Jamais trente six petits lapins blancs ne feront un

cheval blanc...» * Я последних Ваших рассказов не читал и потому ничего не могу сказать о них (и где они помещены?) [2], но мне странно, что можно вынимать или вставлять описания природы — точно изюмины кулича. Мне (давно тому назад) одна старушка сказала, что все мои беды происходят оттого, что я не живу «с простотою»; так и я Вам говорю: пишите *с простотою* — и не забывайте, что все лучшие произведения великих художников писаны именно «ради куска хлеба» — просто потому, что они писаны в молодости и с простотою.

А потому идите себе спокойно вперед, не обращая внимания ни на сплетни, ни на дружеские похвалы (тоже сплетни в своем роде) — ни на собственные измышления. А критики принимайте к сведению — как Вы, надеюсь, примете к сведению и это письмо. Что же касается до сомнения в самом себе, то Вы можете быть спокойны: кто серьезно может думать, что «никто еще не сказал того, что он может сказать»— у того такая прочная доза самолюбия, что никакое сомнение его не расшатает — тем более, что эти два чувства отлично уживаются друг с другом (стоит вспомнить Гоголя, Достоевского и tutti quanti).

Засим — искренно желаю Вам всего хорошего и прошу верить в уважение и сочувствие преданного Вам

Ив. Т.

[1] Операцию (удаление неврома) Тургенев перенес 2/14 января 1883 года.

[2] Очевидно, Л. Ф. Ломовская интересовалась мнением Тургенева о ее рассказах «Воробьиные ночи» («Вестник Европы», 1881, № 5—7) и «Единственный случай» (там же, 1882, № 4). Оба рассказа помещены под псевдонимом Л. Нелидова.

296

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

Париж.
1 февраля ⟨н. ст.⟩ 1883 г.

Любезнейший Д. В., пишу Вам в постели, лежа, карандашом, ибо мне не только не стало лучше после

* Никогда тридцать шесть белых кроликов не составят белой лошади *(франц.)*.

операции (которая сошла весьма благополучно), но несравненно хуже. Старый мой недуг — грудная жаба — терзает меня с небывалой еще силой. Как мне жаль бедного Гончарова! Страдая сам, я ближе принимаю к сердцу его страдания!

Вашего «Гуттаперчевого мальчика»[1] я давно прочел — и все собирался Вам послать подробный отчет о моем впечатлении, да не до писания было! Скажу Вам вкратце, что это вещь очень интересная: все характеры поставлены верно; но в исполнении я нашел какую-то излишнюю обстоятельность и старательность, которые придают медлительность рассказу. Я бы, например, вовсе выкинул такие фразы, как на 1-й же странице со слова: «Масленица» до слов «перемена погоды». Вообще в первой части особенно Вы как бы излишне хлопочете. Попадаются также некоторые тяжелые обороты (стр. 8): «употреблял все силы, чтобы тот ничего не заметил» (стр. 9): «Колебания... твердую почву». Но я это приписываю именно излишнему старанию, отчего Вы впали в кропотливость. Пишите — как следует авторитету — уверенно, бойко, быстро. И со всем «Г⟨уттаперчевый⟩ м⟨альчик⟩» очень хорошая вещь.

Я бы рад был сдержать слово Марксу — и сдержу его — если болезнь не помешает. Я и в контракте с Глазуновым это выговорил[2]. Но пока я человек и без ног и без рук. И потому — терпение!

Засим желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Рассказ Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» был напечатан в журнале «Нива», 1883, № 1—3.

[2] Тургенев обещал издателю «Нивы» А. Ф. Марксу повесть для опубликования в его журнале и разрешил оповестить об этом читателей. См. письмо А. Ф. Марксу от 24 сентября/6 октября 1882 года (Первое собрание писем И. С. Тургенева, 1884, стр. 496). С И. И. Глазуновым Тургенев заключил в августе 1882 года контракт на издание сочинений.

297

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Bougival, Les Frênes, Chalet.
〈Конец июня 1883 г. ст.ст.〉[1]

Милый и дорогой Лев Николаевич. Долго Вам не писал, ибо был и *есмь,* говоря прямо, на смертном одре[2]. Выздороветь я не могу, — и думать об этом нечего. Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником, — и чтобы выразить Вам мою последнюю, искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас подействует!! Я же человек конченый — доктора даже не знают, как назвать мой недуг, Névralgie stomacale goutteuse. Ни ходить, ни есть, ни спать — да что! Скучно даже повторять все это! Друг мой, великий писатель Русской земли — внемлите моей просьбе! Дайте мне знать, если Вы получите эту бумажку, и позвольте еще раз *крепко,* крепко обнять Вас, Вашу жену, всех Ваших, не могу больше, устал.

[1] Письмо датируется на основании штемпелей на конверте: Тула, 3 июля 1883.

[2] Меньше чем через два месяца после этого письма — 22 августа 1883 года — Тургенев скончался.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К X — XII ТОМАМ

Составила Т. Н. Волкова

Абаза Юлия Федоровна — знакомая Тургенева — т. XII: 354.

Абердин — Джордж Гамильтон Гордон Эбердин (1784—1860) — английский государственный деятель — т. XII: 173.

Абу Эдмонд (About) (1828—1885) — французский писатель и публицист, редактор либеральной газеты «Le XIX-e Siècle» (XIX век) — т. XI: 209—211, 345, *498;* т. XII: *359, 543.*

Август Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — первый римский император — т. X: 251, 478; т. XI: 79; т. XII: 44, *349.*

Август II «Сильный» (1670—1733) — курфюрст Саксонский, с 1697 г. король польский. Союзник Петра I во время Северной войны — т. XI: 79, 82—91, 93—95, 97.

Августа (1811—1890) — императрица Германии и королева Пруссии — т. XII: 442.

Авдеев Михаил Васильевич (1821—1876) — писатель — т. XI: 332, 333, *486, 526;* т. XII: 372, 426 — *428,* 452, 453.

«Герои и героини русской литературы» — т. XII, 452, *453.*

«Магдалина» — т. XII: 426, *428.*

«Меж двух огней» — т. XII: 426, *428.*

«Письма в провинцию» — т. XII: 426, *428.*

«Тамарин» — т. XI: 128, *486.*

Агин Александр Алексеевич (1817—1875) — художник — т. XI: 279, *518.*

Д'Агу Мария (1805—1876) — (псевд. Даниэль Стерн) — французская писательница,

публицист и критик; по своим взглядам была близка к социалистам-утопистам — т. XII: 244, *246,* 257, 265.

Адан Жюльетта Ламбер (1836—1936) — французская писательница — т. XII: 537.

Адельсвард Ренольд Оскар (1811—?) — французский военный историк. В феврале 1848 г. был выбран депутатом в Учредительное собрание — т. XII: 74.

Адлерфельд Густав (1671—1709) — шведский военный писатель, сопровождавший Карла XII в походах — т. XI: 92.

Аксакова Ольга Семеновна (1792—1878) — жена С. Т. Аксакова — т. XII: 169, 190, 203, 205, 226, 260, 285, 287, 312.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — поэт и публицист, славянофил — т. XII: 107, 108, 111, 112, *114,* 131—*134, 137, 139,* 144, 156, 157, 164, 165, 167, 189, 204, *205,* 225, *226, 229,* 260, 285, 287, 296, 300, 310—312, 348, 372—*374.*

«Бродяга» — т. XII: 112, *114.*

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, историк и писатель, один из идеологов славянофильства — т. XII: 111—*114,* 120, 121, *123,* 132, 133, *137,* 140—142, 156, 157, 165—169, 189, *190,* 204, 205, 225, *229,* 260, 285, 287, 296, 300, 312.

«О русских глаголах» — т. XII: 189, *190.*

«Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» — т. XII: 113, *114.*

«О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности» — т. XII: 121, 133.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — писатель — т. X: 420, *641;* т. XI: 147—152, 154, 156—158, 160, 161, 297, 298, 305, *488—490, 502, 520—523, 532, 534, 553;* т. XII: 111—113, 125, *126,* 127, 132—135, *137,* 139, 140, 142—145, 148, 156, 157, 164—168, 169, 188—190, 200—203, 209, 224—226, 241, *242,* 258—*261,* 285, 287, 296, 300, 311, *312,* 415, 550.

«Аленький цветочек» — т. XII: 550.

«Биография М. Н. Загоскина» — т. XII: 142, *145.*

«Записки об уженье рыбы» — т. XI: 297; т. XII: 165, *166.*

«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — т. XI: 147, 148, 150—152, 154, 156—158, 160, 161, 297, 298, 305, *485, 520;* т. XII: *113,* 125—*128,* 133, 134, *137,* 139, *140, 148.*

«Знакомство с Державиным» — т. XII: 112, *113,* 165, *166.*

«Охота с ястребом за перепелками» — т. XII: 166, *167.*

«Семейная хроника и

воспоминания» — т. XII: 189, *190,* 200, *201, 202,* 204, 209, 225, *226, 242.*

Александр Македонский (356—323 до н. э.) — т. XI: 180.

Александр I (Alexander I) (1777—1825) — т. XI: 202, 203, 248, 250, 252, *510;* т. XII: 385, 387.

Александр II (1818—1881) — т. XI: 248, 251, 252, 255, 256, 379, *511, 530, 557, 559;* т. XII: 110, *111, 267,* 293, *294,* 302, 346, 349, *351, 382,* 535, *536.*

Александр III (1845—1894) — т. XII: 540.

Александр Шведский — см. Карл XII.

Александра Николаевна (1825—1844) — дочь Николая I — т. XI: 278.

Алексей Михайлович (1629—1676) — т. X: 293; т. XI: 153, 161.

«Урядник, или Новое уложение и устроение чина Сокольничия пути» — т. XI: 147, 153, 161.

Альберони Джулио (1664—1752) — испанский кардинал, политический деятель — т. XI: 73.

Альберт фон Заксен Кобург (1819—1861) — герцог Саксонский; с 1840 г. — муж королевы Великобритании Виктории — т. XI: 324.

Альбони Мария (1823—1894) — итальянская певица — т. XII: 47, *50,* 56, 60.

Андерсен Адольф (1818—1879) — немецкий математик, знаменитый шахматист — т. XI: 361.

Андерсон — фокусник — т. XI: 282, 283.

Андреев — поэт — т. XI: 106, 115—117.

Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918) — адвокат; поэт, переводчик и литературный критик — т. XII: 526, 527.

Анна Семеновна — см. Тургенева А. С.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — литературный критик и публицист, мемуарист. В 40-е годы член кружка Белинского, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника». В 50-х годах порвал с «Современником». В 50—60-х годах стоял на позициях «чистого искусства» — т. X: 311, 312, *620, 622—625, 627, 631, 633—635, 639, 640;* т. XI: 451, *494, 500, 502, 504, 506, 510, 523, 524, 528, 529, 532, 536, 537, 539, 541, 542, 548, 554, 555—559, 561;* т. XII: 38, *45,* 49, *50,* 52, *54,* 114—116, 121—123, 125, 130, 134—*140,* 145—*147,* 149—151, 154, 155, 171—174, 196—199, 202, *203, 226,* 228, 234, 237, 243, 248, 250, *251,* 268, 271, 273—275, *277*—281, 283, 288—*291, 298,* 300, 304, 306—*309,* 312—314, 318, *319,* 321—*324,* 327—*329,* 342, 345, 363—371, 374, 375, 380, 381, 385, *386,* 388,

390—392, 395—399, *401*—403, 406—408, 411, 413, 414, 419—422, 424—*426*, 431—433, 435, 443, 444, 480, *481, 483, 486*, 494, 527, 534, *536*, 538, 539, 545—548, 551, 552, 560, 561.

«Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» — т. XII: 385, *386*, 388.

«Материалы для биографии А. С. Пушкина» — т. XII: 114, *116*, 146.

«Провинциальные письма» — т. XII: 139, *140*.

Анненков Федор Васильевич (1805—1869) — нижегородский губернатор, брат П. В. Анненкова — т. XII: 421.

Анненкова Глафира Александровна (1831—1899) — жена П. В. Анненкова — т. XII: 328, 366, 368, 369, 375, 381, 407, 420.

А. Н. С. — см. Струговщиков Александр Николаевич.

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — скульптор — т. XI: 377—380, *513, 538, 539;* т. XII: 446, *447*, 476, *572*.

«Головы Христа и божьей матери» — т. XI: 379.

«Иван Грозный» — т. XI: 377, 378, 380, *538*.

«Нападение инквизиторов на евреев» — т. XI: 379.

«Петр I» — т. XII: 446, *447*.

«Портной» — т. XI: 379.

«Скупой» — т. XI: 379.

«Христос и Иуда» — т. XI: 379.

Антоний Марк (83—30 до н. э.) — римский государственный деятель — т. XII: 44.

Антонович Максим Алексеевич (1835—1918) — критик и публицист, сотрудник журнала «Современник» — т. X: 352, *625, 635;* т. XI: 408; т. XII: 408, 419.

Апухтин Алексей Николаевич (1840—1893) — поэт — т. XII: 302—304.

Аракчеев (Arakcheef) Алексей Андреевич (1769—1834) — т. XI: 202, 203.

Арапетов Иван Павлович (1811—1887) — член редакционных комиссий по крестьянской реформе 1861 г. — т. XII: 155, 548.

Аргутинская Варвара Константиновна — т. XII: 511, *512*.

«Арзамас» — т. X: 274, *626*.

Ариас Монтанус (1527—1598) — библиофил; богослов и исследователь библейских книг — XI: 79.

Ариосто Лодовико (1474—1533) — итальянский поэт — т. X: 341.

Аристотель (384—322 до н. э.) — т. XI: 93.

Аристофан (около 446—385 до н. э.) — т. X: 189; т. XII: 60, *61*.

«Лягушки» — т. XII: 60, *61*.

«Птицы» — т. XII: 60, *61*.

Арминий или *Герман* (17 до н. э. — 21 н. э.) — вождь древнегерманского племени херусков — т. XI: 17.

Арним фон Беттина (Элизабет) (1785—1859) — немецкая писательница — т. XI: 230, 231, 287, *519*.

Арно — секретарь Л. Гамбетты — т. XII: 537.

Арно де л'Ариеж — жена французского сенатора Фредерика Арно де л'Ариеж — т. XII: 537.

Арнольд Юрий (А. Ю.) — сотрудник «Северной пчелы» — т. XI: 332, 333, *526*.

Арнот — книгопродавец в Петербурге — т. XII: 180, 187.

Арсеньева Елизавета Алексеевна (1773—1845) — бабушка М. Ю. Лермонтова — т. XI: 334, 335.

«Архив» — см. «Русский архив».

Арто Дезирэ (1835—1907) — бельгийская певица, ученица П. Виардо — т. XII: 365.

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — реакционный журналист и писатель — т. XI: 408; т. XII: 415.

«Атеней» — ежемесячный журнал критики, истории литературы, выходивший в Москве под редакцией Е. Ф. Корша в 1858—1859 гг. — т. XII: 296.

«Атенеум» (The Athenaeum) — ежемесячный английский журнал критики, философии и искусства, выходивший в Лондоне с 1828 г. — т. XII: 119, 136, 150, *151*.

Атталиды (Атталы) — династия правителей (283—133 до н. э.) Пергамского царства в Малой Азии — т. XI: 397, 398.

Ауэрбах Бертольд (1812—1882) — немецкий писатель — т. XI: 26, 349—354, *533—535*.

Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — исследователь и собиратель русских народных сказок; журналист и писатель — т. XII: 127, *128*, 438, *439*.

Аффр Дени-Огюст (1793—1848) — парижский архиепископ. Убит 25 июня 1848 г. при попытке примирить враждующие стороны — т. X: 390.

Ахматов Алексей Петрович (1818—1870) — генерал-адъютант; с 1862 г. — обер-прокурор синода — т. XII: 292.

Ашкинази Михаил Осипович (1851—1914) — политический эмигрант, публицист и переводчик — т. XII: 543, *544*.

«Жертвы царя» — т. XII: 534, *544*.

А. Ю. — см. Арнольд Юрий.

Баденская Стефания, Луиза Адриенна де Богарнэ (1789—1860) — приемная дочь Наполеона I, жена герцога К. Л. Ф. Баденского — т. XI: 230.

Базен Ашиль Франсуа (1811—1888) — маршал Франции. 27 октября 1870 г. сдал пруссакам крепость Мец, открыв путь на Париж — т. XI: 361, 366, *538;* т. XII: 430.

Базунов Александр Федорович (ум. в 1899 г.) — книгопродавец и издатель — т. XII: 138, 250, *251,* 281.

Байар (Баяр) Жан-Франсуа (1796—1853).

«Жером — каменщик» — т. XII: 42, *43.*

«Отец дебютантки» — т. XII: 48, *50.*

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — т. X: 93, 307, *505, 594, 605, 730;* т. XI: 22, 23, 214, *477;* т. XII: *13, 147, 148,* 439.

«Корсар» — т. X: 208.

«Manfred», Манфред — т. X: 263, *505, 644;* т. XI: 273, 274, *517;* т. XII: 12, *13.*

Бакон — см. Бэкон.

Бакунин Александр Александрович (1823—1882) — т. XI: 17, 28—30, 33, 296, *297.*

Бакунин Александр Михайлович (1768—1854) — отец М. А. Бакунина — т. X: 306, *626, 630;* т. XII: 17.

Бакунин Алексей Александрович (1823—1882) — т. XI: 456, 457, 463, 465, 466; т. XII: 17, 28—30, 32—35, 296, *297.*

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — в молодости участник московских философских кружков, гегельянец; друг Тургенева, был близок к Белинскому. Впоследствии — революционер-анархист — т. XI: 418, 453, 456—459, 461, 463, 464, 466, *504, 505, 559, 563;* т. XII: 17, 18, 20—24, 30, 32, 340, 348.

Бакунин Николай Александрович (1820—1901) — т. XI: 456, 457, 463; т. XII: 17.

Бакунин Павел Александрович (1820—1900) — т. XI: 456—458, 461, 463, 465, 466; т. XII: 17, 35.

Бакунина Александра Александровна (1816—1882) — т. XI: 456; т. XII: 17.

Бакунина Антония Ксаверьевна, жена М. А. Бакунина — т. XI: 456—459, 461, 463, 465, 466; т. XII: 17.

Бакунина Любовь Александровна (1811—1838) — дочь А. М. Бакунина — т. X: 306; т. XI: 234; т. XII: 16, *18.*

Бакунина Наталья Семеновна (Nathalie Bakounine) — жена П. А. Бакунина — т. XI: 457, 458, 461, 464, *559;* т. XII: 17.

Бакунина Татьяна Александровна (1815—1872) — одна из сестер М. А. Бакунина, друг юности Тургенева — т. XI: 456; т. XII: 17, 25—*27,* 29, *30,* 32, 33, 35.

Балашов Захар Федорович — камердинер И. С. Тургенева — т. XII: 410.

Бальзак де Оноре (1799—1850) — т. XI: 345, 388; т. XII: 259, 562.

Бальф Майкл Вильям (1808—1870) — английский композитор — т. XII: 52, *54.*

«Звезда Севильи» — т. XII: 54.

Барант де Амабль-Гийом-Проспер (1782—1866) — в 1840-х годах французский посланник в Петербурге — т. XI: 334, 335.

Барант Проспер-Клод (1816—1889) — сын Амабля де Барант, политический деятель Франции, депутат Национального собрания (1871), в 1876—1882 гг. — сенатор. Лермонтов дрался с ним на дуэли в 1840 г. — т. XI: 334, 335.

Баратынская Настасья Львовна (1804—1860) — жена Е. А. Баратынского — т. XI: 312, *522;* т. XII: 168.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт — т. X: 271, 283; т. XI: 173, 218, 312, *522;* т. XII: 168, 169, 170, 172.

«На смерть Лермонтова («Память поэту»)» — т. XI: 312, *522.*

Баратынский Ираклий Абрамович (1802—1859) — брат поэта — т. XII: 172.

Баре Стефан-Фридрих (1790—1856) — берлинский врач — т. XI: 230.

Бари Антуан-Луи (1795—1875) — французский скульптор-анималист — т. XII: 52, *54.*

Барро Одилон (1791—1873) — французский политический деятель; председатель совета министров и министр юстиции при Луи-Наполеоне — т. X: 369, *638.*

Бартенев Петр Иванович (1829—1912) — историк и археограф. Издатель и редактор журнала «Русский архив», биограф Пушкина — т. XII: 414.

Баршева Александра Петровна — сестра поэта Я. П. Полонского — т. XII: 412, *413.*

Барятинская — знакомая И. С. Тургенева — т. XII: 511.

Бастид Жюль (1800—1879) — французский политический деятель, публицист; в 1848 г. министр иностранных дел — т. XII: 67.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт — т. XI: 214.

Бауэр Бруно (1809—1882) — немецкий философ и историк, левогегельянец — т. XI: 287; т. XII: *50.*

Бегас Карл (1794—1854) — немецкий живописец-портретист — т. XI: 288.

Безанваль Жан-Виктор (1671—1736) — французский дипломат, генерал; с 1707 г. — чрезвычайный посол и полномочный министр Людовика XIV при дворе Карла XII — т. XI: 92.

Бекетов Владимир Николае-

вич (1809—1883) — цензор Петербургского цензурного комитета; в 1853—1857 гг. был цензором «Современника» — т. XII: *203,* 241, *242.*

Бекманн Фридрих (1803—1866) — немецкий комический актер — т. XI: 230.

Белинская Мария Васильевна (1812—1890) — жена В. Г. Белинского — т. X: 280, 309, 311; т. XII: *175,* 186, *187.*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — т. X: 40, 268, 269, 274—288, 290—314, 318, 356, *593, 594, 596, 599, 604, 607, 611—614, 618, 623—630;* т. XI: 193, 194, 220, 231, 236—242, 329, 355, 356, 409, 418, 470, *477—486, 492, 501, 503, 504, 506, 507, 517, 518, 519, 536, 537, 552;* т. XII: 36—39, 43—*46,* 50, *76,* 156, *157,* 174, *175, 187,* 217, *219,* 231, *232,* 234, 243, *245,* 247, *248,* 250, *252*—254, 257, 268, 277, 278, 309, 337, 340, 346, 347, 362, 402—*404,* 406, 408, 413, 481, 548, 560.

«Бородинская годовщина» — т. X: 298, *629.*

«Ответ «Москвитянину» — т. XII: 44, *46.*

«Пятидесятилетний дядюшка» — т. X: 297, *629.*

Белинский Владимир Виссарионович (24 ноября 1846 г. — ок. 20 марта 1847 г.) — сын В. Г. Белинского — т. X: 311, 312.

Беллини Винченцо (1802—1835) — итальянский композитор — т. XI: 280, 281; т. XII: 50.

«Норма» — т. XI: 280.

«Пуритане» — т. XI: 280.

«Сомнамбула» — т. XII: 48, *50,* 68, 399.

Беллынский — см. Белинский В. Г.

Белынский Григорий Никифорович (1784—1835) — отец В. Г. Белинского — т. X: 274.

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1808—1873) — т. X: 191, 268, 275, 276, 289, *614, 625;* т. XII: 252, 253.

«Горы» — т. X: 275.

«Матильда» — т. X: 275.

«Утес» — т. X: 275.

Бенни Артур (1840—1867) — английский журналист и переводчик; революционный деятель — т. XI: 339, 340, *530, 531;* т. XII: 385, *386.*

Беранже Пьер-Жан (1780—1857) — т. XII: 524.

Берг Николай Васильевич (1824—1884) — русский беллетрист, поэт-переводчик и журналист — т. XI: 106, *543;* т. XII: 170, *171,* 220, *221.*

«Из крымских заметок» — т. XII: 220, 221.

«Ренегат» — т. XI: 106.

Березин — поэт — т. XII: 322.

Беринг — см. Тимашев-Беринг А. А.

Берлиоз Гектор (1803—1869) — французский композитор — т. XI: 280.

«Фауст» — т. XI: 281.

Бернарден де Сен-Пьер Жак-Анри (1737—1814) — французский писатель — т. XI: 132.

«Павел и Виргиния» — т. XI: 132.

Бернини Лоренцо (1598—1680) — итальянский архитектор, скульптор и художник — т. XI: 288.

Бернс Роберт (1759—1796) — т. XII: 183—*185,* 362.

Берс Александр Евстафьевич (1807—1871) — врач и музыкант, дядя С. А. Толстой, жены Л. Н. Толстого — т. XII: 166.

Бессонов П. — профессор Харьковского университета — т. XII: 483, 484.

Берта — приятельница Н. В. Станкевича в Берлине — т. XI: 229, 231; т. XII: 16.

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) — член Северного общества декабристов — т. XII: 322.

Беттина — см. Арним фон Элизабет.

Беттихер, Böттхер (Böttiger) Карл-Август (1760—1835) — археолог, искусствовед и педагог. В 1791—1804 гг. — директор гимназии в Веймаре — т. XI: 7, 33.

Бетховен, Бетговен, Людвиг ван (1770—1827) — т. X: 215; т. XI: 215, 289; т. XII: 162, 218, *414,* 501.

«Библиотека для чтения» — журнал, издававшийся в Петербурге с 1834 по 1865 г. — т. X: 268, 269, *607, 622;* т. XI: 321, *508, 525;* т. XII: 125, 184, *222*—224, 227, *229,* 232, 243, 247, 249, 250, 252, 253, 256, 257, 264, 265, 268, 313, 354, 355.

«Биржевые ведомости» — ежедневная литературно-политическая газета умеренно-либерального направления. Издавалась в Петербурге, с перерывами с 1861 по 1917 г. — т. XI: 368; т. XII: 452, 487.

Бисмарк фон Шёнгаузен Отто-Эдуард (1815—1898) — государственный деятель, дипломат; с января 1871 по 1890 г. — рейхсканцлер Германской империи — т. XI: 367, 375.

Бичер Стоу Гарриет (1811—1896) — т. XII: 244.

Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880) — литературный критик и публицист радикально-демократического направления. Издавал и редактировал журналы: «Русское слово» (1850—1866), «Дело» (1866—1880) — т. XII: 369, *372.*

Блаз Эльзеар (1786—1848) — один из основателей и сотрудников «Journal des chasseurs» («Журнала охотников») — т. XI: 148, 150.

Блан Луи (1811—1882) — французский социалист-утопист — т. XII: 49, *50,* 53, *54,* 462, 464.

«История французской революции» — т. XII: *50.*

Бланки Луи-Огюст (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист — т. XII: 74, 75.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — реакционный государственный деятель, с 1832 г. — министр внутренних дел; в 1837—1839 гг. — министр юстиции; с 1855 г. — президент Академии наук — т. X: 328; т. XII: 205, *206.*

Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891) — фрейлина, писательница. Салон Блудовой в Москве отличался своим реакционным духом — т. XII: 489.

Блюхер Гебхард-Леберехт (1742—1819) — прусский фельдмаршал времен войн с Наполеоном I — т. XI: 290.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — писатель, в 1863—1865 гг. издатель-редактор «Библиотеки для чтения» — т. XII: 354, *355,* 432, *527, 552,* 564.

Богданович-Лутовинова Варвара Николаевна (В. Н. Б.) (1833—1900) — внебрачная дочь матери Тургенева, В. П. Тургеневой — т. X: 49, *600.*

Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — художник-маринист — т. XII: 570, *572.*

Бодиско Елена Константиновна — двоюродная сестра Т. Н. Грановского, с 1851 г. — жена А. В. Станкевича — т. XII: 103.

Бодмер Иоганн-Яков (1698—1783) — немецкий поэт и критик — т. XI: 16.

Бодри Фредерик (1818—1885) — французский писатель, с 1874 г. помощник хранителя библиотеки Мазарини — т. XII: 537, 538.

Бозио Анджелика (1829—1859) — итальянская певица — т. XII: 305, *306.*

Бёк Филипп-Август (1785—1867) — немецкий филолог, профессор Берлинского университета — т. X: 260; т. XI: 418.

Бокард (Бокар) Август Петрович — инженер путей сообщения — т. XII: 130.

Бокаччио Джованни (1313—1375).

«Декамерон» — т. X: 341.

Бомарше Пьер-Огюстен-Карон де (1732—1799).

«Женитьба Фигаро» — т. XI: 346; Альмавива, граф — т. XI: 69; Фигаро — т. XI: 367.

Бонапарты — т. X: 360, 365, 377, *637.*

Бонапарт Пьер-Наполеон (1815—1881) — т. X: 395, 404, *640;* т. XI: 359.

Борисов Иван Петрович (1832—1871) — приятель Тургенева, муж сестры А. А. Фета — т. X: 109, *607, 619, 634, 641;* т. XII: 314, 316, 325—327, 349—351, 355—357, 387, 388, 401, 410, 411, 412, 418, 422, 423, 428, 430.

Борисов Петр Иванович (1859—1888) — сын И. П. Борисова — т. XII: 327, 350, 356, 359, 411, 422, 423, 430, 432, 437, 468.

Борисова, рожд. Шеншина, Надежда Афанасьевна (1832—1870) — сестра А. А. Фета, жена И. П. Борисова — т. X: 109, *607;* т. XII: 285, 327, 350.

Борнштедт (ум. 27 апреля 1848 г.) — один из руководителей восстания немецких рабочих весною 1848 г. — т. XII: 67, *70.*

Боско Бартоломео (1793—1863) — итальянский фокусник, в течение восемнадцати лет гастролировавший по Европе и Востоку — т. XI: 282.

Боссюэ Жак-Бенин (1627—1704) — французский проповедник, историк, богослов и писатель — т. X: 231, *615.*

Боткин Василий Петрович (1811—1869) — писатель, публицист и критик. В 30—40-е годы — друг Белинского и Герцена. Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Современник» и др. В 50—60-х годах идеолог теории «искусства для искусства» — т. X: 111, 310, 311, 334, 336, 338, 339, 345, *606, 608, 611, 624, 629, 630;* т. XI: 485, 487, 491, 494, 504, 523, 525, 552, 554; т. XII: 45, *46,* 100—107, *131,* 150—*152,* 179—*181,* 183, *187,* 195, 196, 198, *199, 200,* 205, 206, *213,* 216, *228,* 230, 233, 236, 237, 240, 245, 261, 270—*272,* 276, 278, 280, *283,* 282, 287, 290, 291, 293, 295, 297, 300, *301, 306, 308,* 318, 324, 326, *335,* 338, *339,* 343, 347, 350, 351, 353, 354, 359, *361,* 363, 364, 366—368, 370, 375, 389, 391, *392,* 400, 414.

«Письма об Испании» — т. XII: 44, *45.*

Боткина М. П. — см. Фет Мария Петровна.

Брандус — владелец музыкальной конторы в Париже и музыкального магазина в Петербурге — т. XII: 216, 220, 223, 243.

Брант — шведский генерал — т. XI: 82.

Бреа Жан-Батист (1790—1848) — французский генерал, подавлявший июньское восстание 1848 г. Убит 25 июня на площади Италии в Париже — т. X: 390.

Брейтгаупт — доктор, швед— т. XI: 78.

Бриден Жак (1701—1767) — французский проповедник — т. XII: 322, *323.*

Бриджватерские герцоги (Bridgewater) в Англии — т. XI: 323, 326.

Брут (Brutus) Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, республиканец. Один из участников убийства Юлия Цезаря. В битве при Филиппах потерпел поражение от войск Октавиана и покончил жизнь самоубий-

ством — т. X: 251; т. XI: 62; т. XII: 348, *349.*

Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — русский художник — т. X: 289, 297, 335, 344, 345, *633;* т. XII: *281,* 290, 291.

«Последний день Помпеи» — т. X: 335, *634.*

Брюллов Павел Александрович (р. в 1840 г.) — художник-пейзажист — т. XII: 498, 504.

Брюллова Софья Константиновна (1851—1877) — историк и переводчица; дочь К. Д. Кавелина — т. XI: 269, 270, *515, 516;* т. XII: 445—*447,* 503, 504.

Брюэр Гастон — муж П. И. Тургеневой — т. XII: 355, 359, 468.

Брычкинский—польский пианист — т. XI: 234.

Буало Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма — т. XI: 345.

Буальдьё Франсуа-Адриен (1775 — 1834) — французский композитор — т. XII: 48, *50.*

«Белая дама» — т. XII: 47, 50.

Булгарин Фаддей Бенедиктович (1789—1859) — реакционный писатель и журналист, издатель газеты «Северная пчела», тайный агент III отделения; автор дидактических романов «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин» — т. X: 300, 304, *591, 622;* т. XI: 57, *518, 552:* т. XII. 84, *105,* 130, 437, *438.*

Бурдин Федор Алексеевич (1827—1887) — артист и писатель, друг Островского — т. XII: 231.

Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — реакционный фельетонист «Нового времени» — т. XII: 569.

Буткевич С. (псевдоним С. Буташевская) — детская писательница — т. XI: 329—331, 459, *526.*

«Дневник девочки» — т. XI: 329—331, 459, 460, *526.*

Буффе Мари (1800—1888) — французский комический актер — т. XII: 42, *43.*

Бушарди Жозеф (1810—1870) — французский драматург — т. XI: 65.

Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский философ-материалист — т. XI: 188.

Бюжо Тома-Робер (1784—1849) — французский маршал — т. XII: 80.

Бюффон Жорж-Луи (1707—1788) — французский естествоиспытатель — т. X: 427; т. XI: 157, 275; т. XII: 174, *175.*

Бюхнер Карл-Людвиг (1824—1899)

«Stoff und Kraft» («Материя и сила») — т. XII: 339, *342.*

Ваксель Лев Николаевич (1811—1886) — штабс-капитан в отставке, автор руководства для начинающих охотников — т. XII: 171.

Валентин — учитель немецкого языка И. С. Тургенева — т. XII: 10.

Валлес Жюль (1832—1885) — французский писатель — т. XII: 520, 521.

Васильев Иосиф Васильевич (ум. в 1881 г.) — в 1846 — 1867 гг. священник русской посольской церкви в Париже — т. XII: 275.

Васильев-Чертков — см. Парфений.

Васильевна — т. XII: 10, *11.*

Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878) — генерал-адъютант, в 1856 г. начальник штаба южной Крымской армии; в 1858—1860 гг. управляющий военным министерством — т. XII: 204, *205,* 260.

Васильчиков Илларион Илларионович (1805—1863) — т. XII: 260.

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — т. XII: 575.

Вебер Карл Мария (1786—1826) — немецкий композитор и дирижер — т. XI: 161, 289.

Вегелин Андрей Иванович (ум. в 1860 г.) — декабрист — т. XII: 310.

Вейденгаммер Иоганн-Фридрих (1787—1838) — инспектор Екатерининского и Александровского институтов в Москве. Содержал в Москве пансион для мальчиков — т. X: 331.

Вейер фан дер, Сильвен (1802—1874) — бельгийский политический деятель, в 1831—1867 гг. — бельгийский посланник в Лондоне—т. XI: 323, 325.

Вейнберг Петр Исаевич (1830—1908) — поэт и переводчик, сотрудник «Искры», «Современника» — т. XII: 562.

«Век» — газета — т. XII: 318, *319.*

Вельтман Александр Фомич (1800 — 1870) — писатель — т. XI: 102.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — критик, историк литературы и библиограф — т. XII: 459—461.

Венявский Генрик (1835—1880) — польский композитор и скрипач — т. XII: 354.

Вера Павловна — т. XII: 381.

Вердер Карл (1806—1893) — немецкий философ-гегельянец, поэт; профессор Берлинского университета — т. X: 260; т. XI: 229—231, 286, 287, 418, *519;* т. XII: 14, 16, 17, 21, 50.

«Der Tod» («Смерть») — т. XII: 17.

Верди Джузеппе (1813—1901) — т. XI: 280, 281, 282, 293; т. XII: *57.*

«Иерусалим» — т. XII: 55, *57.*

«Ломбардцы в первом крестовом походе» — т. XI: 280—282; т. XII: *57.*

«Набукко» («Навуходоносор») — т. XI: 281.

«Травиата» — т. XII: 305, *306.*

«Эрнани» — т. XI: 280, 281.

Верещагин (Véreschaguine) Василий Васильевич (1842—1904) — художник-баталист — т. XI: 209, 210, *498;* т. XII: 572.

Веригина — знакомая Тургенева и Фета — т. X: 110; т. XII: 283.

Верне (1790—1848) — французский комический актер — т. XII: 48.

Веронезе Кальяри Паоло (1528—1588) — итальянский художник эпохи Возрождения — т. X: 342.

Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862) — композитор и театральный деятель — т. XI: 110.

«Вестник Европы» — либерально-буржуазный журнал, выходил в Петербурге в 1866—1918 гг. — т. X: 312, *623, 624;* т. XI: 259, 269, 395, 397, *496, 499, 504, 510—512, 539, 543, 547, 567;* т. XII: 360, *361,* 388, 397, 400, 405, 408, *421,* 423, *433,* 482, 492, *494,* 500, 502, 520, 527, 533, 535, *536,* 539, 545, 550, 562, 566, 567.

«Вестник общества» — см. «Ежемесячный вестник».

Ветошников Павел Александрович (род. в 1831 г.) — служащий торговой фирмы Фрума — т. XI: 464, *559.*

«Вече» — см. «Общее вече».

Виардо Клоди (р. в 1852 г.) — певица, младшая из дочерей Полины Виардо; с 1874 г. замужем за владельцем типографии Жоржем Шамиро — т. XII: 119, 365, 411, 456, 475, 538, 555.

Виардо Луи (1800—1883) — искусствовед, переводчик. С 1838 г. — директор Итальянской оперы в Париже; в 1841 г. женился на певице Полине Гарсиа — т. XII: 39, 42, *43,* 49, 53, *54,* 56, 60, 62, 64, 67, 70, 97, *99, 105,* 109—111, 119, *219,* 233, 262, 306, 360, *361,* 364, 385, 387, 457, 475, 476, 538, *549,* 555.

Виардо Луиза (1841—1918) — пианистка и композитор, старшая дочь Полины Виардо, в замужестве Эритт; автор мемуаров о Тургеневе — т. XII: 42, 60, 70, 417, 422, 555.

Виардо Марианна — средняя дочь Полины Виардо; с 1881 г. — замужем за французским композитором Альфонсом Дювернуа — т. XII: 411, 547, 549, *552,* 553, 555.

Виардо (рожд. Гарсиа) Мишель-Полина (1821—1910) — французская певица, друг Тургенева — т. X: 110, *609—611, 618, 633, 637, 639, 645;* т. XI: 266, 289, 294—296, 494, 499, *508, 509, 515, 516, 519, 529, 538, 562;* т. XII: 39—*43,* 46—*49, 50,* 51—71, 79—*84, 86,* 88—99, 104, *105,* 109—*119,* 135, *137, 147, 151,* 154, 155, *157, 163,* 218, *219,* 233, *235,* 239, 262, 265, 266, 272, *277,* 298, 317, *354, 361,*

363—365, 398—400, 411—413. 417, 422, 430, 441, 442, 446, *456,* 457, 474, 476, 490, *491,* 528, 530, 538, *549, 552,* 555.

Виарис Гаэтан — офицер наполеоновской армии, участвовал в походе 1812 г. — т. XI: 251.

Вивье Эжен (р. в 1817 г.) — французский композитор — т. XII: 110.

Видерт Александр Федорович (1829—1886) — журналист и переводчик на немецкий язык русских классиков — т. XII: 184.

Виельгорский Матвей Юрьевич (1794—1866), граф — один из учредителей русского музыкального общества, автор ряда сочинений для виолончели — т. XII: 98.

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), — камергер; композитор, скрипач-любитель; устраивал симфонические концерты, пропагандировал новые музыкальные произведения — т. XII: 98.

Виктория (1819—1901) — королева Великобритании в 1837—1901 гг. — т. XI: 322—324.

Виланд Кристоф-Мартин (1733—1813) — немецкий писатель эпохи Просвещения — т. XI: 16, 17, 19, 189.

Вильгельм Завоеватель (1027—1087) — герцог нормандский и король английский — т. XI: 428.

Вильгельм I (1797—1888) — с 1861 г. король прусский, с с 1871 г. император германский — т. XI: 358, 365, 370.

Виньи де, Альфред (1797—1863) — французский поэт — т. XI: 341.

Витали Иван Петрович (1794—1855). — русский скульптор — т. XI: 275—278, *518.*

«Благословение святым Исаакием императора Феодосия» — т. XI: 276, 277.

«Исаакий, уносимый на небо тремя ангелами» — т. XI: 278.

«Поклонение волхвов» — т. XI: 276, 277.

«Христос, входящий в Иерусалим» — т. XI: 277.

Вите Людовик (1802—1873) — французский писатель и политический деятель; автор пьес на исторические темы — т. XI: 57.

Владимир Мономах (1053—1125) — т. XI: 153.

Владимир Святославович (ум. в 1015 г.) — великий князь киевский, при котором в 989 г. было совершено крещение Руси — т. XI: 153.

Владимиров — знакомый семьи И. С. Тургенева в Москве — т. XII: 9.

Владимиров Николай Михайлович — служащий торговой фирмы в Лондоне, потом в Петербурге — т. XI: 462, *559.*

Владиславлев Владимир Ан-

дреевич (1807—1856) — штабофицер корпуса жандармов, адъютант Бенкендорфа; беллетрист, издавал альманах «Утренняя заря» (1839—1843) — т. X: 266, 269.

Вовенарг Люк де Клапье (1715—1747) — французский писатель-моралист — т. XI: 165, 176.

Воейков Александр Федорович (1778—1839) — поэт-сатирик, журналист 20—30-х годов — т. X: 266, 268, *621;* т. XII: *11.*

«Сумасшедший дом» — т. X: 266, 269, *621, 622.*

Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865) — декабрист — т. XII: 310, 322.

Вольтер Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778) — т. X: 328, 329, 369, *635;* т. XI: 19, 24, 56, 83, 92, 93, 98, 189, 214, 345, 380.

Вольф Альберт (1835—1891) — французский журналист, сотрудник «Фигаро» — т. X: 399.

Вольф Маврикий Осипович (1825—1883) — книгопродавец и издатель — т. XII: 389, *390.*

Вольф Христиан (1679—1754) — немецкий философ — т. XI: 18.

Воробьева (Петрова) Анна Яковлевна (1816—1901) — оперная актриса в Петербурге. Исполняла роль Вани в «Жизни за царя». Глинка специально для нее написал сцену у монастыря — т. X: 268.

Воронцов-Вельяминов Н. П. (В. В.) — писатель, сотрудник «Москвитянина» — т. XI: 148, *489.*

«Вперед» — журнал, издававшийся П. Л. Лавровым в Цюрихе и в Лондоне в 1873—1877 гг. — т. XII: 450, 451, *455,* 469, *470.*

Вревская Юлия Петровна (1841—1878) — вдова генерала И. А. Вревского, убитого в 1858 г. на Кавказе. В 1877 г. Ю. П. Вревская отправилась в Болгарию сестрой милосердия русской армии — т. XII: *481,* 488, 489, 506—508, 510—*512,* 517, 518.

«Время» — ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся в 1861—1863 гг. в Петербурге М. М. Достоевским при ближайшем участии Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова — т. XII: 330, 333, 335, 341—343.

Вронченко Михаил Павлович (1801—1855) — переводчик — т. X: *604;* т. XI: 14, 24, 28, 30, 34—41, 43—54, 273, 274, *477—479, 516, 517;* т. XII: 12.

«Обзор обеих частей «Фауста» — т. XI: 38, 274, *479.*

«Всемирный труд» — ежемесячный учено-литературный и политический журнал, издававшийся в 1867—1872 гг. в Петербурге — т. XII: 380.

Вшивцов Александр Дмитриевич — т. XII: 394, *395,* 401, 402.

Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913) — философ-позитивист, естествоиспытатель; знакомый Герцена — т. XII: 378, *379,* 449, 474.

Вяземская Екатерина Петровна (1825—1858) — т. XII: 228, 244, *246.*

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, критик и журналист. В 20—30-х годах — друг Пушкина, настроенный прогрессивно. В 1855—1858 гг. — товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры — т. XII: *123,* 190, 202, *203.*

Гагар — см. Гаген.

Гагарин Григорий Григорьевич, князь (1810—1893) — художник-дилетант. С 1855 г. — вице-президент Академии художеств — т. XII: 279.

Гаген (Hagen) Лаврентий — капеллан Гиельмского полка — т. XI: 73—82.

Гайдн Иосиф (1732—1809) — т. XII: 162.

Гайнау Юлиус-Якоб (1786—1853) — австрийский фельдмаршал, подавлявший народные восстания в Италии и в Венгрии в 1848—1849 гг.—т. XII: 89.

Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — историк литературы, автор учебников и хрестоматий для средней школы, профессор Московского университета — т. X: 312, 313, *618, 623, 629;* т. XII: 147, *148.*

«Карамзин» — т. XII: 148.

Галахов Иван Павлович (1809—1849) — друг Герцена и Огарева — т. XI: 235, *555.*

Галеви Жак (1799—1862) — французский композитор — т. XII: *95.*

«Жидовка» — т. XII: 91, *95.*

Галилей Галилео (1564—1642) — т. XI: 188.

Галиньяни Жан-Антуан (р. в 1796 г.) или его брат Вильямс (р. в 1798 г.) — оба владельцы книжной торговли и читальни в Париже — т. XII: 216.

Галльярде Фредерик (1808—1882) — журналист и драматург. Пьеса «Tour de Nesle» написана им совместно с А. Дюма-отцом — т. XI: 61, 62.

Галюше — дрессировщик птиц — т. XI: 282.

Гамбетта Леон-Мишель (1838—1882) — французский либеральный политический деятель — т. XI: 366; т. XII: 537, 538.

Ган Елена Андреевна (1814—1842) — писательница — т. XI: 120, *486.*

Ганс Эдуард (1797—1839) — философ, историк и юрист; с 1826 г. — профессор права юридического факультета Берлин-

ского университета — т. XI: 418

Гардорф — учитель музыки в Москве — т. XII: 10.

Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — т. XI: 347, 372, *493;* т. XII: 308, *309,* 348, *349.*

Гарпагон — см. Мольер.

Гаррик Давид (1717—1779) — английский актер, репертуар которого почти целиком состоял из пьес Шекспира — т. XI: 189.

Гарсиа Мануэль (1805—1906) — певец, в 1842—1850 гг. преподаватель пения в Парижской консерватории, позднее профессор Лондонской консерватории; брат П. Виардо. Его столетие было торжественно отпраздновано в Лондоне, где он провел конец жизни — т. XII: 47, *49,* 53, 81.

Гарсиа Хоакина — мать Полины Виардо — т. XII: 40, 42, 46, 47, 49, 51—54, 58, 63, 70.

Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888) — т. XII: 546, 547, 556, 557, 560, 563.

«Из воспоминаний рядового Иванова» — т. XII: 560.

«Люди и война» («Денщик и офицер») — т. XII: 546, *547.*

«Ночь» — т. XII: 557.

Гашетт (Hachette) — издательская фирма в Париже, основанная в 1826 г. Луи Кристофом Гашеттом — т. XI: 209, 210.

Гаэрра Александр — в 1845 г. выстроил цирк в Петербурге на площади Мариинского театра — т. XI: 284, 285.

Гегель Георг-Вильгельм (1770—1831) — т. X: 260, 279, 313; т. XI: 8, 239, 287, *519.*

«Энциклопедия философских наук» — т. XII: 21, *25.*

Гёде Христиан - Август (1774—1812) — профессор уголовного права в Геттингенском университете — т. XI: 249.

Гедеонов Александр Михайлович (1791—1867) — директор императорских театров (1833—1853) — т. XII: 293.

Гедеонов Степан Александрович (1816—1878) — драматург, искусствовед и археолог — т. XI: 55, 57, 59, 62, 65, 69, 70, *480, 481, 482.*

«Смерть Ляпунова» — т. XI: 55, 57, 59, 65, 70, *480—482.*

Геерен Арнольд-Герман-Людвиг (1760—1842) — немецкий историк, профессор Геттингенского университета — т. XI: 249.

Гейденрейх (Heidenreich) Индрик — палач в Париже — т. X: 400, 412, 413, 417.

Гейзе Пауль (1830—1914) — немецкий писатель — т. XII: 442, 573, *574.*

Гейне Генрих (1797—1856) — т. X: 111, 129, *609, 611;* т. XI: 382, 402, *539;* т. XII: 468, 522.

«Путешествие в Германию» («Германия») — т. XI: 382, *539*.

Гелиогабал Марк Аврелий Антонин (III в. н. э.) — римский император — т. XII: 307.

Генгстенберг Эрнст-Вильгельм (1802—1869), немецкий богослов, профессор Берлинского университета — т. XI: 287.

Генрих IV (1553—1610) — французский король, предоставивший в 1598 г. свободу вероисповедания гугенотам — т. XI: 153, 188.

Гербель Николай Васильевич (1827—1883) — поэт и переводчик — т. XII: *148*.

Гервег Георг (1817—1875) — поэт, деятель немецкого освободительного движения 1848—1849 гг. — т. X: 390—394, *639;* т. XII: 67, *70,* 72, *75,* 84, 88.

Гервег Эмма (1817—1901) — дочь берлинского банкира Зигмунта; с 1843 г. — жена поэта Гервега — т. XII: 67, 88.

Гермоген (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси. Умер в Москве в заточении у поляков — т. XI: 63.

Герн Альберт (1789—1869) — популярный комический актер, с 1807 по 1869 г. играл в Берлине — т. XI: 230.

Геродот (ок. 484—425 до н. э.) — т. X: 110.

Гёрц Георг Генрих (1663—1719) — министр финансов и премьер-министр Швеции. Был казнен по обвинению в растрате. Невиновность его выяснилась после казни — т. XI: 73, 83.

Герцен Александр Александрович (1839—1906) — профессор физиологии Лозаннского университета, старший сын А. И. Герцена — т. XII: 236, 317, 425.

Герцен Александр Иванович (псевдоним Искандер, 1812—1870) — т. X: 299, 311, 318, 373, 374, 376, 380, *607, 624, 630, 631, 634, 639, 640;* т. XI: 253, 453—455, 460, 462—464, 466, *490, 491, 493, 510, 514, 525, 526, 528, 530, 531, 537, 551, 553, 555, 558—560, 563—565;* т. XII: 45, *46, 70,* 77, *78,* 83, 84, 87, 88, 208, 209, 217, *219,* 227, *229,* 235, 236, 240—*242,* 256—258, 263—265, *267,* 292—*294, 301,* 309, 310, 317, *318,* 321, *323,* 340, 344, *345,* 347—*349,* 372—*374,* 378, 381, 382, 406, *407,* 424, 425, 433, 487, 488.

«Барнум и Орас» («Оба лучше») — т. XII: 240, 242, 256.

«Былое и думы» — т. XII: *209,* 241, *242,* 256, *258,* 263, *265,* 487.

«Доктор Крупов» — т. XII: 44, *45.*

«С того света» — т. XII: 378, *379.*

«Журналисты и террористы» — т. XII: 348, *349.*

«Концы и начала» — т. XI: 456, 463, 467, *493;*

т. XII: 347, 348.

«Молодая и старая Россия» — т. XII: 348.

«Оба лучше» — т. XII: 240, 242, 256.

«О развитии революционных идей в России» — т. X: 318, *632.*

«Prolégomènes»— т. XII: 381, *382.*

«Письма из Avenue Marigny» — т. XII: 44, *45.*

«Письма из Франции и Италии» — т. XII: *45, 70.*

«Роберт Оуэн» — т. XII: 322, *323.*

«Сенаторам и тайным советникам журнализма» — т. XII: 344, *345.*

Герцен Наталья Александровна (1817—1852), рожд. Захарьина — жена А. И. Герцена — т. XII: 84, 88, 263—*265,* 487.

Гессенский принц — т. XII: 356.

Гесслер Герман, граф фон Брунек (ум. в 1307 г.)—ландсфогт швейцарских кантонов Швиц и Ури, убитый, по народному преданию, Вильгельмом Теллем — т. XI: 8, 12.

Гёте Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — т. X: 81, 82, 91, 111, 121, 279, 301, 313, 354, 356, *549, 604, 609, 610, 630,* 636, *637;* т. XI: 7—9, 14—16, 18—23, 25—28, 30—37, 40, 44, 45, 48—53, 59, 68, 156, 164, 168, 178, 189, 213—215, 217, 246, 273, 274, 278, 288, 350, *477, 478, 480, 492, 500, 501, 517;* т. XII: 28, *29, 61, 126,* 128, *138, 178,* 214, *215,* 217, 238, 332, 363, 390, 405, *418,* 446, *447,* 539, 563.

«Герман и Доротея» — т. XI: 374.

«Гёц фон Берлихинген»— т. XI: 25, 57, 60, 68, 189; Адельгейда — т. XI: 68; Франц — т. XI: 60, 68.

«Западно-Восточный диван» («Westöstlicher Divan») — т. X: 301; т. XII: 540.

«Записки» — т. XI: 22.

«Ифигения в Тавриде»— т. XI: 49; т. XII: 125.

«Итальянское путешествие» — т. XI: 33.

«Коринфская невеста» — т. XII: 390.

«Письма Гёте к гр. А. Штольберг» — т. XII: 28, *29.*

«Посвящение» — т. XI: 50, 51.

«Фауст» — т. X: 82, 226, 266, *594, 604, 627, 636;* т. XI: 13—16, 21—23, 26, 30—34, 36—40, 45, 46, 48—51, 53, 54, 226, 273, 274, 287, *477—479, 516, 517;* т. XII: 94, *95,* 178, 214, *215,* 217, 321, 416; Вагнер — т. XI: 25—27, 51, 54; Елена — т. XI: 32; Маргарита, Гретхен — т. X: 82—90; т. XI: 28—32, 37, 44, 48, 51, 53; т. XII: 248, *345;* Марта, Марфа — т. X: 85; т. XI: 29, 47; Мефистофель —

т. X: 89, 90, 226; т. XI: 23—28, 31, 36, 37, 39—44, 46, 48, 49, 51, 52, 178, 179, 226, *479, 480;* т. XII: 238, 416; Оберон — т. XI: 37; Титания — т. XI: 37; Фауст — т. X: 82—90; т. XI: 22—36, 39—44, 47, 50—54, 226, *479;* т. XII: 344, *345,* 416.

«Страдания молодого Вертера» — т. XI: 25, *478.*

«Торквато Тассо» — т. XI: 25, 49, *479.*

«Эгмонт» — т. X: 81, *604;* т. XII: 24; Клерхен (Clärchen) — т. X: 81, *604;* т. XI: 21; т. XII: 24.

Гетцель (Hetzel) Пьер-Жюль (псевдоним П. Сталь) (1814—1886) — французский издатель и детский писатель — т. XI: 337, *529.*

Гёшель Карл-Фридрих (1784—1862) — немецкий философ и теолог — т. XI: 38.

Гизо Франсуа-Пьер-Гюйом (1787 — 1874) — французский историк, реакционный государственный деятель, премьер-министр при Луи-Филиппе. После февральской революции бежал в Англию — т. X: 360, 368, *638.*

Гинзбург Гораций Осипович — парижский банкир — т. XII: 545.

Гиулай Франц (1798—1868) — австрийский фельдмаршал. В австро-сардинской войне 1859 г. был главнокомандующим австрийскими войсками в Италии; разбит французами 4 июня 1859 г. при Маджента — т. XI: 362.

Глазунов Иван Ильич (1826—1889) — издатель — т. XII: 579.

Глейм Иоганн-Вильгельм-Людвиг (1719—1803), немецкий поэт — т. XI: 18.

Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — т. X: 268, *622;* т. XII: 266, *267,* 272, 273.

«Жизнь за царя» («Иван Сусанин») — т. X: 268, 622; Антонида — т. X: 268; т. XII: 266, *267.*

Глюк Кристоф-Виллибальд (1714—1787) — немецкий композитор — т. XI: 281, 289; т. XII: 48, 162, *163,* 307, 430.

«Армида» — т. XII: 162, 163.

«Ифигения в Авлиде» — т. XII: 162, 163.

«Орфей и Эвридика» — т. XII: 162, *163,* 430.

Гогарт Вильям (1697—1764) — английский художник и гравер — т. XI: 144.

«Расчленение красоты» — т. XI: 144.

Гоголь-Яновский Николай Васильевич (1809—1852) — т. X: 269, 271, 283, 290, 291, 294, 297, 304, 305, 311, 315, 317—326, 334, 335, 349, *618, 622, 628, 631, 635;* т. XI: 56, 59, 100, 102, 119, 122, 158, 220, 232, 241, 263, 278, 279, 280, 367, 383, 384, 419, 470, *475, 483, 484, 488, 489, 507, 523, 549, 552;* т. XII: *15,* 38, 104—109, 113, 135, 179, 189, 191,

192, 223, 225, 253, 271, 280, 291, 339, 362, 419, *456,* 458, 560, 578.

«Авторская исповедь» — т. XII: 191, *192.*

«Арабески» — т. X: 319, *634.*

«Вечера на хуторе близ Диканьки» — т. X: 326.

«Выбранные места из переписки с друзьями» — т. X: 304, 316, 318, 335, *631, 632, 634.*

«Женитьба» — т. XI: 146, *483.*

«Мертвые души» — т. X: 316, *635;* т. XI: 57, 122, 218, 278, 279, 317; т. XII: 104, *105,* 108, 146, *147,* 149—151, 165, *335;* Коробочка — т. XI: 279; Костанжогло — т. XII: 165; Манилов — т. X: 225; т. XI: 279; Мижуев — т. XI: 279; Муразов — т. XII: 165; Ноздрев — т. XI: 279; Петух — т. XII: 165; Плюшкин — т. XI: 279; Порфирий — т. XI: 279; Селифан — т. XI: 279; Собакевич — т. XI: 279; Чичиков—т. XI: 70, 279, 326.

«Ревизор» — т. X: 267—269, 315, 319—321, *622;* т. XI: 56, 145, *483;* Марья Антоновна — т. XI: 145; Хлестаков — т. X: 321; т. XI: 139, 146, 366.

«Рим» — т. X: 334.

«Тарас Бульба» — т. X: 305; т. XI: 60, 62, 70, 233; Остап — т. X: 305; т. XII: *105.*

«Шинель» — т. X: 291.

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1738) — государственный деятель — т. XI: 93—97.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886) — в 1862—1866 гг. министр народного просвещения, затем член Государственного совета — т. XII: 346, 347, *379.*

«Голос» — ежедневная газета умеренно-либерального направления, выходившая в Петербурге с 1863 по 1883 г. Издатель и редактор—А. А. Краевский — т. XI: 252, 355, *535, 536,* 546; т. XII: 367, 369, 378—380, *421,* 423, *424,* 500, *558.*

Голохвастов Дмитрий Павлович (1796—1849) — с 1847 г. — попечитель Московского учебного округа — т. X: 275.

Гомер — т. XI: 105, 159, 190, 213, 217; т. XII: 18, *24,* 97, 163, 321.

«Илиада» — т. XII: *24;* Елена — т. XII: 125.

«Одиссея» — т. XI: 153; т. XII: *21,* 163; Минос — т. XI: 153; Орион — т. XI: 153; Цирцея — т. XI: 153; Улисс — т. XI: 153.

Гонкур Эдмон (1822 — 1896) — французский писатель — т. XI: 388; т. XII: 481, *483, 496.*

«Девка Элиза» — т. XII: *483,* 496.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — т. X: 283; т. XI: 332, 333, *526;* т. XII: 202, 203, *207,* 215, 304—*306,* 314, 362, 395, 397, 398, 400, 403, 405, *454,* 486, 579.

«Обрыв» — т. XII: 396—399, 400, 403, 405, 411; Беловодова — т. XII: 397, 398, 400; Вера — т. XII; 403, 405, 411; Козлов Леонтий — т. XII: 403; Марина — т. XII: 403; Марк — т. XII: 403, 411; Марфенька — т. XII: 403; Райский — т. XII: 397, 400, 403; Татьяна Марковна—т. XII: 397.

«Обломов» — т. XII: 400; Ольга — т. XII: 400, Обломов — т. XII: 400.

Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.) — т. XII: 167, 178, *439.*

Гордон Элеонора-Мария (1808—1849) — французская певица; с 1831 г. — секретный агент Луи-Наполеона — т. X: 377.

Горчаков (Gortschakoff) Михаил Дмитриевич (1791—1861) — генерал-адъютант, в 1855—1856 гг. — главнокомандующий Крымской армией, в 1856—1861 гг. — наместник Царства Польского — т. XI: 412, 413.

Госсек Франсуа-Жозеф (1733—1829) — французский композитор, автор ряда революционных гимнов — т. XII: 55, *57.*

«Умереть за родину» — т. XII: 55, *57.*

Готорн Натаниэль (1804—1864) — американский писатель — т. XII: 125, 127.

«Дом о семи шпилях» — т. XII: 125—*128.*

Готшед Иоганн-Кристоф (1700—1766) — немецкий писатель и критик — т. XI: 16, 18.

Готье Теофиль (1811—1872) — французский писатель и критик — т. XII: 44, *46.*

Гош Лазар (1768—1797) — генерал, деятель французской революции — т. XI: 22.

Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — друг Белинского и Герцена, профессор всеобщей истории Московского университета в 1839—1855 гг. — т. X: 260, 271, 309, *602;* т. XI: 225—231, 418, 454, *485, 502—505, 519;* т. XII: 15—18, 95, 103, 138, 192, *194,* 253, 408, 470.

Гранье де Кассаньяк Адольф (1806 — 1880) — французский публицист — т. XI: 362, 364, 366.

Гребенка Евгений Павлович (1812—1848) — русско-украинский писатель, автор новелл, «физиологических» очерков, басен — т. X: 266, 268, *621.*

«Путевые записки зайца» — т. X: 266, *621.*

Грей Чарлз (1764—1845) — английский государственный деятель, в 1830—1834 гг. — премьер-министр Англии — т. XI: 152.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — реакционный журналист и беллетрист — т. X: 300, *591.*

Грибовский Петр Михайлович — знакомый Тургенева — т. XII: 257, 266, 272.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — т. XI: 56, 438, *482, 554.*

«Горе от ума» — т. XII: *45, 199, 345.*

Григориус — учитель немецкого языка И. С. Тургенева — т. XII: 10.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — т. X: 283, 284, *606, 628;* т. XII: 56, *57,* 115, *116,* 120, *121, 134,* 179—*131, 188, 213,* 215, 223, 568, 569, *575,* 578, 579.

«Антон Горемыка» — т. XII: 56, *57,* 188.

«Гуттаперчевый мальчик» — т. XII: 579.

«Деревня» — т. X: 283, 284, *628.*

«Проселочные дороги» — т. XII: 115, *116, 121.*

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — поэт и литературный критик — т. X: 270, 347; т. XII: *155,* 219, *220,* 231, *232,* 285, 308, *309.*

«И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа «Дворянское гнездо» — т. XII: 308, *309.*

Гризи Джулия (1811—1869) — т. XII: 47, *50.*

Гризи Карлотта (1821—1896) — итальянская танцовщица и мимическая актриса. Гастролировала в Париже и Петербурге (1850—1853) — т. XI: 289; т. XII: 65.

Гримм фон, Август-Теодор (1805—1878) — воспитатель детей Николая I; с 1858 г. — воспитатель детей Александра II — т. XII: 301.

Грифиус Андреас (1616—1664) — немецкий драматург и поэт — т. XI: 17.

Грот Джордж (1794—1871) «История Греции» — т. XII: 204.

Грунд Фридрих-Вильгельм (1791—1874) — немецкий композитор — т. XII: 29.

Губарев Воин Иванович — т. X: 328, 329.

Губер Эдуард Иванович (1814—1847) — поэт и переводчик — т. X: 82, 266, 269, *604.*

Гудон (Houdon) Жан-Антуан (1741—1828) — французский скульптор — т. XI: 380.

Гуманн Карл (1839—1896) — немецкий археолог, исследователь азиатской Турции. В 1878—1886 гг. руководил раскопками в Пергаме — т. XI: 397.

Гумбольдт Александр-Фридрих (1769—1859) — немецкий географ и путешественник — т. XII: 44.

Гумбольдт Вильгельм (1767—1835) — немецкий филолог, фи-

лософ-идеалист; государственный деятель — т. XI: 230, 251.

Гуно Шарль-Франсуа (1818—1893) — т. XII: 91, *95,* 98, *100,* 118, 119.

«Долина» — т. XII: 91, *95.*

«Осень» — т. XII: 118.

«Requiem» — т. XII: 98, *100.*

«Sanctus» — т. XII: 98, *100.*

«Сафо» — т. XII: 91, *95.*

Гуттен Ульрих фон (1488—1523) — немецкий писатель-сатирик, гуманист, деятель Реформации — т. XII: 308, *309.*

Гуцков Карл (1811—1878) — немецкий писатель, один из вождей прогрессивного литературного течения «Молодая Италия» — т. XII: 48.

«Уриэль Акоста» — т. XII: 48.

Гюго Виктор-Мари (1802—1885) — т. XI: 91, 155, 216, 344, 345, 370; т. XII: 66, 259, 472, *473.*

«Marion de Lorme» — т. XI: 91; Дидие — т. XI: 91; Марион — т. XI: 91.

«Orientales» — т. XI: 155.

«Ruy Blas» («Рюи Блаз») — т. XI: 87, *483.*

Гюман — портной в Париже — т. XII: 297.

Д. — уездный врач Дмитриев (ум. ок. 1860 г.), послуживший прототипом Базарова — т. X: 346, 349.

Давид Фелисьен - Цезарь (1810—1876) — французский композитор. Ода-симфония «Пустыня», впервые исполненная в 1844 г., написана под впечатлением его путешествия по Востоку — т. XI: 281.

Давид д'Анжер Пьер-Жан (1788—1856) — французский скульптор — т. XI: 276.

Давыдов Алексей Иванович — издатель и владелец книжного магазина в Петербурге — т. XII: 421.

Давыдов Владимир Николаевич (Иван Николаевич Горелов) (1849—1925) — драматический актер — т. XII: 553, 554.

Давыдов Карл Юльевич (1838—1889) — виолончелист; профессор, а в 1876—1887 гг. директор Петербургской консерватории — т. XII: 354, 474.

Д'Аламбер Жан - Лерон (1717—1783) — французский математик и философ — т. XI: 19, 69.

Даль Владимир Иванович, псевдоним Казак Луганский (1801—1872) — писатель; составитель «Толкового словаря русского языка», в 1840-х годах заведовал особой канцелярией министерства внутренних дел при Л. А. Перовском — т. X: 310; т. XI: 99—103, 418, *483, 484, 552.*

«Дворник» — т. XI: 103, *483.*

«Денщик» — т. XI: 103, *483;* Калюхины—т. XI: 102.

«Колбасники и бородачи» — т. XI: 103, *483;* Неиров — т. XI: 102.

«Ночь на распутье» — т. XI: 103.

«Мужик» — т. XI: 103.

«Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» — т. XI: 99, *484;* Чайкин Вакх Сидорович — т. XI: 102.

Данилевский Григорий Петрович (1829—1890) — писатель— т. X: 320, 321, *632:* т. XI: 162, *489.*

«Слобожане» — т. XI: 162, *489.*

Данилов Кирша (Кирилл), предполагаемый составитель сборника «Древних российских стихотворений», впервые изданных в 1804 г. — т. XII: 112, *114,* 141.

Данилова — хозяйка отеля в Ницце — т. XII: 479, *481.*

Дараган Михаил Иванович (ум. в 1860 г.) — литературный критик — т. XI: 404, *547.*

Статья о «Накануне» — т. XI: 404.

Даумер Георг-Фридрих (1800—1875) — немецкий поэт, философ и писатель — т. XII: 41, *43.*

Девриент Филипп-Эдуард (1801—1877) — немецкий актер и драматург; театровед — т. XII: 442, *443.*

Дезирэ — см. Арто.

Декарт Рене (1596—1650) — французский философ, физик, математик — т. XII: 28.

Делаво Анри-Ипполит (ум. в 1862 г.) — сотрудник журнала «Revue des deux Mondes»; переводил произведения Тургенева и Герцена на французский язык — т. XII: 217, *219, 226,* 239, 240, *258,* 259.

Делакруа Эжен (1798—1863) — французский художник — т. XII: 65.

«Лев, пожирающий овцу в лесу» — т. XII: 65.

«Смерть Валентина» — т. XII: 65.

«Смерть Христа» — т. XII: 65.

Делилль Жак (1738—1813) — французский поэт — т. XI: 345.

«Дело» — ежемесячный журнал демократического направления, выходил в 1866—1888 гг. в Петербурге, издатель Г. Е. Благосветлов; один из самых деятельных сотрудников — Д. И. Писарев — т. XII: 369, 371, *372,* 374, 380, 426, *428,* 464.

Дельвиг Александр Антонович (1816—1882) — брат поэта, А. А. Дельвига — т. XII: 172, 176, 188.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт, друг Пушкина; издатель «Литературной газеты» (1830—1831) — т. XI: 312; т. XII: 172.

Дельвиг Любовь Антоновна — сестра поэта А. А. Дельвига — т. XII: 176.

Дембинский Генрих (1791—1864) — польский генерал, участвовал в походе Наполеона на Россию. В 1849 г. командовал венгерской революционной армией. С 1850 г. жил в Париже — т. XII: 80.

Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — афинский оратор и политический деятель — т. XI: 142, 292, *487*.

Ден — знакомый Тургенева — т. X: 110.

Деннер Бальтазар (1685—1749) — художник-портретист — т. XI: 141.

«День» — т. XII: 348, *349*.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — т. X: 290; т. XII: 112, 165, *508*.

Дехтерев Владимир Гаврилович (1854—1903) — врач-психиатр — т. XII: 462, 464, 466.

Диди — см. Виардо Клоди.

Дидро Дени (1713—1784) — т. XI: 19; т. XII: 40, 154, *155*.

«Отец семейства» — т. XII: 154, *155*.

«Побочный сын» — т. XII: 154, *155*.

Дизраели Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — английский реакционный государственный деятель, в 1874—1880 гг. премьер-министр — т. XI: 323, 324.

Диккенс Чарлз (1812—1870) — т. X: 320; т. XI: 322, 354, 383, 384.

«Dombey et fils» («Домби и сын») — т. XI: 383, 384.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт и баснописец — т. X: 290.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) (псевдоним Н. Лайбов) — т. X: 285, 348, *625, 628;* т. XI: 193, 404, *525, 527, 528, 547, 556;* т. XII: 217, *219,* 220, 319, *320,* 326, 327, *328, 339,* 340.

«Забитые люди» — т. XII: 327, *328*.

«Собеседник любителей российского слова» — т. XII: 217, *219—221*.

«Когда же придет настоящий день?» — т. X: 348; т. XI: 404, *528, 547*.

Доде Альфонс (1840—1897) — т. XII: 496, 516, 517, *539, 540*.

«Король в изгнании» — т. XII: 539, *540*.

«Набоб» — т. XII: 516, *517*.

«Фромон и Рислер» — т. XII: 516.

Долгорукий Николай Александрович (1833—1873) — врач, музыкант-любитель; в 1869 — 1871 гг. был полтавским губернским предводителем дворянства — т. XII: 198, *199*.

Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868) — публи-

цист-памфлетист. В 1859 г. эмигрировал за границу, сотрудничал в «Колоколе» — т. XII: 379.

«Доминикин» — т. XI: 89.

Донато — граф — т. X: 255, 256, *617.*

Донато — графиня — т. X: 254, 255, *617.*

Доницетти Гаэтано (1797—1848) — итальянский композитор — т. XI: 280, 281.

«Дочь полка» — т. XI: 280.

«Лукреция Борджиа» — т. XI: 280.

«Лучия» — т. XI: 280; т. XII: 65, *70.*

«Элизир» — т. XI: 280.

Доре Гюстав (1833—1883) — французский художник-иллюстратор — т. XI: 338, *529.*

Достоевская Мария Дмитриевна (1828—1864), с 1857 г. жена Ф. М. Достоевского — т. XII: 330, 334, 335.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — т. X: 303, *598, 625, 640;* т. XII: 136, *137, 328—330,* 333—336, 341—343, 360, 446, *447, 454,* 482, 515, 516, 548, *549,* 559, *560,* 578.

«Бедные люди» — т. X: 303, *626.*

«Бесы» — т. XII: 446, *447.*

«Записки из мертвого дома» — т. XII: 330.

«Преступление и наказание» — т. XII: 360.

«Подросток» — т. XII: 482.

Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — историк, этнограф и публицист; издатель писем Бакунина, переписки К. Д. Кавелина, А. И. Герцена и И. С. Тургенева — т. XII: 521, *523.*

Драшусов Александр Николаевич (1816—1890) — астроном, профессор Московского университета — т. XII: 101, *102.*

Дрейлинг — т. XII: 418.

Дрейшок Александр (1818—1869) — пианист, композитор, профессор Петербургской консерватории — т. XI: 289.

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — писатель и критик — т. X: 102, *606, 607, 629;* т. XI: 243—245, 321, 332, 333, *507, 508, 524—526,* 555, 558; т. XII: *148,* 172, 179—*181,* 184, 190—192, 215, 221—*224,* 227, *229,* 243—*246, 248,* 251, 252, *254,* 255, 257, *258, 263,* 267—270, 275, 277, 300, *306,* 314, 354, *355.*

«А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» — т. XII: *181.*

«Критика гоголевского периода литературы и наше к ней отношение» — т. XII: *245,* 247, *248,* 250—252, *254,* 257, *258,* 268, 270.

«О литературном фонде» — т. XI: 321.

Дубенский Дмитрий Никитич (ум. в июне 1863 г.) — писатель, историк литературы, магистр Московского университета — т. XI: 418; т. XII: 10.

Дубле — учитель И. С. Тургенева в Москве — т. XII: 9.

Дудышкин Степан Семенович (1820—1866) — журналист, либеральный критик, сторонник теории «чистого искусства» — т. XII: 101, 145.

Дюкан Максим (1822 — 1894) — французский писатель — т. X: 395—397, 399, 401, 407, 417, 418; т. XI: 343, 346—348, *532, 533;* т. XII: 386, *387.*

«La prison de la Roquette» — т. X: 401.

«Утраченные силы». («Les forces perdues») — т. XI: 343, 347, *532;* т. XII: 386, *387.*

Дюма Александр-отец (Dumas Alexandre, 1803—1870) — французский писатель — т. XI: 122, 210, 211, 345; т. XII: *57.*

«Кавалер де Мезон Руж» — т. XII: *57.*

Дюма Александр-сын (1824—1895) — французский писатель — т. XI: 345; т. XII: 275.

«Question d'argent» — т. XII: 275.

Дюмануар (1806—1865).

«Устричная отмель» — т. XII: 60, *61.*

Дюпре Жильбер-Луи (1806—1896) — французский оперный певец — т. XI: 294, 296.

Дюран-Гревиль Эмиль-Аликс (1838—1900) — писатель, переводчик сочинений Тургенева на французский язык. Автор статей о Тургеневе — т. XII: 458, *459,* 515, 516.

Дюси Жан-Франсуа (1733—1816) — французский драматург и поэт — т. XI: 345.

Дюссо — содержатель ресторана в Петербурге — т. XII: 174, *175.*

Дюфор Жюль-Арман-Станислав (1798—1881) — французский политический деятель, в 1848 г. — министр иностранных дел — т. XII: 535, *536.*

Дьякова Варвара Александровна (1812—1866), рожд. Бакунина — т. XI: 232, 234; т. XII: 16, 21, *25.*

Евгений Людвик-Жан-Жозеф (1856—1879), принц — сын Наполеона III — т. X: 396, т. XI: 357, 360, 361.

Евгения (1826—1920) — с 1853 г. жена Наполеона III — т. XI: 360.

Евреинова — знакомая Тургенева — т. XII: 283.

Евреинова Лидия — т. XII: 283.

Егунов Александр Николаевич (1824—1897) — статистик, сотрудник «Современника» — т. XII: 146, *147.*

«Ежемесячный вестник» «Общества для распространения грамотности и первоначально-

го образования» — т. XI: 446, 450.

Екатерина II (1729—1796) — т. X: 329, *608;* т. XI: 189.

Елагина Авдотья Петровна (1789—1877) — хозяйка известного московского литературного салона 30—40-х годов — т. X: 315, *632;* т. XII: 312.

Елагин — т. XII: 348.

Елизавета Английская (1533—1603) — Елизавета Тюдор, английская королева — т. XI: 188.

Ергольская Татьяна Александровна (1792—1874) — родственница Л. Н. Толстого, воспитывавшая его после смерти матери в 1830 г. — т. XII: *194,* 211.

Есаков — т. XII: 340.

Есипова Анна Николаевна (1851—1914) — пианистка — т. XII: 474.

Ефремов Александр Павлович (1815—1876) — географ, доктор философии, профессор Московского университета; друг Станкевича, Бакунина, Тургенева — т. X: 97, 98, *595, 596, 605;* т. XI: 229, 231, 234, *504, 505, 542;* т. XII: 16—18, 22—24.

Жанна—см. Шамеро Жанна.

Жан-Поль (псевдоним Рихтера Пауля, 1763—1825) — немецкий поэт-романтик — т. XII: 163.

Железнов Михаил Иванович — русский художник, живший в Риме — т. XII: 290, *291.*

Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908) — поэт — т. XII: 367, 512—514.

Живокини Василий Игнатьевич (1808—1874) — комический актер — т. XI: 230.

Жирарден Дельфина (1805—1855) — французская писательница — т. XII: 41, *43,* 44, *46.*

«Клеопатра» — т. XII: 41, *43,* 44, 46.

«Юдифь» — т. XII: 43.

Жирарден де, Эмиль (1806—1881) — французский журналист; издатель газеты «Пресса» — т. XI: 359, 362, 372; т. XII: 437, *438.*

Жихарев Михаил Иванович — писатель; биограф П. Я. Чаадаева — т. XII: 393, *394.*

Жихарев С. П.

«Записки современника. Дневник студента» — т. XII: 151, 154.

Жоза Жюль-Антуан (р. в 1808 г.) — парижский врач — т. XII: 256, *258.*

Жорж Санд — псевдоним Авроры Дюдеван (1804 1876) — т. X: 301; т. XI: 121, 123, 130, 231, 266—268, 345, 349, *486, 514, 515, 540;* т. XII: 62, 64, *159,* 222, 245, *246,* 259, 440, 457, 489—491.

«Ганрие» — т. XI: 130.

«Индиана» — т. XI: 124, 486; Ральф — т. XI: 124.

«Как вам угодно» — т. XII: 245, *246.*

«Consuelo» — т. XII: 158, *159;* Леон Леони — т. XI: 130.

«La Mare au diable» («Чертова лужа») — т. XI: 349.

«La petite Fadette» («Маленькая Фадетта») — т. XI: 349.

«Франсуа-найденыш» — т. XII: 62, *64.*

Жуковский Алексей Кириллович (псевдоним Бернет, 1810—1864) — поэт — т. X: 269.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — т. X: 269, 271, 273, 315, 326—329, *629;* т. XI: 13, 46, 233, 249, *494;* т. XII: *11,* 123, *185.*

«Певец во стане русских воинов» — т. X: 327.

«Ундина» — т. X: 269.

Жуковский — генерал — т. XI: 465.

Жулева Екатерина Николаевна (1830—1905) — драматическая артистка — т. XI: 116.

Жюд — т. X: 399.

Забелин Иван Егорович (1820—1908) — историк и археолог — т. XII: 113.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — т. X: 283, 289, 293, 315, 331—333; т. XI: 59, 68; т. XII: 139, *140,* 142—146, 165.

«Юрий Милославский» — т. X: 331, 333; т. XII: 143, *145;* Кирша — т. X: 331; т. XII: 143; Алексей — т. X: 331; Милославский Юрий — т. X: 331; Омляш — т. X: 331; т. XII: 143; Шалонский — т. XII: 143.

«Кузьма Петрович Мирошев» — т. XII: 143, *145.*

Закревский Арсений Андреевич (1783—1865) — т. X: 324, *632.*

Зальцман — австриец, управляющий имениями князя Кочубея — т. XII: 292, *294.*

Заруцкий Иван Мартынович (ум. в. 1614 г.) — донской казак, авантюрист, поддерживавший Лжедмитрия II и польских интервентов — т. XI: 60—63, 65, 66.

«Заря» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1869—1870 гг. под редакцией В. В. Кашпирева — т. XII: 405, *407,* 434, *435.*

Засс Фридрих - Александр, псевдоним Зольтведель (1817—1851) — немецкий публицист — т. XI: 288.

Зенон (V в. до н. э.) — древнегреческий философ — т. X: 250.

Зигмунд Карл Буркхард (?) (1783—1860) — врач — т. XII: 289.

Зиновьев Петр Васильевич, *З.* (1812—1868) — знакомый Белинского, Тургенева и Герцена — т. XII: 236, 507.

Зиновьев Ф. А.

«Дворянские выборы» — т. XII: 339.

Золя Эмиль (1840—1902) — т. XI: 388, *498, 515;* т. XII: 481—*483,* 488, 496, 520, 527, 537, 539, 540, 543, 544, 566.

«Его превосходительство Эжен Ругон» — т. XII: 488, *489;* Клоринда — т. XII: 489.

«Assommoir» («Западня») — т. XII: 496.

«Нана» — т. XII: 539.

Зондербунд — т. XII: 51.

Зыбина — знакомая Тургенева — т. XII: 354.

Иван Грозный, Иван IV (1530—1584) — т. XI: 58, 188, 377, 378, 380, *538.*

Иванов Александр Андреевич (il signor Alessandro) (1806—1858) — т. X: 297, 334—345, 633, *634;* т. XII: 279—*281,* 283, 288, 292, 293, 473.

«Явление Христа народу» — т. X: 335, 336, 343, 344, 345, *633, 634;* т. XII: 279, 281, 283.

Иванов Сергей Андреевич (1822—1877) — брат А. А. Иванова; архитектор — т. X: 345.

Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — с 1881 г. министр внутренних дел — т. XII: 512.

Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879) — в 1857—1861 гг. петербургский генерал-губернатор — т. XII: 292, *293.*

Излер Иоганн-Люций (Иванович) (1811 — 1877) — швейцарец по происхождению, владелец ресторана в Петербурге — т. XI: 283.

«Иллюстрация» — еженедельный иллюстрированный журнал, выходивший в 1858—1863 гг. под ред. В. Р. Зотова — т. XI: 283, *481.*

Имгоф Антон-Альбрехт (1653—1715) — государственный деятель Саксонии — т. XI: 87, 89, 90, 94.

Иммерман Карл - Лебрехт (1794—1840) — немецкий писатель — т. XI: 350.

«Барон Мюнхгаузен» — т. XI: 350, 366; Лизбетта — т. XI: 350.

Иногородний обыватель — см. Маркевич Б. М.

Иоанн Лейденский (Ян Бокельзон, ок. 1510—1536 гг.) — глава плебейской секты анабаптистов. В 1534—1535 гг. организовал в г. Мюнстере в Германии «Мюнстерскую коммуну». После разгрома в 1535 г. народного восстания германскими феодалами был казнен — т. XI: 293—295.

Иоанн III (1440—1505) — великий князь Московский (с 1462 г.) — т. XI: 422.

Иогансен Август-Рейнгольд (1829—1875) — владелец нотного и книжного магазина в Петербурге — т. XII: 398.

Иосиф II (1741—1790) — австрийский император — т. XII: 373.

«Искра» — сатирический еженедельный журнал революционно-демократического направления, выходивший в Петербурге в 1859—1873 гг. под редакцией В. С. Курочкина — т. XII: 375, 380.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — профессор Петербургского университета, историк русского права, публицист; либерал — т. XI: 270, *515, 516, 555;* т. XII — 141, *142,* 301, *319, 497—499,* 503, 553.

Кавеньяк (Каваньяк) Луи-Эжен (1802—1857) — французский генерал, реакционный политический деятель; в июньские дни 1848 г. — военный диктатор Франции — т. X: 388, 390.

Кавур Камилло-Бензо (1810—1861) — государственный деятель Пьемонта; осуществлял политику объединения Италии в буржуазно-монархическое государство — т. X: 285.

Кальвин Жан (1509—1564) — деятель Реформации в Женеве, основатель протестантского вероучения — т. XI: 188.

Кальдерон де ла Барка Педро (1600—1681) — т. XII, 55—57, 58, *61.*

«La vida es sueno» — т. XII: 59, *61.*

«Поклонение кресту» — т. XII: 55; Сигизмунд — т. XII: 59.

«Чудесный маг» — т. XII: 59, *61.*

Каменские — семья орловского помещика, генерала от инфантерии графа Сергея Михайловича Каменского — т. XII: 63.

Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист — т. X: 110; т. XI: 7, 20, 22, 23; т. XII: 28.

Каподистрия Иоанн (1776—1831) — греческий государственный деятель; с 1809 по 1822 г. — на русской службе в качестве дипломата — т. XI: 254.

Каракалла Марк Аврелий Антонин (186—217) — римский император в 211—217 гг. — т. XII: 307.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель и историк — т. XI: 58; т. XII: 394.

Каратеев Василий Владимирович (1830?—1859?) — сосед Тургенева по имению. В апреле 1855 г. был зачислен в ополчение офицером дружины от Тульской губернии вместе с братом Тургенева — Н. С. Тургеневым — т. XI: 405—407; т. XII: 162, *163,* 172, 180, *181,* 191, *192.*

«Московское семейство» — т. XI: 406—407, *548;* т. XII: 172.

Каратеев Владимир Васильевич — отец В. В. Каратеева, подполковник — т. XI: 405.

Каратеева — т. XI: 405; т. XII: 162, *163.*

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — актер-трагик — т. X: 289.

Карл Великий (ок. 742—814 г.) — король франков; в 800 г. принял титул римского императора — т. X: 299, *630.*

Карл II (1630—1685) — в 1660—1685 гг. английский король — т. XI: 189.

Карл V (1500—1558) — король испанский и император Священной Римской империи — т. X: 251, *615, 616.*

Карл XI (1655—1697), сын Карла X — шведский король — т. XI: 75, 94.

Карл XII (1682—1718) — в 1697—1718 гг. — шведский король — т. XI: 72, 73, 78, 79, 81—84, 89, 92—94.

Карлгоф Вильгельм Иванович (1796—1841) — беллетрист и поэт — т. X: 266, 268, 269, *622.*

Карлейль Томас (1795—1881) — английский писатель, историк и философ-идеалист — т. XII: 180, *181.*

Карриер Морис (1817—1895) — немецкий искусствовед и философ — т. XI: 53.

Карташевская Варвара Яковлевна (1832—1902) — дочь черниговского помещика. В ее доме в Петербурге в 1850-х и 1860-х годах собирались украинские литераторы — т. XI: 261, 262, 264, *513, 514.*

Кассаньяк — см. Гранье де Кассаньяк А.

Кассаньяк де, Поль (1842—1904) — сын А. Гранье де Кассаньяка, журналист, оратор и политический деятель — т. XI: 364; т. XII: 488, *489.*

Кастеллан Анаис (р. в 1818 г.) — французская певица — т. XI: 296.

Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.) — политический деятель древнего Рима, глава заговора против республики — т. X: 570.

Катков Мефодий Никифорович (1820—1875) — преподаватель юридических наук, брат М. Н. Каткова — т. XII: 468, *469.*

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — реакционный публицист; в 40-х гг. примыкал к либеральным кругам. Основатель и редактор журнала «Русский вестник», редактор газеты «Московские ведомости» — т. X: 352, *635;* т. XI: 467, *491, 504, 545, 555;* т. XII: 145, *192, 214, 229, 250, 251,* 308, 323, *325,* 328, 329, *330,* 335, 336, 338, 339, 344, *345,* 358, 366, 368, 370, 372, *374,* 399, 405, 437, *438,* 462, 468, *469,* 471, 489.

Катон Старший (234—149 до н. э.) — писатель и государственный деятель древнего Рима — т. X: 97; т. XII: 510.

Катон Утический, Катон Младший, Марк Порций Ути-

ческий (95—46 до н. э.) — римский государственный деятель — т. X: 97; т. XI: 372.

Катранов Николай Дмитриевич (ум. в 1853 г.?) — т. XI: 406.

Кашперов Владимир Никитич (1827—1894) — композитор, профессор Московской консерватории — т. XII: 265, 267, 272, 373.

«Цыганы» — т. XII: 265, *267.*

«Кельнская газета» — выходит в Кельне с 1802 г. — т. XII: 451.

Кельсиев Василий Иванович (1835 — 1872) — публицист, с 1859 г. — политический эмигрант; в 1867 г. вернулся в Россию — т. XI: 453, *531, 559;* т. XII: *439.*

Кене Мария Павловна, рожд. Галахова — т. XI: 235; т. XII: 16, 17.

Кенигсмарк Мария-Аврора, графиня (1668 — 1728) — с 1770 г. — настоятельница Кведлинбургской женской обители — т. XI: 72, 86—88, 92.

Кетчер Николай Христофорович (1806—1886) — поэт, переводчик — т. X: 102, 309, *594, 607, 624, 635, 636;* т. XII: 101, *102,* 112, *114,* 130—133, 137—139, 144, 264, *265,* 347, 419.

Киган В. Л. — т. XII: 492, 493.

Кине Эдгар (1803—1875) — французский политический деятель, историк и публицист — т. XI: 368.

«Революция» — т. XI: 368.

Кинк — семья, убитая Троппманом. Состояла из Жана Кинк, рабочего, его жены, шестнадцатилетнего сына Густава и пятерых младших детей в возрасте от двух с половиной до тринадцати лет — т. X: 408, 411, 414, *641.*

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — критик и публицист славянофильского направления — т. X: 276, *632;* т. XII: 36, *114,* 260, *261.*

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — славянофил, собиратель народных песен — т. XII: 260, *261.*

Киселев Николай Дмитриевич (1800—1869) — дипломат, в 1857 г. — русский посол при папском дворе в Риме — т. XII: 275.

Кисс Август (1802—1865) — немецкий скульптор, член Берлинской академии — т. XI: 288.

«Амазонка» — т. XI: 288.

Кишинский Никита Алексеевич — т. XII: 367—369, 381, 409, 410, 412, 413, 429.

«Кладдерадатч» — сатирический еженедельник, основанный в Германии в 1848 г. — т. XI: 371.

Кладель Леон (1835—1892) — французский писатель — т. XI: 388, 389, *541.*

«Очерки и рассказы» — т. XI: 388, *541.*

Клейнмихель Петр Андрее-

вич (1793—1869) — сановник николаевского времени, главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями; возглавлял перестройку Зимнего дворца после пожара 1837 г.; по распоряжению Николая I в честь Клейнмихеля была вылита золотая медаль с надписью: «Усердие все превозмогает» — т. XII: 511.

Клеопатра (69—30 до н. э.) — царица Египта — т. X: 491.

Клервиль Луи-Франсуа (1811—1879).

«Устричная отмель» — XII: 60, 61.

Клингер Фридрих (1752—1831) — немецкий поэт, автор драмы «Sturm und Drang», давшей название целой эпохе немецкой литературы. С 1870 г. — на русской военной службе. Его роман «Faust's Leben, Taten und Höllenfahrt» вышел в Петербурге в 1791 г.— т. XI: 21, 22.

Клод (Claude) М. (1807—1880) — начальник охранной полиции Парижа. Приобрел известность, занимаясь громкими уголовными процессами. После смерти вышли его «Воспоминания» в десяти томах — т. X: 396, 397, 399, 400, 403, 406—412, 414—417.

Клопшток Фридрих-Готлиб (1724—1803) — немецкий писатель — т. XI: 16, 17.

Клотц Христиан-Адольф (1738—1771) — немецкий ученый, автор ряда трудов по истории классической древности и литературе — т. XI: 17.

Клюшников Иван Петрович (1811—1895) — поэт — т. X: 65, *601;* т. XI: 418, *504;* т. XII: 16, *18, 32.*

«На смерть девушки» — т. XII: 16, *18.*

«Книжный вестник» — литературный и библиографический журнал, выходивший каждые две недели в Петербурге с 1860 г. по 1867 г. — т. XII: 329, *330.*

Кобяков — поэт — т. XI: 106.

Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867) — государственный деятель, в 1858—1861 гг. министр народного просвещения — т. XII: 301, 368.

Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — горный инженер; писатель, путешественник, общественный деятель — т. XII: 207, *208,* 319.

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — т. XII: 548, *549.*

Ковалевский Павел Михайлович (1823—1907) — т. XII: 389, *390.*

Ковалевский, генерал — т. XII: 245.

Кожанчиков Дмитрий Ефимович (ум. в 1877 г.) — петербургский книгопродавец и издатель — т. XII: 381.

Козловский, князь — т. XI: 251.

Кок де, Поль-Шарль (1794—1871) — французский писатель — т. X: 306; т. XI: 345; т. XII: 484, *486,* 487.

Кокорев Иван Тимофеевич (1826—1853) — писатель — т. XI: 351, *534, 535.*

«Саввушка» — т. XI: 351. *534, 535.*

Колбасин Дмитрий Яковлевич (ум. после 1895 г.) — брат Е. Я. Колбасина, петербургский чиновник. В 1850-х годах был близок к кругу «Современника» — т. X: 106; т. XII: 179, 181, *182,* 188, 205, 206, 235, 236, 249, 250, 277, 280, 299, 345.

Колбасин Елисей Яковлевич (1831—1885) — писатель, сотрудник «Современника» — т. X: 104—106, *607, 641;* т. XII: 179, 188, 206, 221, 249—*251,* 256, 271, *272,* 277, 280, 289, 299, 308, 310, 334, 345.

«Академический переулок» — т. XII: 256.

«В деревне и в Петербурге» — т. XII: 181, *182,* 256.

Колетти Филиппо (р. в 1811 г.) — итальянский певец — т. XII: 47.

«Колокол» — двухнедельная газета, издававшаяся в 1857—1868 гг. А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне и Женеве — т. XI: 253, 454, 460, 462, 464, 468, *510, 514, 525, 526, 559, 563, 564;* т. XII: 292, 293, 301, 317, 322, 323, 345, 348, *349,* 372—*374,* 378, 381, *382, 439.*

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — т. X: 267, 269, 270, 294, *622;* т. XII: 362, 417.

«Божий мир» — т. X: 269, *622;* т. XII: 417.

«Великая тайна» — т. XII: 417.

Комаров Александр Сергеевич — знакомый Белинского и Тургенева — т. XII: 97.

«Комета» — учено-литературный альманах — т. XI: 128; т. XII: 95, *96, 102.*

Коммануиль Каролина — племянница Г. Флобера — т. XII: 538.

Комовская (Нелидова) Лидия Филипповна (1851 — ?) — писательница — т. XII: 577, *578.*

Консидеран Виктор (1808—1893) — французский социалист-утопист, последователь Фурье, политический деятель — т. X: 369.

Константин Николаевич (1827—1892) — второй сын Николая I. С 1862 г. по октябрь 1863 г. — наместник Царства Польского — т. XI: 464.

Коперник Николай (1473—1543) — т. XI: 188.

Корнелиус Петер (1783—1867) — немецкий художник, иллюстрировавший «Фауста» и «Нибелунги» — т. XI: 288.

Корнель Пьер (1606—1684) — т. XI: 98; т. XII: 43.

«Медея»; Медея — т. XII: 39, *43.*

Корсаков Михаил Семенович (1826—1871) — с 1862 г. генерал-губернатор Восточной Сибири — т. XI: 465.

Корф Модест Андреевич (1800—1876) — историк, реакционный государственный деятель — т. XII: 292.

Корш Валентин Федорович (1828—1893) — историк литературы, журналист; редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (1863—1874) — т. XI: 339, *555;* т. XII: 279, 385, *386, 473,* 535, *555.*

Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналист и издатель-редактор «Московских ведомостей» — т. XI: 315, *499, 524, 555;* т. XII: 127, *128,* 279, 289, 291, 408.

«Япония и японцы» — т. XII: 127, *128.*

«Космос» — научно-популярный журнал, выходивший в 1869 г. в Петербурге — т. X: 348, *625;* т. XII: 408.

Коссидиер Марк (1808—1861) — французский политический деятель, префект парижской полиции в феврале — мае 1848 г. — т. X: 380.

Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк и писатель. В 1859—1862 — профессор Петербургского университета; сотрудник «Вестника Европы» — т. XII: 360, *361.*

Котельников — поэт — т. XI: 106.

Кох — т. XI: 289.

Кохановская (псевдоним Надежды Степановны Соханской, 1825—1884) — писательница, близкая к славянофильским кругам — т. XII: 430.

Коцебу Александр Евстафьевич (1815—1889) — художник — т. XII: 375.

Крабб Георг (1754—1832) — английский поэт-сатирик — т. XII: 191, *192.*

Кравчинский Сергей Михайлович (псевдоним Степняк, 1851—1895) — народник-революционер; публицист, писатель — т. XII: 478, *479.*

«Сказка о Мудрице Наумовне» — т. XII: 478, *479.*

Краевский Андрей Александрович (1810 — 1889) — либеральный публицист, журналист. В 1838—1868 гг. издавал «Отечественные записки» — т. X: 275, 208, 299, *599, 612, 625, 626, 632;* т. XI: 291, 355, 356, *519, 535—537, 555;* т XII: 76, 78, 79, 84—87, 136, 145, 148, 159, 160, 174, 177, *178, 182,* 213, *254,* 269, *270,* 367, 369, *370,* 384, 419, *421,* 423, *424.*

Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — т. XII: 570, 572.

Красов Василий Иванович (1810—1855) — поэт — т. XI: 241, *504, 507.*

Красовский Александр Иванович (1780—1857) — председатель Комитета иностранной цензуры (1832—1857) — т. X: 269, *622.*

Крашевский Иосиф (1812—1887) — польский писатель — т. XI: 392, *542, 543.*

Кребильон Проспер-Жолио (1674—1762) — французский драматург — т. XII: *181.*

Кремье Исаак Адольф (1796—1880) — министр юстиции временного правительства Франции 1848 г. — т. XI: 375.

Крешев Иван Петрович (1824—1859) — поэт и переводчик — т. X: 269.

Кривцов Павел Иванович (1806—1846) — в 1840—1843 гг. секретарь русского посольства в Италии. Почетный член Академии художеств — т. XII: 19, *25.*

Кризи (Creazy) Эдуард Шеферд (1812—1878) — английский историк — т. XI: 325.

Крувелли София (р. в 1826 г.) — немецкая певица; пела в Париже, пользуясь особенным успехом в операх Верди и Мейербера — т. XII: 119.

Крузе Николай Федорович (1823—1901) — в 1855 — 1859 гг. — цензор; земский деятель, журналист — т. XI: 467, *555, 558, 564;* т. XII: 322.

Крылов (Kriloff) Иван Андреевич (1769—1844) — т. X: 315, 329, 330; т. XI: 204—208, *497.*

Кудрявцев Петр Николаевич (1816—1858) — историк и беллетрист, профессор Московского университета — т. X: 103, *607.*

Куинджи Архип Иванович (1842—1910) — т. XII: 550, *551.*

«Ночь на Днепре» — т. XII: 550, 551.

Куинси де Томас

«Исповедь англичанина-опиумоеда» («The confession of an Opiumeater») — т. XII: 236, 237, *239, 240.*

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — драматург и беллетрист — т. X: 268, 289, 291; т. XI: 59, 71—73, 84—87, 90, 92, 94, *480—482, 518.*

«Генерал-поручик Паткуль» — т. XI: 71, 72, 84, 85, 87, 89, 97, *482.*

«Рука всевышнего отечество спасла» — т. X: 268, 291.

«Торквато Тассо» — т. X: 268, 291.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897), украинский писатель, публицист — т. XII: 126—128, 147, *148.*

«Алексей Однорог» — т. XII: *148.*

«Ульяна Терентьевна» — т. XII: *125, 126,* 127.

«Яков Яковлевич» — т. XII: 126, 127.

Купфершмидт Александр Михайлович (1805—1879) — скрипач — т. XII: 171.

Куражсковский Михаил, писатель — т. XI: 13, 477,

Курочкин Владимир Степанович — издатель — т. XII: 374, *375*.

Курочкин Николай Степанович (1830—1884) — писатель и поэт — т. XII: 474.

Куртэ Амабль-Гаспар-Анри (1790—1877) — политический деятель Франции, республиканец. Командовал национальной гвардией в Париже в марте — мае 1848 г. — т. XII: 71.

Курьер Селест (р. в 1843 г.) — французский литератор и переводчик, живший долгое время в России — т. XII: 476, *478*.

«История современной русской литературы» — т. XII: 476, *478*.

Кутузов (Koutouzoff) Михаил Илларионович (1745—1813) — т. XI: 210, 211.

Кушелев-Безбородко Григорий Александрович (1832—1870) — литератор, издатель журналов «Русское слово» и «Шахматный листок» — т. XII: 245, *246*, 305, 348.

Кюзан Полина — француженка, наездница в цирке — т. XI: 283, 285.

Кюи Цезарь Антонович (1835—1918) — композитор — т. XII: 399.

Лаблаш Луиджи (1794—1858) — оперный певец. В 1850-х годах выступал в Петербурге в итальянской опере — т. XII: 174, *175*.

Лавров — сосед Тургенева по имению — т. XII: 191.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — идеолог революционного народничества, социолог и публицист — т. XII: 448—451, 455, 469, 470, 478, 479, 535, 576.

Лавровская Елизавета Андреевна (р. в 1849 г.?) — певица Мариинского театра в Петербурге; впоследствии профессор пения Московской консерватории — т. XII: 399, 446, *447*.

Лажечников Иван Иванович (1792—1869) — писатель — т. XI: 122.

Ламартин Альфонс-Мари-Луи (1791—1869) — французский поэт-романтик; политический деятель. Министр иностранных дел временного правительства Франции в 1848 г. — т. X: 380, 381; т. XII: 44, *46*, *95*, 259.

«История жирондистов» — т. XII: 46.

Ламберт Елизавета Егоровна, графиня (ум. в 1883 г.) — дочь министра финансов Е. Ф. Канкрина. Была близка ко двору Александра II — т. XII: 229, 275, 281—283, 312, *313*, 352, 353.

Ламберт Иосиф Карлович (1809—1879) — генерал от кавалерии и генерал-адъютант наследника Александра Николаевича. Муж гр. Е. Е. Ламберт — т. XII: 283, 353.

Ламберт Яков Иосифович (1844—1861) — сын И. К. и Е. Е. Ламберт — т. XII: 283.

Ланге — знакомая П. Виардо в Берлине — т. XII: 63.

Лановская — писательница т. XII: 539.

Лафайет Мари-Жозеф-Поль (1757—1834) — французский политический деятель — т. XII: 71.

Лафатер Иоганн-Каспар (1741—1801) — швейцарский богослов и писатель. Создатель псевдонаучного учения о «физиогномике» — т. XI: 21.

«Физиогномика» — т. XI: 21.

Лафонтен, La Fontaine, Жак де (1621—1695) — французский баснописец — т. XI: 16, 204—207, *497.*

Лебеф Эдмонд (1809—1888), с 1869 г. — военный министр Франции, с 1870 г. — маршал и начальник главного штаба. Вместе с армией Базена сдался в плен пруссакам — т. XI: 361, 364.

Леве Иоганна-София (1811—1866) — немецкая оперная певица, дочь актера Ф. Леве — т. XI: 230.

Ледрю-Роллен Александр-Огюст (1808—1874) — политический деятель Франции, член временного правительства 1848 г. — т. X: 380.

Лежар Жюль — в 1846 г. приехал из Франции в Петербург, где открыл свой цирк — т. XI: 284, 285.

Лейбниц Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — немецкий математик и философ — т. X: 303; т. XI: 17; т. XII: 28.

Леман Юлий Яковлевич (1834—1901) — художник-портретист; жил в Париже — т. XII: 570, *572.*

Лемер Филипп (1798—1880) — французский скульптор, автор фронтона церкви Мадлен и скульптурной группы «Похороны Марсо» на Триумфальной арке в Париже — т. XI: 276.

Леметр Фредерик (1800—1876) — актер и драматург — т. XII: 69, *70.*

«Робер Макер» — т. XII: 69, *70.*

Ленц Якоб Михаил Рейнгольд (1751—1792) — немецкий поэт — т. XI: 21, 22.

Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — писатель, публицист — т. XII: 136, *137,* 145, 146, 148, *151,* 159—161, 177, 178, 366, 403, 404.

«Женитьба по любви» — т. XII: 136, *137.*

«Лето на хуторе» — т. XII: 136, *137,* 148, 160, 177.

«Немцы» — т. XII: 136, 137, 148, 150, *151,* 160.

«Ночь на пчельнике» — т. XII: 177.

Леонтьев Павел Михайлович

(1822—1874) — историк, журналист, профессор Московского университета; реакционный публицист, сотрудничавший с Катковым — т. XII: 468, *469*.

Леотар — т. XI: 346.

Лермонтов Михаил Юрьевич, Michel Lermontoff (1814—1841) — т. X: 133, 283, 288, 290, 291, 315, 330, 331, *593, 594, 609, 611, 612, 627, 628, 632, 633;* т. XI: 217, 220, 241, 334, 335, *479, 480, 507, 528, 529;* т. XII: 30, *319,* 398, 399, *456,* 524, *526*.

«Герой нашего времени» — т. X: 330; Печорин — т. X: 330, 350.

«Демон» — т. XI: 386, 387, *529, 540*.

«Дума» — т. X: 133, 290, *612*.

«Журналист, читатель и писатель» — т. XI: 524, *526*.

«Мцыри», «Послушник», «Le novice», «Mtsyri» — т. X: 294, *594, 628;* т. XI: 334, 335, *528*.

«На смерть поэта» — т. XI: 334, 335.

«Песня о купце Калашникове» — т. X: 283, *627*.

«Пленный рыцарь» — т. XII: 29, *30*.

«Утес» — т. XII: 399.

«Я, матерь божия, ныне с молитвою...» — т. X: 290.

Леру Пьер, «Петр Рыжий» (1797—1871) — французский социалист-утопист — т. X: 301, *630;* т. XII: 62.

Ле Руа д'Этиоль — вероятно, сын французского хирурга Жан-Жака Жозефа Ле Руа Д'Этиоль — т. XII: 47, *50*.

Лесаж Ален Рене (1668—1747).

«Жиль Блаз» — т. XII: 63, *64*.

Лессинг Готгольд-Эфраим (1729—1781) — немецкий писатель и критик — т. X: 282; т. XI: 16, 17, 189, *482;* т. XII: 238.

«Гамбургская драматургия» — т. XI: 71.

Либри Каруччи (1803—1869) — т. XI: 247, *509*.

Ливий Тит (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк — т. XII: 236, 239.

Лили — см. Шёнеман Элизабет.

Лимие Анри-Филипп (р. в конце XVII в. — ум. в 1725 г.) — французский геральдист и историк — т. XI: 92.

Линд Дженни (1820—1887) — певица — т. XII: 68.

Лист Франц (1811—1886) — т. XI: 234, 281.

«Литературная библиотека» — журнал, издававшийся в Петербурге с октября 1866 г. по февраль 1868 г. — т. XI: 194; т. XII: 420.

«Литературная газета» — издавалась в Петербурге. В 1830—1831 гг. редактировалась А. А. Дельвигом (после его

смерти О. М. Сомовым) — т. X: 283.

Литтре Поль-Максимилиан (1801—1881) — французский философ и историк, языковед — т. XII: 378, *379.*

Лобанов Федор Иванович — секретарь матери И. С. Тургенева — т. XII: 138, 180.

Лойо Каролина — наездница в цирке, дебютировала зимой 1833 г. в Париже — т. XI: 283, 285.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — т. X: 290.

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — историк литературы и библиограф; в 50-е годы сотрудник «Современника»; с 1871 по 1875 г. — начальник Главного управления по делам печати — т. XII: 126, 227, *229, 236,* 243, 449, 472, *473.*

Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — революционер-народник — т. XII: 455, 469.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — реакционный государственный деятель, с августа 1880 г. — министр внутренних дел — т. XII: 548.

Лоррен Клод (псевдоним Клода Желе; 1600—1682) — французский пейзажист — т. X: 334, 339.

Луве де Кувре Жан-Батист (1760—1797). «Приключения кавалера Фоблаза» — т. X:, *615.* Фоблаз — т. X: 225. *615.*

Луи-Наполеон (1808—1873) — принц Бонапарт, племянник Наполеона I. В 1848 г. — президент Франции, с 1852 г. император Франции Наполеон III — т. X: 377, 380, 381, *638.*

Луи-Филипп, герцог Орлеанский (1773—1850) — король Франции с 1830 по 1848 г. — т. X: 360, *637;* т. XII: 47.

Лукерья — см. Полусмакова Л. И.

Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845) — декабрист — т. XII: 322.

Лутовинова В. П. — см. Тургенева В. П.

Людовик XIV (Louis Quatorze) (1638—1715) — в 1643—1715 гг. французский король — т. XI: 86, 361, 362; т. XII: 53, 322.

Людовик XVI (1754—1793) — в 1774—1792 гг. — французский король — т. X: 305.

Лютер Мартин — т. X: 250, *617;* т. XI: 18, 188; т. XII: 416.

Льюис Джордж-Генри (1817—1878) — английский философ и физиолог — т. XII: 362, *363.*

Ляпунов Прокопий Петрович (ум. в 1611 г.) — рязанский дворянин, примкнувший к Ивану Болотникову. Впоследствии предал его, перейдя на сторону царских войск. В 1611 г. участвовал в земском ополче-

нии в период борьбы с поляками — т. XI: 58, 60—70, *481.*

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт — т. XI: 164; т. XII: *148,* 223, 314, 335—337, *447.*.

Майков Валерьян Николаевич (1824—1847) — критик и публицист — т. X: 286, *613, 628.*

Макаров Николай Яковлевич (1828—1892) — журналист, сотрудник «Современника» — т. XII: 319.

Мак-Магон Мари-Эдмонд-Патрис (1808—1893) — французский маршал и реакционный политический деятель. Во время франко-прусской войны французская армия под его командованием потерпела крупное поражение при Верте и под Седаном; возглавлял войска, подавлявшие парижских коммунаров — т. XI: 358, 361, 362, 366, 369; т. XII: 431, *444,* 468, 535, *536.*

Маколей Гомас Бабингтон (1800 — 1859) — английский историк — т. X: 290.

Малибран Мария-Фелисите (рожд. Гарсиа) (1808—1836) — французская певица, сестра П. Виардо — т. XI: 296.

Маляревская — родственница Николая Сергеевича Тургенева — т. XII: 534.

Мальборо Джон Черчилль (1650—1722) — английский государственный деятель и полководец — т. XI: 92.

Мальцев Сергей Иванович (1810—1893) — т. X: 114, *609.*

Марат Жан-Поль (1743—1793) — т. X: 113.

Мардефельт Арвид Аксель (1660—1708) — сын шведского полководца К. Мардефельта, генерала Карла XII — т. XI: 84.

Мари Александр-Тома (1795—1870) — французский политический деятель, адвокат. В 1848 г. был во главе министерства общественных работ, организовал национальные мастерские — т. X: 384.

Мария Федоровна (1847 — 1928) — жена Александра III — т. XII: 540.

Марий Гай (156—86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель — т. XII: 392.

Марио (сценический псевдоним маркиза Жозефа ди Кандиа) (1808—1883) — итальянский певец — т. XII: 100.

Марк Аврелий Антонин (121—180) — римский император, философ-стоик — т. XII: 558.

Маркевич Болеслав Михайлович (псевдоним Иногородний обыватель; 1822—1884) — т. XI: 395, 396, *544—546;* т. XII: 363, 470, 471—*473,* 477, *478.*

Марко Вовчок (псевдоним Марии Александровны Марковича; 1834—1907) — украинская

писательница — т. XI: 261, 262, 264, 328, *514, 525, 526;* т. XII: 319, 343.

«Народные рассказы» — т. X: *594;* т. XI: 328, *525.*

«Пустяки» — т. XII: 343.

Марков Алексей Тарасович (1802—1878) — художник — т. XI: 235; т. XII: 15.

Марков Евгений Львович (1835—1903) — педагог; писатель, публицист — т. XII: 500, *501.*

«Критические беседы» — т. XII: 500, *501.*

Маркович Афанасий Васильевич (ум. в 1867 г.) — этнограф; муж украинской писательницы Марко Вовчок — т. XII: 319.

Маркович Марья Александровна — см. Марко Вовчок.

Маркс Адольф Федорович (1838—1904) — издатель — т. XII: 579.

Марлинский (литературный псевдоним декабриста Александра Александровича Бестужева; 1797 — 1837) — писатель и литературный критик, представитель псевдоромантического направления в литературе — т. X: 136, 268, 283, 289, *633;* т. XI: 120; т. XII: 140, 252, 253, *281,* 290.

Марло Кристофер (1564 — 1593) — английский драматург. Драма «The tragical history of the life and death of Doctor Faustus» («Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста») написана им в 1588 г. — т. XI: 21.

Марс де (Mars) — в 1856 г. главный редактор журнала «Revue des deux Mondes» — т. XII: 217, 239.

Марсо Франсуа-Северен (1769—1796) — генерал, военный деятель французской революции — т. XI: 22.

Мартынов Александр Евстафьевич (1816—1860) — драматический актер — т. XII: 554.

Мартынов Николай Соломонович (1816—1876) — офицер, убийца М. Ю. Лермонтова — т. XI: 334, 335.

Маслов Иван Ильич (1817—1891) — управляющий Удельной конторой в Москве, друг Тургенева — т. XII: 126, 353, *354,* 366, 392, 458, 560.

Матвеев — вероятно, Павел Матвеев — студент первого курса Харьковского университета, познакомился с Тургеневым в 1862 г.; позднее встречался с писателем в Петербурге, Париже и Буживале — т. XII: 434.

Мегюль Этьен Анри (1763—1817) — французский композитор — т. XII: 55, *57.*

«Иосиф» — т. XII: 55, *57.*

Медичи (Медичисы) — богатый итальянский род, правивший Флоренцией в XV—XVIII вв. — т. X: 251, 253, 341, *595, 616.*

Медичи (Медичис) Александр (1510—1537) — основатель тосканского герцогства — т. X: 251, *616*.

Медичи Козимо, Великий Козьма — т. X: 251, *617*.

Медичи Козимо (Козьма) Первый (1519—1574) — с 1537 г. герцог флорентийский; ввел в стране жестокий террор — т. X: 251, 253, *616*.

Медичи Лоренцино (1514—1548) — т. X: 251, *616*.

Мейер — гувернер И. С. Тургенева и его братьев — т. XII: 9.

Мейер — т. XI: 78.

Мейербер Джакомо (1791—1864) — французский композитор — т. X: 362; т. XI: 110, 281, 291—295, *518, 519;* т. XII: *57,* 79, 81, *86, 151.*

«Гугеноты» — т. XI: 110, 289, 291, 292; т. XII: 54, *57,* 68.

«Пророк» — т. X: 362; т. XI: 291—296, *518, 519;* т. XII: 79, 85, *86,* 119, 150, *151,* 154; Берта — т. XI: 293—295; Оберталь — т. XI: 294; Фидэс — т. XI: 293—295, *519;* т. XII: *79,* 98.

«Роберт-Дьявол» — т. X: 297; т. XI: 40, 291—292; Бертрам — т. X: 40, 44; т. XI: 40, 41, 45; т. XII: 26, 27.

Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — литератор, музыкальный критик и публицист; был близок с Белинским и Герценом, а также с славянофильскими кругами. В 60-е годы перешел на реакционные позиции, сотрудничал в газете «Наше время» — т. XII: 52, *54,* 218, 235, 239, 257, 264, 266.

Мельгунова Софья Карловна — жена Н. А. Мельгунова — т. XII: 218.

Мендельсон-Бартольди Феликс (1809—1847) — композитор, пианист и органист; общественный деятель — т. XII: 40, 42, *43,* 61, 162.

Менцель Вольфганг (1798—1873) — немецкий публицист и историк литературы — т. X: 298, 313.

«История немецкой литературы» — т. X: 313.

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — государственный деятель — т. XI: 76, 83, 84.

Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — адмирал, с 1827 г. морской министр; в 1853—1855 гг. — главнокомандующий Крымской армией — т. XII: 161.

Меренберг Наталья Александровна, рожд. Пушкина (1836—1913) — младшая дочь А. С. Пушкина — т. XI: 390, 391, *541.*

Мёрике Эдуард (1804 — 1875) — немецкий поэт — т. X: 126, 127, *609—611;* т. XII: 353, *354.*

Мериме Проспер (Mérimée) (1803—1870) — т. XI: 57, 216, 246, 247, 326, 335, *476, 502, 508,*

509, 521; т. XII: 105, 136, *137, 151,* 271, 275, 386, 403, *404.*

«Лжедимитрий» — т. XII: 136, 137, *151.*

Мерк Иоганн-Генрих (1741—1791) — немецкий критик — т. XI: 42, *480;* т. XII: 128, 138, 237, 238, *240.*

«Ein Denkmal» — т. XII: 238.

Местр Жозеф де (1753—1821).

«Путешествие вокруг моей комнаты» — т. XII: 66.

Меценат Гай (род. между 74 и 64 г. до н. э. — 8 г. до н. э.) — римский государственный деятель, покровитель искусств — т. X: 496; т. XI: 326, 327.

Мещерская Екатерина Николаевна (ум. в 1874 г.) — т. XII: 248.

Мещерский А. А. — знакомый Тургенева — т. XII: 488, 518.

Мещерский — т. XII: 470.

Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — т. XI: 188, 288, 399.

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1847—1887) — путешественник; ученый и общественный деятель — т. XII: 518, 576.

Миллер Орест Федорович (1833—1889) — историк литературы, публицист; в 1863—1888 гг. — профессор Петербургского университета — т. XII: 476, *478.*

Миллер С. А. — см. Толстая С. А.

Миллер Федор Богданович (1818—1881) — поэт-переводчик, беллетрист; основатель и редактор-издатель журнала «Развлечение» — т. XI: 9—13, 106, *476.*

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), генерал. С 1818 г. — генерал-губернатор Петербурга — т. XI: 250.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — генерал-фельдмаршал; в 1861—1881 гг. — военный министр — т. XII: 375, 470.

Милютин Николай Алексеевич (1818—1872) — государственный деятель, либерал, товарищ министра внутренних дел (1859—1861). Принимал активное участие в разработке Положений 19 февраля 1861 г. — т. XI: 255; т. XII: 349, 370, 375, 476.

Милютин Юрий Николаевич — сын Н. А. Милютина — т. XII: 370, 470, 475.

Милютина Мария Агеевна (р. в 1834 г.) — с 1855 г. жена Н. А. Милютина — т. XII: 370, 470, 475.

Мильнс Ричард Монктон (1809—1885) — английский писатель и политический деятель; депутат Палаты общин с 1837 по 1863 г. — т. XI: 322, 326.

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт, драматург. Сотрудник «Искры»,

«Современника» и «Русского слова» — т. XII: 401, 405, *406.*

Миницкий Иван Федорович — знакомый Тургенева, врач; в 1852 г. окончил Петербургский университет — т. XII: 127, 152, 157—*159.*

Мирабо Оноре-Габриэль-Рикетти (1749—1791) — деятель французской революции — т. XII: 9, 11.

Михаил Николаевич (1832—1909) — великий князь—т. XII: 265.

Михайлов В. М. — переводчик «Германии» Г. Гейне — т. XII: 552, *553.*

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — революционный демократ; поэт, литературный критик и журналист — т. XII: *148,* 177, *178, 185.*

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — литературный критик и публицист, идеолог народничества — т. XII: *465, 474,* 559, *560.*

«Жестокий талант» — т. XII: 559, *560.*

Мицкевич Адам (1798—1855) — т. XI: 392, *526.*

«Дзяды» — т. XI: 273, *517.*

Мишле Жюль (1798—1874) — французский историк — т. XII: 44, *46,* 49, *50,* 53, 56, *57,* 257, *258.*

«История французской революции» — т. XII: 44, *46,* 49, *50,* 53.

Мнишек Марина (ум. в 1614 г.) — дочь сандомирского воеводы Ежи Мнишка; политическая авантюристка, претендовавшая на русский престол — т. XI: 60—69.

Мнишек — сын Марины Мнишек — т. XI: 64, 66.

Могадор Селеста (р. в 1824 г.), по мужу графиня Шабрилан — актриса — т. XI: 346.

Мозер Юстус (Möser Justus) (1720—1794) — немецкий писатель и государственный деятель — т. XI: 20.

«Молва» — газета; приложение к журналу «Телескоп», выходила в Москве с 1831 по 1836 г. — т. X: 274, 313, *626, 627.*

Молчанов Николай, литератор — т. XI: 13, *477.*

Мольер (Жан-Батист Поклен) (1622—1673) — т. X: 279, *627;* т. XI: 72, 98, 214, 215; т. XII: *54,* 115, *116, 553.*

«Господин де Пурсоньяк» — т. XII: 115, *116.*

«Скупой»; Гарпагон — т. XI: 326; т. XII: 53, *54.*

«Смешные жеманницы»; Жодле, Маскариль — т. XII: 53, *54.*

«Любовь-целительница»; Josse, Жосс — т. XII: 377, *378.*

«Мещанин во дворянстве»; Журден — т. XII: 553.

Мольтке фон, Гельмут Карл-Бернгард (1800—1891) — генерал-фельдмаршал германской армии, с 1858 г. — глава генерального штаба — т. XI: 357, 358, 361, 362.

Моммзен Теодор (1817—1903) — немецкий историк — т. XII: 281.

«Римская история» — т. XII: 281.

«Монитёр» — т. X: 398, *641;* т. XII: 241—*243, 386.*

Мономах Владимир Всеволодович — см. Владимир Мономах.

Монталамбер де Шарль Форб де Трион (1810—1870) — писатель и политический деятель, глава католической партии Франции — т. XII: 63, *64.*

Монтень (Montaigne) Мишель де (1533—1592) — французский философ и писатель эпохи Возрождения — т. X: 363; т. XI: 97, 254; т. XII: 562.

Мопассан де, Ги (1850 — 1893) — т. XII: 566, 567.

«Une vie» («Жизнь») — т. XII: 566, 567.

«Морской сборник» — т. XII: 231, *232.*

Морфи Пауль (р. в 1837 г.) — североамериканский шахматист — т. XII: 422.

Москалев Павел — т. XII: 10, 11.

«Москва» — политическая ежедневная газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1867—1869 гг. в Москве — т. XII: 380.

«Москвитянин» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1841 по 1856 г. под редакцией М. П. Погодина; — орган «официальной народности» — т. X: *613;* т. XI: 148, 421, *486;* т. XII: 36, 125, 139, 142, 144, 146, 151, 154, *155,* 189, *190.*

«Московские ведомости» — газета, издававшаяся Московским университетом с 1756 г.; в 1863—1877 гг., в период, когда редактором был М. Н. Катков, — орган крайней реакции — т. X: 322, 324; т. XI: 148, 373, 395, *540, 544, 546, 556;* т. XII: 243, 249, *251,* 354, *355,* 372, *374,* 431, 433, *438.*

«Московский наблюдатель» — двухнедельный журнал, издававшийся в Москве в 1835—1840 гг.; в 1838—1839 гг. выходил под редакцией В. Г. Белинского — т. X: 297, 313.

«Московский сборник» — т. XII: 112, *113,* 121, 133, 140, 141.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — т. XI: 69, 215, 281, 289, 293; т. XII: 162, 373, 414.

Мочалов Павел Степанович (1800—1848), актер-трагик — т. X: 297; т. XI: 191.

Мундт Теодор (1808—1861) — немецкий писатель, профессор истории литературы в Берлинском университете — т. XII: 48.

Мурчисон Родерик-Импей (1792—1871) — английский геолог — т. XI: 325.

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1862) — в 1845—1856 гг. попечитель Петербургского учебного округа — т. X: 325; т. XII: 108, 112, *203,* 207, *208,* 241, *242.*

Мусина-Пушкина Эмилия Карловна (1810—1846) — т. X: 330, 331, *633.*

Муханов Павел Александрович (1798—1871) — главный директор Комиссии внутренних и духовных дел в Польше — т. XII: 322, *323.*

Мухортов Захар Николаевич (ум. в 1876 г.) — вице-президент Вольного экономического общества — т. XII: 182.

Мюллер-Струбинг Герман (1812—1893) — археолог, знаток греческой филологии. Участник революционных событий в Берлине в 1848 г. Эмигрировал в Париж, затем в Лондон — т. XII: 48, 50, 63.

Мюссе Альфред (1810—1857) — французский поэт — т. X: 96, *605, 616;* т. XI: 195, 235; т. XII: 56, *57,* 180.

«Каприз» — т. XII: 56, 57.

«Подсвечник» — т. X: 96, *605.*

«Наблюдатель» — см. «Московский наблюдатель».

Навуходоносор — царь Ново-Вавилонского (Халдейского) государства в 604—562/61 г. до н. э. — т. XI: 93.

Надежда Николаевна — т. XII: 196.

Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — критик, журналист и этнограф — т. X: 275, *626.*

Назимов Владимир Иванович (1802—1874) — генерал-адъютант; в 1849—1855 гг. — попечитель Московского учебного округа, председатель Московского цензурного комитета; в 1855—1863 гг. — виленский генерал-губернатор — т. X: 324; т. XII: 112, *293.*

Налбандян (Налбандов) Микаель Лазаревич (1829—1866) — армянский революционер-демократ, поэт, публицист; в апреле 1862 г. посетил Герцена, за что в июле 1862 г. был арестован. Около трех лет провел в заключении в Петропавловской крепости. В апреле 1865 г. приговорен к ссылке в Саратовскую губернию, где вскоре умер — т. XI: 456—459, 461, 464, *559.*

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — в 1804—1815 гг. французский император — т. X: 299, *557, 558, 566, 630, 638;* т. XI: 22, 190, 249, 363, 376; т. XII: 563.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — в 1852—1870 гг. император Франции — т. XI: 357, 358, 360—362, 364, 368, 373, 376; т. XII: *243, 309, 329, 432,* 472, *473.*

Нарская Н. — см. Шаликова Н. П.

Нахимов Павел Степанович (1802—1855) — русский флотоводец, адмирал; в 1854—1855 гг. руководил обороной Севастополя — т. XII: 189, *190.*

Неверов Януарий Михайлович (1810—1893) — педагог и писатель, участник кружка Станкевича — т. XI: 229, *504;* т. XII: 17.

«Невский сборник» — т. XII: 374, *375.*

«Неделя» — газета, издававшаяся в Петербурге — т. XII: 443, 492, 500, 501.

Нейман — т. XII: 422, *424.*

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — т. X: 277, 303, 309—311, *593, 598, 601, 602, 604—606, 613, 615, 623—625, 627;* т. XI: 147, 164, 199, 220, 284, 332, 333, 404, 467, *476, 480, 484, 488, 491, 495, 496, 506, 518, 552, 526—528, 555;* т. XII: 36—38, 44—*46, 54,* 56, *57,* 106, *107,* 124—126, 128, *129,* 135, 147, 148, 169—171, 174, 182, *184*—186, 195—*199,* 205—208, 211, *213,* 218, 227—*229*; 231, 233, 235—*237,* 239, 241, 242, 244, 247—251, 264, 270, 272—280, 295—*298,* 300, 339, 348, 401, 403, 404, 408, 507.

«Блажен незлобивый поэт» — т. XII: 106, *107.*

«В деревне» — т. XII: 169, *170.*

«Еду ли ночью» — т. XII: 44, *45.*

«Замолкни, муза мести и печали!..» — т. XII: 197—*199,* 200.

«К***» — т. XII: 182, *184.*

«Муза» — т. XII: 128, *129,* 206, *207.*

«Новости» («Уныло мы проходим жизни путь...») — т. XI: 284, *518.*

«Саша» — т. XI: 404; т. XII: 183, *184.*

«Стихотворения» — т. XII: 227, 241, *242,* 251.

Нестор — т. XII: 322, *323.*

Низар Жан-Мари (1806 — 1888) — французский историк литературы, критик — т. XI: 97.

Никанор — т. XII: 9, *11.*

Никитенко Александр Васильевич (1805—1877) — профессор русской словесности Петербургского университета, литературный критик и мемуарист; в 1833—1848 гг. цензор — т. X: 102, *591, 596, 607, 612, 615, 643;* т. XII: 11—13, *108, 190,* 328.

Никитенко Софья Александровна (1840—1901) — дочь А. В. Никитенко — т. XII: 305.

Николаи Отто (1810—1894) — немецкий композитор — т. XI: 55, 280.

Николай I (Nicolas I) (1796—1855) — т. XI: 200, 202, 260, *510, 551, 552;* т. XII: *80,* 109—*111, 123, 161,* 167, 292, 294, *347, 438,* 484, 486, 487.

Николай Николаевич (1831—1891) — третий сын Николая I;

с 1878 г. — генерал-фельдмаршал — т. XII: 540.

Ничипоренко Андрей Иванович (1837—1863) — участник революционного движения шестидесятых годов, член общества «Земля и воля» — т. XI: 458, 460—462, *559.*

Новиков Николай Иванович (1744—1818) — писатель, общественный деятель, просветитель — т. X: 291; т. XI: 153.

«Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений» — ежемесячно выпускавшееся Новиковым издание древних актов и летописей — т. XI: 153, 422.

«Новое время» — реакционная газета, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 г.; с 1876 г. издателем ее был А. С. Суворин — т. XI: 266, *514, 515, 543;* т. XII: 490, *491, 564.*

«Новости» — газета, издававшаяся с 1871 г. в Петербурге — т. XII: 551, *552.*

Нордберг Йоран Андерсон (1677—1744) — шведский историк, написавший «Историю Карла XII» — т. XI: 92.

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — писатель, востоковед; государственный деятель: в 1850—1854 гг. — товарищ министра, в 1854—1858 гг. — министр народного просвещения — т. XII: 190.

Нуар Виктор (1848—1870) — журналист — т. X: 395, 398, 403, *640;* т. XI: 359.

Нурри Адольф (1802—1839) — оперный певец, выступавший с огромным успехом в парижской «Grand Opèra» — т. XI: 296.

Обер Даниэль-Франсуа (1782—1871) — т. XII: 47, 48, *50, 95.*

«Немая из Портичи» — т. XII: 48, *50.*

«Черное домино» — т. XII: 90, *95.*

Ободовский Платон Григорьевич (1805—1864) — переводчик и драматург — т. XI: 59.

«Общее вече» — журнал, издававшийся Н. П. Огаревым в 1862—1864 гг. в Лондоне, затем в Женеве. — т. XI: 468.

«Община» — т. XII: 521, *523.*

Овербек Фридрих-Иоанн (1789—1869) — немецкий художник — т. X: 335.

Овидий Публий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — древнеримский поэт — т. XI: 79, *483.*

«Tristes» («Tristĭa») — т. XI: 79, *483.*

Овсянников Степан Тарасович, костромской купец — т. XII: 477, *478.*

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — т. XI: 453, 455, 467, 468, *530, 555, 559, 563;* т. XII: 88, 197, 199, 209, 217, 227, 236, *237,* 240—*242,* 256, *258,* 264, *267,* 293, *294,* 310, 317, 340, *372, 407.*

«Амнистия» — т. XII: 235, *236*.

«Зимний путь» — т. XII: 197, *199*.

«Господин» — т. XII: 256, *258*.

Огарева-Тучкова Наталья Алексеевна (1829—1913) — жена Н. П. Огарева; с 1856 г. — жена А. И. Герцена — т. XII: 236, *237*, 241, 310.

Одоевский Владимир Федорович (1804—1869) — писатель, литературный и музыкальный критик; общественный деятель, в 1846—1861 гг. директор Румянцевского музея, с 1862 г. — сенатор — т. X: 267; т. XII: *267*, 433.

Одюбон Джон Джемс (1785—1851) — орнитолог — т. XI: 157, *489*.

Ожье Эмиль (1820—1889) — французский драматург. Член Французской академии — т. XI: 246, *549*.

Озеров Владислав Александрович (1769—1816).

«Дмитрий Донской» — т. XII: 140.

Октавий — см. Август.

Оливье Эмиль (1825—1913) — адвокат, французский политический деятель; в 1848 г. — комиссар временного правительства, в 1870 г. — министр юстиции — т. XI: 362, 365.

Олсуфьева Александра Григорьевна — т. XII: 564, *565*.

Ольга Петровна — т. XII: 188.

Оппенгейм Генрих-Бернгард (1819—1880) — немецкий публицист, участник германской революции 1848—1849 гг.; после подавления революции эмигрировал во Францию — т. XII: 265.

Орканья Андреа (1308—1368) — итальянский художник — т. XI: 288.

Орлов Александр Анфимович (1801—1827) — писатель — т. XII: 415.

Орлов Алексей Федорович (1786—1861) — шеф жандармского управления и начальник III отделения — т. XII: 264.

Орлов Николай Алексеевич (1828—1885) — генерал-адъютант, русский посланник в Берлине, Париже и Брюсселе — т. XII: 264, 265, 275, 293, 540.

«Орловский вестник» — ежедневная газета, выходившая в Орле с 1876 г. — т. XII: 495.

Основский Нил Андреевич (ум. в 1871 г.) — беллетрист, автор охотничьих рассказов и повестей. Издатель сочинений Тургенева (4 тома) в 1860 г. — т. XI: 236; т. XII: 171, *321*.

«Петров день. Из воспоминаний охотника» — т. XII: 171.

Остад Адриан (1610—1685) — голландский художник — т. XI: 26.

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — т. X: 307; т. XI: 137—146, *481*, *486*,

487, 528; т. XII: 151, 154, *213,* 215, 219, 220, 230—*232,* 274, *275,* 285, 314, 329, 330, *332,* 333, 357, *359,* 362, 366, 458.

«Банкрот» («Свои люди — сочтемся») — т. XI: 138, 141, 146, *487.*

«Бедная невеста» — т. XI: 137—139, 146, 486, *487;* Анна Петровна — т. XI: 138, 140, 143, 145; Беневоленский — т. XI: 138, 139, 141—143, 145, 146; Дарья — т. XI: 140; Добротворский — т. XI: 138—140; Марья Андреевна, Маша — т. XI: 138—140, 142—145; Мерич Владимир — т. XI: 138—140, 142—145; Милашин — т. XI: 138, 139, 141, 143, 145; Хорьков — т. XI: 138—140, 143, 145; Хорькова — т. XI: 138, 140, 145.

«Воевода» — т. XII: 357—*359.*

«Гроза» — т. XII: 458, 459.

«Доходное место» — т. XII: 274, *275.*

«Козьма Захарьич Минин-Сухорук» — т. XII: 219, 220, 230, *232,* 329—333.

«Лес» — т. XII: 459.

«Не в свои сани не садись» — т. XII: 151, *152,* 154, *155.*

«Не сошлись характерами» — т. XII: 219, 220, 232.

Островский Михаил Николаевич (1827—1901) — брат А. Н. Островского; статс-секретарь, действительный тайный советник, с 1881 г. министр государственных имуществ — т. XII: 458, 459.

«Отечественные записки» — ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся А. А. Краевским в Петербурге в 1838—1868 гг.; в 1839—1846 гг. журналом фактически руководил Белинский, в 1868—1870 гг. «Отечественные записки» возглавили Некрасов и Салтыков-Щедрин — т. X: 275, 276, 283, 298, 302, 313, *592,* 598, *604, 607, 611, 612, 614, 625;* т. XI: 56, 99, 121, 194, 195, 199, 239, 273, 477, *478, 480, 482—484, 495, 507, 514, 517, 519, 526, 537;* т. XII: *13,* 33, 36, *76,* 78, 79, 85—*86,* 125, 145, 147, 148, 160, 176, *178, 251,* 253, *254, 270,* 367, 368, 372, *390, 424, 435,* 460, 480, 482, *483,* 514, 560, 563, *564.*

Оуэн Роберт (1771—1858) — английский социалист-утопист — т. XII: 322.

Оффенбах Жак (1819—1880) — один из основоположников классической оперетты — т. XI: 346.

Охотницкая Наталья Петровна — бедная дворянка, проживавшая у Толстых; в 1874 г. жила в Спасском — т. XII: 188.

«Охотничий сборник» — т. XII: 156, *157, 167.*

Св. Павел — проповедник христианства среди язычников в I в. н. э. — т. X: 520; т. XI: 79.

«Послание к римлянам» — т. XI: 79.

Павлов Михаил Григорьевич (1793—1840) — физик, специалист в области минералогии и сельского хозяйства; профессор Московского университета — т. XI: 418.

Павлов Николай Филиппович (1805—1864) — писатель и журналист, литературный критик. Автор антикрепостнических повестей (1830), вызвавших неудовольствие Николая I. В начале 60-х годов резко эволюционировал вправо; редактор-издатель газеты «Наше время» (1860—1863) — т. XI: 404, *547*.

Павлова Каролина Карловна (1807—1893) — писательница, жена Н. Ф. Павлова — т. XII: 144, *145*.

Павловский Исаак Яковлевич (1853—1924) — участник процесса «193-х» — т. XI: 393—395, *543, 544, 546;* т. XII: 543, 563, *564*.

«En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста») — т. XI: 393—395, *543, 544, 546*.

«Политическое дело» — т. XII: 563, *564*.

Падисс — т. XII: 442.

Паликао Шарль, граф (1796—1878) — французский маршал Кузен Монтобан, возглавлявший англо-французские войска в колониальной захватнической войне 1860 г. Получил свой титул за одержанную им 21 сентября 1860 г. победу над китайскими войсками при местечке Паликао в провинции Тишли — т. XI: 365, 366.

Палмерстон (Палмистрон) Генри Джордж Темпль (1784—1865) — министр иностранных дел, в 1855—1865 гг. — премьер-министр Англии — т. X: 285; т. XI: 322—326.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель, фельетонист; с 1847 г. совместно с Н. А. Некрасовым издавал журнал «Современник» — т. X: 284, 302, 309, 321, 322, *602, 624, 627;* т. XII: 12, 56, *57*, 125—*129*, 147, 148, 180—182, *181*, 212—*215, 217*, 220, 241, *242*, 244, 247, 249, 250, 289, 297, 318, 331, 333.

«Заметки и размышления Нового поэта по поводу русского фельетона» — т. XII: 127, *128*.

«Канун нового, 1852 года» — т. XII: 128, *129*, 147, *148*.

Панаева Авдотья Яковлевна (1819—1893) — писательница, жена И. И. Панаева; с середины 50-х годов — жена Некра-

сова — т. XII: 126, 228, *229,* 274.

Паньер — книгоиздательская фирма, основанная Лораном-Антуаном Паньером (1805—1854) — т. XII: 256.

Парто — т. XII: 65.

Парфений (1782—1853) — до пострижения Павел Васильевич Васильев-Чертков. В 1821—1850 гг. был владимирским архиепископом — т. XII: 264, *265.*

Паскаль Блез (1623—1662) — французский математик, физик и философ — т. XII: 66, *70.*

«Провинциальные письма» — т. XII: 66, *70;* Ле Муан — т. XII: 66.

Паста Джудитта-Негри (1798—1865) — итальянская певица — т. XII: 90.

Паткуль Иоганн-Рейнгольд (1660—1707) — генерал-поручик и тайный советник Российской империи — т. XI: 71—85, 87—95.

Патти Аделина (1843—1919) — итальянская певица — т. XII: 399.

Пелле Адольф — т. XII: 496.

Пелльтан Евгений (1813—1884) — французский писатель и публицист — т. XII: 53, 54.

Перикл (ок. 490 до н. э. — 429 до н. э.) — афинский государственный деятель; со временем его деятельности связывается в истории «золотой век» афинской демократии, период расцвета греческой философии и искусства — т. X: 296.

Перов Василий Григорьевич (1834—1882) — художник — т. XII: 446, *447.*

Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — в 1851—1856 гг. управлял Оренбургским краем — т. XI: 264, 265.

Перовский Лев Алексеевич (1792—1856) — в 1841—1852 гг. министр внутренних дел — т. XI: 452, *550—552.*

Перро Клод (1613—1688) — французский архитектор — т. XI: 338.

Перро Шарль (1628—1703) — французский писатель, автор широко известных сказок; с 1671 г. — член Академии — т. XI: 336, 337, *529;* т. XII: 551.

«Contes de ma mère d'Oie» — т. XI: 338.

«La Belle et la Bête» — т. XII: 550, *551.*

Перуджино Пьетро (ок. 1446—1523) — итальянский художник — т. X: 335.

Пети Ж. — торговец картинами и владелец выставочного зала в Париже — т. XII: 570—572.

Петипа Марнус (1822—1910) — балетмейстер и танцовщик; с 1847 г. жил и работал в России — т. XII: 65.

Петр Великий (Pierre le Grand) (1672—1725) — т. X: 293, 294, *629;* т. XI: 57, 71—73, 76, 82—84, 90, 91, 93, 97, 213,

411, 413, 423, *501;* т. XII: 104, 481.

Петров Василий Петрович (1736—1799) — поэт-одописец, переводчик — т. X: 290.

Петрово-Соловово Евдокия Васильевна (ум. в 1893 г.) — урожд. графиня Салиас — сестра писательницы Е. В. Салиас — т. XII: 103, *104.*

Печаткин Вячеслав Петрович (1819—1898) — книготорговец и издатель в Петербурге — т. XII: 313.

Пий IX (Мастаи Феретти) (1792—1878) — с 1846 г. папа римский — т. XII: 380, *381.*

Пилле Фабьен (1772—1855) — французский литератор, журналист и общественный деятель — т. XII: 44, *46.*

«Le Robespierre de M-r de Lamartine» — т. XII: 44, *46.*

Пименов Николай Степанович (1812—1864) — профессор скульптуры Академии художеств — т. XI: 379.

Пинто Микеланджело — общественный и политический деятель Италии; с 1860 г. — преподаватель итальянского языка в Петербургском университете, в 1868 г. — итальянский консул в Петербурге — т. XII: 257.

Пипер Карл (1647—1716) — шведский государственный деятель — т. XI: 78, 92.

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — т. X: 286, 287, 299, *628;* т. XII: 368, 369—372, 375—*378.*

Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — т. X: 307; т. XI: 332, 333, *526;* т. XII: 101—103, 124, *126,* 147, 219, 230—232, 243, 269, *270,* 285, 300, 314, 334, 362, 366, 477, 563.

«Ипохондрик» — т. XII: 102.

«Monsieur Батманов» — т. XII: 124, *126.*

«Поручик Гладков» — т. XII: 366.

«Раздел» — т. XII: 147, *148.*

«С. П. Хазаров и Мари Ступицына» — т. XII: 101—*104.*

«Тысяча душ» — т. XII: 219, 220, 230, *232.*

Питт Уильям Старший, граф Чатам (1708—1778) — английский государственный деятель, лидер партии вигов — т. X: 282, т. XI: 324.

Питт Уильям Младший (1759—1806) — сын Уильяма Питта, государственный деятель Англии — т. X: 282.

Пич Людвиг (1824—1911) — немецкий художник, журналист и критик; переводчик произведений Тургенева на немецкий язык — т. XII: 441, 442, 540, 541, 549, 550.

Платон (427—347 до н. э.)

«Республика» — т. X: 187, *614,* т. XII: 40.

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт, критик и историк литературы; в 1838—1846 гг. — редактор «Современника», с 1832 г. — профессор Петербургского университета. Друг Пушкина, Жуковского, Гоголя — т. X: 263, 264, 266, 269—273, 302, *591, 592, 602, 618, 620—622, 643, 644;* т. XI: 418, *497;* т. XII: 12, 13, 414, 417.

Плетнева Александра Васильевна (1826—1901) — жена П. А. Плетнева с 1849 г. Была в дружеских отношениях с Гончаровым, Тютчевым, Тургеневым — т. X: 272, *620, 621.*

Плетнева Степанида Александровна (1795—1839) — первая жена П. А. Плетнева — т. X: 266.

Плошю Эдмонд — редактор газеты «Temps» — т. XII: 457.

Победоносцев Петр Васильевич (1771—1843) — профессор Московского университета — т. XI: 418.

Поггенполь Николай Петрович (1824—1894) — журналист, редактор официозного журнала «Le Nord», основанного им в 1856 г. в Брюсселе на средства русского правительства — т. XII: 241, *242.*

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, реакционный журналист и писатель; профессор Московского университета — т. X: 283, 319, *627;* т. XI: *418;* т. XII: *155,* 379, 447, *454.*

«Марфа Посадница» — т. X: 283, *627.*

Погорельский Платон Николаевич (1800—1852) — преподаватель математики — т. XI: 418; т. XII: 9—*11.*

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь — военный и политический деятель — т. XI: 69.

Позняков Я. М. — поэт — т. XI: 104, 106, 107, 110, 114, 117, *484;* т. XII: 103, *104.*

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1802—1867) — издатель-книгопродавец — т. XI: 57.

«Заметки русского книготорговца» — т. XI: 57.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, писатель, историк; в 1825—1834 гг. издавал журнал «Московский телеграф», объединявший наиболее прогрессивные литературные силы. В конце 30-х годов, после запрещения журнала, перешел в лагерь реакции; сотрудничал с Булгариным и Гречем — т. X: 266, *594, 621;* т. XI: 53, *481.*

Полевой Петр Николаевич (1839—1902) — писатель, профессор-лингвист, сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей» — т. XII: 477, 478.

Поликлет (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор — т. X: 489.

Полонская Жозефина Антоновна — скульптор-дилетант, жена поэта Я. П. Полонского — т. XII: 384, 390, 406, 409, 416, 434.

Полонский Аля — старший сын Я. П. Полонского — т. X: 114, 115, *608;* т. XII: 555.

Полонский Леонид Александрович (псевдоним Л. Лукьянов; 1833 — 1913) — публицист; сотрудник «Вестника Европы»; в 1880—1883 гг. издавал газету «Страна» — т. XII: 533—536, *552,* 569, *570.*

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт, друг Тургенева — т. XI: 193—199, *494—496, 498, 512, 513, 543;* т. XII: 239, 319, *320,* 383, *384,* 388—*390,* 395, 396, 404, 406, 407, 409, 412, 413, 415, 416, 419, 420, 425, *426,* 433—435, 439, *441,* 453, 470, *471,* 499—*501,* 505, 506, 514, 515, 522, 554, *557,* 562, 568, *569.*

«Аспазия» — т. XI: 197.

«Братья» — т. XII: 383, *384.*

«Вакханка и сатир» — т. XII: 383, *384.*

«Груня» — т. XI: 195.

«Жалобы музы» — т. XI: 197.

«Зимняя невеста» — т. XII: 389, *390.*

«И. С. Тургеневу» — т. XII: 514, *515.*

«Кузнечик-музыкант» — т. XI: 196.

«Миазм» (Покинутый дом) — т. XII: 395, *396.*

«Мужичок» — т. XII: 395, *396.*

«На железной дороге» — т. XII: 395, *396.*

«На закате» — т. XII: 506.

«Наяды» — т. XI: 197.

«Орел и змея» — т. XII: 383, *384.*

«Оттиски» — т. XI: 197.

«Признания Сергея Чалыгина» — т. XI: 194, 195; т. XII: 404, *406,* 415, 419, 420, 425, 434, *435.*

«Сон язычника» — т. XII: 383.

«Уже над ельником...» — т. XI: 196.

«Тифлисские сакли» — т. XI: 195.

«Тишь и мрак» — т. XI: 197.

«Царство науки не знает предела» — т. XI: 196.

«Чайка» — т. XI: 197.

Поль Рихард (1826—1896) — немецкий поэт — т. X: 123—125, *609, 610.*

Поль де Кок — см. Кок де Поль.

Полусмакова Лукерья Ивановна, в замужестве Яковлева — горничная в доме В. Я. Карташевской — т. XI: 264.

«Полярная звезда» — литературные и общественно-политические сборники, ежегодно издававшиеся в 1855—1862 гг. в Лондоне и в 1869 г. в Женеве

А. И. Герценом. С 1856 г. — совместно с Огаревым — т. XI: 467, *564;* т. XII: 209, *236, 242, 258,* 292, 310, 322, *323.*

Помяловский Николай Герасимович (1835—1863) — писатель — т. XII: 326, 327, *332.*

«Молотов» — т. XII: 326, 327, 331, *332.*

Пономарев А. П. — поэт — т. XI: 104, 106, 115, *484;* т. XII: *104.*

«Порядок» — т. XII: 548, *549.*

«Посредник» — журнал — т. XI: 440.

Потехин Алексей Антипович (1829—1908) — писатель, драматург — т. XII: 231, *232.*

«Хворая» — т. XII: 498, *499.*

Похитонов Иван Павлович (1850—1923) — художник. Написал портрет И. С. Тургенева — т. XII: 570, *572.*

Праксителъ (серед. IV века до н. э.) — греческий скульптор — т. X: 11, *595.*

Прасковья Ивановна — экономка Тургеневых — т. XII: 180.

Прево д'Экзиль Антуан-Франсуа (1697—1763) — т. XI: 132; т. XII: *64.*

«Манон Леско» («Manon Lescaut») — т. XI: 132; т. XII: 63, *64.*

Прис Джон — датчанин, акробат — т. XI: 285.

Прис Карл — сын Д. Приса — акробат — т. XI: 285.

Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский социалист-утопист — т. X: 380; т. XII: *84.*

«Manuel de la Bourse» — т. XII: 477.

Пугачев Емельян (1742? — 1775) — т. XII: 341.

Пультье Гильом Александр Пласид (р. в 1815 г.) — французский певец — т. XII: *65.*

Пуссен Никола (1594—1665) — французский живописец — т. X: 339; т. XI: 277.

Пушкин Александр Сергеевич, Poushkine (1799—1837) — т. X: 136, 218, 263—265, 268, 270, 271, 273, 283, 286—290, 292—294, 296, 313, 326, 355, 357, *591, 593, 594, 609, 611, 613—615, 621, 622, 628, 630, 636;* т. XI: 27, 68, 100, 106, 158, 159, 163, 164, 173, 212—222, 232, 241, 246, 263, 275, 312, 334, 335, 383, 384, 390—392, 470, *483; 499—502, 507,* 514, *541;* т. XII: 114, *116,* 123, *124,* 125, *137,* 139, 146, 151, *159,* 165, *166,* 167, *173,* 174, 179, 184, 189, 191, 195, *219,* 222, *224,* 235, *237,* 266, *267,* 278, 280, 291, *337,* 360, 386, *437, 438,* 456, 476, 501, 530, 544, 545, *549, 550.*

«Сочинения А. С. Пушкина в изд. П. В. Анненкова», т. XII: 134, *137.*

«Алеко» — т. XII: 548.

«Анчар» — т. XI: 216.

«Борис Годунов» — т. XI: 218, *481, 483, 502;* Пимен — т. XI: 218.

«Дон-Жуан» — см. «Каменный гость».

«Евгений Онегин» — т. X: 203, 271, *621, 622, 627;* Онегин Евгений — т. X: 350; Татьяна — т. X: 48, 134.

«Египетские ночи» — т. XI: 219.

«Каменный гость» — т. XI: 217.

«Капитанская дочка» — т. XI: 218.

«Летопись села Горохина» («Летопись села Горюхина») — т. XI: 218.

«Медный всадник» — т. X: 291, *622;* т. XI: 218, 219.

«На холмах Грузии» — т. XII: 290, *291.*

«Подражание корану» — т. XII: 165, *166.*

«Полтава» — т. X: 400, *613.*

«Похоронная песня Иакинфа Магдановича» — т. XII: 159.

«Поэт и чернь» — т. X: 296, 313.

«Поэту» — т. XI: 218, 219; т. XII: 266, *267.*

«Редеет облаков летучая гряда» — т. XI: 214.

«Руслан и Людмила» — т. XI: 214, *501.*

«Скупой рыцарь» — т. XI: 217; т. XII: *137.*

«Снова тучи надо мною» — т. XI: 232.

«Туча» — т. XI: 160.

Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852) — т. X: 293, *629.*

«Петр Великий» — т. X: 293, *629.*

Пушкина Наталья Николаевна (1812—1863) — жена А. С. Пушкина — т. XI: 391, *541;* т. XII: 123.

Пушкина Н. А. — см. Меренберг Н. А.

Пфингстен (Финкштейн) — т. XI: 87, 89, 94.

Пэн Оливье (Pain Olivier) (1845—1885) — французский публицист; был сослан в Новую Каледонию за участие в Парижской Коммуне. Вернулся во Францию после амнистии коммунарам в 1879 г. — т. XII: 576.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, журналист, профессор Петербургского университета в 1860—1861 гг.; один из редакторов «Вестника Европы» (1866—1904) — т. X: 314, *623;* т. XI: 248, *489, 500, 510, 515, 542;* т. XII: *527.*

Раби — певица в Париже в 1848 г. — т. XII: 65.

Рабле Франсуа (1494—1553) — т. XII: 562.

Рагозин Евгений Иванович (1843—1906) — публицист и издатель; в 1868 г. был близок к эмигрантским кругам за границей; в 1872 г. издавал газету «Неделя» — т. XII: 443, 467, 550.

Ральстон Вильям (Ralston W. R. S.) (1829—1889) — т. XI:

204—207, 386, 497, *530, 550;* т. XII: 361—363, 528.

Рамлер Карл (1725—1798) — немецкий поэт — т. XI: 18.

Ранке Леопольд (1795—1886) — немецкий реакционный историк, в 1825—1872 гг. профессор Берлинского университета — т. XI: 418.

Раппо — т. X: 332.

Расин Жан (1639—1699) — т. XI: 98; т. XII: 218, *219.*

«Ифигения» — т. XII: 218, *219.*

Раух Христиан Даниэль (1777—1857) — немецкий скульптор — т. XI: 288.

Рафаэль Санти (1483—1520) — т. X: 335; т. XI: 47, 89, 188, 215, 276; т. XII: 266, 279, 288, 290.

«Мадонна» — т. XI: 47; т. XII: 266.

«Мадонна Альба» — т. XI: 276.

«Форнарина» — т. XI: 89.

Рахманова Елена Сергеевна (1835—1916) — дочь декабриста С. Г. Волконского — т. XII: 564.

Рашель Элиза (1821—1858) — французская драматическая актриса — т. X: 361, 362, 378, *639.*

Редсток Гренвиль (1831—1913) — лорд, английский проповедник-евангелист, приезжавший в 1873 и в 1876 гг. в Россию — т. XII: 512.

Рейе Пьер-Франсуа-Олив (1793—1867) — парижский врач — т. XII: 79.

Рейхель Марья Каспаровна (1823—1916), урожд. Эрн — воспитательница детей А. И. Герцена; до конца жизни Герцена была его близким другом — т. XII: 88, 240, *242.*

Рембрандт Герменс ван Рейн (1606—1669) — т. XI: 215.

Ренан Эрнест-Жозеф (1823—1892) — французский историк христианства, филолог и философ-идеалист — т. XII: 539, *540.*

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — т. XII: 572.

«Бурлаки» — т. XII: 572.

Ретчер Генрих-Теодор (1803—1871) — немецкий драматург и теоретик в области эстетики, гегельянец — т. XI: 38.

Решетников Федор Михайлович (1841—1871) — писатель — т. X: 308; т. XII: 384, 397, 400.

Ржевский Владимир Константинович (1811—1885) — публицист, сотрудничал в «Русском вестнике» Каткова; чиновник министерства внутренних дел и финансов — т. XII: 28, *30.*

Ривс — критик, сотрудник журнала «Эдинбургское обозрение» — т. XI: 322.

Риль Вильгельм-Генрих (1823—1897) — немецкий писатель, профессор Мюнхенского университета — т. XII: 307, *309.*

Ристори Аделаида (1821—1906) — итальянская актриса — т. X: 362.

Риттер Карл (1779—1859) — немецкий. географ — т. XI: 418.

Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — т. X: 369, 370; т. XII: 44, *46.*

Роденберг Юлий (1831—1914) — немецкий писатель, издатель-редактор журнала «Deutsche Rundschau» — т. XII: 420, *421.*

Рожe Гюстав-Ипполит (1815—1879) — французский певец — т. XI: 294, 296.

Роллина Шарль — переводчик произведений Тургенева на французский язык — т. XII: 457.

Рольстон — см. Ральстон Вильям.

Ронге Иоганн (1813—1887) — немецкий церковный и политический деятель, возглавлявший новокатолическое движение в Германии — т. XI: 290.

Россет — т. XII: 338, 340.

Россини Джоакино Антонио (1792—1868) — т. XI: 110, 280, 281, 292; т. XII: 42, *50, 54, 57, 175.*

«Вильгельм Телль» («Карл Смелый») — т. XI: 280, 282, *518.*

«Золушка» — см. «Ченерентола».

«Музыкальные вечера» — т. XI: 110.

«Севильский цирюльник» — т. XI: 110; т. XII: 52, 54, *57,* 174, *175.* Фигаро — т. XII: 174, *175.*

«Семирамида» — т. X: 268; т. XI; 110; т. XII: 47, *50.*

«Сорока-воровка» — т. XI: 280, 282.

«Ченерентола» — т. XII: 56, *57,* 60.

Ростовцев Николай Яковлевич (1831—1897) — т. X: 347, *635;* т. XI: *554, 555;* т. XII: 296, 310.

Ростопчин (Rastopchine) Федор Васильевич (1763—1826) — государственный деятель; в 1812—1814 гг. военный губернатор Москвы — т. XI: 210, 211; т. XII: 422.

Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858) — поэтесса — т. X: 269; т. XII: 106, 144, *145.*

«Ты не люби его» — т. XI: 106.

Ротчев Александр Гаврилович (1813—1873) — журналист и переводчик — т. XI: 9.

Ротшильд Соломон (1774—1855) — банкир, глава парижского отделения банкирского дома Ротшильдов — т. XII: 88, 235.

Рубини Джованни-Баттиста (1795—1854) — итальянский певец — т. X: 297; т. XI: 117.

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — т. XII: 354.

Рупп Юлиус (1809—1884) — немецкий теолог — т. XI: 287.

«Русская беседа» — журнал, выходивший в Москве в 1856—1860 гг. под ред. А. И. Кошелева, с 1859 г. и И. С. Аксакова — т. X: 343; т. XII: 201, *214, 224,* 225, 228, *229,* 231, 260, *261,* 311, *312.*

«Русская мысль» — журнал либерального направления, издававшийся в Москве в 1880—1918 гг. — т. XII: 558, 573, 574.

«Русский архив» — ежемесячный исторический журнал, издававшийся либеральным историком П. И. Бартеневым с 1863 г. в Москве — т. XII: 380, 417.

«Русский вестник» — политический и литературный журнал, основанный в Москве в 1856 г. М. Н. Катковым; с 1860-х годов — орган крайней реакции — т. X: 347; т. XI: 332, *491, 524, 531;* т. XII: 192, 201, *214,* 228, *229,* 231, 243, 249—*251,* 260, 272, 274, 296, *309,* 311, 326, *330,* 335, 341, 344, 350, 359, 366, 372, *374,* 383, *384,* 389, 395, 400, 405, 446, *489,* 520.

«Русский инвалид» — т. XII: 181, *182.*

«Русское слово» — ежемесячный журнал, выходивший в 1859—1866 гг. в Петербурге; с 1861 г. журнал демократического направления. Одним из главных сотрудников журнала был Д. И. Писарев. Закрыт в 1866 г. по распоряжению правительства — т. XII: *246,* 308, 343, 348, *349.*

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — т. XI: 19; т. XII: *211,* 273.

Рюрик (ум. в 879 г.) — по преданию, первый русский князь — т. XI: 422, 428.

Саади (1184—1291) — персидский поэт — т. XII: 165.

Савина Мария Гавриловна (1854—1915) — драматическая актриса — т. XII: 553, 555.

Сад де, Донатьен (1740—1814) — маркиз, французский писатель, автор порнографических романов — т. XII: 559.

«Tourments et supplices» («Муки и истязания») — т. XII: 559.

Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — драматический актер — т. XII: 231.

Сакс Ганс (1494—1576) — немецкий поэт — т. XI: 17.

Салаев Федор Иванович (1820—1879) — московский книгопродавец, издатель — т. XII: 368, 381, 389, 391, *392,* 399, 403, 410, *412,* 419.

Салиас де Турнемир Елизавета Васильевна (1815—1892), псевдоним Евгения Тур — писательница — т. XI: 118, 120, 121, 124—127, 130—132, 134—136, *484, 485;* т. XII: 101, *102,* 103, *104,* 107, 129—131, 340, 341—343, 345.

Саллюстий Гай Криспус (86—35 до н. э.) — римский историк — т. XII: 236, 239.

«Салон» — беллетристический журнал, издававшийся в Берлине Роденбергом и Доомом в 1867—1874 гг. — т. XII: 420, 421.

Салтыков-Щедрин (Saltykoff-Stchedrine) Михаил Евграфович (1826—1889) — т. X: 307, *624;* т. XI: 195, 196, 199—203, *495—497, 512, 523;* т. XII: 271, 328, *416, 426,* 435, 436, 447, 448, *454,* 468, *469,* 472, 479, 480—487, 548, 559, 560, 563, 564.

«Господа Головлевы» (гл. «По-родственному»), Арина Петровна — т. XII: 481, 484, *486.*

«Господа ташкентцы» — т. XII: 447, *448.*

«Губернские очерки», «Scencs of provinciallife». «Gubernskie ocherki» — т. XI: 200, 202.

«Дневник провинциала в Петербурге» — т. XII: 447, *448.*

«Жених» — т. XII: 286, 287.

«История одного города», «History of a town» — т. XI: 200—203, *496;* т. XII: 435, *436.*

«Иудушка Головлев» — т. XII: 480, *481.*

«Непочтительный Коронат» — т. XII: 482, *483.*

«Переписка императора Николая Петровича с Поль-де-Коком» — т. XII: 484, 486.

«Письма к тетеньке» — т. XII: 563.

«Семейный суд» — т. XII: 480, *481.*

«Современная идиллия» — т. XII: 563.

«История одного города»; Угрюм-Бурчеев, «Ugrium Burcheef» — т. XI: 202, 203.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — писатель-публицист и общественный деятель, один из видных представителей славянофильства — т. XI: 257, *510;* XII: 226.

Самойлова Надежда Васильевна (1818—1899) — водевильная актриса — т. XII: 99, *100.*

Санд Морис — Морис Дюдеван (1823—1889) — сын Ж. Санд, писатель и художник — т. XII: 83.

«Санкт-Петербургские ведомости» — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге в 1728—1917 гг. В 1851—1862 гг. редактировал газету А. А. Краевский — т. X: *632, 640;* т. XI: 193, 199, 339, 355, 368, 377, *475, 494, 495, 499, 520, 530, 536, 537, 538;* т. XII: 106, 108, 202, 213, 216, 256, 367, 369, 374, 389, 385, *386,* 399, 411, 413, 415, *416,* 419, 423—*426,* 431, *435,* 472, *473.*

Санхоньятон — древнефиникийский писатель — т. X: 187, *614.*

Сапожников Андрей Петрович (1795—1855), художник — т. XI: 278.

Сарданапал — т. X; 58, 72, *691.*

Сарду Викторьен (1831—1908) — французский драматург — т. X: 399.

Сахаров Иван Петрович (1807—1863) — этнограф, библиограф, археолог; собиратель русских сказок и пословиц — т. XII: 112, *114,* 141.

«Сказания русского народа» — т. XII: 112, *114.*

Светоний Гай Транквилл (р. ок. 70—160) — римский историк, автор «Жизнеописания двенадцати Цезарей» — т. XII: 236, 239.

Свифт Джонатан (1667—1745) — английский писатель-сатирик и общественный деятель — т. XI: 20, *496;* т. XII: 435.

«Северная пчела» — реакционная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1825 по 1864 г. под редакцией Греча (с 1831 г.) и Булгарина; была связана с III отделением — т. XI: 332, *526*—528, 530; т. XII: *105.*

Селиванов Илья Васильевич (1809—1882) — писатель, журналист — т. XII: 77.

Сенковский Осип Иванович (псевдоним Барон Брамбеус) (1800—1858) — реакционный журналист, беллетрист и издатель; редактор журнала «Библиотека для чтения» — т. X: 268, 281, 282, 295, *591, 622;* т. XI: 404, *547.*

«Большой выход у Сатаны» — т. X: 268, *622.*

Сервантес Мигуэль (1547—1616) — т. XI: 181, 182, 184, 188; т. XII: 415, *416.*

«Дон-Кихот» — т. XI: 168, 169, 181, 182, *494;* т. XII: 271, 415, *416;* Дульцинея — т. XI: 177; Дон-Кихот, Алонзо добрый — т. XI: 169—177, 179—181, 183—187, *490, 491, 493;* Санчо Панса — т. XI: 175, 176, 184, 187.

«Персилес и Сигизмунда» — т. XI: 182.

Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866) — революционный демократ, соратник Чернышевского и Герцена; сотрудник «Колокола» — т. XI: 459, 460, 462, *526, 559, 562.*

Сидней Джеррольд — переводчик рассказов И. С. Тургенева на английский язык — т. XII: 567, 568.

Синявский — коронный гетман Польши — т. XI: 85.

Сичес — брат Хоакины Гарсиа, матери Полины Виардо — т. XII: 47.

Сичес — жена предыдущего — т. XII: 47, 67, 82.

Сичес ди Менди Антония (р. в 1827 г.) — испанская певица, двоюродная сестра Полины Виардо. Преподавала пе-

ние в Брюссельской консерватории — т. XII: 47, 70, 90, *95.*

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — историк литературы, журналист; сотрудник «Отечественных записок» — т. XII: 487, 492.

Скайлер Евгений (1840—1890) — переводил произведения Толстого и Тургенева на английский язык — т. XII: *529,* 530.

«Складчина» — литературный сборник — т. XII: 453, *454.*

Скобелев Иван Никитич (1782—1849) — генерал, военный писатель. С 1839 г. — комендант Петропавловской крепости — т. X: 266, 269, *621.*

«Кремнев — русский солдат» — т. X: 266, *621.*

Скотт Вальтер, Walter Scott (1771—1832) — т. XI: 57, 210, 211; т. XII: *70.*

Скриб Эжен (1791—1861) — французский драматург—т. XI: 41, 143, 293; т. XII: 42, *43,* 60, *61.*

«Дидье, честный человек» — т. XII: 42, *43.*

Славин Александр (псевдоним Александра Павловича Протопопова; 1814—1866) — писатель — т. XI: 13, *477.*

Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878) — писатель — т. XII: 384.

Сливицкие — Мавра, Елизавета Тимофеевна и Иван Тимофеевич — орловские помещики, дальние родственники И. С. Тургенева — т. XII: 152, *153.*

«Слово» — т. XII: 520, *521.*

Смигельский — начальник саксо-польских войск в XVII в. — т. X: 85.

Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт, критик — т. XII: 339, 341, *342.*

Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — этнограф, профессор Московского университета; цензор — т. XII: 112, *114.*

«Русские простонародные праздники» — т. XII: 112, *114.*

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — писатель, библиограф — т. XII: 433.

«Современник» («Le Contemporain») — т. X: 263, 268, 302, 348, 352, 356, *592, 602, 607, 615, 621, 622, 624;* т. XI: 147, 148, 158, 225, 297, 313, 332, 333, 404, 414, 419, *480, 484, 491, 502, 503, 506, 508, 517, 519, 520, 522, 525—528, 535, 536, 557;* т. XII: *13,* 37, 41, 43—*46,* 56, *57, 76,* 85, *96,* 97, 100, *102,* 106, 112, 125—127, 133, 135, 136, 140, 147, 148, 166, *167,* 170, 172, 174, 176, 180, 181, *182,* 184, 189, *196,* 202, 205, 207, 211—217, 220—224, 227, 230, 239—*242,* 247—*251,* 262, 268, 277, 279, 289, 296, 297, 318, 327, 339, 344, 346—352, 390.

Соколов — поэт — т. XI: 106.

Сократ (469—399 до н. э.) — т. X: 189, *637;* т. XII: 82.

Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) — писатель; в 1840-х годах сотрудник «Отечественных записок» — т. XII: 197, 364, 480—482, 511, 512.

«Тарантас» — т. XI: 279.

Соловьев — поэт — т. XI: 106.

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, профессор Московского университета — т. XII: 141, *142,* 147, *148.*

Солянинов — знакомый А. Гончарова — т. XII: 305.

Сомова Варвара Васильевна, рожд. Ладыженская — писательница — т. XII: 546, 547.

Сорокин Евграф Семенович (1821—1892) — художник — т. XII: 279.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный деятель — т. XI: 250; т. XII: 385, 387.

Спешнев Николай Александрович (1821—1882) — участник кружка Петрашевского — т. XII: *340.*

Спиноза Барух-Бенедикт (1632—1677) — т. XI: 28, 352; т. XII: 28.

Сталь Анна-Луиза-Жермена (1766—1817) — французская писательница — т. X: *614;* т. XI: 98, *483.*

Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — младший брат Н. В. Станкевича, издатель его переписки; биограф Грановского — т. X: 313; т. XII: 101, *102.*

«Т. Н. Грановский» — т. X: 313.

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840) — т. X: 260, *595, 596, 601, 602;* т. XI: 227, 229—235, 418, *504—507, 519;* т. XII: 13, 15—21, *102,* 274, *275,* 280.

Стасюлевич Л. И. — жена М. М. Стасюлевича — т. XII: 494.

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, публицист и общественный деятель; в 1852—1861 гг. профессор Петербургского университета; в 1866—1908 гг. редактор-издатель журнала «Вестник Европы» — т. XI: 258, 395, *496, 499—501, 509, 511, 512, 515, 533, 534, 539, 541—543, 545, 546, 549, 567;* т. XII: *361,* 380, 381, 406, 421, 432, 472, *484,* 493—495, 497—*499,* 501—503, 505, 508—510, 526, 527, 533, 534, *536,* 544, 545, 548, 553, 561, *562,* 566, 569, *574.*

Степанов Николай Александрович (1807—1877) — художник — т. XI: 279, 280, *518.*

Степанова Мария Матвеевна (1813—1903) — первая исполнительница роли Антониды в опере Глинки «Жизнь за царя» — т. X: 268.

Степняк-Кравчинский — см. Кравчинский С. М.

Стерн Лоуренс (1713—1868) — английский писатель — т. XII: 67.

Стеффенс Хенрик (1773—1845) — немецкий философ, естествоиспытатель и писатель — т. XI: 287.

Стечькина Любовь Яковлевна (1851—1900) — писательница — т. XII: 523—526, 534, 539, 566, *567*.

«Кривые деревья» — т. XII: 523—526, 534, 539, 566, *567*.

Стифен А. — англичанин, переводчик — т. XI: 386, 387, *540*.

Столевский — т. XII: 273.

Столыпин Алексей Аркадьевич (1816—1858) — приятель Лермонтова, известный под именем «Монго» — т. XII: 338, 340.

«Страна» — т. XII: 551, *552*.

Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — философ-идеалист, литературный критик; сотрудник славянофильских журналов «Время», «Заря» — т. XII: 413, *435, 437*.

Стольбер — см. Штольберг Августа.

Строцци Пьер (ум. в 1558 г.) — французский маршал — т. X: 253, *617*.

Строцци (Стродзи) Филиппо (1488—1538) — политический деятель Флоренции — т. X: 250—253, *615—617*.

Строцци Филипп (1541—1583) — французский адмирал, внук Ф. Строцци — т. X: 253, *617*.

Струговщиков Александр Николаевич (1808—1877) — поэт и переводчик — т. X: 301, *630;* т. XII: 214 *215*.

Струсберг — т. XII: 481.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, в 60-е годы сотрудник «С.-Петербургских ведомостей»; с 1876 г. редактор-издатель реакционной газеты «Новое время» — т. XI: 266, *514, 516;* т. XII: 374, *375,* 471—473, 476—478, 489—*491*.

«Недельные очерки и заметки» — т. XII: 374, *375,* 489, *491*.

«Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок»; кн. I — т. XII: 477, *778*.

Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882) — внук А. В. Суворова; с 1861 г. — петербургский военный генерал-губернатор — т. XI: 457, *562*.

Суетоний — см. Светоний.

Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — т. XI: 56, 189.

Сури Жюль-Огюст (1842—1915) — французский философ, историк религии — т. XII: 538.

Суриков Василий Иванович (1848—1916) — т. XII: 575.

Сухово-Кобылина Софья Васильевна (1825—1865), рожд. графиня Салиас — т. XII: 103, *104*.

Сушков — поэт — т. XI: 106. 110.

Сюзор де, Жан или Юлий Симеонович (1809—1889) — преподаватель французского языка в Смольном институте в Петербурге — т. XI: 283.

Таганцев—см. Тарханов И. Р.

«Таймс» — английская ежедневная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1785 г. — т. X: 80; т. XI: 371, 432; т. XII: 322.

Талейран Шарль-Морис (1754—1838) — французский политический деятель и дипломат — т. XII: 305.

Тальони Мария (1804—1884) — балерина — т. XI: 289.

Тенирс, Давид Младший (Таньер) (1610—1690) — фламандский художник — т. XI: 26; т. XII: 97.

Тарханов Иван Романович (1846—1908) — ученый-физиолог, профессор Медико-хирургической академии — т. XII: 535, *536.*

Тассо Торквато (1544—1595) — т. X: 254, *617;* т. XII: *163.*

«Освобожденный Иерусалим» — т. X: 254, *617;* т. XII: *163.*

Татаринов Л. И. — охотник — т. XI: 152.

Тацит Корнелий (ок. 55— ок. 120) — древнеримский историк — т. XII: 236, 239.

Теккерей Вильям Мэкпис (1811—1863) — т. XI: 322, 325, 367.

«Ярмарка тщеславия» — т. XI: 130, 325; Осборн — т. XI: 130, Джордж Седлей — т. XI: 130.

«Телескоп» — журнал, издававшийся в 1831—1836 гг. в Москве Н. И. Надеждиным; прекращен за опубликование «Философического письма» П. Я. Чаадаева — т. X: 274, 275, 313, *626, 627.*

Темплы — английская аристократическая семья — т. XI: 323.

Теолон Эмманюель (1787—1841).

«Отец дебютантки» — т. XII: 48, *50.*

Тёпфер Рудольф (1799—1846) — швейцарский писатель — т. XII: 67.

Терещенко Александр Власьевич (1806—1865) — этнограф и археолог, собиратель русского фольклора — т. XII: 112, *114.*

«Быт русского народа» — т. XII: 112, *114.*

Тешен — княгиня, рожд. графиня Любомирская — т. XI: 85—88, 96.

Тиверий (Тиберий) (42 до н. э. — 37 н. э.), в 14—37 гг. н. э. — римский император — т. X: 471, 478, 480, 489.

Тик Фридрих (1776—1851) — немецкий скульптор — т. XI: 288.

Тимашев-Беринг Алексей Александрович (1812—1872) — генерал-майор; с 1845 по 1849 г. полицмейстер в Москве, в 1851—1854 гг. вице-губернатор, с 1854 по 1857 г. обер-полицмейстер в Москве — т. XII: 292.

Тимашев Александр Егорович (1818—1893) — генерал-адъютант; с 1856 г. — управляющий III отделением. В 1867—1877 гг. — министр внутренних дел — т. XII: 513, *514.*

Тимофеев Алексей Васильевич (1812—1883) — поэт, драматург, сотрудник «Библиотеки для чтения» — т. X: 269.

Тира де Мальмор — врач — т. X: 304; т. XII: 38, *39.*

Титов Владимир Павлович (ок. 1805—1891) — дипломат, член Государственного совета. В конце 1850-х годов — воспитатель сыновей Александра II — т. XII: 301.

Ткачев Петр Никитич (1844—1885) — революционер-народник, литературный критик и публицист — т. XI: 469, *470.*

Толстая Варвара Валерьяновна (1850—1921) — племянница Л. Н. Толстого — т. XII: 175, *176,* 234, *235.*

Толстая Марья Николаевна (1830—1912) — сестра Л. Н. Толстого — т. X: 109; т. XII: 172—176, 180, *181,* 187, 188, 192—194, 206, *207,* 210, 211, 233—*235,* 247, 248, 250, *251,* 253, 254—256, 261, 281, 284—288, 296, 300, 319.

Толстая Софья Андреевна (ум. в 1895 г.), по первому мужу Миллер,— с 1857 г. жена поэта А. К. Толстого — т. XII: 161—163, 391; *392.*

Толстая Софья Андреевна (1844—1919) — жена Л. Н. Толстого — т. XII: 531, *565,* 575, 580.

Толстой Александр Петрович (1801—1873) — генерал-лейтенант, обер-прокурор синода — т. X: 315; т. XII: 106, *107.*

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, драматург и романист — т. XI: 258—260, *511—513;* т. XII: 161, *163,* 245, 389, *390, 392.*

«Князь Серебряный» — т. XI: 259.

«Козьма Прутков» — т. XI: 259.

«Смерть Иоанна Грозного» — т. XI: 259.

«Царь Федор Иоаннович» — т. XII: 389, *390.*

Толстой Валерьян Петрович (1813—1865) — муж М. Н. Толстой, сосед Тургенева по имению — т. XII: 172, 173, 175, *176,* 188, 254, 256.

Толстой Лев Николаевич (Léon Tolstoï) (1828—1910) — т. X: 109, 307, 355, *607, 645;* т. XI: 194, 209—211, 234, 345, 361, 383—385, 411—414, *476, 498, 503, 506, 523, 554;* т. XII: *126,* 127, 159, 168, *170,* 172, 173, 174, 176, *182—184,* 188—191,

193—197, *199,* 202, 205—207, 210, 211, 213—*215,* 219, *226,* 232—235, 239, *240,* 245, 246, 248—255, 261—263, 268, *270—275,* 281, 284—*288,* 291, 294—296, *297,* 299—301, *305,* 314, 316, 319—*321,* 331, 332, 350—*352,* 354—358, 360, 362, 384—383, 391, 397, 400, 411, 412, 429—431, 435, 436, *437,* 455, 456, 477, 489, 500, *501,* 525, 528—531, 535, 536, 541, 542, 546, 557, 558, 564, 565, 574, 575, 580.

«Альберт» — т. XII: 295, *296,* 300, 301.

«Анна Каренина» («Anna Karenina») — т. XI: 385, 412, 414; т. XII: 477, 489, *536.*

«Война и мир» («La guerre et la paix») — т. X: 355, *636;* т. XI: 209—211, 383—385, 411, 412, 413, 414, *475, 476, 498;* т. XII: 356—360, 385—388, 391, *392,* 393, 411, 423, *424,* 429, *430—*432, 528, 542, *543;* Алпатыч — т. XII: 391; княгиня Болконская — т. XII: 386; Денисов — т. XII: 360; Наташа — т. XII: 391.

«Воспоминания» — см. «Детство. Отрочество».

«Два гусара» («Deux hussards») — т. XI: 383—385, 540.

«Детство. Отрочество» («Enfance et adolescence») — т. XI: 194, 383, 384, 412, 414; т. XII: 124, *126,* 159, 168, 170, 172—174, 176, 188, 262, 269, 350, *536.*

«*Исповедь*» — т. XII: 558, 575.

«Казаки» — т. XI: 345, 384, 385, 412, 414; т. XII: 211, *212,* 214, *215,* 287, *288,* 350—*352,* 358, 456, 528—530, 536. Оленин — т. XII: 351.

«Люцерн» — т. XII: 281, 287, *288.*

«Метель» — т. XII: 202.

«Набег» («L'incursion») — т. XI: 412, 414.

«Поликушка» — т. XII: 354, *355.*

«Роман русского помещика» — т. XII: 197, 199.

«Рубка леса» («La coupe de bois») — т. XI: 412, 414; т. XII: *184,* 193.

«Севастопольские рассказы» — т. XI: 383, 384.

«Севастополь в декабре месяце», «Sébastopol en décembre» — т. XI: 412, 414; т. XII: 181, *182,* 183, 189, *190.*

«Севастополь в мае» «Sébastopol en mai» — т. XI: 412, 414.

«Три смерти» — т. XII: 456, *536.*

«Утро помещика» — т. XII: 269.

«Юность» — т. XII: 197, *199,* 211, 214, *215,* 234, 239, *240,* 245, 247.

Толстой Николай Николаевич (Nicolas) (1823—1860) —

старший брат Л. Н. Толстого, писатель — т. X: 109, *607;* т. XI: 411, 413; т. XII: 194, *195,* 211, *212,* 214, *215,* 233, 235, 254—*256,* 262, 285, 287, *288,* 296, 300, 316, 319, *320.*

«Охота на Кавказе» — т. XII: 211, *212,* 214, *215,* 287, *288.*

Толстой Петр Андреевич (Pierre Tolstoï) (1645—1729) — государственный деятель — т. XI: 411, 413.

Толстой Федор Петрович (1783—1873) — художник, вице-президент Академии художеств — т. X: 269.

Тома Клеман (1809—1871) — французский генерал и государственный деятель; в 1848 г. — комиссар департамента Жиронды. Расстрелян коммунарами в 1871 г. — т. XII: 74, 75.

Топоров Александр Васильевич (1831—1887) — доверенное лицо И. С. Тургенева по литературным и издательским делам — т. XII: 473, 507, 561.

Тёпфер — см. Тёпфер.

Торвальдсен Бертель (1770—1844) — датский скульптор — т. XI: 278.

Траян (53—117) — римский император — т. XII: 307.

Траверсе де Николай Александрович (1829—1864) — чиновник особых поручений в государственном контроле. В 1862 г. ездил в Лондон для свидания с Герценом и Бакуниным — т. XI: 461, 464, *559.*

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769) — поэт, переводчик, теоретик литературы; профессор элоквенции Академии наук — т. XII: 532.

Трифонов Никифор (1738—1825) — священник села Белыни Пензенской губернии, дед В. Г. Белинского — т. X: 274.

Тропман Жан-Батист (1849—1870) — т. X: 395, 398—404, 406—418, *640;* т. XII: 425, *426.*

Трошю Луи-Жюль (1815—1896) — французский генерал и государственный деятель; военный губернатор Парижа (1870—1871), саботировавший оборону города, осажденного немецкими войсками — т. XI: 367, 369.

Трубецкая Екатерина Николаевна (1840—1885) — дочь кн. Н. И. Трубецкого — т. XII: 298.

Трубецкой Николай Иванович (1807—1874) — т. XII: 224, 260, *261, 379.*

Тур Евгения — см. Салиас де Турнемир Е. В.

Тур З. В. — поэт — т. XII: 250, *251.*

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — писатель, археограф; в молодости член общества «Арзамас», друг Ка-

рамзина, Вяземского и Пушкина — т. XI: 249, 251, 256.

Тургенев Альберт Николаевич (1843—1892) — старший сын Н. И. Тургенева, юрист — т. XI: 251.

Тургенев Андрей Иванович (1781—1803) — поэт; чиновник московской архивной коллегии иностранных дел — т. XI: 249.

Тургенев Иван Иванович — т. XI: 249.

Тургенев Иван Петрович (1752—1807) — директор Московского университета — т. XI: 249.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883).

«Андрей» — т. XII: 36, 460, *461.*

«Ася» — т. XII: *95,* 277, 286, *288,* 296—299.

«Бреттёр» — т. X: 310.

«Бригадир» — т. XII: 367—369, 370, 380, *381.*

«Вечер» — т. X: 263, *592, 621.*

«Вечеринка» — т. XII: 79, 85, 87.

«Вешние воды» — т. XI: 381; т. XII: *443,* 568.

«Воспоминание о славянофилах» — т. XII: 407.

«Воспоминания о Белинском» — т. XI: 355, *535, 536;* т. XII: *38, 371,* 402—404, 405, *406,* 408, 413, *414,* 423, *424.*

«Встреча» — т. XII: 33, *34.*

«Гамлет и Дон-Кихот» — т. XI: 332; т. XII: 214, *215,* 221, 297, *298.*

«Где тонко, там и рвется» — т. XII: 52, *54.*

«Гувернантка» («Компаньонка») — т. XII: 85, 86.

«Два помещика» — т. XII: 95, 96.

«Два поколения» — т. XII: *86,* 110, *111,* 120, *121,* 130, *131,* 134, 135, *137,* 142, 146—148, 150, *151,* 154, 155, *163,* 164, *166,* 192.

«Два приятеля» — т. XII: 399, 421, *422;* Вязовнин — т. XII: 399, 422.

«Дворянское гнездо» — т. X: 349; т. XI: 403, 404, 407; т. XII: 214, *215,* 216, *219,* 221, 227, *229,* 297, *298,* 304, *306,* 307, *309,* 463; Лаврецкий — т. X: 349; Паншин — т. X: 349.

«Дневник лишнего человека» — т. XII: 76, 78, 79, 84—86.

«Довольно» — т. XII: 526.

«Дым» — т. X: 351, *485, 618;* т. XI: 341, 342, 403, 408, *524, 531, 532, 548;* т. XII: *261, 348,* 364—366, 368—376, 378, 382, 385, *516;* Ворошилов — т. XII: 385; Губарев — т. XII: 371—373, 384; Ирина — т. XII: 369, *370;* Литвинов — т. XII: 374, 376—*378;* Осинин — т. XII: 369, *370;* Потугин — т. XI: 341, *531;* т. XII: 372,

376, 379, 408; Ратмиров — т. XII: 382.

«Завтрак у предводителя» — т. XII: 99, *100,* 207, *208.*

«Записка о Н. В. Станкевиче» — т. XII: 18.

«Записки охотника», «Mémoires d'un seigneur Russe» — «Записки русского барина» — т. X: 261, 262, 302, *618, 631, 641;* т. XI: 306, 307, 309, 381, 419, *520, 521, 523, 549, 566;* т. XII: *39, 43, 46, 54, 96, 97,* 102—*104,* 110—112, *114,* 115, 118—*121, 123,* 130—132, *134,* 138, 152, *153,* 157, 159, 168, 170, 202, 205—*208,* 217, *219,* 228, 243, 298 304, 349, 352, 443—445, 453, 460, 463, 502; «Бежин луг» — т. XII: 101, *102;* «Бурмистр» — т. XII: 38, *39,* 44, *46;* «Два помещика» — т. XII: 95, *96;* «Ермолай и мельничиха» — т. X: 310, *641;* «Живые мощи» — т. XI: 381; т. XII: 454, 457; «Землеед» — т. XII: 443, 444; «Касьян с Красивой Мечи» — т. XII: 100, *102, 119;* «Конец Чертопханова» — т. XI: 381; т. XII: 444, 445; Чертопханов — т. XII: 443, 445; «Контора» — т. XII: 38, *39,* 44, 46; Любозвонов — т. XII: 131, *133;* «Незадача» — т. XII: 443; «Певцы» — т. XII: 97, *99;* «Приметы» — т. XII: 443; «Русский немец и реформатор» — т. XII: 443; «Стучит» — т. XI: 381; т. XII: 472, *474;* «Хорь и Калиныч» — т. X; 302, 310, 311, *602;* т. XI: *419;* т. XII: 132, *134.*

«Затишье» — т. XI: 314.

«Зимняя прогулка» — т. XII: 33, *34.*

«Из-за границы. Письмо первое» — т. XII: 283.

«Искушение святого Антония»—т. XII: 27, 30, 32—34.

Аннунциата — т. XII: 30—32.

«История лейтенанта Ергунова» — т. XII: 364 — 366, 407—*409,* 427.

«Клара Милич» («После смерти») — т. XII: 561, 567, 569, *570.*

«Компаньонка» — см. «Гувернантка».

«Литературные и житейские воспоминания» — т. XI: 194, 381, 407, *475, 497, 499, 502, 506, 507, 529, 539, 548, 550;* т. XII: *281, 319, 392, 396,* 414, 417, 419, 473, *474,* 485, *486.*

«Маскарад» — т. XII: 37, *38,* 45, *46.*

«Месяц в деревне» («Две женщины», «Студент») — т. XII: 79, 85, 95, *96,* 99, *100, 111,* 176, 391, *392.*

«Муму» — т. XII: 112, *114,* 130, *131—134,* 203.

«Накануне» — т. X: 348; т. XI: 403, 404, 406, *476,*

491, 492, 503, 528, 547, 548; т. XII: 307, *309,* 311—*313,* 463; Елена — т. XI: 406, *503.*

«На станции» — т. XII: 29, *30.*

«Наум» — т. XII: 135, 138.

«Нахлебник» — т. XII: 63, *64,* 76—*79, 111,* 212—215, 221, 328, *329,* 332, *541;* Егор — т. XII: 541; Елецкий — т. XII: 77, *78,* 540, 541, Кузовкин — т. XII: *64,* 77, *78;* Тропачев — т. XII: 77.

«Наш век» — т. XII: 12.

«Наши послали» — т. XI: 381; т. XII: *75, 235, 465.*

«Недолгая любовь» — см. «Андрей».

«Несчастная» — т. XII: 395, *396,* 400, *401,* 406, 407, *409.*

«Новь» — т. XI: 403, 408, *545, 546, 548, 565;* т. XII: 445, *447,* 464, *465, 485, 486,* 489, 494—502, 504—506, 508—*510, 512—514;* Калломейцев — т. XII: 494; Марианна — т. XII: 509, 511, 512; Маркелов — т. XII: 498, 505; Нежданов — т. XII: 495, 498, 505, 512, 513; Павел — т. XII: 493; Сипягин — т. XII: 495; Соломин — т. XII: 495, 498, 500, 506; Фимушка — т. XII: 497, 505; Фомушка — т. XII: 497, 505.

«О соловьях» — т. XII: 164, *166.*

«Отцы и дети» — т. X: 346—348, 350, 352, 353, *618, 634, 636;* т. XI: 396, 403, 407, 408, 455, *548, 560, 565;* т. XII: 318—321, 324—*330,* 333—338, *342,* 343, 346, 347, 352, 377, 421, 422, 463, 485, 502; Отец Алексей — т. X: 349; Аркадий — т. XII: 335, 338, 340—*342,* 376—*378;* Базаров — т. X: 346—352, *634, 635;* т. XI: 408; т. XII: 324, 325, 334—*336,* 338—344, 352, 376, *378,* 419, 423, *453,* 462, 465, 466, 485; Кирсанов Николай Петрович — т. XII: 340, 342, 343; Кирсанов Павел Петрович — т. XII: 325, 338—340, 343; Кукшина — т. XII: 340; Одинцова — т. X: 352; т. XII: 325, 338, 340, 341; Феничка — т. XII: 338.

«Отчаянный» — т. XII: 553.

«Параша» — т. X: 259, 276, *592, 594, 611;* т. XI: 238, 239, 418, *507;* т. XII: 419, 460.

«Первая любовь» — т. XII: 313.

«Перепелка» — т. XII: 565, 575.

«Переписка» — т. XII: 87, 133, *134,* 181, *182,* 201.

«Петр Петрович Каратаев» — т. X: 310, *594.*

«Петушков» — т. XII: 45, *46;* Василиса — т. XII: 45.

«Письмо из Петербурга», — см. «Статья о кончине Гоголя».

«Повесть старика» — т. XII: 12.

«Повести и рассказы» — т. XI: 314, *523;* т. XII: 202, *203,* 225, *226,* 228, 239, *240,* 241, 249, 250, *251,* 256, *267.*

«Поездка в Альбано и Фраскати» — т. XI: 381.

«Поездка в Полесье» — т. XII: 215, 222, *224,* 227, *229,* 243, 267, 269, 270, *272,* 293, *294.*

«Помещик» — т. XI: 279, *518;* т. XII: 36, 298.

«По поводу «Отцов и детей» — т. XII: 407, 421, 422, 423, 426, *428,* 485, *486.*

«Постоялый двор» — т. XII: 129—*131,* 132—135, 138—*142,* 144, 150, 152, *153,* 156, *157,* 176, 201, 550, *551;* Аким — т. XII: 136; г-жа Кунце — т. XII: 136.

«Призраки» — т. XII: *251, 272,* 330, 333—335, 342, *343,* 427.

«Провинциалка» — т. XII: 99, *100.*

«Пунин и Бабурин» — т. XI: 381; т. XII: *465,* 473, 477, 568.

«Разгадка» — т. XII: 399.

«Разговор» — т. XII: 35.

«Разговор на большой дороге» — т. XII: 95, *96.*

«Речь о Пушкине» — т. XII: 549, 550.

«Рудин» — т. XI: 235, 403, 404, 406, 407, *505;* т. XII: *107,* 179, 181, 182, 184, *187—190,* 192, 195, *196,* 198, *199,* 201, 202, *226, 320,* 463; Наталья — т. XII: *107,* 187; Покорский — т. XI: 235, *505;* Рудин — т. X: 347; т. XII: *107,* 187, *202,* 319.

«Рыбаки» — т. XII: 30, *32.*

«Семейство Аксаковых и славянофилы» («Славянофилы и семейство Аксаковых») — т. XI: 381, *539.*

«Славянофильство и реализм» — т. XII: 45, *46.*

«Сон» — т. XII: 12.

«Старые портреты (Отрывки из воспоминаний своих и чужих)» — т. XII: *390,* 548, *549,* 551, *552.*

«Старый дуб» — см. «Вечер».

«Статья о кончине Гоголя» — т. XI: 419, *549;* т. XII: 106—*108.*

«Стено» («Стенио») — т. X: 263, *591, 592, 621, 643;* т. XII: 12, *13.*

«Степной король Лир» — т. XII: 215, 409, *410,* 432, *433,* 434; Анна — т. XII: 409; Евлампия — т. XII: 409; Слеткин — т. XII: 409; Харлов — т. XII: 409.

«Стихотворения в прозе» — т. XII: 561, *562,* 568, 569; «Нашим народникам» — т. XII: 561, *562;*

«Порог» — т. XII: 561, *562.*

«Странная история» — т. XII: 420, 421, 423, *424,* 427; Софи — т. XII: 423, 427.

«Студент» — см. «Месяц в деревне».

«Стук-стук» — т. XII: 463, 504.

«Стучит» — т. XII: 472, *474.*

«Фантасмагория в летнюю ночь» — т. XII: 12.

«Фауст» — т. XII: 208, *209,* 211—215, 217, 221, 222, *226,* 227, *229,* 234, 239, *240,* 246, 249, *251,* 254, 255, 261.

«Холостяк» — т. XII: 78, *79,* 553, *554.*

«Часы» — т. XII: 482, *483.*

«Человек в серых очках» — т. XII: *235, 538—540.*

«Шарф» — т. XII: 103, *104.*

«Школа гостеприимства» — т. XII: 180, 181.

«Штиль на море» — т. XII: 12.

«Яков Пасынков» — т. XI: 314; т. XII: *176.*

Тургенев Михаил Алексеевич (р. в 1829 г.) — т. XII: 318, *319.*

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — экономист, декабрист; с 1826 г. — эмигрант, заочно приговорен к смертной казни; в 1857 г. получил разрешение вернуться на родину — т. XI: 248—257, *509—511;* т. XII: 322, 328, 349.

«Взгляд на дела России» — т. XI: 253.

«Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян» — т. XI: 252.

«Записка 1819-го года» — т. XI: 253.

«La Russie en présence de la crise Européenne» («Россия и современный Европейский кризис») — т. XI: 252.

«La Russie et les Russes» («Россия и русские») — т. XI: 251, 252.

«Нечто о крепостном состоянии в России» — т. XI: 250.

«О новом устройстве крестьян» — т. XI: 253.

«Опыт теории налогов» — т. XI: 250, 252.

«О разноплеменности населения в русском государстве» — т. XI: 253.

«О силе и действии рескриптов 20 ноября 1859» — т. XI: 252.

«О суде крестьян и о судебной полиции в России» — т. XI: 252.

«Ответ Е. Ковалевскому и на статью в «Инвалиде» — т. XI: 253.

«Пора!» — т. XI: 252.

«Русский заграничный сборник» — т. XI: 253.

«Чего желать для России?» — т. XI: 252, 253.

«Un dernier mot sur l'émancipation des serfs» («Последнее слово об освобождении крепостных») — т. XI: 253.

Тургенев Николай Николаевич (1795—1881) — дядя И. С. Тургенева, отставной военный — т. XII: *9—11,* 92, *95,* 114, *116,* 164, *165,* 188, 233, 276 287, 311, *312,* 314, 318, 359, 367, *368,* 369, 387, 391, 392—*394,* 410, 437, *438.*

Тургенев Николай Сергеевич (1816—1879) — старший брат И. С. Тургенева — т. X: 110, *603;* т. XI: 417, 418; т. XII: 9, 11, 28, *30,* 36, 266, *267,* 387, 392, 393, 534.

Тургенев Петр Николаевич (1853—1912) — младший сын Н. И. Тургенева, скульптор — т. XI: 251.

Тургенев Сергей Иванович (1791—1827) — младший брат Н. И. Тургенева; воспитанник Геттингенского университета; советник при константинопольской миссии — т. XI: 249, 251.

Тургенев Сергей Николаевич (1793—1834) — отец И. С. Тургенева — т. X: 106, 331; т. XI: 417, 418, *549;* т. XII: 10, 92, *94,* 164, 459—*461,* 477.

Тургенев Сергей Сергеевич (1821—1839) — младший брат И. С. Тургенева — т. XI: 417; т. XII: 9—11.

Тургенева Анна Николаевна — внебрачная дочь Н. Н. Тургенева — т. XII: 91—93, *95.*

Тургенева Анна Семеновна — жена Н. Н. Тургенева. — т. X: 106; т. XII: 187, *188,* 191.

Тургенева Анна Яковлевна (ум. в 1872 г.) — жена Н. С. Тургенева — т. XII: 393, 534.

Тургенева, рожд. Лутовинова, Варвара Петровна (1787—1850) — мать И. С. Тургенева — т. X: 326, 580, 582, *600, 641;* т. XI: 417, *549;* т. XII: 35, 85, *86, 92, 95, 153,* 164, 460, 477.

Тургенева Екатерина Семеновна (ум. в 1824 г.) — мать Н. И. Тургенева — т. XI: 249.

Тургенева Ольга Александровна (1836—1872) — дочь А. М. Тургенева — т. XII; *175,* 192, 280, 281.

Тургенева Пелагея (Полина) Ивановна (р. в 1842 г.) — дочь И. С. Тургенева и Е. И. Ивановой — т. X: 106; т. XI: 452; т. XII: 90, *95,* 98, 119, 218, *219, 226,* 233, *235,* 298, 318, *339,* 346, 353, 355, 359, 387, 440, 468.

Тургенева Фанни, Александра Николаевна (1835—1890) — дочь Н. И. Тургенева — т. XI: 251; т. XII: 328, *329.*

Тургенева Клара (1814—1891), рожд. Виарис, с 1833 г. — жена Н. И. Тургенева — т. XI: 251.

Турэ Антоний—Турэ Шарль-Жильбер (1795—185?); после

революции 1848 г. назначен временным правительством комиссаром в Альбе — т. X: 377.

Тучковых семья — т. XII: 66, *70.*

Тюркети Эдуард (1807—1867) — французский поэт — т. X: 122, *609, 610.*

Тютчев Николай Николаевич (1815—1878) — приятель Тургенева, в 1840-х годах — участник кружка Белинского. В 1852—1853 гг. взял на себя управление имениями И. С. Тургенева — т. XII: 98, 116, 117, 122, 162, *163, 165.*

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — т. X: 341, *605, 630;* т. XI: 160, 163—167, 408, 489, 490; т. XII: 95, 97, 167, *288,* 316, 360, *361, 374,* 375, *379.*

«Дым» — т. XII: 378, *379.*

«Наполеон» — т. XI: 167.

«Пошли, господь, свою отраду...» — XI: 167.

Тютчева Александра Петровна (1822—1887) — с 1844 г. жена Н. Н. Тютчева — т. X: 308, *630;* т. XII: 98, 116, 117, 122, 162.

Тютчева Анастасия Николаевна (р. в 1811 г.) — двоюродная сестра поэта Ф. И. Тютчева — т. XII: 399.

Тютчева Анна Федоровна (1829—1889) — дочь поэта Ф. И. Тютчева, с 1866 г. жена И. С. Аксакова, фрейлина при дворе Александра II — т. XII: 373, *374.*

Тютчева (ум. в конце 1838 г.), рожд. графиня Ботмер, — с 1826 г. жена поэта Ф. И. Тютчева — т. X: 587.

Тютчева Эрнестина Федоровна (1810—1894) — вторая жена поэта Ф. И. Тютчева (с 1839 г.) — т. XII: 97, 98.

Тьер Луи-Адольф (1797—1877) — т. X: 368, *638;* т. XII: *444,* 446.

Уваров Алексей Сергеевич (1824—1884) — археолог — т. XII: 245.

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — министр народного просвещения (в 1833—1849 гг.) — т. X: 260, 328; т. XII: *563.*

Урих Жан-Жак-Алексис (1802—1866) — французский генерал, в 1870 г. был комендантом осажденного немцами Страсбурга — т. XI: 374.

Урусов Д. С. — шахматист — т. XII: 422, *424.*

Урусов Леонид Дмитриевич (ум. в 1885 г.) — в 1876—1885 гг. тульский вице-губернатор. Друг Л. Н. Толстого — т. XII: 558.

Урусов Сергей Семенович (1827—1897) — участник обороны Севастополя, генерал в отставке; публицист-славянофил. Друг молодости Л. Н. Толстого — т. XII: 431, *432.*

Успенская Александра Васильевна (ум. в 1906 г.) — переводчица, жена Г. И. Успен-

ского — т. XI: 388, 389, *541.*

Успенский Глеб Иванович (1843—1902) — т. XII: 384, 474, 492, 546.

«Утренняя заря» — альманах, издававшийся В. А. Владиславлевым в Петербурге в 1839—1843 гг. — т. X: 266.

«Фиамина» — т. XII: 275.

Ф. — цензор — см. Фрейганг А. И.

Ф. — Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1892) — критик и мемуарист; в 50-х годах — студент Московского университета, приятель Тургенева. Впоследствии — крупный чиновник, начальник Главного управления по делам печати — т. X: 315, 324, *632;* т. XII: 100—108, 129—*131.*

Фавр Жюль (1809—1880) — адвокат, политический деятель. После сентябрьской революции 1870 г. — министр иностранных и внутренних дел в правительстве «Национальной обороны» — т. XI: 375.

Фальи Шарль (1810—1892) — французский генерал. Во время франко-прусской войны разбит при Бомоне, 2 сентября 1870 г. сдался в плен с французской армией в Седане — т. XI: 361.

Фарнгаген фон Энзе Карл-Август (1785—1858) — немецкий историк, критик и дипломат — т. X: 77, *602;* т. XI: 231.

Фарнгаген фон Энзе Рахель-Антония-Фридерика (1771—1833) — писательница, жена К. А. Фарнгагена фон Энзе — т. XII: 18.

Фарнезе — итальянский княжеский род — т. X: 341.

Фассман — оперная певица в Берлине — т. XI: 230.

Фейдо Эрнест (1821—1873) — французский писатель — т. XI: 345.

«Фанни» — т. XI: 345.

Фейербах Людвиг (1804—1872) — т. XI: 287, *478, 519;* т. XII: 49, *50.*

Фелье Октав (1821—1890) — французский писатель — т. XI: 345.

Фервиль (псевдоним Луи-Базиля Вокорбейля) (1783—1864) — французский драматический актер — т. XII: 42, *43.*

Фердинанд II (1810—1859) — король Неаполя и обеих Сицилий — т. X: 361, *638.*

Ферри Жюль (1832—1893) — политический деятель Франции, в 1879 г. — министр просвещения — т. XII: 537.

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — т. X, 100, 101, 105, 108, 110, 111, 113, *606—609;* т. XI: 160, 163, *494, 555;* т. XII: 167, 172, 178, 186, *187,* 204, 206, 208, 209, 211, 218, 228, 231, 233—*235,* 244, *246,* 271, *272,* 276, 277, 284, 285, 295, 296, 313—316,

321, 326, 330—332, 337, 338, 347, 349, 350, 351, 353—356, 359—*361,* 384, 388, 400, 401, 405—407, 411, 416—419, 423, 429, 431, 436—439, 455, *456,* 467, 468, 470, 471, *523.*

«Аполлон» — т. XII: 284.

«Милосская Венера» — т. XII: 284.

«Из деревни» — т. XII: 359, 361.

«Лизиас и Вакхида» — т. XII: 416, *418.*

«Ф. И. Тютчеву» — т. XII: 360, *361.*

«Графине С. А. Толстой» — т. XII: 360, *361.*

Фет Мария Петровна, рожд. Боткина — с 1867 г. жена А. А. Фета — т. X: 99, 109, *606;* т. XII: 285, 296, 316, 332, 338, 354, 360, 401, 437, 439, 456, 468, 471.

«Фигаро» — газета, основанная в Париже в 1854 г. — т. XI: 359.

Фиглев Михаил Сергеевич (1817—1836) — друг юности И. С. Тургенева — т. XII: 21, *25.*

Фидий (Фидиас) — древнегреческий скульптор V в. до н. э. — т. XI: 401.

Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867) — с 1826 г. — московский митрополит — т. XII: 379—*381.*

Философова Анна Павловна (1837—1912) — прогрессивная общественная деятельница — т. XII: 461—*467.*

Фихте Иоганн-Готлиб (1762—1814) — немецкий философ-идеалист — т. XI: 7, 22; т. XII: 28, 29.

Фишарт Иоганн (1546(?) — 1590(?) — немецкий сатирик — т. XI: 17.

Фишер Фридрих-Теодор (1807—1888) — немецкий профессор эстетики и литературы; гегельянец — т. XI: 38, *480.*

«Die Literatur über Goetes «Faust» — т. XI: 38, *480.*

«О возвышенном и комическом» — т. XI: 38.

Флемминг Якоб-Генрих (1667—1728) — саксонский генерал-фельдмаршал и военный министр — т. XI: 73, 87—89, 91, 94.

Флобер Гюстав (1821—1880) — т. X: 437, 467, *637, 642;* т. XI: 346, 368, 388, *498, 532;* т. XII: 440, 441, 495, 496, 516, 536, *538,* 541, *542,* 545, 551, *552,* 567.

«Госпожа Бовари» — т. XI: 346; т. XII: 566, 567.

«Иродиада» — т. XII: 509, 510.

«Юлиан» — т. XII: 509, 510.

Фокс Чарльз Джемс (1749—1806) — английский политический деятель — т. XI: 324.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — т. X: 291; т. XI: 56, *482, 510.*

Фосс Иоганн-Хейнрих (1751—1826) — немецкий филолог; поэт и переводчик —

т. XI: 46; т. XII: 19, *24,* 163.

Франк А. — книгопродавец в Париже — т. XII: 301.

Франциск I (1494—1547) — король Франции с 1515 г. — т. XII: 442.

Фрейганг Андрей Иванович (1805—?) — цензор Петербургского цензурного комитета в 40—50-х годах — т. X: 300; *630.*

Фридрих I Барбаросса (1123—1190) — германский император — т. XI: 54.

Фридрих II (1194—1250) — германский император — т. XI: 18.

Фридрих Великий, Фридрих II (1712—1786) — прусский король в 1740—1786 гг. — т. X: 329.

Фридрих-Вильгельм (1831—1888) — кронпринц, сын германского императора Вильгельма I — т. XI: 358, 366, 369, 397, 431.

Фролов Николай Григорьевич (1812—1855) — ученый географ. Товарищ по Берлинскому университету И. С. Тургенева, М. А. Бакунина, Т. Н. Грановского. С 1852 г. издатель периодических сборников «Магазин землевладения и путешествий» — т. X: 260; т. XI: 230, 231, *504;* т. XII: 16, 17, 44, *46;* 129, *131,* 147, *148.*

Фролов — т. X: 260; т. XII: 129, 131, 147, 148.

Фролова Елизавета Павловна (ум. в 1840 г.) — жена Н. Г. Фролова — т. XI: 230, 231, 235; т. XII: 16, 17.

Фроссар Шарль-Огюст (1807—1875) — французский генерал. Во время Восточной войны 1855 г. руководил инженерными работами французской армии под Севастополем. 27 октября 1870 г. сдался в плен немцам вместе со своим корпусом в крепости Мец — т. XI: 361.

Фурнье Марк (1818—1879) — французский писатель и журналист — т. XI: 364.

Фурье Шарль (1772—1837) — один из создателей теории утопического социализма — т. XI: 185.

Фюрстенберг фон, Эгон — штатгальтер саксонского двора — т. XI: 86, 89, 96.

Ханыков Николай Владимирович (1822—1878) — востоковед — т. XII: 327, 529.

Харламов Алексей Алексеевич (р. в 1842 г.) — художник-портретист — т. XII: 476, 570, *572.*

Хвостова Алина Александровна (ум. в 1904 г.) — певица — т. XII: 399.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — писатель — т. X: 290.

Ховрин Николай Васильевич — т. XI: 232.

Ховрина Александра Николаевна, Шушу (1825—1901) —

т. X: 12, *595;* т. XI: 232, 234, 235; т. XII: 14, *15.*

Ховрина Марья Дмитриевна (1801—1877) — сестра московского обер-полицеймейстера И. Д. Лужина. В 1840-х годах была близка к литературным кругам — т. XI: 232.

Ховрины, семья — т. X: *595;* т. XI: 231, 232.

«Хозяйственный указатель» — т. XI: 434, 440, 442, 443, *553, 554.*

Холмский, князь — т. XI: 422.

Хольберг Людвиг (1684—1754).

«Якоб фон Тибо»; Брамарбас — т. XI: 178.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель и поэт; один из идеологов славянофильства — т. X: 343, *634;* т. XI: 199, 421, *481;* т. XII: 112, *114,* 200, 201, 206, *207,* 226, 312.

«Картина Иванова» — т. X: 343, *634.*

«Мы род избранный» — т. XII: 114.

Христина Мария (1816—1878) — вдова Фердинанда VII (ум. в 1833 г.), королева Испании — т. XII: 47, *50.*

Худяков Василий Григорьевич (1826—1871) — художник-портретист и жанрист — т. XII: 291.

Цезарь — см. Юлий Цезарь.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — оратор, писатель и политический деятель древнего Рима — т. XII: 315.

«De Senectute» — т. XII: 315.

Цумпт Карл-Готлиб (1792—1849) — немецкий филолог; с 1827 г. профессор Берлинского университета. Автор учебника латинской грамматики — т. X: 260; т. XI: 418.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, публицист — т. XII: 393, *394.*

Чайковский Николай Васильевич (1850—1926) — народник — т. XII: 542, *543.*

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) — т. XII: 500, *501,* 530, 531.

«Евгений Онегин» — т. XII: 530, *531.*

«Кузнец Вакула» («Черевички») — т. XII: 500, *501.*

Ченстон — см. Шенстон.

Черито Санни — танцовщица. Выступала в Париже, Вене и других крупных городах Европы — т. XI: 289.

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878) — государственный и общественный деятель, близкий к славянофильским кругам — т. XII: 280, 296, 517, *518.*

Черкессов Александр Александрович (1839—1908) — участник подпольных кружков 60-х гг.; в 1867—1869 гг. владе-

лец книжного магазина и библиотеки в Петербурге. В 1862 г. привлекался к дознанию за сношения с Герценом и Бакуниным — т. XII: 452, 460.

Черный — поэт — т. XII: 522.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — т. XII: 171, *181,* 184, *185,* 186, *187,* 213, 215, 217, 220, 222—*224,* 234, *242,* 251, *254,* 309, 310, *320, 339,* 351, *352, 551, 552.*

«Очерки гоголевского периода русской литературы» — т. XII: 215, 217, 219—224.

«Эстетические отношения искусства к действительности» — т. XII: 186, *187.*

«Что делать?» — т. XII: 351, *352.*

Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — генерал; в 1875—1876 гг. издатель реакционной газеты «Русский мир» — т. XII: 499, *501, 506.*

Чертов — т. XII: 443.

Чинизелли Клотильда — наездница в цирке — т. XI: 285.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, либеральный публицист; профессор Московского университета — т. XI: 457; т. XII: 327.

Чорлей Генри Фозергил (1808—1872) — музыкальный критик английского журнала «Атенеум» — т. XII: 119, 136, *137, 151.*

Шадов Иоганн-Готфрид (1764 — 1850) — немецкий скульптор — т. XI: 288.

Шаликова княжна Наталья Петровна (1815—1878) — писательница (псевдоним Е. Нарская). В 1855 г. сотрудничала в «Современнике», позднее в «Русском вестнике» — т. XII: *145,* 186, *187.*

Шамеро Жанна-Эдме (р. 8/20 декабря 1874 г.) — дочь Клоди Виардо и Жоржа Шамеро — т. XII: 475, 538.

Шамиль (ок. 1797—1871) — организатор религиозно-националистического движения среди горцев Кавказа — т. XII: 318.

Шарбоннель Феликс-Жозеф (1798—1848) — член Национального собрания, социалист, 25 июня 1848 г. смертельно ранен у баррикады на площади Бастилии в Париже — т. X: 388.

«Шаривари» — т. XII: 292, *293.*

Шарриер Эрнест (Charrière Ernest) — т. XI: 306—312, *520, 521.*

Шарпантье (р. в 1846 г.) — жена Жоржа Шарпантье, издателя произведений Эмиля Золя — т. XII: 537, 538.

Шассе Давид Анри (1765—1849) — генерал-лейтенант, комендант крепости Антверпен — т. XI: 374.

Шасспо Антуан-Альфонс (1833—1905) — французский

оружейник; в 1866 г. изобрел ружье, которое носит его имя — т. XI: 359.

Шатель Фердинанд-Франсуа (1795—1857) — аббат, основатель «Французской католической церкви», авантюрист и демагог — т. XII: 71.

Шаховская, княгиня — т. X: 330, *632.*

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — т. XI: 261—265, *513, 514, 525;* т. XII: 322, *323.*

«Вечір» — т. XI: 263.

«Мария», поэма — т. XI: 263, *514.*

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — реакционный критик и журналист; профессор русской словесности в Московском университете, соиздатель «Москвитянина» — т. X: 319; т. XI: 233; т. XII: *192,* 563.

Шекспир Вильям, Shakespeare (1564—1616) — т. X: 108, 225, 370, 505, *594, 607;* т. XI: 8, 19, 21, 57—59, 62, 64, 69, 90, 98, 103, 173, 177—182, 188—192, 205, 207, 213, 215, 217, 222, 344, 366, 403, *477, 494, 500, 501,* 517; т. XII: *13,* 48, 55, 186, 262, 321, 348, 542.

«Гамлет» — т. X: 297, *594;* т. XI: 53, 168, 169, 180, 273, 274, 517; т. XII: 262; Гамлет — т. XI: 32, 169, 172—181, 183—187, 191, 490, 493; т. XII: 59, 186, 221, 262; Горацио — т. X: 631; т. XI: 173, 185—187, *493;* Лаерт — т. XI: 175, 178; Офелия — т. XI: 53, 175, 177, 178; Полоний — т. XI: 175, 184; Розенкранц — т. XI: 177; Фортинбрас — т. XI: 187, *493.*

«Генрихи» — т. XI: 69; т. XII: 262; Генрих, принц — т. XI: 366; Пистоль, капитан — т. XI: 90, 178; Фальстаф — т. XI: 366.

«Генрих IV» — т. XII: 262.

«Кориолан» — т. X: 370; т. XII: 223, *224,* 262.

«Король Лир» — т. XI: 158, 181; т. XII: 12, 13, 67, 215, 223, *224,* 247, *248, 263,* 268, *270;* Глостер — т. XI: 158; Кент — т. XII: 268; Лир — т. XI: 191, 378; т. XII: 67, 507; Эдгар — т. XI: 158, 159; т. XII: 67.

«Макбет» — т. XI: 53, 273, 274, *517;* т. XII: 262.

«Отелло» — т. XI: 189; т. XII: 12, *13,* 262.

«Ричарды» — т. XI: 69.

«Сон в летнюю ночь» — т. XI: 103.

«Timon of Athens» («Тимон Афинский») — т. X: *505.*

«Юлий Цезарь» — т. XI: 62, *494;* Антоний — т. XI: 62; Брут — т. XI: 192; т. XII: 262.

Шеллинг Фридрих-Вильгельм (1775—1854) — немецкий фи-

лософ-идеалист, с 1840 г. профессор Берлинского университета — т. XI: 157, 287, *519;* т. XII: 50.

Шенлейн Иоганн-Лукас (1793—1864) — немецкий врач, с 1839 г. профессор Берлинского университета — т. XII: 37.

Шенстон Вильям (1715—1763) — английский поэт — т. XII: 136, *137, 151,* 155.

Шеншин Василий Афанасьевич (1827—1872) — брат поэта А. А. Фета — т. XII: 438.

Шеншин Николай Никитич (1816—1879) — в 1862 г. мировой посредник — т. XII: 310.

Шеншина Елизавета Дмитриевна — с 1842 г. жена Николая Никитича Шеншина, соседка И. С. Тургенева по имению — т. XII: 89, 90, *95,* 431.

Шеншина М. П. — см. Фет Мария Петровна.

Шенье Андре (1762—1794) — т. XI: 159; т. XII: 128.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — фельдмаршал — т. XI: 83.

Шери Роза (1824—1861) — французская драматическая актриса — т. XII: 47.

Шеридан Ричард Бринсли (1751—1816) — английский драматург и политический деятель — т. XI: 324.

Шешковский Степан Иванович (1720—1794) — т. X: 113, *608.*

Шиллер Иоганн-Фридрих (1759—1805) — т. X: 313, 329; т. XI: 3—13, 46, 49, 59, 98, 225, 234, *476, 477, 494, 501;* т. XII: 19, 222, 320, 336, 337, 439.

«Валленштейн» — т. XII: 337; Валленштейн — т. XI: 64, Макс — т. XI: 60, 64.

«Лагерь Валленштейна» — т. XI: 62.

«Вильгельм Телль» — т. XI: 7—9, *476, 477;* Армгарта — т. XI: 12; Аттингаузен — т. XI: 12; Иоанн Парриципд — т. XI: 9; Мелхгаль — т. XI: 10; Руоди — т. XI: 12.

«Разбойники» — т. XI: 7, 19.

«Рыцарь Тоггенбург» — т. XII: 184, *185.*

Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853) — поэт и переводчик; в 1850—1853 гг. министр народного просвещения — т. XII: *190,* 203.

Шлегель Август-Вильгельм (1767—1845) — немецкий историк литературы, критик и переводчик — т. XI: 46.

Шлецер Август-Людовик (1735—1809) — немецкий историк, публицист и статистик — т. XI: 249.

Шмидт Юлиан (1818—1886) — немецкий критик, журналист и историк литературы — т. XII: 442.

Шпильгаген Фридрих-Лео (1829—1911) — немецкий писатель — т. XII: 462, *464.*

Шёнеман Элизабет, Лили (1758—1817) — дочь франкфуртского банкира, была невестой Гете — т. XI: 42.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-идеалист — т. X: 113, *608;* т. XI: 467.

Шталь Фридрих-Юлиус (1802—1861) — с 1840 г. профессор Берлинского университета по кафедре философии права и церковного права — т. XI: 287.

Штарбус — изобретатель системы охотничьих ружей — т. XI: 149.

Штейн Карл (1757—1831) — прусский государственный деятель. Н. И. Тургенев работал с бароном Штейном в центральном административном департаменте, учрежденном после Лейпцигской битвы — т. XI: 249—251, 255, *510.*

«Опыт теории налогов» — т. XI: 250.

Штирнер Макс (псевдоним Иоганна-Каспара Шмидта; 1806—1856) — немецкий философ, левогегельянец—т. XI: 287.

Штольберг Августа-Луиза графиня (1753—1835), — сестра поэтов Х. и Ф. Штольберг. Переписка ее с Гете издана в Лейпциге в 1881 г. — т. XI: 21; т. XII: 28, *29.*

Штольберг Фридрих-Леопольд (1750—1819) — немецкий поэт, переводчик и писатель — т. XI: 41, 42.

Штольберг Христиан (1748—1821) — немецкий поэт — т. XI: 41, 42.

Штраус Давид-Фридрих (1808—1874) — писатель-теолог — т. X: 336, *634;* т. XII: 308, *309.*

«Ульрих фон Гуттен» — т. XII: 308, *309.*

Шувалов Андрей Павлович (1817—1876), граф — в 1872—1876 гг. петербургский губернский предводитель дворянства — т. X: 330, 331, *633.*

Шуленбург Иоганн-Маттиас (1661—1747) — саксонский генерал, с 1715 г. фельдмаршал — т. XI: 85.

Шульгин Иван Петрович (1794—1869) — историк, профессор Петербургского университета — т. X: 326.

Шуман Клара (1819—1896) — пианистка, жена композитора Шумана — т. XII: 42, *43.*

Шуман Роберт (1810—1856) — немецкий композитор — т. XI: 402.

Шумский Сергей Васильевич (1821—1878) — драматический актер Малого театра в Москве — т. XII: 103, 130.

Щебальский Петр Карлович (1810—1886) — историк и публицист; сотрудник «Русского вестника» Каткова — т. XII: 368.

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — актер Малого театра — т. X: 297, 315—319, *631;* т. XII: *64,* 77, 78, *79,* 95, *96,* 103, 138, 154, *155,* 293, 328.

Щепкин Николай Михайлович (1820—1886) — сын М. С. Щепкина — издатель альманаха «Комета», сочинений Белинского и пр. — т. XII: 95, *96.*

Щепкин Николай Александрович — управляющий имением Тургенева Спасское — т. XII: 554—*556.*

Щербатов Григорий Алексеевич (1819—1881) — попечитель С.-Петербургского учебного округа и председатель Петербургского цензурного комитета — т. XII: 301.

Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт — т. XII: 125, *126,* 144, *145,* 341.

Шуровский Григорий Ефимович (1803—1884) — профессор Московского университета. В 1831 г. был преподавателем физики, естественной истории и врачом Московского воспитательного дома — т. XII: 9.

Эбрар Александр, Hébrard (1833—1914) — французский журналист, более сорока лет редактор газеты «Le Temps» — т. XI: 393, 394.

«Эдинбургское обозрение», «Edinburgh Review» — журнал — т. XI: 322.

Эльслер Фанни (1810—1884) — балерина — т. XI: 289.

Энгельгардт В. В. (1785—1837) — т. XI: 265, *621.*

Энгельгардт Софья Владимировна (р. в 1828 г.) — писательница (псевдоним Ольга ***), сотрудница «Отечественных записок» и «Современника» — т. XII: 360, *361,* 396, *397.*

Энгельсон Владимир Аристович (1821—1857) — публицист, политический эмигрант — т. XI: 467.

Эрн М. К. — см. Рейхель М. К.

Эсхил (525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург — т. X: 189.

Эшенбург Иоганн-Иоахим (1743—1820) — профессор в Брауншвейге, немецкий историк литературы — т. XI: 19.

Юбер (Hubert) Луи (1815—1865) — рабочий-дубильщик, участник революционного движения во Франции — т. XII: 71, *75.*

Ювенал, Juvenal (ок. 55—56—131—132 гг.) — т. XI: 200—202.

Югурта (ум. в 104 г. до н. э.) — нумидийский царь — т. X: 371, *638.*

Юлий Цезарь, Caius Julius Caesar (100—44 до н. э.) — т. X: 115, 370; т. XI: 190, 232; т. XII: 44, 51.

Юм Давид (1711—1776) — английский философ, эконо-

мист и историк — т. XII: 130, *131.*

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) — писатель и переводчик; с 1871 г. — редактор-издатель журнала «Беседа», позднее редактор журнала «Русская мысль» — т. XII: 544, 573.

Яздовская Дарья Ивановна (ум. в 1883 г.) — т. XII: 152, *153.*

Языков Михаил Александрович (1811—1885) — приятель Панаева, Белинского и Герцена, близкий кругам «Отечественных записок» и «Современника» — т. XII: 94, 215, 221, 560.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — поэт — т. X: 505, *644.*

Якоби Иоганн (1805—1877) — прусский демократ — т. XI: 372.

Didaskalia» — франкфуртская газета — т. XII: 60.

«Fortnightly Review» — английский журнал, основан в 1865 г. — т. XII: 361, *363.*

«Gaulois» — ежедневная газета, основанная в Париже в 1867 году — т. XI: 360.

«Hallische Jahrbücher» — орган левого крыла гегельянцев, издававшийся в Галле в 1837—1841 гг. Арнольдом Руге и Эрнстом-Теодором Эхтермейером — т. XI: 38, *480.*

«Indépendance Belge», — ежедневная газета в Брюсселе, основана в 1831 г. — т. XI: 246.

«Journal des Débats» — ежедневная политическая и литературная газета в Париже, выходила с 1789 г. — т. XI: 348; т. XII: 62, 88.

«Journal de St.-Petersbourg» — правительственная газета, выходившая в Петербурге на французском языке с 1813 г. — т. XI: 306, *521.*

Journal offciel» — ежедневная газета министерства внутренних дел, в которой публикуются законы, официальные сообщения и административные распоряжения правительства. Выходит в Париже с 1868 г. — т. XI: 359.

«Le XIX-e Siècle» — ежедневная газета, основанная Э. Абу в Париже в 1871 г. — т. XI: 209, 210, *498.*

«National» — газета, основанная в Париже в 1830 г. — т. XII: 80.

«Le Nord» — т. XII: 241, *242.*

«La Nouvelle Revue» («Нувель Ревю») — двухнедельный политико-литературный журнал, издававшийся в Париже с 1879 г. — т. XI: 411, 413.

«Liberté» — газета, издававшаяся с 1866 г. журналистом Э. Жирарденом — т. XI: 359, 364.

«Paris-Journal» — газета, издававшаяся в Париже с 1795 года — т. XI: 364.

«Philosophie positive» — французский журнал, основанный в 1867 г. — т. XII: 378, *379*.

«La Presse» («Пресса») — ежедневная газета, издававшаяся в Париже с 1836 г. Э. Жирарденом — т. XII: 80.

«Revue des deux Mondes» — выходивший в Париже двухнедельный журнал политики, литературы, истории и искусства. Основан в 1831 году — т. X: 418; т. XI: 348; т. XII: 136, *137*, 150, *151*, 155, 217, 225, *226*, 239, 253, 260, 350, 456, 515, 520.

«Revue Positive» — см. «Philosophie positive».

«Revue de Paris» — журнал, выходивший в Париже с октября 1851 г. по январь 1858 г. — т. XI: 348.

«Siècle» — французская газета, издававшаяся в 1836—1914 гг. — т. XII: 80.

«Soir» — французская ежедневная газета, основанная в 1867 г. — т. XI: 359.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В ДАННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

	Том	*Стр.*
⟨Автобиография⟩	XI	417
«Андрей»	X	206
«Андрей Колосов»	V	7
⟨А. Н. Ховриной⟩	X	12
«Ася»	VI	224
«Баллада»	X	20
«Бежин луг»	I	159
«Без гнезда»	VIII	513
«Безденежье»	IX	48
«Безлунная ночь»	X	71
«Бирюк»	I	233
«Близнецы»	VIII	511
«Брамин»	VIII	521
«Бретёр»	V	37
«Бригадир»	VII	103
«Брожу над озером... туманны»	X	63
«Бурмистр»	I	200
«Былое счастье»	X	127
⟨В альбом М. П. Боткиной⟩	X	99
«Вариации»	X	50
«Весенний вечер»	X	36
«Вечер»	X	7

	Том	Стр.
«Вечер в Сорренте»	IX	483
«Вешние воды»	VIII	38
«Вильгельм Телль», драматическое представление в пяти действиях. Соч. Шиллера. Перевод Ф. Миллера	XI	7
«Вместо вступления»	X	259
«В. Н. Б.»	X	49
«В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный...»	X	53
⟨«Волшебные сказки» Перро⟩	XI	336
«Воробей»	VIII	473
«Воспоминания о Белинском»	X	274
⟨Воспоминания о Шевченко⟩	XI	261
«Восточная легенда»	VIII	468
«Враг и друг»	VIII	493
«Встреча моя с Белинским»	XI	236
«Встреча. *Сон*»	VIII	508
«Гад»	VIII	515
«Гамлет и Дон-Кихот»	XI	168
«Гамлет Щигровского уезда»	I	335
«Где тонко, там и рвется»	IX	74
«Генерал-поручик Паткуль». Трагедия в пяти действиях в стихах. Соч. Нестора Кукольника	XI	71
«Гоголь»	X	315
«Голуби»	VIII	496
«Графиня Донато»	X	254
«Гроза»	X	72
«Гроза промчалась»	X	55
«Дай мне руку — и пойдем мы в поле...»	X	27
«Два богача»	VIII	485
«Два брата»	VIII	486
⟨«Два гусара» Л. Н. Толстого⟩	XI	383
«Два помещика»	I	242
«Два приятеля»	V	342
«Два слова о Грановском»	XI	225
«Два четверостишия»	VIII	470
«Две сестры»	IX	525

	Том	Стр.
«Дворянское гнездо»	II	141
«Дед»	X	71
«Деревня»	VIII	455
«Деревня»	X	69
⟨«Дневник девочки» С. Буткевич⟩	XI	329
«Дневник лишнего человека»	V	179
«Довольно. *Отрывок из записок умершего художника*»	VII	39
«Довольный человек»	VIII	463
«Долгие белые тучи плывут»	X	22
«Дрозд. I»	VIII	511
«Дрозд. II»	VIII	513
«Другая ночь»	X	73
«Дурак»	VIII	467
«Дым»	IV	7
«Ермолай и мельничиха»	I	88
«Живые мощи»	I	415
«Жид»	V	116
«Житейское правило»	VIII	515
«Житейское правило («Если вы желаете хорошенько насолить...»)»	VIII	464
«Завтра, завтра!»	VIII	497
«Завтрак у предводителя»	IX	267
«Загубленная жизнь»	X	124
«Заметила ли ты, о друг мой молчаливый...»	X	29
«Заметка ⟨о М. М. Антокольском⟩»	XI	377
⟨Записка об издании журнала «Хозяйственный указатель»⟩	XI	434
⟨Записка о Н. В. Станкевиче⟩	XI	229
«Записки охотника»	I	75—450
«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. А ⟨ксако⟩ва	XI	147
«Затишье»	VI	7
«Из-за границы. Письмо первое»	XI	315
«Из письма в редакцию «Вестника Европы» по поводу смерти С. К. Брюлловой»	XI	269

	Том	Стр.
*** (Из поэмы, преданной сожжению)	X	73
«Иродиада *(Густава Флобера)*»	X	437
«Искушение святого Антония»	IX	503
«Исповедь»	X	67
«Истина и правда»	VIII	522
«История лейтенанта Ергунова»	VII	67
«К***»	VIII	517
«К***»	X	57
«Казнь Тропмана»	X	395
«Как хороши, как свежи были розы...»	VIII	501
«Камень»	VIII	495
«К А. С.»	X	47
«Касьян с Красивой Мечи»	I	180
«К. А. Фарнгагену фон Энзе»	X	77
«К Венере Медицейской»	X	9
«Когда давно забытое названье...»	X	43
«Когда меня не будет...»	VIII	518
«Когда с тобой расстался я...»	X	37
«Когда я молюсь»	X	42
«Когда я один... *Двойник*»	VIII	519
«Конец»	VIII	529
«Конец жизни»	X	44
«Конец света. *Сон*»	VIII	464
«Конец Чертопханова»	I	380
«Контора»	I	215
«Корреспондент»	VIII	486
«Krilof and his Fables»	XI	204
«Крокет в Виндзоре»	X	79
«Кроткие льются лучи...»	X	74
«Кубок»	VIII	514
«Куропатки»	VIII	522
«К чему твержу я стих унылый»	X	54
«Лазурное царство»	VIII	484
«Лебедянь»	I	252
«Легенда о св. Юлиане Милостивом *(Густава Флобера)*»	X	437

	Том	Стр.
«Лес и степь»	I	444
«Лесная тишь»	X	123
«Литературные и житейские воспоминания»	X	259
«Литературный вечер у П. А. Плетнева»	X	263
«Льгов»	I	147
«Любовь»	VIII	521
«Малиновая вода»	I	100
«Маша»	VIII	466
«Месяц в деревне»	IX	298
«Милостыня»	VIII	480
«Мне жаль»	VIII	509
«Мои деревья»	VIII	525
«Мой сосед Радилов»	I	120
«Молитва»	VIII	503
«Монах»	VIII	505
«Морское плавание»	VIII	502
«Муму»	V	263
«Мы еще повоюем!»	VIII	505
«На Альбанских горах что за дьявол такой?..»	X	97
⟨На Дружинина⟩	X	102
«На заре»	X	118
«Накануне»	III	7
«На Кетчера»	X	102
⟨На Кудрявцева⟩	X	103
⟨На Никитенко⟩	X	102
«На охоте летом»	X	70
«Насекомое»	VIII	482
«Нахлебник»	IX	115
«Наши послали!»	X	384
«Нева»	X	33
«Не ждете ль вы, что назову я...»	X	96
«Неосторожность»	IX	7
«Necessitas, Vis, Libertas. *Барельеф*»	VIII	480
«Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине»	XI	420
«Несколько слов об опере Мейербера «Пророк»	XI	291
«Несколько слов о Жорж Санд»	XI	266

	Том	Стр.
«Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста»	XI	137
«Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева»	XI	163
«Nessun maggior dolore»	VIII	523
«Николай Иванович Тургенев»	XI	248
«Нимфы»	VIII	491
«Нищий»	VIII	461
«Несчастная»	VII	127
«Н. Н.»	VIII	504
«Новь»	IV	191
⟨Новые письма Пушкина⟩	XI	290
«Новые стихотворения в прозе»	VIII	508—543
«Ночь и день»	X	122
⟨Об Артуре Бенни⟩	XI	339
«Обед в обществе английского Литературного фонда»	XI	321
⟨О выходе в свет «Фауста» Гёте в переводе М. Вронченко⟩	XI	273
«Один, опять один...»	X	64
«Однодворец Овсянников»	I	128
«Ожидание»	X	125
⟨О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова⟩	XI	297
«О моя молодость! О моя свежесть!»	VIII	516
⟨О причинах разрыва с «Современником»⟩	XI	332
«Осенний вечер... Небо ясно...»	X	26
«Осень»	X	30
«О соловьях»	X	420
⟨О стихотворениях Я. П. Полонского⟩	XI	193
⟨Ответ «Иногородному обывателю»⟩	XI	395
⟨Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве⟩	XI	212
«Откуда веет тишиной?»	X	61
«Отрывки из воспоминаний своих и чужих»	VIII	326—370
«Отцы и дети»	III	167
«Отчаянный»	VIII	348
⟨«Очерки и рассказы» Л. Кладеля⟩	XI	388
⟨О юбилее Крашевского⟩	XI	392

	Том	Стр.
⟨Памяти А. В. Дружинина⟩	XI	243
«Памяти Ю. П. Вревской»	VIII	488
«Параша»	X	133
⟨Пародия на стихотворение А. А. Фета⟩	X	100
«Певцы»	I	291
«Первая любовь»	VI	274
«Первый снег»	X	75
«Пергамские раскопки»	XI	397
⟨Перевод «Германии» Гейне на русский язык⟩	XI	382
⟨Перевод «Демона» на английский язык⟩	XI	386
⟨Перевод поэмы Лермонтова «Мцыри»⟩	XI	334
«Перед охотой»	X	75
«Перед судом»	X	121
«Перепелка»	X	574
«Переписка»	VI	85
«Песнь торжествующей любви»	VIII	371
⟨Песня Клерхен из «Эгмонта»⟩	X	81
«Песочные часы»	VIII	518
«Петр Петрович Каратаев»	I	310
«Петушков»	V	134
«Пир у верховного существа»	VIII	490
«Писатель и критик»	VIII	515
«Письма из Берлина»	XI	286
⟨Письма из послания к А. А. Фету⟩	X	108
⟨Письма к Е. Я. Колбасину⟩	X	104
⟨Письма о франко-прусской войне⟩	XI	357
«Письмо к редактору газеты «Le XIX-e siècle» о романе Л. Н. Толстого «Война и мир»	XI	209
«Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого»	XI	258
⟨Письмо слушательницам женских врачебных курсов⟩	XI	471
«Племянница». Роман. Соч. Евгении Тур	XI	118
«Повесить его!»	VIII	498
«Повести, сказки и рассказы Казака Луганского»	XI	99
«Поездка в Альбано и Фраскати»	X	334
«Поездка в Полесье»	VI	205
«Пожар на море»	X	580

	Том	Стр.
⟨Показания по делу «о 32-х лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами»⟩	XI	452
«Помещик»	X	184
«Попался под колесо»	VIII	523
⟨По поводу отклика Краевского на «Воспоминания о Белинском»⟩	XI	355
«По поводу «Отцов и детей»	X	346
⟨По поводу перевода «Записок охотника» на французский язык⟩	XI	306
«Порог. *Сон*»	VIII	478
«Посещение»	VIII	479
«Последнее свидание»	VIII	477
«Последняя сцена первой части «Фауста» Гёте»	X	82
«После смерти (Клара Милич)»	VIII	394
«Постоялый двор»	V	292
«Похищение»	X	23
«Похождения подпоручика Бубнова»	X	557
«Поэтические эскизы. Альманах стихотворений»	XI	104
«Предисловие к изданию «Повестей и рассказов»	XI	314
⟨Предисловие к изданию сочинений 1874 г.⟩	XI	381
⟨Предисловие к отдельному изданию «Дыма»⟩	XI	341
«Предисловие ⟨к собранию романов в издании 1880 г.⟩»	XI	403
«Призвание»	X	58
«Призраки. *Фантазия*»	VII	7
«Природа»	VIII	497
«Провинциалка»	IX	421
«Проклятие»	VIII	510
⟨Проспер Мериме⟩	XI	246
«Простота»	VIII	521
«Проект программы «Общества для распространения грамотности и начального образования»	XI	444
«Пунин и Бабурин»	VIII	185
«Путь к любви»	VIII	520
«Пэгаз»	X	426
«Пятьдесят недостатков ружейного охотника и пятьдесят недостатков лягавой собаки»	X	567

	Том	Стр.
«Разгадка»	X	119
«Разговор»	VIII	457
«Разговор»	X	162
«Разговор на большой дороге»	IX	465
«Разлука»	X	120
⟨Рассказ И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste»⟩	XI	393
«Рассказ отца Алексея»	VIII	331
«Речь, произнесенная в Москве 6 марта 1879 г.»	XI	469
«Римская элегия»	X	91
«Роза»	VIII	476
⟨Роман Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне»⟩	XI	349
⟨Роман М. Дюкана «Утраченные силы»⟩	XI	343
«Рудин»	II	7
«Русский»	X	13
«Русский язык»	VIII	507
«Садовник»	X	126
⟨Сатира на мальчика-всезнайку⟩	X	114
«Свидание»	I	325
«Senilia»	VIII	455—507
«Смерть»	I	278
«Синица»	X	117
«Слобожане. Малороссийские рассказы Григория Данилевского»	XI	162
«Смерть Ляпунова. Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Гедеонова»	XI	55
«Собака»	VI	51
«Собака»	VIII	460
«Современные заметки»	XI	275
«Сон»	VIII	292
«Соперник»	VIII	460
«Старик»	VIII	485
«Старуха»	VIII	458
«Старые портреты»	VIII	326
«Старый помещик»	X	17
«Стено»	X	505
«Степной король Лир»	VII	237
⟨Стихотворения Баратынского⟩	XI	312

	Том	Стр.
«Стихотворения в прозе»	VIII	455—543
«Стой!»	VIII	504
«Странная история»	VII	214
«Стук... Стук... Стук!..»	VIII	7
«Стучит!»	I	429
«Сфинкс»	VIII	490
«Татьяна Борисовна и ее племянник»	I	265
«Толпа»	X	40
⟨Трехсотлетие со дня рождения Шекспира⟩	XI	188
«Три встречи»	V	232
«Три портрета»	V	86
«Тьма»	X	93
«Ты заплакал...»	VIII	521
«У-а... У-а...»	VIII	524
«Уездный лекарь»	I	110
⟨«Украинские народные рассказы» Марка Вовчка⟩	XI	328
«Услышишь суд глупца...»	VIII	462
«Фауст»	VI	161
«Фауст», трагедия. Соч. Гёте. Перевод М. Вронченко	XI	14
«Федя»	X	46
«Филиппо Стродзи»	X	250
«Фраза»	VIII	521
«History of a Town. Edited by M. E. Saltykoff»	XI	200
«Холостяк»	IX	180
«Хорь и Калиныч»	I	75
«Христос»	VIII	494
«Цветок»	X	31
«Часы»	VIII	245
«Человек в серых очках»	X	358
«Человек, каких много»	X	38
«Черепа»	VIII	474

	Том	Стр.
«Чернорабочий и белоручка»	VIII	475
«Чертопханов и Недопюскин»	I	361
«Что за погода злая»	X	129
«Что я буду думать?»	VIII	500
«Чья вина?»	VIII	514
«Щи»	VIII	483
«Эгоист»	VIII	489
⟨Экспромт⟩	X	101
«Un roman du comte Tolstoï»	XI	411
«Я встал ночью...»	VIII	519
«Я всходил на холм зеленый»	X	15
«Яков Пасынков»	VI	118
«Я шел среди высоких гор»	VIII	517

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

ПИСЬМА
1831—1883

1. Н. Н. Тургеневу 31 марта (12 апреля), 1(13), 2(14) апреля 1831 г. 9
2. А. В. Никитенко ⟨26 марта (7 апреля) 1837 г.⟩ 11
3. Н. В. Станкевичу 8 маия н. ст. 1840 г. . . . 13
4. Т. Н. Грановскому 4/16 июля 1840 г. . . . 15
5. М. А. Бакунину и А. П. Ефремову ⟨27, 28, 29 августа (8, 9, 10 сентября) 1840 г.⟩ . . 18
6. Т. А. Бакуниной ⟨20-е числа марта ст. ст. 1842 г.⟩ 25
7. А. А. Бакунину 9 апреля ст. ст. 1842 г. . 28
8. А. А. Бакунину ⟨13—14 (25—26) апреля 1842 г.⟩ 30
9. А. А. Бакунину ⟨30 апреля (12 мая) 1842 г.⟩ 33
10. А. А. Бакунину 9 января ст. ст. 1845 г. . . 34
11. В. Г. Белинскому 28 марта ст. ст. 1845 г. 36
12. В. Г. Белинскому 3 мая н. ст. 1847 г. . . 37
13. В. Г. Белинскому 17 сентября н. ст. 1847 г. 38
14. Полине Виардо ⟨19 ноября н. ст.⟩ 1847 г. . 39
15. В. Г. Белинскому 14/26 ноября 1847 г. . . 43
16. Полине Виардо 8 декабря н. ст. 1847 г. . . 46
17. Полине Виардо 14 декабря н. ст. 1847 г. . 51

18. Полине Виардо 19 декабря н. ст. 1847 г. . 54
19. Полине Виардо 25 декабря н. ст. 1847 г. . 58
20. Полине Виардо 5/17 января 1848 г. 61
21. Полине Виардо 29 апреля н. ст. 1848 г. . . 64
22. Полине Виардо 15 мая ⟨н. ст. 1848 г.⟩ . . 71
23. А. А. Краевскому 14/26 ноября 1848 г. . . 76
24. М. С. Щепкину 3/15 декабря 1848 г. . . . 77
25. А. А. Краевскому 2/14 апреля 1849 г. . . 78
26. Полине Виардо ⟨29 мая (10 июня) 1849 г.⟩ 79
27. Полине Виардо ⟨29—30 мая (10—11 июня)⟩ 1849 г. 81
28. А. И. Герцену 31 июля н. ст. 1849 г. . . . 83
29. А. А. Краевскому 13/25 декабря 1849 г. . . 84
30. А. А. Краевскому 10/22 января 1850 г. . . 86
31. А. И. Герцену 10/22 июня 1850 г. 87
32. Полине Виардо 9 сентября н. ст. 1850 г. . 88
33. Н. М. Щепкину 18 октября ст. ст. 1850 г. . 95
34. Полине Виардо 26 октября (7 ноября) 1850 г. 96
35. Е. М. Феоктистову 4/16 марта 1851 г. . . 100
36. Е. М. Феоктистову 2/14 апреля 1851 г. . . 102
37. Полине Виардо 21⟨?⟩ февраля ст. ст. 1852 г. 104
38. Е. М. Феоктистову и В. П. Боткину 26 февраля ст. ст. 1852 г. 105
39. И. С. Аксакову ⟨3/15 марта 1852 г.⟩ . . 107
40. Луи и Полине Виардо 1/13 мая 1852 г. . . 109
41. С. Т., И. С. и К. С. Аксаковым 6/18 июня 1852 г. 111
42. П. В. Анненкову 14 сентября ст. ст. 1852 г. 114
43. Полине Виардо 13 октября ст. ст. 1852 г. . 116
44. К. С. Аксакову 16 октября ст. ст. 1852 г. . 120
45. П. В. Анненкову 28 октября ст. ст. 1852 г. 121
46. Н. А. Некрасову 28 октября ст. ст. 1852 г. . 124
47. Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву 18 ноября ст. ст. 1852 г. 126
48. Е. М. Феоктистову 27 декабря ст. ст. 1852 г. 129
49. И. С. Аксакову 28 декабря ст. ст. 1852 г. . 131
50. П. В. Анненкову 10 января ст. ст. 1853 г. . 134
51. Н. Х. Кетчеру 11 января ст. ст. 1853 г. . . 137
52. С. Т. Аксакову 16 января ст. ст. 1853 г. . . 139
53. К. С. Аксакову 16 января ст. ст. 1853 г. . 140

54. С. Т. Аксакову 22 января ст. ст. 1853 г. . . 142
55. П. В. Анненкову 29 января ст. ст. 1853 г. . 145
56. И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову 6/18 февраля 1853 г. 147
57. П. В. Анненкову 24 февраля ст. ст. 1853 г. 149
58. И. Ф. Миницкому 6 марта ст. ст. 1853 г. . 152
59. П. В. Анненкову 14 марта ст. ст. 1853 г. . 154
60. С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым 2 апреля ст. ст. 1853 г. 156
61. И. Ф. Миницкому 12 мая ст. ст. 1853 г. . . 157
62. К. Н. Леонтьеву 9 июня ст. ст. 1853 г. . . 159
63. С. А. Миллер 12 октября ст. ст. 1853 г. . . 161
64. С. Т. Аксакову 14 ноября ст. ст. 1853 г. . . 164
65. С. Т. Аксакову 10 февраля ст. ст. 1854 г. . . 166
66. С. Т. Аксакову 31 мая ст. ст. 1854 г. . . . 168
67. Н. А. Некрасову 15 октября ст. ст. 1854 г. . 170
68. Н. А. Некрасову 29 октября ст. ст. 1854 г. 171
69. П. В. Анненкову 1 ноября ст. ст. 1854 г. . 173
70. М. Н. и В. П. Толстым 4 декабря ст. ст. 1854 г. 175
71. К. Н. Леонтьеву 11 февраля ст. ст. 1855 г. 177
72. В. П. Боткину 17 июня ст. ст. 1855 г. . . . 179
73. И. И. Панаеву 27 июня ст. ст. 1855 г. . . 181
74. Н. А. Некрасову 10 июля ст. ст. 1855 г. . . 182
75. В. П. Боткину и Н. А. Некрасову 25 июля ст. ст. 1855 г. 185
76. М. Н. Толстой ⟨конец июня — начало августа ст. ст. 1855 г.⟩ 187
77. С. Т. Аксакову 3 августа ст. ст. 1855 г. . 188
78. А. В. Дружинину 20 августа ст. ст. 1855 г. 190
79. Л. Н. Толстому 3 октября ст. ст. 1855 г. . . 193
80. В. П. Боткину 3 декабря ст. ст. 1855 г. . . 195
81. П. В. Анненкову 9 декабря ст. ст. 1855 г. . 196
82. С. Т. Аксакову 22 января ст. ст. 1856 г. . . 200
83. С. Т. Аксакову 27 февраля ст. ст. 1856 г. . 201
84. П. А. Вяземскому ⟨3 (15)⟩ (?) апреля 1856 г.⟩ 202
85. С. Т. Аксакову 25 мая ст. ст. 1856 г. . . . 203
86. Н. А. Некрасову 25 мая ст. ст. 1856 г. . . 205
87. Н. А. Некрасову 4 июня ст. ст. 1856 г. . . 207
88. А. И. Герцену 22 сентября н. ст. 1856 г. . . 208
89. Л. Н. Толстому 13/25 сентября 1856 г. . . 210

90. И. И. Панаеву 21 сентября (3 октября) 1856 г. 212
91. И. И. Панаеву 3/15 октября 1856 г. . . . 214
92. В. П. Боткину 25 октября (6 ноября) 1856 г. 216
93. И. И. Панаеву 10 ноября н. ст. 1856 г. . . 220
94. А. В. Дружинину 11 ноября н. ст. 1856 г. 221
95. С. Т. Аксакову 1/13 ноября 1856 г. . . . 224
96. М. Н. Лснгинову 7/19 ноября 1856 г. . . . 227
97. А. Н. Островскому 7/19 ноября 1856 г. . . 230
98. Л. Н. Толстому 16/28 ноября 1856 г. . . . 232
99. А. И. Герцену 6 декабря н. ст. 1856 г. . . 235
100. В. П. Боткину 25 ноября (7 декабря) 1856 г. 237
101. А. И. Герцену 5/17 декабря 1856 г. . . . 240
102. А. В. Дружинину 5/17 декабря 1856 г. . . 243
103. Л. Н. Толстому 8/20 декабря 1856 г. . . . 246
104. Е. Я. Колбасину 14/26 декабря 1856 г. . . 249
105. Л. Н. Толстому 16/28 декабря 1856 г. . . 251
106. М. Н. Толстой 6 января н. ст. 1857 г. . . . 254
107. А. И. Герцену 8 генваря н. ст. 1857 г. . . 256
108. С. Т. Аксакову 8 января н. ст. 1857 г. . . 258
109. Л. Н. Толстому 3/15 января 1857 г. . . . 261
110. А. И. Герцену 16 января н. ст. 1857 г. . . 263
111. В. Н. Кашперову 5/17 января 1857 г. . . 265
112. А. В. Дружинину 13/25 января 1857 г. . . 267
113. В. П. Боткину 17 февраля (1 марта) 1857 г. 270
114. В. Н. Кашперову 7 марта н. ст. 1857 г. . . 272
115. П. В. Анненкову 3/15 апреля 1857 г. . . . 273
116. Н. А. Некрасову 12/24 августа 1857 г. . . 276
117. П. В. Анненкову 23 сентября (5 октября) 1857 г. 277
118. П. В. Анненкову 31 октября (12 ноября) 1857 г. 279
119. Е. Е. Ламберт 3/15 ноября 1857 г. . . . 281
120. А. А. Фету 7/19 ноября 1857 г. 284
121. Л. Н. Толстому 25 ноября (7 декабря) 1857 г. 286
122. П. В. Анненкову 1/13 декабря 1857 г. . . 288
123. А. И. Герцену 7 января н. ст. 1858 г. . . 292
124. Л. Н. Толстому 17/29 января 1858 г. . . . 294
125. Н. А. Некрасову 18/30 января 1858 г. . . . 297
126. Л. Н. Толстому 8 апреля н. ст. 1858 г. . . 299
127. А. И. Герцену 30 мая н. ст. 1858 г. . . . 301

128. А. Н. Апухтину 29 сентября 1858 г. . . . 302
129. И. А. Гончарову 7 апреля н. ст. 1859 г. . . 304
130. П. В. Анненкову 1/13 августа 1859 г. . . . 306
131. А. И. Герцену 16 сентября н. ст. 1859 г. . . 309
132. И. С. Аксакову 22 октября ст. ст. 1859 г. . 310
133. П. В. Анненкову 3/15 декабря 1859 г. . . 312
134. А. А. Фету 13—16 марта ст. ст. 1860 г. . . 313
135. А. А. Фету 16/28 июля 1860 г. 315
136. А. И. Герцену 6/18 сентября 1860 г. . . . 317
137. П. В. Анненкову 12 октября н. ст. 1860 г. . 318
138. Л. Н. Толстому 14/26 марта 1861 г. . . . 320
139. А. И. Герцену ⟨март 1861 г.⟩ 321
140. М. Н. Каткову 1/13 октября 1861 г. . . . 323
141. М. Н. Каткову 30 октября (11 ноября) 1861 г. 324
142. И. П. Борисову 11/23 декабря 1861 г. . . 325
143. П. В. Анненкову 11/23 декабря 1861 г. . . 327
144. Ф. М. Достоевскому 26 декабря 1861 г. (7 января 1862 г.) 329
145. А. А. Фету 4 февраля н. ст. 1862 г. . . . 330
146. Ф. М. Достоевскому 2/14 марта 1862 г. . . 333
147. Ф. М. Достоевскому 18/30 марта 1862 г. . 334
148. А. Н. Майкову 18/30 марта 1862 г. . . . 336
149. А. А. Фету 6/18 апреля 1862 г. 337
150. К. К. Случевскому 14/26 апреля 1862 г. . . 339
151. Ф. М. Достоевскому 4 мая н. ст. 1862 г. . 342
152. А. И. Герцену 28 апреля н. ст. 1862 г. . . 344
153. П. В. Анненкову 12 июля ст. ст. 1862 г. . 345
154. А. И. Герцену 27 августа н. ст. 1862 г. . . 347
155. И. П. Борисову 22 февраля (6 марта) 1863 г. 349
156. А. А. Фету 7/19 апреля 1863 г. 350
157. Е. Е. Ламберт 27 апреля (9 мая) 1863 г. . 352
158. А. А. Фету 25 января 1864 г. 353
159. И. П. Борисову 28 января (9 февраля) 1865 г. 355
160. И. П. Борисову 16/28 марта 1865 г. . . . 357
161. А. А. Фету 25 марта (6 апреля) 1866 г. . . 359
162. В. Ральстону 19 октября н. ст. 1866 г. . . 361
163. Полине Виардо 27 февраля (11 марта) 1867 г. 363
164. П. В. Анненкову 21 марта ст. ст. 1867 г. . 365
165. П. В. Анненкову 6 мая (24 апреля) 1867 г. 367
166. П. В. Анненкову 9/21 мая 1867 г. 369

167. Д. И. Писареву 10/22 мая 1867 г. 370
168. А. И. Герцену 22 мая н. ст. 1867 г. . . . 372
169. П. В. Анненкову 11/23 мая 1867 г. . . . 374
170. Д. И. Писареву 23 мая (4 июня) 1867 г. . 376
171. А. И. Герцену 23 мая (4 июня) 1867 г. . 378
172. П. В. Анненкову 26 ноября (8 декабря) 1867 г. 380
173. А. И. Герцену 12 декабря н. ст. 1867 г. . . 381
174. Я. П. Полонскому 2/14 января 1868 г. . . 383
175. П. В. Анненкову 14/26 февраля 1868 г. . . 385
176. И. П. Борисову 27 февраля (10 марта) 1868 г. 387
177. Я. П. Полонскому 31 марта (12 апреля) 1868 г. 388
178. П. В. Анненкову 13/25 апреля 1868 г. . . 390
179. Н. С. Тургеневу 16/28 июля 1868 г. . . . 392
180. А. Д. Вшивцову 2/14 октября 1868 г. . . . 394
181. Я. П. Полонскому 16/28 декабря 1868 г. . 395
182. П. В. Анненкову 12/24 января 1869 г. . . 397
183. П. В. Анненкову 13/25 января 1869 г. . . 398
184. А. А. Фету 13/25 января 1869 г. 400
185. А. Д. Вшивцову 29 января (10 февраля) 1869 г. 401
186. П. В. Анненкову 9/21 февраля 1869 г. . . 402
187. Я. П. Полонскому 20 февраля (4 марта) 1869 г. 404
188. П. В. Анненкову 24 февраля (8 марта) 1869 г. 406
189. Я. П. Полонскому 27 февраля (11 марта) 1869 г. 407
190. Н. А. Кишинскому 27 февраля (11 марта) 1869 г. 409
191. И. П. Борисову 14/26 апр<еля 18>69 г. . . 410
192. Я. П. Полонскому 16/28 апреля 1869 г. . . 412
193. П. В. Анненкову 24 октября (5 ноября) 1869 г. 414
194. Я. П. Полонскому 9/21 ноября 1869 г. . . 415
195. А. А. Фету 29 ноября (11 декабря) 1869 г. 416
196. П. В. Анненкову 4/16 декабря 1869 г. . . 419
197. П. В. Анненкову 20 декабря 1869 г. (1 января 1870 г.) 420

198. И. П. Борисову 24 декабря 1869 г. (5 января 1870 г.) 422
199. П. В. Анненкову 10/22 января 1870 г. . . 424
200. М. В. Авдееву 25 января н. ст. 1870 г. . . 426
201. И. П. Борисову 15/27 марта 1870 г. . . . 428
202. И. П. Борисову 24 августа н. ст. 1870 г. . . 430
203. П. В. Анненкову 18/30 октября 1870 г. . . 432
204. Я. П. Полонскому 27 октября (8 ноября) 1870 г. 433
205. М. Е. Салтыкову 30 ноября н. ст. 1870 г. . 435
206. А. А. Фету 6/18 августа 1871 г. 436
207. А. А. Фету 29 марта (10 апреля) 1872 г. . . 438
208. Г. Флоберу 26 июня ст. ст. 1872 г. . . . 440
209. Л. Пичу 27 июля н. ст. 1872 г. 441
210. П. В. Анненкову 25 октября (6 ноября) 1872 г. 443
211. С. К. Брюлловой 21 декабря 1872 г. (2 января 1873 г.) 445
212. М. Е. Салтыкову 9 апреля н. ст. 1873 г. . . 447
213. П. Л. Лаврову 28 июня н. ст. 1873 г. . . 448
214. П. Л. Лаврову 13 июля н. ст. 1873 г. . . 450
215. М. В. Авдееву 21 августа (2 сентября) 1873 г. 452
216. Я. П. Полонскому 13 января н. ст. 1874 г. 453
217. П. Л. Лаврову 21 февраля н. ст. 1874 г. . 455
218. А. А. Фету 4/16 марта 1874 г. 455
219. Жорж Санд 15 апреля н. ст. 1874 г. . . . 457
220. А. Н. Островскому 6 июня ст. ст. 1874 г. . 458
221. С. А. Венгерову 19 июня ст. ст. 1874 г. . . 459
222. А. П. Философовой 18/30 августа 1874 г. 461
223. А. П. Философовой 11/23 сентября 1874 г. . 465
224. А. А. Фету 27 сентября (9 октября) 1874 г. 467
225. П. Л. Лаврову 5 декабря н. ст. 1874 г. . . 469
226. А. А. Фету 29 ноября (10 декабря) 1874 г. 470
227. А. С. Суворину 14 февраля н. ст. 1875 г. . 471
228. Г. Н. Вырубову 17 февраля н. ст. 1875 г. . 474
229. М. А. Милютиной 22 февраля н. ст. 1875 г. 475
230. А. С. Суворину 14 марта н. ст. 1875 г. . . 476
231. П. Л. Лаврову 9 апреля н. ст. 1875 г. . . 478
232. М. Е. Салтыкову 28 октября н. ст. 1875 г. 479
233. М. Е. Салтыкову 25 ноября н. ст. 1875 г. . 481
234. П. Бессонову 21 ноября (3 декабря) 1875 г. 483
235. М. Е. Салтыкову 3 января н. ст. 1876 г. . 484

236. М. Е. Салтыкову 19 января н. ст. 1876 г. . 486
237. Ю. П. Вревской 10/22 марта 1876 г. . . . 488
238. А. С. Суворину 9 июня ст. ст. 1876 г. . . 489
239. В. Л. Кигну 16 июня ст. ст. 1876 г. . . . 492
240. М. М. Стасюлевичу 7 августа н. ст. 1876 г. 493
241. М. М. Стасюлевичу 25 ноября (6 декабря) 1876 г. 494
242. Г. Флоберу 9/21 декабря 1876 г. 495
243. К. Д. Кавелину 17/29 декабря 1876 г. . . 497
244. Я. П. Полонскому 30 декабря н. ст. 1876 г. 499
245. М. М. Стасюлевичу 22 декабря 1876 г. (3 января 1877 г.) 501
246. С. К. Брюлловой 4/16 января 1877 г. . . . 503
247. Я. П. Полонскому 22 января н. ст. 1877 г. . 505
248. Ю. П. Вревской 18/30 января 1877 г. . . 506
249. М. М. Стасюлевичу 27 февраля (11 марта) 1877 г. 508
250. Ю. П. Вревской 1/13 марта 1877 г. . . . 510
251. А. М. Жемчужникову 5/17 марта 1877 г. . 512
252. Я. П. Полонскому 7 апреля н. ст. 1877 г. . 514
253. Ф. М. Достоевскому 28 марта (9 апреля) 1877 г. 515
254. А. Доде 12/24 мая 1877 г. 516
255. Ю. П. Вревской 12/24 мая 1877 г. 517
256. Е. В. А. 15/27 ноября 1877 г. 519
257. Ж. Валлесу 14 декабря н. ст. 1877 г. . . . 520
258. М. П. Драгоманову 19 декабря н. ст. 1877 г. 521
259. Л. Я. Стечькиной 25 апреля (7 мая) 1878 г. 523
260. М. М. Стасюлевичу 8/20 мая 1878 г. . . . 526
261. Л. Н. Толстому 1/13 октября ⟨1878 г.⟩ . . 528
262. Л. Н. Толстому 15/27 ноября 1878 г. . . . 529
263. Е. В. А. 14/26 декабря 1878 г. 531
264. М. М. Стасюлевичу 16/28 декабря 1878 г. . 533
265. П. В. Анненкову 24 января н. ст. 1879 г. . 534
266. Г. Флоберу ⟨13 февраля н. ст. 1879 г.⟩ . . 536
267. П. В. Анненкову 27 октября (8 ноября) 1879 г. 538
268. Л. Пичу 8 декабря н. ст. 1879 г. 540
269. Л. Н. Толстому 12/24 января 1880 г. . . . 541
270. М. О. Ашкинази 29 января 1880 г. 543
271. М. М. Стасюлевичу 8 мая ст. ст. 1880 г. . 544

272. В. М. Гаршину 14 июня ст. ст. 1880 г. . . 546
273. П. В. Анненкову 1/13 октября 1880 г. . . . 547
274. Л. Пичу 21 ноября н. ст. 1880 г. 549
275. Е. И. Рагозину 18/30 ноября 1880 г. . . . 550
276. П. В. Анненкову 4 февраля н. ст. 1881 г. . 551
277. П. В. Анненкову 1 января н. ст. 1882 г. . 552
278. В. Н. Давыдову 1 февраля н. ст. 1882 г. . 553
279. Я. П. Полонскому 30 мая н. ст. 1882 г. . . 554
280. Крестьянам села Спасского-Лутовинова 4 сентября н. ст. 1882 г. 555
281. В. М. Гаршину 3/15 сентября 1882 г. . . 556
282. Л. Н. Толстому 4/16 сентября 1882 г. . . 557
283. М. Е. Салтыкову 24 сентября н. ст. 1882 г. 559
284. М. М. Стасюлевичу 29 сентября (11 октября) 1882 г. 561
285. П. И. Вейнбергу 22 октября н. ст. 1882 г. . 562
286. М. Е. Салтыкову 31 октября н. ст. 1882 г. 563
287. Л. Н. Толстому 19/31 октября 1882 г. . . 564
288. М. М. Стасюлевичу 12/24 ноября 1882 г. . 566
289. Сиднею Джеррольду 2 декабря н. ст. 1882 г. 567
290. Д. В. Григоровичу 3/15 декабря 1882 г. . . 568
291. И. Н. Крамскому 6 декабря н. ст. 1882 г. . 570
292. С. А. Юрьеву 14 декабря н. ст. 1882 г. . . 573
293. Л. Н. Толстому 15/27 дек⟨абря 18⟩82 г. . 574
294. П. Л. Лаврову 27 декабря н. ст. 1882 г. . 576
295. Л. Ф. Ломовской 20 января (1 февраля) 1883 г. 577
296. Д. В. Григоровичу 1 февраля н. ст. 1883 г. 578
297. Л. Н. Толстому ⟨конец июня 1883 г. ст. ст.⟩ 580

Указатель имен к X—XII томам 581
Алфавитный указатель произведений, вошедших в данное собрание сочинений 673

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
		Том 1	
70	6 сн.	не верить	верить
		Том 4	
12	3 сн.	землям	землякам
16	19 св.	зубы	губы
66	5 сн.	folliculaire	un folliculaire
163	9 св.	скука!	скука?
		Том 8	
316	12 св.	будут	буду
402	20 сн.	друг	вдруг
468	11 сн.	попадаешь	попадешь
473	18 сн.	Зачуяв	Зачуя
563	16 св.	повести	о повести
591	18 сн.	на слова Гейне	на слова Гете
591	5—6 сн.	название пьесы вымышленное	Речь идет о роли Груни в пьесе Островского «Не так живи, как хочется».
		Том 9	
535	10 св.	еще уже	уже
580	11 св.	поднимаю	на смех поднимаю

Том 10

21	3 сн.	хозяйской	барскою

Том 11

490	15 сн.	«С того берега»	«Письма из Франции и Италии»
491	2 св.	«С того берега»	«Письма из Франции и Италии»
493	10 сн.	«С того берега»	«Письма из Франции и Италии»

Том 12

29	1 св.	ais	als
30	7 сн.	Клюшков	Клюшников
38	5 св.	т. 11	т. 10
75	1 сн.	т. 11	т. 10
110	13 сн.	в Москве *	в Москве [6]
180	18 св.	о Карлейле	о Карлейле [8]
187	15 св.	прим. 9	прим. 10
390	8 сн.	«Старинные портреты»	«Старые портреты»
461	15 сн.	А. Н. Философовой	А. П. Философовой

Иван Сергеевич Тургенев
Собрание сочинений, т. 12

Редактор В. Фридлянд
Оформление художника Н. Ильина
Технический редактор В. Гриненко
Корректор Л. Петрова

*

Сдано в набор 13/IX 1957 г. Подписано к печати 14/II 1958 г. Бумага 84 × 108¹/₃₂ — 21,75 печ. л. = 35,7 усл. печ. л. 35,1 уч.-изд. л. Тираж 300 000. Цена 10 р. Заказ № 874

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.